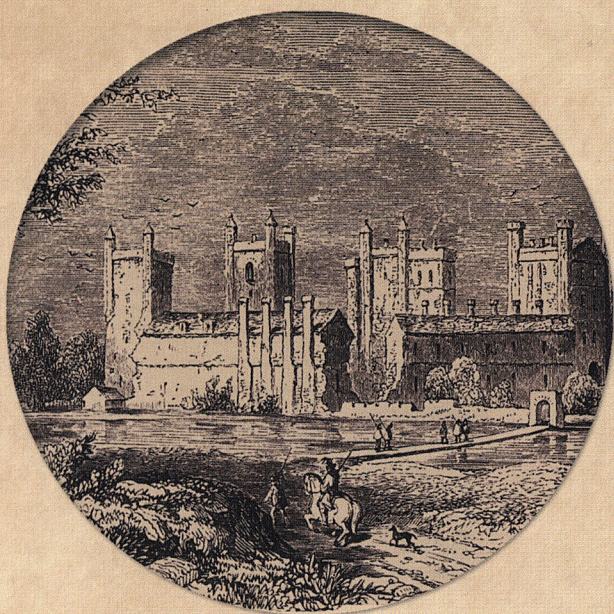

ЭДУАРД ГАЙД
ЛОРД КЛАРЕНДОН

ИСТОРИЯ
ВЕЛИКОГО
МЯТЕЖА
II

**Эдуард Гайд,
лорд Кларендон**

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО МЯТЕЖА

В двух томах

ТОМ II

Санкт-Петербург

2019

УДК 94(410)
ББК 63.3(0)51
Г14

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Т. Л. Лабутина*
(Институт всеобщей истории Российской академии наук);
доктор исторических наук, профессор *А. Б. Соколов*
(Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета*

Гайд, Эдуард, лорд Кларендон
Г14 История Великого мятежа : в 2 т. / Эдуард Гайд, лорд Кларендон ; [пер. на рус. яз. А. А. Васильева, С. Е. Федорова ; примеч. А. А. Паламарчук, Е. А. Терентьевой ; под общ. ред. С. Е. Федорова]. — Т. II. — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. — 464 с.

ISBN 978-5-86007-900-7

ISBN 978-5-86007-902-1 (т. 2)

Издание представляет собой первый русский перевод «Истории Великого мятежа» Эдуарда Гаيدا, лорда Кларендона (книги VI—XI), охватывающий период от начала Первой гражданской войны (1642) до окончания Второй гражданской войны и последовавшей за ней казнью Карла I Стюарта в январе 1649 года. Издание снабжено расширенными указателями, разъясняющими встречающиеся в тексте перевода специальные термины и обозначения; даны биографии основных политических и религиозных деятелей, разъяснены географические названия.

Издание рассчитано на историков — специалистов по истории раннего Нового времени, философов, филологов и политологов, а также широкий круг читателей, интересующихся историей Английской революции середины XVII века.

УДК 94(410)
ББК 63.3(0)51

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

ISBN 978-5-86007-902-1 (т. 2)
ISBN 978-5-86007-900-7

© Васильев А. А., Федоров С. Е.,
перевод на русский язык, СПбГУ, 2019
© Паламарчук А. А., Терентьева Е. А.,
примечания, СПбГУ, 2019
© Бакланова А. П., дизайн обложки, 2019
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2019

Edward Hyde, lord Clarendon

**HISTORY
OF THE GREAT
REBELLION**

In two volumes

VOLUME II

Saint Petersburg

2019

Hyde, Edward, lord Clarendon

History of the Great Rebellion : in 2 vols. / Edward Hyde, lord Clarendon ; [transl. by A. A. Vasilyev, S. E. Fyodorov ; comment. by A. A. Palamarchuk, E. A. Terenteva ; ed. by S. E. Fyodorov]. — Vol. II. — SPb. : DMITRII BULANIN, 2019. — 464 p.

ISBN 978-5-86007-900-7

ISBN 978-5-86007-902-1 (vol. 2)

The present edition is a first Russian translation of Edward Hyde, lord Clarendon's «History of the Great Rebellion» (books VI—XII) which covers the period from the beginning of the First civil war (1642) to the end of the Second civil war followed by the execution of Charles I in January 1649. Edition is accompanied by indexes containing explanation of the major special term in the text of translation, brief biographical accounts for major political and religious personalities and extended geographical index.

The present edition is aimed at the Early Modern historians, experts in philosophy, philology and politics, and also general public interested in events of mid-seventeenth century English revolution.

All right reserved. Any part of the book is not allowed to be reproduced without written permission of the owner in any form and by any mean including photocopying, displaying in Internet or distributing on the magnet porters. Citing without mention of the source is prohibited. Anybody breaking the rules would be made responsible in due order according to the laws of Russian Federation.

ISBN 978-5-86007-902-1 (vol. 2)

ISBN 978-5-86007-900-7

© Vasilyev A. A., Fyodorov S. E., translation into Russian, SPbSU, 2019

© Palamarchuk A. A., Terenteva E. A., comments, SPbSU, 2019

© Baklanova A. P., cover design, 2019

© DMITRII BULANIN, Ltd, 2019

КНИГА ІХ

Глава XVIII

(1645)

✂ Мы приближаемся к тому времени, описание коего не может понравиться читателю — ведь о слабостях и безрассудствах одной стороны ему предстоит теперь узнать ничуть не меньше, чем о злобе и порочности другой — и станет тяжелой и неблагодарной задачей для автора — ведь он должен будет дать суровую и нелицеприятную оценку характерам и поступкам самых разных людей: как тех, кто, чуждый мыслей об измене, желал королю всяческого блага, так и тех, кто с неистовым упорством стремился погубить и уничтожить корону. Именно тогда первоначальный запас любви, верности и мужества, побуждавших людей к борьбе, совершенно, по-видимому, истощился, и на смену им пришли нерадивость, лень и уныние; именно тогда особы, более других выставлявшие себя ревнителями общего блага и в самом деле желавшие, чтобы король сохранил всю свою власть, в конце концов пожертвовали благополучием государства и безопасностью государя собственным амбициям, страстям и обидам, а неблагоразумие и откровенная глупость людей, нимало не помышлявших о предательстве, причинили больше ущерба, чем это могли бы сделать прямое злодейство и преступление; именно тогда от собственной нерешительности и непостоянства, от несогласий и раздоров своих советников, неспособных предвидеть очевидное для остальных, страшившихся того, что не могло произойти, порой слишком долго размышлявших, прежде чем на что-либо решиться, а еще чаще принимавших решение без всякого обдумывания, и наконец, самое главное — никогда не осуществлявших с должной энергией того, что уже было обдумано и решено, — от всего этого король пострадал не меньше, чем от неутомимого усердия и непреодолимой мощи своих врагов.

Обо всем этом я и намерен рассказать со всевозможной обстоятельностью, честно и беспристрастно, чтобы читатель, ошеломленный великим множеством удивительных событий 1645 года и их прискорбными последствиями, не счел их причиной всеобщую нравственную порчу, будто бы поразившую английский народ, и не возложил вину на наш век (который произвел ничуть не меньше людей, беззаветно преданных короне, чем любая прежняя эпоха), но ясно понял, что все эти бедствия происходили единственно лишь из безрассудства, дерзости, слабости,

упрямства или гордыни определенных лиц. Равным образом, повествуя об этих событиях с подробностью, необходимой для верного их уразумения, невозможно будет избежать суждений о самом короле, которые, по-видимому, заставят иных усомниться в его мудрости и твердости, как если бы Его Величеству не хватило первой, чтобы предвидеть, а второй — чтобы предотвратить грозившие ему бедствия. Обескураженный и уstraшенный подобными мыслями, я мог бы отказаться от должной свободы и откровенности при написании настоящей части моей Истории, удовлетвориться простым изложением случившегося и, не пытаясь найти подлинные причины тогдашних событий, представить их делом Промысла и следствием Божьего гнева — вместо того, чтобы показать, каким образом к этим последствиям привели слабости и ошибки людей, которых всемогущий Господь отнюдь не отдавал в полную волю их собственным беспорядочным страстям и безрассудным помышлениям.

Но я уже слишком далеко зашел в открытое море и до сих пор слишком чистосердечно повествовал о лицах и событиях, чтобы убояться теперь откровенного рассказа о том, что случилось в 1645 году. Я чувствую себя свободным от страстей, обыкновенно внушающих людям предубеждение против тех, о ком им приходится упоминать и чьи поступки они вольны судить. К особам, сыгравшим тогда самую скверную роль, я не питаю личной вражды и не испытываю ни малейшего недоброжелательства; напротив, многие лица, совершившие в ту пору самые прискорбные ошибки, были и остались моими друзьями, и впоследствии я никогда им не льстил, пытаясь извинить их прежние промахи и заблуждения. Непосредственный свидетель большей части того, о чем пойдет далее речь, я могу поручиться за истинность своих слов; о других же важных событиях, происходивших вдали от меня, я получал точные сведения из дневников и меморандумов Его Величества — даже тогда, когда король находился во власти врагов. Неизменно строгий и требовательный к себе, король не мог не понимать, что многие тогдашние несчастья впоследствии будут объяснять не только грубыми заблуждениями (чтобы не сказать хуже) людей, пользовавшихся его полным доверием, но и недостатком решительности в нем самом. А потому, приступая к этой части моего труда (предпринятого с одобрения и в защиту Его Величества), я хочу сделать очевидным для всего света, что из отчаянного положения, в котором оказался король, едва ли вообще существовал какой-либо выход, а с теми людьми и средствами, на которые он — с полным основанием — возлагал свои надежды, при сложившихся тогда обстоятельствах было, пожалуй, невозможно добиться большего успеха. Не отрицая его слабостей и ошибок, я рассчитываю показать, что

этот государь отличался не только благочестием и добродетельностью, но и большим здравомыслием, а величайшие его неудачи объяснялись как раз тем, что, по природной своей скромности, он недостаточно доверял собственному разуму и часто следовал советам людей гораздо менее умных и проницательных, чем он сам.

Возвращаюсь к нашему повествованию. >

Несмотря на все надежды на то, что Ордонанс о самоотречении, прошедший после продолжительных споров через Палату общин, будет отклонен и отвергнут пэрами (и граф Эссекс таким образом останется главнокомандующим), прения по поводу Ордонанса отняли у Верхней палаты немного времени. Из Шотландии прибыл маркиз Аргайл; теперь он заседал в комитете вместе с комиссарами от этого королевства и оказывал на них большое влияние. В религиозных и церковных делах он был чистым пресвитерианином, но в вопросах государственных и военных выступал как совершеннейший индипендент. Самая мысль о мире и о сохранении за королем действительной власти была ему ненавистна, а к особе Его Величества, коему он был обязан величайшими милостями, маркиз питал глубоко укоренившуюся неприязнь. Аргайл успел крепко подружиться с сэром Генри Веном во время пребывания того в Шотландии, ведь каждому из них пришлось по вкусу политические принципы другого. С появлением же маркиза в Лондоне шотландские комиссары с меньшим, чем прежде, пылом противились ордонансу и планам преобразования армии, так что ордонанс о самоотречении — хотя он подразумевал отставку графа Эссекса, графа Манчестера, графа Уорвика и графа Денби (чьи влияние и авторитет, точнее, влияние, репутация и авторитет первых трех с самого начала войны управляли и руководили Верхней палатой) и лишение пэров права занимать какие-либо военные и гражданские должности — будучи передан в Палату пэров, встретил там весьма слабое сопротивление, а прежний довод (Палата общин сочла эту меру необходимой, и несогласие с ней обернется самыми пагубными последствиями) снова возымел действие.

Ордонанс прошел Палату пэров, и теперь графу Эссексу не оставалось ничего другого, как возратить свой патент на звание главнокомандующего Парламенту, от которого он его некогда получил — каковое действие сочли нужным произвести с той же торжественностью, что и облечение графа соответствующими полномочиями несколькими годами ранее. Новым же главнокомандующим назначили и объявили Ферфакса, хотя граф Эссекс не

спешил подавать в отставку, так что иные даже вообразили, будто он готов оспаривать решение Палат. Эссекс, однако, был неспособен на столь смелые действия, а к тому же всерьез полагал, что Парламенту еще понадобятся его услуги; единственной же причиной промедления с отставкой было желание графа получить точные сведения о всех необходимых формальностях этого акта. В конце концов решили, что он возвратит свой патент на совместной конференции Палат в Расписной палате, что и было им выполнено. Не обладая даром устного красноречия, он предпочел сделать это в письменной форме и вручил Палатам бумагу, в которой объявил, что служил им верно и преданно, часто рисковал ради них жизнью и готов был сложить голову у них на службе; но поскольку Парламент теперь решил, что с теми делами, которые он намерен совершить в будущем, лучше справится какой-то другой человек, то он, Эссекс, повинуется воле Палат и возвращает им свой патент. Завершалась же эта бумага словами, из коих явствовало, что граф недоволен тем, как с ним обошлись, и не считает, что эта перемена принесет Палатам пользу. Затем Эссекс покинул Парламент и отправился к себе домой — куда на другой день явились обе Палаты, дабы в самых лестных и восторженных выражениях, какие они только могли придумать, засвидетельствовать графу свою признательность и выразить благодарность за великие услуги, оказанные им королевству.

Согласно Ордонансу о самоотречении, вместе с графом Эссексом лишались своих постов граф Манчестер, сэр Уильям Уоллер, граф Денби и генерал-майор Масси; отрешению от прежней должности подлежал, разумеется, и Кромвель. Но тотчас же по принятии Ордонанса и еще до отставки Эссекса заправлявшая в Парламенте партия добилась того, что Кромвеля во главе кавалерийского полка отправили на запад деблокировать Таунтон — с тем, чтобы он находился в отсутствии в тот самый момент, когда прочие офицеры будут возвращать Палатам свои патенты. Приказ этот был сразу же исполнен, после чего вышло еще одно распоряжение, согласно которому новый главнокомандующий должен был послать с отрядом на запад другого офицера, а Кромвель — явиться в Парламент к точно установленному дню. Затем был назначен общий сбор армии, дабы главнокомандующий устроил смотр войскам и назначил новых офицеров вместо тех, кто лишился своих постов в соответствии с Ордонансом или не пожелал служить в армии Нового образца (а таких среди лучших командиров оказалось немало). С этого сбора

главнокомандующий отправил письмо Парламенту с просьбой разрешить генерал-лейтенанту Кромвелю остаться при нем еще на несколько дней и ввести его в курс дел, без чего он, Ферфакс, просто не сможет выполнить возложенные на него задачи. Желание это казалось весьма разумным, и поскольку речь шла о чрезвычайно кратком сроке, оно не встретило особых возражений. Но уже вскоре от главнокомандующего пришло еще одно письмо, с настойчивым требованием оставить Кромвеля на службе вплоть до завершения кампании. Так индипенденты с полным успехом осуществили свой замысел, избавившись от всех тех, чьи взгляды и симпатии не совпадали с их собственными, и сохранив пост за Кромвелем — который, действуя именем Ферфакса, преобразовал армию, назначил офицеров, известных лишь ему и никому другому, и, как это вскоре станет совершенно очевидным, управлял отныне всеми военными делами, о чем мы еще расскажем более обстоятельно и пространно.

Хотя принятие Ордонанса о самоотречении и последующая реформа армии, потребовавшие немало времени, чрезвычайно замедлили подготовку неприятеля к открытию кампании, и король таким образом получил более продолжительную передышку, чем мог рассчитывать, однако все надежды на пополнение войск к началу военных действий зависели от усердия тех, кому был поручен набор солдат, так что нам не представится особых поводов упоминать о происходившем в Оксфорде до того момента, когда время года вынудило Его Величество покинуть этот город и выступить с армией в поход. А до той поры ареной всех событий служил запад, где принц Уэльский, едва прибыв в Бристоль, обнаружил, что его ожидает гораздо больше дел (от участия в коих он просто не сможет уклониться), чем думали прежде. Одной из важных целей приезда принца на запад (помимо другой, важнейшей и уже упомянутой выше) было, опираясь на его власть и авторитет и пользуясь его личным присутствием, уладить ссоры и устранить несогласия между знатными и влиятельными особами в тех краях (равно преданными королю, но причинявшими его интересам немалый ущерб прискорбными своими распрями и раздорами) и объединить усилия всех сторонников Его Величества в борьбе за общее дело, от успехов и торжества коего всецело зависели благополучие и безопасность каждого из них. Для достижения этой цели требовалось (помимо непосредственного участия принца и всяческой поддержки с его стороны), чтобы окружавшие его люди, коим было поручено ведение этих дел, выказывали величайшее усердие

и действовали чрезвычайно умело. Но уже вскоре Его Высочество столкнулся с иной, совершенно неожиданной задачей и обнаружил, что ему предстоит бороться со злом гораздо более трудноискоренимым, которое, если вовремя с ним не покончить, неизбежно повлечет за собой куда более прискорбные последствия, нежели зло, упомянутое выше. Я веду речь о честолюбии, соперничестве и взаимной зависти армейских офицеров, из-за чего их войска забыли о всякой дисциплине, а жители тех краев страдали от грабежей и насилий, как будто оказались под властью неприятеля — и это в то самое время, когда в западных графствах со дня на день ожидали вражеского вторжения. Чтобы лучше это все понять, нам необходимо будет предварить дальнейший рассказ точным описанием состояния западных графств к моменту прибытия в Бристоль принца Уэльского.

Еще до отъезда принца на запад Его Величество отправил в Гемпшир лорда Горинга, выделив ему, по его же просьбе и для осуществления его собственного плана, отряд пехоты, кавалерии и драгун с пушками. Из Гемпшира Горинг замышлял двинуться в Сассекс, где, как он уверял, многие благонамеренные особы, с которыми он имел тесные сношения, обещали подняться и выступить за короля; такое же восстание, утверждал Горинг, произойдет в Кенте. В итоге он был назначен генерал-лейтенантом Гемпшира, Сассекса, Суррея и Кента; при этом король вовсе не желал, чтобы Горинг находился рядом с принцем, и даже не мог себе представить, что такое окажется возможным. Вначале Горинг попытался взять Крайстчерч, неукрепленный рыбацкий городок в Гемпшире, но был отбит с уроном и отступил к Солсбери, где его кавалеристы, не разбирая друзей и врагов, принялись творить те же самые бесчинства, какими они уже отличились в Гемпшире, так что этот край, прежде хранивший верность королю, а ныне истерзанный насилиями Горинга, с радостью встретил бы любую армию, которая избавила бы его от этих страданий. Пока лорд Горинг без всякой пользы стоял в тех местах, мимо него, не встретив ни малейшего противодействия, проследовал отряд кавалерии и драгун под началом немца Вандруска — он шел деблокировать Таунтон (осажденный полковником Уайндемом и находившийся в довольно тяжелом положении) и с успехом выполнил свою задачу. Примерно тогда же сэр Уильям Гастингс, комендант Портленда, с помощью сэра Уильяма Дайвса, командовавшего в Дорсетшире в должности генерал-лейтенанта, внезапным ударом взял Уэймут и захватил форты вместе с верхним

городом; мятежники отступили в нижний город, отделенный от верхнего морским заливом и не имевший ни крупного гарнизона, ни сильных укреплений, почему им и рассчитывали овладеть скоро и без труда. Но для того, чтобы вражеские войска, освободившие от осады Таунтон (а их полагали гораздо более многочисленными, чем они были в действительности), не смогли помешать полному захвату Уэймута, и чтобы поскорее это дело завершить, туда по приказу из Оксфорда послали лорда Горинга — который сам того пожелал, ибо его друзья в Сассексе и Кенте, как он теперь заявлял, оказались не готовы к выступлению. Посредством этой меры надеялись быстро справиться с врагом как в Уэймуте, так и в Таунтоне. В итоге лорд Гоптон — а именно ему как фельдмаршалу Запада по праву принадлежало командование в этих графствах, куда он был отправлен королем для наведения порядка и улаживания раздоров — был особым приказом отозван в Бристоль, во избежание споров о старшинстве между ним и лордом Горингом, ведь один из них был генералом артиллерии, а другой — кавалерийским генералом, однако Гоптон являлся еще и фельдмаршалом Запада, где лорд Горинг никаких полномочий не имел.

Вскоре по прибытии к Уэймуту лорда Горинга с отрядом в три тысячи кавалеристов, полторы тысячи пехотинцев (не считая тех, кто его там встретил), драгунами и артиллерией из-за чьей-то вопиющей нерадивости и бездеятельности (чтобы не сказать хуже) этот чрезвычайно важный пункт вновь оказался в руках той самой жалкой горстки неприятелей, которых совсем недавно выбили из верхнего города в нижний и на которых смотрели уже как на пленников, находящихся по существу в полной власти осаждающих. Тайну этой роковой неудачи никогда не пытались раскрыть, но глас народный прямо и решительно возложил вину за случившееся на недостаток бдительности, свойственный генералу Горингу, который со всем своим воинством удалился после этого в Сомерсетшир. Прибыв в Бристоль, Его Высочество нашел запад в следующем положении: мятежники полностью овладели Дорсетширом, за исключением того, что мог защитить своим маленьким шерборнским гарнизоном сэр Льюис Дайвс, а также острова Портленд, не способного обеспечить себя продовольствием; гарнизон Таунтона, вместе с освободившим его от осады отрядом кавалерии и драгун, держал в подчинении обширную соседнюю область и беспокоил другие части Сомерсетшира; Девоншир, всецело занятый блокадой Плимута, был открыт с одной стороны вылазкам из Лайма, а с другой

подвергался нападениям из Таунтона; королевским гарнизонам во всех трех графствах при отражении вражеского удара пришлось бы полагаться скорее на мощь укреплений (строительство коих, впрочем, нигде еще не было завершено, а в некоторых местах едва началось), нежели на число солдат и наличие необходимых запасов — а в это самое время войска лорда Горинга, не предпринимая никаких действий против мятежников, подвергали неслыханным грабежам границы Дорсета, Сомерсета и Девона. Правда, Корнуолл полностью находился во власти короля, но поскольку все его силы предназначались для блокады Плимута, он уже не мог ни послать подкрепления для какого-либо другого предприятия, ни должным образом подготовить собственные гарнизоны к защите от вражеского вторжения.

Около этого времени сэр Уильям Уоллер и Кромвель вместе выступили на запад и, проходя через Уилтшир, разгромили и пленили целый кавалерийский полк полковника Лонга, уилтширского шерифа, выказавшего в этом деле прискорбный недостаток мужества и воинского искусства; после чего, как можно было подумать, Уоллер и Кромвель вознамерились атаковать генерала Горинга, который был настолько встревожен доносившимся издали шумом, что отвел свои войска на запад от Таунтона — и так далеко на запад, что Вандруск сумел спокойно уйти восвояси во главе отряда кавалеристов и драгун, с которым он несколько ранее деблокировал Таунтон. Пока королевские войска бездействовали на границах Девоншира, сам лорд Горинг и почти все его старшие офицеры воспользовались возможностью как следует отдохнуть в Эксетере, где несколько дней подряд предавались возмутительному разгулу; кавалерия же Горинга, жившая по большей части вольным постоем, грабила местность вплоть до самых ворот Эксетера, и народ уже в начале года смог получить зловещее предзнаменование того, чего ему следует ожидать в будущем. Убедившись, однако, что сэр Уильям Уоллер, вопреки его прежним опасениям, на запад не спешит, и, прихватив с собой всю кавалерию и пехоту, какую только можно было взять из эксетерского гарнизона, Горинг возвратился к Таунтону и представил Его Высочеству отчет о своих действиях.

Между тем принц Уэльский, приняв в Бристоле сомерсетширских комиссаров, обнаружил, что они так ничего и не сделали, не исполнив ни одного из обещаний, данных ими в Оксфорде. Из кавалерийской и пехотной гвардии принца — а комиссары уверяли,

что приходявшаяся на их графство часть этого отряда будет готова к моменту его прибытия — не имелось в наличии ни единого солдата и ни одной лошади. Из денежных сумм, которые полагалось выделить на содержание Его Высочества (из расчета 100 фунтов в неделю) не поступило ни единого пенни, и так далее. В итоге принц, чтобы покупать себе хлеб, принужден был брать деньги взаймы у лорда Гоптона. И, что еще хуже, мы теперь ясно поняли, что за всем тем, что нам столь обстоятельно описывали и так твердо гарантировали в Оксфорде, стоят по существу лишь несколько человек, руководимых сэром Джоном Стоуэллом и м-ром Фаунтейном, но не пользующихся поддержкой остальных комиссаров Сомерсетшира или какого-либо другого из трех ассоциированных графств; и что люди, прежде столь самоуверенные в своих замыслах, не строят и не осуществляют действительных планов по набору людей и поиску денежных средств, но занимаются лишь тем, что выдвигают всевозможные возражения, выражают недовольство, враждуют между собой и сводят личные счеты. Каждый день они являлись с жалобами на того или иного начальника гарнизона; на дерзости и бесчинства солдат лорда Горинга; на то, что людей, живущих по соседству с Шерборном и Бриджуотером, заставляют работать на строительстве укреплений, и на многие другие вещи, в тогдашних обстоятельствах — и это отлично понимали сами жалобщики — по большей части попросту неизбежные, а порой и совершенно необходимые. Принц, однако, всячески пытался поддержать и ободрить этих людей; он говорил им, что все те безобразия, на которые они жалуются, его глубоко возмущают и он непременно с ними покончит, как только это будет в его силах; что войска лорда Горинга представляют собой отдельную армию, которая пришла в эти края прежде, чем прибыл сюда он, принц, и находится здесь для защиты их от Уоллера (уже готового вторгнуться в западные графства) и от таунтонского гарнизона, опустошающего, как это признают и сами жалобщики, весь Сомерсетшир; что ему самому очень хочется, чтобы армия Горинга, как только западные графства окажутся в состоянии обезопасить себя от врага собственными силами, поскорее ушла на восток; он просил растолковать ему, каким образом можно было бы завершить строительство городских укреплений, не прибегая к чрезвычайным мерам, то есть без привлечения местных жителей, и указать наиболее подходящий способ, изъявляя полную готовность поддержать их предложения; наконец, он призывал их продолжать набор людей и сбор денег в согласии с их собственными

планами, обещая им всяческую помощь и содействие со своей стороны. Но как бы ни поступал и что бы ни говорил принц, комиссары ни с чем не соглашались, а сами не выдвигали никаких разумных предложений, способных послужить успеху общего дела.

Несколько ранее сэр Уильям Уоллер подошел со своими кавалеристами и драгунами к Бату, надеясь затем (как уже говорилось выше) неожиданно захватить Бристоль, воспользовавшись изменой в самом городе; но его расчеты не оправдались, и теперь, то есть в конце марта, он отступил в прилегавшие к графству Сомерсет области Дорсетшира, где его поджидал Кромвель; между тем лорд Горинг внезапно атаковал один из отрядов Кромвеля, квартировавший близ Дорчестера, захватил пленных и лошадей, а прочих неприятелей рассеял. Из-за раздоров с Уоллером (или выполняя приказ) Кромвель отступил к Ридингу на соединение с сэром Томасом Ферфаксом; сэр же Уильям остался в тех краях с намерением продолжить действия на западе, но наступать не спешил, ожидая подкрепления пехотой, которое ему должны были доставить морем в Уэймут. Лорд Горинг отошел к Бату и дал знать принцу, что хотел бы на следующий день встретиться в Уэллсе с двумя членами его совета, дабы сообща избрать наилучший образ действий. Соответственно, лорды Кейпл и Колпеппер прибыли на другой день к его светлости в Уэллс, где, после долгого обсуждения состояния западных графств в целом и признания огромной важности скорейшего взятия Таунтона (без чего от Сомерсетшира не будет большой пользы), лорд Горинг выдвинул и собственноручно письменно изложил свой замысел, указав во всех подробностях цели и предполагаемый порядок своих действий. Большую часть кавалерии, вместе с двумя сотнями посаженных на лошадей пехотинцев, он намеревался оставить в удобном месте у границ Дорсетшира и Уилтшира, откуда, если бы неприятель предпринял против них мощное и энергичное наступление, они могли бы отойти к главным силам; сам же Горинг, со всей пехотой, артиллерией и той частью кавалерии, которая окажется необходимой, должен был захватить или сжечь Таунтон. Чтобы обеспечить осуществление этого плана, Горинг просил Его Высочество отправить категорический приказ сэру Ричарду Гренвиллу (который, несмотря на уже посланные ему принцем распоряжения, а также приказания самого короля, не обнаружил в своих действиях той быстроты, какую можно было с основанием ожидать) выступить в поход самому и обязать сомерсетширских комиссаров лично участвовать в этом предприятии,

а пока — позаботиться о создании достаточных запасов провианта для солдат. Узнав о желаниях генерала Горинга, Его Высочество уже на другой день в точности их все исполнил.

Однако несколько дней спустя, еще до того, как таунтонское предприятие удалось подготовить вполне, стали одно за другим приходить известия о приближении Уоллера с крупными силами кавалерии и драгун и отрядом пехоты; по этой причине план взятия Таунтона был на время отложен, а лорд Горинг настойчиво попросил принца отдать приказ сэру Ричарду Гренвиллу (который, имея 800 кавалеристов и более 2000 пехотинцев, не считая саперов, уже подошел к Таунтону) как можно скорее идти на соединение с ним, Горингом, дабы он мог затем либо спокойно ожидать неприятеля, если тот решится атаковать, либо принудить неприятеля к сражению, если тот предпочтет остаться на прежнем месте, т.е. в укрепленных лагерях близ Шефтсбери и Гиллингема. Соответственно, принц послал Гренвиллу прямой приказ выступить на соединение с лордом Горингом и в дальнейшем повиноваться всем распоряжениям его светлости. Однако сэр Ричард столь же прямо и недвусмысленно известил принца, что его солдаты не двинутся с места; что сам он твердо обещал девонширским и корнуолльским комиссарам не идти дальше Таунтона до взятия этого последнего; но если ему, Гренвиллу, не будут мешать, то уже вскоре он, вне всякого сомнения, сможет доложить о захвате города. Между тем лорд Горинг в течение недели произвел две чрезвычайно доблестные и удачные ночные атаки на лагерь сэра Уильяма, перебив и взяв в плен столько неприятельских солдат, что армия Уоллера после этих стычек уменьшилась, по общему мнению, почти на тысячу человек. Лорд Горинг по-прежнему утверждал, что без пехоты Гренвилла он не сможет ни развить свой нынешний успех, ни вступить в бой с главными силами мятежников; сэр же Ричард, несмотря на все распоряжения, столь же категорически отказывался выступать, заявляя, со своей стороны, что если бы он получил в подкрепление 600 солдат, то был бы в Таунтоне через шесть дней.

В это самое время сэр Уильям Уоллер, крайне ослабленный последними неудачами (а к тому же помнивший, что совсем скоро ему следует подать в отставку), повернул на восток и, совершая ночные марши, успел отойти вплоть до Солсбери прежде, чем лорду Горингу стало известно о его передвижениях. Тогда Его Высочество, приняв в расчет, что Уоллера уже не догнать (это признавал в своих письмах принцу сам генерал Горинг) и что войска под начальством

Гренвилла, как и другие местные отряды, невозможно будет заставить драться до завершения таунтонского предприятия (неудачный исход коего и разрушил все наши надежды найти солдат и деньги в обширном графстве Сомерсет) и, с другой стороны, учитывая, что взятие Таунтона (а ведь сэр Ричард Гренвилл обещал управиться с ним за шесть дней, да и прочие люди, внимательно осмотревшие город, не думали, что перед ним придется задержаться надолго) не только внушит страх соседям, но и освободит армию в четыре тысячи человек кавалерии и пять тысяч человек пехоты, которую можно будет затем послать в любом направлении; что лорд Горинг, получив необходимое пополнение пехотой, сможет, в соответствии со своими полномочиями, вернуться к осуществлению прежнего замысла в Сассексе и Кенте, а Его Высочество уже в скором времени окажется во главе довольно сильной армии, набранной в четырех графствах ассоциации, которая либо овладеет теми немногими городами на западе, где еще стоят гарнизоны мятежников, либо сразу же двинется на соединение с Его Величеством, — в общем, приняв в соображение все эти обстоятельства, принц (с ведома и согласия принца Руперта, который находился тогда в Бристоле, участвовал во всех совещаниях и выступал в роли главного советника) написал 11 апреля лорду Горингу, стоявшему тогда близ Уэллса, что, по его мнению, кавалерии и драгунам его светлости следовало бы покинуть те места, где квартируют они ныне (к великому ущербу для обывателей) и расположиться на постой в Дорсетшире или Уилтшире, либо в обоих графствах сразу; пехоте же и артиллерии — в соответствии с планом, предложенным некогда его светлостью, — следует двинуться прямо к Таунтону; принц предоставил самому Горингу решать, останется ли он с кавалерией или выступит с пехотой, и выразил желание узнать его мнение и суждение обо всем этом замысле, ведь предложенные меры не предполагали каких-либо действий в течение ближайших двух дней. Письмо это Горингу отправили с полковником Уайндемом, который явился в тот день к принцу из лагеря под Таунтоном от сэра Ричарда Гренвилла и мог со знанием дела рассказать о силе неприятеля и о состоянии войск самого сэра Ричарда.

На другой день полковник Уайндем вернулся с коротким и сердитым письмом, в котором Горинг извещал принца, что, исполняя его приказ, он послал пехоту и артиллерию к Таунтону, а кавалерию — в другое место; сам же, поскольку теперь у него не осталось других дел, намерен отправиться в Бат для поправления здоровья.

Находясь в Бате, Горинг в частных беседах жаловался, что у него отобрали войска в тот самый момент, когда он собирался идти в погоню за Уоллером и имел возможность учинить неприятелю полный разгром; вдобавок Горинг поносил членов состоявшего при особе принца совета, которые-де послали ему приказ, оказавшийся чрезвычайно пагубным для дела короля. Между тем речь шла вовсе не о приказе, но всего лишь о мнении, которое основывалось на прежних предложениях самого же Горинга и о котором его просили теперь высказать свое суждение, и Горинг, если план принца показался ему неудачным, обязан был явиться к нему лично (поездка в Бристоль заняла бы полдня) или хотя бы послать Его Высочеству свои соображения на сей счет. Но после нескольких дней, весело проведенных в Бате, Горинг вернулся в прежнее расположение духа; когда же он наконец посетил принца в Бристоле и услышал, что у него нет причин опасаться нелюбезного к себе отношения, генерал удовлетворился этими словами, и все недоразумения, как можно было подумать, были благополучно устранены.

Когда пехоту и артиллерию лорда Горинга неожиданно отправили к Таунтону под начальством сэра Джозефа Уэгстаффа, принц, желая предотвратить любые ошибки и споры о старшинстве, послал туда же лордов Кейпла и Коллеппера, дабы те на месте улаживали могущие возникнуть ссоры и побуждали жителей графства всячески содействовать взятию Таунтона. Мера эта оказалась чрезвычайно удачной, ибо в самый день прибытия лордов сэр Ричард Гренвилл, приказав своим войскам подойти к Таунтону на расстояние мушкетного выстрела, отправился осматривать Уиллингтон-хаус, усадьбу в пяти милях от города, где мятежники держали гарнизон. Когда же выпущенная из окна пуля угодила ему в бедро и он упал, рану его сочли смертельной. Теперь, однако, никто не решался притязать на командование, ведь люди Гренвилла, хотя среди них и не было опытного офицера, чья репутация соответствовала бы важности столь высокого поста, превосходили своим числом отряд из армии Горинга и не желали подчиняться сэру Джозефу Уэгстаффу, и если бы не присутствие лордов, так вовремя оказавшихся под Таунтоном, то оба эти отряда пехоты, каждый из которых был слишком слаб, чтобы штурмовать город самостоятельно, могли бы рассеяться или, в лучшем случае, отойти на прежние квартиры, предоставив таунтонскому гарнизону полную свободу действовать так, как он сочтет нужным. Но поскольку лорды были под Таунтоном, а к ним, чтобы сообщить о положении дел в Девоншире, прибыл как раз

сэр Джон Беркли, то Кейпл и Колпеппер убедили его принять на себя командование и продолжить осуществление плана по взятию Таунтона. Все офицеры обеих отрядов в свое время уже находились в подчинении у Беркли и теперь изъявили готовность повиноваться, пока не станет известна воля принца. При этом офицеры сэра Ричарда Гренвилла немедленно отправили в Бристоль нарочного, чтобы просить лорда Гоптона взять их под свою команду. Но его светлость не собирался вступать в бой во главе лишенной единства армии, но желал дожидаться того момента, когда с уходом лорда Горинга он будет полностью восстановлен по решению лордов. За несколько дней сэр Джон добился немалых успехов и штурмом взял Уиллингтон-хаус (где был ранен Гренвилл). Здесь я не могу умолчать о том, что когда лорды явились к Гренвиллу (его как раз укладывали на носилки и готовились везти в Эксетер) и сообщили о военных мерах, которые они считали нужным предпринять, а он, как можно было подумать, полностью одобрил их планы, они попросили его позвать своих офицеров (а большинство старших офицеров находилось в тот момент рядом с ним) и приказать им бодро и энергично продолжать начатое дело, теперь уже под командованием сэра Джона Беркли. Гренвилл пообещал им это сделать и тотчас же что-то сказал своим офицерам, стоявшим у носилок. Лорды решили, что сэр Ричард исполнил свое обещание, но впоследствии выяснилось, что дело обстояло не так, а скорее всего — совершенно иначе, ибо все то время, когда после отъезда Гренвилла под Таунтоном командовал сэр Джон Беркли, солдаты и офицеры уклонялись от выполнения своего долга.

Принц обнаружил, что усилия сомерсетширских комиссаров не приносят никакой пользы общему делу, а предложенный ими с такой самоуверенностью план ассоциации, хотя его осуществление несколько не продвигается, служит тем не менее помехой и препятствием для всех прочих предприятий, ведь те, кто с самого начала и не собирался ничего делать, могли теперь найти для себя оправдание в очевидной неисполнимости этого замысла; другие же, первыми предложившие этот план, считали своим долгом не соглашаться ни на какие перемены в нем. Между тем один джентльмен (которого принц тотчас же по своем прибытии в Бристоль отправил в два самых западных графства, поручив ему настойчиво добиваться исполнения всех обещаний на предмет создания Ассоциации) сообщил, что графства Девон и Корнуолл всецело преданы Его Высочеству и готовы сделать для него все,

что он им предложит. Этот джентльмен считал целесообразным созвать комиссаров ассоциированных графств, чтобы они, встретившись с принцем в каком-нибудь удобном месте и все основательно с ним обсудив, могли бы принять решения, способные наилучшим образом подвинуть вперед уже начатые предприятия — осаду Таунтона и набор солдат для полевой армии. Если бы этот совет был дан раньше, сразу же по приезде принца в Бристоль, когда Его Высочество увидел, что сомерсетширские джентльмены до крайности самоуверенны, но бестолковы и бездеятельны, и ясно убедился, что от них не стоит ждать никакой пользы до тех пор, пока энергия и единомыслие западных графств их не расшевелят и не вынудят, оставив прежнее мрачное упрямство, делать то, что необходимо делать, то подобный план можно было бы с легкостью осуществить. Но уже вскоре по приезде Его Высочества в Бристоль мысль о его перемещении еще дальше на запад возбудила (бог весть почему) глубокую тревогу в Оксфорде, и оттуда поступило указание, что принц может покидать Бристоль не иначе, как по какой-то чрезвычайно веской причине, и не прежде, чем о ней известят Его Величество — тогда как, согласно полученным принцем инструкциям, ему следовало находиться там, где, по мнению его советников, это было бы всего полезнее для дела. Тем не менее необходимость встречи со всеми комиссарами была совершенно очевидной, Бристоль же, как полагали, отстоял слишком далеко от западных графств, и вдобавок в нем все сильнее свирепствовала чума, а потому принц, желая прежде всего поддержать предприятие под Таунтоном (тесно тогда обложенным сэром Джоном Беркли), решил отправиться на несколько дней в Бриджуотер и вызвать туда же комиссаров. Соответственно, он послал им письма с приказом явиться к нему в Бриджуотер в среду 12 апреля. Король в этот момент находился в Оксфорде и готовился к походу, принц Руперт занимался набором рекрутов в Вустере; мятежники же в Лондоне пребывали в известном замешательстве и растерянности из-за своего Нового образца, ведь они только что отрешили от военных должностей графа Эссекса, графа Манчестера, графа Денби и сэра Уильяма Уоллера и назначили главнокомандующим сэра Томаса Ферфакса, коему предстояло теперь создать новую армию из расстроенных и почти распавшихся частей; успехи же, достигнутые им на сем поприще, пока не слишком обнадеживали.

В назначенный день принц приехал в Бриджуотер. В этот город, находившийся почти в самом центре Сомерсетшира, прибыло

много комиссаров от этого обширного графства; дорсетширские джентльмены отрядили в Бриджуотер сэра Джона Стренгвейза, м-ра Анкетилла Грея и м-ра Райвза; из Девоншира явились сэр Питер Болл, сэр Джордж Перри, м-р Сент-Хилл и м-р Маддифорд; из Корнуолла — сэр Генри Киллигрю, м-р Коритон, м-р Сквен и м-р Роскоррот. На следующее утро все эти люди явились к принцу и услышали, что Его Высочество прибыл в Бриджуотер, чтобы получить от них совет и оказать им помощь в том, что могло бы послужить миру и благоденствию каждого графства в отдельности и успехам дела короля в целом; что если план Ассоциации, некогда ими предложенный, теперь, по причине случившихся с тех пор событий и вновь возникших обстоятельств (а с того времени, как они впервые выступили с этим замыслом, и в самом деле произошли важные перемены), уже не кажется ими осуществимым в прежнем виде, то он, принц, готов согласиться на все изменения, какие они сочтут нужным предложить, и одобрить любые иные меры, а потому он желает, чтобы комиссары провели между собой совещание, определили наилучший образ действий и представили ему свои предложения, каковые он охотно примет. Несколько дней комиссары обсуждали эти вопросы в своем кругу, после чего все они (кроме сэра Джона Стоуэлла, который, противореча остальным и не слушая ничьих доводов, продолжал упорно требовать всеобщего восстания и не соглашался на что-либо меньшее) пришли к единодушному мнению, что первоначальный замысел следует пока отложить в сторону, заменив его другим планом, а именно: в чрезвычайно краткий срок (насколько я помню, речь шла самое большее о месяце) западные графства, действуя сообразно силам и возможностям каждого из них, должны будут набрать и вооружить 6 тысяч пехотинцев (помимо личной гвардии принца, то есть еще двух тысяч человек), не считая полуторатысячного отряда лорда Горинга, но включая пехоту сэра Джона Беркли и сэра Ричарда Гренвилла, стоявшую тогда под Таунтоном, коим все рассчитывали овладеть менее чем за месяц. Принц одобрил предложения комиссаров, были согласованы все подробности этого плана, определены дни сбора новобранцев, назначены офицеры, которым предстояло ими командовать, изданы соответствующие распоряжения, приняты все необходимые меры для захвата Таунтона — в общем, все обстоятельства складывались как нельзя лучше, внушая твердую надежду, что уже в самом скором времени удастся взять этот город и создать новую армию.

← Но пребывание принца в Бриджуотере имело не только благие последствия. До отъезда из Оксфорда он почти не занимался государственными делами и был совершенно в них несведущ; теперь же его убедили лично присутствовать на заседаниях Совета, внимательно следить за обсуждением различных вопросов, учиться говорить самому и оценивать чужие речи — чтобы таким образом постепенно набраться опыта и войти в курс дел. Однако по прибытии в Бриджуотер принц подпал под влияние бывшей своей кормилицы миссис Уайндем (к которой всегда питал самые теплые чувства), и эта вздорная и недалекая женщина отбила у него охоту к серьезным занятиям. Вдобавок принцу нередко приходилось слышать, как она с пренебрежением отзывается о членах Совета, и хотя сам он на первых порах сохранял к ним должное уважение, однако другие люди, следуя ее дурному примеру, стали позволять себе подобные же вольности, что обернулось впоследствии немалым ущербом для авторитета Его Высочества и никак не способствовало успеху его предприятий. Помышляя единственно лишь о выгодах и интересах собственного семейства, миссис Уайндем упорно домогалась земельных пожалований в пользу своего мужа; когда же принц отказался удовлетворить ее претензии без согласия членов Совета, раздосадованная интриганка попыталась, и не без успеха, внести раздоры в среду этих последних, а также, воспользовавшись обидами некоторых особ из окружения Его Высочества, якобы не получивших обещанных когда-то должностей, восстановить их против Совета.

Так образовалась партия недовольных, и по мере того, как она маломалу набирала силу, члены Совета постепенно теряли влияние на принца. Наконец, будучи женщиной дурно воспитанной и невероятно тщеславной, миссис Уайндем стремилась показать своим сомерсетширским соседям, какой властью над принцем она теперь обладает; во всяком собрании, при большом стечении народа она вела себя с Его Высочеством до крайности развязно и фамильярно и, что всего хуже, допускала пренебрежительные высказывания об особе короля. Именно по этой причине Его Величество, давно знакомый с характером миссис Уайндем, и не хотел, чтобы его сын покидал Бристоль (ведь по пути на запад он не мог миновать Бриджуотер).

Тогда же с полной ясностью обнаружилось, что лорд Горинг не строит никаких серьезных планов относительно Кента или Сассекса, но преследует совсем другую цель — стать главнокомандующим на западе. Едва прибыв в эти края, он принялся усердно обхаживать комиссаров Сомерсета и Девона, особенно тех из них, кто был расположен к лорду Гоптону. Пытаясь выставить в дурном свете действия последнего, Горинг

утверждал, будто Гоптон неразумно расходует денежные средства западных графств, и обещал всюду навести должный порядок — если принц предоставит ему соответствующие полномочия. Явившись из Бата в Бриджуотер — якобы для того, чтобы посетить затем лагерь под Таунтоном и проверить, как идут осадные работы, — Горинг попытался привлечь на свою сторону собравшихся в Бриджуотере комиссаров. Усилия его не остались тщетными, и в предложения, поданные принцу, попал пункт о назначении Горинга главнокомандующим. Даже иные члены Совета, не питавшие к Горингу ни малейших симпатий, склонялись в пользу этой меры, как единственного, по их мнению, средства обеспечить единоначалие на западе. Сразу же осуществить свой замысел Горингу не удалось, и он решил действовать по-другому. Следует, впрочем, отметить, что ему твердо пообещали пополнение из нового набора, которое должно было довести численность его пехоты до трех тысяч человек; что же до высшего командования, то он по сути уже тогда им обладал, поскольку лорд Гоптон не вмешивался в дела армии.

Наблюдая за поведением Горинга с момента его прибытия на запад, все пришли к выводу, что он твердо решил остаться при особе принца, дабы никогда более не служить под началом Руперта. Подозревали также, что Горинг умышленно позволил Вандруску деблокировать Таунтон, а жалкой горстке мятежников вновь овладеть Уэймутом. Ведь если бы Таунтон был взят, то и сам Горинг стал бы не нужен на западе, и ему пришлось бы либо вновь приняться за осуществление прежнего плана касательно Сассекса, чего он никогда всерьез не собирался делать, либо возвратиться с армией к королю, чего ему хотелось еще меньше. Как-то раз (еще до окончания аксбриджских переговоров) не сдержанный на язык Горинг с досадой сказал на одной из пирушек, что когда-то королева Франции дурно обошлась с ним и с его отцом, но он надеется уже вскоре достигнуть такого положения, что король сочтет за благо относиться к ним обоим гораздо уважительнее. Между тем король, по ходатайству самого Горинга, назначил его отца капитаном гвардии алебардчиков и возвел в достоинство графа Нориджа, после чего Горинг стал зваться лордом — титул, чрезвычайно тешивший его самолюбие. А во время одного из кутежей в Эксетере его брат Портер (командующий кавалерией) доверительно сообщил некоторым знатым особам, что Горинг полон решимости стать главнокомандующим у принца — либо, в противном случае, дать почувствовать свое крайнее недовольство. Столь откровенные речи, как и дерзкие поступки Горинга, внушали членам Совета в Бристоле горячее желание сделать все, чтобы не допустить осуществления подобного замысла.

Когда на совещании в Бриджуотере были улажены общие дела четырех графств, комиссары от Девоншира пожаловались Его Высочеству на сэра Ричарда Гренвилла. Последний, рассказали комиссары, твердо пообещал взять Плимут к Рождеству и, получив в Девоншире и Корнуолле все затребованные им средства, обязался набрать 1200 кавалеристов и 600 пехотинцев, а также приобрести для них оружие и амуницию. В действительности же Гренвилл купил не более 20 бочек пороха, оружия не приобрел вовсе (а заимствовал его из магазинов графств) и набрал лишь половину того числа солдат, какое обязан был выставить и содержать. Когда же ему приказали идти к Таунтону, он созвал *posse comitatus** и привел безоружных людей в Эксетер, где снабжать их всем необходимым пришлось уже местным комиссарам. Под Плимутом Гренвилл оставил 2000 пехотинцев и 400 кавалеристов, но продолжал взимать контрибуции в прежнем объеме, как будто там все еще стояла армия из 6000 человек пехоты и 1200 человек кавалерии, получая таким образом для блокады Плимута больше денег, чем расходовалось их тогда на содержание гарнизонов Эксете́ра, Дартмута, Барнстейпла и Тивертонa, а также на строительство укреплений. Упомянув наконец о том, что Горинг беспрестанно вмешивается в дела местных властей, враждует с сэром Джоном Беркли и сеет вокруг распри и раздоры, к великому ущербу для интересов короля, комиссары просили Его Высочество установить ясные границы полномочий сэра Ричарда и запретить ему взимать денежные суммы сверх того, что необходимо для содержания оставшихся под Плимутом войск.

Всё это звучало весьма убедительно, и для улаживания споров принц послал в Эксетер лордов Кейпла и Колпеппера, а также канцлера Казначейства, поручив им расследовать на месте жалобы комиссаров и разграничить юрисдикцию сэра Джона Беркли и сэра Ричарда Гренвилла.

Прибыв в Эксетер, лорды сразу же посетили сэра Ричарда Гренвилла (не вполне оправившись после ранения, он все еще был прикован к постели). Рассматривая свое посещение как визит вежливости, они не стали отвечать на жестокие упреки, с которыми Гренвилл обрушился на Беркли. Явившись к нему на другой день, лорды слышали все ту же брань по адресу сэра Джона, но когда они предложили Гренвиллу указать причины своего недовольства, он упомянул лишь о каких-то дерзких словах Беркли, а также о том, что последний не позволил ему арестовать некоторых особ. Выяснилось, что некоего м-ра Симса, мирового судью

* См. примеч. на с. 133 т. I.

графства (богатого человека и дряхлого старика), Гренвилл обвинил в пособничестве мятежникам. Названный джентльмен настаивал на своей невинности и требовал законного суда, но сэр Ричард объявил Симса изменником и дал ему три дня на уплату тысячи фунтов выкупа, угрожая, что в противном случае с ним поступят по-другому. Симс обратился за помощью к сэру Джону Беркли, и тот, воспрепятствовав немедленному аресту несчастного людьми Гренвилла, отправил сэру Ричарду весьма учтивое послание, в котором пытался убедить адресата, что забирать из дому больного старика было бы слишком жестоко, тем более что самые уважаемые джентльмены графства ручаются, что он явится в суд по первому же требованию. Посчитав себя ограбленным на тысячу фунтов, Гренвилл ответил Беркли безобразно грубым письмом — там же пожаловался на обиду и решительно отказался, несмотря на все наши доводы, признать очевидную незаконность своих действий. Со своей стороны, сэр Джон Беркли жаловался в своих письмах на то, что приведенные Гренвиллом под Таунтон солдаты либо уходят из лагеря, либо уклоняются от выполнения воинского долга (как он полагает — по наущению своего бывшего командира); что вопреки прямому запрету причинять какой-либо ущерб Уиллингтон-хаусу (где по овладении Таунтоном можно было бы поставить гарнизон), один из офицеров Гренвилла сжег усадьбу; и что сам сэр Ричард по-прежнему взимает незаконные поборы и рассылает противоправные распоряжения.

Гренвилл все эти обвинения отверг, хотя, насколько можно было судить, покидавшие осадный лагерь под Таунтоном солдаты возвращались к нему, встречая самый любезный прием, а подполковник Робинсон, получивший от Беркли приказ не трогать Уиллингтон-хаус, велел спалить усадьбу тотчас же после того, как съездил в Эксетер к Гренвиллу.

Внимательно затем рассмотрев соответствующие документы, лорды обнаружили, что полномочия Гренвилла и Беркли во многом совпадают; именно это и создавало почву для соперничества, тем более неизбежного между столь нерасположенными друг к другу особами. Когда же они спросили у сэра Ричарда, сколько войск, по его мнению, нужно оставить для блокады Плимута, и каким должно быть их содержание, он ответил им, и довольно разумно, после чего заявил, что ему наскучило сидеть под Плимутом, и он надеется, что принц позволит ему присоединиться к полевой армии, где он мог бы принести гораздо больше пользы. Лорды ответили, что принц был бы чрезвычайно доволен, если бы сэр Ричард принял участие в создании новой армии, набор в которую уже начался, и готов доверить ему второй по старшинству пост — но в таком случае возникнет вопрос о начальстве над войсками, блокирующими Плимут.

Обрадованный предложением Его Высочества, Гренвилл тут же объявил, что с этой задачей лучше всех справится сэр Джон Беркли.

Выполнив таким образом свое поручение и уладив все споры, лорды возвратились к принцу в Бристоль, и только канцлер Казначейства задержался на некоторое время в Эксетере, чтобы согласовать с комиссарами западных графств порядок сбора и распределения средств, необходимых для содержания войск, оставшихся под Плимутом, а также гарнизонов Эксетера, Дартмута, Барнстейпла и Тивертонга.

Как только Его Высочество вернулся в Бристоль (а было это в последний день апреля), король велел Горингу идти с кавалерией и драгунами к Оксфорду — таким образом Его Величество рассчитывал устранить угрозу со стороны Кромвеля, который с сильным отрядом конницы и драгун выжидал удобного момента, чтобы помешать королю соединиться под Вустером с принцем Рупертом. Горингу, пусть и крайне раздосадованному этим приказом, не оставалось ничего другого, как повиноваться. Не теряя времени, он выступил навстречу королю, а по пути (дело было вечером, накануне дня его прибытия в Оксфорд) внезапно атаковал один из лагерей кромвелевской кавалерии, а также отряд конницы Ферфакса, который пытался переправиться через реку Айсис, — и атаковал столь удачно, что разбил и рассеял неприятеля, причинив ему большой урон, чем снискал себе громкую славу и обеспечил чрезвычайно радушный прием в Оксфорде. Разгромить и привести в полной расстройство подобный отряд, да еще на заре создания Нового образца, и в самом деле значило добиться весьма своевременного успеха, ведь Горинг таким образом разрушил прежние планы Парламента и вынудил Ферфакса назначить новое место сбора своей формирующейся армии, еще дальше от главных сил короля.

Между тем принц Руперт, почти не встречавший теперь возражений в Совете, всю зиму убеждал короля двинуть войска на север и обрушиться на шотландскую армию в Йоркшире прежде, чем Ферфакс успеет по-настоящему подготовить армию Нового образца к выступлению в поход. Подобный замысел нельзя назвать неразумным, как невозможно порицать принца за то, что ему не терпелось взять реванш у шотландцев за случившееся в прошлом году; сделать же это теперь, когда они действовали отдельно от англичан (которые по существу и одержали победу над принцем), было бы, по его мнению, не так уж трудно. С походом на север не следовало медлить еще и потому, что по пути можно было бы деблокировать тесно обложенный неприятелем Честер, а затем

быстро выйти к Понтефракту, под которым стояла шотландская армия; и если бы ее удалось разбить, то король вновь сделался бы владыкой едва ли не всего севера; и многие полагали, что добиться этого теперь, ввиду творимых шотландцами бесчинств и их неприязни к армии Нового образца, было бы легче, чем когда-либо прежде. На следующий день по прибытия Горинга в Оксфорд устроили общий сбор армии. Она состояла тогда из пяти тысяч пехотинцев и шести тысяч кавалеристов, и уменьшать ее численность перед самым началом кампании, в которой королю предстояли большие и трудные дела, было бы неразумно. Весьма вероятно, что если бы все эти силы продолжали действовать вместе, то летняя кампания имела бы иной, лучший исход.

Ферфакс стоял тогда близ Ньюбери, еще не готовый к выступлению; впрочем, степень его неготовности сильно преувеличивалась. Поговаривали, что он намерен бросить всю свою армию на деблокаду Таунтона, находившегося тогда в почти безнадежном положении; сделав это, Ферфакс покрыл бы себя славой и обеспечил бы Парламенту едва ли не такое же влияние на западе, какое имел в ту пору король. Исходя из этого предположения, сочли разумным и, соответственно, предложили королю, чтобы он сам двинулся со своей армией на запад: таким образом Его Величество смог бы не только предотвратить деблокаду Таунтона, но и принудить к сражению Ферфакса прежде, чем тот успел бы соединиться с Кромвелем, все еще собиравшим свои войска. Это было общее мнение всех членов Совета, с которыми король обыкновенно обсуждал дела — за исключением принца Руперта и сэра Мармадюка Лангдейла, командовавшего северными кавалеристами, коим не терпелось вернуться в родные края. И тут взаимное нерасположение принца Руперта и лорда Горинга начало обращать их усилия к одной цели. Принц понял, что Горинг — красноречивый человек и большой остролов — способен в любом споре склонить короля на свою сторону, и опасался, что, став близким приятелем лорда Дигби, Горинг быстро добьется такого влияния на короля, которое затмит его собственный авторитет в глазах Его Величества. А потому желание Руперта вновь спровадить Горинга на Запад было ничуть не менее сильным, чем нежелание Горинга оставаться там, где командовал принц. На этой почве между ними возникли чрезвычайно дружеские и доверительные отношения: Руперт выложил Горингу все, что ему откровенно говорили члены Совета еще в ту пору, когда сама мысль о пребывании Горинга рядом с принцем Уэльским была

ненавистна Его Высочеству; а Горинг, со своей стороны, сообщал Руперту все, что, по его мнению, могло было настроить принца против королевских советников. А потому они решили сделать все возможное, чтобы подорвать авторитет и ослабить влияние Тайного совета. Короля настоятельно попросили выслушать доклад о положении дел на западе от самого Горинга, а недавний успех последнего, вместе с хитрыми уловками лорда Дигби, имели своим следствием то, что король слишком легко поверил сказанному. С чрезвычайной дерзостью и решительностью Горинг заявил королю, что если бы, по прямому приказу принца и вопреки его собственному мнению и совету, у него не отняли войска и не использовали их для осады Таунтона, то он, несомненно, уничтожил бы всю армию Уоллера и не допустил подхода тех неприятельских сил, которые доставили Его Величеству столько хлопот под Оксфордом; и что при всяком его появлении у принца с ним обходились весьма неуважительно, не призывая на заседания Совета и заставляя ждать за дверью, вместе с просителями низкого звания. Затем Горинг распространился о событиях в Бриджуотере, пытаясь при этом, бросив тень на других, выставить в наилучшем свете самого себя.

На самом же деле (а правдивую историю осады Таунтона мы изложили выше во всех подробностях) отступавший на восток Уоллер уже успел пройти Шефтсбери прежде, чем Горингу стало что-либо известно о его местонахождении; и Горинг сам тогда признал, что Уоллера уже не догнать; принц и Совет неизменно относились к Горингу с величайшим уважением, какое только могло быть оказано подданному; если он находился в Бристоле, его всегда приглашали и допускали на заседания Совета, когда же Горинг отсутствовал, Совет посылал ему свои суждения и соображения по всем вопросам, которые предлагал Горинг, и предоставлял ему полную свободу действовать на месте так, как он сам сочтет наиболее целесообразным. И однако Горинг добился такого влияния, что король в своем письме к принцу от 10 мая распорядился, чтобы генерала Горинга допускали ко всем прениям и обсуждениям, и спрашивали его мнение, как если бы он официально входил в состав Совета; чтобы — поскольку принц Руперт дал ему право назначения на командные должности в этой армии — все офицерские патенты утверждались генералом Горингом, и ни один подобный акт не совершался принцем от собственного имени (кроме как в случаях, относящихся единственно лишь до Ассоциации западных графств); чтобы Совет извещал Горинга о всех своих планах и соображениях,

а Его Высочество и в мыслях не имел отдавать Горингу какие-либо прямые и обязательные к исполнению приказы — хотя, согласно инструкциям, которые принц привез с собой из Оксфорда, свои полномочия — и генералиссимуса, и главнокомандующего на западе — он должен был употреблять так, как сам сочтет наиболее удобным и разумным. С этими распоряжениями торжествующий лорд Горинг и возвратился на запад, где мы его теперь и оставим, а сами будем сопровождать Его Величество в злосчастном походе, пока у нас не появится достаточная причина оплакать роковое решение отпустить Горинга вместе с его войсками в тот самый момент, когда его присутствие (если бы только этот человек был рожден верным слугой отечества) могло бы принести великую пользу королю; ведь впоследствии такой возможности Горингу уже не представилось.

Когда Горинг отделился от главных сил короля, Его Величество выступил к Ившему, а по пути присоединил к своей армии гарнизон Кемден-хауса, который, не принося ни малейшей пользы общему делу, служил лишь орудием обогащения для распутного коменданта, подчинившего всю округу своему необузданному тиранству. Покидая Кемден-хаус, он без всякой разумной причины сжег эту великолепную усадьбу, где слишком долго квартировал и постройка которой обошлась не так давно более чем в тридцать тысяч фунтов. Через несколько дней по оставлении королем Ившема неприятель внезапно им овладел, или скорее взял штурмом, воспользовавшись малочисленностью защитников городских укреплений. Потеря Ившема в самом начале летней кампании стала дурным предзнаменованием, а к тому же прервала всякое сообщение между Вустером и Оксфордом, и ее не вполне возместил захват Хакслихауса в Вустершире — сильно укрепленной мятежниками усадьбы, которой войска короля овладели за два дня, взяв в плен коменданта и еще сто двадцать человек; их затем обменяли на попавших в плен в Ившеме. Так, медленными неспешными маршами армия продвигалась к Честеру, однако в Стаффордшире на встречу с королем прибыл сам честерский комендант лорд Байрон и сообщил, что мятежники, услышав о приближении Его Величества, отступили. Теперь не оставалось ничего другого, как продолжать осуществление северного плана, и, в соответствии с этим замыслом, армия двинулась дальше, но тут пришло известие, что Ферфакс послал сильный отряд для деблокады Таунтона, а сам приступил к осаде Оксфорда. Это не могло не повлечь за собой некоторых изменений в прежних планах, во всяком случае их выполнение несколько замедлилось;

хотя все знали, что Оксфорд отлично подготовлен к обороне и опасаться его падения не было ни малейших причин, зато имелись все основания желать, чтобы Ферфакс застрял под его стенами надолго. В итоге пришли к заключению, что лучшим способом отвлечь силы Ферфакса от Оксфорда была бы атака какого-нибудь пункта, находящегося в руках Парламента.

Поблизости от тех мест, где стоял тогда король, неприятель не имел города более важного, чем Лестер, занятый сильным гарнизоном под начальством сэра Роберта Пая; и принц Руперт, всегда готовый к смелым и решительным предприятиям, бодро взялся за дело и тотчас же выслал вперед сэра Мармадюка Лангдейла с приказом окружить кавалерией этот город, занимавший весьма обширное пространство. На следующий день (а это был последний день мая), когда к Лестеру подтянулась вся армия, принц, внимательно его осмотрев, велел немедленно установить батарею с южной его стороны, напротив высокой каменной стены, впрочем, довольно ветхой, что, благодаря неотлучному присутствию Руперта, было выполнено с изумительной быстротой. Затем принц послал коменданту ультиматум о сдаче, когда же тот дал на него неудовлетворительный ответ, батарея открыла огонь и за несколько часов пробила в стене столь обширную брешь, что общий приступ, с участием всей армии, решено было устроить в ту же ночь и сразу в нескольких местах, нанося главный удар через уже проделанную брешь. Неприятель, однако, защищал ее чрезвычайно храбро и упорно, и войска короля, дважды после жестокого кровопролития с большим уроном отбитые, пали духом и уже готовы были отступить — когда другой отряд, атаковавший с противоположной стороны и поддержанный кавалеристами (которые только что подоспели из Ньюарка, спешились и пошли в бой с палашами и пистолетами в руках), ворвался в Лестер, проложив путь для своих товарищей, так что к рассвету (а штурм продолжался всю ночь) вся королевская армия находилась внутри городских укреплений. Тогда комендант, а с ним все офицеры и солдаты гарнизона, общим число тысяча двести человек, положили оружие и сдались в плен, а победители, развивая свой успех, с обыкновенной в подобных случаях разнузданностью устремились за добычей и подвергли ужасному разграблению весь город, не разбирая ни лиц, ни мест. Жертвой разъяренных и жадных солдат стали тогда не только частные дома, но также церкви и больницы — к великому прискорбию короля, который отлично знал, что в Лестере, несмотря на крайнюю враждебность большинства его

жителей, оставалось немало тех, кто сохранил ему верность, и кого он искренне желал уберечь от постигшей остальных судьбы; но при подобных обстоятельствах проводить различия между людьми невозможно. Хотя штурм Лестера оказался успешным — уже потому, что завершился взятием города и занял немного времени — он стоил королевской армии значительных потерь: в ходе приступа легло на месте около двухсот солдат и немало офицеров (в том числе полковник Сент-Джордж и другие видные особы); кроме того, многие получили ранения и увечья. Комендантом Лестера король тотчас назначил лорда Логборо (младшего сына графа Гентингдона), доблестно ему служившего с самого начала войны, а заместителем коменданта — сэра Мэтью Эплйарда, смелого и опытного солдата.

То, что Лестер, главный город графства, пал, как только король подступил к его стенам, и то, что взят он был исключительно благодаря величайшей храбрости штурмующих, покрыло славой королевскую армию и вселило необыкновенный ужас в сердца людей, заседавших в Вестминстере, которые вновь задумались об условиях мира, предложенных им в Аксбридже и ими тогда отвергнутых. И вот эти люди принялись поносить свою армию Нового образца и осыпать упреками тех, кто убедил их выказать черную неблагодарность и прогнать старого главнокомандующего (всячески теперь разжигавшего их недовольство). С того времени, как армия короля выступила в поход, твердили они, не прошло и трех недель, но за столь краткий срок она овладела двумя сильно укрепленными пунктами, Хаксли-хаусом в Вустершире и городом Лестер, принудив их гарнизоны сдаться без всяких условий — а в это время их новый главнокомандующий Ферфакс лишь маневрировал на почтительном расстоянии от Оксфорда, в надежде, что гарнизон его, поддавшись уговорам перепуганных дам, в конце концов капитулирует, только бы их успокоить; а еще попытался взять находившуюся поблизости маленькую усадьбу Борстел-хаус, но, отбитый с чувствительным уроном, бесславно отступил и от нее, и от Оксфорда. Речи эти были так хорошо известны в Сити и производили столь сильное впечатление на обе Палаты, что их члены исполнились страстного желания мира и помышляли теперь лишь о том, как бы возобновить прерванные переговоры или устроить новые — но тут злой гений нашего королевства в одно мгновения совершенно изменил картину.

Лестер был таким местом, где король, со всяческим удобством и без малейшего ущерба для своей чести, мог бы преспокойно

оставаться до тех пор, пока его армия не получит подкрепления и как следует не отдохнет. Полковник Джерард шел к нему из Уэльса с отрядом в три тысячи человек пехоты и кавалерии; и у короля были основания ожидать, что вскоре к нему присоединится со своей конницей лорд Горинг, ведь уже по прошествии четырех или пяти дней с того момента, как Горинг, получив упомянутые выше (и так обрадовавшие его самого) приказы, покинул короля, у Его Величества появились причины пожалеть о подобном разделении сил, и он послал Горингу новое распоряжение — как можно скорее возвращаться назад. Но преследовавший короля злой рок, вместе с непостоянством и нерешительностью, столь характерными для окружавших его людей, подтолкнули Его Величество к мерам, при тогдашних его обстоятельствах не оправданным. Король не знал, что Ферфакс уже отступил от Оксфорда, согласно же сообщениям, будто бы посланным оттуда некоторыми особами, Оксфорд находился в отчаянном положении. Между тем в Оксфорде оставался герцог Йоркский, там были члены Совета, множество лордов и дам (посылавших известия своим друзьям), а также все военные запасы, и если бы всё это попало в руки неприятеля, то Лестер уже не мог бы возместить такую потерю. На эти обстоятельства весьма некстати, но чрезвычайно настойчиво указывали люди, которые, уж верно, не могли иметь в мыслях ничего дурного, и король решил идти прямо к Оксфорду, для чего, пять дней спустя по взятии Лестера, назначил общий сбор своей армии. Смотри этот мог бы дать королю разумные основания для отказа от нового плана, ибо с полной ясностью показал, до какой степени ослабили его армию лестерское дело и последующие события — я имею в виду потери убитыми и ранеными в ходе самого штурма; войска, оставленные в качестве гарнизонов; и, наконец, множество солдат, бежавших с награбленным добром; впрочем, их возвращения можно было ожидать уже через несколько дней. Так или иначе, численность оставшейся с королем пехоты не превышала трех с половиной тысяч человек — слишком мало для решительной битвы за корону. Вдобавок все кавалеристы с Севера, надеявшиеся, как и обещал им король, возвратиться домой, были настолько раздосадованы новым замыслом, что удержать их под знаменами удалось лишь с великим трудом, и хотя этих кавалеристов в конце концов уговорили выступить в поход, они еще не пришли в прежнее расположение духа, чтобы полагаться на них в том случае, если бы армия неожиданно вступила в бой.

Несмотря на всё это, марш продолжился, а на следующий день, когда король был в Харборо, стало известно, что Ферфакс отступил от Оксфорда, не рискнув приблизиться к нему настолько, чтобы произвести хоть один выстрел из пушки; что при штурме Борстел-хауса он был отбит, потеряв немало солдат и офицеров, после чего удалился со всей своей армией к Бекингеми. Но эти новости еще сильнее разожгли всеобщее желание сразиться с Ферфаксом. Конечно, доводов в пользу похода на север теперь поубавилось, ибо в таком случае войска короля (и это была действительная опасность) могли бы столкнуться лицом к лицу с шотландской армией, имея у себя в тылу Ферфакса. Но ведь для короля по-прежнему оставался открытым еще один, столь же разумный образ действий — отход к Лестеру или к Вустеру, где он мог бы рассчитывать на подкрепления (и наверняка получил бы их), тогда как неприятель, которому в таком случае пришлось бы самому искать противника, неизбежно оказался бы в невыгодном положении. Эти аргументы, однако, не были приняты в расчет, ибо всем казалось, что войска Ферфакса, потерпев неудачу в первых же своих предприятиях, пали духом; что парламентский главнокомандующий намерен уклоняться от встречи с противником до тех пор, пока его солдаты вновь не обретут мужество и не окажутся способны выдержать бой с армией столь грозной, какова теперь победоносная армия короля; и что по этой самой причине было бы всего разумнее найти врага и сразиться с ним уже сейчас, пока он еще не избавился от своих страхов — в общем, каждый тогда считал за истину то, чему сам хотел верить. Итак, армия двинулась к Девентри в Нортгемптоншире, где, из-за отсутствия каких-либо сведений о местонахождении и планах неприятеля, король оставался в бездействии в продолжение пяти дней.

13 июня король получил известие, что Ферфакс движется к Нортгемптону с сильной армией — гораздо более многочисленной, чем сообщали ему ранее. По этой причине Его Величество отошел на следующий день к Харборо, с намерением возвратиться затем в Лестер, чтобы пополнить свою армию пехотой из Ньюарка и действовать оборонительно, пока не подоспеют другие части, на скорый подход которых он мог тогда рассчитывать. Но той же ночью в Харборо пришло тревожное известие: в десяти милях уже стоит сам Ферфакс. Немедленно созвали военный совет, прежний план мгновенно отбросили и тут же приняли новое решение — «Драться!»; это непреодолимое желание охватывало королевскую

армию всякий раз, когда неприятель оказывался поблизости. Оставаться на месте и ждать его подхода участники совета не захотели, но предпочли повернуть назад и прежним путем двинуться ему навстречу. В итоге, ранним утром, в субботу 14 июня, вся королевская армия расположилась на поднимавшейся в гору местности к югу от Харборо (имея его у себя за спиной). На этой чрезвычайно выгодной позиции войска построились в боевой порядок, готовые как нанести удар, так и встретить вражескую атаку. Главными силами пехоты, примерно в 2500 человек, командовал лорд Астли (которого король совсем недавно сделал бароном); правое крыло кавалерии, около 2000 бойцов, находилось под начальством принца Руперта; на левом фланге, состоявшем из северной и ньюаркской кавалерии, общим числом не более 1600 человек, распоряжался сэр Мармадьюк Лангдейл; в резерве оставались лейб-гвардия короля под командой графа Линдси и пехотный полк принца Руперта, в общей сложности — чуть более 800 человек, а также конная гвардия короля под начальством лорда Бернарда Стюарта (только что возведенного в достоинство графа Личфилда), насчитывавшая в тот день около 500 всадников.

Построенная в превосходном порядке армия оставалась на этой позиции в ожидании неприятеля. Но примерно в 8 часов утра вдруг возникли сомнения в точности уже полученных о нем известий, и командира отряда разведчиков послали раздобыть новые сведения. Тот (забравшись, по-видимому, не слишком далеко) вскорости вернулся и объявил, что, проехав на три или четыре мили вперед, он нигде не встретил неприятеля и ничего о нем не услышал. По армии мгновенно разнеслась весть: «Враг отступает». Тогда принц, взяв с собой отряд кавалерии и мушкетеров, сам отправился на разведку, рассчитывая отыскать противника и принудить его к битве; главные же силы оставались на том же месте в прежнем положении. Не успев удалиться даже на милю, Его Высочество получил достоверные сведения о приближении неприятеля, а вскоре сам увидел авангард парламентской армии — но, кажется; не очень отчетливо, ибо он решил, что враг отступает. Тогда Руперт со своими кавалеристами приблизился к неприятелю, остальной же армии велел поскорее следовать за ним. «Принц требует, чтобы вы не теряли времени!» — объявил гонец, доставивший его приказ. После чего отличная позиция была покинута, превосходный боевой порядок нарушен, и армия со всей поспешностью устремилась навстречу врагу. Когда же она прошла примерно полторы мили, обнаружилось, что

вражеская кавалерия стоит на высоком холме близ Незби — с которого неприятель мог ясно видеть марширующую по открытой местности армию короля, имея при этом полную возможность и достаточно времени, чтобы построить собственные войска самым выгодным и удобным образом. От природы пылкий и нетерпеливый принц не способен был ни долго и хладнокровно наблюдать за находившимся у него в виду неприятелем, ни поверить, что тому достанет мужества выдержать его удар. В итоге армия вступила в бой, не успев развернуть пушки и выбрать подходящее место для сражения, и теперь, когда искусство ее командиров потерпело полный крах, оставалось уповать лишь на храбрость ее солдат.

Битва началась около 10 часов. Первый удар, во главе собственного эскадрона и эскадрона своего брата принца Морица, нанес принц Руперт; он атаковал с обычной своей энергией и, великолепно поддержанный другими эскадронами, сломил перед собой всякое сопротивление и овладел шестью лучшими орудиями мятежников. Лорд Астли со своей пехотой, хотя ей пришлось подниматься в гору, двинулся против пехоты Парламента, которая открыла огонь из пушек, но с перелетом. Не лучше стреляли вражеские мушкетеры, ведь пехотинцы обеих сторон смогли ясно увидеть друг друга, лишь оказавшись на расстоянии выстрела из карабина. Тогда пехота короля бросилась в атаку и, действуя, по своему обыкновению, шпагами и прикладами мушкетов, причинила неприятелю большой урон и привела его в величайшее расстройство и замешательство. Конница правого крыла и пехота имели, таким образом, успех, и наступали; на левом же фланге с не меньшей решимостью двинулись вперед пять кавалерийских отрядов сэра Мармадьюка Лангдейла. Встретил их командовавший вражеской конницей правого крыла Кромвель. Имея целых семь отрядов, притом более сильных, чем подразделения Лангдейла, он превосходил противника числом и вдобавок занимал более выгодную позицию, ведь кавалеристам короля, прежде чем они смогли бы атаковать, нужно было подняться на возвышенность. Тем не менее они попытались выполнить свой долг, насколько это им позволяли условия местности и численное преимущество врага. Однако, еще не успев добраться до вершины холма, кавалеристы Лангдейла были обойдены и атакованы с обоих флангов парламентской конницей, после чего, не выдержав столь мощного натиска, дрогнули и бежали с поля боя — быстрее и дальше, чем подобало таким людям. Четыре из неприятельских отрядов, отлично сохраняя сомкнутый строй,

устремилась в погоню за беглецами, чтобы помешать им привести себя в порядок и вновь соединиться (чего те, впрочем, даже не попытались сделать); остальные же обрушились на королевскую пехоту, до сих пор явно бравшую верх над парламентской; а в это время принц Руперт со своим правым крылом преследовал разбитые и расстроенные им эскадроны.

Конный резерв короля, состоявший из его собственной гвардии и с ним самим во главе, уже готовился атаковать кавалерию, преследовавшую разгромленное левое крыло, когда гвардейцами внезапно овладела столь сильная паника, что они обратились в бегство и проскакали, не останавливаясь, четверть мили. Причиной тому стало удивительнейшее происшествие, какие случаются чрезвычайно редко и могут смутить и обескуражить даже самых стойких бойцов, к числу коих относились эти, лучшие в армии Его Величества, кавалеристы. Как было сказано, король во главе собственной гвардии уже готов был ударить по врагу, когда скакавший рядом с ним граф Картворт (чьих советов, хотя этого человека никогда не подозревали в измене, король при подобных обстоятельствах не стал бы слушать) вдруг схватил под уздцы лошадь короля и, отпустив пару крепких шотландских ругательств (а он принадлежал к этой нации), воскликнул: «Вы что, хотите через мгновение погибнуть?» — и, прежде чем Его Величество сообразил, что намеревается сделать граф, повернул его лошадь в сторону. «Приказано двигаться вправо!» — тут же пронеслось по рядам. После этого маневра гвардейцы уже не могли ни атаковать неприятеля, ни помочь своим товарищам; и тогда они повернули лошадей и во весь опор помчались прочь, как если бы каждый помышлял теперь лишь о собственном спасении.

Правда, когда вдогонку им послали более мужественный приказ «Остановиться!», многие из них возвратились к королю, и все же первое роковое слово стоило ему потери большего числа бойцов. К этому времени вернулся принц Руперт с сильным отрядом кавалерии, который ранее совершил успешную атаку на правом фланге; но этих всадников, полагавших, что свое дело они уже сделали, невозможно было теперь ни вновь построить в боевой порядок, ни заставить атаковать неприятеля. Это различие в выучке и дисциплине между, с одной стороны, конницей короля, и с другой — кавалерией Ферфакса и Кромвеля (именно Ферфакса и Кромвеля, поскольку в войсках Эссекса и Уоллера ничего подобного не наблюдалось) давало о себе знать постоянно, ведь королевские эскадроны, даже

если они успешно атаковали и брали верх над неприятелем, редко удавалось собрать вновь и побудить к повторной атаке (почему они и не одержали под Эджхиллом полной и решительной победы), тогда как вражеские кавалеристы, побеждали ли они или терпели поражение, быстро восстанавливали строй и в полном порядке ожидали дальнейших приказаний. Король и принц, несколько раз и с явным риском для жизни, пытались собрать свои разбитые, но еще достаточно многочисленные войска, рассеявшиеся по полю сражения, однако все их усилия оказались тщетными. В конце концов, король вынужден был покинуть поле битвы, оставив в руках Ферфакса всю свою пехоту, артиллерию и обоз, в том числе собственный кабинет, где хранились секретнейшие бумаги, а также его переписка с королевой, чем Парламент с присущей ему варварской дикостью не преминул вскорости воспользоваться и распорядился предать печати эти письма — вернее, те из них, которые, как ему казалось, могли опорочить Их Величества и усилить уже внушенное народу предубеждение против монаршей четы; зато другую часть переписки, способную очистить короля и королеву от многих клевет, на них возводимых, Палаты решили утаить.

Было бы не вполне уместно называть здесь поименно всех благородных особ, которые погибли в этой битве — битве, обрекшей на гибель короля и королевство, хотя тогда легло на месте свыше ста пятидесяти офицеров и родовитых джентльменов, память о коих нам следует навсегда сохранить. В тот день враги не останавливались даже перед самой зверской жестокостью и во время преследования истребили более ста женщин, среди которых оказались и жены знатных офицеров. Той же ночью король и принц Руперт отступили со своими разбитыми войсками через Лестер к Ашбиде-ла-Зуш, а на следующий день — к Личфилду. Продолжив марш, они прибыли через два дня в Бьюдли в Вустершире, где сутки отдыхали, после чего двинулись к Герифорду, в смутной надежде, что королю, когда к нему подоспеют войска Джерарда — который командовал в Южном Уэльсе и действительно шел на соединение с Его Величеством во главе отряда в 2000 человек пехоты и кавалерии — удастся собрать новую армию. Но прежде чем в Герифорде успели принять определенное решение о том, каковы должны быть ближайшие действия Его Величества, принц Руперт покинул короля и спешно отбыл в Бристоль, чтобы подготовить к обороне этот город, под стенами которого, с основанием полагал принц, уже в скором времени появится сильный и победоносный неприятель.

Всего поразительнее здесь то, что король тешил себя надеждами на создание новой армии в графствах, измученных и озлобленных бесчинствами его собственных войск и разнузданным поведением назначенных им самим комендантов, — вместо того, чтобы немедленно направиться на запад, где он имел уже сформированную армию, а также народ, в большинстве своем готовый верно ему служить, и куда его разбитые войска, вместе с частями генерала Джерарда успели бы дойти раньше, чем Ферфакс (коему требовалось завершить еще одно дело, прежде чем он смог бы выступить в указанном направлении) оказался бы в состоянии им помешать. Ниже, когда мы вновь посетим запад, у нас появится слишком много поводов для более пространный рассказа об этой злосчастной ошибке.

Глава XIX

(1645)

Поразившая Бристоль зараза (думали, что это чума) вынудила принца Уэльского уехать оттуда, и теперь самым удобным для него местопребыванием сочли Барнстейпл, приятный город в северной части Девоншира, имевший сильные укрепления и довольно многочисленный гарнизон, командовал коим сэр Аллен Апсли. На пути в Барнстейпл Его Высочество смог познакомиться с распоряжениями, которых лорд Горинг, уже возвратившийся на Запад, сумел добиться в Оксфорде от короля, и которые, тотчас же по своем прибытии, он не преминул переслать Его Высочеству. Одновременно лорд Колпеппер получил еще одно письмо от лорда Дигби, отправленное спустя четыре дня после упомянутых распоряжений. Королю угодно, сообщал лорд Дигби, чтобы лорд Горинг принял на себя главное командование войсками, сэр Ричард Гренвилл стал генерал-майором всей армии, сэр Джон Беркли, как генерал-полковник Девоншира и Корнуолла, руководил блокадой Плимута, лорд Гоптон, в качестве начальника артиллерии, вернулся к исполнению своих военных обязанностей — а принц утвердил все эти назначения. На сей счет Его Величество собственной рукой написал лорду Гоптону особое письмо, в котором говорилось, что принцу не следует бывать в армии, ибо он должен оставаться в каком-то безопасном и хорошо охраняемом месте и оттуда, по указаниям своего Совета, ведать и управлять делами на западе, а также готовить резервы и пополнения для армии. При этом король дал понять, что наиболее удобным местопребыванием для принца он считает расположенную неподалеку от Бристоля усадьбу м-ра Смита.

Принц и Совет были до крайности изумлены новыми приказами и решениями, столь отличными от прежних, а потому почли за благо ничего о них не сообщать до той поры, пока они не доведут до сведения Его Величества истинное положение дел в этих краях и не представят ему собственные соображения. Им было совершенно ясно, что если бы местные жители пришли к мысли, что полномочия принца хоть в какой-то своей части упряднены

или ограничены, то (не говоря уже о прочих дурных последствиях) начатый после совещания в Бриджуотере набор солдат, с которым связывали такие надежды, в одно мгновение прекратился бы, ибо джентльмены, коим предстояло формировать новые полки, открыто заявляли, что офицерские патенты они примут от Его Высочества и ни от кого другого. Но как бы усердно ни старались они скрыть содержание этих писем и поскорее отослать королю донесение со своими мыслями на сей счет, лорд Горинг с не меньшим усердием делал все для их обнародования, и с этого момента начал высказывать всяческое презрение к членам состоявшего при особе принца Совета. Но уже через три дня произошла новая перемена, ибо лорд Дигби (тогда же отправивший недвусмысленное королевское распоряжение на сей счет самому лорду Горингу) в своих письмах к лордам Совета от 19 мая, то есть спустя пять дней после предыдущего послания, сообщил: Его Величеству угодно, чтобы лорд Горинг со всеми войсками, без которых можно обойтись на западе, немедленно выступил к Нортгемптону, а принц оставался в Данстер-касле и всячески содействовал набору рекрутов — при дворе, насколько я понимаю, не знали, что чума, изгнавшая принца из Бристоля, с не меньшей силой свирепствовала и в Данстер-гауне, расположенном у самых стен означенного замка. Одновременно в своем письме к лорду Гоптону король приказал этому последнему принять начальство над войсками, состоявшими под верховным командованием принца. Как говорилось выше, принц находился тогда на пути в Барнстейпл. 500 человек из собственной гвардии он оставил для охраны форта в Бристоле, поскольку тамошний гарнизон был чрезвычайно ослаблен изъятием из него множества солдат, отправленных под Таунтон.

По возвращении от короля генерал Горинг обнаружил, что Таунтон деблокирован сильным отрядом из двух тысяч кавалеристов и трех тысяч пехотинцев, подоспевших, к несчастью, в тот самый момент, когда Таунтон вот-вот должен был пасть, ведь линия его укреплений уже была прорвана, а треть города сожжена. Благодаря столь своевременной помощи осада была снята; осаждающие, впрочем, отступили без потерь, а деблокирующий корпус, сделав свое дело и оставив в городе часть пехоты, со всей поспешностью начал отходить на восток. Но тут Горинг, улучив удобный момент, обрушился на него и крепко потрепал, после чего решил, что расстроенный им неприятель, надежно теперь запертый в узких дефилах, уже не сможет ни вернуться в Таунтон, ни продолжить марш

на восток. И действительно, никто из людей, хорошо знавших эти места, не сомневался, что Горинг находился тогда в чрезвычайно выгодном положении и имел на своей стороне все преимущества. Но по причине крайне скверного руководства войсками и по отсутствию ясных и точных приказов (о чем уже тогда многие говорили без всякого стеснения) два отряда (под начальством полковника Торнхилла и сэра Уильяма Кортни, офицеров дисциплинированных и толковых), посланные Горингом по разным дорогам, чтобы обрушиться затем на неприятеля с двух сторон у Петбертон-бриджа, атаковали друг друга, и прежде чем роковая ошибка обнаружилась, многие солдаты погибли, оба командира получили тяжелые ранения, а один из них попал в плен. Неприятель этим воспользовался и без потерь вышел к Таунтону, расположившись в самом городе и его окрестностях. Несмотря на столь досадную неудачу, генерал Горинг был (или казался) совершенно уверен, что быстро управится с врагом; что полученное гарнизоном подкрепление лишь приблизит взятие города и что уже через несколько дней осажденные окажутся в полной его власти.

Происходило это в середине мая, когда, в твердом расчете на скорое завершение таунтонского предприятия, принимались все мыслимые (и весьма действенные) меры, чтобы обеспечить Горинга провиантом, и когда под Таунтон отправляли всех новобранцев и даже солдат из личной гвардии Его Высочества. В итоге уже через несколько дней Горинг имел под своей командой целый корпус из пяти тысяч человек пехоты и четырех тысяч человек конницы — который он расквартировал (для спокойной жизни, а не для войны) в самых удобных местах. Под предлогом защиты обывателей от грабежа и с твердым обещанием поддерживать в войсках образцовую дисциплину он издал приказ о сборе средств для армии (из расчета шести пенсов в день на одного кавалериста). Комиссары одобрили эту меру, и Горингу, хотя бесчинства его солдат нисколько не уменьшились, удалось заполучить огромные суммы. При этом он продолжал искать популярности в народе, для чего рассылал самые привлекательные с виду распоряжения и декларации о наведении порядка в войсках — и даже требовал, чтобы во всех церквях паства возносила за него молитвы и просила Господа благословить успехом начатое им предприятие. Усиленно и непрестанно обхаживая комиссаров (коим он без обиняков заявил, что именно ему — под верховной властью принца, но совершенно независимо от членов его Совета — должно принадлежать или даже действительно

принадлежит безусловное начальство в западных графствах), Горинг, благодаря своим обещаниям, прокламациям и льстивым речам, вкупе с насмешками над особами, вызывавшими у комиссаров неприязнь, в конце концов добился значительного влияния и популярности — и лишь впоследствии комиссары уразумели, что Горинг попросту дурачил их своими обещаниями и распоряжениями и что в то время, когда Горинг, как можно было подумать, потешался вместе с ними над другими людьми, он употреблял их самих в качестве орудий для достижения собственных целей.

При таких обстоятельствах к Горингу и пришло письмо короля с приказом идти в Нортгемтоншир. Ответ свой он послал с курьером, даже не испросив на сей счет указаний принца, хотя и не преминул добиться согласия Его Высочества на отсрочку марша. Впрочем, Горинг твердо обещал справиться с вражескими силами в Таунтоне за несколько дней, выступление же в поход до их разгрома отдало бы весь запад во власть мятежников; наконец, существовала опасность того, что неприятельский корпус двинется из Таунтона вслед за Горингом и своим прибытием усилит армию Парламента ничуть не меньше, чем Горинг — армию короля (если только Горинг не приведет с собой также части, уже взятые им из различных гарнизонов) — по всем этим причинам мысль о необходимости повременить с выполнением королевского приказа, пока Его Величество не получит полного и точного представления и положения дел на западе, казалась разумной; соответственно, Его Высочество также отправил гонца к королю. Между тем генерал Горинг не только не добился никаких успехов под Таунтоном, но стал еще более дерзко, чем прежде, пренебрегать своими обязанностями: он позволял неприятелю прямо через расположение осаждающих доставлять в город огромное количество съестных припасов: он совершенно не заботился о своих пехотинцах, отчего павшие духом солдаты разбегались из-под Таунтона быстрее, чем туда присылали пополнение; наконец, он всецело предался беспутству, так что его по три-четыре дня кряду вообще не видели в войсках. Тут пришло известие о катастрофе под Незби, избавившей Горинга от всяких опасений насчет возможного отзыва с запада, но он и не подумал чем-либо обеспокоить неприятеля, находившегося тогда в большой крайности; напротив, по вине Горинга караульную службу стали нести еще беспечнее, почему враг, даже среди бела дня, часто атаковал и громил его квартиры. А в это время старшие офицеры, в том числе генерал-полковник Портер, с его дозволения

несколько раз вступали в переговоры с офицерами мятежников, к величайшему возмущению всех остальных, не понимавших, что все это значит, — тем более, что сам Горинг с крайним пренебрежением отзывался об особе короля и при всяком удобном случае выказывал бешеную ненависть к членам Совета, состоявшего при Его Высочестве. В итоге, после почти шестинедельного стояния под Таунтоном, гарнизон коего (точнее, подоспевшие на выручку гарнизону войска) он грозился уничтожить за несколько дней, Горинг сам вынужден был отступить, позволив таким образом осажденным соединиться с сэром Ферфаксом, который в начале июля выступил в поход на запад.

Хотя принц по прибытии своем в Барнстейпл крайне редко получал от Горинга какие-либо донесения о происходящем, несколько уважаемых лиц сообщили Его Высочеству, что Горинг весьма недоволен и горько жалуется на непочтительное и нелюбезное к себе отношение. Эти же особы предложили поискать средства к восстановлению доброго согласия с Горингом, чтобы побудить его таким образом к энергичным действиям, коих властно требовали тогдашние обстоятельства; и когда Горинг дал знать, что такого-то числа намерен быть в Тавистоке, принц послал туда сэра Джона Беркли, сэра Хью Полларда и полковника Ашбурнема, поручив им провести совещание с Горингом и выяснить, чего он, собственно, хочет, — ведь принц ни разу не отказал Горингу в помощи, принимал все его предложения и удовлетворял любые его желания. На встрече в Тавистоке Горинг держался вызывающе; он твердил лишь о том, что Совет принца пренебрегает его нуждами; что король обещал назначить его командующим на западе, но Совет этому воспрепятствовал, за какую-либо обиду он требует удовлетворения и, пока не получит его, не станет что-либо предпринимать против неприятеля. Речи эти изобиловали жестокой бранью по адресу отдельных особ, иные из которых, как рассказал ему в свое время принц Руперт, полагали его, Горинга, человеком, не заслуживающим доверия. В самом деле, когда-то эти люди откровенно говорили на сей счет с Его Высочеством — после того, как о Горинге с большой откровенностью высказался сам принц. Когда же все трое настойчиво попросили Горинга сообщить им, как друзьям, какие именно условия его удовлетворяют, он объявил, что если его немедленно назначат генерал-лейтенантом у принца, сделают членом его Совета, пообещают при первой же возможности ввести в состав Тайного совета и пожалуют ему звание постельничего при

дворе Его Высочества, то он быстро и решительно возьмется за дело — в противном же случае пусть сами члены Совета и выполняют всю эту работу. Дать разумный ответ на столь сумасбродные речи представлялось совершенно невозможным, тем более что все это было сказано посланцам принца как друзьям, а не отправлено Его Высочеству в виде прямых требований.

Как только у принца возникли опасения на счет возможного скорого похода сэра Томаса Ферфакса на запад, он настоятельно посоветовал лорду Горингу позаботиться о надлежащем снабжении гарнизонов, расположенных неподалеку от Бриджуотера, и в особенности — гарнизона Ленгпорта, который имел чрезвычайно важное значение и, будучи обеспечен всем необходимым, мог бы надежно защитить Бриджуотер и всю прилегающую к нему часть графства. Войска в Ленгпорт ввел еще лорд Гоптон, когда в первый раз подступил к Таунтону, иначе говоря, после того, как Вандурск вынудил снять блокаду Таунтона, установленную полковником Уайндемом. Он же убедил принять начальство над новым гарнизоном сэра Фрэнсиса Макворта (который прежде был генерал-майором у маркиза Ньюкасла, а после роспуска этой армии решил, с дозволения Его Величества, возвратиться на службу в Нидерланды), в предположении, что с прибытием в эти края принца тот получит более высокий пост; и еще до появления под Таунтоном лорда Горинга сэр Фрэнсис успел неплохо укрепить Ленгпорт. О ленгпортском гарнизоне с самого начала прескверно отзывался полковник Уайндем, не желавший иметь в такой от себя близости еще одного коменданта, коему перепадала бы часть тех поступлений, которые полковник уже привык считать исключительным своим достоянием, хотя предназначались они вовсе не ему; впоследствии из-за какой-то размолвки между сэром Джоном Стоуэллом и сэром Фрэнсисом Маквортом гарнизон Ленгпорта стали поносить еще яростнее, так что принцу, когда он приехал в Бристоль, приходилось посвящать большую часть времени разбору жалоб сэра Джона Стоуэлла на этот гарнизон и на его начальника, который-де заставлял местных жителей работать на строительстве ленгпортских укреплений и вносить деньги на их сооружение. Лорд же Горинг, желая по прибытии своем под Таунтон сделать приятное Бриджуотеру и угодить всем джентльменам, по каким-то пустым и вздорным поводам сердитым на лорда Гоптона (а также из-за старой своей неприязни к сэру Фрэнсису Макворту, вызванной ссорами, имевшими между ними место еще тогда, когда оба они занимали

генеральские должности на Севере), держал этот гарнизон в черном теле и всячески его притеснял и ущемлял. Он не только давал ход любым жалобам против него, но и отнимал (в пользу собственной армии) все военные налоги, предназначавшиеся на его содержание, и прямо запрещал ленгпортцам принудительно собирать суммы, которые должны были взиматься на их нужды по решению самого принца. Мало того, когда местные дубинщики, собравшись в большом числе и захватив в плен нескольких солдат и офицеров ленгпортского гарнизона (которые лишь потребовали полагавшиеся им по праву денежные суммы и съестные припасы), подступили к стенам Ленгпорта и стали палить из мушкетов по городским укреплениям, а сэр Фрэнсис Макворт со своими кавалеристами их атаковал, нескольких уложил на месте, а остальных обратил в бегство — лорд Горинг отправил ему по этому поводу чрезвычайно строгое внушение, категорически приказав впредь так не поступать и ни в коем случае этих людей не беспокоить и не обижать. Все это привело ленгпортский гарнизон в столь жалкое состояние, что в тот самый момент, когда он мог бы спасти всю армию, у него не оставалось провианта даже на два дня. Между тем сэра Фрэнсиса Макворта призвали к особе принца — что было сделано как по его собственному желанию (видя, как скверно к нему относятся, он заключил, что причиной тому — известное предубеждение против него лично, которое оборачивается дурными последствиями для гарнизона), так и по совету принца Руперта, который, оставив принца в Барнстейпле, посетив Горинга и побывав в Бриджуотере, пообещал уладить дело и назначить начальником ленгпортского гарнизона полковника Уайндема.

Я не могу не сказать здесь несколько слов о дубинщиках, которые начали во множестве появляться в разных частях Сомерсетшира около того времени, когда принц, переезжавший из Бата в Барнстейпл, был на пути к Бриджуотеру. 2 июня Его Высочество ночевал в Уэллсе. Там ему была вручена петиция, составленная в Маршалс-Элмсе, где собралось от пяти до шести тысяч человек, в большинстве своем вооруженных. Подателям петиции велено было явиться за ответом на следующий день в Бриджуотер. Хотя в качестве причин недовольства открыто заявлялись грабежи, притеснения и бесчинства, совершаемые кавалеристами Горинга, было очевидно, что выступление дубинщиков поддерживают многие джентльмены графства: иные из них видели в нем удобное средство к исправлению нравов в армии; другие же надеялись, что

оно принесет пользу королю и разрастется до размеров ассоциации «всех и каждого» (какой она и мыслилась поначалу). А потому в сходках дубинщиков деятельно участвовали некоторые из ближайших единомышленников сэра Джона Стоуэлла, а сам он упорно хлопотал о милостивом ответе на их петицию — чего добивались также и другие особы, включая священников, имевших репутацию людей честных и всецело преданных королю. Принц выразил искреннее сочувствие составителям петиции, страдавшим из-за своеволия солдат, и пообещал сделать все, чтобы навести в армии порядок (с каковой целью он написал немало строгих писем лорду Горингу). При этом, однако, Его Высочество указал дубинщикам, что их незаконные сходбища и самоуправные деяния грозят обернуться пагубными последствиями, ибо хотя многие из них имеют благие намерения, в их среду могут проникнуть подосланные мятежниками люди, которые, вначале склонив их к своего рода нейтралитету и внушив им равнодушие к делу короля, затем — чрезвычайно быстро и вопреки их собственным добрым помышлениям — окажутся способны использовать их против короля. По этим причинам принц строго запретил дубинщикам впредь собираться подобным манером — разве что они завербуются в полки королевской армии и выберут себе командиров из числа местных джентльменов (коим Его Высочество изъявил полную готовность выдать соответствующие офицерские патенты).

Казалось, этот ответ удовлетворил тех, кто представлял петиционеров; затем, однако, некоторые джентльмены убедили их не подчиняться решению принца, так что дубинщики продолжали собираться толпами, а многие младшие офицеры покидали свои части и присоединялись к ним, еще сильнее разжигая их недовольство. Принц же, отправляясь в Барнстейпл, предупредил Горинга, что своеволия этих людей могут иметь самые опасные последствия, и потому настойчиво посоветовал генералу, с одной стороны, искоренить и пресечь возмутительные бесчинства армии, восстановив в ней строгую дисциплину и сурово покарав злых нарушителей закона, а с другой — как можно скорее наказать дубинщиков и не допускать впредь их сборищ, которые в противном случае превратятся для него со временем в угрозу ничуть не меньшую, чем любые отряды мятежников. Но — для того ли, чтобы дать почувствовать собственное могущество, а также снискать популярность покровительством тому, чего не одобрял принц, или же в искреннем убеждении, что ему удастся использовать дубинщиков

в собственных интересах и уговорить их присоединиться к его армии — Горинг относился к ним со всевозможной снисходительностью и не позволил употребить против них силу. В итоге сами дубинщики усилились настолько, что сумели затруднить доставку провианта в армию и гарнизоны; когда же, с появлением на Западе сэра Томаса Ферфакса, Горинг отступил от Таунтона, они перебили множество его солдат, причинив ему больше вреда, чем все войска мятежников.

Прибыв в Барнстейпл, принц благодаря слухам, а также торжествам в честь победы, устроенным в тех краях мятежниками, узнал о роковой битве при Незби, хотя никаких обстоятельных известий или сообщений на сей счет из Оксфорда или от заслуживающих доверия особ он не получал, почему и оставалась слабая надежда, что новость эта неверна или по крайней мере верна не настолько, как это утверждали враги Его Величества. Тем не менее принц должен был готовиться к худшему и еще усерднее приводить западные графства в такое состояние, чтобы они могли возместить ущерб, нанесенный королю в других местах, чего можно было добиться, лишь положив конец злобным раздорам и взаимным подозрениям отдельных лиц и объединив всех, кто объявлял себя сторонником короля и искренне желал успеха его делу — коему создавала серьезные препятствия и даже грозила полным крахом безмерная гордыня неисправимых смутьянов. Вопреки упомянутым выше распоряжениям девонширских комиссаров, касавшимся распределения взимаемых с графства военных налогов и предусматривавшим, что блокирующие Плимут войска должны получать столько, сколько сам же сэр Ричард Гренвилл счел в свое время достаточным для их содержания, он продолжал забирать себе все эти поступления целиком, как будто по-прежнему имел под своим началом 6000 пехотинцев и 1200 кавалеристов. На иной порядок расходования этих средств или на сокращение собственной доли Гренвилл не соглашался, ибо, твердил он, для уплаты его солдатам под Таунтоном никаких сумм отпущено не было, и теперь у них ничего не остается. Возражая Гренвиллу, комиссары указывали, что его солдаты составляют ныне часть единой армии и содержатся так же, как и их товарищи по оружию; что со времени своего появления под Таунтоном никаких денег от него, Гренвилла, они не получали, но жили, как и вся армия, вольным постоем; что еженедельная выплата жалованья только его солдатам повлечет за собой дурные последствия и вызовет мятеж, ведь ни на западе, ни в других

частях Англии королевские войска жалования не получают; что если Гренвилл примет в расчет общее положение дел, то он не сможет не признать разумным такой порядок распределения средств, ибо нельзя ожидать, что жители какого-либо графства согласятся расходовать причитающиеся с них суммы военного налога на оплату войск в других графствах — в то самое время, когда их собственные гарнизоны, призванные защищать родное им графство, уже находятся по причине безденежья на грани бунта или распада. Но если Гренвилл, продолжали комиссары, полагает, что штаты его частей можно сократить или обеспечить их снабжение каким-то иным способом, то они не станут возражать, если образовавшимися излишками он будет распоряжаться по собственному усмотрению. Ни на один из этих доводов Гренвилл не ответил, но решительно объявил, что из ассигнованных ему прежде сумм он ничего не отдаст — хотя комиссары могли взять их теперь себе с точно таким же правом, с каким ранее отпускали их сэру Ричарду, и хотя средства эти были выделены на содержание более крупной армии и с тем неременным условием, что Гренвилл (собственноручно подписавший соответствующее обязательство) возьмет Плимут еще до Рождества.

Когда о переговорах с Гренвиллом доложили принцу, он почел за нужное одобрить и утвердить предложения комиссаров, как единственно возможный способ обеспечить снабжение западных гарнизонов; однако формальное решение по этому делу Его Высочество отложил до своего прибытия в Барнстейпл, куда намеревался в самом скором времени отправиться. Он также велел явиться к нему в Барнстейпл комиссарам Девоншира и Корнуолла, что они (вместе с сэром Джоном Беркли и сэром Ричардом Гренвиллом) и сделали спустя несколько дней после его приезда в этот город.

Девонширские комиссары настойчиво потребовали, во-первых, утвердить предложенный ранее порядок взимания и распределения военных налогов и, во-вторых, ограничить безмерную власть сэра Ричарда Гренвилла, который собирал с местных жителей столько денег, сколько хотел, и сажал под стражу всех, кого хотел. С гневными жалобами на творимые Гренвиллом дикие беззакония и жестокости выступили, от имени своего графства, и корнуолльские комиссары. Многих честных и состоятельных людей, а также всех констеблей восточной части графства он заключил в лидфордскую тюрьму в Девоншире — не за какие-либо преступления, но чтобы принудить их к уплате выкупа за свое освобождение.

Войска Гренвилла совершали столь чудовищные насилия, что комиссарам пришлось даже выступить против него судебным порядком, постановив, что если сэр Ричард опять пошлет в Корнуолл своих солдат и те вновь начнут бесчинствовать, то обыватели будут вправе подняться против них с оружием в руках и изгнать их за пределы графства. Эта декларация, подписанная всеми комиссарами из числа самых преданных и ревностных сторонников короля, означала по сути не что иное, как объявление войны Гренвиллу, и уполномоченные от Корнуолла, представив ее принцу, указали в свое оправдание, что это была вынужденная мера, ибо только так можно было успокоить народ, который бы в противном случае немедленно восстал и вырезал солдат Гренвилла всех до единого. А потому всякий, кто пожелал бы судить о происходящем на основании того, что он мог услышать от комиссаров Девоншира и Корнуолла, непременно пришел бы к заключению, что сэр Ричард Гренвилл вызывает в обоих графствах глубочайшую и вполне заслуженную ненависть. В самом деле, он, вне всякого сомнения, вел себя чрезвычайно высокомерно и деспотически по отношению к комиссарам, однако строгая дисциплина, которую установил сэр Ричард в своих войсках под Плимутом, где солдатам не дозволялось своевольничать и причинять малейший ущерб обывателям (чего, если учесть отпускавшиеся ему крупные суммы, а также немногочисленность его войска, было не так уж трудно добиться) снискала ему уважение местных жителей, так долго страдавших от бесчинств армии принца Морица, а народная молва разнесла добрую славу Гренвилла еще дальше.

Уже сказанного выше более чем достаточно, чтобы ясно себе представить нрав и характер этого джентльмена, однако течение настоящего повествования делает для нас абсолютно необходимым упоминание многих других обстоятельств, которые едва ли не всюду доставляли принцу массу тревог, совершенно расстраивая весь ход дел в Девоншире и Корнуолле, а следственно, и на всем западе. Одно из таких происшествий вызвало особенно шумные толки. Вскоре после того, как Гренвилл (по причине ранения м-ра Дигби) был назначен командовать войсками под Плимутом, некто Брабант, юрист по профессии, который жил в тех краях и всегда честно исполнял свой долг по отношению к королю (и который вел некогда против сэра Ричарда важное дело в Звездной палате, защищая интересы его супруги и графа Саффолка), отлично, по-видимому, зная, что за человек Гренвилл, решил больше не рисковать, оставаясь на

подчиненной его власти территории, и потому задумал перебраться в места более безопасные. В охотничьей шапке и под чужим именем Брабант пустился в путь, но был схвачен поджидавшими его в засаде людьми сэра Ричарда, доставлен к нему и по его приказу, без всякого военного трибунала, немедленно повешен — как переодетый шпион. История эта казалась столь дикой и невероятной, что один из членов Совета спросил Гренвилла, верна ли она, и тот невозмутимо ответил, что он действительно повесил Брабанта как изменника и врага короля, а еще схватил его брата, которого также мог бы повесить, но позволил обменять. Ему известно, продолжал Гренвилл, что в округе толкуют, будто он повесил Брабанта из мести, ибо тот вел некогда против него судебное дело, однако истинная причина была другая; хотя, с усмешкой добавил сэр Ричард, человек этот поступил с ним в свое время самым подлым образом, и он, Гренвилл, был весьма доволен, когда у него появилось законное основание покарать негодяя.

Принцу, слушавшему гневные жалобы комиссаров обоих графств, очень не хотелось входить в слишком подробный их разбор, ибо в таком случае он оказался бы вынужден сурово осудить или подвергнуть порицанию действия сэра Ричарда Гренвилла — все еще способного, по мнению принца, принести немало пользы на службе королю. А потому Его Высочество, следуя прежнему плану, решил поручить блокаду Плимута сэру Джону Беркли, который мог бы, не бросая тени на Гренвилла, выпустить на свободу людей, достаточно долго находившихся под стражей, и который не требовал для своих солдат больше денег, чем выделяли ему комиссары; а сэра Ричарда Гренвилла, в согласии с его собственным недавним предложением, — побудить к участию в полевой кампании, для чего, и как нельзя более вовремя, представилась благоприятная возможность. Дело в том, что лорд Горинг написал принцу письмо, в котором сообщал, что множество солдат сэра Ричарда Гренвилла бежало из-под Таунтона, почему из 2200 бойцов, приведенных им туда в свое время, осталось теперь не более 600; указывал, что ни вернуть беглецов под знамена, ни ускорить набор новых рекрутов без личного присутствия Гренвилла в этой армии будет невозможно; и просил Его Высочество принять в соображение эти обстоятельства и направить сэра Ричарда Гренвилла под Таунтон, поручив ему начальство над находящимися там войсками в качестве фельдмаршала. На сей счет Горинг написал и самому Гренвиллу, убеждая его устроить свою главную квартиру близ Лайма и принять

на себя всю военную власть в этих краях. Так между ними завязались весьма тесные сношения. В итоге Гренвилл получил патент на должность фельдмаршала армии ассоциации, с указанием, что ему следует подчиняться лорду Горингу; последний же передал ему соответствующие полномочия. Правда, Гренвилл захотел оставить за собой командование под Плимутом *in commendam**, дабы осуществлять его через своего генерал-майора, но ему ответили, что этот вопрос — по его собственному предложению и совету — решен по-другому, и тут уже ничего нельзя изменить (ведь попытка это сделать означала бы, что жалобы двух графств останутся без удовлетворения). Затем Гренвилл принялся пылко рассуждать о скверном порядке распределения военных налогов и даже объявил, что не может и не станет командовать войсками, которым не платят. Впрочем, отведя душу в резких выпадах по поводу бездеятельности и своеволия комендантов, а также бестолкового расходования денежных средств на бесполезные гарнизоны, и выяснив, что его собственную армию предполагается содержать за счет Сомерсетшира и Дорсетшира, он попрощался с принцем и со своим фельдмаршальским патентом отбыл к лорду Горингу под Таунтон; к Плимуту же в это самое время был отправлен сэр Джон Беркли.

Около середины июля сэр Томас Ферфакс вступил в пределы Сомерсетшира, после чего генерал Горинг счел нужным отвести войска от Таунтона и, как можно было подумать, намеревался выступить навстречу Ферфаксу и дать ему бой. Он занял чрезвычайно удобные для обороны позиции вокруг Ленгпорта между двумя реками; причем и кавалерии, и пехоты у Горинга было лишь немногим меньше, чем у неприятеля, хотя, по крайней нерадивости генерала, его пехота за время сидения под Таунтоном сильно уменьшилась в числе из-за недостатка провианта и отсутствия должной заботы о ее нуждах — и это тогда, когда кавалерия получала всего вдоволь и даже с избытком. Уже через несколько дней неприятель среди бела дня внезапно атаковал часть его армии — тысячу кавалеристов под начальством генерал-лейтенанта Портера. Те стояли в низине и не могли не заметить по крайней мере с расстояния в полмили, спускавшегося с холма врага; тем не менее кавалеристы Портера были захвачены врасплох, и неприятель обрушился на них прежде,

* «*In commendam*» — получение комменды, т. е. права опеки над вакантной должностью (изначально церковной) или держанием. (Примеч. ред.)

чем они успели сесть на лошадей (пасшихся в это время на соседнем лугу) — в итоге отряд был полностью разгромлен, и многие попали в плен. На следующий день другой корпус парламентской кавалерии и драгун — несмотря на все преимущества, которые имел Горинг благодаря узким дефилам и выгодным позициям, — атаковал всю его армию, обратил ее в бегство, захватил две пушки, преследовал солдат Горинга через Ленгпорт (гарнизон которого, если бы, о чем уже говорилось выше, его с таким усердием не притесняли и не держали в таком небрежении, сумел бы остановить врага и спасти армию Горинга) и гнал их до самых стен Бриджуотера, за которыми они в полном беспорядке и укрылись. Переночевав в Бриджуотере и оставив там всю артиллерию, амуницию, обоз и всех не пожелавших уходить из города солдат, Горинг на другой день столь же беспорядочно отступил в Девоншир; причем на марше ему не давали покоя местные дубинщики и крестьяне, безжалостно истреблявшие изнуренных или отставших солдат. После этого разгрома, означавшего по сути поражение всей Западной армии, лорд Горинг отошел в Барнстейпл (несколькими днями ранее принц выехал из этого города в Лонстон в Корнуолле) и оттуда написал лорду Дигби, что его солдаты были внезапно охвачены таким ужасом и смятением, что в тот момент, как он совершенно уверен, никто бы не смог заставить их драться — даже с неприятелем, вдвое уступавшим им в числе. В том же письме (то есть через три дня после разгрома, когда многие отбившиеся от своих частей солдаты еще не успели вернуться) он сообщал, что имеет от трех до четырех тысяч пехоты (полк принца Руперта, состоявший из более чем пятисот бойцов, был оставлен в Бриджуотере, еще двести человек — в Барроу), а также двести пятьдесят кавалеристов, не считая полка сэра Люиса Дайвса и всей западной конницы. Если так, и если учесть, что за два этих роковых дня не менее тысячи солдат погибли или попали в плен, многие бежали в Бристоль, а некоторые еще не успели возвратиться под его знамена — то выходит, что в момент снятия осады Таунтона Горинг располагал войском, численностью своей почти не уступавшим неприятельскому.

Сэр Томас Ферфакс не стал тогда продолжать преследование бегущего неприятеля, но дал ему достаточно времени, чтобы оправиться и восстановить силы, а сам решил овладеть Бриджуотером — чему все поначалу сильно удивились, хотя уже вскоре обнаружилось, что у Ферфакса были веские причины остановиться именно там. Между тем генерал Горинг проводил время в Барнстейпле

и окрестностях, а его армия стояла на квартирах в Торрингтоне и по всему северному Девонширу, где его кавалеристы своим невыносимо дерзким и безобразным поведением сумели озлобить и восстановить против себя даже самых преданных сторонников короля. Горинг же, вместо того, чтобы попытаться пополнить войска и как следует подготовиться к вражескому наступлению, позволил всем, кто хотел, бросить службу и убраться восвояси, так что уже 27 июля он писал лорду Колпепперу, что у него осталось не более тысячи трехсот пехотинцев. В бытность свою в Барнстейпле Горинг, по своему обыкновению, часто напивался пьяным, после чего яростно поносил членов Совета при особе принца и грозил доказать, что в потере запада повинны именно они; в столь же непростительно грубых выражениях он отзывался об особе короля и беспрестанно разглагольствовал о том, как жестоко отомстит он своим обидчикам. Так он развлекался до конца июля, время от времени посылая членам Совета раздраженные письма. Он то сетовал на недостаток денег и просил Его Высочество помочь ему в этой нужде (хотя отлично знал, что принцу, не взявшему ни единого пенни из общественных пожертвований и военных сборов, не хватало средств даже на собственный стол), то требовал срочно отправить из Корнуолла в его распоряжение все гарнизоны и всех отбившихся от своих частей солдат, дабы он мог выступить против неприятеля, то — уже на следующий день — предлагал разместить по гарнизонам всю пехоту, как совершенно непригодную для полевых сражений — так что прежде чем Горингу успевали ответить на его последнее письмо, обыкновенно приходило новое, составленное в совершенно ином духе.

Еще одним источником затруднений и беспокойств, ничуть не меньшим, чем лорд Горинг, вновь стал сэр Ричард Гренвилл. Он оставил принца в Барнстейпле, чрезвычайно довольный своим фельдмаршальским патентом, а еще больше — единоличным командованием блокадой Лайма, каковое, по расчетам сэра Ричарда, сулило ему крупные денежные суммы. Согласно принятому ранее плану, известному числу солдат из гарнизонов Дартмута, Эксете́ра и Барнстейпла предстояло в назначенный день сосредоточиться в Тивертоне, где они должны были поступить под начало сэра Ричарда Гренвилла, а затем, соединившись с частями, которые Гренвилл приведет из армии лорда Горинга, расположиться на квартирах близ Лайма, и Его Высочество уже издал на сей счет надлежащие распоряжения. Солдаты из Эксете́ра, выполняя этот

приказ, вовремя явились куда следует; бойцы же из Барнстейпла и Дартмута также выступили к Тивертону, более суток провели в марше, но затем, узнав, что лорд Горинг снял осаду Таунтона, остановились и послали гонца за новыми приказами к принцу, который, полагая, что с отходом Горинга от Таунтона прежний план устройства главной квартиры близ Лайма теряет смысл и что теперь нужно укреплять оборону его собственной резиденции, Барнстейпла, именно туда эти отряды и отозвал. Принц также послал письмо сэру Ричарду Гренвиллу, сообщив ему, почему гарнизоны Дартмута и Барнстейпла отправлены не в Тивертон, а в другое место — но при этом дал понять, что если прежний замысел остается в силе, то барнстейплский гарнизон вовремя прибудет туда, куда прикажет сэр Ричард.

Неявкой этих частей к назначенному сроку в Тивертон (хотя даже своевременное их прибытие уже ничем не могло помочь осуществлению первоначального плана) сэр Ричард Гренвилл воспользовался как предлогом для того, чтобы бурно вознегодовать против членов Совета, и уже на другой день в пакете, адресованном секретарю Совета м-ру Феншоу и не содержавшем в себе письма, возвратил выданный ему принцем фельдмаршальский патент. Несколько дней спустя, 5 июля, он послал лордам Совета чрезвычайно дерзкое письмо. В нем Гренвилл жаловался на бесчисленные и ничем не заслуженные оскорбления и поношения, которые ему якобы приходилось терпеть; намекал, что члены Совета оклеветали его в угоду сэру Джону Беркли; и утверждал, что лорды, уговаривая его передать начальство над войсками под Плимутом сэру Джону Беркли, пообещали ему верховное командование в армии принца — тогда как в действительности (о чем уже было сказано выше) Гренвилл сам изъявил готовность оставить свой пост и предложил назначить на его место сэра Джона Беркли как единственного достойного кандидата. Сэр Ричард также заявил, что до сих пор он служил королю за свой счет, расходуя собственное состояние и не получая никакой денежной помощи; что перед отъездом из Барнстейпла ему обещали юридическую гарантию и защиту его прав на усадьбу и прочее имущество, однако из соответствующей грамоты, доставленной ему впоследствии слугой, все статьи о льготах были исключены; и что в таком ограждении своих имущественных прав он не нуждается. В заключение Гренвилл выразил готовность продолжать службу простым волонтером до тех пор, пока ему не представится возможность поведать Его Величеству

о своих бедствиях. И здесь, в связи с только что упомянутым документом об ограждении имущественных прав Гренвилла (отказ в котором так его возмутил) и его заявлении о службе королю за счет собственного состояния (аргумент, который сэр Ричард очень часто и весьма дерзко приводил как в своих письмах принцу, так и в беседах с ним), необходимо кое-что рассказать о его состоянии и о том скудном, как он уверял, вознаграждении, которое получил он от короля за свою службу.

Когда Гренвилл впервые появился в этих краях, он не занимал какой-либо командной должности, а располагал лишь полномочием на набор полка пехоты и полка кавалерии. Впрочем, сэр Ричард не выставил ни единого солдата или лошади вплоть до того времени, когда принял начальство над войсками под Плимутом, а произошло это гораздо позже. Никаких поместий Гренвилл не имел ни на западе, ни, насколько мне известно, где-либо еще. Правда, его жена владела несколькими поместьями близ Тавистока и в других частях Девоншира, приносившими около 500 фунтов годового дохода; но столь же верно и то, что еще до замужества она (как уже было сказано) передала их в доверительное управление друзьям, и несколько долгих процессов, которые велись по искам Гренвилла в суде лорд-канцлера и других палатах до войны, завершились вердиктами и постановлениями отнюдь не в его пользу. Таким образом, со времени ссоры с женой, то есть уже много лет, поместья эти не приносили Гренвиллу никаких выгод и преимуществ. А первым королевским благодеянием сэру Ричарду как раз и стало наложение в его пользу секвестра на все имущество супруги (находившейся тогда на занятой мятежниками территории); на этом основании он водворился в ее усадьбе близ Тавистока и, опять же, в силу королевского пожалования забрал себе весь скот и заставил держателей выплатить ему все долги по рентам, а точнее то, что он сам объявил их задолженностью — сумму весьма значительную. Когда же полковник Дигби получил злосчастное ранение, сделавшее его неспособным к исполнению прежних обязанностей, сэр Джон Беркли (и только он один) обратился к принцу Морицу с настойчивой просьбой назначить на этот пост сэра Ричарда Гренвилла, и хотя речь шла о графстве, где он сам, как генерал-полковник, был высшим воинским начальником, Беркли добился для Гренвилла патента на единоличное командование войсками под Плимутом, переслал или вручил его сэру Ричарду и с самого его прибытия на запад относился к нему с чрезвычайной любезностью.

Правда, Гренвиллу не удалось тогда долго покомандовать: в тот край явился граф Эссекс, и сэр Ричард принужден был снять блокаду Плимута, после чего присоединился к армии короля. Когда же войско Эссекса перестало существовать, Гренвилла вновь назначили на эту должность, а король, еще до оставления им западных графств, секвестровал в его пользу все девонширские имения графа Бедфорда и сэра Фрэнсиса Дрейка (таким образом Гренвилл получил Бакленд Монахорум, где находился во время блокады Плимута, и Уорринтон близ Лонстона), а также имения лорда Роберта в Корнуолле. Всеми ими, а также поместьями жены, Гренвилл распоряжался как секвестрованным имуществом в силу королевского указа и извлекал из них больше дохода, чем прежние владельцы в мирное время. Ведь он не только запретил взимать военные сборы с какой-либо части названных поместий (почему держатели весьма охотно и в полной мере вносили ему арендную плату), но и оставил за собой обширные земельные участки вокруг каждой усадьбы, обратив их в выгоны для скота, отнятого им у нарушителей закона. Хотя Гренвилл не позволял своим солдатам грабить, он сам был в ту войну величайшим из грабителей, ибо стоило кому-нибудь не выполнить его приказ, пренебречь его распоряжением или не явиться на *«posse»* (которые, став шерифом Девоншира, сэр Ричард созывал чрезвычайно часто и с единственной целью — ради взимания штрафов с уклоняющихся), как он тут же посылал отряд кавалеристов схватить ослушников и очистить их пастбища. Взятые под стражу, те охотно соглашались отдать свою скотину в качестве выкупа, а чтобы они быстрее думали, Гренвилл время от времени вешал какого-нибудь констебля или другого бедолагу — за проступки, в коих повинны были сотни людей. Если же намеченные им жертвы, устранившись подобного правосудия, где-нибудь прятались и избегали ареста, то требовать обратно свой скот они уже не осмеливались, так что разнообразное поголовье, которое собрал на своих землях сэр Ричард, оказалось самым многочисленным в западной Англии. А поскольку в тех краях не существовало должного надзора за порядком управления имуществом лиц, виновных перед законом, то Гренвилл благодаря упомянутым секвестрам завладел не только стадами на пастбищах, но и всей мебелью в нескольких усадьбах и принудил держателей уплатить ему все ренты, причитавшиеся с них со времени начала мятежа. Так он стал хозяином

* См. примеч. на с. 133 т. I.

громадного поголовья скота, заполучил огромные денежные суммы и обзавелся обширным запасом великолепной домашней утвари — вполне достаточным, чтобы обставить все усадьбы, которые он уже считал своей законной собственностью. Вот что на самом деле представляло собой его состояние, пользуясь коим, Гренвилл, по его словам, и содержал себя без каких-либо пособий со стороны короля; и я уверен, что это состояние — даже без того, что приобрел сэр Ричард благодаря военным налогам (каковые он всегда взимал с чрезвычайной строгостью и в расчете на вдвое большее число солдат, чем находилось под его командой в действительности), а также прочим хитрым уловкам и грубым вымогательствам — превосходило в денежном выражении все пожалования, которые сделал король своим генералам и гражданским сановникам с самого начала мятежа. Это исчисление могло бы показаться слишком пристрастным и недоброжелательным, перейди я теперь к оценке его заслуг на воинском поприще, а потому основательное о них суждение и предоставляю другим людям (хотя вполне надежные свидетели утверждают, что, несмотря на громкое обещание взять Плимут за несколько дней, самые дальние аванпосты Гренвилла не продвинулись к городу ближе того места, где лорд Гоптон в первый день своего пребывания под Плимутом устроил свою главную квартиру).

И вот, когда сэр Ричард Гренвилл потребовал юридической защиты своих прав на усадьбы и поместья, многие сочли, что он опасается претензий со стороны владельцев уведенного им скота или же страшится, что его преемник войдет в слишком строгое расследования тех (задуманных ради общей пользы) мер, которые Гренвилл сумел обратить к личной своей выгоде. Так, после весьма настойчивых требований (и уверений, что от этого целиком зависит военный успех) он получил от девонширских комиссаров тысячу сосновых досок на устройство солдатских барачков, но использовал их для собственного удовольствия, при строительстве манежа в Бакленде. Впрочем, нетрудно было прийти к мысли, что столь жестокий и грозный человек, когда его сместят с должности, на которой он привык распоряжаться так самовластно, может совершить немало беззаконий, и как только Гренвилл обратился к принцу с упомянутой выше просьбой, тот пообещал ему соответствующую грамоту. После отъезда сэра Ричарда из Барнстейпла слуга привез ему готовый документ, предусматривавший освобождение всех поместий, переданных ему королем в порядке секвестра,

от уплаты каких-либо военных сборов. Мера эта, однако, вызвала такое возмущение, что большинство влиятельных особ в Корнуолле, негодуя, последовали примеру Гренвилла и перестали вносить суммы, причитавшиеся с них по военному обложению. Принцу донесли о дурных последствиях его решения, указав, что ни один из членов Совета — а в него входили лица, занимавшие более высокие командные посты, чем Гренвилл, и заслуживавшие, по мнению прочих, не меньших привилегий — никогда не освобождался от обязанности платить военный сбор. В итоге скандальные статьи были исключены, принц подписал документ (который и после этого заключал в себе больше льгот, чем обычные грамоты об ограждении имущественных прав), а сэр Джон Беркли объявил, что не станет взимать военный сбор с имущества, которое принадлежало жене Гренвилла и которым последний распоряжался лишь в порядке секвестра. Вот что представляла собой грамота, отказ в которой так возмутил сэра Ричарда. Впрочем, ни до, ни после этой истории ни единого пенни военных налогов он с этих имуществ не заплатил; мало того — и это явилось с его стороны актом чистого произвола — он отказался внести полагавшуюся королю рентную плату с поместий графа Бедфорда (200 марок < per annum >*), хотя за ней к нему даже присылали особого чиновника.

Отправив сердитое письмо лордам и дерзко, без всяких объяснений, отказавшись от фельдмаршальского патента — и следовательно, уже не имея ни малейшего права вмешиваться в военные дела — Гренвилл со своей кавалерией и пехотой встал на постой близ Сент-Мари-Оттри в девяти или десяти милях от Эксетера, где хозяйничал с обычным своим самоуправством: собирал с обывателей столько денег, сколько хотел, и лишал свободы всех, кого ему было угодно. Когда же сэр Джон Беркли приказал констеблям приписанных к Плимуту сотен представить счета на уплаченные ими сэру Ричарду Гренвиллу суммы (желая лишь, как он сам заявил, точно установить размер задолженности и даже в мыслях не имея бросить тень на Гренвилла) последний велел обнародовать во всех церквах графства распоряжение (и кое-где оно действительно было оглашено), предписывавшее всем лицам, понесшим ущерб в деньгах или имуществе от грабежей со стороны сэра Джона Беркли или состоявших под его командой людей, сообщить ему, сэру Ричарду, точные сведения на сей счет; причем упомянутое распоряжение

* Per annum (лат.) — за год, в данном случае годовых. (Примеч. ред.)

заклучало в себе пункты, прямо порочащие репутацию Беркли. Как и следовало ожидать, эта выходка до крайности возмутила сэра Джона, так что девонширским комиссарам пришлось отправить гонца к принцу с убедительной просьбой принять срочные меры к обузданию яростной злобы обеих сторон — иначе, опасались комиссары, неприятель уже в скором времени воспользуется к своей выгоде этими раздорами и вторгнется в их графство еще раньше, чем сделал бы он это при иных обстоятельствах; к их письму прилагалось одно из распоряжений, которое сэр Ричард велел огласить в церквах, и, должен признать, более несусветного приказа мне не доводилось видеть.

Тогда принц велел Гренвиллу немедленно явиться к нему; тот прибыл в Лискерд, где Его Высочество сказал сэру Ричарду, что его отказ от фельдмаршальского патента, то, как это было сделано, равно как и дальнейшие его поступки, он, принц, воспринял как знак неуважения к нему лично; после чего принц спросил, по какому праву Гренвилл позволяет себе ныне командовать солдатами или обнародовать подобные распоряжения. Сэр Ричард ответил, что, будучи шерифом Девоншира, он, пользуясь связанными с этой должностью полномочиями, может выступать против любой вооруженной силы и входить в разбор любых жалоб, дабы, насколько это от него зависит, изыскивать средства для исправления соответствующих зол. Ему было указано, что в качестве шерифа он не вправе собирать или возглавлять людей иначе, как в порядке *à posse committatus**, каковую он также не вправе созывать по собственному почину, без распоряжения мировых судей; что в военное время он обязан подчиняться командующему королевскими войсками, который, в силу полученных им полномочий, вправе отдавать ему в случае необходимости приказы. Гренвилла спросили, как поступил бы он сам, если бы в пору его командования под Плимутом шериф Корнуолла велел огласить в церквах подобные распоряжения на его счет. Ничего по существу не ответив на эти вопросы, сэр Ричард начал с угрюмым видом превозносить свои заслуги и распространяться о своих страданиях. Тут Гренвилла стали порицать с большей, чем прежде, резкостью; ему было сказано, что, сколько бы он сейчас ни разглагольствовал о собственном состоянии, якобы израсходованном на нужды службы, всем отлично известно, что состоянием этим он обязан единственно лишь великой щедрости

* См. примеч. на с. 133 т. I.

короля; что принц всегда относился к нему гораздо снисходительнее, чем сам Гренвилл вправе был рассчитывать; что он, сэр Ричард, отнюдь не оплатил принцу за эти милости подобающим образом — одним словом, если он намерен и далее служить Его Величеству, то должен делать это так, как ему предпишут; если же нет, то ему не следует, прикрываясь званием шерифа, ублажать свою гордыню и удовлетворять свои страсти. Затем укоры принца смягчились, и Гренвилл, после всех любезных к нему обращений со стороны Его Высочества, соизволил ответить, что будет служить принцу так, как ему велят. Отпущенный с миром, он возвратился в свою усадьбу в Уоррингтоне (находившуюся в его распоряжении по праву секвестра, но принадлежавшую сэру Фрэнсису Дрейку), где в продолжение двух недель или около того жил как частное лицо, не вмешиваясь в публичные дела. А теперь посмотрим, как эта трагедия разыгрывалась в других местах.

Король (мы оставили его в Герифорде) еще не решил, куда ему теперь следует направиться; принц же Руперт отбыл в Бристоль, затем нанес короткий визит принцу Уэльскому в Барнстейпле, чтобы сообщить, в сколь затруднительном положении оставил он короля, а оттуда отправился совещаться с Горингом и, что вызвало сильнейшее изумление, познакомившись с состоянием его войск (Горинг находился тогда под Таунтоном) и выяснив численность его кавалерии и пехоты (за каковыми сведениями, как все тогда считали, он к Горингу и ездил), принц не дал королю немедленно совет спешно выступить к Таунтону, но озаботился главным образом подготовкой к обороне Бристоля (защищать который он в ту пору, вне всякого сомнения, собирался всерьез), полагая, что зима придет вовремя и что тогда и можно будет подумать о дальнейших планах.

Вскоре король покинул Герифорд и отправился в Абергавени, главный город Монмутшира, на встречу с комиссарами Южного Уэльса. Будучи, как правило, самыми знатными и состоятельными особами в этих графствах, они с самого начала войны выказывали безусловную преданность и верность королю, отправив в его армию немало отличных полков, в коих служили их сыновья, братья и близкие родственники, многие из которых со славой пали в бою. Теперь, как и прежде, они дали весьма щедрые и далеко идущие обещания, по-видимому, искренне полагая, что сумеют в краткий срок набрать многочисленную армию пехоты, во главе которой король вновь сможет помериться силами с неприятелем; и, соответственно, договорились с Его Величеством о том, сколько солдат

выставит каждое из графств. Оттуда король направился в Раглан-касл, великолепную усадьбу маркиза Вустера, в которой находился и сам маркиз, хорошо ее укрепивший и разместивший в ней гарнизон. Там король и решил оставаться до тех пор, пока комиссары не выполнят обширные обязательства, с такой уверенностью ими на себя взятые. Но уже вскоре он понял, что, по причине ли непрерывных и повсеместных успехов парламентской армии, подробные известия о которых жители Южного Уэльса получали от своих друзей; вследствие ли недавних побед врага в Монмутшире и Глостершире; или же из-за многочисленных тягот и обид, которые причиняло им присутствие коменданта, генерала Джерарда (человек вспыльчивый и необузданный, он никогда не умел использовать во благо королю верноподданнические настроения народа, но управлял им с крайней суровостью, равно грубо и бесцеремонно обращаясь как с местным джентри, так и с людьми простого звания), но ему вряд ли удастся набрать армию в этом краю, где во всех сердцах постепенно угасала преданность или, возможно, усиливался страх (что, впрочем, приводило к одним и тем же последствиям). Король оставался в Раглане, пока не пришло известие, что Ферфакс овладел Лестером (сумевшим продержаться не дольше, чем требовалось для того, чтобы добиться почетных условий капитуляции), а затем выступил на запад и разгромил войска Гренвилла при Ленгпорте; а шотландская армия, взяв штурмом одну крепость между Герифордом и Вустером и перебив весь ее маленький гарнизон, находится теперь на марше к Вустеру. Между тем принц Руперт послал приказ всем пехотинцам, уже набранным для новой армии, а также части пехоты генерала Джерарда, идти в Бристоль на подкрепление местному гарнизону, так что у Его Величества не осталось, по видимому, иного выбора, кроме как переправиться через Северн в Бристоль, а оттуда двигаться к своей армии в западных графствах. Сделать это следовало еще раньше, но и теперь такой образ действий оставался разумным и возможным, и король избрал именно его. Предполагалось также, что кавалерия Джерарда и Лангдейла будет переправлена через Северн, после чего соединится с королем, где бы он в тот момент ни находился.

Обо всем этом было принято столь твердое решение, что король уже прибыл на берег Северна близ Чипстоу, где его ожидали корабли и куда на встречу с ним явился из Бристоля принц Руперт, весьма довольный принятым (хотя и без его участия) планом. Но тут обнаружилось новое препятствие, в очередной раз порожденное

злосчастными раздорами среди придворных. Особам, недолюбливавшим принца Руперта и вызывавшим неприязнь у него, было невыносимо думать, что король окажется в полной его власти. Сам же Руперт отнюдь не настаивал на осуществлении Его Величеством замысла, который хотя и пользовался его, принца, одобрением, однако не был следствием его советов и возможный успех коего не мог бы по этой причине быть поставлен ему в заслугу. Король выказал в тот момент чрезмерную нерешительность, в итоге план действий снова переменили, и Его Величество двинулся в Кардифф, где уже вскоре узнал о потере Бриджуотера — после чего люди, отговорившие его от отплытия в Бристоль, обрадовались и возгордились, вообразив себя мудрыми советниками. В действительности, однако, даже тогда целесообразнее было бы держаться первоначального плана, ведь ничто не мешало королю отправиться в Экстер и присоединиться к своим войскам, что создало бы для него гораздо лучшее положение, нежели те обстоятельства, в которых оказался он впоследствии. Впрочем, падение Бриджуотера, в неприступности которого короля успели убедить, не могло не произвести на него сильнейшего впечатления: король пришел к мысли, что его предали, и уже не знал, кому он может теперь доверять. В самом деле, событие это потрясло всех, к тому же здесь нельзя было отговариваться слабостью укреплений, якобы недостаточных для отпора столь грозной армии: город имел чрезвычайно удобное для обороны местоположение; то же, чего не получил он в этом отношении от природы, можно было восполнить необходимыми фортификациями; комендант его занимал свою должность более трех лет, получал все затребованные им средства и не раз уверял короля, что Бриджуотер устоит; а значит, ему не могло быть никакого оправдания после того, как город, способный продержаться самое меньшее неделю против сколь угодно сильной армии, капитулировал и оказался в руках Ферфакса еще до истечения этого срока.

Вовсе неудивительно, что этот громадный успех врага сломил дух многих сторонников короля и даже поверг их в отчаяние — по-настоящему странным кажется здесь то, что он мог кому-либо внушить надежду на мир. И, однако, пустая эта фантазия оказала столь пагубное влияние, что большинство людей, в уверенности, что предложение о переговорах будет принято и в конечном счете приведет к миру, перестали делать то, что было в их силах, для подготовки к борьбе с дерзким и могущественным неприятелем. Каждый был до такой степени убежден в своей правоте в этом

вопросе, что утратил способность воспринимать любые разумные возражения. Комиссары всех графств — то есть самые родовитые джентльмены, безусловно преданные Его Величеству люди, которые, по расчетам короля, и должны были побуждать простой народ идти к нему на службу, — столь твердо держались этого мнения, что вместе со своими единомышленниками из числа офицеров начали плести интриги и искать средства к осуществлению подобных планов. Слишком многие из них уже устали честно исполнять свой долг (или же чувствовали сильнейший стыд оттого, что никогда этого не делали) и теперь уверяли окружающих, что хотят мира ничуть не меньше, чем остальные. Распространившись чрезвычайно широко, это настроение охватило даже принца Руперта, который послал свое мнение на сей счет герцогу Ричмонду, дабы тот познакомил с ним короля, и Его Величество воспользовался случаем, чтобы собственной рукой написать принцу нижеследующее письмо, выразившее его душу с такой живостью, с какой не могло бы это сделать иное перо, и достойное того, чтобы стать известным потомкам — как важная часть портрета этого превосходного человека, чей подлинный облик нередко подвергался искажениям в поддельных или неудачных копиях. Вот его полный текст.

Из Кардиффа, в начале августа 1645 года

Племянник,

Поводом к следующему ниже послужило ваше письмо, которое показал мне вчера вечером герцог Ричмонд. Во-первых, хочу вас уверить: я всегда старался и впредь буду стараться извещать вас о моих решениях тотчас же по их принятии; и если я велел хранить молчание о том, что не было тайной, то здесь нет моей вины, ибо я полагал, что это являлось тайной, и, я убежден, должно было оставаться тайной до сих пор. Что до мнения о моих делах и ваших советов на сей счет, то вы были бы вполне правы, если бы я вел борьбу не в защиту своей религии, своей короны и своих друзей. Обращаясь к вам исключительно как к солдату или государственному человеку, я признаю, что единственно вероятным исходом остается теперь моя гибель, но как христианину я должен вам сказать, что Бог не допустит торжества мятежников и поражения Своего святого дела; и какие бы кары ни было угодно Господу на меня обрушить, ничто не заставит меня возроптать, а тем более — отказаться от борьбы, каковую, по милости Божией, я твердо решил продолжать,

чего бы это мне ни стоило, ибо я знаю, что совесть и честь не велят мне отступаться от Божьего дела, причинять ущерб моим преемникам и бросать моих друзей. Это правда: я не могу тешить себя надеждой на иной успех, кроме возможности окончить свои дни с честью и с чистой совестью, что обязывает меня по-прежнему прилагать усилия в борьбе и, не впадая в отчаяние, верить, что в надлежащее время Бог отмстит врагам Своего дела. Я, однако, вынужден со всей откровенностью сказать своим друзьям: тот, кто останется со мной теперь, должен решиться и быть готовым либо умереть за правое дело, либо, что еще горше, жить, храня ему верность, в самом жалком и несчастном положении, в какое только сможет его поставить злобная ярость дерзких мятежников. Честно и беспристрастно описав вам нынешние мои обстоятельства и ясно уведомив вас о моих твердых решениях, каковые, с Божьей помощью, я никогда не изменю, ибо принял их не вдруг и не в порыве легкомыслия, я настоятельно прошу вас не слушать никаких речей о переговорах. Уверяю вас: как бы тяжело мне сейчас ни было, я ни на йоту не отступлю от предложений, сделанных от моего имени в Аксбридже; хотя, должно признать, если бы Парламент внял тогда доводам разума, это сочли бы истинным чудом — ничуть не меньшим, чем то обстоятельство, что всего за месяц мое положение могло измениться и стать таким, каким было оно накануне битвы при Незби. А потому, ради Бога, не будем обольщаться пустыми химерами; поверьте мне: одна мысль, что вы желаете вступить в переговоры, ускорит мою гибель. И если вы меня любите, то — что бы ни делали вы до сих пор — отныне сообразуйте свои речи с моими решениями и планами. Что касается ирландцев, уверяю вас: им не удастся меня обмануть, хотя они могут в конце концов перехитрить самих себя, ибо, и вы можете в этом не сомневаться, я не намерен даровать ирландским мятежникам того, в чем отказал английским, так как доверяю подобным людям (к какой бы нации они ни принадлежали) лишь постольку, поскольку могу судить о них по их действиям. Вскоре я направлю Ормонду послание, которое наверняка удовлетворит и вас, и всех честных людей; копию с него вы получите при первой же удобной возможности. Наконец, твердо знайте: я не стал бы утруждать ни себя, ни вас настоящим письмом, если бы не питал к вам глубокого уважения и не был вполне уверен в ваших дружеских чувствах к вашему дяде.

Когда король прибыл в Кардифф, его встретили известием о том, что шотландская армия обложила Герифорд, и что если осаду

не удастся снять в течение месяца, город непременно попадет в руки неприятеля. Не существовало лучшего средства этому воспрепятствовать, нежели отдать распоряжение шерифам соседних уэльских графств созвать у себя *posse commitatus*: королю внушили надежду, что подобная мера даст ему для предстоящего похода достаточное число пехотинцев, которые, присоединившись к его кавалерии, смогут затем предпринять против шотландцев самые решительные действия. Но вскоре обнаружилось, что мера эта возбудила дух непокорства, обуздать который было теперь непросто, ибо недовольные джентльмены уэльских графств, собрав на законных основаниях народ, не преминули напомнить своим землякам о несправедливостях и обидах, которые претерпели они по вине генерала Джерарда, и о жестоких поборах, которые уже легли на них невыносимым бременем, а в будущем, если Джерард сохранит свои полномочия, станут, вне всякого сомнения, еще тяжелее. Таким образом, вместо того, чтобы предоставить королю солдат для похода, джентльмены представили ему длинный список жалоб и, пока их самих не избавят от всех перечисленных в нем зол, не желали ничего предпринимать для избавления Герифорда от осады. Всего этого они домогались весьма решительно, а собранные ими толпы народа, числом никак не менее четырех тысяч человек, много дней подряд упорно отказывались расходиться — пока, можно сказать, не принудили короля сделать то, чего они всего настойчивее требовали, а именно лишить генерала Джерарда всякой власти над ними. На его место тут же назначили лорда Астли, к которому местные жители были чрезвычайно расположены и чьи приказы выполняли впоследствии так строго, насколько этого вообще можно было ожидать в смутное время раздоров, несогласий и беспрестанных неудач.

Но король — ибо такова была его жестокая судьба — никогда не мог получить того, что требовалось для службы его особе, не удовлетворив вначале прихоти и вожделения других людей. Джерард — а он тогда командовал по существу всеми войсками, на которые король мог рассчитывать в тех краях — был человеком слишком неистового нрава, чтобы повиноваться кому-либо из соображений благоразумия, совести или долга, и королю, в порядке возмещения за потерю прежнего поста, пришлось удовлетворить желание Джерарда и сделать его бароном. В истории этой присутствует одна чрезвычайно странная и прямо-таки фантастическая подробность. Когда-то жил в Англии человек по имени Чарльз Брандон,

впоследствии возведенный в герцогское достоинство, и Джерард мечтал стать бароном Брандоном единственно для того, чтобы на свете появился еще один Чарльз Брандон, честолюбием своих помыслов не уступавший первому. При этом он вовсе не притязал на земли манора Брандон, находившиеся тогда в собственности и владении сэра Томаса Глемема, честного и достойного джентльмена, который в это самое время (и, как видим, весьма некстати) явился к королю в Кардифф во главе примерно двухсот пехотинцев. Он привел их с собой из Карлайла, где в продолжение одиннадцати месяцев держал оборону против Дэвида Лесли и сдался лишь после того, как гарнизон съел всех лошадей; причем ни один город еще не капитулировал на столь почетных условиях, как Карлайл. До Герифорда Глемема препроводил сам Дэвид Лесли, соединившийся там с остальной шотландской армией, а сэр Томас (который по условиям капитуляции должен был отправиться туда, где находился король) прибыл к Его Величеству в Кардифф — в тот самый момент, когда титул его собственного поместья жаловали джентльмену из другой фамилии, который хотя и являлся особой благородного происхождения, обладал не столь обширным состоянием и, по мнению многих, отнюдь не превосходил Глемема своими достоинствами и заслугами. Жителей графств, от которых король ожидал помощи, несвоевременная эта милость рассердила тем сильнее, что накануне они обвинили Джерарда в преступлениях, заслуживавших, как им казалось, самой суровой кары, а теперь видели, как они требует себе награды — и его действительно жалуют высоким званием, какого он, не будь их обвинений, вероятно, никогда бы не смог получить. И тут, когда все его усилия в Южном Уэльсе оказались бесплодными, у короля возник новый замысел — пробраться в Шотландию к маркизу Монтрозу, совершившему в этой стране чудесные подвиги. Его Величество покинул Кардифф и, пройдя через горы Брекнока и Раднока, миновал квартиры шотландцев и прибыл в Ледлоу прежде чем неприятельская армия что-либо узнала о его марше.

Несколько ранее, едва появившись в Раглане, король послал к принцу гонца, дабы сообщить, что желает как можно скорее видеть у себя лорда Колпеппера и канцлера Казначейства. Путь к принцу был трудным и опасным, так что королевский курьер не скоро добрался до Его Высочества. Канцлер, страдавший тогда от подагры, пуститься в дорогу не смог; лорд же Колпеппер со всей поспешностью оставил Корнуолл, где находился тогда принц,

и прибыл к Его Величеству в Кардифф, когда король покидал этот город. Колпеппер сопровождал короля до Брекнока, а оттуда был отправлен обратно к принцу с нижеследующим письмом, каковое, поскольку оно явилось первым из подобного рода распоряжений, сделанных королем, необходимо привести здесь в полном виде.

Брекнок, 5 августа 1645 года

Карл,

Мне сейчас самое время готовиться к худшему, а потому сегодня утром я говорил о вас с Колпеппером. Считаю нужным представить вам нижеследующее за моей собственной подписью, дабы вы тем охотнее повиновались. Итак, знайте, что воля моя такова: где бы вы ни оказались в тот момент, когда опасность попасть в руки мятежников станет для вас очевидной, вам следует немедленно уехать во Францию и находиться там на попечении вашей матери, которая имеет полное и неограниченное право руководить вашим воспитанием во всем, исключая религию; в дела последней она не должна вмешиваться ни под каким видом, но всецело предоставить их заботам вашего учителя, епископа Солсберийского или же тех, кого назначит он вместо себя на время своего вынужденного отсутствия. Во исполнение сего я предписываю вам требовать помощи и повиновения от всех членов вашего Совета, а также, руководясь в подобных предметах их мнением, добиваться надлежащих услуг от всякого человека, которого вы и они сочтете нужным употребить в этом деле. Надеюсь, что воля моя будет таким образом исполнена (если обстоятельства потребуют ее исполнения) со всяческой покорностью и без малейшего ропота. Пока это все, что имеет сообщить

Ваш любящий отец Карл Р.

Лорд Горинг (мы оставили его в Барнстейпле) пребывал некоторое время в дурном настроении, а затем вошел в переписку с сэром Ричардом Гренвиллом, который, как ему было отлично известно, питал к членам Совета при особе принца такую же неприязнь, как и он сам. Убедившись, что противник предоставил ему передышку и ничем его не тревожит (армия Ферфакса участвовала тогда в другом важном деле), Горинг встретился с Гренвиллом и, поощренный добрым словом и деньгами последнего, написал весьма бодрое и чрезвычайно длинное письмо канцлеру. Датированное 1 августа, оно содержало ряд предложений, подготовленных, по

словам Горинга, после совещания с сэром Ричардом Гренвиллом. С этими предложениями он просил познакомить принца, изъявляя готовность, если Его Высочество их примет и утвердит, ручаться собственной жизнью в том, что сумеет быстро собрать войско в десять или двенадцать тысяч человек, которое дисциплиной своей не уступит ни одной армии на свете и немедленно двинется туда, куда ему прикажут. Письмо свое Горинг заключил следующими словами: «У меня есть основания думать, что уже в самом скором времени я буду располагать превосходной армией; копию же настоящего письма я посылаю королю, с твердым заверением, что я готов лишиться жизни и чести, если мы (после того, как будут удовлетворены наши требования) не исполним наши обещания».

Письмо это, врученное Его Высочеству в Лондоне, было встречено чрезвычайно милостиво, и уже на другой день, 2 августа, принц ответил Горингу полным согласием; тогда же он подписал все представленные ему статьи, а сверх того выразил твердую готовность одобрить (насколько позволят его собственные полномочия) все, что Горинг найдет нужным предложить дополнительно — одним словом, вновь появилась надежда, что тучи над западными графствами рассеются и королевская армия сможет смело смотреть в лицо врагу. На следующий день или около того сэр Ричард Гренвилл, пребывавший, казалось, в великолепном расположении духа, лично явился к принцу; тут же были утверждены все его предложения, и среди прочих такие: сэр Ричард Гренвилл получит для выплаты жалованья своим офицерам определенную долю военных налогов с Корнуолла, а также пять тысяч фунтов задолженности, после чего соберет всех солдат, которые, оставив свои части, возвратились в Корнуолл (то есть, по словам самого Гренвилла, до трех тысяч человек пехоты), а еще три тысячи пехотинцев наберет в Девоншире. Итак, сэр Ричард вновь взялся за дело: он рассылал приказы, вербовал солдат, взимал военные сборы (двести фунтов он ссудил лорду Горингу еще при первой их встрече), созывал *les posse* в разных частях Девоншира, уверяя, что с помощью этих мер сумеет быстро пополнить свою армию. Но уже в августе его дружба с лордом Горингом охладела. Заметив, что Горинг находится в лучших, чем он рассчитывал, отношениях с сэром Джоном Беркли, и услышав, что о нем самом Горинг отзывался крайне пренебрежительно (что было правдой), Гренвилл написал ему чрезвычайно

* См. примеч. на с. 133 т. I.

резкое письмо, в котором заявил, что больше не желает иметь с ним дела. Впрочем, сам сэр Ричард продолжал действовать с прежней энергией; он постоянно бывал то в Корнуолле, то в Девоншире, где распоряжался, не имея на то ни малейших полномочий, однако весьма своевременно подавил вспыхнувший близ Сент-Айвза мятеж, который в противном случае мог бы повлечь за собой роковые последствия. Наконец, без всякого военного суда он велел повесить несколько человек (как я полагаю, в достаточной степени виновных) и собрал с обывателей столько денег, сколько посчитал нужным, после чего вернулся в свое поместье в Уоррингтоне. Что же до лорда Горинга, то внезапная бодрость, пробудившаяся в нем недавно при известии о потере Шерборна, вновь угасла; теперь он только тем и занимался, что сетовал на нехватку денег и предлагал разместить все войска в гарнизонах — хотя неприятель ничем не мешал осуществлению их с Гренвиллом прежнего замысла, ведь армия Ферфакса действовала тогда под Бристолем.

Как только принц, находившийся тогда в Лонстоне, прочел письмо короля, которое привез ему лорд Колпеппер, он вернул его Колпепперу, велел хранить у себя, а о содержании его сообщить лордам Кейплу и Гоптону, а также канцлеру Казначейства. К несчастью, отношения прочих членов Совета с графом Беркширом (из-за кое-каких подозрений, ему внушенных) были не так хороши, как им хотелось. Дело в том, что по прибытии принца в Корнуолл иные из знатных особ, находившихся у него на службе — которые еще раньше, когда их не ввели в состав Совета, затаили обиду, странным образом истолковав это как умаление их достоинства, а после неудачи короля при Незби стали выражать свое недовольство уже без всякого стеснения — начали распускать слухи о существовании некоего плана увезти принца во Францию (не потому, что сами в это верили, а для того, чтобы навлечь ненависть и подозрения на членов Совета); подобные толки так сильно подействовали на графа Беркшира, что он, по-видимому, им поверил, а эти люди приобрели таким образом столь громадное влияние на него, что теперь граф рассказывал им обо всем, происходившем в Совете, почему и не было сочтено нужным сообщить о столь важном письме ни ему, ни графу Бентфорду, который хотя и питал искреннее расположение к четырем другим членам Совета и относился к ним со всей справедливостью, также имел кое-какие собственные подозрения, и вдобавок не умел хранить тайны. Письмо это глубоко встревожило членов Совета, но не потому, что заключало в себе приказ

принцу покинуть королевство, ибо хотя прежде они никогда не открывали друг другу своих мыслей на сей счет, ныне ясно обнаружилась их общая твердая решимость увезти принца, если понадобится, в какой угодно уголок христианского мира, только бы не позволить мятежникам овладеть его особой; и для более удобного осуществления этого замысла они сразу же приняли необходимые меры к тому, чтобы в гавани Фалмута находилось в постоянной готовности особое судно. Беспокоило же их теперь другое — слишком категорический приказ короля отправить сына именно во Францию, против чего они могли выдвинуть множество возражений. К тому же один из постельничих принца, недавно возвратившийся из Франции, привез письмо графа Нориджа, тогдашнего английского посланника в этой стране, к одному из членов Совета, в котором, сообщив о ходивших в Париже слухах о скором приезде принца Уэльского, граф горячо высказался против этого шага как грозившего принцу верной гибелью. Члены Совета были тем более встревожены, что лорд Колпеппер, доставивший им письмо короля, заверил их, что он вовсе не имел с королем беседы на сей счет, ибо решительно от нее отказался, сочтя ее предмет слишком важным и высоким для своего разума, так что теперь они не располагали ничем, кроме этого самого письма. Несколько раз собравшись и всерьез обсудив положение дел, члены Совета решили подготовить шифрованное письмо, дабы изложить в нем свои аргументы, а также полученные из Франции сведения, и просить Его Величество предоставить им выбор места эмиграции принца, либо назначить какое-нибудь другое место, не вызывающее стольких возражений; сами же они предлагали Ирландию (если там уже заключен мир) или Шотландию (если молва о великих победах маркиза Монтроза справедлива), заверив при этом короля, что в случае соответствующей угрозы они пойдут на любой риск и увезут принца в какую угодно страну, только бы не допустить, чтобы он попал в руки мятежников. Письмо это, после того, как о его содержании (а еще раньше — об их решениях) сообщили принцу, было немедленно отправлено с нарочным к королю.

Между тем лорд Горинг, и в тайных беседах, и в шумных разговорах в часы забав с неизменной злобой отзывавшийся о членах Совета при особе принца, как якобы главных виновниках всех его неудач, в конце августа послал к Его Высочеству лорда Уэнтворта с несколькими, как он выразился, требованиями — но с указанием: прежде чем вручать их принцу, познакомить с ними лорда

Колпеппера или канцлера, дабы те посоветовали, каким образом было бы всего удобнее их представить.

Хотел же он буквально следующего: (1) Получить патент генерал-лейтенанта всех западных графств, чтобы командовать, подчиняясь единственно лишь принцу, всеми гарнизонами и полевыми войсками, а сверх того быть как можно скорее введенным в состав Совета. (2) Все патенты на офицерские должности, если Его Высочество на месте, должен вручать сам принц, однако подписывать он вправе только те, которые подготовит для него Горинг. (3) В отсутствие принца он, Горинг, подписывает и жалует все патенты; если же оказывается вакантной должность коменданта какого-либо из городов, он же получает исключительное полномочие предлагать кандидата на освободившийся пост — либо по меньшей мере абсолютное право вето. (4) Все важные планы должны обсуждаться в присутствии принца членами его Совета, а также теми армейскими офицерами, которых назначит им в помощь Горинг. (5) Численность личной гвардии принца следует сократить. За этими требованиями шло множество других, столь же неразумных и совершенно неподходящих для того, чтобы настаивать на них публично, и лорд Колпеппер принялся уговаривать лорда Уэнворта воздержаться на время от их вручения, тем более что канцлер, добавил Колпеппер, находится теперь в отсутствии (Его Высочество послал канцлера в Пенденнис-касл — якобы с инструкциями касательно взимания пошлин, на самом же деле поручив ему позаботиться о том, чтобы предназначенный для принца фрегат находился в готовности к отплытию, а также втайне подготовить запас провианта, который в случае необходимости можно будет тотчас же на него погрузить), а еще потому, что Его Высочество намерен всеорезе отправиться в Эксетер, где, в присутствии самого лорда Горинга, обсуждать и рассматривать все эти вопросы было бы гораздо удобнее — с чем лорд Уэнтворт согласился.

Дело в том, что несколько ранее девонширские комиссары обратились к Его Высочеству с просьбой употребить власть, дабы навести порядок в армии и заставить ее наконец идти выручать Бристоль. Если все останется по-прежнему, жаловались комиссары, то уже в самом скором времени армия Горинга погубит и уничтожит графство и размещенные в нем гарнизоны с таким же успехом, с каким это могло бы сделать неприятельское вторжение, ибо вся его пехота кормится и довольствуется на принадлежащих гарнизонам складах, кавалеристы же, завладев другой частью Девоншира,

не позволяют там ни везти на рынки провизию для пополнения гарнизонных запасов, ни выполнять распоряжения об уплате; сами же произвольно взимают деньги с обывателей и творят всякого рода насилия и бесчинства. А потому, когда королевская армия вынуждена была впоследствии отступить из Девоншира (а ранее — из Сомерсетшира), неприятель нашел огромные запасы продовольствия там, где солдаты Его Величества страдали от голода. Так, в окрестностях Таунтона имелось огромное количество зерна — в то само время, когда провиант для королевских войск велено было доставлять со складов в Бриджуотере и Эксетере, что отчасти объяснялось ленью и нерадивостью офицеров и солдат, не желавших себя утруждать обмолотом скирд и стогов, но прежде всего — особыми привилегиями кавалеристов, которые не позволяли ничего вывозить из тех мест, где сами квартировали; те же из обывателей, кому удавалось доставить свой товар на рынок, могли быть уверены, что на обратном пути у них отберут вырученные за него деньги. Дошло до того, утверждали комиссары из Эксетера, что когда неприятель располагался не ближе, чем в десяти милях от их города, туда за две недели доставили меньше продовольствия, чем королевские кавалеристы потребляли за день, и единственной тому причиной было самоуправство этих последних. Генерал же Горинг, находившийся все это время в Эксетере, лишь отпускал остроты и хохотал в лицо всякому, кто являлся к нему с жалобами. Однажды, к примеру, некие рыбаки пожаловались, что когда они пришли на рынок, его кавалеристы их ограбили, забрав себе весь улов; Горинг же ответил, что отсюда они могут заключить, сколь несправедливы к его солдатам те, кто обвиняет их с страшном сквернословии, ибо будь они и вправду сквернословками, им не удалось бы поймать ни единой рыбешки.

По этим причинам, а также по настоятельной просьбе лорда Горинга комиссаров, принц в пятницу 29 августа отправился из Лонстона в Экстер, предоставив сэру Ричарду Гренвиллу (пребывавшему тогда, казалось, в хорошем расположении духа) собирать беглых солдат в Корнуолле и проводить спешную вербовку рекрутов и в северном и западном Девоншире. А поскольку армия успела как следует отдохнуть (с начала июля и до конца августа она не двигалась с места и, так как неприятель ничем ее не тревожил, не участвовала даже в мелких стычках) и, как уверяли офицеры, почувствовала острый стыд за охватившую ее в свое время панику, то на военном совете в присутствии принца было единогласно решено, что

пехота немедленно выступит к Тивертону, а кавалерия — к востоку от Эксетера; и что как только подоспеет со своими войсками сэръ Ричард Гренвилл, все эти силы дружно двинутся освобождать от осады Бристоль, который, как тогда думали, находится в отличном положении: последний прибывший оттуда гонец заверил принца, сославшись на собственные слова Руперта, что город обеспечен всем необходимым на полгода.

Как уже было сказано, с момента прибытия принца в Корнуолл некоторые особы, недовольные членами Совета или почему-либо на них сердитые, распускали слух о тайном замысле увезти принца во Францию, что до крайности затрудняло осуществление всех предлагаемых Советом мер. Этими толками умело пользовался лорд Горинг в ущерб тем, к кому он хотел посеять недоверие, что в действительности и явилось одной из причин поездки в Эксетер Его Высочества, желавшего опровергнуть этот слух, который уже успел произвести столь сильное впечатление на джентльменов, искавших убежища в Эксете́ре, что они решили подать принцу петицию с просьбой выступить посредником между королем и Парламентом и направить Палатам послание с мирными предложениями. Джентльмены устраивали сходки, дабы определить, на каких именно условиях принц должен предложить мир, и каждый из них, принимая в соображение случившееся в Аксбридже, высказывал собственное мнение о том, на какие уступки следует пойти теперь в вопросах о церкви, милиции и Ирландии. Лорды же члены Совета, услышав об этих совещаниях, устремились ущерба, могущего впоследствии для дела короля и репутации принца, который, уступи он теперь их требованиям и домогательствам, в случае успеха мирных переговоров не снискал бы себе чести и не удостоился бы благодарности. Вдобавок, если бы принц отправил какое-нибудь послание по их ходатайству, то они быстро присвоили бы себе право судить о его содержании и давать советы касательно последующих действий; а потому лорды решили приложить все усилия, дабы помешать и воспрепятствовать вручению Его Высочеству такого рода петиции, чего, хотя и с большим трудом, им в конце концов удалось добиться.

Вскоре по приезде принца в Эксетер лорд Горинг (он тогда хворал и проходил курс лечения) пожелал встретиться конфиденциальным образом с одним членом Совета, обещая в откровенном разговоре раскрыть свою душу и выложить все, что лежит у него на сердце. И вот, однажды утром названная им особа явилась (с ведома

принца) в дом, где он тогда жил, после чего Горинг попросил всех удалиться, а слуге, чтобы им не мешали, велел никого не пускать. Оставшись с гостем наедине, Горинг заговорил вначале о неприязненных действиях, коих опасался он со стороны Совета, а особенно — нынешнего своего собеседника, однако признал, что был на сей счет обманут и введен в заблуждение лживыми речами; после чего заверил, что теперь он ясно понимает, какой громадный ущерб причинили государству раздоры, взаимные подозрения и ошибки отдельных лиц, и выразил желание, чтобы, если ему самому по неблагоразумию или в порыве гнева случилось сказать или совершить что-либо подобное, это было предано забвению, и все вокруг принялись бодро и энергично делать то, чего требует служба королю, наилучшим к чему поощрением для него, Горинга, стала бы уверенность в дружеских чувствах посетившей его ныне особы. Затем он долго распространялся о своих подозрениях насчет собственного брата Портера, много и с весьма откровенными подробностями говорил о его трусости и вероломстве, а в заключение объявил, что твердо намерен от него избавиться. Вся эта речь заняла два часа, причем вскользь был упомянут и отец Горинга, велевший ему попросить совета у гостя (касательно управления Пенденнисом); и тогда, как если бы он уже сказал все, что хотел сказать, Горинг небрежно, словно невзначай спросил, что думает его собеседник о требованиях, посланных им через лорда Уэнтворта, пылко при этом заверив, что он не заботится о себе самом, но имеет в виду лишь благо государства, к служению коему при нынешнем крайне затруднительном положении дел не считает себя в полной мере пригодным. Собеседник ответил, что его суждение об этих требованиях, каким бы оно ни было, значит не много, ибо представляет собой лишь один из голосов в Совете, общим и согласованным мнением коего, как он предполагает, принц и будет руководствоваться. Но если Горингу угодно, чтобы он высказался на сей счет как друг, то он покажет себя сейчас плохим придворным, прямо изложив собственное мнение, каковое — если Горинг не сумеет его переубедить — он объявит там, где его захотят услышать, и точно такого же мнения, даже если бы оно не было его собственным, будет, как он уверен, держаться большинство лордов. Затем он честно и откровенно сказал, что, по его убеждению, принц не должен принимать подобные требования, а Горингу не следовало их выдвигать, ведь его приказы и теперь выполняются, он пользуется всяческой поддержкой принца и обладает точно такими же

публичными полномочиями, какие имел бы, занимая должность генерал-лейтенанта Его Высочества; что до сих пор принц не вмешивался в руководство армией, и потому со стороны Его Высочества было бы неуместным и несвоевременным брать на себя сейчас распределение командных постов — что он по сути и сделал бы, назначив Горинга генерал-лейтенантом; что поскольку предоставить должность генерал-лейтенанта лорду Гоптону принцу указал сам король, то им, лордам, не подобает склонять принца к мысли изменить это решение, не получив согласия Его Величества; наконец, он дал Горингу совет принять в соображение, что предложенные им перемены совершенно не являются необходимыми, но неизбежно вызовут большую смуту, и не настаивать на своих требованиях, отложив их до той поры, когда положение короля изменится к лучшему. Нимало не удовлетворенный таким советом, Горинг, однако, воздержался на время от дальнейших домогательств на сей счет.

Около середины сентября, когда принц все еще находился в Эксетере, пришло роковое известие о потере Бристоля; событие это, подобно всем тогдашним неудачам, повергло каждого в уныние, и от бодрой энергии, с какой еще недавно все готовились к походу, не осталось и следа. Впрочем, оставался в силе прежний план — стянуть войска к Тивертону, чтобы прикрыть переправы и помешать неприятелю вторгнуться в Девоншир. Для более удобного осуществления этого замысла, а еще для того, чтобы пополнить должным образом войска на случай приближения Ферфакса, принц возвратился в Лонстон, куда призвал милицию Корнуолла и где велел собираться всем прочим жителям графства. Те выступили весьма бодро и были, казалось, готовы идти к Тивертону. В армии между тем царили прежние нерадение и неустройство, а лорд Горинг все еще оставался в Эксетере, где продолжал вести беззаботную и распущенную жизнь, что до крайности возмущало обывателей и обескураживало солдат. Примерно в конце сентября его светлость написал письмо лорду Колпепперу, в котором напомнил о требованиях, посланных им ранее с лордом Уэнтвортом в Лонстон; пересказал — весьма пространно, но чрезвычайно неточно — разговор на сей счет, бывший у него с канцлером в Эксетере (клеветнически при этом приписав собеседнику такие ответы, которых тот не давал); выразил желание через посредство его светлости узнать со всей определенностью, на что он может теперь рассчитывать; а в заключение объявил, что, не получив желанного патента, он не сможет взять на себя ответственность за какие-либо бунты

и беспорядки в своей армии. Тогда Его Высочество, приняв в расчет все пагубные последствия, угрожающие его делу в том случае, если он согласится с этим требованиями по существу или стерпит ту форму, в какой они были заявлены, велел известить Горинга, что в настоящее время он не намерен жаловать ему такого рода патент, и выразил желание, чтобы Горинг, исполняя прежние планы и решения, выступил наконец против неприятеля, тем более что в Корнуолле делается все необходимое для оказания ему помощи.

Для небольшой территории, остававшейся под властью короля, быстрая и внезапная потеря Бристоля явилась чем-то вроде нового землетрясения, расстроив все уже принятые меры и задуманные планы ничуть не меньше, чем это сделало поражение в битве при Незби. Чтобы шотландская армия уже не могла его настигнуть, король спешно покинул Ледлоу, прошел, почти не делая остановок, через Шропшир и Дербишир, и наконец прибыл в Уэлбек, нортгемптонширскую усадьбу маркиза Ньюкасла, занятую тогда гарнизоном Его Величества, где дал себе и войскам два дня отдыха. Король намеревался (поскольку вообще можно говорить о каких-либо определенных решениях, принятых в те дни) двинуться прямо в Шотландию на соединение с маркизом Монтрозом, успевшим подчинить себе едва ли не все это королевство. Но во время краткого пребывания Его Величества в Уэлбеке к нему явились комендант Ньюарка и комиссары от Ноттингемшира и Линкольншира, а также все йоркширские джентльмены, недавно защищавшие Понтефракт-касл (после долгой и мужественной обороны и единственно лишь из-за исчерпания всех запасов он только что капитулировал, притом на довольно выгодных условиях: все солдаты получили право возвратиться по домам и жить там, никем более не тревожимые). Упомянутые джентльмены заверили короля, что, как и прежде, готовы ему служить и, как только потребуется, исполнить его волю. И тогда — явилась ли тому причиной вечная нерешительность окружающих короля лиц или же надежда быстро собрать в этих краях корпус пехоты, внушенная рассказом йоркширских джентльменов (и сильно поощряемая всеобщим рвением джентльменов нескольких соседних графств) — короля убедили, что продолжать марш на соединение с Монтрозом с той стремительностью, с какой он намерен это делать, не вполне целесообразно: лучше послать к маркизу гонца и условиться с ним о месте будущей встречи; пока же Его Величество мог бы дать отдых своим изнуренным войскам, а заодно набрать здесь целый пехотный корпус. В качестве удобного места,

где можно было бы приступить к осуществлению этого замысла, был предложен Донкастер, куда и отправился король; упомянутые же джентльмены столь великолепно сдержали свое слово, что уже три дня спустя к королю явились ни много ни мало три тысячи пехотинцев, обещавшие через двадцать четыре часа прийти вооруженными и быть в полной готовности выступить с Его Величеством туда, куда он прикажет.

Но тут преследовавшая короля злая судьба лишила его этой возможности вновь привести себя в состояние, необходимое для успешного продолжения войны. В ту же ночь было получено известие, что в Ротерем, находившийся в десяти милях от Донкастера, прибыл со всей шотландской кавалерией Дэвид Лесли. Новость эта чрезвычайно всех смутила (что естественно, ибо разбитые и павшие духом войска не способны в краткое время вновь обрести достаточно мужества, чтобы смело смотреть в лицо неприятелю); решили, что Лесли преследует короля, а значит, продолжать поход на север нет больше смысла, и король, заботясь о собственной безопасности, должен поскорее отсюда удалиться. В итоге (не дождавшись обещанного пехотного пополнения) он спешно вернулся из Донкастера в Ньюарк, а оттуда решил идти прямо в Оксфорд. На самом же деле Дэвид Лесли ничего не знал о пребывании в этих местах короля, но неожиданно получил из Шотландии приказ взять с собой кавалерию и, не теряя времени, идти спасать собственную страну от угрозы быть полностью завоеванной и покоренной Монтрозом, уже успевшим к тому времени захватить Эдинбург. Как только эти распоряжения достигли шотландской армии под Герифордом, Лесли немедленно выступил в поход, совершенно не ожидая встретить на своем пути, вплоть до возвращения в Шотландию, какого-либо неприятеля; проделав в тот день очень длинный переход, он прибыл к ночи в Ротерем, до крайности усталый и с совершенно измученными войсками. Впоследствии он сам признавал, что если бы король решительно его атаковал (а это можно было сделать с легкостью), то он, Лесли, при тогдашнем состоянии своих войск, не смог бы оказать серьезного сопротивления, и Его Величество этим ударом наверняка бы спас Монтроза. Но внезапный отход короля позволил Лесли продолжить марш в Шотландию и обрушиться на Монтроза в тот момент, когда он не ждал встречи с подобным противником; воспрепятствовав таким образом дальнейшим триумфам Монтроза, Лесли нанес ему большой урон и вынудил вновь отступить в Хайленд, а сам успел достаточно быстро

вернуться в Англию, чтобы выручить и спасти шотландскую армию после того, как ей пришлось снять осаду Герифорда.

Между тем король с большой поспешностью продолжал марш к Оксфорду — иногда, впрочем, останавливаясь, чтобы атаковать при случае лагерь какого-нибудь отряда кавалерии, только что набранной на службу Парламенту. В конце августа он прибыл в Оксфорд, но, задержавшись там лишь на два дня, вновь выступил оттуда к Вустеру, с намерением выручить Герифорд, гарнизон коего храбро оборонялся и частыми своими вылазками чрезвычайно ослабил шотландскую армию. Под Герифордом оставалось не более восьмисот изнуренных кавалеристов (прочих забрал с собой Лесли, когда двинулся в Шотландию), а потому снятие осады считали делом нетрудным; с этим намерением Его Величество и покинул Оксфорд уже на третий день после своего туда возвращения. Прибыв в Раглан, он получил достоверное известие о начале осады Бристоля Ферфаксом — никого, впрочем, не встревожившее, ибо все считали, что этот город хорошо укреплен, имеет сильный гарнизон и отлично снабжен провиантом; к тому же король получил чрезвычайно бодрое письмо от принца Руперта с твердым обещанием продержаться целых четыре месяца. А поскольку неприятель приступил к осаде в столь позднее время года, лишь в начале сентября, но были разумные основания надеяться, что его собственной армии конец придет прежде, чем она сможет взять город. По этим причинам король решил продолжить осуществление прежнего плана и по крайней мере попытаться деблокировать Герифорд. Находясь на марше туда, он был извещен, что шотландская армия, едва узнав о его намерении, тем же утром в большом беспорядке и замешательстве снялась с лагеря, предполагая отступать вдоль уэльского берега реки и таким образом пройти через Глостер. Новость эта настолько всех обрадовала, а Его Величество встретили в Герифорде с таким восторгом и ликованием, что он упустил отличную возможность если не полностью уничтожить, то, во всяком случае, крепко потрепать шотландскую армию, которая двигалась теперь через совершенно чуждый и незнакомый ей край, где всех шотландцев люто ненавидели. Вдобавок глостерский комендант отказывал шотландцам в дозволении пройти через город, пока те откровенно ему не объявили, что если им не дадут пройти через Глостер, то через Вустер их наверняка пропустят с великой радостью; каковой довод убедил коменданта; он разрешил им проследовать через город, и они таким образом продолжили марш на север. Но если бы все

это время их настойчиво преследовала королевская кавалерия, то, приняв в расчет слабость их собственной конницы, едва ли можно сомневаться, что значительная, если не большая часть шотландской армии была бы истреблена.

Однако мысли короля были теперь столь всецело поглощены деблокадой Бристоля, что о других планах, способных хоть немного ее отсрочить, уже не думали. А потому из Герифорда король сообщил принцу Руперту, что названный город освобожден от осады, а шотландцы ушли на север; что он намерен в ближайшее время выручить Руперта, для чего уже приказал генералу Горингу собрать все, какие только сможет, войска на западе, и двигаться с ними к Бристолю со стороны Сомерсетшира; что сам будет вскоре располагать трехтысячным корпусом пехоты (взятой из нескольких здешних гарнизонов), который переправится через Северн на глостерширский берег близ Беркли-касла; а в это время его кавалерия (насчитывавшая тогда свыше трех тысяч человек) перейдет Северн вброд близ Глостера (что было вполне осуществимо) и соединится с пехотой; таким образом, тщательно согласовав свои действия, они смогут атаковать армию Ферфакса с двух сторон и рассчитывать на успех. Чтобы с большим удобством осуществить этот замысел, сам король во второй раз отправился в Раглан, поместье маркиза Вустера, а кавалерию послал в те места, где она должна была находиться в соответствии с принятым планом деблокады Бристоля.

Но по прибытии в Раглан король получил ужасное известие о сдаче Бристоля, которому, если бы не совершенно неопровержимые доказательства его истинности, он бы просто не поверил: столь мало опасался он тогда чего-либо подобного. Толковать и распространяться о том, в какое негодование привела короля эта новость и в какое уныние повергла, нет нужды — достаточно изложить полный текст письма, тогда же написанного королем Руперту, которое, если вспомнить его вечную и безмерную снисходительность к принцу, ясно показывает, насколько этот поступок разгневал его и возмутил. Впрочем, король некоторое время серьезно размышлял над случившимся, прежде чем позволил себе умерить, по отношению к принцу, обычное свое добросердечие. Получив это неожиданное известие, король немедленно покинул Раглан и возвратился в Герифорд — место, которое избрал он для того, чтобы обдумать свое отчаянное положение и поразмыслить над новыми планами. С этой целью всем офицерам и их войскам, уже направленным в Шропшир, Вустершир и Южный Уэльс для подготовки

к деблокаде Бристоля, он разослал приказы ожидать его там. Кроме того, прибыв в Герифорд, он сразу же послал к принцу Руперта гонца с нижеследующим письмом:

Герифорд, 14 сентября 1645 года

Племянник,

Хотя потеря Бристоля стала для меня тяжелым ударом, однако то, как именно вы его сдали, не только удручает меня до такой степени, что я забываю думать о самом городе, но и является величайшим из испытаний, коим до сих пор подвергалась моя стойкость. Ибо что вообще можно сделать, когда столь близкий мне по крови и по дружбе человек, как вы, позволяет себе столь низкий поступок (и это еще самое мягкое определение), поступок... Я должен сказать о нем так много, что больше ничего не стану говорить, разве только (если мне в данном случае нельзя поставить в вину слишком поспешное суждение) напому вам о вашем письме от 12 августа, в котором вы меня заверили, что — если в Бристолье не произойдет никакого мятежа — вы продержитесь в нем четыре месяца. Продержались ли вы хотя бы четыре дня? Случилось ли там что-либо, похожее на мятеж? Можно было бы задать и другие вопросы, но теперь, признаю, в этом уже нет смысла; а потому заключаю. Я хочу, чтобы вы отправились куда-нибудь за море и там, пока Богу не будет угодно решить мою участь, искали себе средств к существованию; для чего и препровождаю вам при сем паспорт. Молю Бога, чтобы Он заставил вас почувствовать нынешнее ваше положение и дал вам средства возратить потерянное, ибо даже величайшая победа не принесет мне такой радости, как хорошее основание не краснеть от стыда, уверяя вас, что я остаюсь вашим любящим дядей и преданным другом.

C. R.

С этим же письмом король послал распоряжение о признании недействительными всех прежде выданных Руперту патентов и велел лордам Совета в Оксфорде, куда удалился из Бристоля со своими войсками принц, потребовать, чтобы он передал им лично в руки свой патент главнокомандующего. В самом ли деле король опасался, что принц может заупрямиться, не отдать патент и устроить в Оксфорде какие-нибудь беспорядки, или же он следовал чужим советам, но Его Величество тогда же отправил распоряжение

немедленно взять под стражу оксфордского коменданта полковника Легга, который был в большом фаворе у принца и потому мог бы якобы послушно исполнить любой его приказ. Но из-за этой строгой меры первое решение, касавшееся принца, показалось слишком поспешным, и некоторые подумали, что Руперта карают в назидание прочим, дабы явить на нем первый пример монаршей суровости — хотя другие особы так и не были никогда призваны к ответу за множество тяжких проступков и неудач. Никому и в голову не приходило, будто принц способен нарушить долг верности и ослушаться воли короля; равным образом и полковника Легга все считали человеком безусловно преданным Его Величеству и стоящим в этом смысле выше любых искушений; а потому арест коменданта заставил подозревать, что и строгость в отношении принца объяснялась скорее влиянием каких-то его могущественных врагов, а не суровостью самого короля.

Когда принц Уэльский после потери Бристоля перебрался из Эксете́ра в Лонстон (около середины сентября), сочли нужным сосредоточить в Лонстоне всю корнуолльскую милицию, а тех ополченцев, которых удастся склонить к подобным действиям, двинуть на восток, ведь еще раньше в Эксете́ре было решено, что — если неприятель предоставит передышку — все силы обоих графств (исключая войска, необходимые для продолжения блокады Плимута) соберутся в Тивертоне и дадут мятежникам бой на переправе. Для более удобного осуществления этого плана сэру Ричарду Гренвиллу было приказано принять начальство над всей милицией Корнуолла, имеющей быть усиленной тремя его собственными полками, которые сэр Ричард привел в свое время под Таунтон. Впоследствии как офицеры, так и солдаты этих полков сочли себя (и с основанием) до такой степени оскорбленными дурным отношением со стороны лорда Горинга, что совершенно рассеялись, и вновь их собрать могла теперь лишь твердая уверенность в том, что их командиром станет сэр Ричард Гренвилл. Подобное положение, по-видимому, вполне устраивало Гренвилла, ведь он уже добился от принца всех знаков уважения, которых желал, и всей поддержки, какая только могла быть ему оказана, и теперь как будто не проявлял особого недовольства — если не считать писем, посылаемых им каждые два-три дня самому принцу, лордам или м-ру Феншоу, в которых, совершенно не стесняясь в выражениях, он восхвалял себя и жестоко бранил за грабежи кавалеристов лорда Горинга, а иногда и сэра Джона Беркли.

Когда принц еще находился в Эксетере, сэр Джон Беркли попросил Его Высочество принять во внимание необходимость его, сэра Джона, неотлучного пребывания в Эксетере (так как именно в эту сторону неприятель явно обращал свои взоры) и передать начальство над войсками под Плимутом другому человеку, который мог бы всецело посвятить себя выполнению порученной ему задачи. Все склонялись к тому, чтобы возвратить под Плимут сэра Ричарда Гренвилла, и он сам, безусловно, на это рассчитывал; однако прежде следовало обдумать три важных обстоятельства. Во-первых, на этот пост, с самого начала ему принадлежавший, претендовал генерал Дигби; и он сам, и граф Бристоль ожидали, что задуманная перемена будет иметь именно такое следствие, ведь Дигби уже достаточно поправил свое здоровье, чтобы выполнять обязанности командующего войсками под Плимутом. Далее, если бы эту должность предложили Гренвиллу, то он непременно потребовал бы себе столь значительную долю военных налогов, что содержание остальной армии и гарнизонов оказалось бы невозможным. И, наконец, самое главное: вся суть нынешнего плана заключалась в том, чтобы собрать в одном месте войско, способное дать бой неприятелю, чего нельзя было добиться без отрядов корнуолльской милиции, а также старых солдат, покинувших свои части; между тем ни те ни другие не выступили бы в поход без сэра Ричарда Гренвилла, а если бы он отправился под Плимут, то и старые его солдаты, вне всякого сомнения, пошли бы именно туда вслед за ним. Кроме того, считалось, что полевая армия, испытывавшая крайний недостаток в хороших офицерах, просто не сможет обойтись без опыта и энергии Гренвилла. А потому было решено, что генерал Дигби вновь займет свой прежний командный пост под Плимутом, однако при любых чрезвычайных обстоятельствах и в случае вражеского наступления он будет подчиняться сэру Ричарду Гренвиллу; и после того, как Гренвилл двинулся в Девоншир и устроил свою квартиру в Окингтоне, Дигби получил соответствующий приказ, который был им неукоснительно исполнен.

В начале октября, твердо пообещав навести порядок в войсках, карать солдат за любые бесчинства и открыть для обывателей доступ на рынки, лорд Горинг убедил девонширских комиссаров увеличить вдвое военный сбор с графства, а половину вырученных средств отпускать его армии. Заполучив таким образом огромные суммы, Горинг, однако, нисколько не умерил свои насилия и требования; собранные же деньги, вместо того, чтобы регулярно

выплачивать их солдатам, он отдавал тем особам, коих ему было угодно именовать в своих приказах. Но как только сэр Томас Ферфакс подступил к Калламptonу, лорд Горинг оставил всякую мысль об обороне Девоншира и в письме от 11 октября к лорду Колпепперу сообщил, что всю кавалерию, за исключением тысячи всадников, он отослал под командой своего генерал-майора на запад, на соединение с готовившимися наступать корнуолльцами, а сам с тысячей кавалеристов и всей пехотой решил остаться в Эксетере, чтобы либо защищать этот город, если неприятель появится под его стенами, либо, если враг двинется на запад, беспокоить его с тыла; и попросил Его Высочество назначить по своему усмотрению начальника над его генерал-майором лордом Уэнтвортом, готовым строго исполнять приказы любого командира, которого поставит над ним принц вместо него, Горинга. Тогда принц велел сэру Ричарду Гренвиллу идти с корнуолльцами в Окингтон, а генерал-майору приказал быть у него в подчинении. Но к тому времени, когда тот и другой, действуя бодро и энергично, приготовились выполнить распоряжения принца, генерал Горинг снова изменил свои планы и уже четыре дня спустя после отправления упомянутого письма отступил со своей тысячей кавалеристов из Эксетера в Ньютон-Бушел, а затем, в письме к лорду Колпепперу, осведомился у принца, должен ли сэр Ричард Гренвилл подчиняться ему, Горингу; вызвался, собственными силами или вместе с сэром Ричардом, предпринять по указанию принца любые действия; и даже изъявил готовность, если его присутствие и командование, ввиду нерасположения к нему корнуолльцев, будут сочтены способными причинить какой-либо ущерб делу, передать начальство над войсками, на время замышляемого ныне похода, любому лицу, которое назначит принц, дав при этом понять, что если таким человеком станет лорд Гоптон, то лорд Уэнтворт охотно выполнит все его приказы. На другой день Его Высочество написал Горингу, что руководство всем этим предприятием поручено его светлости, а сэру Ричарду Гренвиллу, располагавшему тогда сильным отрядом корнуолльцев и наделенному правом, в случае надобности, взять с собой также часть солдат из-под Плимута, велено исполнять его приказы.

Король, как уже говорилось выше, находился тогда в постоянном движении, что не позволило гонцу, посланному к нему членами Совета, едва им стало известно о решении короля касательно отъезда принца во Францию, быстро доставить соответствующее письмо. А потому дальнейшие указания Его Величества они

получили лишь в середине октября, когда тот же курьер привез лорду Колпепперу следующее письмо:

Колпеппер,

Я просмотрел и обдумал ваши депеши, но пока вам придется удовольствоваться конечными решениями без их обоснований, отыскивать каковые я предоставляю вам самим. Лорд Горинг со своей кавалерией должен прорываться к Оксфорду, а затем искать меня, выступив туда, где, по его разумению, я могу в тот момент находиться; наиболее же вероятным местом, как я теперь полагаю, будет район Ньюарка. Но еще более, а вернее, абсолютно необходимо, чтобы принц — самым удобным образом, в величайшей тайне и со всевозможной поспешностью — был перевезен во Францию, где его матери, и только ей одной, следует иметь о нем попечение во всем, кроме дел религии, каковые по-прежнему должны оставаться в ведении епископа Солсберийского. Ручаюсь, что его мать подчинится этому решению, о котором я сообщу ей следующим письмом. Засим остаюсь вашим преданнейшим другом,

Карл R.

Хотя письмо это было написано после потери Бристоля, к моменту его получения положение западных графств еще не считалось совершенно безнадежным, и лорды Совета твердо решили, что особа принца никогда не должна подвергаться риску быть внезапно захваченной мятежниками, однако увозить принца за пределы владений короля следует лишь в случае явной и очевидной необходимости, если возникнет прямая угроза его безопасности. Ведь даже простое предположение о возможности отъезда принца лорд Горинг и другие люди уже успели сделать предметом злонамеренных слухов, чем привели народ в величайшее уныние; и советники ясно понимали, что подобная мера неминуемо повлечет за собой потерю всего запада, гибель полевой армии и гарнизонов (не говоря уже о том, что преждевременная попытка увезти принца могла бы завершиться провалом), а потому решили, что король оправдает их и не обвинит в нарушении долга, если они сохраняют за собой возможность повиноваться ему в будущем, не исполнив его волю тотчас же — тем более, что генерал Горинг не считал разумным подчиниться посланному ему тогда же приказу выступить на соединение с королем, не посоветовавшись с Его Высочеством на сей

счет и даже не сообщил о получении подобного приказа; однако Его Высочество дал знать Горингу, что он будет чрезвычайно доволен, если тот прорвется со своей кавалерией к королю (что Горинг мог бы сделать).

Между тем неприятель, достигнув Тивертон, не спешил продвигаться на запад от Эксетера, но занимался укреплением усадеб с восточной стороны города, чему королевская армия нимало не препятствовала: лорд Горинг по своему обыкновению предавался веселым кутежам между Эксетером, Тотнесом и Дартмутом, а в самом Эксетере совершенно открыто говорили, что он намерен оставить армию и вскорости удалиться на континент, а генерал-лейтенант Портер решил перейти на сторону Парламента — говорили задолго до того, как о решении Горинга уехать во Францию принц хоть что-то узнал от самого генерала. 20 ноября его светлость написал из Эксетера принцу письмо (переданное через лорда Уэнтворта), в котором объявил, что неприятель и его светлость уже расположились на зимних квартирах (между тем как неприятель был как никогда деятелен), а потому он, Горинг, просит Его Высочество разрешить ему провести некоторое время во Франции ради поправления здоровья; Горинг также намекнул, что этой поездкой он надеется оказать Его Высочеству некую важную услугу, и выразил желание, чтобы вся армия оставалась под начальством лорда Уэнтворта вплоть до его возвращения, каковое состоится через два месяца (тогда как еще за две недели перед тем он писал, что лорд Уэнтворт готов получать приказы от лорда Гоптона). Отправив с этим письмом лорда Уэнтворта к принцу в Труро и не дожидаясь согласия или разрешения Его Высочества, Горинг в тот же день отбыл в Дартмут, где оставался не дольше, чем потребовалось ему, чтобы устроить переезд во Францию, куда он и отплыл с первым попутным ветром. А в это самое время генерал-лейтенант Портер отказался исполнять свои обязанности и успел получить от неприятеля несколько писем и посланий, а также пропуск для поездки в Лондон. Узнав об этом, генерал Горинг подписал приказ о взимании с графства двухсот фунтов для покрытия его расходов. Лорд же Уэнтворт, находившийся тогда в Труро, доверительно сообщил одному из своих близких друзей, что Горинг не намерен возвращаться ни в армию, ни в Англию, но возложил на него поручение удерживать кавалерию от участия в каких-либо боях, пока он, Горинг, не получит от Парламента разрешение отправить ее на службу какому-нибудь иноземному государю, что станет для

офицеров-кавалеристов великой удачей. Впоследствии, уже в Лондоне, генерал-майор говорил, что не понимает истинных замыслов лорда Горинга, ведь накануне отъезда тот строго наказывал офицерам беречь свои полки, ибо он надеется выхлопотать дозволение на перевозку их за море — но уже спустя несколько дней по прибытии в Париж Горинг послал в Англию капитана Порриджа с поручением забрать всех его верховых и боевых лошадей, которые он будто бы должен кому-то подарить во Франции, хотя в то же самое время он уверял своих друзей, что скоро вернется с солдатами и оружием (чему после истории с лошадьми уже не верили).

С того времени, как генерал Горинг впервые обосновался на западе, народ отзывался о нем не слишком почтительно, особенно корнуолльцы, которых он в высшей степени неразумно восстановил против себя бесконечными издевками и оскорбительным пренебрежением. Так, устраивая под Таунтоном смотры своей пехоте, Горинг имел привычку хлопать по плечу какого-нибудь ирландца или одного из прибывших из Ирландии солдат (людей, несомненно хороших) и говорить ему при всех, что он стоит десяти корнуолльских трусов; а ведь эти самые корнуолльцы составляли тогда большую часть его армии, с ними были связаны все его надежды на будущие успехи, и многие из них имели основания думать о себе, что они ни в чем не уступают любым другим людям, находившимся на королевской службе. Когда же Горинг покинул армию и уехал во Францию, говорить о нем стали с еще большей вольностью. Утверждали, что он с самого начала находился в сговоре с мятежниками и, бесполезно истощив и израсходовав все посланные ему припасы, оставил теперь свою вконец разнуздавшуюся и ненавистную всем армию на милость врага — а также жителей графства, имевших гораздо больше, чем неприятель, справедливых оснований для гнева, а потому и менее склонных к милости. Потерю Уэймута — в виду его армии, после того, как город уже находился в его руках, и в условиях, когда ему принадлежало единоличное командование — ставили в связь со злосчастной стычкой у Петбертон-бриджа, когда два его отряда, исполняя полученные от него приказы, вступили в бой друг с другом, а неприятель преспокойно отступил и укрылся за своими укреплениями. Вспоминали, как своими дикими бесчинствами он сознательно возбуждал бешеную злобу местного населения; как он вредил ленгпортскому гарнизону и довел его до распада; как отнимал провиант у других гарнизонов; как он всячески обхаживал дубинщиков; как (заявив вначале, что враг будет у него в руках уже

через шесть дней) простоял со всей своей армией под Таунтоном целых шесть недель; как в это самое время он позволял неприятелю доставлять в осажденный город (который он грозился заморить голодом за несколько дней), через расположение собственных войск, огромное количество продовольствия, а своему брату Портеру — тайно встречаться и беседовать со старшими офицерами мятежников; как во время сидения под Таунтоном он пренебрегал нуждами своей пехоты, отчего свыше двух тысяч человек разбежалось. Внезапное нападение на его главную квартиру, произведенное неприятелем средь бела дня накануне ленгпортского конфуза (за что ни единый человек не был призван к ответу), а также полный разгром армии под Ленгпортом и беспорядочное ее бегство причисляли к самым позорным из когда-либо случившихся поражений, объясняя их постыдной бездеятельностью командующего. Указывали, что и прежде, в затруднительных обстоятельствах или в случаях, требовавших серьезного обсуждения, он никогда не созывал военный совет, чтобы обдумать необходимые меры; что же до последнего, ленгпортского, дела, то он тогда находился так далеко от поля боя, что, в панике примчавшись в Бриджуотер, объявил о потере всей пехоты и артиллерии, которые в действительности были спасены — исключительно благодаря заботе и усердию лорда Уэнтворта и сэра Джозефа Уэгстаффа. Говорили о неслыханном равнодушии, с которым относился он к собственной армии по ее отходе в Бриджуотер, так что из трех или четырех тысяч солдат, которыми, по признанию самого же Горинга, располагал он после ленгпортского дела (а если он не преуменьшил свои потери, то их должно было быть гораздо больше), уже через шестнадцать дней не осталось и тысячи трехсот человек; да и впоследствии он сам не вернул под свои знамена ни единого бойца, подкрепления же получал исключительно усилиями и властью принца. Наконец, эти люди вспоминали, как, находясь в Девоншире с начала июля, со времени своего отступления из Ленгпорта, и до конца октября, когда он отбыл во Францию — иначе говоря, целых пять месяцев — и располагая армией из более чем четырех тысяч кавалерии и пехоты, Горинг только тем и занимался, что разорял графство, настраивая девонширцев против короля и его дела, не предприняв ни единой попытки дать бой неприятелю или хотя бы выступить ему навстречу — а за это время, ведя правильные осады, мятежники успели овладеть Бриджуотером, Шерборном, Бристолем и многими другими важными крепостями.

В целом же, сравнивая его слова и поступки, сводя воедино сделанное и несделанное им, эти люди приходили к выводу, что если бы Горинг вступил в сговор с неприятелем и, подкупленный им, решил изменнически предать запад в руки Парламента, то он не смог бы придумать для достижения подобной цели более удачных средств, ведь по недостатку собственного влияния отдать западные графства во власть мятежников каким-нибудь явным и открытым действием он был не в силах. А потому те, кто об уме, мужестве и воинском искусстве Горинга держался более высокого мнения, нежели о его совести и честности, полагали, что погрешил он именно с этой последней стороны, к каковому заключению их еще сильнее склоняли слова «На Горинга мы можем положиться!», часто по неосторожности слетавшие с языков в неприятельском лагере, а также то обстоятельство, что после ленгпортского погрома сэр Томас Ферфакс занялся упомянутыми выше крепостями, совершенно не принимая в расчет и не пытаясь найти армию лорда Горинга, чья кавалерия — и этого он не мог не знать — равнялась по численности его собственной, а пехота — и этого он имел все основания опасаться — могла быть быстро пополнена в многочисленных графствах Девоншир и Корнуолл. Ферфакс, рассуждали эти люди, никогда бы не поступил столь легкомысленно и неосмотрительно, не будь он вполне уверен, что войска Горинга ничем его не беспокоят (вдобавок Горинг, никем тогда не преследуемый, мог бы с легкостью прорваться на соединение с королем, что совершенно расстроило бы все неприятельские планы на Западе).

Другие же люди, не испытывавшие к лорду Горингу достаточной приязни, чтобы с охотой согласиться участвовать вместе с ним в каком-нибудь важном и ответственном деле, но при этом считавшие его совершенно неповинным в сговоре с врагом и в каких-либо изменнических замыслах, объясняли медленность действий Горинга по его прибытии на запад и неиспользование им ряда благоприятных возможностей желанием прочно и надолго утвердиться в новой должности — по этой-то причине он и не спешил, ведь если бы Горинг быстро сделал свое дело, его могли бы отозвать к королю, и ему пришлось бы покинуть эти края. В самом деле, хотя Горинг примирился с принцем Рупертом настолько, что поддержка и поощрение, какие получал он со стороны двора в ущерб власти принца Уэльского и авторитету его Совета, объяснялись исключительно влиянием Руперта, который в одном

из своих писем к генералу, стоявшему тогда под Таунтоном, выразился так: «То, чего пожелали вы в письме от 22 мая, будет исполнено; можете быть уверены: принц Руперт всегда поддержит честь и власть генерала Горинга и скорее лишится жизни, нежели допустит, чтобы генерал Горинг пострадал из-за принца Руперта», каковое письмо (в отличие от любых других писем, приходивших к нему от Его Величества или государственных секретарей в шифрованном виде) он всегда показывал в часы дружеских застолий, — однако, говорю я, было совершенно ясно, что Горинг твердо решил больше никогда не служить в одной армии с принцем Рупертом и под его командой. Все непристойные и скандальные речи Горинга эти люди объясняли врожденной распущенностью, которую он никогда не пытался обуздать, а грубые ошибки и злосчастные промахи — природной ленью и нелюбовью к энергичной деятельности, ведь — таков уж был характер Горинга — у него лучше получалось использовать и развивать уже достигнутые успехи, нежели упорно бороться с трудностями и находить выход из тяжелых положений. Те же, кто мог наблюдать его вблизи, видели огромное различие между присутствием духа и бодрой решительностью, какие выказывал Горинг при внезапном изменении обстоятельств, даже в минуты чрезвычайной опасности, и его поведением в предприятиях, требовавших более основательного обдумывания, постоянного терпения и неизменной бдительности — как если бы этот человек был просто неспособен к длительному умственному напряжению. А потому замечали, что обыкновенно он прекращает игру раньше, нежели картежники, считавшиеся людьми более азартными. Многие другие слова и поступки Горинга следует объяснять бешеной ненавистью, которой воспылал он ко всем членам Совета, когда обнаружил, что они не намерены удовлетворять его желания, а также крайним его честолюбием; увлеченный же любой из этих страстей, честолюбием или мстительностью, он способен был перейти все границы. Но что он имел в виду, когда, прощаясь с офицерами, говорил о необходимости сохранить кавалерию для службы какому-нибудь иностранному государю, понять невозможно — если только не допустить, что Горинг действительно верил, что скоро вернется с корпусом пехоты, а потому и убеждал их не слишком рваться в бой с неприятелем; либо, твердо полагаясь на преданность своих офицеров, думал, что они всегда будут мечтать о службе под его командой.

Глава XX

(1645—1646)

Когда сэр Ричард Гренвилл находился в Окингтоне, в голове его рождались совершенно удивительные планы, о которых он всякий раз письменно сообщал принцу или лордам; например, такой: выкопать глубокий ров протяженностью почти в сорок миль от Барнстейпла до Южного моря; с его помощью, уверял Гренвилл, он сможет защитить Корнуолл и западный Девоншир от всего остального мира, и много других несбыточных замыслов в подобном же роде, при знакомстве с которыми люди, сведущие в этих вещах, приходили к заключению, что сэр Ричард не в своем уме. Хотя корнуолльская милиция возвратилась домой (проведя, как и было условлено, месяц за пределами своего графства), сэр Ричард Гренвилл с тремя полками ветеранов оставался в Окингтоне, подступы к которому он укрепил: город этот имел чрезвычайную важность, ибо лишал неприятеля всякого сообщения с Плимутом. В самом деле, войско Гренвилла — в представлении врага более многочисленное, чем все, чем когда-либо располагал сэр Ричард в действительности, — самым своим присутствием в Окингтоне удерживало мятежников к востоку от Эксетера, что ясно обнаружилось впоследствии, когда по оставлении сэром Ричардом прежней позиции неприятель тотчас же двинулся вперед. Гренвилл сделал это в конце ноября, ничего не сообщив о своем намерении принцу и поступив вопреки ясно выраженному желанию находившихся тогда в Эксетере лордов Кейпла и Колпеппера, которые, услышав о решении сэра Ричарда, убедительно просили его в своем письме оставаться на прежнем месте. Однако Гренвилл неожиданно отступил со своими тремя полками из Окингтона в Корнуолл, после чего сосредоточил их вдоль реки Тамар, отделявшей Корнуолл от Девоншира, и отдал им прямой приказ оборонять переправы, дабы не позволить войскам лорда Гренвилла под каким бы то ни было предлогом вступить в пределы Корнуолла. С этой целью он велел жителям графства идти укреплять мосты и переправы (а еще раньше самым неразумным образом собирал их на строительство фортификаций в Лонстоне), а также распорядился читать в церквях по

всему Корнуоллу собственные прокламации и приказы, гласившие, что если какие-либо части лорда Горинга (кого в этих писаниях он с жестокой бранью обвинял в грабежах) дерзнут вторгнуться в Корнуолл, то его жителям следует бить в набат, а затем, поднявшись всем графством, гнать захватчиков со своей земли. Этими неслыханными и незаконными действиями он внушил корнуолльцам такую ненависть к лорду Горингу и его войскам, что теперь они готовы были чуть ли вступить в союз с мятежниками и совершенно не помышляли о сопротивлении неприятелю; причем о решениях своих Гренвилл уведомлял принца лишь после того, как они уже приводились в исполнение.

В последнюю неделю ноября Гренвилл лично явился в Труро к принцу — в тот самый день, когда Его Высочество получил письма от лордов из Эксетера, извещавшие о чрезвычайно дурных последствиях отступления сэра Ричарда Гренвилла из Окингтона: ободренный этим отходом, сильный неприятельский отряд уже занял Киртон. Тогда Его Высочество послал за сэром Ричардом Гренвиллом, на заседании Совета познакомил его с этими письмами и другими сведениями о неприятеле, им полученными, и велел хорошенько подумать о том, что следует предпринять теперь. Однако на другой день, даже не потрудившись еще раз посетить Его Высочество, Гренвилл возвратился в свое поместье в Уоррингтоне, откуда послал м-ру Феншоу предлинное письмо со своими соображениями, каковые просил довести до сведения лордов. Советовал же он вот что: Его Высочеству следует направить Парламенту предложение о переговорах, изъявив, со своей стороны, готовность — если ему предоставят в пользование доходы от герцогства Корнуолл, не будут на него наступать и как-либо беспокоить в этом графстве — не предпринимать против Парламента никаких действий и позволить вести свободную торговлю во всех занятых парламентскими войсками корнуолльских портах, без каких-либо помех со стороны кораблей Его Величества. Попросту говоря, сэр Ричард предлагал принцу сидеть смирно и держаться нейтралитета в борьбе между королем и Парламентом, и это в то самое время, когда королевская кавалерия в западных графствах превосходила числом неприятельскую и сохранялась возможность собрать столь же крупный корпус пехоты, и когда в других частях Англии Его Величество не имел ничего похожего на армию. Письмо это чрезвычайно встревожило принца, тем более что сэр Ричард Гренвилл, как ему стало известно, завел дружеские связи с теми из находившихся на его службе особ,

которые, как он имел основание думать, готовы были защищать честь и интересы короля с неменьшим, чем другие лица, рвением и упорством. Вдобавок он узнал, что Гренвилл всячески пытается внушить коменданту Пенденнис-касла мысль, будто принц намерен снять его с этой должности, передав ее лорду Гоптону, для чего сэр Ричард уже писал коменданту из Окингтона (когда лорд Гоптон и канцлер были посланы в Пенденнис, чтобы помочь в укреплении замка и снабжении его необходимыми припасами, без каких мер он не смог бы впоследствии так долго продержаться), что лорд Гоптон получил-де полномочие сменить его на этом посту, но ему не следует безропотно терпеть подобное оскорбление, ибо он, Гренвилл, и все его друзья готовы решительно выступить в его защиту. На самом же деле мысль о назначении на эту должность другого человека никому тогда даже в голову не приходила.

Вскоре после этого письма, отправленного 27 ноября, сэр Ричард Гренвилл еще раз написал м-ру Феншоу, дабы выяснить, одобрены ли его предложения; и Феншоу, по указанию принца, ответил, что после их получения Совет еще не собирался в полном составе и обсудить их не было возможности, поскольку лорды Кейпл и Колпеппер еще не возвратились из Эксетера. Гренвилл между тем продолжал строительство укреплений в Корнуолле, а около середины декабря (принц все еще находился в Труро) отправил несколько писем джентльменам графства с предложением явиться к нему в Лонстон. Одно из этих писем, к полковнику Ричарду Арунделлу, я видел; в нем Гренвилл настоятельно просил Арунделла привести с собой как можно больше джентльменов и иных видных особ, притом из числа как благонамеренных, так и неблагонамеренных лиц, ибо он, Гренвилл, намерен сообщить им ряд предложений, ранее отправленных им принцу, каковые предложения, хотя у принца к ним не прислушались, придутся, он уверен, по вкусу его корнуолльским землякам; однако из-за неожиданного прибытия принца в Тависток замышлявшееся в Лонстоне собрание так и не состоялось.

Вскоре после отъезда лорда Горинга во Францию принц получил из Эксетера известие, что неприятель уже завершил строительство укреплений, делающих отныне невозможным оказание помощи городу с востока, и теперь сосредоточивает свои силы с западной его стороны, что в самом скором времени поставит ЭксETER в отчаянное положение. Тогда Его Высочество счел нужным послать лордов Брентфорда, Кейпла, Гоптона и Колпеппера на совещание с лордом

Уэнтвортом (стоявшим в ту пору в Аш-Буртоне, в шести милях от Тотнеса) и сэром Ричардом Гренвиллом (готовившимся двинуть часть своей пехоты в Девоншир) — дабы помочь названным особам прийти к такому взаимному согласию, которое позволило бы продолжить военные действия. Инструкциями, подписанными рукой Его Высочества, их светлостям вменялось в обязанность, по рассмотрении состояния войск и по совещании с лордом Уэнтвортом и сэром Ричардом Гренвиллом, определить, какие меры могут быть срочно приняты для спасения Эксетера (чтобы обеспечить этот город хлебом, принц тогда же выдал тысячу фунтов наличными двум эксетерским купцам); предполагалось, что тот и другой охотно выслушают мнения их милостей и с готовностью последуют их советам.

Местом встречи был назначен Тависток, куда явились все, кроме лорда Уэнтворта; ввиду его отсутствия лорды, дав необходимые указания сэру Ричарду Гренвиллу, сами отправились в Аш-Буртон (расположенный в двадцати милях далее) на главную квартиру лорда Уэнтворта, где провели день или два, но где им не было оказано то уважение, на которое они вправе были рассчитывать. Ревниво оберегавший полномочия, переданные ему генералом Горингом, и не желавший допустить их сокращения, его светлость в беседе с лордами часто выражался с излишней горячностью; он объявил, что не намерен подчиняться никому, кроме самого принца. Тогда, приняв также в соображение отчаянные мольбы о помощи из Эксетера, их светлости сочли совершенно необходимым личное присутствие принца в армии — чтобы собрать возможно большее число корнуолльцев (а без него на это нельзя было надеяться) и наиболее целесообразным образом устроить командование всеми имеющимися силами. Главной же целью (и пределом всех надежд) было тогда принудить неприятеля к битве, а чтобы ее выдержать, армии принца требовалось соединиться с довольно крупным отрядом пехоты, стоявшим в Эксетере. Нельзя было думать, что лорд Уэнтворт обладает достаточным авторитетом, опытом и репутацией для осуществления столь важного замысла, от успеха коего зависела ныне ни много ни мало судьба трех корон, и, однако, во избежание самонадеянности и ущерба для его чести (или же для воображаемых полномочий, переданных ему генералом Горингом, а скорее — для того, чтобы ненужные перемены в командовании не повлекли за собой каких-либо опасных затруднений в ту минуту, когда солдат поведут в бой) были употреблены всевозможные старания. В итоге

условились, что лорд Уэнтворт будет получать скорее рекомендации, а не распоряжения, если же он проявит должное хладнокровие и благоразумие, то все решения будут приниматься в Совете, после чего соответствующие приказы будут отдаваться от его имени.

На другой день после Рождества (погода стояла очень холодная) принц отправился из Труро в Бодмин, а на следующий день — в Тависток, куда прибыли лорды Совета; лорд Уэнтворт оставался в Аш-Буртоне, а его кавалерия рассредоточилась в той части графства, которая соседствовала с неприятелем. Сэр Ричард Гренвилл, также явившийся в Тависток, еще раньше отправил к Окингтону три пехотных полка, которые прикрывала кавалерийская бригада генерал-майора Уэба, квартировавшая неподалеку; через неделю должна была подойти корнуолльская милиция; генерал Дигби с двумя-тремя сотнями пехотинцев и шестьюстами кавалеристами продолжал блокаду Плимута, однако все военные налоги, предназначенные для содержания его войск, забирала себе кавалерия лорда Уэнтворта, так что принцу приходилось снабжать солдат Дигби с провиантских складов, устроенных в Корнуолле в расчете на предстоящий поход армии, а собственную конную гвардию разместить у самых границ Корнуолла, поскольку найти для нее квартиры где-нибудь поближе к его особе было невозможно.

Около этого времени сэр Томас Ферфакс держал свою главную в усадьбе в двух милях к востоку от Эксетера; сэр Хардресс Уоллер с одной из бригад его армии располагался в Киртоне; другие же части армии Ферфакса успели овладеть Поудрам-хаусом с церковью, Халфорд-хаусом и еще несколькими укрепленными пунктами с западной стороны, так что провизия в город больше не поступала. В Тавистоке же, по прибытии туда принца, решили, что как только подоспеет корнуолльская пехота, Его Высочество — с нею, с собственной гвардией и с теми пехотными частями, которые можно будет без всякого ущерба взять из-под Плимута, заменив их кавалерией, — двинется к Тотнесу, где следует устроить склады для всей армии — за счет продовольствия, доставляемого морем из Корнуолла, а также съестных припасов, которые предполагалось закупить в больших количествах в Девоншире; о чем и были сделаны необходимые распоряжения. Считалось, что, выступив из Тотнеса, принц сумеет соединиться с войсками в Эксетере, если только между ним и Эксетером не сосредоточится вся армия мятежников; но в таком случае эксетерский гарнизон окажется в состоянии как освободить себя от блокады,

так и беспокоить неприятеля с тыла, а принц сможет либо отступить, либо дать бой, смотря по тому, что он сочтет для себя более выгодным и удобным. Поскольку все планы были уже приняты, а прибытие корнуолльской пехоты в полном составе ожидалось лишь на следующей неделе, то принц решил отправиться в Тотнес, где можно было договориться о всех необходимых мерах с лордом Уэнтвортом (имея свою главную квартиру в шести милях, он мог бы с легкостью прибыть на встречу с принцем) и отдать распоряжения касательно складов, деньги на устройство которых уже поступили из Корнуолла.

На другой день по прибытии принца в Тотнес туда явился лорд Уэнтворт; на заседании Совета ему сообщили о принятых в Тавистокке решениях, каковые он одобрил. Тогда принц пожелал увидеть список мест для постоя, дабы определить, как будет расквартирована армия, когда она соберется здесь в полном составе, для чего лорд Уэнтворт привел с собой на следующий день генерал-квартирмейстера Пинкни (который, по сути, командовал им самим как хотел). На первом же заседании Совета лорд Уэнтворт сказал принцу, что, прежде чем приступить к делу, он, во избежание всяких недоразумений и двусмысленностей, должен объявить, что не станет получать приказы ни от каких других лиц, кроме Его Высочества, поскольку именно ему, Уэнтворту, генерал Горинг доверил этот пост, вручил соответствующий патент и дал необходимые инструкции. То же самое он часто повторял и на последующих заседаниях; когда же речь заходила о размещении войск, лорд Уэнтворт выражался крайне высокомерно и непочтительно, а однажды, будучи пьян, грубо оскорбил одного из членов Совета в присутствии принца. Решили, что более удобный момент для объявления о новом порядке командования наступит для принца лишь тогда, когда он соберет всю свою армию и будет иметь при себе собственную гвардию, а потому, хотя принц остался чрезвычайно недоволен поведением лорда Уэнтворта, он лишь сказал ему, что примет командование армией на себя и будет отдавать такие приказания, какие сам сочтет нужным; после чего, посетив порт и крепость Дартмут, приняв необходимые меры для обеспечения складов провиантом и уладив споры касательно мест постоя, принц возвратился в Тависток, полный решимости как можно скорее, согласно прежнему плану, выступить со всей пехотой к Тотнесу.

За день до отъезда в Тотнес принц получил от своего отца следующее письмо, датированное 7 ноября.

Оксфорд, 7 ноября 1645

Карл,

Сообщать вам здешние новости, которые не настолько дурны, как, я уверен, попытались бы внушить вам мятежники, я предоставляю другим; сам же нахожу нужным объявить вам следующее. Я приказываю вам, как только опасность попасть в руки мятежников станет для вас вероятной, уехать в Данию и, приняв в случае подобной угрозы мое благословение, не задерживаться слишком долго на нашем острове, питая смутные и неопределенные надежды. Ибо, если я правильно представляю себе настоящее положение дел на западе, вам не следует медлить с отплытием ни единого часа; впрочем, на последнем пункте я не настаиваю. Но я совершенно убежден, что ваш отъезд на континент является для меня абсолютно необходимым, и потому категорически велю вам это сделать. Однако я не ограничиваю вас Данией, но позволяю выбрать любую другую страну, только бы не оставаться здесь. Что же до Шотландии и Ирландии, то я запрещаю вам ехать в какую-либо из них, пока вам не станет доподлинно известно, что в первой заключен мир, а во второй дела графа Монтроза обстоят превосходно; в настоящее же время, верьте моему слову, это совсем не так. Да благословит вас Господь.

Ваш любящий отец, Карл R.

Хотя письмо это содержало настоятельные побуждения к немедленному отъезду, они не являлись прямыми приказаниями; в то время года состояние моря еще не могло запретить принца в Англии, и он все еще был волен сам выбирать срок отплытия; в его руках оставалось целое графство, а в соседнем — Эксетер и Барнстейпл с сильными гарнизонами (не говоря уже об осадном корпусе у Плимута); наконец, он имел армию. В общем, Совет пришел к мнению, что время для отъезда еще не наступило и следует продолжать осуществление прежнего плана — соединив кавалерию с корнуолльской пехотой, попытаться выручить Эксетер; для чего на другой день после Рождества принц и предпринял упомянутую выше поездку в Тависток. По возвращении же оттуда он получил еще одно письмо от короля.

Оксфорд, 7 декабря 1645

Карл,

Я писал вам сего же числа прошлого месяца, а несколько дней спустя послал копию написанного. Теперь же основания для отданных мною тогда приказов умножились. Упомяну лишь одно, которое, уверен, станет достаточным объяснением того, чем намерен я ныне дополнить первое письмо. Итак, я решил предложить мятежникам переговоры, с моим личным участием, в Лондоне, куда уже отправлен трубач с просьбой об охранной грамоте для моих курьеров, имеющих эти предложения доставить. Если же эта просьба будет удовлетворена (а я полагаю, так и случится), то ваше пребывание в другой стране станет надежной гарантией моей безопасности, а также главным доводом (который говорит сам за себя, не нуждаясь в ораторе), способным заставить мятежников прислушаться к голосу разума. По этим причинам, хотя в последнем своем письме я предоставил вам право самому определять сроки, теперь я категорически вам приказываю усердно искать и, как только она будет найдена, сразу же использовать удобную возможность для переезда в Данию. Впрочем, я разрешаю и велю вам по получении настоящего письма немедленно отправиться в любую другую страну, только бы не оставаться в нашем королевстве — например, во Францию, Голландию и так далее, если туда можно добраться удобным и безопасным образом, ибо ни о чем другом теперь не следует заботиться. Мне нет нужды желать вам, чтобы, покидая Англию, вы находились в самом превосходном состоянии; это понятно само собой, как и то, что я всегда останусь вашим любящим отцом.

Карл R.

Внимательно прочитав это письмо (написанное, как и все прочее, шифром лорда Колпеппера и им же расшифрованное), Его Высочество, по своему обыкновению, тотчас же возвратил его в руки его светлости, с приказом тайно хранить у себя, а о его содержании сообщить трем членам Совета: доверяться здесь кому-либо еще было бы слишком рискованно. Письмо это чрезвычайно встревожило советников, ибо — не говоря уже о том, что оно застало их в разгар осуществления самого многообещающего из всех планов спасения Запада, какие только возникали со времени последних несчастий — если бы они попытались исполнить приказ короля, то внезапное, поспешное и ничем не оправданное

оставление принцем армии ясно открыло бы дальнейшие его намерения и, вероятно, побудило бы народ и солдат (а они не испытывали бы недостатка ни в дополнительных разъяснениях, ни в подстрекательстве со стороны слуг самого принца, из числа коих лорды не могли бы положиться даже на троих) воспрепятствовать их осуществлению; тем более что армия, полная надежд на успех уже начатого предприятия, и слышать не желала о других планах, а в своем сопротивлении отъезду принца могла бы рассчитывать на помощь гарнизона Пенденниса, откуда Его Высочество и должен был отправиться на континент. Так что если бы принцу удалось уехать, то армия, обескураженная подобным ударом, непременно распалась бы, а если бы ему не удалось это сделать, то безуспешная попытка могла бы обернуться для него роковыми последствиями. Далее, хотя лорды Совета уже давно держали наготове в гавани особое судно, а к этому времени располагали еще и фрегатом м-ра Хасданкса, но поскольку приготовления велись в глубокой тайне, с ведома и при участии весьма немногих, то теперь они уже просто не успели бы быстро подготовить все необходимое для столь дальнего путешествия, как плавание в Данию, для которого, учитывая положение вверенной их попечению особы, потребовался бы по меньшей мере двухмесячный запас провианта. Но более всего смущало их самое утверждение, коим Его Величеству угодно было обосновать свой категорический приказ, ибо, по их разумению, из этой посылки следовал совсем иной вывод: отъезд Его Высочества из Англии (во всяком случае без прямой и настоящей необходимости) оказался бы тогда в высшей степени несвоевременным, ведь если бы Его Величество, в надежде на переговоры, явился собственной королевской особой в Лондон и был там принят, а в этот самый момент особу Его Высочества увезли за пределы королевства по личному приказу Его Величества (утаить какое-либо обстоятельство оказалось бы невозможным), то разумно было думать, что не только мятежники охотно воспользовались бы этим событием как доводом против искренности намерений Его Величества, но и его собственный Совет, который и побудил его сделать мирные предложения и в помощи которого он постоянно нуждался, счел бы себя жестоко оскорбленным и утратил бы всякую веру в действенность своих будущих рекомендаций.

В конце концов, лорды пришли к единодушному мнению, что действия по деблокаде Эксетера следует продолжать по принятому ранее плану и что принц должен находиться при армии, после чего

отправили к королю гонца с подписанной четырьмя доверенными лицами депешей (а на следующий день — еще одного курьера с ее копией), в которой ясно описали Его Величеству положение его войск; выразили надежду, что личное присутствие принца пойдет им на пользу; сообщили о состоянии Эксетера и о численности неприятельских сил (какой они ее себе тогда оно вообще возможно, было бы делом весьма затруднительным и нецелесообразным. Затем лорды уведомили Его Величество, что, как они ясно видят, все лица, находящиеся на службе принца, категорически не желают оставления Его Высочеством королевства, а его возможный отъезд во Францию возбуждает столь сильные подозрения, что, как они имеют веские основания думать, многие особы, безусловно преданные Его Высочеству и радеющие о его безопасности, предпочтут, чтобы принц оказался скорее в руках мятежников, но не в упомянутом королевстве — а потому, когда наступит время действовать (а чтобы его не упустить, заверили Его Величество лорды, они выкажут всевозможную бдительность и осторожность), будет, по их твердому убеждению, лучше оставить принца во владениях Его Величества, перевезя его на Силли или на Джерси, и уже там думать о дальнейших шагах. Лорды также представили королю свое скромное мнение о том, что если он вступит в личные переговоры в Лондоне (на что, полагали они, мятежники никогда не согласятся, не добившись прежде от Его Величества таких уступок, которые сведут на нет его власть и укрепят их собственную), будет в высшей степени нецелесообразно увозить принца из Англии (разве что при явной угрозе внезапного захвата его особы) еще до того, как сколько-нибудь прояснятся итоги этих переговоров, и без ведома тех советников, на которых он должен полгаться в этом деле. В заключение лорды заверили Его Величество, что отдать принца в руки Парламента не заставит их никакая сила на свете, кроме собственной воли Его Величества, которой не станут противиться ни они сами, находясь в его владениях, ни, как они полагают, никто другой, если принц окажется за их пределами.

Численность явившихся в Тависток войск оправдала ожидания: там собрались две тысячи четыреста бойцов милиции, весьма бодрых и готовых к скорому выступлению; кроме того, в Окингтоне находились восемьсот старых солдат под начальством генерал-майора Молсворта; пехоту лорда Уэнтворта (вместе с гвардией лорда Горинга, которая стояла в Дартмуте и должна была присоединиться к армии, когда та двинется вперед) оценивали в восемьсот человек;

комендант Барнстейпла обещал прислать пятьсот солдат, еще по меньшей мере полторы тысячи ожидали из Эксетера — таким образом, можно было твердо рассчитывать, что всей пехоты, вместе с гвардией Его Высочества, наберется шесть тысяч. Кавалеристов было чуть меньше пяти тысяч, из коих около семисот составляла гвардия Его Высочества, так что если бы все эти силы удалось собрать и ввести в бой, то надежды на победу не казались бы призрачными. Пехоте приказано было выступить уже на следующий день — но тут стало известно, что неприятель двинулся вперед и успешно атаковал в двух местах квартиры лорда Уэнтворта, а вскоре после этого известия явился, в крайнем смятении, и сам лорд Уэнтворт; о своих потерях он ничего толком не знал (и даже преувеличивал истинный урон), хотя в обоих пунктах враг и в самом деле захватил немало пленных, а еще больше — лошадей. Принц был полон решимости продолжить осуществление прежнего замысла и идти со всеми войсками к Тотнесу, однако лорд Уэнтворт не только предположил, что враг, скорее всего, уже овладел Тотнесом, но и заявил, что не надеется собрать и привести в порядок даже часть своих кавалеристов, пока им не дадут три-четыре дня отдыха. В действительности же весь этот погром учинили небольшие отряды неприятеля, которые, приблизившись средь бела дня к квартирам кавалерии Уэнтворта, обнаружили, что охранение не выставлено, а все лошади стоят в конюшнях; в последующие два или три дня вся неприятельская армия оставалась на месте, успокоенная и ободренная, как полагали, паникой, охватившей эскадры Уэнтворта. При таких обстоятельствах, а также ввиду абсолютной необходимости, из-за беспорядочного отхода кавалерии, снять блокаду Плимута, Тависток больше не мог служить местопребыванием принца, и Его Высочество, прислушавшись к мнению военного совета, удалился в Лонстон, куда стянули всю пехоту (кавалерии было приказано удерживать девонширский берег реки) и откуда он надеялся в скором времени вновь двинуться к Эксетеру.

Между тем король, как уже говорилось, оставался в Герифорде в крайней растерянности и нерешительности, не зная, куда ему следует направиться теперь. Сам он склонялся в пользу Вустера, пока его не уверили, что Пойнтз, собрав под своей командой все парламентские силы на севере, уже находится между Герифордом и Вустером во главе отряда в три с лишним тысячи кавалерии и драгун и с приказом бдительно следить на передвижениями короля; а потому Его Величеству будет чрезвычайно трудно пробиться

к Вустеру — куда он собрался идти, когда вновь решил двигаться в Шотландию на соединение с Монтрозом (которому, как тогда думали, все еще сопутствует успех). Поскольку же встреча с Монтрозом и была единственной целью, то посчитали, что продолжать марш к нему через Вустер, рискуя таким образом столкнуться с Пойнтзом, неразумно, и лучше избрать более безопасную дорогу — через Северный Уэльс к Честеру, а уже оттуда, через Ланкашир и Камберленд, искать такой путь в Шотландию, на котором неприятель не смог бы создать помех. Совет этот понравился королю, и после четырехдневного марша по труднопроходимой местности он оказался на расстоянии половины дневного перехода от Честера, который нашел в положении более опасном, чем предполагал, ибо тремя днями ранее неприятельские части из соседних гарнизонов внезапным ударом овладели внешними укреплениями и предместьями Честера и даже попытались взять самый город, чем вселили великий ужас в его захваченных врасплох защитников. А потому в неожиданном прибытии Его Величества увидели знак Божьего промысла, обещавший спасение столь важной крепости; осаждавшие, придя в не меньшее изумление, считали свое дело проигранным, а королевские войска уже полагали их в полной своей власти.

Сэр Мармадьюк Лангдейл с большей частью кавалерии отправили через Холт-бридж на восточный берег реки Ди, а король с собственной гвардией, лордом Джерардом и остальными кавалеристами вошел прямо в Честер. Было решено, что на следующий день рано утром, когда все находящиеся в Честере войска устроят вылазку, сэр Мармадьюк Лангдейл обрушится на врага с тыла, и неприятель таким образом попадет в кольцо. Однако сэр Мармадьюк Лангдейл, расположивший в ту ночь своих людей на пустоши в двух милях от Честера, перехватил письмо от Пойнтза (который, узнав, куда направился король, двинулся в погоню гораздо более коротким путем) к командующему парламентскими силами под Честером, с извещением, что он, Пойнтз, уже прибыл на выручку осаждающим и настоятельно просит прислать ему немного пехоты в помощь против королевской кавалерии. На следующий день он действительно появился и, атакованный сэром Мармадьюком Лангдейлом, вынужден был отступить с уроном, однако по-прежнему держался достаточно близко, чтобы к нему могла подойти пехота из Честера. Осаждающие между тем начали покидать предместья с такой поспешностью, что в Честере решили, будто они готовятся к бегству, и большая часть находившихся в городе кавалеристов

и пехотинцев получила приказ их преследовать. Но спешили они на соединение с Пойнтзом, что и сделали довольно быстро, а затем ударили на сэра Мармадюка Лангдейла, который, сломленный численным превосходством неприятеля, был разбит и обращен в бегство; Пойнтз гнал его до самых ворот Честера. Там граф Личфилд с королевской гвардией и лорд Джерард с оставшейся кавалерией атаковали Пойнтза и заставили его отступить. Но паника, охватившая разбитую конницу Лангдейла, распространилась по узким дорогам, крайне неудобным для кавалерийского боя, настолько, что в конце концов вражеские мушкетеры вынудили королевскую кавалерию повернуть назад; одни бегущие эскадроны врезались в другие, приводя их в полное расстройство; офицеров же, пытавшихся их остановить, никто уже не слушал. В том бою погибло много джентльменов и опытных офицеров, и среди них — граф Личфилд, третий по счету из принадлежавших к знаменитой фамилии братьев, которые отдали жизнь в этой войне. Он был безупречный молодой человек чрезвычайно доброго, любезного и приветливого нрава, обладавший при этом твердым духом и непоколебимым мужеством, и его смерть, всеми искренне оплаканная, повергла короля в глубокую скорбь. Многие знатные особы попали в плен, в том числе сэр Филип Масгрейв, джентльмен из хорошей семьи, владевший обширными поместьями в Камберленде и Вестморленде; впоследствии он вновь сражался за то же дело и выказал ту же преданность; претерпев великие страдания, он дожил до реставрации монархии. После этого поражения престал существовать отряд кавалеристов, которые сопровождали короля со времени битвы при Незби, а теперь, думая лишь о собственном спасении, мчались куда глаза глядят; они рассеялись так далеко, как это могло случиться лишь после самого полного и сокрушительного разгрома.

Плану похода на север пришел теперь конец — и, можно сказать, к счастью, ведь примерно тогда же Дэвид Лесли разбил Монтроза, и если бы король двинулся дальше (что он и решил сделать на другой день по прибытии в Честер), то отступить и вернуться назад он бы уже не смог. После этой катастрофы король провел в Честере только одну ночь, а затем, сопровождаемый всего лишь пятью сотнями всадников, возвратился прежним путем в Денбикасл в Северном Уэльсе, где задержался на три дня, чтобы немного отдохнуть и собрать те эскадроны, которые не успели ускакать слишком далеко. Вскоре он имел под своим началом уже две тысячи четырехста кавалеристов, но решить, куда с ними следует двигаться

теперь, было по-прежнему трудно. Некоторые предлагали Англси, как остров достаточно изобильный, чтобы прокормить его войска, которые в зимнюю пору отразили бы там любое нападение, и как безопасное место, откуда король мог бы без труда переправиться в Ирландию или Шотландию. Те же, кто не одобрял эту идею (а против нее и в самом деле можно было выдвинуть немало возражений), считали, что Его Величество мог бы с удобством устроить на зиму свою главную квартиру в Вустере и, разместив войска вдоль Северна, между Бриджнортом и Вустером, оставаться начеку; а если бы к нему подошли подкрепления, то он даже оказался бы в силах дать бой Пойнтзу — который к этому времени, чтобы быть в состоянии все теснее сжимать кольцо вокруг Честера и при этом следить за передвижениями короля, перевел свои войска через реку Ди в Дербишир и теперь находился ближе к королю, чем прежде, что делало предложенный марш еще более затруднительным. Впрочем, особого выбора уже не оставалось, и поход был продолжен, притом с успехом: переправившись через Ди по другому мосту, несколькими милями далее, а затем двигаясь по невообразимо скверным дорогам, но без всякого противодействия, Его Величество в конце концов оторвался от Пойнтза на целый дневной переход. Тут его поджидал принц Мориц с 800 кавалеристами, часть коих составлял явившийся из Бристоля полк принца Руперта. Усилившись таким образом, король теперь меньше опасался неприятеля, но продолжал свой марш без остановок, перешел вброд Северн и прибыл туда, куда хотел — в Бриджнорт. Все думали, что войска немедленно двинутся дальше, к Вустеру, и там станут на зимние квартиры, но тут подоспели известия о сдаче Беркли-касла в Глостершире и Дивайза в Уилтшире, двух королевских крепостей с сильными гарнизонами, и короля начали убеждать, что Вустер уже не сможет послужить для него надежной зимней резиденцией и что более безопасным местом был бы Ньюарк. Мнение это, защищаемое с чрезвычайной горячностью, имело тем более шансов быть принятым, что за ним стояли личные интересы вполне определенной особы.

Хотя принц Руперт подчинился воле короля и подал в отставку с поста главнокомандующего, однако он решил не пользоваться своим паспортом и не покидать королевства, пока не увидит Его Величество и не представит отчет о причинах, вынудивших его сдать Бристоль; уже готовый пуститься в путь, он ждал теперь лишь точных известий о том, где король намерен остановиться на отдых. Лорд же Дигби, который имел тогда наибольшее влияние на планы

короля и, по общему мнению, был единственным виновником того, что принца лишили патента главнокомандующего и, не дав ему возможности хоть что-нибудь сказать в свое оправдание, послали ему приказ немедленно покинуть королевство, обнаружил, что подобными действиями он навлек на себя всеобщую ненависть, и теперь, видя собирающиеся над его головой тучи, желал отвести удар грома, грозивший ему гибелью. Ведь своими поступками он возбудил не только гнев принца Руперта и всей его партии, с которым ему приходилось теперь считаться, но и крайнюю злобу лорда Джерарда, способного, сам не зная почему, воспылать бешеной ненавистью по любому случайному поводу. Еще важнее, однако, было следующее обстоятельство: сейчас принц Руперт мог с легкостью прибыть в Вустер, где должность коменданта исполнял принц Мориц, возмущенный суровым обращением, коему подвергся его брат, и готовый за это отомстить — но если бы король направился в Ньюарк, то принцу Руперту добраться туда было бы гораздо труднее, а принц Мориц не имел бы там никакой власти. Этих мотивов оказалось достаточно, чтобы лорд Дигби принялся настойчиво отговаривать короля от марша к Вустеру и склонять его в пользу Ньюарка; влияние же его было столь значительным, что король, вопреки мнению всех прочих своих советников, решил отправиться именно туда. Проведя лишь один день в Бриджнорте (и послав оттуда сэра Томаса Глемема с приказом вступить в должность оксфордского коменданта), король поспешил к Личфилду, а затем столь стремительно двинулся к Ньюарку, что прибыл туда едва ли не прежде, чем тамошний комендант что-либо узнал о его намерении. Так, оказавшись в отчаянном положении сам, Его Величество принужден был снисходить к личным страстям и интересам других.

Прибыв в Ньюарк, король занялся наведением порядка в гарнизоне, чьи неумеренные роскошества в час общего бедствия вызвали справедливое возмущение комиссаров и всей округи. Ньюаркский гарнизон состоял из двух тысяч кавалеристов и пехотинцев; на них приходилось двадцать четыре полковника и генерала, которые считали возможным, сообразно своему положению, брать себе весьма щедрую долю от военных сборов, так что это маленькое графство платило военных налогов больше, чем любое другое, сравнимое с ним по величине, а на выплаты рядовым солдатам и на покрытие прочих расходов оставалось совсем немного. Это вызывало столько шума, что король нашел совершенно необходимым изменить прежние порядки: одних офицеров он полностью лишил жалованья,

другим же его сократил, чем весьма умножил число недовольных, в коих и прежде не было недостатка. Вдруг стали распространяться, и весьма настойчиво, слухи, и приходять из разных мест известия, хотя их источники никто не называл по имени, что после своего недавнего поражения Монтроз, получив в подмогу войска, в той битве не участвовавшие, вновь дал бой Дэвиду Лесли, наголову его разбил и теперь во главе сильной армии направляется к границе. Сообщения эти, хотя и совершенно неосновательные, слушать было так приятно, что им с легкостью поверили, и поверили настолько, что сам король (в третий раз) объявил о своем решении идти на соединение с Монтрозом; а граф Дигби (знавший, что принц Руперт уже выехал из Оксфорда, а принц Мориц встретил его в Бенбери) добился своего в столь полной мере, что король решил без всякого промедления, не дожидаясь подтверждения полученных известий, двигаться на север навстречу их источнику — предполагая, что если дела пойдут не так, как ему хочется, вновь возвратиться в Ньюарк. В этом намерении (простояв неделю в Ньюарке) он выступил к Таксфорду, а на другой день — к Уэлбеку; по дороге он всюду слышал все те же неопределенные известия о победах Монтроза, каковые были истолкованы как твердые их доказательства. А потому, собрав в Уэлбеке свой Совет, король объявил, что обсуждению подлежит вопрос не о том, куда следует теперь идти — вперед или назад, но лишь о способе движения вперед, ибо он уже решил не отступать в убеждении, что отход в Ньюарк чреват куда более тяжелыми последствиями, чем продолжение марша на север.

Подобное заявление, хотя и противное мнению большинства, оставляло немного предметов для обсуждения, и участники Совета, не имея другого выхода, быстро решили выступать на следующий день к Ротерему, а утром собрать войска на общий смотр. Офицеры уже встали из-за стола и готовились отдать приказы во исполнение только что принятого плана, когда в дверь внезапно постучал какой-то человек. Его пригласили войти; оказалось, что это трубач, отправленный в свое время из Кардиффа в шотландскую армию с письмом к ее главнокомандующему графу Ливену, который держал его затем при себе до самого Бервика и лишь там отпустил восвояси. Король спросил трубача, что он слышал о маркизе Монтрозе, и тот ответил, что последние дошедшие до него новости о маркизе таковы: Монтроз находится где-то около Стерлинга и продолжает отход на север; Дэвид же Лесли стоит в Лотиане со стороны Эдинбурга, а шотландская армия располагается

между северным Аллертоном и Ньюкаслем. Столь неожиданные известия вдребезги разбили прежний план, и сам лорд Дигби заявил, что королю теперь ни в коем случае нельзя идти вперед, но следует немедленно возвратиться в Ньюарк, с чем все согласились; назначенный же на следующее утро общий сбор армии отменен не был. Когда войска построились, король объявил, что хотя сам он не считает целесообразным идти на север, однако находит совершенно необходимым, чтобы сэр Мармадюк Лангдейл со своей кавалерией выступил в этом направлении и попытался соединиться с Монтрозом. Произнеся эти слова, король посмотрел на сэра Мармадюка, а тот, бодро изъявив готовность исполнить волю Его Величества, сказал, что у него есть одна-единственная просьба к Его Величеству — чтобы командующим стал лорд Дигби, а он, сэр Мармадюк, находился у него в подчинении. Все присутствовавшие пришли в изумление от того, что им довелось услышать, ведь ни о чем подобном на Совете не было сказано ни слова; но когда лорд Дигби с такой же готовностью принял командование, каждый заключил, что король и эти двое обо всем договорились заранее.

Никто против этих предложений не возразил, а потому тут же, на месте, был составлен и подписан Его Величеством патент о назначении лорда Дигби главнокомандующим всех войск, уже набранных и имеющих быть набранными по ту сторону Трента; с этим патентом на руках лорд Дигби немедленно оставил короля, взяв с собой с общего сбора всю северную кавалерию, с сэром Мармадюком Лангдейлом и сэром Ричардом Хаттоном, шерифом Йоркшира, а также графов Карнворта и Ниддисдейла и еще нескольких шотландских джентльменов. Он выступил в поход во главе полутора тысяч кавалеристов (в одно мгновение таким образом превратившись в военачальника) и немедленно двинулся к Донкастеру.

Поскольку этой экспедиции суждено было очень быстро завершиться, то и рассказ о ней стоит закончить здесь же, ведь впоследствии нам не представится повода к нему вернуться. Будучи в Донкастере, лорд Дигби получил известие, что в одном городке в двух-трех милях от Донкастера, немного в стороне от пути предполагаемого похода, находится тысяча вновь набранных Парламентом пехотинцев; их он и решил атаковать на следующее утро и сделал это с таким успехом, что все вражеские солдаты побросали оружие и разбежались, после чего Дигби продолжил марш к Шерборну, где остановился, чтобы дать отдых войскам. Там он узнал,

что к нему приближаются несколько эскадронов под начальством полковника Копли. Дигби немедленно приказал своим людям садиться на лошадей и, взяв с собой немногие готовые к бою эскадроны, выступил с ними из города. Обнаружив, что Копли занимает выгодную позицию, Дигби, не дожидаясь подмоги из Шерборна, тотчас же храбро атаковал и разбил большую часть неприятельского отряда, который после недолгого сопротивления обратился в бегство. Конница короля погнала врага чрез Шерборн, где в это время отдыхали кавалеристы из других эскадронов Дигби — которые, увидев бегущих в полном беспорядке всадников, заключили, что это их товарищи, уже разгромленные врагом. Охваченные не меньшей паникой, они вскочили на коней и пустились наутек с такой же быстротой, как и неприятели; те и другие выбирали себе пути, более, как им казалось, удобные для спасения. Воспользовавшись этим, единственный не разгромленный вражеский эскадрон, остававшийся на поле боя, атаковал лорда Дигби и все еще находившихся при нем офицеров и джентльменов, которым пришлось отступить в Шерборн, потеряв при этом сэра Ричарда Хаттона (достойного и доблестного джентльмена, сына и наследника весьма почтенного судьи, знаменитой в своем поколении особы) и еще несколько человек — а также личные вещи самого лорда Дигби, в том числе его кабинет с бумагами, которые, по обнародовании их Парламентом, дали немало пищи для разговоров.

Большая часть рассеявшихся кавалеристов вновь собралась в Скиптоне; с ними, без новых злоключений, лорд Дигби прошел через Камберленд и Вестморленд и достиг Дамфриса в Шотландии; после чего, не получив никаких указаний ни о направлении дальнейшего марша, ни о местонахождении Монтроза, и еще хуже себе представляя, как они могли бы теперь возвратиться в Англию, не попав при этом на границе в руки шотландской армии, упомянутый лорд, два графа и большинство других офицеров, совершенно отчаявшись, сели на корабль и отплыли на остров Мэн, а вскоре затем — в Ирландию, где мы их теперь и оставим, как оставили они своих кавалеристов, которым пришлось самим заботиться о своем спасении. Так, буквально за несколько дней пришел конец и полуторатысячному конному отряду, выступившему в поход на север, и полководческой карьере лорда Дигби. Но если бы не этот поразительный случай, когда бегущий неприятель обратил в бегство его собственные эскадроны (а величайшие несчастья, выпадавшие на долю этого знатного человека, в продолжение всей его жизни

случались обыкновенно именно тогда, когда он уже был близок к достижению своих целей), то Дигби, вне всякого сомнения, сделался бы владыкой Йорка и всего севера, ведь Парламент не имел в тех краях никаких других войск (если не считать гарнизоны), кроме пехоты, которой он нанес поражение в самом начале, и кавалерии, которую он почти разгромил. Сам же Дигби обладал столь восхитительно легким нравом и складом ума, что впоследствии скорее испытывал радость и восторг от сознания того, что ему все же удалось так далеко продвинуться, относя это на счет собственного мужества и военного таланта, нежели унывал и печалился из-за конечного неуспеха, объясняя его действием причин внешних и случайных, за которые он-де никакой ответственности не несет.

Когда лорд Дигби и сэр Мармадюк Лангдейл оставили короля, Его Величество, с восьмьюстами всадниками собственной гвардии и войсками лорда Джерарда, возвратился в Ньюарк, где вскоре узнал о неудаче, постигшей участников северного предприятия; после чего решил, что оставаться и далее на прежнем месте было бы для него небезопасно, ведь Пойнтз уже подошел со всеми своими войсками к Ноттингему, а Росситер со всеми силами Линкольншира — к Грентаму; тех же войск, коими располагал король, было далеко не достаточно для сражения даже с одним из них, так что ему не оставалось ничего другого, как подстергать удобный момент, чтобы, воспользовавшись темнотой ночи и услугами опытных проводников, незаметно ускользнуть в Вустер или в Оксфорд, в любом из которых он, впрочем, мог бы лишь ненадолго перевести дух и выиграть немного времени для размышлений о том, что делать дальше.

Но прежде чем король смог покинуть Ньюарк, ему довелось пережить нового рода унижение со стороны своих друзей, оказавшееся куда более мучительным, чем все обиды и оскорбления, какие претерпел он от врагов и, несомненно, причинившее ему гораздо больше скорби и душевных терзаний. В Бельвуар-касл прибыл принц Руперт со своим братом принцем Морицем; его также сопровождали около ста двадцати офицеров, с которыми он отразил атаку Росситера и без значительного урона пробился через вражеский заслон. Услышав, что принц так близко, король написал ему письмо, в котором потребовал, чтобы Руперт оставался в Бельвуар-касле до получения дальнейших распоряжений, и упрекал его за неподчинение прежним приказам. Несмотря на этот запрет, принц на следующее же утро вступил в Ньюарк, а встречать

его — за две мили от города — выехали лорд Джерард и ньюаркский комендант сэр Ричард Уиллис с сотней всадников. Примерно час спустя Руперт явился с этой свитой ко двору и, обнаружив среди присутствующих короля, без церемоний объявил Его Величеству, что он пришел сюда затем, чтобы отдать отчет в потере Бристоля и опровергнуть обвинения, на него возведенные. Почти ничего не ответив, король приступил к ужину (как раз подавали блюда); время от времени он о чем-то спрашивал принца Морица, брату же его не сказал ни слова. После ужина король удалился в свои покои, не пожелав продолжать беседу, а принц отправился в дом коменданта, где его радушно встретили и с удобством разместили. Несмотря на всю свою досаду, король счел нужным выслушать, что имеет сказать принц Руперт, хотя бы затем, чтобы облегчить и ускорить приготовления к своему отъезду из Ньюарка, коего настоятельно требовали соображения безопасности. Итак, он распорядился, чтобы на следующий день были заслушаны оправдания принца, и тот, защищаясь, пылко и пространно говорил о своей невиновности, доказывая, что после прорыва внешних укреплений долго оборонять Бристоль было невозможно. Его Величество вовсе не подозревал племянника в каком-либо злом умысле против своей особы и не желал еще более обострять создавшееся положение, а потому после прений, которые заняли один или два дня, велел составить краткую декларацию по поводу сдачи Бристоля, снимавшую с принца Руперта всякие обвинения в измене и вероломстве — но не в неблагодарных действиях. Дело, таким образом, было улажено, и король, рассчитывая, что принц вскорости удалится, решил продолжать поиск средств к собственному спасению, ничего не сообщая об этом племяннику. Перемена в расположении неприятельских войск и появление Пойнтза к северу от Трента имели своим следствием то, что король решил выступить из Ньюарка в воскресенье вечером (20 октября), о чем уведомил лишь нескольких особ, пользовавшихся наибольшим его доверием.

Но раздоры между комендантом и комиссарами (а все это были знатнейшие джентльмены графства, которые с самого начала войны храбро и преданно поддерживали короля, и единственно благодаря их влиянию Ньюарк остался в руках Его Величества), усугубляемые взаимными перебранками, которые устраивали они в его присутствии, обострились в конце концов до такой степени, что единственным средством их успокоить и примирить была теперь замена коменданта. Королю это было столь очевидно, что

он решился прибегнуть к этой мере и воскресным утром призвал сэра Ричарда Уиллиса в свою опочивальню, где, после любезных заверений в том, что он чрезвычайно доволен службой сэра Ричарда и выказанными им на этой службе блестящими дарованиями, объявил о своем намерении уехать из Ньюарка этой же ночью, а также о том, что он решил взять его с собой, сделав начальником собственной конной гвардии вместо графа Личфилда, погибшего незадолго до того под Честером (назначение, которое оказало бы честь любому из подданных Его Величества). Далее король сообщил, что комендантом в Ньюарке он поставит лорда Беласиса, который, владея в этих краях обширными поместьями и находясь в родстве с многими джентльменами соседних графств, окажется для них более приемлемой фигурой. Его Величество снизошел до того, что сказал сэру Ричарду, что меру эту не следует толковать как решение в пользу комиссаров, которые, как он признает, действительно во многом провинились, и что сам Уиллис не мог бы желать удовлетворения более полного, нежели честь и высокое доверие, ныне ему оказанные, — просто он, король, считает более легким делом сменить сэра Ричарда, чем исправить образ мыслей комиссаров, которых, по причине их многочисленности, невозможно объединить в интересах королевской службы каким-либо иным способом.

До крайности взволнованный сэр Ричард Уиллис отказался принять новый пост, оправдываясь тем, что должность эта слишком почетна, а его состояние недостаточно для подобной службы; к тому же враги его, уверял сэр Ричард, лишь обрадуются его смещению, и все станут смотреть на него как на человека, которого подвергли опале и выгнали вон. Король ответил, что обо всем позаботится и даст ему необходимые средства и что невозможно считать впадшим в немилость человека, которого король настолько приблизил к своей особе, в чем и сам сэр Ричард легко убедится, если хоть немного об этом подумает. Затем король оставил свои покои и сразу же отправился в церковь. По возвращении из нее он сел обедать, а лорды и прочие его слуги удалились в свои комнаты. Но не успел король закончить обед, как к нему вошли сэр Ричард Уиллис, оба принца, лорд Джерард и еще два десятка офицеров гарнизона; и Уиллис, обратившись к королю, заявил, что сказанное ему Его Величеством по секрету превратилось теперь в предмет толков для всего города, к великому для него, сэра Ричарда, бесчестью. Принц Руперт же сказал, что сэра Ричарда Уиллиса хотят сместить с должности не за какие-то совершенные им проступки, но лишь за

то, что сэр Ричард его друг. Все это, добавил лорд Джерард, козни лорда Дигби, который и есть настоящий изменник, и он готов это доказать. Король был настолько ошеломлен их поведением, что в некотором замешательстве встал из-за стола и направился к своей опочивальне, велел сэру Ричарду следовать за ним. Но тот громко возразил, что поскольку обиду ему нанесли публично, то он ждет теперь публичного же удовлетворения. Это, вместе с происшедшим ранее, вывело Его Величество из себя настолько, что, охваченный сильнейшим гневом, какой никогда не овладевал им прежде, он велел им убираться вон и не показываться ему больше на глаза. Выражение лица и жесты его были при этом таковы, что все они, пребывая, по-видимому, в не меньшем смятении, чем король, и устыдившись того, что натворили, быстро вышли из комнаты; а по возвращении в дом коменданта тотчас же приказали седлать коней, намереваясь немедленно выехать из города.

Узнав о столь неслыханной дерзости, отсутствовавшие в тот момент лорды и все находившиеся в городе джентльмены немедленно явились к королю, дабы заверить его в своей преданности и выразить возмущение безобразной грубостью, которую довелось ему претерпеть. Несомненно, Его Величество мог поступить с обидчиками так, как захотел бы, но по целому ряду причин почел за лучшее предоставить их самим себе, чтобы карой для них стали угрызения совести, и немедленно назначил комендантом лорда Беласиса, который тотчас же приступил к исполнению своих обязанностей и расставил караулы там, где посчитал необходимым. Днем королю вручили ходатайство и ремонстрацию, подписанные обоими принцами и двадцатью четырьмя офицерами, которые просили заслушать дело сэра Ричарда Уиллиса в военном суде и, в случае признания его виновным, отрешить от должности — либо, если удовлетворить это прошение окажется невозможным, выдать паспорта им самим и всем кавалеристам, которые пожелают уехать вместе с ними. Кроме того, они выразили надежду, что Его Величество не посчитает их недавний поступок мятежом. На последнее король ответил, что не хочет подыскивать для него название, только он и в самом деле был очень похож на мятеж; что касается военного трибунала, то он не намерен превращать его в судью собственных действий, ну а паспорта могут сейчас же получить все, кто пожелает. На следующее утро паспорта были им посланы, и эти особы, а всего их набралось до двух сотен всадников, покинули город и направились в Уивертон (там стоял небольшой гарнизон, подчинявшийся

ньюаркскому коменданту), где провели несколько дней, после чего прибыли в Бельвуар-касл, откуда послали одного человека из своей среды в Парламент, с просьбой разрешить им уехать на континент и выдать необходимые для сего паспорта.

Поступок собственных племянников, к которым король всегда относился с такой добротой и снисходительностью, не только до крайности расстроил его и удручил, но и едва не разрушил планы скорого спасения; впрочем, сразу же их осуществить не было возможности. Пойнтз и Росситер подходили с каждым днем все ближе к Ньюарку, твердо уверенные, что король, окруженный со всех сторон, не ускользнет из их рук. Они уже осадили Шетфорд-хаус (гарнизон которого подчинялся коменданту Ньюарка), выставили крепкий заслон между ним и Бельвуаром, а еще более сильный отряд расположили со стороны Личфилда, полагая, что Его Величество скорее всего изберет именно этот путь — так что, сказать по правде, вывести его из этого лабиринта мог теперь разве что Божий Промысел. Король, однако, не терял надежды на спасение. Теперь он твердо решил идти в Оксфорд, куда послал надежного гонца с распоряжением, чтобы кавалерия из этого гарнизона была готова в назначенный им день выдвинуться в район между Бенбери и Давентри. Рано утром, в понедельник 3 ноября, он отправил одного джентльмена в Бельвуар-касл, поручив ему разведать действительное расположение войск мятежников, уведомить тамошнего коменданта сэра Гервазия Лукаса о намерении Его Величества двинуться туда этой же ночью и передать ему приказ иметь к такому-то времени наготове своих солдат, а также проводников, но ни в коем случае ни о чем этом не сообщать принцам или их спутникам. Когда джентльмен возвратился с весьма подробными сведениями, было принято решение выступить в ту же ночь — о котором, однако, объявили лишь через час после того, как были заперты городские ворота. Тогда был отдан приказ явиться всем на рыночную площадь к десяти часам, и в назначенное время там собралось от четырехсот до пятисот всадников (гвардия и остатки нескольких полков); их построили, определив каждому место в каком-нибудь эскадроне, после чего, около одиннадцати часов вечера, отряд, в середине которого во главе собственного эскадрона ехал король, начал марш. К трем часам утра, не встретив никаких препятствий и не вызвав у неприятеля тревоги, он прибыл в Бельвуар. Там уже стоял наготове сэр Гервазий Лукас со своим эскадроном и надежными проводниками; он сопровождал Его Величество до

рассвета. К этому времени король уже проследовал мимо тех неприятельских квартир, которых более всего опасался, но ему еще предстояло пройти между вражескими гарнизонами, а потому, нигде не задерживаясь, он двигался весь день. Когда королевский отряд проходил близ Берли, в тылу его показались кавалеристы из этого гарнизона, и в стычке с ними погибло и попало в плен несколько человек, отставших то ли по неосторожности, то ли из-за совершенного изнурения своих лошадей. К вечеру король чувствовал себя настолько обессиленным, что его буквально заставили дать себе отдых и четыре часа поспать; было это в какой-то деревеньке в восьми милях от Нортгемптона. В десять часов вечера отряд вновь двинулся в путь, рано утром прошел Давентри, а к полудню прибыл в Бенбери, где уже стояла наготове, дожидаясь Его Величества, оксфордская кавалерия; и, сопровождаемый ею, король в тот же день благополучно вступил в Оксфорд. Так закончился самый тяжелый и утомительный поход, в котором когда-либо участвовал король, ведь со времени неудачи под Незби и вплоть до этого момента он находился в почти непрерывном движении и пережил множество бедствий и катастроф, которые непременно сломили бы дух любого человека, не обладающего истинным величием и твердостью души. В Оксфорде король обрел наконец покой и досуг, чтобы вспомнить и поразмыслить об уже случившемся, а также, пользуясь мнениями и советами лиц, всецело ему преданных и способных судить здраво и основательно, подумать и решить, что следует делать теперь. Тотчас же по своем прибытии он написал упомянутое уже письмо от 7 ноября, а вскоре затем еще одно, от 7 декабря; оба они были приведены в полном виде выше.

Принц же Уэльский не имел у себя на западе подобного покоя и досуга, ибо в крайнем смятении, вызванном описанным выше отходом кавалерии, и в самом деле чрезвычайно беспорядочном, многие части корнуольской милиции совершенно вышли из повиновения и устремились к своим домам, оправдываясь страхом того, что их могут разграбить упомянутые кавалеристы, явившись в их край, — опасение тем более основательное, что многие отступившие конные полки уже получили от лорда Уэнтворота распоряжение становиться на постой в Корнуолле. Известия об этом, Его Высочество тотчас же строго приказал, чтобы ни один полк не смел идти в Корнуолл, но все оставались на квартирах в Девоншире, после чего они рассредоточились на обширном пространстве, на фронте в тридцать миль, как если бы неприятель уже не стоял от

них в двух переходах. Тогда задумали собрать в один кулак и бросить в бой против врага следующие части: всю кавалерию и пехоту лорда Горинга, на командование которыми — как воинский начальник, получивший свои полномочия от этого последнего — претендовал лорд Уэнтворт; кавалерию и пехоту сэра Ричарда Гренвилла, а также кавалерию и пехоту генерала Дигби; причем ни единый из них не желал признавать над собой начальником кого-либо другого, и только на командование гвардией принца не притязал никто, кроме лорда Кейпла. По отъезде принца из Тавистока снятие блокады Плимута стало абсолютно необходимым и, как уже говорилось выше, военный совет решил, что Его Высочеству нужно удалиться в Лонстон, куда за ним последуют также милиция и остальные пехотные части; кавалерия же должна расположиться в Девоншире, где она сможет найти себе весьма удобные квартиры. Руководить отходом армии и вывозом созданных в Тавистоке запасов поручили сэру Ричарду Гренвиллу, который выполнял свою задачу с такой нерадивостью, что не только допустил солдатские беспорядки в Тавистоке, но и бросил на тамошних складах значительную часть провианта и от трех до четырех сотен пар обуви; все это было потеряно. На следующий день по прибытии принца в Лонстон сэр Ричард Гренвилл написал ему письмо, в котором заявил, что армия в нынешнем ее состоянии не способна ни сохраниться сама, ни сражаться с врагом; он также сообщил, что послал прошлой ночью генерал-майору Гаррису (командовавшему явившейся из-под Плимута пехотой) распоряжение взять на себя охрану такого-то моста, но тот ответил, что не намерен получать приказы ни от кого, кроме генерала Дигби, а генерал Дигби объявил, что не станет подчиняться никому, кроме Его Высочества; что в ту же ночь отряд кавалеристов лорда Уэнтворта заявился на его, сэра Ричарда, квартиры, где стоял эскадрон его гвардии и хранились запалы, а поскольку каждый из командиров считал старшим себя и не желал подчиняться другому, то между их отрядами произошла стычка, в которой погибло несколько человек; что те и другие до сих пор остаются на прежнем месте, готовые вновь вступить в бой; что Его Высочеству совершенно необходимо назначить одного старшего начальника, от которого все эти, ныне никому не подчиняющиеся, офицеры могли бы получать приказы, ибо в противном случае армия не сможет воевать и попросту распадется; что его собственные строгость и любовь к дисциплине сделали его настолько ненавистным кавалеристам лорда Горинга, что они скорее пойдут на службу

к неприятелю, нежели станут подчиняться ему, сэру Ричарду, а потому он просит Его Высочество назначить главнокомандующим графа Брентфорда либо лорда Гоптона, после чего, как он надеется, можно будет добиться хоть какого-то успеха.

Но распознать зло было гораздо проще, чем исправить. Все понимали, что в ближайшие дни столкновение с неприятелем неизбежно, и нетрудно было догадаться, какие неудобства повлечет за собой перемена в командовании, произведенная тогда, когда и солдаты, и офицеры стремились использовать любую возможность и прибегали к любым оправданиям, только бы положить оружие и больше не воевать; было ясно, что принести настоящую пользу могут теперь немногие, тогда как в способных причинить вред не было ни малейшего недостатка; наконец, того человека, кто бы он ни был, который оказался бы по своим качествам достоин взяться за столь важное и ответственное дело, было бы чрезвычайно трудно упросить принять на себя начальство над разложившейся, недисциплинированной, плохо подготовленной и уже крепко битой армией и таким образом поставить на карту как собственную честь, так и оставшиеся надежды, не имея времени ни навести порядок в своих войсках, ни чему-либо их обучить. Впрочем, совершенно необходимой делало эту меру то обстоятельство, что хотя рассчитывать на особую пользу от каких-либо перемен в командовании уже не приходилось, их отсутствие, и это было вполне очевидно, неизбежно привело бы к полной и окончательной катастрофе. Вдобавок лицам, облеченным доверием Его Высочества, пришлось бы нести ответственность перед всем светом, если бы они не посоветовали принцу сделать то единственное, что только и можно было тогда предпринять, пусть и без всякой надежды на успех.

А потому Его Высочество назначил 15 января своим приказом лорда Гоптона главнокомандующим армией, командование всей кавалерией поручил лорду Уэнтворту, а всей пехотой — сэру Ричарду Гренвиллу. Я должен признать, что принятие начальства над кавалерией, грозной лишь в грабеже и решительной в бегстве, способной внушить страх разве что друзьям, а у врагов вызывавшей смех, стало для лорда Гоптона тяжким бременем, и ничто, кроме высокого чувства долга и безусловной верности, не заставило бы его подчиниться воле принца. Из всей корнуолльской милиции осталось теперь не более трехсот человек, да и те, из-за коварных внушений Гренвилла и иных особ, были не настолько преданы Гоптону, как этого можно было ожидать. Прочую пехоту (не считая

четырехсот бойцов в двух полках лорда Горинга) составляли шестьсот человек в трех полках сэра Ричарда Гренвилла, с назначенными этим последним и во всем ему послушными офицерами; а также части генерала Дигби, не превышавшие пятисот человек. Сюда следует прибавить примерно двести пятьдесят пехотинцев и восемьсот кавалеристов гвардии, состоявших под началом лорда Кейпла — по существу это и были все войска (помимо его собственной немногочисленной пехоты и маленького кавалерийского эскадрона, а также нескольких джентльменов, действовавших самостоятельно), на чью преданность, мужество и верность долгу лорд Гоптон мог понастоящему положиться.

Явив великое душевное благородство, лорд Гоптон сказал принцу, что у людей, не желающих повиноваться приказаниям, есть обыкновение говорить, что это противно их чести, что честь не позволяет им делать того или другого; он же, Гоптон, не может теперь исполнить волю Его Высочества иначе, как решившись пожертвовать своей честью, ибо это, как он понимает, непременно произойдет; но коль скоро Его Высочество счел нужным отдать такое распоряжение, то он готов повиноваться, даже рискуя погубить таким образом свою честь. Поскольку приказ этот считали мерой, вызванной абсолютной необходимостью, и лорд Гоптон так благомерно ему подчинился, то принц твердо решил, что и все прочие офицеры обязаны безусловно ему подчиниться и что ослушники будут подвергнуты примерно наказанию. Все были совершенно уверены, что сэр Ричард Гренвилл с готовностью исполнит приказ, но подозревали, что лорд Уэнтворт, который и прежде держался крайне высокомерно, а после своего беспорядочного отступления стал вести себя с еще большей дерзостью, способен выказать непокорность; на сей случай было предусмотрено, что Его Высочество немедленно арестует Уэнтворта, а принять начальство над кавалерией попросит лорда Кейпла.

Его Высочество даже послал сэру Ричарду Гренвиллу письмо с благодарностью за данный им совет, которому, писал принц, он последовал, в чем сэр Ричард может убедиться из прилагаемого к настоящему письму приказа, которым Его Высочество назначил главнокомандующим армией лорда Гоптона, начальство над всей кавалерией поручил лорду Уэнтворту, а над всей пехотой — сэру Ричарду Гренвиллу, поставив их обоих в подчинение лорду Гоптону. Никому и в голову не приходило, что Гренвилл может отказаться от этого поста, более высокого, чем все его прежние должности, и где

он имел бы над собой единственным старшим начальником человека, у которого и раньше часто состоял в подчинении. Но уже на другой день по получении этого письма сэр Ричард, вопреки всем ожиданиям, написал Его Высочеству, что по причине нездоровья просит освободить его от этой должности, выразив мнение, что сможет принести принцу больше пользы, если займется сбором отставших от частей солдат и борьбой со смутьянами в Корнуолле; однако лорду Колпенперу он тогда же написал, что не согласен иметь над собой начальником лорда Гоптона. Теперь цель Гренвилла обнаружилась с полной ясностью — остаться в тылу и распоряжаться в Корнуолле; но принц, вспомнив о прежних поступках сэра Ричарда, решил, что у него нет оснований доверять ему начальство в этом графстве. А потому он призвал к себе Гренвилла и объявил ему, что если он теперь, да еще таким манером, покинет пост, на который его назначили, то это обернется тяжелыми последствиями для общего дела; что от него не станут требовать большего, чем позволяет его здоровье; и что он сможет взять себе в помощники любых офицеров по собственному выбору. Но несмотря на все доводы принца и уговоры друзей, полагавших себя способными на него повлиять, Гренвилл продолжал упорствовать, решительно отказываясь принимать этот пост и подчиняться приказам лорда Гоптона.

И как же теперь должен был поступить принц? Ведь (не говоря уже о том, что если бы он позволил обойтись с собой столь неуважительно и не исполнить данный им приказ, то это привело бы к самым скверным последствиям) было очевидно, что Гренвилл, останься он на свободе, когда не расположенная сражаться армия оказалась бы за пределами Корнуолла, воспользовался бы любой возможностью, чтобы воспрепятствовать ее отступлению в Корнуолл; пока же, действуя исподтишка, он попытался бы, под бессмысленным предлогом защиты собственного графства, удержать многих от выступления в поход с армией. А потому Его Высочество, по зрелом размышлении, счел нужным арестовать Гренвилла и отдать его под стражу коменданту Лонстона, а через два или три дня отослал его в Маунт, где он и находился до тех пор, пока неприятель не овладел графством; тогда, не желая, чтобы сэр Ричард попал в руки к врагам, Его Высочество разрешил ему удалиться на континент.

Лорд Уэнтворт, услышав на Совете распоряжение принца, показался чрезвычайно удивленным и попросил дать ему день времени, чтобы подумать самому и посоветоваться со своими офицерами. Но когда принц объявил, что не намерен представлять свои решения

на рассмотрение офицерам и что Уэнтворт должен дать немедленный и определенный ответ, подчиняется он или нет, после чего Его Высочество будет знать, как ему следует поступить, Уэнтворт попросил времени на размышление лишь до полудня, когда и подчинился. Той же ночью он выехал в расположение своих войск, чему многие вовсе не обрадовались, ибо знали, что он никогда не станет повиноваться искренне и охотно. К этому времени пришли верные известия о потере Дартмута, отнюдь не прибавившие нашей армии мужества и не увеличившие ее численности; из Эксетера же столь настойчиво просили о скорейшей помощи, что было даже сочтено необходимым, несмотря на все невыгоды положения, сделать какую-то попытку в этом роде; а потому лорд Гоптон решил выступить к Чимли, чтобы, заняв таким образом позицию между неприятелем и Барнстейплом, взять себе всех солдат, каких только сможет выделить ему гарнизон последнего, и, действуя сильными отрядами, попытаться по крайней мере атаковать врага на его квартирах. Но было также решено, что, ввиду немногочисленности войск и общего нежелания драться (чтобы не сказать хуже), заметного как у солдат, так и у офицеров, Его Высочеству, дабы не подвергать опасности собственную особу, оставаясь при армии, следует уехать в Труро, где и находиться в дальнейшем — против чего имелось немало очевидных возражений, над которыми, однако, взяли верх другие, более веские доводы.

Никто из людей, знавших об отношении джентри графства Корнуолл к сэру Ричарду Гренвиллу и о громком ропоте, который возбуждали в простом народе чинимые им жестокости и притеснения, никогда бы не поверил, что столь необходимая мера, против него принятая, могла бы вызвать в ту пору хоть какое-то недовольство, ведь едва ли не каждый день кто-нибудь являлся на него с жалобой. Проезжая через Бодмин, принц получил прошение от жен многих достойных и состоятельных особ, и среди прочих — мэра Лоствизила, безусловно преданного королю и оказавшего ему важные услуги. Всех их Гренвилл посадил в тюрьму за то, что они посмели ловить рыбу в реке, исключительное право рыболовли в которой принадлежало будто бы ему в силу королевского указа о секвестре в его пользу лоствизильского имения лорда Робертса. Арестованные же заявляли, что они не нарушали закон и всегда свободно ловили рыбу в этих водах как держатели манора Его Высочества в Лоствизиле (между ними и лордом Робертсом долго тянулись судебные тяжбы за это право). Когда же Его Высочество прибыл в Тависток,

то и там к нему явилось множество женщин, умолявших освободить их мужей, заключенных сэром Ричардом в тюрьму за отказ молоть зерно на его мельнице, что, как утверждал Гренвилл, они были обязаны делать по обычаю. Таким образом Гренвилл употреблял свою военную власть всякий раз, когда находил нужным заявить претензии на какие-нибудь гражданские выгоды, и выпускал заключенных из тюрьмы лишь после того, как они безропотно исполняли его волю.

Когда сам Гренвилл был взят под стражу, в лонстонской тюрьме томились по меньшей мере тридцать человек, констеблей и иных особ, которых он туда посадил, обложив штрафами (достигавшими порой трехсот, четырехсот и даже пятисот фунтов) как преступников (хотя и не вправе был судить об их виновности), в намерении держать их в заключении, пока не заплатят. Среди них оказался мэр Сент-Айвза, пользовавшийся репутацией честного человека, которую вызвались подтвердить комендант полковник Робинсон и все окрестные джентльмены. После недавнего возмущения (о котором упоминалось выше) мэр внес сэру Ричарду Гренвиллу пятьсот фунтов залога, поручившись, что некий молодой человек, обвиненный в причастности к мятежу, но в тот момент отсутствовавший, явится к нему в такой-то день. К назначенному дню его не нашли, но уже через три дня по истечении срока мэр препроводил юношу к сэру Ричарду Гренвиллу. Последний, однако, этим не удовлетворился, но отправил своего человека к самому мэру с требованием уплаты пятидесяти фунтов за ложное поручительство, а когда мэр отказался немедленно заплатить, посадил его в лонстонскую тюрьму. Сын мэра подал принцу в Труро ходатайство об освобождении отца, изложив истинные обстоятельства дела и вдобавок представив авторитетные свидетельства о его благонамеренности. Ходатайство велено было передать сэру Ричарду Гренвиллу с приказанием, если его содержание соответствует действительности, выпустить мэра. Как только сын мэра принес ему это ходатайство, Гренвилл засунул его себе в карман, заявил, что принц ничего толком не понял, и велел посадить сына в тюрьму, заковав в колодки за дерзость. После второго ходатайства на сей счет, поданного принцу в Лондоне, когда сам сэр Ричард уже находился под арестом, Его Высочество приказал лорду Гоптону провести расследование и, если сказанное в ходатайстве подтвердится, освободить узника. Услыхав об этом, сэр Ричард послал тюремщику категорический запрет выпускать Гаммонда, угрожая заставить его самого заплатить злополучный

штраф, а затем возбудил в городском суде Лонстона дело о потере залога мэром. Но, несмотря на все это, после ареста Гренвилла даже те, кто более других на него жаловался, выражали глубокое беспокойство; многие офицеры, служившие под началом сэра Ричарда, шумно требовали его освобождения; иные же не жалели усилий, чтобы принятые против него меры представить главной причиной народного недовольства и всех последующих неудач, в чем более прочих усердствовали некоторые из придворных самого принца: они так заботились о судьбе Гренвилла, что совершенно забыли о своем долге перед собственным господином.

Глава XXI

(1646)

Из-за нехватки провианта и повозок для амуниции лорд Гоптон смог выступить из Лонстона лишь в пятницу 6 февраля. Он взял с собой только половину и без того скудных запасов и в надежде, что комиссары пришлют впоследствии остальное, двинулся к Торрингтону, где решил закрепиться и стоять до тех пор, пока ему не подвезут продовольствие и он не получит точных сведений о передвижениях и состоянии неприятельских войск. Гоптон не провел в Торрингтоне и пяти дней (успев, впрочем, за это время забаррикадировать города и возвести вокруг него небольшие укрепления), когда сэр Томас Ферфакс подошел к Чимли с 5000 пехоты, 3500 кавалерии и 500 драгун. О том, что неприятель так близко, Гоптон узнал от взятого в плен лейтенанта, которому случилось заниматься в тех местах грабежом — и это несмотря на все строгие приказы, данные отрядам охранения, один из которых находился (или должен был находиться) в двух милях от Чимли: столь нерадиво исполняли тогда свой долг как солдаты, так и офицеры.

Получив таким образом известия о численности и расположении неприятеля, лорд Гоптон мог теперь либо отойти в Корнуолл, либо ждать врага на месте. Первое решение (не говоря уже о скверном его действии на боевой дух солдат) могло, по-видимому, лишь отсрочить, но не предотвратить надвигающееся бедствие, ведь Гоптон понимал, что если он приведет эту массу кавалерии в Корнуолл, то немногие милиционеры, все еще оставшиеся под знаменами, немедленно разбегутся по домам; прочую же конницу и пехоту быстро уничтожит неприятель. А потому, несмотря на значительное превосходство неприятеля в пехоте, Гоптон решил ждать Ферфакса в Торрингтоне, ведь если бы враг попытался атаковать его на столь сильной позиции, то он имел бы более выгодные условия для обороны, чем где-либо еще. Итак, Гоптон выставил караулы, определил каждому его место, сосредоточил в городе столько кавалеристов, сколько посчитал нужным (и сколько смог собрать за столь краткое время),

а остальной коннице приказал расположиться на пустоши к востоку от города. Однако из-за трусости пехотинцев неприятель овладел в одном пункте баррикадами, после чего находившиеся в Торрингтоне кавалеристы, выказав еще больше малодушия, пришли в такой ужас, что их нельзя уже было ни заставить атаковать, ни даже удержать на месте. Охваченные смятением, они обратились в бегство; их примеру последовала пехота на линии укреплений и на других позициях, предоставив своему главнокомандующему (а он был ранен пикой в лицо, и к тому же под ним убили лошадь) и еще нескольким джентльменам самим думать о своем спасении; а один офицер, полагая, вероятно, что солдаты удирают недостаточно быстро, объявил в всеуслышание, что своими глазами видел, как главнокомандующего насквозь пронзили пикой. Лорд Гоптон нашел себе другую лошадь, но, брошенный собственными солдатами, вынужден был отступить к границам Корнуолла; два или три дня он провел в Бодмине, пока к нему не явилось от тысячи до тысячи двухсот пехотинцев. Там же был поставлен на обсуждение вопрос: поскольку с такой пехотой сопротивление неприятелю немислимо, а невозможность сколько-нибудь долго содержать в Корнуолле кавалерию вполне очевидна, то не следует ли этой последней прорываться к Оксфорду; однако, приняв в расчет крайнее изнурение кавалеристов, которые провели несколько суток в поле, а также силу развернувшегося в двух милях неприятеля, замысел этот сочли неосуществимым. Вдобавок в это же время явился курьер из Франции (сэр Д. Уайатт), твердо заверивший, что в ближайшие три недели, самое большее — месяц, оттуда прибудет четыре или пять тысяч человек пехоты; сам гонец заверял, что в момент его отъезда большая часть этого войска уже находилась в готовности; то же самое говорилось и в доставленных им письмах.

Неприятель двинулся к Страттону, а затем к Лонстону, где со своим полком милиции к нему присоединился м-р Эджком, всегда твердивший о своей верности королю. Лорд Гоптон отошел в Бодмин; кавалеристы его, как солдаты, так и офицеры, несмотря на все строгие приказы, совершенно не думали о выполнении своего долга, и, как жаловался впоследствии сам Гоптон, со времени принятия им командования и вплоть до роспуска армии не было, пожалуй, случая, чтобы какой-нибудь отряд или дозор явился в назначенное ему место хотя бы в половинном составе и не опоздав на два часа. Бригада Горинга, которая находилась в дозоре на

возвышенности неподалеку от Бодмина, отступила без приказа, не потрудившись выслать разведчиков, так что большая часть армии мятежников успела средь бела дня приблизиться к Бодмину на расстояние трех миль, прежде чем стоявшая там пехота что-то заметила. В итоге лорд Гоптон вынужден был немедленно отвести свою пехоту и обоз на запад; эту холодную ночь (дело было 1 марта) он провел в чистом поле, и, однако, несмотря на все усердно рассылаемые им приказы, так и не смог к концу следующего дня собрать сколько-нибудь значительные силы конницы, ведь его кавалеристы выбирали себе места для постоя по всей округе, где сами хотели; многие устроились на квартирах в двадцати милях от Бодмина, многие перебежали к неприятелю, другие же нарочно не покидали своих квартир, дожидаясь прихода неприятеля.

Ввиду описанного выше полного расстройств и разложения армии Его Высочество убедили перенести свою резиденцию в Корнуолл, и 12 февраля он прибыл в Труро, где получил письмо от короля, адресованное четырем членам Совета, которые подписали письмо к Его Величеству из Тавистока. В письме короля, датированном 5 февраля и посланном из Оксфорда, говорилось следующее:

В вашем письма из Тавистока я нашел вполне удовлетворительное объяснение того, почему мои приказы об отъезде принца Карла на континент не были выполнены. Я также соглашаюсь с вашим мнением, что он должен отправиться в путь не прежде, чем это станет явным образом необходимым, и нахожу совершенно правильными меры, которые вы собираетесь принять на сей счет. Тем не менее, я еще раз повторяю вам мой приказ: принц должен уехать из Англии, как только для него возникнет очевидная опасность попасть в руки мятежников. Пока этого не произошло, я одобряю его пребывание во главе армии, еще и по той причине, что мною принято решение, о котором я сейчас вам и сообщу, и т. д.

Далее король рассказал о своем плане выступить вскоре в поход — плане, расстроенном впоследствии поражением лорда Астли и неудачами на западе.

Проведя в Труро несколько дней, принц отправился в Пенденнис, намереваясь поначалу лишь дать себе два-три дня отдыха и ускорить строительство укреплений, уже далеко продвинувшееся; на завершение этих работ Его Высочество и употреблял все средства, какие удавалось ему раздобыть. Но в то самое утро,

когда он предполагал вернуться в Труро (его армия в тот момент отступала, а Ферфакс вышел уже к границам Корнуолла), лорд Гоптон и лорд Кейпл прислали известие, что каждый из них получил сведения о существовании замысла овладеть особой принца, к коему причастны многие видные люди графства. Тогда принц счел целесообразным остаться на месте и больше не возвращаться в Труро. Приближалась та самая «очевидная опасность», и если план захвата особы принца действительно существовал, то были веские причины думать, что и некоторые из его собственных слуг имеют к нему отношение. Лорды Кейпл и Гоптон находились в армии, и только сам принц, а также лорд Колпеппер и канцлер Казначейства знали, в чем состоит воля короля и что теперь следует делать. Правда, двое последних вовсе не были уверены, что им достанет собственного авторитета для осуществления задуманного, ведь граф Беркшир, как бы они его ни убеждали в противном, по-прежнему питал сильнейшие подозрения насчет наличия замысла увезти принца во Францию; комендант замка был человек старый, робкий и слишком нерешительный, чтобы на него можно было положиться; сын же его, доблестный джентльмен, заслуживавший всяческого доверия, не имел, однако, большого влияния на отца.

К тому же эти двое не располагали ни одним пригодным к общению письмом короля (хотя давно уже просили о таком письме и даже советовали, как его следует составить), в котором не содержались бы вещи, могущие быть истолкованными в ущерб Его Величеству — в особенности, если бы король вскорости оказался в Лондоне, о возможности чего с уверенностью заявляли некоторые особы, клявшиеся, что видели его в Аксбридже. А потому оба советника пришли к мысли, что отъезд принца должен выглядеть как мера, вызванная необходимостью, ставшая неизбежной ввиду явной угрозы безопасности его особы, и что королевские приказы на сей счет упоминать не следует. Они отлично знали мнение отсутствовавших лордов, но не решались это свое знание открыто обнаружить, чтобы не внушить тем самым еще больше подозрений. В конце концов, велел Болдуину Уэйку принять необходимые меры к тому, чтобы принадлежавший Хасдонку фрегат и другие суда находились в готовности к отплытию через час после соответствующего приказа, они предложили на заседании Совета, в присутствии лордов Беркшира и Бентфорда, послать м-ра Феншоу в армию, дабы выяснить мнение находившихся там лордов о том, что было бы

всего лучше предпринять в отношении особы принца, и следует ли ставить принца в рискованное положение, оставляя его в Пенденнисе. Их светлости, как это и было между ними заранее условлено, ответили, что нельзя подвергать Его Высочество опасности в этом замке (который не только не способен стать надежной защитой для его особы, но, весьма вероятно, может быть потерян как раз из-за его пребывания там, тогда как благодаря его отсутствию Пенденнис мог бы успешно обороняться) и что принцу следует удалиться на Джерси или Силли. С этим мнением, как сообщил м-р Феншоу, единодушно согласился весь военный совет.

Но поскольку Джерси, по близости своей к Франции, мог бы внушить больше подозрений, а Силли являлся частью Корнуолла и все считали его неприступным, то официальное решение было принято в пользу Силли; но если бы корабль с принцем, уже выйдя в море, встретил противный ветер, то, при наличии попутного ветра в сторону Джерси, он мог бы взять курс туда. Об этом решении не сообщили в ту ночь никому, кроме тех, кому было совершенно необходимо о нем знать (мы всерьез опасались возмущения армии, графства и, наконец, гарнизона, во власти которого находился тогда принц); на следующее же утро, в понедельник 2 марта, когда при известии о том, что армия, энергично преследуемая неприятелем, отступает из Бодмина, все с достаточной ясностью уразумели нависшую над принцем угрозу, коменданта вместе с его сыном призвали в Совет и поставили в известность о решении принца в ту же ночь отплыть на Силли, так как этот остров есть часть Корнуолла и именно оттуда, воспользовавшись помощью и поддержкой, какие он надеется получить из Франции и других иностранных государств, ему было бы всего удобнее прийти на выручку Пенденнису. Соответственно, той же ночью, около десяти часов, принц взшел на корабль и в среду днем благополучно прибыл на Силли, откуда два дня спустя лорд Колпеппер был отправлен во Францию, дабы уведомить королеву о прибытии Его Высочества на Силли и о тех нуждах и неудобствах, которые он там испытывает, а также попросить о присылке солдат для обороны острова и денег на содержание его особы. На Совете же перед отплытием лорда Колпеппера во Францию решили, что если, при приближении парламентского флота или в случае какой-либо иной угрозы, Его Высочество найдет причины усомниться в том, что его особа находится здесь в безопасности (ведь имевшиеся на Силли укрепления совершенно не оправдали

наших ожиданий и отнюдь не соответствовали молве о неприступности острова), то он немедленно сядет на тот же самый фрегат (остававшийся у берега) и отправится на Джерси.

Когда лорд Гоптон убедился, что не сможет обуздать вышедших из повиновения солдат, он созвал военный совет, дабы обсудить, что следует делать теперь. Но старшие кавалерийские офицеры были бесконечно далеки от мыслей о том, как восстановить порядок в войсках и поднять их дух для борьбы с врагом. Напротив, они без обиняков заявили Гоптону, что их солдат уже невозможно заставить драться, и прямо предложили вступить в переговоры с неприятелем; возразил лишь генерал-майор Уэб, всегдашний противник подобной меры. Лорд Гоптон ответил офицерам, что не может на это согласиться, не получив ясно выраженного разрешения от принца (находившегося тогда в Пенденнис-касле), к которому сейчас же отправит курьера. Он надеялся, воспользовавшись этой задержкой, образумить своих офицеров, или же рассчитывал, что наступление неприятеля само вынудит их сражаться. Но они по-прежнему стояли на своем, и в конце концов (несомненно, по совету их собственных подчиненных, ведь очень многие, как солдаты, так и офицеры, каждый день бывали в расположении врага) от сэра Томаса Ферфакса явился трубач с письмом, в котором выражалась готовность вступить в переговоры и содержались предложения солдатам и офицерам. Его светлость сообщил об этом письме лишь одному или двум лицам, пользовавшимся наибольшим его доверием, полагая, что при царившем вокруг полнейшем беспорядке и упадке духа обнародовать его было бы нецелесообразно. Тогда все старшие офицеры (кроме генерал-майора Уэба) собрались на сходку и, выразив крайнее недовольство тем, что им не показывают письмо, дерзко и категорически объявили лорду Гоптону, что если он не согласится на переговоры, то они начнут их сами. С этого момента они уже не выставляли караулов и не выполняли никаких обязанностей по службе, а их кавалеристы каждый день запросто встречались с неприятелями, без каких-либо враждебных действий с обеих сторон. Оказавшись в столь затруднительном положении, лорд Гоптон (а он уже успел отправить пехоту и боевые припасы в Пенденнис и Маунт) заявил, что не станет договариваться ни за себя, ни за гарнизоны, но кавалеристам разрешает вступить в переговоры. Затем были составлены статьи, предусматривавшие роспуск всех кавалерийских частей; лорд же Гоптон вместе с лордом Кейплом с первым же попутным ветром отплыли из Маунта

на Силли к Его Высочеству, который, как уже было сказано, прибыл туда из Пенденнис-касла, когда вся неприятельская армия вторглась в Корнуолл.

← Прежде чем оставить принца на острове Силли, мы должны упомянуть еще об одном событии. В предшествующей книге подробно описывались меры, принятые против герцога Гамилтона в Оксфорде, его арест и заключение в Пенденнис-касл. А поскольку впоследствии мы увидим его действующим на стороне короля, во главе большой армии, то было бы ни с чем не сообразным оставлять читателя в неведении о том, как герцог вновь оказался на свободе, которую с таким рвением употребил в интересах Его Величества и даже отдал жизнь на службе королю — что не только восстановило его репутацию в глазах многих честных людей, но и заставило их усомниться в справедливости и разумности прежних строгостей.

Когда принц впервые посетил Корнуолл (в конце июля по делам, касавшимся его доходов от этого герцогства), он провел несколько дней в Труро. Приглашенный на обед комендантом Пенденниса, он ответил согласием, рассчитывая, среди прочего, хорошенько осмотреть укрепления замка. Все знали, что там находится в заключении герцог Гамильтон, который непременно пожелает явиться к руке Его Высочества, а потому было решено, что принцу не следует допускать к своей особе человека, вызвавшего гнев его отца, и что никто из советников и слуг принца также не должен видаться с узником. Коменданту же посоветовали, на время пребывания принца в замке, перевести герцога из его комнаты в солдатские казармы, на что Гамильтон затем горько жаловался, уверяя, что очень хотел увидеть принца и поговорить с лордом Колпеппером или канцлером. Впоследствии он передал просьбу о встрече с ними через своего слугу м-ра Гамильтона, и когда канцлер в середине августа готовился посетить порты Падстоу, Маунт и Пенденнис (с тайной целью принять необходимые меры к возможному отъезду принца из Англии), Его Высочество позволил ему повидаться с герцогом.

Им устроили встречу. Обменявшись любезностями со старым знакомцем и пожаловавшись стоявшему рядом коменданту на строгое содержание и суровое обращение (хотя канцлер отлично знал, что узник заправляет комендантом, как хочет), герцог повел речь о своем положении и о постигшем его несчастье без всякой вины попасть в немильность к Его Величеству. Он сказал, что хочет сделать предложение, которое, как он убежден, послужит к пользе Его Величества, и попросил канцлера, если тот также найдет его разумным, довести его до сведения

короля и сделать все, чтобы оно было принято. О происходящих в обоих королевствах событиях, продолжал герцог, он знает лишь то, что слышит от джентльменов, с которыми обедает в соседней комнате, однако полагает, что после неудачи при Незби дела Его Величества в Англии обстоят гораздо хуже, чем надеялись его сторонники, а потому королю следует как можно скорее завязать сношения с Шотландией; и если бы он, Гамилтон, находился сейчас на свободе, то, вне всякого сомнения, смог бы оказать Его Величеству важные услуги и побудил бы шотландцев либо взять на себя роль могущественных посредников, либо прямо выступить на стороне короля и объединиться с Монтрозом. Многие полагают, будто он мечтает лишь о мести Мотрозу, который и в самом деле нанес ему жестокие и беспричинные обиды, однако теперь, когда гибель грозит королю и монархии, он готов забыть личную вражду и, думая только об интересах страны, действовать с Монтрозом заодно. К тому же он признает, что, как бы несправедливо ни поступил Монтроз с ним самим, для короля он сделал многое. Принятие его предложения, заключил Гамилтон, ничем не может повредить королю, ведь он останется узником, освобожденным под честное слово, и если его усилия не принесут королю пользы (а сам он твердо убежден в обратном), то он немедленно возвратится в Пенденнис.

Канцлер, немного подумав, ответил, что он не сомневается в способности Гамилтона, пользуясь своим влиянием на многих людей, сослужить королю добрую службу в обоих королевствах; что король, как он слышал, уже сделал какие-то предложения шотландской армии в Англии; и что Гамилтон сможет доказать свою преданность Его Величеству, если отправит послание своим друзьям и вассалам в шотландской армии под Герифордом, своим друзьям в самой Шотландии и, наконец, собственному брату, одному из могущественнейших противников Монтроза, и побудит их принять сторону короля или оказать ему какую-нибудь помощь, после чего король немедленно отдаст приказ о его освобождении.

Герцог ответил, что он и ожидал услышать нечто подобное, однако без личного присутствия, одними лишь письмами и посланиями, он ничего не сможет добиться, ибо все им написанное будет истолковано как следствие бедственного положения и жестокого принуждения, а отнюдь не преданности и здравого размышления. К тому же, сказал герцог, он возбудил ненависть шотландцев своей ревностной службой королю, и в его заключении они видят Божью кару, по справедливости постигшую его за то, что он не пожелал встать на их сторону. Что же до его брата, который, как он слышал, пользуется в Шотландии огромным

влиянием, то у него, герцога, нет причин доверять ему сейчас, находясь в заключении, ибо, не говоря уже о его бегстве из Оксфорда, которое навлекло подозрения на него самого и причинило ему столько вреда, и которое он никогда не простит брату, тот, вероятно, не имел бы ничего против, если бы он, наследник дома Гамильтонов, состарился и умер в тюрьме — тогда как, находясь на свободе, среди самих шотландцев, он, действуя где любовью, а где и страхом, наверняка сумел бы привлечь многих на свою сторону и втолковать даже самым яростным из нынешних противников короля, что поддержка справедливых прав Его Величества прямо соответствует их собственным интересам. На этом их разговор в тот вечер и закончился.

На следующий день герцог повел те же речи, настойчиво упрасывая канцлера помочь его освобождению. Канцлер же ответил, что, будучи плохим придворным, не станет скрывать, что доводы герцога его не убедили, и не может не думать, что, даже находясь в заключении, герцог мог бы доказать свою преданность королю, повлияв на своих союзников и вассалов. Канцлер также рассказал, что когда на совете обсуждалось дело Гамильтона, он подал голос за его арест, так как его верность показалась ему сомнительной, ведь если бы герцог и его брат решительно выступили на стороне короля (а они имели полную возможность это сделать), то мятеж был бы легко подавлен в зародыше; они же не оказали ни малейшего сопротивления смутьянам и даже потворствовали им, ведь прокламация с призывом к всеобщему восстанию была издана от имени Его Величества и скреплена королевской печатью, которая находилась у брата герцога, графа Ланарка, тогдашнего государственного секретаря. Те же, кто выступали тогда главными обвинителями против герцога, утверждая при этом, что, пока он на свободе, они не смогут ничего сделать в интересах короля, впоследствии, обладая ничуть не большим влиянием, чем герцог, и начав действовать в чрезвычайно неблагоприятных условиях, когда враг уже успел завладеть всей Шотландией, сумели, однако, вновь привести к повиновению королю большую часть страны — а потому он, канцлер, не может, без ведома и согласия Монтроза, и не получив от герцога новых доказательств его верности, дать королю совет касательно его освобождения.

Поблагодарив канцлера за откровенность, герцог попытался оправдать тогдашнее свое поведение ссылками на то, что при сложившихся в ту пору обстоятельствах он был бессилен предотвратить случившееся, а сделав подобную попытку, лишь погубил бы себя самого без всякой пользы для Его Величества; и что если бы ему по прибытии в Оксфорд

предоставили возможность поговорить с королем, то он доказал бы свою правоту и невиновность, а затем, получив необходимые полномочия и возвратившись в Шотландию, сумел бы оказать королю важные услуги. Что же до Монтроза, то хотя он и получил в самом начале своего предприятия серьезную помощь из Ирландии, последующие его деяния нельзя не признать истинным чудом, но поскольку до полного успеха еще далеко, то и его, герцога, содействие было бы теперь не лишним. Герцог и канцлер еще не раз встречались и беседовали, не сказав, однако, друг другу ничего нового: один настаивал на своем немедленном освобождении, другой требовал от него письма к друзьям. Впрочем, канцлер решил при первой же удобной возможности довести его просьбу и предложение до сведения короля, что и сделал вскоре в письме к лорду Дигби.

При первых же известиях о поражении при Незби стало ясно, что принцу, вероятно, самому придется искать убежища в Пенденнисе; присутствие же в замке герцога, имевшего к тому же полную власть над комендантом, внушало опасения насчет возможной измены, почему многие с большой настойчивостью добивались перевода узника в другое место. В сентябре поступило соответствующее распоряжение короля, и герцогу, жаловавшемуся на каменную болезнь, которая якобы не позволяет ему ездить верхом, пришлось сесть на лошадь и отправиться в Маунт в сопровождении его коменданта сэра Артура Бассета; впрочем, поездку эту он перенес вполне благополучно.

После потери Дартмута некоторые особы, пользовавшиеся доверием принца, вновь заговорили о необходимости освободить герцога в надежде, что он сможет оказать королю важные услуги в шотландских делах. Один из лордов Совета, вместе с личным врачом принца д-ром Фрейзером, посетил герцога в Маунте и убедил его немедленно послать слугу с письмом в шотландскую армию в Англии, дабы склонить ее к соглашению с королем, а также отправить Чарльза Мюрри в Шотландию к своему брату Ланрику и его партии, с приказом присоединиться к Монтрозу. Впрочем, как уверял д-р Фрейзер, герцог лишь уступил настойчивым требованиям упомянутого лорда, несколько не веря в успех подобного предприятия и по-прежнему доказывая, что делу поможет лишь его освобождение. При этом он выдвинул новый довод, противоречивший тому, что он сам говорил канцлеру: шотландцы-де настолько возмущены его заключением (которому, если верить прежним его словам, они были искренне рады), что никогда не согласятся на переговоры с королем, пока он, герцог, не выйдет на волю. Инструктируя же Чарльза Мюрри касательно того, что ему следует говорить его брату и друзьям,

склоняя их к выступлению в пользу короля, герцог в то же самое время пытался внушить Мюрри, что предпринимаемая им ныне поездка, из-за принятых в Шотландии законов, может оказаться весьма опасной для него самого.

Эти обстоятельства (а также основательное знакомство с характером герцога и отсутствие полной веры в его искренность) заставили членов Совета отказаться от всякой мысли вести с ним переговоры или ходатайствовать о его освобождении; к тому же они полагали, что Гамильтон сможет принести больше пользы королю, если его освободит неприятель. В крайней же спешке и суматохе, коими сопровождался отъезд принца из Пенденниса на Силли, перевести куда-либо Гамильтона не было никакой возможности, так что после сдачи Маунта (капитулировавшего так скоро по его совету, хотя замок мог бы продержаться несколько месяцев) герцог получил свободу и, больше не жалуясь на камни (которые, как уверял он еще недавно, непременно сведут его в могилу, если не удалить их в течение года), прибыл в Лондон — верхом и очень быстро. >

Мы оставили короля в Оксфорде свободным от тревог и волнений тех бесконечных и трудных маршей, которые совершал он несколько месяцев кряду, и наконец-то избавленным от грубых и дерзких выходок. Теперь он находился среди искренних и преданных советников и слуг, которых любовь и верность побудили явиться к нему на службу с самого начала и остаться с ним до конца, и которые, хотя и не могли помочь ему остановить мощный поток, грозивший поглотить его и их самих, по-прежнему оказывали ему должное почтение и, пусть даже бессильные его утешить по крайней мере не причиняли ему душевных терзаний. Король все еще располагал несколькими гарнизонами, способными, по всей видимости, отразить в продолжение зимы любые атаки неприятеля. Однако если бы король встретил весну без полевой армии, то судьбу этих немногочисленных крепостей было бы нетрудно предсказать. Но где следует эту армию набирать и как вообще можно ее теперь создать, было выше понимания даже самых мудрых людей. И все же, чем труднее казалась задача, тем с большей энергией следовало браться за ее решение. Вустер, как находившийся по соседству с Уэльсом, представлял более всего свободы и пространства для маневра; парламентская же партия, поскольку она вообще имела в тех краях какую-то опору, вела себя с такой дерзостью и жестокостью, что даже люди, в свое время ее к себе призывавшие, испытывали теперь крайнее недовольство и готовы были вступить в любой союз,

только бы с ней покончить. В расчете на это и получив оттуда обнадеживающие вести, король послал в Вустер лорда Астли (котрого, еще находясь в Кардиффе, назначил комендантом вместо лорда Джерарда) с приказом, действуя так, как он сам найдет возможным, собрать к началу весны отряд кавалерии, взяв для него людей из оставшихся гарнизонов, а также из Уэльса; каких успехов добился в этом деле лорд Астли, мы вскоре узнаем.

Когда же, по самом зрелом размышлении, был подведен итогом всем надеждам, какие еще можно было питать на сколько-нибудь разумных основаниях, общее положение показалось столь отчаянным и безвыходным, что сочли нужным прибегнуть в старому средству (как свидетельствовал прежний опыт, совершенно негодному) — вновь обратиться к Парламенту с предложением о переговорах, хотя даже те, кто это советовал, не могли привести в пользу подобной меры других доводов, кроме своей неспособности предложить какой-либо иной образ действий. Оставив Ферфакса на Западе, Кромвель с отборным отрядом осадил Безинг и, когда его грозный ультиматум был отвергнут, взял усадьбу штурмом, перебив большую часть ее защитников; несколько ранее, на довольно выгодных условиях, сдался Винчестер. На Севере каждый день капитулировал какой-нибудь из более мелких гарнизонов, до сих пор державшихся; а шотландская армия, которая успела дойти до самой границы, была отозвана обратно и получила приказ обложить Ньюарк. А потому ни единый из тех, кто считал, что посылать мирные предложения Парламенту (до крайности возгордившемуся после стольких побед) совершенно бесполезно, не способен был ответить, какие же другие меры могли бы теперь оказаться более удачными. Это одно убедило короля, который и сам явно склонялся к подобной мысли, предоставить членам Совета полное право выбрать любое средство, которое, по их разумению, обещает успех с большей вероятностью, и подготовить для него любое послание, которое они затем могли бы рекомендовать отправить Парламенту. Обдумав этот вопрос и просмотрев два послания, ранее отправленных королем и оставшихся без ответа, они нашли их вполне достаточными и, не представляя, что еще можно было бы теперь к ним прибавить, заключили, что новое послание не должно содержать в себе ничего, кроме возмущения отсутствием ответа на прежнее послание Его Величества, отправленное Парламенту по поводу мирных переговоров, и требования этот ответ дать.

Послание это было встречено точно так же, как и прежние. Его получили, заслушали и отложили в сторону без всякого обсуждения, предложить каковое не рискнули, по недостатку мужества или влияния, даже те, кто его одобрял; эти последние, однако, нашли способ передать королю в Оксфорд совет не оставлять попыток к примирению. Те же, кто не питал особых надежд на их успех в будущем тем не менее полагали, что Парламент, пренебрегая милостивыми предложениями Его Величества о мире, сделается вскоре столь ненавистным, что уже не сможет вести себя с прежним упрямством. Шотландцы горевали и приходили в ярость, видя, что их идола — пресвитерианство — в Англии совершенно не ценят и трактуют с презрением, ибо (не говоря уже о росте могущества индипендентов в Сити) даже их любимая Ассамблея духовенства с каждым днем теряла прежнее свое влияние и авторитет и, уже не способная этого идола поддержать, не требовала ничего, кроме переговоров о мире; и даже многие из тех, кто всего более потрудились ради уничтожения могущества короля, теперь больше страшились шотландской армии, чем когда-либо прежде — власти Его Величества, и полагали, что если только переговоры начнутся, то помешать их успешному завершению не смогут даже самые яростные их противники. Эти и прочие свои мысли они доводили до сведения некоторых особ из окружения короля, выдавая их за общее мнение всех, кто желал ему добра. Иные из них даже взяли на себя смелость указать королю, какой должна быть суть его послания и в какие выражения ее следует облечь, дабы послание имело успех; и Его Величеству пришлось милостиво принять их совет, хотя их слогу он подражать не стал.

Так и не дождавшись ответа на последнее свое послание, король, руководясь упомянутыми выше мотивами, еще раз обратился к Палатам. Теперь он просил их об охранной грамоте для герцога Ричмонда, графа Саутгемптона, м-ра Джона Ашбурнема и м-ра Джеффри Палмера, через коих желал сделать им предложения, которые, как он надеялся, приведут к миру. На это ему ответили, что пребывание названных особ в Лондоне чревато опасными последствиями и потому нежелательно; что Парламент подготовит и сам пришлет на утверждение Его Величеству свои предложения в виде биллей; и что другого пути к миру не существует. Прекрасно понимая, каким будет содержание этих биллей, король решил прибегнуть к средству, прежде им не испытанному, и в конце декабря выразил желание вступить в личные переговоры с обеими Палатами и с комиссарами шотландского Парламента, явившись в Лондон или

в Вестминстер в сопровождении не более трехсот человек — если обе Палаты, комиссары шотландского Парламента, а также старшие офицеры армии сэра Томаса Ферфакса и шотландской армии гарантируют ему безопасное пребывание в Лондоне или в Вестминстере в продолжение сорока дней, а также, если мир не будет заключен, безопасное отбытие в Оксфорд, Вустер или Ньюарк. Чтобы поддержать надежды на успех переговоров, Его Величество изъявил готовность передать начальство над милицией в руки угодных Парламенту особ.

Это послание по-настоящему встревожило Палаты, внушив им мысль, что другая сторона заглянула им в карты и теперь надеется найти сторонников в их собственной среде. Опасаясь, что их молчание будет истолковано как согласие и король, чего доброго, вскоре объявится в Лондоне, Палаты, с несвойственной им прежде быстротой, сообщили Его Величеству, что с их стороны никакого промедления не было, но после того, как по приказу короля пролилось столько невинной крови, они могут дать согласие на его приезд в Лондон не прежде, чем оба королевства получат должное удовлетворение и твердые гарантии безопасности. Затем они повторили сказанное в последнем своем ответе — о направлении Его Величеству биллей, утверждение коих и было бы самым верным путем к прочному миру.

Несмотря на упрямство Палат, Его Величество направлял им послание за посланием и наконец выразил готовность скрыть все свои крепости, явиться в Лондон и иметь резиденцию рядом со своим Парламентом — если всем, кто сохранил ему верность, позволят спокойно жить в своих домах, владеть своим имуществом и не давать никаких присяг, кроме требуемых по закону. Палаты вновь не ответили, но, словно прежних оскорблений им показалось мало, издали ордонанс, который предоставлял комитету милиции право, на тот случай, если король, вопреки совету Парламента, явится в Лондон, предотвращать любые беспорядки, брать под стражу любого, кто приедет с королем или захочет с ним встретиться, и даже, если станет необходимым, оградить его особу от всякой опасности — выражение, которое они не стыдились употреблять каждый раз, когда единственную опасность для короля представляли их собственные замыслы. Всем же, кто когда-либо сражался за короля (а многие из них после капитуляции своих гарнизонов явились в столицу) Палаты приказали немедленно покинуть Лондон под страхом привлечения к суду как лазутчиков.

Когда все надежды на переговоры с Парламентом исчезли, король решил искать путь к миру с помощью той партии, которая господствовала в армии, подчинившей себе Парламент. А потому он пустил в ход

все средства, до которых додумался сам и которые ему посоветовали и предложили другие, чтобы расколоть партию индипендентов и склонить некоторых ее вождей к мысли, что в содействии его интересам они могли бы найти собственную выгоду. Среди индипендентов было немало людей, которые не являлись заклятыми врагами церкви и государства, но имели собственные амбиции, и король счел возможным пообещать им награды за оказанные ему услуги. Вдобавок могущество пресвитериан, находившихся в союзе с шотландцами, не могло не тревожить людей, выставлявших себя поборниками свободы совести в религии, а ожидать удовлетворения своих требований от тех, кто вознамерился построить Царство Иисуса Христа, им, конечно, не приходилось. Взаимная же ненависть смертельных врагов англиканской церкви, стремившихся теперь уничтожить друг друга, внушала надежду, что здание этой церкви может быть восстановлено. Эти соображения склонили короля к мысли, что он может получить какую-то пользу от индипендентов, а беззаветная преданность церкви не позволила ему в полной мере распознать враждебность индипендентов к тогдашнему государственному строю; к тому же король считал совершенно немыслимым, чтобы английский народ мог подчиниться какой-либо иной системе правления, кроме монархической. Следует также учесть, что некоторые неугомонные особы делали щедрые авансы, якобы от имени и с ведома вождей этой партии, что побудило короля позволить своим доверенным лицам также сделать ряд предложений определенным людям. Весьма вероятно, что из-за чрезмерного усердия этих посредников ожидания индипендентских вождей показались королю более разумными и умеренными, чем они были на самом деле, и, соответственно, вожди индипендентов поспешили заключить, что король пойдет на куда более серьезные уступки, чем те, какие он в действительности готов был сделать. > Вскоре, однако, каждая из сторон ясно поняла намерения другой и оставила всякие мысли добиться для себя выгоды на этом пути. Не исключено, впрочем, что индипендентам очень хотелось, чтобы король продолжал питать надежды на их уступчивость, и что король точно так же желал им внушить, будто впоследствии от него можно будет получить больше, чем готов он дать сейчас.

Дело в том, что хотя эта партия господствовала в Парламенте и включала всех старших офицеров армии (кроме главнокомандующего, который считал себя пресвитерианином), однако всеми индипендентами руководили и управляли по своей воле только три человека — Вен, Кромвель и Айртон; и они, несомненно, еще не открыли свои черные замыслы многим своим товарищам; сама

же партия не была бы тогда столь многочисленной и влиятельной, если бы ее сторонники знали или хотя бы догадывались, какие планы вынашивают эти трое, каковы замыслы, впрочем, они с каждым днем все менее старательно скрывали и все охотнее обнаруживали.

↳ Тогда же было положено начало другой интриге, успех коей представлялся гораздо более вероятным. Речь идет о переговорах с шотландцами при посредничестве французской короны, направившей для этой цели в Лондон посланника Монтреля. Через него королева Англии, находившаяся тогда в Париже, передала свои советы мужу; сам же Монтрель был уполномочен поручиться от имени Франции за исполнение всего, что король пообещает шотландцам.

Это был первый случай, когда кто-либо из иноземных государей изъявил желание положить конец гражданской войне во владениях Его Величества, которую в свое время слишком многие из них так усердно разжигали. Следуя старой максиме — английская корона должна выступать арбитром в спорах европейских монархов, принимая сторону одного из них — наши министры не заботились о том, чтобы обеспечить дружбу соседей твердыми взаимными обязательствами, и теперь эти соседи не без удовольствия видели ослабление нашего королевства, внезапного постигнутого страшными бедствиями.

После злосчастной английской экспедиции на остров Ре и неудачного покровительства ларошельским протестантам кардинал Ришелье, под предлогом заботы о чести своего государя, а в действительности движимый собственной надменностью и бешеной жаждой мести, выказывал неукротимую ненависть к англичанам; он немедленно воспользовался ропотом и недовольством шотландцев, чтобы подтолкнуть этот народ к открытому восстанию; с той же ядовитой злобой действовал он и в Англии, поощряя тамошнюю смуту через посредство французского посла в Лондоне. Когда же королева Англии захотела приехать в Париж, чтобы побудить своего брата, французского короля, выступить с декларацией против английских и шотландских мятежников, Ришелье дал ей понять, что ее пребывание во Франции нежелательно.

Но великого кардинала, как и тогдашнего короля, уже не было на свете, и на срок несовершеннолетия нового монарха руководство делами перешло к Мазарини, итальянцу родом, которого Ришелье сделал кардиналом в награду за то, что Мазарини, получив от испанцев, еще в бытность свою папским нунцием, Кале, ловко добился передачи его Франции. Более способный к тому, чтобы строить на уже существующем основании, чем закладывать новый фундамент, Мазарини, являя чудеса

ловкости, хитрости и притворства, продолжал дело, которое начал Ришелье, опиравшийся прежде всего на свою энергию, решимость и негнбимую твердость духа. И каких бы блестящих успехов ни добился новый министр во время несовершеннолетия короля, все они могут быть отнесены на счет мудрости и прозорливости кардинала Ришелье, который, отрубив голову герцогу Монморанси, заставив подчиниться брата короля, сломив всякое сопротивление короне и приведя всю нацию к полному и совершенному повиновению, сильно облегчил задачу своему преемнику.

В момент вступления в должность Мазарини не испытывал личной вражды ни к нашему королю, ни к английской нации, а если и радовался их несчастьям, то лишь потому, что они не позволяли Англии войти в союз с Испанией и таким образом затруднить для Франции продолжение войны (главного предмета его забот); тем более что посол короля Испании дон Алонсо де Карденас, все еще находившийся в Лондоне, обращался к Парламенту с предложениями на сей счет. Когда же западный поход графа Эссекса заставил королеву бежать из Корнуолла во Францию, ее встретили там весьма любезно; королева-регентша отнеслась к ней с величайшей лаской и добротой, а сам кардинал не скупился на обещания. Небольшая партия оружия, от него полученная, была истолкована королевой как доказательство серьезности его намерений; кардинал, однако, еще не находил положение короля достаточно тяжелым и этой, в сущности незначительной, помощью хотел лишь дать ему возможность продолжить борьбу. Отнюдь не желая Его Величеству победы, после которой он мог бы выступить в роли арбитра между Францией и Испанией, Мазарини по-прежнему старался поддерживать добрые отношения с Парламентом.

Но после битвы при Незби, когда поражение короля в войне стало казаться неизбежным, у кардинала возникли иного рода опасения, и он начал думать, что Парламент, одолев короля, обретет громадную силу, какой никогда прежде не имела корона. Теперь он благосклоннее выслушивал предложения королевы-матери и просьбы английской королевы; к тому же шотландцы (с самого начала находившиеся в зависимости от Франции) горько сетовали на дурное обращение со стороны Парламента, страшились растущего могущества индипендентов в армии и в Палатах, которое грозило разрушить все их надежды, и, как можно было подумать, не желали теперь ничего, кроме соглашения с королем. Всячески поощряя их в этих мыслях, кардинал советовал им действовать заодно с королевой. Такова предыстория миссии Монтреля

и французской гарантии исполнения королем и шотландцами всех обещаний, которые они на себя возьмут.

Французский посланник прибыл в Англию в январе; королева же горячо убеждала Его Величество в том, что французская корона употребит теперь все свое влияние в его интересах, а шотландцы отныне будут вести себя честно, чему король охотно верил, ведь других надежд у него не осталось. Но уже вскоре он понял, что переговоры с шотландцами обещают не больше успеха, чем прежние мирные предложения Парламенту. Ибо после первой же встречи с шотландскими комиссарами Монтрель сообщил королю, что они категорически требуют от него обещания установить в Англии точно такую же — пресвитерианскую — систему церковного управления, какая существует в Шотландии; от себя он добавил, что без этой меры никакого союза с ними быть не может, и настойчиво рекомендовал Его Величеству прислушаться к мнению королевы-регентши, кардинала и собственной супруги и удовлетворить шотландцев в этом пункте. Шотландцы же уверенно заявляли, что королева прямо пообещала сэру Роберту Мори (хитрому и ловкому человеку, бывшему их агентом при Ее Величестве), что король согласится с их требованием. Они даже предъявили особый документ, подписанный королевой и врученный сэру Роберту; он содержал такие выражения касательно религии, которые совершенно не понравились королю и заставили его увидеть в этих переговорах скорее заговор католиков и пресвитериан с целью погубить церковь, нежели средство к ее спасению; он также остался недоволен некоторыми особами, пользовавшимися доверием королевы, чьи ложные сведения и дурные советы, как он полагал, и подтолкнули ее к этому шагу. А потому он не замедлил объявить Монтрелю, что никогда не согласится на изменение церковного строя, как противное его совести, а то, что, как можно подумать, пообещала на сей счет королева, объясняется недостаточной ее осведомленностью относительно английской системы правления, с предложенными переменами совершенно несовместимой.

Его Величество, однако, изъявил готовность дать любые гарантии (которые, как он надеялся, подкрепит своим августейшим словом королева-регентша), что сохранение существующей церковной системы в Англии не причинит ни малейшего вреда шотландским церковным порядкам. Самые настойчивые доводы Монтреля не заставили Его Величество отступить от своего твердого решения и пойти на какие-либо новые уступки, хотя посланник сообщал королю о крайнем недовольстве шотландских комиссаров и лондонских пресвитериан и о готовности шотландцев, отказавшись от каких-либо сношений с королем, вступить

в переговоры с индипендентами, от которых они надеялись добиться более выгодных условий.

Между королем и Монтрелем и далее продолжалась тайная переписка, и французский посланник (в чем бы ни обвиняли его впоследствии) ясно и честно сообщал королю о настроениях и речах тех, с кем он тогда имел дело. И хотя Монтрель упорно пытался склонить короля к согласию с неразумными требованиями шотландцев (полагая, что в конце концов он просто вынужден будет это сделать), так же верно и то, что, употребляя весь свой недюжинный ум, он убеждал шотландцев принять предложения короля и доказывал им, что спасение их собственной нации зависит от сохранения королевской власти.

Но поскольку эти переговоры завершились в следующем году, то сейчас мы прервем наш о них рассказ и вернемся к нему в своем месте впоследствии. >

КНИГА X

Глава XXII

(1646—1647)

Прошедший год ознаменовался великим множеством печальных событий и страшных бедствий, а потому не было оснований ожидать, что семена надежды дадут всходы в следующем году, ведь было уже ясно, что переговоры с шотландцами не обещают успеха. < Впрочем, хотя король и заявил со всей определенностью, что никогда не согласится на изменение церковного строя Англии, он все же не собирался эти переговоры прекращать, желая и далее поддерживать в шотландцах какие-то другие надежды, да и сам в известной мере рассчитывал, удовлетворив амбиции и интересы определенных лиц, смягчить суровость пресвитерианской партии. С этой целью месье Монтрель отправился из Лондона в шотландскую армию, стоявшую тогда под Ньюарком, а по пути заехал в Оксфорд, где поделился своими мыслями с королем и получил от него необходимые сведения и инструкции. >

Между тем не было оставлено неиспробованным ни одно средство, чтобы собрать войско, которое позволило бы Его Величеству предпринять против неприятеля какие-то действия, и если бы король, приложив все мыслимые усилия, сумел стянуть из оставшихся у него гарнизонов хотя бы пять тысяч пехоты и кавалерии (а подобная задача еще не казалась совершенно невыполнимой), то он предпочел бы сложить голову в каком-нибудь славном бою с любой частью вражеской армии, нежели принять любые условия, которые, как он предвидел, ему удастся получить посредством переговоров. < К тому же лорд Джермин в своих письмах (доставленных сэром Дадли Уайаттом) уверял, что уже через месяц, самое большее — через шесть недель, из Франции прибудет пятитысячный корпус под начальством Рувины, и в расчете на его высадку принц долго откладывал свой отъезд. Король также питал в этом смысле известные надежды, однако ни единый солдат так и не был набран для этой экспедиции, которая, по правде сказать, даже не замышлялась. Дело в том, что кардинал в каком-то разговоре мимоходом заметил, что Рувина подошел бы на роль командующего войсками, которые можно было бы послать в Англию на помощь королю, а лорд Джермин по своему легковерию истолковал эти ни к чему не обязывающие слова как твердое доказательство того, что экспедиция действительно состоится. >

Принц оставался на острове Силли со среды 4 марта до четверга 16 апреля, а лорды Кейпл и Гоптон, из-за сильных противных ветров, смогли прибыть к нему из Корнуолла лишь в последнюю субботу перед этим четвергом. Тогда же к Его Высочеству явился трубач от сэра Томаса Ферфакса с посланием от Парламента, больше похожим на ультиматум, чем на приглашение, и очень хорошо, что случилось это не в Пенденнисе, где Парламент мог бы найти сторонников среди слуг самого принца. На следующий день, в воскресенье, остров был окружен флотом из 27 или 28 кораблей, однако сильная буря, которая началась через три или четыре часа и продолжалась двое суток, их рассеяла. Было ясно, что здешние укрепления слишком слабы, чтобы отразить атаку сколько-нибудь значительных сил (а парламентское послание и последующие события давали основание ее опасаться; запасы продовольствия на острове оказались весьма скудными (а за все время пребывания на нем принца из Корнуолла прислали провианта только на два дня); из Франции еще не пришло вестей о результатах обращения лорда Колпеппера к королеве, доставить же эти известия, по условиям времени года, становилось с каждым днем все труднее, и принц, приняв в расчет все эти соображения, склонился в пользу переезда на Джерси. Против подобного шага существовало только одно серьезное возражение, а именно: возможно, король находится в Лондоне (о чем по-прежнему ходили упорные слухи), но в таком случае отъезд принца, особенно если непогода заставит его высадиться во Франции, способен нанести ущерб интересам короля, почему было бы разумнее дожидаться сначала сведений о положении Его Величества. Но тут Его Высочество предъявил в Совете письмо, которое король написал вскоре после битвы при Незби, а принц до сих пор не показывал лордам; существование этого письма, как я полагаю, было тем единственным обстоятельством, которое принц когда-либо хранил в тайне от четырех лиц, пользовавшихся его доверием.

Герифорд, 28 июня 1645

Карл,

Недавние мои несчастья вынуждают меня отдать вам приказание, которое, надеюсь, вам никогда не придется выполнять, а именно: на тот случай, если я когда-либо попаду в плен к мятежникам, я приказываю вам никогда и ни под каким видом не соглашаться на условия, позорные и небезопасные для вашей особы

и унижительные для королевской власти, — даже ради спасения моей жизни, которая при подобных обстоятельствах, и я в этом совершенно уверен, обретет надежнейшую защиту в вашей непоколебимой твердости, и опасность для которой нисколько не увеличится из-за их угроз, если только эти последние не заставят вас уступить их требованиям. Но к каким бы варварским мерам ни обратились эти люди, спасение моей жизни ценой исполнения вами их воли будет иметь своим следствием то, что я окончу свои дни в смятении, истерзанный душевными муками, что я откажу в благословении вам и прокляну всех, кто согласится с вашим решением. Ваше же твердость поможет мне встретить смерть с бодростью, восхваляя Бога за то, что он подарил мне столь доблестного сына, и осыпая вас благословениями, которые при подобных обстоятельствах, будьте уверены, не останутся бесплодными. Повелеваю вам хранить это письмо у себя, пока у вас не появится основание его использовать, и только тогда, и никак не прежде, показать его всем членам вашего Совета; для них оно является приказом точно так же, как и для вас. Молю Господа даровать вам столько счастья и славы, сколько не имел их ни единый из предшественников вашего любящего отца,

Карл R.

После того, как было прочитано это письмо и приняты в соображение вероятность попытки мятежников овладеть особой принца и невозможность, при нынешнем положении дел на острове, подобную попытку отразить, Его Высочество весьма настоятельно предложил (а Совет, за исключением графа Беркшира, единодушно согласился) воспользоваться благоприятным моментом, пока корабли мятежников рассеяны бурей, для отплытия на Джерси, что он и сделал в четверг, а на следующий день, 17 апреля, с попутным ветром сошел на берег на Джерси. В ту же ночь оттуда был отправлен гонец к королеве с сообщением о благополучном прибытии принца на остров, а также посланы письма в Сен-Мало и Гавр, извещавшие о том же лорда Колпеппера. Последний узнал об этом весьма кстати, ведь он держал в Гавре два фрегата в ожидании попутного ветра для отплытия на Силли и имел при себе приказ королевы принцу немедленно оттуда удалиться. Осмотрев остров, принц и их светлости пришли к мнению, что нельзя было и мечтать о более удобном, приятном и безопасном месте, где Его Высочество может отдохнуть до той поры, когда, получив точные сведения и известия о положении короля и состоянии Англии, он найдет подходящую

возможность для действий. Казалось, что и сам принц в высшей степени не склонен и не расположен к переезду во Францию, разве что в случае угрозы внезапного нападения мятежников. Но через несколько м-р Роджерс, отправленный еще раньше (тотчас по прибытии лорда Колпеппера) из Парижа на Силли, но задержанный противными ветрами и потому успевший узнать о прибытии принца на Джерси, явился на остров и привез с собой следующее зашифрованное письмо от Ее Величества к канцлеру Казначейства:

Париж, 5 апреля 1646

Лорд Колпеппер свидетель, как долго и терпеливо слушала я все, что они имел сообщить о положении Силли и о мерах, предлагаемых для того, чтобы сделать пребывание на нем принца Уэльского безопасным; и, однако, должна честно вам сказать, что в этом пункте его речи меня совершенно не убедили, и я не могу спать спокойно, пока не услышу, что принц оттуда уедет. Все признают, что остров недостаточно укреплен и во многих местах открыт для нападения и что для обороны уже имеющихся укреплений вам потребуется еще тысяча человек в придачу к тем, коими вы ныне располагаете и, насколько я понимаю, вообще способны откуда-либо взять; равным образом, вы не можете поручиться, что потеря Корнуолла не окажет внезапного и опасного влияния на гарнизон, ведь большинство ваших солдат происходит из этого графства. Могущество же Парламента на море так велико, что вы не вправе рассчитывать на своевременную и безопасную перевозку того значительного количества припасов, которое потребуется для содержания столь крупного гарнизона. Мне нет нужды напоминать вам, как важна для короля и всех его сторонников безопасность особы принца, ибо если он попадет в руки мятежникам, все будет потеряно, а потому я умоляю и заклинаю вас считать заботу о ней главной услугой, какую вы способны оказать королю, мне и принцу. Колпеппер сообщит вам, что я приложила все усилия ради оказания вам скорейшей помощи припасами, судами и деньгами, необходимыми для переезда принца на Джерси, где, могу вас уверить, он ни в чем не будет нуждаться. Сверх того, дабы рассеять сомнения иных особ, я убедила королеву-регентшу дать твердое заверение, что если противные ветры или угроза со стороны парламентского флота вынудят принца, отплывшего на Джерси, высадиться во Франции, то он получит полную возможность

и необходимое содействие для последующего переезда на Джерси, каковая гарантия была предоставлена мне чрезвычайно охотно и любезно и будет скреплена собственноручными подписями французского короля и королевы, моего брата и кардинала Мазарини, и потому я надеюсь, что никаких сомнений на сей счет более не существует. Колпеппер спешит к вам с превосходными фрегатами, но если еще до его прибытия обнаружится какая-либо опасность, то вы, в чем я твердо на вас полагаюсь, потрудитесь сделать все возможное, чтобы ее предотвратить, как это и предусмотрено решением Совета, о котором сообщил мне Колпеппер, и за которое я вас благодарю. Мне нет нужды говорить вам ни о том, насколько подобная услуга обрадует короля, который в каждом своем письме настоятельно требует, чтобы я написала вам о необходимости заботиться о безопасности моего сына, ни о том, что я остаюсь и неизменно пребуду вашим верным другом,

Генриетта-Мария R.

✧ Обрадованные этим письмом члены Совета сочли, что они уже сделали все, что от них требуется, хотя тотчас же по прибытии на Джерси кое-кто их предупреждал, что принца по-прежнему ожидают во Франции, и что уже скоро оттуда пойдут настойчивые просьбы на сей счет. Члены Совета поначалу не могли в это поверить, но с прибытием лорда Колпеппера им стало ясно, что это правда, а обещание беспрепятственного переезда из Франции на Джерси было лишь уловкой с целью склонить принца сделать выбор в пользу Франции. Вскоре пошли соответствующие письма от королевы, и, что еще любопытнее, сам король — хотя в последних его письмах к принцу перед оставлением Его Высочеством Англии речь шла об отплытии в Данию — по неизвестным мне причинам полагал, что их адресат уже находится во Франции, ибо после прибытия принца на Джерси ему, через лорда Джермина, было отправлено следующее шифрованное письмо: ✧

Оксфорд, 22 марта

Карл,

В надежде, что нижеследующее вы получите, будучи рядом с вашей матерью и вне всякой опасности, я почел за благо написать вам это короткое, но необходимое письмо. Знайте же, что ваше пребывание там, где вы ныне находитесь, недостижимый для власти мятежников, есть, после воли Божией, либо величайшая

гарантия моей безопасности, либо верный залог моей гибели. Ибо ваша преданность религии, а также повиновение мне и законам чести заставят этих надменных людей прислушаться к голосу разума — когда они поймут, что несправедливые деяния не обещают им в награду мира и покоя; но если вы отступите от тех принципов, за которые я все это время сражался, то оставление вами нашего королевства сочтут достаточным доказательством (и оно покажется слишком даже убедительным) правоты тех, кто уже возвел на меня множество клевет. А потому я еще раз, под угрозой лишить вас моего благословения, велю вам хранить верность вашей религии, не уклоняясь ни к римскому суеверию, ни к бунтарским и раскольническим учениям пресвитериан и индепендентов, ибо знайте, что гонимая церковь, хотя и терпит бедствия, не становится оттого менее чистой. Во всем остальном я велю вам следовать указаниям вашей матери и (находящихся у нее в подчинении) членов Совета, коих я приставил к вам при вашем отъезде. И да благословит вас Бог.

Карл R.

Этот текст, раздраженные приказания королевы и сообщенное ему наедине лордом Колпеппером так подействовали на Его Высочество, что он стал склоняться в пользу отъезда. Тогда члены Совета, желая удержать принца от необдуманного шага, напомнили ему, что именно французы разожгли мятеж и неизменно его поддерживали; что они ничем не помогли королю; что никаких доказательств действительных перемен в их политике не существует; и что прежде чем прямой наследник престола решится предать себя в их руки, французы должны выступить с публичной декларацией в пользу Его Величества. В конце концов, они убедили принца еще раз послать во Францию лордов Кейпла и Колпеппера, чтобы довести до сведения Ее Величества всю серьезность этого дела.

Согласно инструкции, им следовало сообщить королеве, что остров пригоден к обороне против любых сил, какие могут быть выставлены неприятелем, а его жители изъявляют пылкую готовность защищать особу принца; что если мятежники, вопреки всякому вероятию, попытаются захватить Джерси, надежным убежищем для принца станет отлично укрепленный замок, откуда при малейшей угрозе он сможет удалиться во Францию; и что прежде чем решиться на такой шаг, Его Высочество должен получить точные сведения о положении своего отца и о состоянии дел в Англии, Шотландии и Ирландии, дабы несвоевременный

отъезд принца не произвел невыгодное для Его Величества впечатление во всех трех королевствах.

Лорды отбыли в Париж, а уже через два дня на остров явился сэр Дадли Уайатт с известием, что король в сопровождении всего лишь двух слуг покинул Оксфорд в неизвестном направлении; королева же, полагая, что он отправился в Ирландию или к шотландцам, вновь потребовала в своем письме немедленного отъезда принца во Францию, где, и это был главный ее аргумент, он должен был встать во главе войск, которые вскоре будут посланы этим королевством в помощь Его Величеству.

Лорды нашли королеву в большой тревоге; она объявила, что не желает больше слушать никаких доводов в пользу дальнейшего пребывания принца на Джерси и не изменит своего решения; однако им удалось убедить ее отложить прямую декларацию на сей счет до того момента, когда поступят точные сведения о положении короля, который, как уже стало известно, находился в шотландской армии.

Еще до отъезда на Силли принц послал одного джентльмена в Ирландию к маркизу Ормонду, дабы узнать о состоянии этого королевства и взять оттуда две пехотные роты для обороны острова. Джентльмен прибыл в Дублин вскоре по заключении мира с ирландскими католиками и встретил там лорда Дигби, который после своего северного похода и роспуска участвовавших в нем войск перебравшись через остров Мэн в Ирландию, где его, как ближайшего советника короля, любезно принял маркиз Ормонд. От природы и благодаря искусству (ибо одной природы здесь было бы недостаточно) он получил удивительный характер: совершенно неспособный к унынию, лорд Дигби никогда не падал духом и после очередной неудачи с прежней энергией принимался за осуществление новых планов, нисколько не сомневаясь в успехе. Теперь ему пришло в голову, что принц, явившись в Ирландию, мог бы примирить все враждующие стороны и привести страну к повиновению Его Величеству. Лорд-лейтенанту этот замысел понравился, но, как человек благоразумный, он ясно видел все сопряженные с ним опасности и затруднения и не решился дать собственный совет в столь важном деле. Он предоставил два фрегата и сто солдат Дигби, и тот, не имея привычки долго думать над своими планами, но мгновенно бравшийся за их осуществление, пустился в путь в полной уверенности, что ему удастся уговорить принца немедленно отправиться в Ирландию. Найдя принца уже не на Силли, а на Джерси, Дигби поведал ему о превосходном положении дел в Ирландии, заключенном с католиками мире, о 12-тысячной армии, уже готовой к экспедиции в Англию, о великом рвении тамошнего лорда-лейтенанта, после чего настойчиво посоветовал Его Высочеству,

не теряя времени, садиться на фрегат и плыть в Ирландию, где все готово верно ему служить.

Принц ответил, что дело это слишком важное и торопиться здесь не следует; что он получил от королевы приказ ехать во Францию и отправил к ней членов Совета с объяснением, почему ее воля не может быть исполнена немедленно; и что он намерен дожидаться их возвращения, а также известий от отца, находясь здесь, на Джерси, где ему ничто не угрожает.

Столь разумный ответ не удовлетворил Дигби. Он попытался отговорить принца от поездки во Францию как от чрезвычайно опасного предприятия, которое-де никогда бы не одобрил его отец, и вызвался написать королеве, в уверенности, что убедит ее отказаться от этого плана. Доводы его не имели успеха, и тогда лорд Дигби обратился к одному из членов Совета, с которым был особенно дружен. Он упорно доказывал, что бегство принца во Францию погубит короля, и даже заявил, что сам он настолько уверен в разумности своего плана и в абсолютной необходимости немедленного его осуществления, что готов, если собеседник ему в этом поможет, увезти принца в Ирландию даже без его согласия — то есть, сыграв на любопытстве молодого человека, пригласить его на борт фрегата для осмотра последнего, а затем поднять паруса и взять курс на Ирландию.

Возмущенный собеседник отверг это предложение как противное разуму и долгу, но Дигби недолго горевал из-за его отказа, ибо плодотворная его фантазия тотчас же произвела на свет новый план, и он загорелся идеей лично отправиться в Париж, нисколько не сомневаясь, что сможет убедить королеву дать согласие на отъезд принца в Ирландию, а французов — послать туда крупную сумму денег, после чего он, лорд Дигби, приобретет в этом королевстве всеобщее уважение и станет там самой влиятельной после лорда-лейтенанта фигурой.

Явившись в Париж, Дигби имел беседу с королевой, но та осталась тверда в своей решимости добиться немедленного переезда принца во Францию (несмотря на все доводы посланных к ней с Джерси лордов Совета). Затем Дигби посетил кардинала, и Мазарини, отлично зная этого человека и все его слабости, принял его чрезвычайно любезно, вошел с ним в обстоятельный разговор об английских делах, с великой похвалой отозвался о его храбрости, проницательности, благоразумии, верности и неутомимой энергии и посетовал, что Франция слишком поздно поняла собственную ошибку. Французы, объяснил кардинал, хотели лишь ослабить внутренней смутой прежнее могущество короля, дабы он не смог причинить вреда соседям, но никогда не желали, чтобы

он оказался в полной власти мятежников, к чему, по всей вероятности, идет дело; теперь же они готовы его поддержать, как того и желает королева Англии, которая, как ему, кардиналу, известно, охотно прислушалась бы к советам Дигби.

16. Но коль скоро, продолжал Мазарини, французская корона решила помочь королю, то пребывание принца во Франции становится абсолютно необходимым; действовать же, по его мнению, следует так: королева Англии укажет человека, которого она считает самым подходящим кандидатом на роль посла французской короны при Парламенте, французский король назначит его на эту должность, и, как только принц прибудет во Францию, посол отправится в Англию, имея при себе инструкцию, составить которую, как ему, кардиналу, представляется, надлежит его светлости; затем посол потребует от Парламента скорейшего ответа на вопрос, готовы ли Палаты удовлетворить требования французского двора, и в случае их отказа это сделать, тотчас же объявит им войну от имени своего владыки и немедленно покинет английское королевство, после чего принц Уэльский получит в свое распоряжение армию, во главе которой он сможет восстановить власть и честь своего отца.

Когда кардинал закончил свою речь, лорд Дигби, превознеся до небес сей благородный и великодушный план, заговорил о положении дел в Ирландии, но Мазарини тотчас же его прервал, объявив, что ему отлично известно, что он прибыл именно оттуда и намерен туда вернуться; что он знает о поведении нунция и о доблести маркиза Ормонда; что Франция не собирается делать свое дело по частям, но твердо намерена всюду оказать королю всевозможную помощь; и что он, Дигби, вернется в Ирландию с крупной денежной субсидией, за которой вскорости последует партия оружия и боевых припасов.

Лорд Дигби получил то, чего больше всего желал; с ним произошло нечто вроде обращения в другую веру, и теперь он твердо пообещал кардиналу обратиться в нее и всех обитателей Джерси в убеждении, что принц должен строго выполнять волю своей матери. Королева предложила в посланники месье Бельевра (которого и желал видеть на этой должности кардинал), лорд Дигби составил для него инструкцию, кардинал ее одобрил и велел выдать Дигби 6 000 пистолей — гораздо меньше, чем надеялся получить Дигби после высокопарных речей Мазарини, но вполне достаточно для его собственных нужд; после чего лорд Дигби вместе с лордами-членами Совета возвратился из Парижа на Джерси.

Там он тотчас же попытался привлечь на свою сторону друга, чтобы общими усилиями побудить принца к скорейшему переезду во Францию.

Он пересказал ему свой разговор с кардиналом, не упустив ни одного лестного выражения, употребленного по его адресу его преосвященством, а также заявил, что посла назначили по его совету, что он сам составил для него инструкцию, что посол будет строго ей следовать (как это ни удивительно, но Дигби действительно так думал, ведь он обладал такой властью над самим собой, что мог заставить себя поверить в любые вещи, лестные для его самолюбия); что в случае отказа Палат удовлетворить требования посла, Франция немедленно объявит им войну — для того же, чтобы приступить к выполнению этого великого замысла, не требуется теперь в сущности ничего, кроме скорейшего прибытия Его Высочества во Францию.

Друг Дигби, который искренне его любил, хотя лучше других знал все его недостатки, ответил, что не изменит собственного мнения на сей счет, пока не станет известна воля короля. Он напомнил его светлости, как его в свое время обманул другой французский посол, граф д'Аркур, инструкцию для которого готовил сам же Дигби и который так скверно с ним обошелся. А потому, сказал далее друг, он не удивляется, что его снова провели с помощью той же самой уловки, и не может не думать, что составленные им ныне инструкции будут выполняться лишь постольку, поскольку это соответствует целям кардинала, чья добросовестность вызывает серьезные сомнения. >

Лорд Кейпл и лорд Колпеппер провели в Париже с королевой целых три недели, но смогли уговорить ее лишь отложить посылку принцу приказа об отъезде с Джерси до того момента, когда она получит ясные известия о местонахождении короля и о том, как с ним обращаются, причем королева объявила о своей твердой решимости добиться прибытия принца в Париж, какими бы ни оказались эти известия. Наконец, лорды получили надежные сведения о том, что Его Величество явился в лагерь шотландской армии под Ньюарком и тотчас же по своем туда прибытии приказал гарнизону сдать город, после чего шотландцы немедленно двинулись к Ньюкаслу; что они настойчиво добивались от короля выполнения их требований, а когда он решительно отказался это сделать, приставили к нему крепкий караул и больше никому не позволяли являться к нему и говорить с ним, так что Его Величество счел себя пленником. < М-ру Ашбурнему, единственному слуге, сопровождавшему короля на пути из Оксфорда, запретили с ним видаться, и если бы он не успел сесть на голландское судно и отплыть во Францию, его бы выдали Парламенту — настолько взбесили шотландцев его протесты против их дурного обращения с королем.

Затем он прибыл в Париж, и королева еще сильнее утвердилась в своем решении, ведь Ашбурнем, как говорят, привез ей письмо от короля (расшифрованное лордом Джермином), в котором Его Величество выразил мнение, что принц может найти полную безопасность лишь рядом с королевой, и потребовал, чтобы его как можно скорее увезли во Францию. То же самое, как уверял Монтрель, король передал ему устно, хотя Ашбурнем, оставивший короля за день до отъезда Монтреля (и, как никто другой в Англии, пользовавшийся абсолютным доверием Его Величества), признался в беседе с лордом Кейплом, что отъезд принца во Францию еще до того, как станет известно, как обошлись с королем шотландцы, он считает пагубным для Его Величества шагом, и что единственной причиной желания короля поскорее отправить его туда может быть лишь неуверенность в его безопасности на Джерси. Лорд Кейпл вызвался лично посетить Ньюкасл, чтобы узнать истинную волю короля, но королева потребовала, чтобы принц, не теряя времени, ехал к ней, и, желая добиться скорейшего выполнения своего приказа, отправила на Джерси лорда Джермина (губернатора Джерси), лорда Дигби, лорда Уэнтворта, лорда Уилмота, а также других лордов и джентльменов, которых еще раньше принц послал к ней с двумя лордами-членами Совета. Пока же они находятся в пути, было бы уместно задаться вопросом, каким образом король попал в то затруднительное положение, однажды в котором оказавшись, он уже не смог впоследствии возвратить себе свободу.

Я не был знаком с месье Монтрелем и никогда с ним не общался, и то, что будет сказано о нем далее, не может проистекать ни из личной симпатии, ни из какого-либо предубеждения. Я также не намерен специально опровергать жестокие упреки, которыми поныне осыпают его как англичане, так и шотландцы; упреки, коих справедливость, как можно подумать, доказывает постигшая его по возвращении из Англии опала, когда по воле Мазарини ему запретили являться ко двору и жить в Париже, после чего он вскорости и умер от душевной печали. Но поскольку для министров такого ранга обычное дело приносить в жертву своим темным замыслам подобные орудия, даже совершенно невинные, то весьма вероятно, что немилость эта продолжалась бы недолго, и единственной ее целью было не допустить сношений Монтреля с английским двором, ведь тот мог бы выказать понятное любопытство к таким вещам, которые французский двор желал сохранить в тайне. Если же кое-что из сказанного далее и в самом деле покажется попыткой снять обвинения, позорящие память этого джентльмена, то единственным тому объяснением является любовь к истине, которая должна оставаться душой всякого

исторического повествования. А поскольку в моем распоряжении находится вся переписка Монترеля с королем (подлинные письма либо верные их копии), то я считаю своим долгом очистить его память от хулы и дать беспристрастное истолкование его тогдашних действий.

Монтрель был молодой дворянин, по своему уму достойный доверия кардинала и порученной ему миссии, а по характеру отнюдь не склонный к обману и притворству. Пока он делал выводы лишь на основе бесед с шотландскими комиссарами в Лондоне и с тамошними пресвитерианами, он не пытался внушить королю иллюзий, будто союз с этими людьми можно купить ценой меньшей, чем полное изменение епископальной системы управления церковью и безусловное принятие Ковенанта, но упорно доказывал Его Величеству, что других путей к соглашению с ними не существует; когда же Монтрель убедился, что король никогда не пойдет на эту отвратительную уступку вопреки своей совести, он предпринял упомянутую поездку, дабы выяснить, господствует ли и в среде старших офицеров шотландской армии тот же суровый и непримиримый дух, который владел шотландскими комиссарами в Вестминстере.

Шотландская армия стояла тогда под Ньюарком, и по дороге туда Монтрель посетил короля в Оксфорде, где еще раз убедился, что даже самые несчастные обстоятельства не заставят его пожертвовать церковью. Что же до уступок честолюбию и алчности отдельных лиц (а названные мотивы всегда имели неодолимую власть над этой партией), то здесь король дал Монтрелю полное право обещать от его имени удовлетворение любых, даже самых непомерных требований, только бы они не пошли во вред Монтрозу, которого он твердо решил никогда не оставлять своим покровительством.

Первые впечатления французского посланника от бесед с вождями шотландской армии были довольно благоприятны. Они обрадовались желанию короля искать у них убежища, обещали ему достойный прием, полную свободу и безопасность, проявляли готовность выслать ему навстречу кавалерийский отряд и, как можно было подумать, давали понять, что готовы смягчить свои требования.

Ободренный этими авансами и поощряемый самими же офицерами, Монтрель составил особое Обязательство, в котором от имени французского короля и королевы-регентши обещал и ручался, что если король Великобритании отдаст себя в руки шотландской армии, то шотландцы примут его как своего законного государя, оградят его от всякой опасности, войдут с ним в соглашение и используют свои войска, дабы помочь Его Величеству восстановить свои права и добиться справедливого мира.

Этот документ — после того, как его прочли и одобрили шотландские начальники — Монтрель отправил с курьером королю.

Затем, однако, их настроение изменилось: они стали вести себя уклончиво, отказывались от своих слов, брали назад свои обещания, и встревоженный их двусмысленным поведением Монтрель послал к королю еще одного гонца, с рекомендациями противоположного свойства, но тот был захвачен в плен, и хотя впоследствии бежал и возвратился к Монтрелю, доставить Его Величеству письмо с предостережением не смог. Между тем шотландцы опять заговорили по-другому и снова выразили желание видеть короля в своей армии, встретить его по пути в ее лагерь и даже просили назначить день встречи. Обо всем этом Монтрель честно и подробно известил короля в письме от 15 апреля к государственному секретарю Николасу.

Когда же король предложил вождям шотландской армии объединиться с войсками Монтроза, те ответили, что не могут на это пойти, ибо Монтроз успел пролить кровь многих членов знатнейших шотландских фамилий; после чего король предложил назначить его своим чрезвычайным посланником во Францию. Они согласились на любую другую страну, кроме Франции, но, самое главное — сообщал в том же письме Монтрель — категорически потребовали, не ограничивая, правда, короля определенными сроками, установления в Англии пресвитерианской системы. В конце письма посланник взял на себя смелость посоветовать королю, если тот все еще надеется найти для себя другое убежище и добиться лучших условий, не принимать этих предложений; но если положение Его Величества всюду стало отчаянным, то по его, Монтреля, мнению, королю следует явиться в шотландский лагерь, где он по крайней мере найдет личную безопасность.

В последующих своих письмах (от 16 и 20 апреля) Монтрель сообщал, что шотландцы готовы выслать навстречу Его Величеству кавалерийский отряд и уже принимают меры к тому, чтобы король не попал в руки англичанам; что они обещают не принуждать короля к поступкам и решениям, противным его совести, — но тут же предупреждал, что Его Величеству не следует надеяться на большее, дабы не обмануться в своих расчетах.

Таким был образ действий месье Монтреля во всей этой истории, и если после первых встреч с шотландскими офицерами он питал известные иллюзии, то уже вскоре совершенно от них избавился; а после того, как Его Величество предал себя в руки шотландцев, Монтрель прямо обвинял их в обмане и вероломстве и пытался доказать кардиналу, каким бесчестьем для французской короны станет нарушение обещаний

и обязательств, данных от ее имени — почему и был немедленно отозван на родину по прибытии короля в Ньюкасл: его возмущение раздражало шотландцев, а вдобавок (чего очень не хотелось кардиналу) могло бы открыть глаза английскому Парламенту на то, как далеко зашла Франция в этом деле. И, несомненно, советы и предостережения Монтреля удержали бы короля от столь рискованного шага, если бы у Его Величества в тот момент был какой-то другой, лучший выбор. >

Король надеялся собрать из все еще остававшихся в его руках крепостей такой корпус кавалерии и пехоты, который позволил бы ему ранней весной открыть кампанию, хотя определенного плана действий он не имел. Но уже в самом начале эти расчеты были разрушены полным разгромом и поражением лорда Астли. Он вышел из Вустера в Оксфорд с двумя тысячами кавалерии и пехоты, а король предполагал встретить его с другим отрядом в полторы тысячи кавалеристов и пехотинцев, однако соответствующие письма и приказы не дошли по назначению, так были перехвачены неприятелем, который, узнав таким образом об их замыслах, стянул из своих гарнизонов в Глостере, Уорвике, Ковентри и Ившеме гораздо более крупные силы. Как только лорд Астли выступил из Вустера, неприятель пустился за ним в погоню, и на следующий день, когда Астли, маршировавший всю ночь, решил, что ему уже удалось благополучно миновать вражеские квартиры, обрушился на его утомленных переходом солдат, которые хотя и оказали упорное и мужественное сопротивление, были в конце концов наголову разбиты, а сам лорд Астли, генерал-лейтенант кавалерии сэр Чарльз Лукас и большинство офицеров (из тех, кто не погиб в бою) попали в плен. Немногие спасшиеся рассеялись и пали духом настолько, что уже не вернулись под знамена, у короля же с тех пор больше не было возможности собрать для полевой кампании какие-либо другие войска. Каждый день приносил известие о потере какого-нибудь города, Ферфакс уже установил дальнюю блокаду Оксфорда кавалерией, присланной им с запада с этой целью, а также затем, чтобы наблюдать за действиями короля и, если он покинет Оксфорд, преследовать его; вскоре Ферфакс овладел Эксетером и еще несколькими укрепленными пунктами в Девоншире. Их коменданты, не имея явных и очевидных оснований надеяться на чью-либо помощь и к тому же рассчитывая на выгодные условия капитуляции, сочли себя вправе сдаться прежде, чем неприятель доведет их до последней крайности, хотя было замечено, что лучшие и более почетные условия получали только те, кто защищал вверенные им

крепости вплоть до того момента, когда провианта у них оставалось не более, чем на сутки, о чем мы подробнее расскажем ниже.

Таким образом, Ферфакс был уже в трех переходах от Оксфорда, когда король еще не выехал из него и даже не решил окончательно, что ему следует делать. Несколько ранее король послал сказать двум старшим командирам, осуществлявшим дальнюю блокаду Оксфорда, что если они обяжутся честным словом (слишком ненадежная гарантия безопасности со стороны людей, уже успевших нарушить столько клятв!) немедленно препроводить его к Парламенту, то он предаст себя в их руки: король, под влиянием прежних внушений, все еще держался хорошего мнения о лондонском Сити и был бы не прочь оказаться именно там. Офицеры, однако, не пожелали дать ему подобного обязательства; вдобавок были приняты все меры, чтобы король не смог попасть в Лондон, для чего подступы к нему были прикрыты крепкой стражей. Что же оставалось делать королю? Одной вещи он более всего страшился и твердо решил избежать, а именно оказаться запертым в Оксфорде, а затем быть выданным при капитуляции города или взятым в плен индипендентской армией, от которой, как все его предупреждали, ему следовало ожидать самого варварского обращения.

Находясь в столь затруднительном положении, король решил предаться в руки шотландской армии — от полного доверия к которой, однако, он был настолько далек, что не сообщил шотландцам заранее о своем приезде и не попросил выслать ему навстречу обещанный отряд кавалерии. Вместо этого он выехал из Оксфорда ранним утром 27 апреля, сопровождаемый лишь Джоном Ашбурнемом и одним духовным лицом, неким Хадсоном, который превосходно знал все главные и проселочные дороги и оказался отличным проводником. В их обществе он и покинул Оксфорд в понедельник, оставив тех из членов Совета, которые знали о его отъезде, в полном неведении о том, направится ли он теперь в шотландскую армию или же попыбует тайно попасть в Лондон и оставаться там, не обнаруживая своего присутствия до тех пор, пока не определит для себя наилучший образ дальнейших действий. Впрочем, все полагали, что король сам не имел еще тогда твердого решения на сей счет, доказательством чему служит то обстоятельство, что о его местонахождении стало известно лишь на девятый день по оставлении им Оксфорда, так что Ферфакс, подступивший к Оксфорду на пятый день по отъезде короля, успел начать осаду и устроить циркумвалляционную линию прежде, чем узнал, что король уже

в шотландской армии. Король же побывал за это время в разных местах, в том числе в усадьбах некоторых джентльменов; он хотел добыть сведения о положении маркиза Монтроза и — это было сильнейшее его желание — отыскать безопасный путь к нему; но в конце концов отправился в шотландскую армию под Ньюарком, послав сказать Монтрелю, чтобы тот выехал ему навстречу.

Ранним утром король явился на квартиру шотландского главнокомандующего и открыл ему свою личность, а тот, чувствуя (или изображая) крайнее изумление и смущение при виде Его Величества и не зная, что сказать, немедленно сообщил о прибытии короля комиссарам, которые растерялись ничуть не меньше. Тотчас же послали курьера в Вестминстер, чтобы уведомить о случившемся английский Парламент и представить дело так, будто сами шотландцы не ожидали ничего подобного. Известие это привело Палаты в такое смятение, что поначалу они решили отдать своему главнокомандующему приказание снять осаду Оксфорда и, не теряя времени, идти к Ньюарку; однако шотландские комиссары в Лондоне отговорили их от этого шага, заверив, что шотландские войска будут строго повиноваться их, комиссаров, распоряжениям. В итоге Палаты ограничились краткой депешей, из которой явствовалась их убежденность в том, что король прибыл к шотландцам по приглашению, а не по собственному почину, и в которой говорилось, что вскоре английская армия получит от Парламента дальнейшие указания, а пока она должна принять все меры, чтобы король не отправился куда-нибудь еще. В шотландской же армии всячески старались выказывать в обращении с королем единственно лишь учтивость и глубокое почтение, намеренно избегая любых выражений любви и подчинения, а потому главнокомандующий никогда не обращался к нему за указаниями или распоряжениями и не позволял своим офицерам бывать у Его Величества и о чем-либо с ним беседовать. На Монтреля шотландцы смотрели косо, как на человека, который без их согласия поставил их в столь неудобное положение, но он не боялся прямо и открыто напоминать им о том, что произошло между ними ранее, о данных ими обещаниях и о взятых на себя обязательствах. И, однако, хотя король был недоволен тем, как с ним обходились, он все еще опасался, что Ферфакс может немедленно получить приказ оставить все прочие предприятия и подойти со своей армией еще ближе к шотландской (хотя они уже стояли совсем рядом), а потому он тотчас же велел лорду Беласису сдать Ньюарк, чтобы шотландцы поскорее двинулись на север (что они

и сами собирались сделать); и когда Беласис на почетных условиях сдал эту крепость (которая могла бы продержаться еще несколько месяцев против такого противника), шотландцы спешно выступили к Ньюкаслу, чему король был весьма рад, хотя с ним самим шотландцы обращались как прежде, строго следя, чтобы он не мог общаться ни с кем, кроме хорошо известных им лиц, а тем более получать от кого-либо письма.

В ту пору многие обратили внимание, что впервые это поразительное известие было обнародовано с церковной кафедры, и по тому, какой текст избрал своей темой проповедник, паства получила возможность судить, какими вероятнее всего станут следующие меры Парламента или государственного совета. Первая проповедь, читанная в присутствии короля после выступления армии из Ньюарка в Ньюкасл, основывалась на стихах 41–43 главы 19 2-й книги Самуила:

41. И вот, все Израильтяне пришли к царю и сказали царю: зачем братья наши, мужи Иудины, похитили тебя и проводили царя и дом его и всех людей Давида с ним через Иордан?

42. И ответили все мужи Иудины Израильтянам: затем, что царь ближний нам, и из-за чего сердиться вам на это? Разве мы что-нибудь съели у царя, или получили от него подарки?

43. И отвечали Израильтяне мужам Иудиным и сказали: мы десять частей у царя, также и у Давида мы более, нежели вы, зачем же вы унизили нас? Не нам ли принадлежало первое слово о том, чтобы возвратить нашего царя? Но слово мужей Иудиных было сильнее, нежели слово Израильтян.

Этими словами проповедник внушал своим слушателям мысль, что теперь, когда они получили обратно своего короля, им следует удерживать его у себя и хранить ему верность. Но как только Его Величество прибыл в Ньюкасл, месье Монтреля лишили всякой возможности говорить с ним, а м-ру Ашбурнему дали совет поскорее позаботиться о собственной безопасности, иначе его выдадут Парламенту. Оба они явились в Париж, когда королева отправила лордов на Джерси, чтобы ускорить отъезд принца.

37. Прибыв в конце июня с многочисленной свитой на Джерси, упомянутые лорды привезли с собой письмо королевы к принцу, в котором она объявила, что полученные ею из Ньюкасла и Лондона известия совершенно убедили ее в том, что принц больше не может оставаться на Джерси, не подвергая себя очевидной опасности попасть в руки врагам; что если он оттуда не уедет, враги

уже вскоре сделают все возможное, чтобы силой или изменой овладеть его особой; а потому Ее Величество категорически потребовала, чтобы принц немедленно подчинился приказам короля, изложенным в письме, которое Его Величество послал недавно с сэром Дадли Уайаттом (и которое было упомянуто нами выше), и еще раз — в письме, которое она получила впоследствии через месье Монтреля. Затем Ее Величество сообщила, что имеет самые твердые, какие только могли быть даны, гарантии французской короны, что принц будет принят с почетом и получит полное право остаться во Франции или покинуть ее по своему усмотрению; и что она сама ручается честным словом в том, что когда бы его Совет ни счел целесообразным его отъезд из Франции, она не станет этому противиться, и что во время его пребывания в этом королевстве все важные вопросы, относящиеся до его самого или касающиеся дел Его Величества, будут обсуждаться и решаться им самим и его Советом, как если бы они по-прежнему находились в Англии или на Джерси; в заключение королева велела принцу со всей поспешностью ехать к ней.

Лорды, явившиеся с этим посланием от Ее Величества, не могли даже вообразить, что кто-нибудь посмеет возражать против выполнения Его Высочеством воли королевы, а потому, после того, как их допустили к руке принца, немедленно потребовали созвать Совет; когда же члены Совета явились на заседание (на котором присутствовали также лорды Джермин, Дигби и Уэнтворт), они попросили у принца дозволения огласить письмо его матери, а затем, в полной уверенности, что подчинение Его Высочества приказу короля и королевы не может быть предметом прений, предложили обсудить единственно лишь вопрос о дне его отъезда и порядке его путешествия. Тогда лорды Совета напомнили принцу, что только они и никто другой отвечают перед королем и королевством за все принятые Его Высочеством решения и их последствия, а прочие лорды не имеют права ни подавать свои мнения, ни присутствовать на заседании, поскольку не несут ни малейшей ответственности за то, что решит предпринять Его Высочество. А потому они потребовали должным образом обсудить этот вопрос, принять в расчет, насколько это вообще возможно, нынешнее положение дел короля и рассмотреть как доводы в пользу целесообразности отъезда Его Высочества во Францию, так и то, что можно сказать против этой меры — тем более что король, как всякому известно, не отдавал на сей счет никаких ясных распоряжений, а лишь предположил, что

принц не может оставаться на Джерси, не подвергая себя опасности; из того же исходила в последнем своем приказе и королева, однако они, члены Совета, считают, что все эти предположения не имеют под собой ни малейших разумных оснований и что пребывание принца на Джерси может быть, вне всякого сомнения, вполне безопасным. Тут некоторые особы начали между собой спорить, и не без горячности, так что принц счел совершенно необходимым перенести обсуждение на следующий день, дабы лорды, прибывшие из Парижа, и те, которые находились на Джерси, беседуя друг с другом в частном порядке, могли доказать свою правоту другой стороне или утвердиться в собственном мнении по крайней мере чтобы в следующий раз прения велись без вспышек гнева и с соблюдением приличий. Заседание Совета, таким образом, завершилось, после чего отдельные лорды, уже частным образом, прибегли к доводам, которые они считали наиболее пригодными для переубеждения тех или иных лиц, как это попытался сделать еще раньше лорд Дигби в споре со своим другом — с тем же, впрочем, успехом.

На другой день, когда члены Совета собрались вновь, лорд Кейпл представил отчет обо всем, что происходило у королевы с момента прибытия в Париж лорда Колпеппера. Он сказал, что изложенные лордами доводы принца показались ей настолько убедительными, что она решила не принимать окончательного решения, пока не получит дополнительных известий о воле короля; и что сведения, полученные королевой от месье Монтрея, по его, Кейпла, мнению, не могут служить достаточным основанием для столь поспешно принятого ею решения; что он по-прежнему твердо убежден, что принц не должен покидать владений Его Величества прежде, чем получит на сей счет прямой и ясный приказ короля, ибо сомневаться в его безопасности на Джерси нет ни малейших причин; что еще в Париже, у королевы, он вызвался лично отправиться в Ньюкасл, дабы узнать волю короля, а теперь делает то же предложение принцу; но так как Его Величество, по всей видимости, держат под строгой стражей и получить к нему доступ нелегко, и поскольку его самого, лорда Кейпла, могут схватить по дороге в Ньюкасл, во время пребывания там или же на обратном пути, и Его Высочество, не получив необходимых известий, останется таким образом в прежней неуверенности относительно решения, которое следует принять — то он, Кейпл, предлагает и заранее соглашается считать своим мнением следующее: если он не вернется на Джерси в продолжение месяца, то принц должен удалиться во

Францию при условии, что за это время там будут сделаны те приготовления, которые он считает необходимыми и которые пока еще недостаточны.

Кейпл также сообщил, что, приехав по приказу принца в Париж, он был чрезвычайно любезно принят королевой, которая изволила во всех подробностях рассказать ему, почему она считает необходимым отъезд принца с Джерси и твердо верит в искреннее расположение Франции; однако он по-прежнему не в силах понять, отчего же, если французский двор и в самом деле так жаждет видеть принца Уэльского в своей стране, он так и не удосужился за два месяца пребывания Его Высочества на Джерси направить к нему какого-нибудь дворянина с соответствующим приглашением, и почему особы, явившиеся ныне от королевы, не привезли ему даже паспорта для поездки во Францию. Он не может не заметить, продолжал Кейпл, что вся помощь, полученная нами до сих пор от Франции, ни в коей мере не оправдала наших надежд — например, пять тысяч пехотинцев, коих ждали мы на западе еще до отъезда принца, так туда и не прибыли; и что теперь у нас стало еще больше причин для недоверия, ведь именно по совету Франции король предал себя в руки шотландцев, а потому и в вопросе о распоряжении особой принца нам следует относиться к советам французов с большой настороженностью. В заключение лорд Кейпл объявил, что не может подать мнения в пользу отъезда принца во Францию или согласиться с подобной мерой, пока не станет известна воля короля, или же пока во Франции не будут созданы надлежащие для того условия, до сих пор отсутствующие.

Лорд Дигби и лорд Джермин были чрезвычайно изумлены тем, что кто-то способен сомневаться в добрых намерениях Франции или же полагать, будто королева в этом вопросе введена в заблуждение или недостаточно осведомлена. Они во всех подробностях поведали о своих тайных совещаниях с кардиналом и о том, как пылко заверял он их в своем расположении к королю. Они заявили, что назначенный ныне в Англию посол был выбран самой королевой и не имеет никаких иных инструкций, кроме полученных от нее же; что его пребывание в Англии ограничено одним месяцем, по истечении коего, если Парламент не примет сделанных им предложений, он должен будет объявить ему войну и возвратиться во Францию, после чего в Англию будет немедленно переброшена тридцатитысячная армия; что посол уже выехал из Парижа, но взойдет на корабль лишь после того, как получит известие, что

принц Уэльский сошел на французский берег, ибо Франции нет никакого резона заходить так далеко в поддержке короля в его борьбе с Парламентом, если принц Уэльский откажется рисковать собственной особой, лично участвуя в этой борьбе бок о бок с французами.

А потому они умоляли принца и лордов хорошенько подумать, стоит ли Его Высочеству лишать своего отца и самого себя столь прекрасных плодов, которые они вот-вот должны пожать и утратить, которые они могут теперь лишь из-за неуместных сомнений в честности Франции и нежелания согласиться на скорый отъезд принца с Джерси.

Эти доводы — а ведь их, с величайшей настойчивостью и уверенностью в своей правоте, приводили люди, пользовавшиеся безусловным доверием и авторитетом у короля, которые, как можно было тогда подумать, не были обмануты сами и уж точно не желали ввести в заблуждение принца — подействовали на Его Высочество с такой силой, что он объявил о своей готовности исполнить приказ королевы и немедленно удалиться во Францию. Он также выразил желание, чтобы всякие споры об этом прекратились, чтобы все теперь готовились к отъезду вместе с ним и чтобы его советники в полной мере сохранили прежнее свое единомыслие.

После столь недвусмысленного объявления принцем своего решения любые аргументы против него стали не только бесполезными, но и неприличными, почему никаких возражений по этому вопросу и не прозвучало; однако все члены Совета (исключая единственно лишь лорда Колпеппера) попросили принца их простить, если они не смогут и далее находиться при его особе и у него на службе, ведь, насколько они понимают, предоставленные им ранее полномочия ныне прекращаются, и они уже не могли бы, даже последовав за принцем во Францию, ни самовольно облечь себя прежней властью, ни рассчитывать на то, что к их советам станут прислушиваться в будущем, коль скоро эти советы были отвергнуты теперь. Итак, после обмена колкими репликами между лордами, державшимися разных мнений (отчего заседание пришлось спешно закрыть), те, кто решил не ехать во Францию, поцеловали руку принца и попрощались с ним, а Его Высочество объявил, что намерен отплыть следующим утром в пять часов; однако противные ветры и недостаток в некоторых необходимых для путешествия припасах задержали его на Джерси еще на четыре или пять дней. Все это время не пожелавшие ехать во Францию лорды каждый день

являлись к принцу и встречали самый любезный прием; Его Высочество, отлично зная их преданность, заверял их, что нисколько в ней не сомневается — как и в том, что они еще вернутся к нему на службу, когда его собственные обстоятельства надлежащим образом изменятся.

Зато их отношения с лордами, прибывшими от королевы и теперь до крайности возмущенными тем, что кто-то смеет возражать против категорических приказов Ее Величества, стали весьма холодными, так что в последний день они даже не разговаривали друг с другом.

Несогласные лорды по-прежнему считали внезапный отъезд принца за пределы владений Его Величества несвоевременным и чреватым самыми скверными последствиями, ведь принц мог бы без всякой для себя опасности оставаться в Англии, где в руках короля, помимо Силли и Пенденниса (которым всегда можно было оказать помощь с моря), все еще находились Оксфорд, Вустер, Уоллингфорд, Ледлоу и другие укрепленные пункты, и где раскол в стане врага (ожидать которого было вполне естественно) мог бы склонить чашу весов в другую сторону; и они не понимали, почему, раз уж вопрос с отъездом принца с Джерси окончательно решен, Его Высочеству нельзя было отправиться в Шотландию.

Кроме того, на несогласных лордов действовало упомянутое выше мнение м-ра Ашбурнема, высказанное им в беседе с лордом Кейплом.

Наконец, существовало еще одно обстоятельство, удерживавшее их от переезда во Францию, о котором они из уважения к королеве предпочитали прямо не говорить, — инструкции, полученные Бельевром. Французскому посланнику поручалось сделать все возможное, чтобы убедить шотландцев пойти на союз с королем, не требуя от него взамен уничтожения англиканского церковного строя; но в случае их несогласия Бельевр должен был настоятельно советовать Его Величеству — от имени его супруги, его партии, а также французского короля — удовлетворить шотландцев в этом пункте и пожертвовать церковью. Именно так и действовал впоследствии Бельевр, лорды же, глубоко возмущенные требованием подобной уступки, не желали иметь ко всему этому ни малейшего отношения.

Вскоре после отплытия принца во Францию лорд Беркшир удалился в Англию, лорды же Кейпл и Колпеппер вместе с канцлером Казначейства остались на Джерси в ожидании дальнейших приказов Его Величества и в надежде продолжить службу ему. Король не поставил им в вину их поступки, полагая, что действовали они по велению своей совести; и все же ему казалось, что если бы лорды и канцлер Казначейства

отправились с принцем, то им, вероятно, удалось бы предотвратить то сильнейшее давление, которое оказывали на него из Франции впоследствии и которое причинило ему больше тревог, чем все дерзости его врагов.

Как бы то ни было, последующие бедствия и катастрофы заслонили в человеческой памяти и саму историю с отъездом принца (каковой отъезд, если бы действия короля всегда подчинялись строгим правилам политического благоразумия, заслуживал бы, вероятно, сурового осуждения), и противоположные советы, поданные тогда мудрыми и безрассудными людьми и оказавшиеся равно бесполезными. >

Пока в других местах происходили вышеописанные события, король оставался в шотландской армии, а шотландцы вели себя так, что большинству людей казалось, будто они твердо решили не расставаться с ним, пока не будет заключен прочный мир. Парламент же раз за разом требовал, притом в резкой форме, чтобы шотландская армия передала короля ему, а сама возвращалась на родину, ибо то, зачем ее сюда призвали, она уже сделала, и война близится к концу. На это шотландский Государственный совет отвечал, как тогда казалось, с достаточной твердостью и опираясь прежде всего на те самые аргументы касательно законных прав короля, которые во всех прежних декларациях Его Величества использовались против английского Парламента и которые могли быть обращены как против него, так и против шотландцев.

Между тем, хотя королю оказывались все внешние знаки уважения, в действительности он находился на положении пленника; к нему не допускали слуг, и хотя многие воевавшие за него знатные особы, услышав решительные заявления шотландцев о том, что они не желают и не станут принуждать короля к возвращению к Парламенту, если он сам этого не захочет, отправились в Ньюкасл, где находился тогда король, ни одному из них не позволили ни поговорить с ним, ни принять от него письма к королеве и принцу. Тем не менее в обхождении с королем шотландцы не допускали ни малейших вольностей, строго соблюдая все требования этикета, как если бы относились к нему как к своему государю; они заверяли его в своих верноподданнических чувствах и добрых намерениях, каковые, твердили они, тотчас же станут очевидными в подходящий момент, и тогда все его слуги и друзья смогут невозбранно к нему являться, а он — свободно их принимать. Шотландцы всячески добивались, чтобы король стал ждать от них подобной перемены, а многие офицеры его армии и некоторые знатные особы и в самом

деле поверили, что замыслы шотландцев чисты, просто время ясно их обнаружить еще не пришло.

Так им удалось добиться, чтобы маркизу Монтрозу, воистину совершившему чудеса, король послал категорический приказ положить оружие и покинуть королевство, без чего, уверяли шотландцы, они не смогут выступить на стороне Его Величества; а поскольку распоряжение это было изложено с величайшей серьезностью и доставлено лицом, пользовавшимся безусловным доверием маркиза, то Монтроз его выполнил и удалился во Францию.

Затем они поручили Александру Гендерсону и другим духовным особам убедить короля дать согласие на уничтожение в Англии епископата, и если бы Его Величество удовлетворил их требования, то они, по всей видимости, приняли бы его сторону и взяли бы его под свою защиту. Однако совесть не позволила королю купить мир столь постыдной ценой; в споре же с шотландским проповедником он доказал свою правоту столь неопровержимо (как это явствует из их переписки, впоследствии опубликованной), что с самим Гендерсоном произошла удивительная перемена: старик понял, сколько вреда причинили прежние его действия (в чем честно признался друзьям), а мучительное раскаяние вскоре свело его в могилу.

Между тем по прибытии принца в Париж оттуда отправился в Англию Бельевр, который, как обещал кардинал, должен был объявить войну Парламенту в случае его отказа заключить на разумных условиях мир с королем. Однако в Лондоне он повел себя так, словно его собственный государь совершенно не заботился об интересах английского короля: Бельевр заискивал перед Парламентом, отзывался о Его Величестве без всякого сочувствия, не пожелал встретиться с его сторонниками и беседовал единственно лишь с вождями пресвитерианской партии и шотландскими комиссарами, которые твердили, что ничего не смогут сделать для короля, если тот не отречется от церкви, не уничтожит епископальную систему и не согласится на передачу всех церковных земель в распоряжение Парламента. К этим уступкам он и попытался склонить короля, когда прибыл к нему из Лондона.

Но король был непоколебим в подобных вещах; вдобавок он уже не мог принимать всерьез слова Бельевра, так как понял (хотя и слишком поздно) истинную цену доброго расположения кардинала. Ведь именно по совету Мазарини он предался в руки шотландцев, когда же те нарушили обещания, данные Монтрелю, кардинал не выказал по этому поводу ни малейшего недовольства, зато отозвал своего посланника, слишком громко возмущавшегося их вероломством.

Тогда Бельевр, сообщив кардиналу через курьера о твердости короля, попросил прислать какого-нибудь человека, который пользовался бы доверием Его Величества и сумел бы его переубедить. Королева же, всегда следовавшая советам тех, кто не мог или не желал учитывать истинные интересы Его Величества, не нашла ничего лучше, чем отрядить в Англию сэра Уильяма Давенанта, человека честного и остроумного, но совершенно не годившегося для такой миссии. Король хорошо знал сэра Уильяма, однако с такой стороны, которая едва ли могла придать ему вес и авторитет в этом деле.

Его Величество терпеливо выслушал Давенанта, твердившего, что ему следует прислушаться к советам собственной супруги и друзей. Когда же король любопытствовал, кто эти друзья, Давенант назвал лорда Джермина и лорда Колпеппера. Король возразил, что Джермин ничего не смыслит в делах церкви, а Колпеппер и вовсе человек неверующий, и спросил, что думает на сей счет канцлер. Сэр Уильям ответил, что ему это не известно, ибо канцлера нет в Париже: он бросил принца, не пожелав ехать с ним во Францию, чем вызвал неудовольствие королевы. Король на это сказал, что его супруга неправа, ибо канцлер честный человек, который никогда не изменит ни ему, ни принцу, ни церкви; и пожалел, что его нет сейчас при Его Высочестве. Тогда сэр Уильям начал приводить свои собственные доводы и при этом пренебрежительно отозвался о церкви — тут король вышел из себя, отчитал его в чрезвычайно резких выражениях, какие никогда не употреблял в разговорах с другими лицами, и велел больше не показываться ему на глаза, после чего бедный Давенант (в сущности, искренне преданный королю человек) в унынии и печали возвратился во Францию к королеве.

Таким образом, все надежды на помощь французского посланника в Англии рухнули, однако и обращение французов с принцем также не соответствовало их прежним обещаниям. Он уже две недели находился при матери, когда французский двор потрудился наконец поздравить его с прибытием: все это время ушло на обсуждение вопросов этикета, которые было бы гораздо лучше уладить еще на Джерси.

Дело в том, что кардинал Мазарини ясно понимал, какую важность имеет для Франции пребывание принца Уэльского на ее территории, и убедил королеву, что это отвечало бы также и интересам ее супруга; теперь же, когда его цель была достигнута, кардинал принялся всячески доказывать Парламенту и офицерам армии (а они внушали ему больше опасений, чем Парламент), что принц прибыл во Францию помимо и даже вопреки желанию французского двора; что Франция просто не

могла не выступить посредником, дабы уладить разногласия между Парламентом и шотландцами; отныне же, исполнив этот свой долг, она больше не намерена брать на себя роль судьи в спорах между Парламентом и шотландцами, как не вмешивалась она прежде в борьбу Парламента с королем; что приезд принца к матери (к которому Франция не имела оснований противиться) вовсе не поставит под угрозу мир в Англии, ибо у самого принца не найдется средств его нарушить, а Франция никогда не станет ему в этом помогать. Сведущие люди думают, что именно тогда кардинал и заложил фундамент будущей своей дружбы с Кромвелем, пообещав, что пребывание принца во Франции доставит англичанам меньше неудобств, чем его нахождение в любой другой части Европы. С самим же принцем французы обходились без подобавшего особе его сана почтения; ему даже не назначили особого содержания, а в скудной прибавке к пенсии, которую уже получала от французского двора королева, имя ее сына не упоминалось, так что принц и его слуги всецело зависели от ее милостей и щедрот, почему и были вынуждены вести себя соотвествующим образом. >

Между тем шотландцы уже обеспечили мир и покой в собственной стране, добившись роспуска войск маркиза Монтроза и его отъезда на континент, а также казнив некоторых видных его сподвижников, захваченных ими в плен, и среди прочих — сэра Роберта Споттисвуда, честного, достойного и преданного королю джентльмена и самого мудрого человека, коим располагала тогда эта нация (король назначил его государственным секретарем в этом королевстве вместо графа Ланрака, который выступал против него тогда с оружием — что, вероятно, и стало главной причиной смертного приговора сэру Роберту). Кроме того, шотландцы с величайшей решительностью и торжественностью уверяли и давали понять, что своего короля, который отдал себя в их руки, они уже не могут предать в руки Парламента без его собственного согласия и желания, ибо это означало бы с их стороны вопиющее нарушение долга верности и данного ими слова и противоречило бы самой сути христианской религии. Наконец, граф Лоуден на конференции обеих Палат публично заявил, что они и вся шотландская нация навлекут на себя вечный позор, если выдадут короля, защита которого является их долгом в точно такой же мере, как и долгом Парламента, а право распоряжения его особой в целях обеспечения этой защиты принадлежит им ничуть не меньше, чем Парламенту. Но и после всего этого шотландцы обещали пустить в ход все доводы и употребить самые настойчивые усилия, дабы убедить

Его Величество пойти на уступки и согласиться с предложениями, которые направил ему Парламент.

При первом же известии о прибытии короля в шотландскую армию Парламент послал находившемуся при ней комитету обоих королевств категорический приказ препроводить особу короля в Уорвик-касл; однако шотландцы, которые предчувствовали, что подобное распоряжение не заставит себя долго ждать, уже через два дня после появления в их лагере Его Величества (и после того, как он велел капитулировать гарнизону Ньюарка) с величайшей поспешностью двинулись к Ньюкаслу и достигли его прежде, чем пришел приказ о переводе Его Величества в Уорвик. Эта их мера, в отличие от многих других, пришлась по вкусу королю, внушив ему мысль, что хотя шотландцы и будут поступать по-своему, их действия в конечном счете могут принести ему некоторую пользу.

Получив этот приказ, шотландцы вновь заверили Парламент в своей готовности строго соблюдать все прежние с ним договоренности, попросили его направить королю свои предложения, поскольку они, шотландцы, перед оставлением королем Оксфорда обещали их ему вручить; и добавили, что если король откажется эти предложения принять, то они будут знать, как им следует поступить. Затем они настоятельно посоветовали королю и убедили его послать коменданту Оксфорда приказ заключить соглашение о капитуляции и передать город (где находился его сын герцог Йоркский и все члены Совета) в руки Ферфакса, осаждавшего Оксфорд со своей армией, а также издать общее распоряжение (которое они велели напечатать) всем комендантам королевских крепостей сдать их на почетных и выгодных условиях Парламенту, поскольку-де Его Величество решил во всем руководствоваться его советами. Пока же этого не произойдет, объяснили шотландцы, они не смогут каким-либо образом выступить на стороне короля и поддерживать его интересы (что они твердо намерены сделать), ибо согласно действующему ныне договору и союзу они должны служить Парламенту и следовать его указаниям; когда же это случится, их, шотландцев, прежние обязательства перед Парламентом сами собою перестанут существовать, а поскольку у короля не будет уже ни полевых войск, ни крепостей, в которых держались бы его гарнизоны, то станет невозможно отрицать, что война завершилась, и они, шотландцы, смогут свободно говорить и спорить с Парламентом. С помощью этих хитрых уловок шотландцы убедили короля разослать и обнародовать упомянутые выше приказы; впрочем, при

тогдашних обстоятельствах отказ от их обнародования не принес бы ему никакой пользы.

Парламент (хотя и оскорбленный дерзостью шотландцев, не пожелавших отправить короля в Уорвик) избрал более скорый образ действий, послав королю свои предложения (которые, как отлично понимали Палаты, он никогда не примет) с комиссарами обеих Палат, уполномоченных единственно лишь потребовать, чтобы король в течение десяти дней дал им определенный ответ, после чего им следовало возвратиться в Лондон. Предложения эти, врученные Его Величеству в конце июля, предполагали столь полное разрушение прежней системы управления церковью и государством, что король объявил комиссарам, что не сможет дать им ответ, пока ему не сообщат, какая же власть и какие полномочия останутся у него и его наследников, когда он отдаст Парламенту все, чего тот требует от него ныне. Король также выразил желание, чтобы его перевели в одну из его собственных усадеб, где он мог бы жить до тех пор, пока в ходе его личных переговоров с Парламентом стороны не придут к такому соглашению, которое обеспечило бы королевству мир и благополучие, чего, как он совершенно уверен, невозможно добиться посредством тех уступок, сделать которые предлагают ему теперь.

Шотландцы, достаточно ясно понимавшие, что заставить Его Величество принести церковь в жертву их безумным и нечестивым вожделениям невозможно, тем не менее сдержали данное Парламенту слово и, пустив в ход грубую настойчивость и даже угрозы, попытались убедить его добровольно со всем согласиться, хотя признавали, что во многих пунктах предложения Парламента идут дальше того, что сами они считают правильным; однако, добавляли шотландцы, они не видят для короля иного пути к соглашению с Парламентом, кроме удовлетворения всех его требований. Канцлер Шотландии заявил королю, что его ответ на эти предложения имеет громадную важность, ибо может повлечь за собой либо гибель, либо спасение его короны и королевств; что Парламент после многих кровавых битв овладел всеми крепостями и цитаделями королевства; что в руках Парламента уже находятся все его доходы, акцизы, налоги, секвестры, а также власть взимать в королевстве денежные средства и набирать солдат; что Парламент одержал полную победу и располагает сильной армией, способной защитить ее плоды, а потому может теперь сделать с церковью и государством все, что захочет; что Парламент, не желая более подчиняться ни

ему самому, ни кому-либо из членов его династии, послал Его Величеству эти предложения, без принятия коих королевство и его народ не смогут обрести безопасности; что, отказавшись дать на них свое согласие, король лишится всех своих друзей в Парламенте, потеряет для себя Сити, да и всю страну; что в таком случае вся Англия выступит против него, как один человек, дабы предать его суду, низложить его и учредить иное правление, и таким образом, оба королевства, заботясь о своей безопасности, установят мир и договорятся о будущем церковном устройстве без его участия, что станет катастрофой для Его Величества и его потомства; в заключение канцлер объявил, что если король покинет Англию, то явиться в Шотландию и править там ему не позволят.

И действительно, заседавшая тогда Генеральная ассамблея шотландской церкви обратилась к хранителям мира с петицией, потребовав запретить королю въезд в Шотландию, если он откажется удовлетворить требования Парламента. Такого рода доводы, нимало не убедив короля, лишь сильнее его рассердили, и он, выказав удивительную твердость и величие души, объявил им, что любое состояние, до которого способны довести его они, не будет для него даже вполнину столь же жалким и мучительным, как то положение, в какое он поставил бы себя сам, поддавшись их уговорам; а потому, сказал король, пусть они поступают, как им угодно, ведь даже теперь, когда все вокруг его покинули, его не оставил Бог.

Получив вполне ожидаемый ответ, Парламент тотчас же потребовал, чтобы шотландцы покинули пределы королевства, а особу короля передали тем лицам, которым поручено будет ее принять. Эти лица должны были сопровождать Его Величество из Ньюкасла в Холмби, усадьбу неподалеку от Нортгемтона (города, который, как и все это графство, в продолжение всей войны выказывал крайнюю враждебность к королю). Палаты также объявили, что в обращении с Его Величеством следует, как того требует Ковенант, иметь в виду безопасность и охрану его особы; и что после того, как шотландцы удалятся из Англии, Парламент вновь объединит усилия со своими братьями из Шотландии, дабы убедить короля принять направленные ему предложения; а если он откажется это сделать, то Парламент не предпримет ничего такого, что могло бы разрушить союз двух королевств, а напротив, будет всячески радеть о его сохранении.

Тогда шотландцы вновь взяли твердый тон и заявили, что английский Парламент не обладает исключительным правом

располагать особой короля без их согласия; а Палаты столь же резко ответили, что шотландцам, пока они находятся в Англии, следует выполнять их приказы, присовокупив к своим доводам угрозы, способные внушить мысль, что к военной силе шотландцев они относятся с глубоким презрением и готовы принудить их к повиновению, если те откажутся подчиниться добровольно. Но все эти грозные речи закончились, как только стороны свели свои бухгалтерские счета и условились о цене, каковую надлежало заплатить за выдачу особы, которую одна сторона решила заполучить в свои руки, а другая — не удерживать; те и другие пришли к согласию, и по внесении двухсот тысяч фунтов наличными и получении гарантии в выплате такой же суммы в оговоренный срок шотландцы передали короля в руки назначенных Парламентом лиц.

Таким постыдным образом этот превосходный государь был в конце января выдан своими шотландскими подданными тем его английским подданным, коим Парламент поручил принять его особу, для чего особому комитету лордов и общин, вместе с подчиненным ему отрядом кавалерии и пехоты, велено было отправиться в Ньюкасл, чтобы принять от шотландцев короля и город; именно там Его Величество и был передан в руки этих людей.

Комиссары встретили его с тем же внешним почтением, с каким прежде обращались с ним шотландцы, и столь же строго воспретили доступ к Его Величеству всякому, чья преданность им самим и их делу внушала сомнения. Палаты специально отобрали и назначили людей, коим предстояло теперь находиться при особе короля и быть у него в услужении, предпочитая прежде всего тех, кто уже успел верно послужить им самим против их господина; если же таковых не находилось, брали других, выказывавших расположение к Парламенту. Все эти назначения были произведены так, как того желала пресвитерианская партия, обладавшая, как тогда думали, полной властью в Парламенте. Хитрые индипенденты позволяли пресвитерианам наслаждаться чувством уверенности в собственном могуществе и влиянии, пока те не выпроводили из королевства своих союзников шотландцев; и не возражали против того, чтобы пресвитериане окружили особу короля своими единомышленниками, а охрану его поручили людям, которым могли доверять.

В состав комитета, назначенного руководить и распоряжаться всеми этими делами, входил, среди прочих, генерал-майор Браун; он пользовался большим уважением и авторитетом в Сити и во всей

пресвитерианской партии во время войны, сражаясь под началом графа Эссекса, оказал Парламенту важные услуги и был весьма отважным и дисциплинированным командиром. Таким манером и с такой свитой Его Величество был привезен в собственную усадьбу Холмби в Нортгемптоншире — место, которое он издавна очень любил и где должен был оставаться до тех пор, пока Парламент и армия не решат, что следует делать дальше (ибо армия теперь также требовала своей доли и притязала на право судить о том, какими должны быть условия соглашения с королем).

✧ Между тем комиссары обходились с королем чрезвычайно почтительно; он мог предаваться своим любимым занятиям и, казалось, имел полную свободу — кроме права общаться с людьми, коих всего более желал видеть, и иметь слуг, которым мог бы доверять. Но сильнее всего короля раздражало то, что к нему не допускали его капелланов. Вместо них Парламент попытался навязать ему пресвитерианских священников; король, однако, отказался присутствовать на совершаемых ими службах и стал своим собственным капелланом, уединяясь в своей опочивальне с Книгой общих молитв. Когда же он в письме к Палате лордов представил список из тринадцати капелланов и предложил выбрать для него любых двоих, ему ответили, что это невозможно, ибо все поименованные им лица враждебны нынешнему церковному устройству и не признают Ковенант. ✧

Пока сам Парламент вел с шотландцами все эти споры по поводу особы короля, армия его с большим успехом приводила к покорности все еще остававшиеся у Его Величества гарнизоны. Некоторые из них сдались с большей готовностью и оказав меньше сопротивления, чем могли бы, удовлетворившись общим приказом короля на сей счет и тем соображением, что, при отсутствии разумных оснований ждать откуда-либо помощи, с их стороны не будет ошибкой поскорее изъявить покорность и таким образом обеспечить себе лучшие условия капитуляции. Другие же гарнизоны с замечательным упорством оборонялись до конца, нанеся неприятелю немалый урон и задержав соединение всех частей его армии, без чего он не мог приступить к осуществлению своих далеко идущих планов. Именно по этой причине переговоры с шотландцами так затянулись, а пресвитериане сумели так долго сохранять власть и влияние; и здесь мы можем еще раз отметить, что гарнизоны, сопротивлявшиеся с величайшей храбростью и мужеством, добились лучших и более почетных условий, чем те, кто капитулировал по первому же требованию.

Именно так обстояло дело с замками Раглан и Пенденнис, которые выдержали самую долгую осаду и капитулировали позже, чем любой другой английский замок или крепость. Храбро обороняемые двумя особами весьма преклонного возраста, они в конце концов сдались, притом едва ли не в один и тот же день. Старый маркиз Вустер с поразительной решимостью и мужеством защищал Раглан против самого Ферфакса, пока его положение не стало совершенно отчаянным. Гарнизон Пенденниса отвергал все требования о сдаче и отказывался вступать в переговоры, пока его запасы не истощились и провианта не осталось даже на сутки; только тогда он начал переговоры и вел их с такой твердостью и, как можно было подумать, самоуверенной беспечностью, что сбитый с толку неприятель заключил, что осажденные вовсе не находятся в последней крайности, и согласился на предложенные ими условия, лучше которых не сумел добиться ни один другой гарнизон во всей Англии.

Обороной Пенденниса руководили его комендант, почти 80-летний Джон Арунделл из Трериса, богатый и влиятельный корнуолльский джентльмен, и его сын, полковник Ричард Арунделл, впоследствии возведенный королем в достоинство барона и лорда Арунделла из Трериса — в память о заслугах отца и в награду за доблесть, которую выказывал сам Ричард Арунделл в продолжение всей войны.

Среди многих верных Его Величеству джентльменов Корнуолла Пенденнис оборонял и сэр Гарри Киллигрю. Близкий друг канцлера Казначейства, он решил отправиться на Джерси и, тотчас же после капитуляции взойдя на стоявший в фалмутской гавани корабль, прибыл с несколькими офицерами и солдатами в Сен-Мало, откуда послал канцлеру письмо с просьбой найти для него барку, на которой он мог бы добраться до Джерси. Благодаря любезной услуге сэра Джорджа Картерета она быстро нашлась; лорды Кейпл и Гоптон, любившие его не меньше, чем канцлер, радостно предвкушали встречу с другом и два дня спустя, едва завидев приближающееся к берегу судно, поспешили в гавань — но, к великому своему прискорбию, встретили гроб с телом сэра Гарри.

Дело в том, что когда по подписании условий капитуляции Пенденниса Киллигрю решил разрядить находившееся у него в комнате оружие, один из карабинов разорвался, и осколок угодил ему в лоб. Сильное кровотечение удалось остановить перевязкой, и сэр Гарри, сочтя рану не слишком серьезной, решил, несмотря на уговоры друзей, не откладывать свой отъезд в Сен-Мало. Отправив оттуда упомянутое выше письмо, он послал за хирургом, и тот, сняв бинты, убедился, что рана гораздо

глубже и опаснее, чем думали. От нее сэр Гарри и умер на следующий день, выразив перед смертью желание быть похороненным на Джерси. Единственный его сын погиб еще раньше в бою под Бриджуотером.

Киллигрю был членом Палаты общин, и хотя единственной его связью с двором была личная дружба с многими придворными (ибо всюду, где его хорошо знали, к нему питали самую искреннюю привязанность), он с большой страстью противился незаконным мерам Парламента. Когда же графа Эссекса назначили главнокомандующим, и коммонеры, один за другим поднимаясь со своих мест, громко объявляли о своей готовности жить и умереть вместе с ним и обещали выставить кто десять, а кто и двадцать кавалеристов, сэр Гарри тоже встал и сказал, что непременно обзаведется добрым конем, добрым камзолом из кожи и парой добрых пистолетов и уж точно найдет доброе дело, за которое стоит сражаться; после чего вышел из Палаты и ускакал в Корнуолл, где присоединился к своим друзьям, доблестным джентльменам, первым сподвижникам лорда Гоптона.

Сам он не пожелал принять какой-либо командной должности, но командиры высоко ценили его советы. Он участвовал во всех битвах, находился там, где было жарче всего, и, кроме личной храбрости, отличался необыкновенной способностью сохранять веселость в минуты страшной опасности; те же, кто уклонялся от исполнения долга, старались не попадаться ему на глаза, ибо острый на язык Киллигрю таких не щадил. Арунделлы, Трелоуны, Сленнинги, Тревеньоны — словом, все видные особы Корнуолла любили его за твердый дух и прямой нрав; врагам же короля он внушал самую лютую ненависть. Смерть его оплакали все достойные люди. >

Глава XXIII

(1647)

С того времени, как короля привезли в Холмби и пока он там оставался, его донимали теми же настоятельными требованиями касательно церкви, какие не давали покой в Ньюкасле, причем Парламент не отступал ни на шаг в дерзких своих домогательствах. Вину за это все возлагали на пресвитериан, которые, как тогда считалось, обладали неограниченной властью и, желая облегчить громадное бремя своих расходов, начали отдавать приказы о роспуске одних армейских частей и об отправке в Ирландию других. Нимало не сомневаясь, что им удастся быстро сократить армию, пресвитериане заявили, что впоследствии они полностью ее распустят, дабы королевство управлялось общеизвестными законами.

Подобные замыслы Палат возбудили совсем иной дух в войсках, ибо армии не пришлось по вкусу ни пресвитерианская система управления, которую, как она ясно видела, вот-вот должны были установить в церкви, ни желание Парламента самовластно диктовать свою волю тем, благодаря кому он и получил возможность совершить все то, что уже совершил; и Кромвель, обладавший исключительным влиянием в войсках, тайно подговаривал их к подаче Палатам петиции против всех тех мер, с которыми был не согласен. Он сам и его офицеры имели дерзость публично молиться и проповедовать перед своими частями и почти не допускали в армию иных капелланов, кроме тех, кто жестоко поносил пресвитерианскую систему церковного управления как еще более деспотическую, чем прежний епископат; рядовые же солдаты и офицеры не ограничивались молитвами и проповедями в собственном кругу, но поднимались на кафедры во всех церквях и проповедовали народу, который быстро проникался тем же духом; женщины считали себя вправе молиться и проповедовать наравне с мужчинами; все это породило в религиозных представлениях такую же невероятную путаницу и беспорядок, какие уже существовали в понятиях о гражданском государственном правлении, так как едва ли хотя бы один человек был привлечен к ответу за высказанные им устно или письменно религиозные взгляды, сколь угодно нечестивые,

еретические и богохульные, ведь это, говорили подобные люди, означало бы наложить узду на дух.

Свобода совести превратилась теперь в обычный предмет споров и обсуждений; между тем пресвитерианская партия обрушилась на разнообразных сектантов, как на врагов всякого благочестия, с таким же ожесточением, с каким действовала ранее и продолжала действовать ныне против «прелатской партии»; добившись господства в обеих Палатах, она почти не сомневалась, что, используя свою власть и влияние в Парламенте, сможет расформировать армию и пересоздать армию Нового образца заново. И она, несомненно, попыталась бы это сделать, если бы несколькими месяцами ранее Богу не угодно было забрать в мир иной графа Эссекса, который умер, не страдая от какой-либо видимой болезни, в тот самый момент, когда мог бы исправить немалую часть причиненного им прежде зла, к чему и сам граф чувствовал сильнейшее расположение, ведь он, во-первых, был глубоко возмущен оскорбительным обращением со стороны неблагодарного Парламента, а во-вторых, с величайшим ужасом и омерзением думал о тех бедствиях, которые, как он видел, грозили в будущем королю и королевству. И весьма вероятно — если принять в расчет тогдашнее настроение Сити и обеих Палат — что Эссексу, проживи он дольше, удалось бы каким-то образом обуздать охватившие Англию ярость и бешенство. Однако Бог не пожелал, чтобы человек, который, скорее из тщеславия и гордыни, нежели по злобной испорченности сердца, стал орудием стольких бедствий, получил хотя бы малую долю в столь славном деле. И хотя не имевшее видимых признаков недомогание, которое медленно свело его в могилу, можно объяснить его характером и душевным складом, многие друзья Эссекса громогласно заявляли, что он был отравлен.

Как бы то ни было, его кончина привела в совершенный восторг Кромвеля и его партию (ибо именно Кромвель превратился теперь в действительного вождя армии, пусть даже главнокомандующим формально оставался Ферфакс), ведь Эссекс был единственным человеком, чье влияние и авторитет внушали им страх, хотя к нему самому они относились без всякого уважения.

И вот теперь, дабы иметь возможность вступить с Парламентом в более серьезный спор и более решительную борьбу и наравне с ним участвовать в умиротворении и устройении королевства (как это у них называлось), армия вознамерилась создать в самой себе некое подобие Парламента. После того, как королевская армия была

разбита и им уже не требовалось сражаться с неприятелем в поле, а их собственная армия была очищена от всех неугодных офицеров, в чьей покорности и готовности повиноваться любым их приказам они не были уверены, эти люди отбросили свой собственный ордонанс о самоотречении и добились избрания в Палату общин (вместо умерших или исключенных за верность королю членов) старших офицеров армии или своих друзей, чьи взгляды были им хорошо известны. Так в Палату общин попали сам Ферфакс, Айртон, Гаррисон и много других индипендентов, как офицеров, так и джентльменов из разных графств — людей, увлеченных безумными религиозными фантазиями новейшего толка и именуемых вновь изобретенным словечком «фанатики»; впрочем, несмотря на все это, в Парламенте по-прежнему заправляли пресвитериане.

Но около этого времени, желая подняться еще выше и стать вровень с Парламентом, армия избрала угодных ей офицеров, которые составили так называемый генеральный офицерский совет, долженствовавший служить чем-то вроде Палаты пэров; рядовые же солдаты выбрали по три-четыре человека от каждого полка, чином редко выше прапорщика, а по большей части — капралов и сержантов, которые именовались «агитаторами» и по отношению к офицерскому совету должны были выступать в роли Палаты общин. Вначале эти представительные органы собирались отдельно, чтобы рассмотреть все меры и действия, предпринимаемые Парламентом для замирения королевства, а также преобразования, разделения или роспуска армии, а затем, после обмена посланиями и совместных конференций, они решили и постановили, что, во-первых, не согласятся ни на разделение армии на части, ни на ее роспуск, пока не будут полностью уплачены долги по жалованью и надежно обеспечена свобода совести, каковая, заявили они, и была главной целью борьбы, ибо ради нее многие их товарищи сложили головы, а сами они пролили столько собственной крови; между тем они до сих пор не получили в этом вопросе никаких твердых гарантий, мало того, люди набожные благочестивые подвергаются ныне еще более жестоким гонениям, чем под властью короля, когда их судьями выступали епископы.

Солдаты обнародовали, как они это назвали, «Оправдание» своих действий и решений и направили его главнокомандующему. В этом «Оправдании» они жаловались на коварный замысел распустить или преобразовать армию, что, заявляли они, представляет собой заговор тех особ, которые совсем недавно почувствовали вкус

верховой власти и, поднявшись над уровнем обычных слуг, попытались сделаться господами, но выродились в тиранов. А потому они объявили, что не пойдут служить в Ирландию и не позволят распустить армию, пока их требования не будут удовлетворены, а права и свободы подданных — ограждены и надежно обеспечены. Эту «Апологию», или «Оправдание» подписали многие младшие офицеры, Парламент же объявил их врагами государства, а самых шумных велел взять под стражу. Тогда они составили еще одно обращение к главнокомандующему, в котором выразили возмущение тем, что Парламент, ради которого они рисковали своими жизнями и проливали свою кровь, обошелся с ними с величайшим презрением; что у них отняты права, принадлежащие им как солдатам и подданным; и что когда они пожаловались на нанесенные им обиды, их стали оскорблять, подвергать побоям и бросать в тюрьмы.

После этого главнокомандующего уговорили написать письмо одному члену Парламента, который и представил его Палате. В этом письме Ферфакс обратил внимание общин на несколько петиций против армии, составленных в лондонском Сити и различных графствах, и заметил, что запрет офицерам армии подавать петиции в то самое время, когда множество направленных против них петиций принимается Парламентом, выглядит очень странно; и что он, Ферфакс, опасается, как бы армия не устроила общий сбор и не попыталась найти какие-нибудь другие средства для защиты своих прав.

Такое поведение солдат, а особенно то обстоятельство, что главнокомандующий, по-видимому, их поддерживал, встревожили Парламент, и, однако, он твердо решил, что не позволит порицать его меры и противиться его действиям тем, кто находится у него на службе и получает от него жалованье. А потому, после многих суровых выражений по поводу наглости некоторых офицеров и солдат, Парламент объявил, что всякий, кто вопреки приказу откажется идти служить в Ирландию, будет уволен из армии. Армия же, полная решимости не подчиняться воле Палат, впервые выраженной с такой определенностью, открыто и дерзко взбунтовалась и потребовала уплаты долгов по жалованью, заявив при этом, что знает, где и как она сама могла бы их взыскать. Войска удалось несколько утихомирить лишь после того, как им послали жалованье за месяц, а принятую против них декларацию вырвали из протоколов обеих Палат. Впрочем, даже это их не удовлетворило; напротив, солдаты громко заявляли, что отлично знают, каким образом армия могла

бы сделаться столь же влиятельной, как и Парламент, и где ее услуги ценились бы выше и вознаграждались лучше. Подобные речи нагнали столько страху в Вестминстере, что особому комитету лордов и общин (некоторые члены пользовались большой популярностью в войсках) поручено было отправиться в армию и вместе с комитетом из офицеров найти средство успокоить это опасное брожение умов. Теперь армия полагала себя равной Парламенту, ведь у нее был собственный комитет, уполномоченный вести переговоры с комитетом Палат, что, между прочим, весьма ободрило Ферфакса, ранее никогда не помышлявшего о сопротивлении или неподчинении Парламенту, и побудило его с большей, чем прежде, определенностью поддержать армию в ее бурном порыве, перед которым, как он ясно видел, все вокруг так покорно и безропотно уступали.

Кромвель же вел себя до сих пор с изумительным лицемерием (будучи, несомненно, великим мастером в этом искусстве); наглые выходки солдат, как можно было подумать, приводили его в бешенство, он присутствовал в Палате общин всякий раз, когда там рассматривались обращения армии, яростно осуждал их за дерзость и даже добился ареста нескольких офицеров. Теперь он предложил отрядить в армию главнокомандующего, который-де быстро изгонит из нее мятежный дух; ему поверили с такой легкостью, что несколько раз посылали в войска его самого, и Кромвель, проведя там два или три дня, неизменно возвращался в Палату и горько сетовал на овладевшее армией буйное своеволие; о себе же говорил, что из-за козней врагов, а также лиц, стремящихся вновь ввергнуть страну в кровавую смуту, он сделался столь ненавистным в войсках, что его даже замыслили убить, и, не узнай он вовремя об этом плане, ему бы не удалось уйти из рук злоумышленников живым. Когда же Кромвель вел подобные речи и распространялся о грозящих Англии новых смутах, он производил впечатление человека, который как никто другой на свете страдает от самой мысли о будущих бедствиях. Но поскольку людям проницательным уже давно были ясны коварные замыслы Кромвеля, то его лицемерие не могло долго их обманывать. Ведь было известно, что самые деятельные офицеры и агитаторы являлись его креатурами, которые ничего не предпринимали и не стали бы предпринимать иначе, как по его прямым указаниям. Наконец, влиятельные члены Палаты общин приняли тайное решение отправить Кромвеля в Тауэр, как только он на следующий день явится в Палату (заседания коей он редко пропускал) — в надежде, что если им удастся удалить этого

человека из армии, то впоследствии они смогут без труда восстановить в ней прежний дух и привести ее к прежнему повиновению. Ибо ее главнокомандующий Ферфакс не внушал им ни малейших подозрений: они знали, что по взглядам своим это был совершенный пресвитерианин, и полагали, что Кромвель подчинил его своему влиянию исключительно благодаря умелому притворству и лицемерным претензиям на святость и чистосердечие. Нет сомнения, что ни тогда, ни даже много позднее Ферфакс не верил, что Кромвель вынашивает в своей душе какие-либо дурные замыслы против короля или же намеревается выказать самомалейшее неповиновение Парламенту.

План захвата особы Кромвеля невозможно было сохранить в такой тайне, чтобы сам он ничего не заподозрил, и уже на следующее утро после его горьких жалоб на потерю всякой власти, влияния и авторитета в армии и рассказов о страшной опасности для его жизни, коей грозит ему ныне пребывание в войсках, когда в Палате с минуты на минуту ожидали его появления, вдруг стало известно, что Кромвеля видели на рассвете за городом, в сопровождении единственного слуги — он направлялся в армию, уже успев назначить сбор нескольким кавалерийским полкам. Прибыв на место, он сообщил в письме к Палате общин, что прошлой ночью получил от нескольких офицеров собственного полка письмо, из коего явствовало, что он сам и его решительное несогласие с действиями армии вызывают в войсках гораздо меньше злобной подозрительности, чем прежде, а потому, полагали эти офицеры, если бы он тотчас же к ним прибыл, то с помощью его советов и увещаний армию удалось бы очень быстро образумить; получив это письмо, он не стал терять времени и, явившись в армию, обнаружил, что солдат ввели в заблуждение лживыми наветами, источник коих он еще надеется отыскать, а пока настоятельно просит, чтобы главнокомандующего, офицеров-членов Палаты и всех прочих офицеров, находящихся ныне в Лондоне, немедленно отправили в распоряжение армии; он также полагает, что для прекращения нынешних беспорядков и для предотвращения таковых в будущем совершенно необходимо, и как можно скорее, назначить общеармейский сбор, о чем надлежащим образом распорядится сам главнокомандующий, когда прибудет к войскам. Теперь вождям Палат не было никакого смысла раскрывать прежние свои планы или выражать какие-либо подозрения на счет человека, ставшего для них недостижимым, а потому они решили дожидаться более удобного момента; главнокомандующий

же и все бывшие в Лондоне офицеры отправились в распоряжение армии.

В то самое утро, когда Кромвель покинул Лондон, корнет Джойс, один из армейских агитаторов (а в прошлом портной, два или три года находившийся в услужении на какой-то мелкой должности в доме м-ра Голлиса) явился на рассвете, с эскадроном в пятьдесят всадников, в Холмби, где жил король, без всяких помех со стороны охранявших замок пехотинцев и кавалеристов подошел к дверям королевской спальни и, постучав в них, объявил, что должен немедленно переговорить с королем. Его Величество, чрезвычайно удивленный всем происходящим, поднялся с постели и, полуодетый, велел открыть дверь; в противном случае, как ясно понимал король, ее быстро взломали бы; тех же особ, которые находились с ним в комнате, он почти не знал и совершенно им не доверял. Как только дверь отворилась, Джойс и его товарищи вошли в комнату, без шляп на головах, но с пистолетами в руках. Джойс объявил королю, что тот должен ехать вместе с ним. Его Величество спросил: «Куда же?» — «В армию», — был ответ Джойса. Король спросил, где находится армия, Джойс ответил, что находится она именно там, куда его сейчас отвезут. Когда же Его Величество пожелал узнать, по какому праву они сюда явились, Джойс ответил: «А вот по какому» и показал ему свой пистолет, после чего попросил короля поскорее отдать распоряжения насчет своего туалета, потому как им нужно торопиться. Другие солдаты хранили молчание, сам же Джойс, если не принимать в расчет резкую категоричность немногих произнесенных им слов, вел себя без всякой грубости. Король сказал, что не сможет никуда ехать, пока не поговорит с комиссарами, в чьи руки он был передан и которые получили соответствующие полномочия от Парламента, после чего велел одному из находившихся при нем служителей их позвать. Комиссары, коих весь этот переполох удивил не меньше, чем несколько ранее короля, быстро явились в его опочивальню и спросили Джойса, имеет ли он какие-либо приказы от Парламента. — «Нет», — отвечал Джойс. — «А от главнокомандующего?» — «Нет». — «На каком же основании вы сюда прибыли?» — На что Джойс ответил им точно так же, как королю: поднял свой пистолет. Тогда комиссары сказали, что напишут Парламенту, чтобы узнать его волю; Джойс ответил, что они могут это сделать, но король должен немедленно ехать с ним. Полковник Браун послал за солдатами, коим велено было охранять короля, но они не явились; он поговорил с офицером, командовавшим теми,

кто стоял тогда в карауле, но понял, что его подчиненные не станут оказывать сопротивления. В общем, после того, как король сделал все, чтобы оттянуть свой отъезд, не внушая при этом Джойсу и его людям мысли, что он твердо решил остаться на месте, Его Величество позавтракал, сел в свою карету (вместе с несколькими представленными к нему Парламентом слугами) и отправился туда, куда угодно его было везти Джойсу. Между тем ближайшие воинские части находились тогда на расстоянии двадцати миль от Холмби, более же всего опасений внушало то обстоятельство, что, по словам офицеров, охранявших короля в замке, отряд Джойса не входил в состав какого-либо полка, но был собран из людей, служивших в разных полках и эскадронах, а сам Джойс не был настоящим офицером, так что король и в самом деле думал, что его собираются отвезти в такое место, где смогут без всяких помех убить. Комиссары тотчас же и во всех подробностях уведомили о случившемся Парламент, который это известие привело в неопишуемый ужас, ведь никто в тот момент не мог взять в толк, каковы были истинные цели и намерения Джойса и его людей.

Сообщение, полученное Палатами от самого главнокомандующего, нимало их не успокоило и не удовлетворило. Ферфакс доносил в своем письме, что солдаты увезли короля из Холмби; что он ночевал в усадьбе полковника Монтегю, а на следующий день Его Величество доставят в Ньюмаркет, поскольку есть основания опасаться, что некий вооруженный отряд собирается силой забрать его из усадьбы Монтегю, и он, Ферфакс, уже послал навстречу королю полк Уолли. Ферфакс заявлял, что на увоз короля из Холмби не давали согласия ни он сам, ни его офицеры, ни армия в целом; что произошло это помимо их желания и без их ведома; что он примет надлежащие меры для обеспечения безопасности Его Величества; а в конце своего письма торжественно заверял Парламент, что вся армия искренне стремится к миру; что она и в мыслях не имеет противиться пресвитерианству или защищать индипендентство, не хочет поддерживать ни буйное безначалие в религии, ни интересы какой-либо партии, но твердо намерена предоставить безусловное право решать все эти вопросы Парламенту.

Короля увезли из Холмби 3 июня, почти через год после того, как он отдал себя в руки шотландцев в Ньюарке — и всё это время армия могла спокойно и без помех обдумывать пути к своему освобождению от рабского служения Парламенту, пресвитериане же искренне полагали, что, несмотря на существование в ней небольшой

клики смутьянов-индепендентов, армия в целом безусловно им предана и никогда не посмеет ослушаться их приказов, а те немногие проникательные люди, которые видели, как офицеры-индепенденты постепенно завоевывают сердца и симпатии солдат, и уже уразумели их преступные замыслы, не пользовались достаточным авторитетом, чтобы им могла поверить их собственная партия. Твердо уверенные, что лондонский Сити всегда и во всем единодушно их поддержит, пресвитериане стали относиться ко всем своим противникам с легкомысленным пренебрежением, но теперь, ясно видя, каким образом и при каких обстоятельствах из их рук вырвали короля, они вдруг обнаружили, что все их прежние меры, служившие основой для всех их будущих планов, оказались тщетными. И если письмо главнокомандующего дало им слишком много оснований опасаться последующего развития событий, то вполне достоверные известия, поступившие примерно тогда же от многих офицеров и подтвержденные полученным лорд-мэром Лондона письмом, сообщавшим, что вся армия выступила в поход и будет в Лондоне к середине следующего дня, привели их в такое отчаяние, что они, казалось, совершенно потеряли голову. Тем не менее они постановили, что Палаты должны заседать весь следующий (воскресный) день; что м-р Маршалл должен прийти в Парламент и молиться за него; что Комитет безопасности должен заседать всю ночь и думать, что следует теперь делать; что на дорогах должны быть выставлены крепкие заслоны, а все лондонские милиционеры, под страхом смертной казни, должны явиться на службу. Все лавки закрылись, во всем городе и на лицах всех его жителей заметно было такое смятение, словно армия уже вступила в Лондон. Парламент послал письмо главнокомандующему, потребовав, чтобы ни одна часть армии не подходила к Лондону ближе двадцати миль, чтобы особа короля была передана прежним комиссарам, находившимся при Его Величестве в Холмби, а охрана его особы была поручена полковнику Росситеру и его полку. Главнокомандующий ответил, что армия успела подойти к Сент-Олбансу прежде, чем узнала о желании Палат, однако, повинаясь его приказаниям, он не станет продвигаться дальше, но хочет, чтобы армии немедленно выслали месячное жалованье. Последнее желание Парламент тотчас же исполнил, хотя на его требование о выдаче короля прежним комиссарам не поступило никакого ответа, кроме заверений в том, что для обеспечения безопасности Его Величества будут приняты все необходимые меры.

С этого времени Кромвель и Айртон стали появляться в Совете офицеров, чего прежде никогда не делали, а в спорах армии с Парламентом прибавилось резкости и дерзкого упрямства. Короля же в Ньюмаркете встретили крупные армейские части и офицеры высокого звания, а потому он был сразу же избавлен от необходимости подчиняться м-ру Джойсу, что стало для него большим облегчением. Теперь его окружали люди более тонкого воспитания, которые оказывали Его Величеству всяческое почтение и, как можно было подумать, во всем стремились ему угодить. Прежние запреты на посещение короля другими особами исчезли, и он каждый день мог видеть лица дорогих ему людей; а стоило королю выразить желание, чтобы к нему допустили для богослужения нескольких его капелланов, как просьба эта была исполнена; за названными им лицами (д-ром Шелдоном, д-ром Морли, д-ром Сандерсоном и д-ром Гаммондом) тотчас же послали, и те явились к королю, после чего свободно служили в положенные часы по своим обрядам, а всем желающим дозволялось при этом присутствовать — к несказанной радости Его Величества, который уже начал думать, что армия не настолько к нему враждебна, как утверждалось. Армия же направила ему обращение, полное самых пылких заверений в верноподданнических чувствах, в котором покорно просила дать согласие остаться с ней в продолжение некоторого времени, пока положение дел в королевстве не удастся изменить таким образом, чтобы оно совершенно удовлетворило его самого и позволило надежно обеспечить его безопасность, чего армия горячо желает добиться как можно скорее и именно с этой целью ежедневно шлет настоятельные требования Парламенту. Между тем король оставался на одном месте или переезжал в другое сообразно тому, стояла ли сама армия без движения или совершала марш; впрочем, где бы он ни находился, его размещали со всяческим удобством, а о его нуждах заботились точно так же, как это обыкновенно делалось в прежнее время при его путешествиях по стране; знатнейшие дворяне графств, через которые он следовал, могли каждый день свободно его посещать, на самых важных должностях при особе короля находились некоторые из его старинных преданных слуг; тем же, что всего сильнее склоняло его к вере в благие намерения армии, было поданное ею Парламенту обращение, в котором она потребовала принять меры к тому, чтобы права короля были установлены и обеспечены в соответствии с многочисленными заявлениями на сей счет, сделанными самими же Палатами в их

прежних декларациях, а в обращении с приверженцами короля стало больше беспристрастности и великодушия и меньше суровости. Вдобавок многие отличные офицеры, верно служившие королю, находили любезный прием у офицеров армии и спокойно жили на ее квартирах, тогда как в любом другом месте это было бы для них совершенно невозможно, что поднимало репутацию армии в глазах всего королевства в такой же мере, в какой служило поводом для упреков в адрес Парламента.

Парламент же в это время снова воспрянул духом, видя, что армия больше к нему не приближается и не просто остановилась в Сент-Олбансе, но даже отступила еще дальше от Лондона; заключив отсюда, что прежнее наступление армии не по нраву ее главнокомандующему, Палаты со всей страстью и решительностью ополчились против тех офицеров, от которых, как им было известно, исходил почин в недавних действиях армии. В обращенных к королевству декларациях Палаты объявили, что желают с почетом возвратить короля Парламенту и всегда к этому стремились; что короля, вопреки воле самой армии, держат в ней на положении пленника; и что у них, Палат, есть веские основания беспокоиться за его безопасность. Армия же на это возразила, что Его Величество не является пленником и его не удерживают в войсках против воли, и призвала самого короля и всех его друзей, получивших возможность невозбранно его посещать, в свидетели того, что теперь, после своего приезда в армию, он пользуется большей свободой и к нему относятся с большим уважением, нежели тогда, когда он находился в Холмби или в иных местах и имел свиту из особ, приставленных к нему Парламентом. Лондонский Сити, взбешенный действиями армии и, по-видимому, всецело преданный Парламенту, не только изъявлял твердую, как тогда казалось, решимость поддерживать и защищать Парламент силами собственной милиции и вспомогательных полков, но и поручил ряду офицеров, служивших в свое время под началом графа Эссекса и уволенных из армии при создании армии Нового образца, в том числе Масси и Уоллеру, набирать новые части; и можно было рассчитывать, что туда с охотой завербуются многие из их прежних подчиненных, а также люди, воевавшие за короля и не имевшие ничего против этой новой службы. Более же всего страха внушала Палатам мысль, что армия в конце концов заключит прочный союз с королем и объединится с его партией, что казалось тогда возможным и о чем слишком любили хвастливо порассуждать многие неблагоразумные

люди, желавшие подобного сближения; а потому Парламент направил к Его Величеству своих комиссаров с обращением, составленным в ином тоне, нежели последние его декларации. Пылко заверив короля в своих верноподданнических чувствах, Палаты заявили, что если с королем обращаются ныне совсем не так, как должно и как хотел бы он сам, то в этом нет их вины, ибо они всегда желали, чтобы король пользовался совершенной свободой и волен был поступать так, как находит нужным. Палаты надеялись побудить короля прямо заявить о своем желании вернуться в Лондон, а также выразить решительный протест против увоза его армией из Холмби; таким образом, рассчитывали они, королевская партия поймет свою ошибку и оставит всякие надежды добиться чего-то доброго от армии, и тогда они смогут обойтись с ней достаточно сурово.

Король между тем находился в крайнем недоумении и не знал, как ему теперь следует поступить. Он считал, что пресвитериане обошлись с ним чрезвычайно жестоко, и держался весьма низкого мнения о людях, заправлявших в этой партии, а потому совсем не желал отдаваться в их руки. С другой стороны, он отнюдь не был уверен в добрых намерениях армии, и хотя многим из его друзей позволяли к нему являться, они ясно видели, что продолжительное их пребывание при его особе никоим образом не приветствуется; и если офицеры и солдаты в большинстве своем обходились с ним любезно, то бдительности они выказывали по крайней мере ничуть не меньше, чем прежние его стражи, так что королю, если бы он этого захотел, было бы чрезвычайно трудно вырваться из их рук. В первый же день к нему явился Ферфакс и целовал у него руку, силясь, как только мог, выразить в словах свои лучшие чувства; заверения эти, впрочем, немного выиграли из-за его манеры говорить, от власти же его королю не было никакой пользы, ибо Ферфакс всецело подчинился влиянию Кромвеля. Последний, как и Айртон, находился тогда рядом с королем, но один из них не изъявил желания поцеловать у него руку, хотя в остальном оба вели себя с ним довольно учтиво. Король пускал в ход всю свою ловкость, чтобы добиться от них какого-то определенного обещания, но они держались так замкнуто и настороженно и были столь немногословны, что из сказанного ими ничего нельзя было понять; редкость же своих визитов к Его Величеству они оправдывали тем, что Парламент, коему они поклялись в безусловной верности, уже относится к ним с большим подозрением. Люди, которые посещали

Его Величество, передавая ему советы других особ, не решавшихся являться к королю лично, довели до его сведения несколько мнений. Одни верили, что армия будет вести себя с королем честно; другие же не ждали от нее ничего хорошего (и, как показали дальнейшие ее действия, были правы), так что король здраво рассудил, что ему пока не следует ни отвергать с пренебрежением авансы со стороны Парламента, ни раздражать армию явным к ней недоверием или же думать о том, как бы ускользнуть из ее рук (что, впрочем, королю едва ли удалось бы сделать, даже если бы они имел тогда на примете иное, лучшее местопребывание). А потому король выразил желание, чтобы обе партии поскорее между собою договорились, и королевство таким образом могло бы насладиться миром и благополучием, в коих и он не остался бы без своей доли; и изъявил готовность молить Бога привести их к этому как можно раньше.

Известия о пребывании короля в армии, о полученной им возможности (коей он так долго был лишен) поклоняться Богу по обрядам своей церкви, о свободном посещении его особы некоторыми из самых близких ему слуг внушили всем, и в Англии, и за границей, известные надежды, да и сам король в письме к королеве выразился так, как если бы находил настоящее свое положение гораздо лучшим, чем было оно в шотландском лагере. Между тем сэр Джон Беркли провел после сдачи Эксетера предоставленные ему по условиям капитуляции полгода в Англии, где занимался устройством своих дел, а затем отбыл во Францию, где состоял при особе королевы в Париже. Едва там стало известно, что король находится в армии, как Беркли поспешил рассказать о многочисленных беседах, бывших у него во время переговоров о сдаче Эксетера с армейскими офицерами, коим он пытался втолковать, сколь нетвердо стоят они на ногах, ибо Парламент, как только они сделают свое дело, уволит их с позором и поношением, почти ничем не вознаградив за оказанные ими великие услуги, а значит, они правильно сделают, если вовремя позаботятся о надежном убежище, найти же его они смогут теперь лишь под защитой короля, их мужеством поставленного ныне в униженное положение; но если они вознесут его на прежнюю высоту, то он будет всем обязан именно им, а его потомки и его партия, как и он сам, навсегда останутся им признательны, благодаря чему они достигнут такой степени богатства и славы, о какой только может мечтать человек. Всё это, утверждал Беркли, произвело такое впечатление на некоторых офицеров (названных им поименно), что, прощаясь с ним, они заявили, что

никогда не забудут сказанного им и что уже теперь они всякий день замечают такие вещи, которые будут напоминать им о его словах. В общем, заключил Беркли, он предсказал тогда всё, что произошло впоследствии, и теперь совершенно уверен, что, окажись он среди этих офицеров, его встретят с радостью, а ему самому достанет влияния и авторитета, чтобы вполне их образумить и побудить к оказанию важных услуг королю; после чего изъявил готовность немедленно пуститься в путь. Королева во всем ему поверила; тем же, кто не поверил, очень хотелось, чтобы он сделал такую попытку. В итоге, получив от королевы рекомендательное письмо к королю (который плохо его знал, а поскольку вообще знал, имел против него известное предубеждение), Беркли покинул Париж и со всей поспешностью отправился в Англию.

Джон Ашбурнем, которого шотландцы вынудили оставить короля, после того, как Его Величество прибыл к ним в его сопровождении, уехал во Францию и находился теперь в Руане: явившись к королеве тотчас же по приезде в Париж, он понял, что Ее Величество будет совсем не против, если он поселится в каком-то другом месте, а потому удалился в Руан, где имел общение с многими особами, служившими ранее королю на самых высоких должностях. Узнав, где находится король, и что теперь он имеет больше свободы, чем прежде, Ашбурнем решил рискнуть и явиться к нему; сомневаться же в том, что его присутствие чрезвычайно обрадует короля, у него не было оснований; и хотя он и посланец из Парижа отправились в Англию не вместе и совершенно между собой не сносились, представляя по существу разные партии, имевшие не одинаковые цели, в армию они прибыли почти одновременно.

Первым делом Беркли обратился к младшим офицерам, немного ему знакомым со времен осады Эксете́ра; они сообщили о его приезде и о его просьбе своим начальникам, и те были очень рады его появлению. Старшие офицеры хорошо себе представляли характер Беркли, знали его главную слабость и потому рассчитывали, что сумеют им управлять с помощью лести и похвал; отлично понимая, что ожидать от подобного человека каких-либо глубоких и опасных замыслов, не следует, они позволили ему свободно посещать короля, хотя никаких прав или оснований претендовать на сколько-нибудь продолжительной присутствие при особе Его Величество Беркли не имел.

Ашбурнем с помощью своих друзей добился того, что его рекомендовали как Кромвелю, так и Айртону, которые знали, что он

имеет большое влияние на короля и что Его Величество, получив возможность видаться с Ашбурнемом, останется весьма доволен и сочтет это свидетельством уважения к его особе с их стороны. Точно так же им было известно, что Ашбурнем является неприимимым врагом шотландцев и не питает ни малейших симпатий к прочим пресвитерианам; и что хотя он и не лишен известного умения ловко втираться в доверие к другим людям, однако глубоким и проницательным умом, способным постигать что-либо еще, кроме выболтанного кем-нибудь по неосторожности, не обладает, зато с великой охотой распространяется обо всем, что только приходит ему в голову. По этим причинам Ашбурнему, как и Беркли, они нисколько не возбраняли часто бывать у короля; явились же к нему оба эти джентльмена почти одновременно, в ту пору, когда армия сосредотачивалась в намерении (открыто еще не заявленном) идти на Лондон, а Его Величество по-прежнему находился с армией в тех местах, где было всего удобнее приступить к осуществлению этого замысла.

Его Величество радушно принял обоих, ведь один из них явился с рекомендацией от королевы и, желая придать своей особе еще больше веса, заверил Его Величество, что за ним, как за человеком, которому они готовы довериться, специально посылали офицеры армии; что они встретили его с распростертыми объятиями и не колеблясь разрешили посещать короля; другой же ни в каких рекомендациях не нуждался, ибо искреннее расположение короля само по себе гарантировало ему теплый прием. Итак, Его Величество выразил желание, чтобы Беркли и Ашбурнем, поддерживая связь между собой, вошли в сношения с теми из своих друзей, которые еще не считают целесообразным являться к нему, узнавали их мнения, старались, насколько возможно, вывести намерения обеих партий и сообщали ему все необходимое — дабы впоследствии, опираясь на эти и иные сведения, он мог бы вернее рассудить, как ему надлежит действовать. Эти двое (ведь они общались со всеми друзьями Его Величества, а с офицерами армии могли встречаться так часто, как только хотели) являлись главными агентами, чьими советами и сведениями по преимуществу и руководился король, хотя сами они редко беседовали с одними и теми же людьми и никогда — с теми офицерами, которые заявляли, что не доверяют своим товарищам настолько, чтобы откровенно высказывать им то, о чем готовы они говорить с Беркли либо с Ашбурнемом; а поскольку Беркли и Ашбурнем водили знакомство по большей части

с разными людьми, то и полученные от них сведения и советы часто оказывались весьма несходными и скорее лишь сбивали Его Величество с толку, чем помогали в чем-либо разобраться.

Яростный спор между Парламентом и армией, в котором ни одну из сторон невозможно было убедить пойти на уступки другой и хоть в чем-то смягчить суровую свою непреклонность, внушил многим благоразумным людям в обоих лагерях мысль, что в конце концов обе стороны согласятся признать своим третейским судьей короля — чего ни армия, ни Парламент никогда не собирались делать. Парламенту мнилось, что его власть и авторитет, уже позволившие ему совершить столь великие дела и привести к повиновению все королевство, не могут быть сломлены его собственной армией, им же набранной и находящейся у него на содержании, воле которой к тому же никогда не захочет подчиняться народ. Нынешнее же могущество армии Парламент всецело объяснял пребыванием в ней короля, опасаясь, как бы честолюбия некоторых офицеров, а также их злобная ненависть к Парламенту не внушили этим людям желание — когда они поймут, что не способны достичь своих целей иным путем — заключить прочный союз с партией короля и встать на защиту ее интересов, после чего все кары за измену, мятеж и прочие преступления падут на головы самих же членов Парламента; а потому Палаты, пуская в ход все тайные и явные средства, пытались убедить короля прямо и открыто признать, что его удерживают в армии против воли — либо каким-то образом покинуть армию и явиться в Уайтхолл. Палаты несколько не сомневались, что и в том и в другом случае им удастся расколоть армию (ведь они по-прежнему считали, что главнокомандующий им предан), постепенно ее образумить и заставить согласиться с увольнением из ее рядов всех, кто не понадобится для службы в Ирландии; после чего, имея в своих руках короля и зная, сколь ненавистны всем его сторонникам жестокие кары за делинквентство, они смогут, ублажив некоторых особ из числа высшей знати освобождением от соответствующих наказаний и иными льготами, установить систему правления, способную достойно вознаградить их за все дерзкие дела, которые они уже совершили, и все опасности, коим они себя подвергли.

С другой стороны, армия несколько не страшилась силы и авторитета Парламента, который, как она ясно видела, так далеко зашел в своей беспринципности, что успел утратить большую часть народного уважения. Однако она всерьез опасалась, что Парламент

может войти в союз с Сити и таким образом вернуть себе прежнее влияние в королевстве, а кроме того, задержав выплату жалованья солдатам, внести известный раскол в их ряды. Если же особа короля также окажется в руках Палат, а значит, и вся его партия перейдет на их сторону, то армии придется либо начинать свое дело сначала, либо соглашаться на мир с теми, кого она уже успела восстановить против себя не меньше, чем самого короля. Армия отлично понимала, что нынешними своими преимуществами она обязана пребыванию в ней короля, а также тому, что с его сторонниками обходятся с подчеркнутой любезностью и всячески заверяют их в лучших чувствах, а к Его Величеству допускают собственных капелланов и слуг. Умело используя подобные хитрости, армия в то же время осуждала и пресекала жестокие меры пресвитериан в комитетах графств и иных местах, где эти последние сурово обходились со всяким, кто стоял на стороне короля или недостаточно ревностно поддерживал их партию (ибо ссылки на нейтралитет в войне они не считали оправданием); и каждый раз, когда армия находила нужным выступить с громкой декларацией против Парламента или возмутиться деспотическим обращением с ней самой, она непременно вставляла в свои воззвания такие пассажи, которые можно было истолковать как свидетельства ее беспристрастного и сочувственного отношения к партии короля. Так, она жаловалась на обиды и оскорбления, которые наносит ей Парламент, не желая соблюдать условия капитуляции королевских крепостей и поступая с их бывшими защитниками с чрезмерной суровостью, противной как прямому смыслу соответствующих статей, так и самой справедливости, — от чего терпят ущерб честь и доброе имя армии и чему она желала бы положить конец. Наблюдая это, многие всерьез надеялись, что их избавят от необходимости выплачивать композиции, и тешили себя иными иллюзиями, приятными им самим и удобными в тот момент армии, которая знала, что легко разрушит все эти химеры, как только они перестанут служить ее интересам.

Еще в Холмби король обратился к Палате пэров с просьбой позволить его детям приехать к нему и пожить с ним некоторое время. С момента сдачи Оксфорда, когда герцог Йорк попал в руки Палатам, ибо они решительно отказали ему в праве отправиться туда, куда велит король (чего требовали и на чем настаивали, сколько могли, находившиеся в Оксфорде члены Совета) и назначили собственный комитет, коему поручено было со всяческим почтением встретить герцога и препроводить его в Лондон — с момента

сдачи Оксфорда, говорю я, герцог Йорк находился под надзором графа Нортумберленда, а с ним — герцог Глостер и принцесса Елизавета, которых король в свое время оставил на попечении графини Дорсет, но после ее кончины Палаты, дабы наверняка удержать их в своей власти, сочли себя вправе поручить заботу о них леди де Вер, престарелой даме, которая была у них в большой милости, но отнюдь не домогалась подобной чести, хотя на содержание детей Парламент отпустил значительную сумму. Теперь же всех троих отняли у леди де Вер и поселили у графа Нортумберленда, который принял их так, как того требовали их происхождение и его долг, но не мог предоставить им большей свободы, чем позволяли полученные им от Парламента инструкции; удовлетворить же просьбу короля Палаты категорически отказались. Узнав об этом от Его Величества, Ферфакс тотчас же написал Парламенту, что король очень хочет увидеться и побыть со своими детьми, и если Парламент не может дать согласие на продолжительное их пребывание с отцом, то пусть они хотя бы пообедают с ним. Он также сообщил, что король, сопровождающий армию в ее передвижениях и находящийся только там, где угодно армии, в такой-то день будет обедать в Мейденхеде. Там и встретили короля его дети, к несказанной радости и восторгу Его Величества, а поскольку королю предстояло затем поселиться и провести известное время в Кавершеме (поместье лорда Крейвена, находившемся неподалеку от Ридинга), то его детям также позволили туда отправиться и остаться с отцом на два дня, что явилось для короля величайшим из всех возможных утешений, причину коего он усмотрел в любезности главнокомандующего и добром расположении армии, которые тронули его тем сильнее, что прежние его просьбы и предложения, если только дух пресвитерианства имел возможность в них отказать, неизменно отвергались.

Глава XXIV

(1647)

В Палате общин — а именно на этой сцене совершались теперь все действия, вызывавшие неудовольствие или ярость армии (ибо в Палате пэров заседало ничтожное число членов, и после смерти графа Эссекса среди них не осталось иных влиятельных особ, кроме лиц, преданных армии или способных при случае послужить ее орудиями) — всеми делами заправляли Голлис, Степлтон, Льюис и Глинн, хорошо известные и весьма популярные с самого начала мятежа, а также Уоллер, Масси и Браун, которые занимали прежде высокие посты в армии, успели в разное время оказать немалые услуги Парламенту, а ныне пользовались безграничной любовью Сити. Всё это были люди даровитые, влиятельные и бесстрашные, которые не только искренне возмущались отвратительными замыслами армии, для них вполне очевидными, а также тем обстоятельством, что она уже превратилась в покорное орудие, служившее целям Кромвеля, но и находились в открытой личной вражде с самыми деятельными и могущественными ее начальниками. Однажды, к примеру, Голлис, после жарких споров в Палате и грубых выражений, сорвавшихся с языка у Айртона, попросил того выйти с ним из здания Палаты, а затем объявил, что намерен тотчас же переправиться на другой берег и драться с ним. Когда же Айртон ответил, что совесть не позволит ему участвовать в дуэли, взбешенный Голлис потянул его за нос и сказал, что совесть, раз уж она запрещает ему давать сатисфакцию, должна по крайней мере удерживать его от вызывающего поведения. Публичное оскорбление, нанесенное третьему лицу в армии, притом самому злобному, коварному и мстительному из всей этой клики, привело всю партию индипендентов в такую ярость, что она твердо решила тем или иным образом избавиться от Голлиса, который обладал таким влиянием в Палате и такой славой за ее пределами, что способен был если не совершенно расстроить ее замыслы, то, во всяком случае, воспрепятствовать скорому их осуществлению.

Индепенденты прибегли к средству, которое тем самым людям, против коих они решили пустить его в ход ныне, позволило когда-то добиться всех своих целей. На Совете офицеров они составили,

в довольно неопределенных выражениях, обвинение в государственной измене, направленное против м-ра Голлиса, упомянутых выше лиц и еще нескольких человек — всего против одиннадцати членов Палаты общин. Двенадцать офицеров подали его в Палату, а несколько дней спустя, видя, что те же члены по-прежнему бранят и сурово обличают их действия, главнокомандующий и офицеры сообщили в письме к Палате, что они намерены назначить сведущих лиц, которые, выступая от имени армии и всего королевства, докажут обоснованность предъявленных одиннадцати членам обвинений; и что они требуют немедленно лишить на время обвиненных членов права заседать в Палате, поскольку-де совершенно немыслимо, чтобы те самые особы, которые нанесли армии столько оскорблений и обид, могли теперь быть судьями своих собственных действий. Такого удара со стороны армии Палата общин совершенно не ожидала, и хотя дерзость эта привела ее в невыразимое смущение и тревогу, коммонеры с твердостью ответили, что не желают и не могут исключить тех членов, которые не сказали и не сделали в Палате ничего предосудительного, — пока не будут представлены ясные доказательства их вины. Офицеры, однако, заявили, что сумеют доказать их виновность в таких проступках, которые сделают вполне оправданным их временное исключение из Палаты. А потому они вынуждены требовать и настаивать, чтобы обвиненные члены были временно лишены права заседать в Палате; без этого, твердили они, армия не сможет считать себя удовлетворенной. И хотя Парламент казался непреклонным, сами обвиненные члены, лучше других знавшие нрав армии, сочли более безопасным удалиться и, воздержавшись на время от посещения Палаты, попытаться умирить пыл разгоревшегося спора.

После столь очевидного упадка духа в Палате армия, казалось, стала вести себя гораздо спокойнее; она решила продолжить свое дело, используя теперь иные орудия, дабы не производить впечатления силы, слишком настойчиво и откровенно преследующей собственные интересы. Сити, на влияние и авторитет коего всецело полагался Парламент, сохранял, как можно было подумать, безусловную преданность пресвитерианству; Совет олдерменов и Общинный совет состояли из людей того же духа; лондонская милиция находилась под началом комиссаров, тщательно и ревностно подобранных из числа сторонников той же партии, ибо всех, кто держался иных взглядов, сняли с этих должностей около того времени, когда шотландцы выдали короля

Парламенту — и когда армии очень хотелось внушить пресвитерианам самодовольную уверенность в том, что вся власть в королевстве находится теперь в их руках, и что они в силах установить такой образ правления, какой сами захотят. Те же, кто принадлежал к иным религиозным партиям, лишившись прежних постов, жили теперь, как люди, попавшие в опалу и всеми пренебрегаемые, которые, казалось, еще могли надеяться, что государство из милости и снисхождения дозволит им отправлять богослужение по собственным обрядам, но уже не имели никаких оснований уповать или рассчитывать на то, что их вновь допустят к какому-либо участию в правлении.

Всё это верно, и, однако, Кромвель и Айртон отлично знали, что по-прежнему могут рассчитывать на лондонское простонародье, которое непременно выступит, как только для этого, по их разумению, наступит удобный момент; и что многие олдермены и состоятельные граждане держатся смирно и, как можно подумать, ни в чем не возражают и не противятся пресвитерианам только потому, что следуют их, Кромвеля и Айртон, указаниям, оставаясь в готовности откликнуться на их призыв. Теперь же, когда обнаружилось, что главные вожди этой партии, заправлявшие прежде в Парламенте, подверглись судебному преследованию со стороны армии и воздерживаются от посещения Палаты, к Парламенту стали являться толпы самой низкой и грубой черни с разного рода петициями, касавшимися как религии, так и гражданского правления, и Парламент, возмущенный и встревоженный их буйными выходками, принял ордонанс, объявлявший, что собирать подписи под петициями и склонять к их подписанию незаконно. Но ордонанс этот возбудил такое негодование всех партий, что уже через два дня Парламенту пришлось его отменить, предоставив каждому пользоваться его естественным правом. Пока в Сити и в Парламенте продолжались эти беспорядки, комиссары, посланные в армию для переговоров с офицерами, возвратились, ничего не добившись, зато привезя с собой прямую и твердую резолюцию армии, требовавшей от Парламента опубликовать Декларацию против приглашения в страну иноземных войск (ибо армия опасалась нового союза с шотландцами — или скорее хотела внушить подобные опасения народу). Кроме того, армия требовала, чтобы жалованье выплачивалось ей регулярно, а все особы, получавшие деньги на эти нужды, отчитались в их употреблении; чтобы начальство над лондонской милицией было передано в руки благонамеренных

людей, командовавших ею ранее; чтобы все лица, заключенные в тюрьму за мнимые правонарушения по приказу Парламента или его комитетов, были выпущены на свободу и, если суд признает их невиновными, получили достойную компенсацию. Здесь армия назвала поименно Джона Лилберна, Овертона и других анабаптистов и фанатиков, коих Парламент заключил под стражу за то, что под видом молитвенных собраний они устраивали мятежные сходбища и совершили немало других дерзких деяний против существующей власти. Узнав об этих требованиях, Парламент разгневался еще сильнее и, в пространных выражениях осудив наглость и высокомерие армии, постановил, что уступки ее домогательствам в этих пунктах противоречили бы чести и интересам Палат и уничтожили бы их привилегии; но когда еще одна буйная толпа петиционеров потребовала примерно того же, Парламент изъявил готовность пойти ей навстречу и согласился, чтобы начальство над милицией было поручено угодным армии особам. В начале мая, вскоре после того, как короля привезли в Холмби, парламентский ордонанс, принятый с согласия и по желанию Сити, передал командование ополчением особому комитету, состоявшему по большей части из сторонников пресвитерианской партии (люди иных взглядов, как уже говорилось выше, лишились своих постов, но, казалось, не испытывали неудовольствия из-за этой опалы). Теперь же, в июле, когда после Декларации армии и по ее требованию, поддержанному горластыми петиционерами, Парламент, даже не спросив, как того требовал обычай, мнения Общинного совета, аннулировал собственный ордонанс, потрясенный Совет заявил, что если деспотическая воля армии смогла заставить Парламент отменить такой акт, как Ордонанс о милиции, то у граждан Сити есть все основания опасаться, как бы Парламент не аннулировал ордонансы, касающиеся обеспечения денежных займов или распродажи епископских и церковных земель, или любые другие акты, гарантирующие имущественные права подданных. А потому Совет велел составить от имени Сити петицию, каковую должны были подать два шерифа и еще несколько назначенных Советом для этой цели особ. Но прежде них к Парламенту явились тысячи лондонских учеников и других молодых людей с собственными петициями, в коих заявлялось, что начальство над милицией есть неотъемлемое право граждан Сити, принадлежащее им в силу нескольких хартий, утвержденных Парламентом; что ради его защиты они рисковали своими жизнями с не меньшей смелостью и готовностью, чем

армия, в потому они требуют, чтобы парламентский ордонанс от 4 мая, принятый с их согласия, оставался нерушимым. Вначале они подали свою петицию в Палату пэров, которые немедленно отменили последний, июльский, ордонанс на сей счет, подтвердили прежний, майский, и направили его общинам, а те не осмелились не дать на него согласия: ученики вели себя чрезвычайно дерзко, не позволяли коммонерам запереть дверь, а некоторые даже ворвались в Палату. Таким образом, ордонанс, принятый по требованию армии, был отменен, майский же ордонанс утвержден заново, после чего Парламент тотчас же объявил перерыв в своих заседаниях до пятницы: члены его желали получить несколько свободных дней, чтобы обдумать, как им теперь следует действовать и как они могли бы предотвратить подобного рода буйства и насилия в будущем. Армия быстро узнала об этих поразительных событиях, и ее главнокомандующий написал из Бедфорда весьма резкое письмо, в котором напомнил, как любезно исполнила армия желание Палат и отступила от Лондона, в предположении, что Парламенту достанет собственной власти, чтобы уберечь себя от любых грубостей и насилий со стороны народа, чего, как это стало теперь очевидно, он не сумел сделать, ибо в прошлый понедельник явившаяся из Сити буйная толпа, подстрекаемая некоторыми членами Общинного совета и другими облеченными властью гражданами, учинила беспримерное нарушение парламентских привилегий, совершив тем самым ужасное и чудовищное деяние, которое, если за ним не последует, в назидание всем остальным, суровая кара, неизбежно приведет страну к полной анархии. Армия считает, продолжал Ферфакс, что именно на нее падет ответственность перед королевством, если это неслыханное бесчинство, столь вопиющим образом ставящее под угрозу умиротворение Англии и оказание помощи Ирландии, не будет тщательно расследовано, а виновных в нем не постигнет скорое и справедливое возмездие. В пятницу, когда закончился перерыв в работе Парламента, собрались едва ли не все, кто вообще являлся тогда на его заседания (в Палату общин пришло свыше 140 членов); проведя некоторое время в ожидании собственного спикера, коммонеры вдруг узнали, что рано утром он выехал из Лондона, после чего обратили внимание, что с ними нет также сэра Генри Вена и еще нескольких членов, обыкновенно его поддерживавших. Палата пэров также обнаружила, что ее спикера графа Манчестера, графа Нортумберленда и еще некоторых членов нет на месте, однако большинство лордов оставались в Палате,

полные негодования против отсутствующих, которые, как все заключили, отправились в армию. Тогда обе Палаты выбрали себе новых спикеров, те согласились принять должность, после чего общины сразу же постановили, что одиннадцать обвиненных армией членов, не участвовавших в заседаниях Палаты, должны немедленно вернуться и занять свои места. Особым ордонансом Палаты приказали Комитету безопасности действовать сообща с милицией Сити и предоставили ему полномочия набирать солдат для Парламента; казалось, все были исполнены твердой решимости осуществить задуманное, и ни единый человек, ни в Палатах, ни в Сити, ни о чем другом даже не помышлял. Известия об этих событиях привели армию в крайнее возбуждение; главнокомандующий тотчас же послал сильный кавалерийский отряд в Виндзор, а сам выступил к Аксбриджу, назначив через два дня общий сбор армии на Ханслоу-Хите, куда в указанный им срок явились двадцать тысяч пехоты и кавалерии, с артиллерийским парком и прочим снаряжением, необходимым для столь многочисленной армии. По назначении смотра войскам на Ханслоу-Хите короля немедленно перевели в Гемптон-Корт, надлежащим образом подготовленный к приему его особы. Какое-то время Палаты, казалось, сохраняли бодрый и решительный дух, а в Сити слышны были речи о том, что следует набирать войска, защищаться и не допускать армию к Лондону. Но когда стало известно о дне общеармейского смотра, враги пресвитериан, еще недавно слишком слабые в обеих Палатах, чтобы добиться собственных целей или помешать своим противникам, и потому бессильно наблюдавшие, как принимаются неугодные им акты, теперь, когда их союзник — армия — была так близко, вновь воспрянули духом и заговорили очень громко, убеждая остальных подумать, пока еще не поздно, о том, как бы им примириться с армией, сопротивление которой невозможно. Лондонским же Сити с каждым днем все сильнее овладевали ужас, смятение и нерешительность; один предлагал одно, другой — нечто противоположное, как это и бывает с людьми, совершенно потерявшими голову от страха. Когда же армия собралась на смотр на Ханслоу-Хите, к ней (после тайной встречи со старшими офицерами) явились оба спикера, со своими булавами и в сопровождении других членов Палат. Они пожаловались на то, что недавние беспорядки отняли у них свободу заседаний в Вестминстере и поставили под угрозу их жизнь, после чего прямо обратились к армии за покровительством и защитой.

Случившееся показалось еще одним актом Промысла Божьего, способным очистить армию от любых упреков и обвинений и оправдать все ее прежние действия как якобы имевшие единственной своей целью спасение Парламента и королевства. Ведь если бы речь шла, предположим, о сэре Генри Вене или каких-то других недовольных особах, известных всем как индипенденты, религиозные фанатики и приверженцы армии, которые, не в силах более противиться мудрости Парламента, покинули бы его и бежали к своим друзьям, в надежде найти у них защиту от правосудия, то это вовсе не послужило бы к их доброй славе, точно так же как и репутация армии ничего бы не выиграла от союза с ними — между тем ни один из спикеров никогда не считался человеком, сколько-нибудь расположенным в пользу армии. Лентал, по мнению большинства, не желал зла королю и не был чужд симпатий к церкви; граф же Манчестер, спикер Палаты пэров, испытывал самое сильное, какое только можно себе представить, предубеждение против Кромвеля и в свое время даже обвинял его в неповиновении Парламенту; со своей стороны, Кромвель ни к кому не питал большей ненависти, чем к Манчестеру, и был бы не прочь его убить. Граф Манчестер и граф Уорвик являлись столпами пресвитерианской партии; именно они, вместе с графом Нортумберлендом, еще несколькими лордами и некоторыми коммонерами, неизменно осуждали все действия армии — и то, что теперь эти двое, присоединившись к сэру Генри Вену, просили армию о защите, притом вполне официальным образом, как если бы за ними стоял весь Парламент, а их самих изгнали и заставили покинуть Парламент граждане Сити, казалось чем-то немыслимым и невероятным всем свидетелям этого события. И ему до сих пор не нашли иного объяснения, кроме твердой решимости названных лиц обеспечить собственные интересы в том соглашении, которое, как они тогда полагали, высшие офицеры армии должны были вот-вот заключить с королем. Ведь то, что они и в мыслях не имели отдавать всю власть армии, не чувствовали ни малейшего расположения к офицерам и не питали к ним доверия, с полной очевидностью явствовало из их предшествующих и последующих действий; и если бы Парламенту удалось тогда сохранить единство, то, учитывая безусловную преданность Сити Палатам, весьма вероятно, что армия, из опасения встретить решительный и роковой для нее отпор, не рискнула бы прибегнуть к силе, и стороны при посредничестве короля пришли бы к какому-нибудь разумному компромиссу. Но из-за этого раскола Парламент

лишился всякого авторитета и репутации, которые теперь всецело перешли к армии, и хотя быстро выяснилось, что число покинувших Палаты членов невелико по сравнению с числом оставшихся, которые с прежней энергией выступали против армии, а Сити, казалось, бы, как и раньше, полон решимости привести себя в оборонительное положение и всерьез готовился защищаться (все его укрепления находились в отличном состоянии и могли бы доставить армии немало хлопот, если бы только граждане Сити твердо и последовательно осуществляли свои планы, от которых они, по-видимому, вовсе не отказывались) — однако это внутреннее несогласие в Парламенте до такой степени потрясло и смутило всех обвиненных членов, обладавших достаточными способностями и авторитетом, чтобы повести за собой противников армии, что они предпочли прекратить борьбу: некоторые скрылись, выжидая удобного момента для примирения; другие отправились на континент (один из них, Степлтон, скончался, едва сойдя на берег в Кале, где его тело даже отказались хоронить, вообразив, что умер он от чумы); прочие долго оставались за границей, и хотя по прошествии немалого времени они возвратились в Англию, их в ту пору больше не допускали к высоким постам и вообще к какому-либо участию в государственных делах, почему эти люди и удалились в свои поместья и жили там весьма уединенно.

Старшие офицеры армии встретили обоих спикеров и прибывших с ними членов словно ангелов небесных, посланных ради их блага — оказали им все мыслимые почести, изъявили готовность беспрекословно им повиноваться как английскому Парламенту и пообещали, что либо восстановят их во всей полноте прежней власти, либо сами погибнут при этой попытке. Офицеры убедительно просили своего главнокомандующего разместить гостей со всяческим удобством, приставили к ним, радея об их безопасности, охрану и заверили, что не посмеют принять какого-либо решения без их согласия; гости же, добившиеся таких успехов во всех прежних своих предприятиях, оказались слишком скромными людьми, и им даже в голову не приходило, что теперь они могут поступать неправильно. Не теряя времени, принялись за осуществление своего замысла восстановить Парламент в Вестминстере, но, обнаружив, что прочие члены продолжают там заседать с соблюдением всех законных форм, а Сити отнюдь не падает духом, они приостановили свой марш и затем вели себя смирно, рассчитывая, видимо, прийти к какому-то соглашению с другой стороной, для чего каждый

день направляли послания лорд-мэру, олдерменам и Общинному совету (на заседавших в Вестминстере они совершенно не обращали внимания). Армию же они расквартировали близ Брентфорда, Ханслоу, Твиттенема и соседних деревень, нисколько при этом не препятствуя регулярному подвозу провианта в Лондон и не совершая ничего такого, что могло бы вызвать неудовольствие или раздражение в Сити; и, следует признать, в армии в армии поддерживалась тогда столь превосходная дисциплина, что никто не мог пожаловаться на причиненный солдатами ущерб или на какое-либо оскорбление словом или действием с их стороны. Тем не менее, в эти спокойные дни вожди армии послали полковника Рейнсборо с бригадой кавалерии и пехоты и при пушках, в Гемптон-Корт, велел ему занять Саутворк, а также укрепления, прикрывавшие с этой стороны Лондонский мост, Он выполнил приказ без лишнего шума и настолько удачно, что после ночного марша овладел без малейшего сопротивления не только Саутворком, но и всеми фортами и укреплениями, долженствовавшими служить защитой для этого предместья: сидевшие в них солдаты дружески пожали руки солдатам, явившимся извне, и отказались повиноваться собственным командирам, так что Сити, где даже не догадывались, что армия затевает нечто подобное, наутро обнаружил, что эти подступы к Лондону находятся в полной власти неприятеля — чьи атаки Общинный совет ожидал и готовился отражать с другой стороны, будучи уверен, что Саутворк защищен надежнее, чем любые из городских ворот.

Это событие сразило граждан Сити наповал, положив конец всем прежним планам обороны и заставив их думать совершенно о другом — как бы теперь умиротворить тех, кого они уже успели так сильно оскорбить и рассердить, и как уберечь город от грабежа и ярости разгневанной армии. Всегдашние ее сторонники, которые еще недавно сидели, запершись в своих домах, и не решались, из страха перед народом, ходить по улицам, теперь смело появлялись среди своих сограждан и участвовали в их совещаниях, где доказывали, что король и армия обо всем договорились, что обе Палаты теперь заодно с армией, а следовательно, сопротивляться армии значило бы ныне выступать против короля и Парламента, приводя их в не меньшую ярость, чем армию. Под влиянием столь самоуверенных речей и хитрых внушений со стороны тех, с кем еще три дня назад граждане Сити не стали бы разговаривать и чьи слова не приняли бы тогда всерьез — или скорее под действием

овладевших ими самими смятения и замешательства, Общинный совет направил к главнокомандующему депутацию из шести олдерменов и шести коммонеров, которые с горечью пожаловались на то, что Сити, никогда и ни в чем не противившийся Парламенту, находится теперь на подозрении, и попросили главнокомандующего воздержаться от любых действий, способных подать повод к новой войне. Но главнокомандующий, не обратив особого внимания на это послание и еще меньше уважив посланников, продолжал медленно продвигаться к Сити. Тогда члены Совета направили ему смиренное послание, в котором говорилось, что поскольку причиной, побудившей главнокомандующего так близко подступить к Лондону, является, как они понимают, желание восстановить и утвердить членов Парламента (лордов и коммонеров) в их праве и привилегии безопасно заседать в своих Палатах (чему Сити готов всеми силами споспешествовать), то они всепокорнейше его просят благоволить послать такой охранный отряд из пехоты и кавалерии, какой он сочтет достаточным для подобной цели; что все укрепления и проходы в них будут открыты для этих войск; и что сами они исполнят любой приказ, который его превосходительству угодно будет отдать. Единственное, чем ответил на это Ферфакс, было требование немедленно сдать ему все укрепления к западу от Сити (прочие фортификации, как было сказано выше, уже находились в руках Рейнсборо и других офицеров). Получив это послание, Общинный совет, заседавший без перерыва день и ночь, поспешил заверить главнокомандующего, что покорно подчинится его распоряжению; и что отныне он полагается на его честное слово как на единственную (после Всемогущего Господа) гарантию своей защиты и безопасности. А потому Общинный совет приказал своей милиции забрать с собой все пушки и немедленно оставить линию укреплений и форты, а главнокомандующий назначил для них охрану из собственных войск. В Гайд-парке Ферфакса встретили мэр и олдермены; почтительно поздравив главнокомандующего с прибытием в Лондон, они смиренно просили их простить, если, из самых лучших побуждений и в искреннем стремлении к миру, они сделали что-нибудь не так; после чего, в знак преданности и глубокого уважения, мэр от имени Сити поднес главнокомандующему большую золотую чашу, но сохранявший угрюмый вид Ферфакс отказался ее принять и без особых церемоний распрощался с ними.

Сам же Ферфакс находился рядом с обоими спикерами; он лично препроводил их и бывших с ними членов в Палаты, где

заседали в тот момент остальные лорды и коммонеры; и как только туда вошли эти, как их еще недавно называли, «беглецы» и «бунтовщики», прежние спикеры заняли свои места и приступили к исполнению своих обязанностей, как будто никуда не удалялись. Первым же делом они призвали к себе главнокомандующего, после чего каждый спикер, от имени своей Палаты, в пространных выражениях изъясил ему признательность за великие его благодеяния и поблагодарил за то, что он предоставил защиту их особам и отстоял привилегии Парламента. Затем Палаты постановили, что отъезд их членов в армию, их пребывание там и меры самой армии правильны и законны; а некоторое время спустя приняли еще одно постановление — о том, что все, сделанное в Палатах после их ухода, противно парламентским привилегиям, незаконно, недействительно и не имеет силы. После этого Парламент объявил перерыв в своих заседаниях до следующего дня, не призвав к ответу и не наказав тех своих членов, которые не уезжали в армию.

На другой день вся армия — пехота, кавалерия и артиллерия — прошла через Сити (который по просьбе Парламента обязался быстро собрать сто тысяч фунтов для уплаты ей жалованья), и сделала это в самом строгом порядке, не причинив никому ни малейшего вреда и никого не оскорбив ни единым грубым словом, чем снижала себе репутацию превосходно дисциплинированного войска, солдаты и офицеры которого отличаются изумительной выдержкой и благонравием. Так армия проследовала через Лондонский мост в Саутворк и на отведенные ей квартиры; часть полков была расквартирована в Вестминстере, на Стренде и в Холборне, якобы для охраны Парламента, на самом же деле — чтобы присматривать за Сити. Ферфакс устроил свою главную квартиру в Челси, прочие же войска расположились между Гемптон-Кортом и Лондоном, чтобы не спускать глаз с короля; Совет офицеров и агитаторы непрерывно заседали в Фулеме и Патни, изыскивая средства к тому, чтобы сделать невозможным установление в королевстве иной формы правления, кроме угодной им самим.

Пока армия, Парламент и Сити были всецело поглощены этими делами, королю жилось в Гемптон-Корте гораздо лучше, чем в недавнее время; старшие офицеры обходились к ним куда почтительнее, чем раньше; сам Кромвель являлся к нему чаще и имел с ним более продолжительные беседы, к тому же он теперь откровеннее говорил с м-ром Ашбурнемом и уже не казался таким мрачным. Короля свободно посещали люди всякого звания, некогда

ему служившие, и он общался с ними без помех. В Гемптон-Корт толпами стекались граждане Сити, как это они обыкновенно делали в прежние времена, когда король, проведя несколько месяцев в путешествии по стране, наконец возвращался в Лондон. Более же всего Его Величество был доволен тем, что к нему теперь являлись его дети, свидания с которыми доставляли королю невыразимую радость. С того времени, как король обосновался в Гемптон-Корте, все они жили в Сионе, усадьбе графа Нортумберленда, и король мог видаться с ними, когда хотел, так что порой он приглашал их к себе в Гемптон-Корт, а иной раз сам отправлялся к ним в Сион, что стало для него великим утешением.

В этих беседах, словно предузнав все, что случится с ним впоследствии (хотя в ту пору Его Величество, разумеется, не мог предвидеть ничего подобного), король всячески старался растолковать своим детям, как им нужно будет себя вести, если его постигнет самое худшее из того, что только способна устроить или пожелать крайняя злоба его врагов; и что прежде всего они должны любить и почитать своего брата, принца Уэльского, и хранить ему непоколебимую верность. Герцогу Йорку шел тогда четырнадцатый год, и он уже был способен понять все, что считал нужным сообщить ему король, и воспринять любые его наставления. Его Величество сказал сыну, что полагает себя ныне находящимся в руках и во власти армии, Палаты же в силах сделать ему добро или причинить зло лишь постольку, поскольку это им велит или позволит армия; что за все время своего пребывания в армии он так и не смог понять, чего ему следует ожидать от офицеров, коим она беспрекословно подчиняется, однако при всех своих сомнениях и опасениях он надеется на лучшее. По этим причинам король дал сыну следующие указания и распоряжения: если в настроении армии обнаружится перемена и его, короля, лишат нынешней возможности видаться с детьми или же перестанут дозволять его друзьям посещать его столь же свободно, как они делают это теперь, то отсюда герцог Йоркский должен будет сделать вывод, что вскоре с ним, королем, станут обращаться еще хуже, и что недалек тот час, когда его отец окажется в заключении; а потому герцогу, как только он заметит подобные изменения, нужно будет задуматься о том, каким образом он мог бы вырваться из их рук и бежать на континент. Местом для жительства, советовал король сыну, ему следует избрать Голландию, где его, короля, сестра встретит его со всей сердечностью, а ее муж принц Оранский будет рад его приезду, хотя, возможно,

Генеральные Штаты и не позволят принцу обнаружить свои чувства так, как того хотел бы он сам. Король выразил желание, чтобы принц всегда помнил, что события могут принять именно такой оборот, и часто говорил с ним о тех обстоятельствах, которыми они будут сопровождаться, и о тех мерах предосторожности, которых они потребуют.

Принцесса Елизавета была младше герцога Йорка лишь на год или два. Она имела превосходные способности, отличалась большой наблюдательностью и не по годам острым умом, как это замечал король по ее рассказам о вещах и людях, с которыми ей приходилось встречаться. Его Величество объяснил дочери, что, если его постигнет самое худшее, она ни в коем случае не должна позволить выдать себя замуж иначе, как с разрешения и одобрения королевы, ее матери, и принца, ее брата; он велел ей оказывать им обоим неизменное почтение и повиновение, подчиняясь королеве во всем, кроме дел религиозных, относительно которых он приказал дочери, под угрозой лишить ее своего благословения, никогда не слушаться матери и не соглашаться с ней, но пребывать твердо в той вере, в которой ее воспитали и наставили, какие бы невзгоды и страдания ни постигли несчастную церковь в годину жестоких гонений.

Герцог Глостер, не достигший в ту пору и семи лет, был, казалось, совершенно не способен запомнить те советы и предписания, которые на самом деле, как обнаружилось впоследствии, глубоко запечатлелись в его памяти. Король дал сыну все необходимые советы в вопросах религии, наказал, невзирая на любые уговоры или угрозы, не изменять той церкви, в чьей вере, как он надеется, герцог будет надлежащим образом наставлен, и велел помнить, что надежным ручательством ее чистоты и непорочности ему должны служить свидетельство и авторитет отца. Затем Его Величество объяснил герцогу, что его малолетство и нежный возраст способны внушить некоторым людям намерение и твердую надежду превратить его в орудие и инструмент своих коварных замыслов; и что, лишив жизни его отца, они, для удобнейшего достижения собственных целей, могут возвести на престол его самого, а затем, пока возраст не позволяет ему судить и действовать самостоятельно, устранить многие преграды на своем пути, объединиться, укрепить свою власть и в конце концов убить и его тоже. А потому король, под угрозой лишить его своего благословения, приказал герцогу никогда не забывать отцовского наставления на сей счет, не соглашаться и не позволять, чтобы его сделали королем, пока жив хоть

один из его братьев, в каком бы уголке мира они ни находились; он велел герцогу Глостеру помнить, что наследовать его отцу должен, по законам божеским и человеческим, его брат, принц Уэльский, если же это окажется невозможным, то право престолонаследия перейдет к герцогу Йорку, а значит, он должен сделать все, чтобы им самим не воспользовались, дабы помешать или воспрепятствовать любому из его братьев в осуществлении их прав, что в конце концов обернулось бы и его собственной гибелью. Эти наставления король с величайшей серьезностью и настойчивостью повторял каждый раз, когда мог видеть сына, и тот запомнил их так твердо, что уже никогда не забывал. Много лет спустя, когда ему самому пришлось покинуть Англию, он рассказал мне эту историю во всех подробностях и с таким душевным волнением, что было видно, как глубоко усвоил он отцовские уроки, частью коих он как нельзя более вовремя воспользовался впоследствии, когда его пытались, и весьма энергично, склонить к измене своей церкви и к переходу, ради собственного возвышения, в католичество.

Таким образом и с такого рода мыслями употреблял король предоставленную ему меру свободы, пытаясь одновременно и хорошенько обдумать средства, к которым мог бы он прибегнуть в том случае, если события примут совсем скверный оборот, и склонить в свою пользу любезным обхождением старших офицеров, дабы улучшить нынешнее свое положение, тем более что офицеры и все вожди их партии считали, что с их стороны было бы всего разумнее и далее тешить короля подобными надеждами, предоставляя ему большую, чем прежде, свободу и с нарочитой учтивостью трактуя всех его приверженцев, чьи наивные упования, добрые отзывы и благоприятные свидетельства приносили им, как они убеждались, немало пользы как в Сити, так и в стране.

В это время лорд Кейпл (мы оставили его на Джерси), услышав о раздорах между Парламентом и армией, оставил на острове обоих своих друзей и отправился в Париж к принцу, дабы получить согласие Его Высочества на свою поездку в Англию, каковое согласие принц дал весьма охотно, прекрасно зная, что Кейпл при всякой удобной возможности постарается оказать добрые услуги его отцу-королю. Затем Кейпл направился в Зеландию: друзья посоветовали ему оставаться в тех краях, пока они не выхлопочут для него пропуск, что они и сделали с легкостью, как только он туда прибыл, и Кейпл таким образом получил право свободно жить в своем деревенском поместье, где его горячо любили; впрочем, недобрых

чувств он не вызывал нигде. Воспользовавшись тем, что теперь все могли беспрепятственно посещать короля, Кейпл явился в Гемптон-Корт к Его Величеству и представил ему подробный отчет обо всем, что происходило на Джерси до отъезда оттуда принца, о причинах, побудивших членов Совета остаться на острове, и о многих других вещах, о которых Его Величество не был прежде надлежащим образом осведомлен, так что теперь недоброжелатели канцлера Казначейства лишились всякой возможности ему навредить. Из Гемптон-Корта же король собственной рукою написал канцлеру на Джерси весьма милостивое и любезное письмо. В нем король выразил твердую надежду на заключение с армией и Парламентом такого договора, который позволит ему вскорости вновь призвать к себе канцлера и некоторых его друзей. Король также благодарил канцлера за предпринятый им труд и сообщал, что в ближайшее время тот получит от него кое-какие нужные для его работы материалы. И действительно, уже вскоре он послал канцлеру свои собственные записки (или же записи, которые велись по его приказу и были им внимательно прочитаны и исправлены), с изложением всего, что случилось с того времени, как канцлер Казначейства оставил Его Величество в Оксфорде и отбыл на запад, для службы при особе принца, и до того самого дня, когда король покинул Оксфорд и отправился к шотландцам; и, как уже говорилось выше, в изложении важнейших событий 1644 и 1645 годов мы строго следовали этим записям. Король поделился с лордом Кейплом всеми своими надеждами и опасениями, сообщил о щедрых предложениях, вновь сделанных ему шотландцами, выразил мнение, что уже вскоре между двумя государствами неизбежно начнется война, в которой шотландцы твердо рассчитывают на дружную поддержку всех английских пресвитериан, и изъявил желание, чтобы при подобных обстоятельствах его партия также взялась за оружие, иначе он не сможет ожидать для себя большой пользы от успеха шотландцев. А потому король приказал Кейплу, когда соответствующие условия будут налицо, собирать его сторонников для борьбы — что тот пообещал исполнить надлежащим образом, а впоследствии в точности сдержал слово, не остановившись перед жертвой собственной жизнью. Затем король поручил Кейплу написать канцлеру Казначейства, что как только королева или принц потребуют, чтобы тот явился к ним, он должен будет немедленно подчиниться их воле; сам же король написал королеве, что едва наступит подходящее время для участия принца в каких-либо важных делах, ей нужно

будет непременно вызвать канцлера Казначейства, дабы тот находился при особе Его Высочества. Тогда же, в предвидении могущих произойти в будущем событий, были заранее обдуманы и многие другие меры, впоследствии приведенные в исполнение.

Маркиз Ормонд, по особому приказу и распоряжению короля, находившегося тогда с шотландцами в Ньюкасле, сдал Дублин Парламенту. Случилось это после того, как ирландцы, самым бесчестным образом нарушив мир с королем и подступив со всей своей армией к Дублину, осадили город, и доведенному до последней крайности Ормонду не оставалось ничего другого, как капитулировать — сделав прежде выбор между ними и Парламентом. Узнав об этом, король решил, что город следует сдать Парламенту, что Ормонд и сделал, выговорив благоприятные условия для всех, кто сражался на стороне Его Величества. Сам же маркиз уехал в Англию и из Лондона явился в Гемптон-Корт к королю, и тот встретил его необыкновенно любезно и тепло, как человека, служившего ему с величайшим рвением и преданностью, подтверждением коих были единогласные, как ни о ком другом, свидетельства всех честных людей. Ормонд реже других обращался с какими-либо просьбами к Парламенту и армии, полагаясь на подписанные им с Парламентом статьи, согласно которым он получил право провести много месяцев в Англии, а затем — если за этот срок он не уплатит Парламенту композицию, чего маркиз никогда не собирался делать — удалиться на континент. И хотя маркиз отлично знал, как много подозрительных глаз за ним наблюдает, он часто являлся засвидетельствовать свое почтение королю, и тот с большим удовольствием с ним беседовал, убеждаясь, что Ормонд полон твердой решимости участвовать в любом смелом предприятии, способном послужить его делу — которое ни сам король, ни большинство его сторонников еще не считали тогда безнадежным. Впрочем, никто не был так щедр на заверения в своей преданности и готовности пойти на любой риск, как шотландские комиссары, которые с момента выдачи ими короля Парламенту жили в Лондоне, вели себя с обычной своей самонадеянностью, громко жаловались на дерзкий захват особы Его Величества армией и, пылко обещая, что вся их нация, как один человек, поддержит любое выступление в защиту его интересов, пытались расположить к себе всех, кого считали тогда самыми стойкими и непоколебимыми приверженцами короны. Теперь же, когда король обосновался в Гемптон-Корте, шотландские комиссары, посещая его, держались столь самоуверенно, словно

уже увезли его к себе в Эдинбург; это казалось тем более странным и наводило на мысль, что ведут они себя так неспроста, еще и по той причине, что сами эти люди, как всякому было известно, вызвали глубокую ннависть и у высших офицеров армии, и у тех, кто заправлял тогда в Парламенте. Тогда-то и был заложен фундамент Ингейджмента, договора между королем и шотландскими пресвитерианами, который стороны попытались привести в исполнение в следующем году и о котором сами шотландцы сообщили маркизу Ормонду, лорду Кейплу и еще нескольким верным людям, внушив им, однако, что условия договора не предусматривают ничего другого, кроме восстановления Его Величества во всех его правах и полномочиях.

Когда армия подавила таким образом всякое сопротивление и достигла видимого согласия с Парламентом, а дух непокорности в Сити был, казалось, сломлен и совершенно укрошен, ее обращение с королем стало менее почтительным. Старшие офицеры редко являлись в Гемптон-Корт, без прежней любезности вели себя с Ашбурнемом и Беркли, с которыми им теперь вдруг стало недосуг беседовать; когда же время для разговоров все же находилось, офицеры задавали каверзные вопросы, а сами отделивались ничего не значащими ответами. Агитаторы и офицерский совет направили королю предложения, столь же гибельные для церкви и разрушительные для монаршей власти, как и сделанные ранее Парламентом, а в некоторых отношениях еще более невыгодные и позорные для короля, заявив при этом, что если Его Величество их примет, то они обратятся к Парламенту и сделают все возможное, чтобы убедить Палаты с ними согласиться. Но Его Величество их отверг с более чем обычным негодованием и даже прямо обвинил офицеров в том, что они его обманули и, ловко внушив всему свету, будто они намерены восстановить его власть на лучших условиях, чем те, которые готов принять Парламент, добились таким образом всех своих целей. Армия сочла себя оскорбленной резким возмущением короля и заговорила с ним другим языком, нежели в предшествовавшие несколько месяцев; а те офицеры, которые воевали за короля, а затем нашли убежище и любезный прием в расположении армии, были вынуждены оставить ее квартиры. Особы, прежде относившиеся к ним доброжелательно, теперь избегали общения с ними; секвестрирование поместий кавалеров, на время приостановленное, возобновилось с невиданной ранее строгостью; у людей, объявленных делинквентами, вымогали чрезвычайно

высокие суммы композиций и при отказе платить полностью конфисковывали имущество, а их самих обрекали на жизнь посреди оскорблений и без всяких гарантий личной безопасности. Впрочем, всё это ставили в вину пресвитерианскому духу, господствовавшему в Парламенте и противному настроениям армии, и следует согласиться, что хотя Парламент и был обуздан настолько, что больше не смел порицать действия армии или жаловаться на то, что она вмешивается в решение вопроса о будущей форме правления, однако своими собственными актами и мерами Парламент, как и прежде, со всеусердием пытался ввести в стране пресвитерианский церковный строй. Всюду принуждали к принятию Ковенанта, анабаптистов и прочих сектантов, расплодившихся в великом множестве, сурово порицали, наказывали, бросали в тюрьмы, что было совсем не по нраву армии, видевшей во всем этом посягательство на свободу совести, отсутствие каковой, утверждали офицеры, явилось причиной нынешних раздоров не в меньшей степени, чем любой другой повод для недовольства.

В 1647 году, когда Парламент начал визитацию Оксфордского университета, должность его канцлера согласился принять граф Пемброк. Он дал клятву защищать права и привилегии университета, но по крайней недалекости своего ума и по жалкой угодливости нрава сделался послушным орудием в руках парламентской комиссии, которая, при участии Брента, Принна и пресвитерианских священников, вознамерилась ревизовать университет, дабы привести его внутренние порядки и, как она выражалась, ложные учения, в полное соответствие с Ковенантом. Однако университетская конвокация, к вечной славе ее членов, приняла Декларацию против Ковенанта и столь неопровержимо доказала его незаконность и порочность, что даже Собрание богословов, заседавшее тогда в Вестминстере, не посмело ей возразить. Единственным же ответом комиссаров на эту Декларацию — которая навсегда останется памятником учености, мужества и верности, выказанных Оксфордским университетом в борьбе с жестокой тиранией, — стало изгнание непокорных, иначе говоря, едва ли не всех глав и членов колледжей, и замена их удобными Парламенту людьми из числа пресвитериан.

Можно было с основанием опасаться, что столь варварское опустошение истребит ученость, благочестие и верность, коими всегда славился Оксфордский университет, превратив его в рассадник невежества, кощунства, атеизма и мятежа. Но, по изумительному благословению Божьему, богатая и благодатная почва Оксфорда превозмогла гибельные сорняки и не позволила отравленным семенам, столь усердно в нее

бросаемым, дать порочные всходы; так что когда Богу было угодно возвести на престол Карла Второго, монарх нашел университет как и прежде преизобилующим истинным знанием и преисполненным верноподданнического духа, что стало живым свидетельством милости и мудрости Господа, неизменно заботящегося о том, чтобы церковь его не одолели врата адовы — каковые никогда не распахивались шире и с большей злобой, нежели в то время. >

Эти повсеместные суровые меры разрушили все надежды короля и положили конец тишине и покою, которыми он одно время наслаждался; придумать же какое-либо средство к спасению король был бессилен. Зависимость от армии его тяготила, но он не представлял себе, как от нее избавиться и к кому он мог бы обратиться за помощью. Офицеры из приставленной к его особе охраны, которые еще недавно вели себя вежливо и почтительно с ним самим и чрезвычайно любезно обходились с его приверженцами, имевшими обыкновение являться к Его Величеству, стали теперь выражать недовольство столь частыми визитами и грубо обращаться с многими из тех, кто посещал короля. Они не позволяли гостям входить в королевские покои или, что еще хуже, бесцеремонно их оттуда выпроваживали; когда же король, видя, что происходит, досадовал на их действия, офицеров это нисколько не смущало, и они отвечали ему без прежней почтительности. Вдобавок они грубо оскорбляли шотландских комиссаров и не разрешали им говорить с королем, что вызвало протест со стороны Парламента, который хотя и устранил это препятствие, однако не заставил офицеров ни принести комиссарам извинения за прежние обиды, ни вести себя с ними сколько-нибудь любезнее. Другие же офицеры, которые желали восстановления власти короля армией (рассчитывая получить за это в награду высокие чины) и находились в самых тесных сношениях с Ашбурнемом и Беркли, раз за разом предупреждали их, что Кромвель и Айртон решили больше не доверять королю и ничего не предпринимать для его реставрации, а поскольку именно этим двоим подчинялись в армии все остальные, то, настойчиво советовали офицеры, необходимо срочно найти способ вырвать короля из их рук. Одним из лучших офицеров армии был Гентингдон, служивший в собственном кавалерийском полку Кромвеля. Последний полагался на него во всех важных делах больше, чем на любого другого человека, употреблял его в своих сношениях с королем и именно через него сообщал Его Величеству такие вещи (а Гентингдону Кромвель говорил гораздо больше, чем Ашбурнему),

которые внушали королю более всего уверенности. Сам майор верил в искренность Кромвеля, король же, полагаясь на свидетельства людей, которые, как он твердо знал, вовсе не желали ввести его в заблуждение (и свидетельства вполне заслуженные), держался высокого мнения о честности майора. И вот, заметив, что Кромвель стал говорить о короле с большей, чем прежде, холодностью, Гентингдон в весьма резких выражениях обвинил его в обмане и в том, что его самого Кромвель использовал как орудие с целью одурачить короля. И хотя Кромвель попытался его убедить, что все будет хорошо, Гентингдон сообщил Его Величеству обо всем, что успел заметить, и прямо объявил королю, что Кромвель — это злодей, который, если ему не помешать, непременно его, короля, погубит. Вскоре после этого Гентингдон вышел в отставку и больше никогда не служил в армии. Между тем сам Кромвель горько жаловался Ашбурнему, что на короля-де совершенно невозможно положиться; что Его Величество не любит армию, не доверяет ей и с подозрением относится ко всем офицерам; что он интригует с Парламентом и, желая разжечь новую смуту, ведет переговоры с пресвитерианами Сити; что он заключил соглашение с шотландскими комиссарами, дабы еще раз ввергнуть страну в кровопролитие — а потому он, Кромвель снимет с себя всякую ответственность, если, паче чаяния, случится что-то дурное. Именно это соглашение, помимо старой вражды к шотландцам, и стало причиной оскорблений, на которые жаловались комиссары; о том же, каковы были его условия, и что из всего этого вышло, будет сказано в надлежащем месте.

Глава XXV

(1647—1648)

В это время в армии возникла новая партия, приверженцы коей то ли сами себя называли, то ли согласились именоваться левеллерами. Эти особы вели дерзкие и самоуверенные речи против короля, Парламента и высших офицеров армии, выражали ко всем лордам такую же злобную ненависть, как и к королю, и заявляли, что любые различия между человеческими состояниями следует уничтожить, установив во всем королевстве полное равенство, как в правах, так и в имуществе. Был ли этот дух вызван обычным колдовством Кромвеля, дабы послужить достижению какой-то из его тогдашних целей, или вырос сам собою среди плевел, в изобилии посеянных смутой, сказать трудно; известно лишь, что в конце концов он действительно доставил Кромвелю немало хлопот, однако в самом начале Кромвель воспользовался им для того, чтобы, под предлогом подобного рода вольных речей, которые любили вести иные из караульных солдат, удвоить приставленную к особе короля охрану и ограничить доступ к нему других лиц, прежде являвшихся к королю свободно и в большом числе — и всё это под видом заботы о его безопасности и о предотвращении каких-либо насильственных посягательств на его жизнь, которых офицеры якобы всерьез опасались и о которых думали с ужасом. В то же время они не препятствовали Его Величеству совершать прогулки верхом на свежем воздухе или предаваться, по своему желанию, любым другим занятиям; ни в чем не ограничивали тех, кто служил королю в его опочивальне, и никак не стесняли его капелланов в отправлении обрядов; хотя в обращении со всеми этими особами теперь стало меньше любезности; караульные, которые несли службу всего ближе к особе короля, держались без прежней почтительности и производили больше, чем раньше, шума, притом в самые неподходящие часы. Их начальнику полковнику Уолли, человеку грубому и неотесанному, приходилось насиловать собственную природу, когда он пытался вести себя учтиво и благовоспитанно. Каждый день король получал письма или короткие записки, тайно ему передаваемые и безымянные. В них короля предупреждали о коварных замыслах устроить покушение на его жизнь, порой

советовали бежать из Гемптон-Корта и тайно отправиться в Сити, где он будет в безопасности, а в некоторых письмах даже прямо указывали дом такого-то ольдермена. Во всем этом король видел хитрые уловки с целью завлечь его в ловушку и поставить в положение, из которого ему трудно будет выбраться; однако многие из тех, кто являлся к Его Величеству, передавали точно такие же советы от лиц, чья искренность, чем бы ни руководились они в своих предостережениях, сомнений не вызывала.

Король пребывал в крайнем замешательстве, равно обескураженный тем, о чем догадывался и что замечал сам, и тем, что слышал от других людей, однако решить, как следует воспользоваться тем и другим, было чрезвычайно трудно, ведь он действительно полагал, что злоба его врагов достигла предела и они на самом деле замышляют его убить, но совершенно не представлял себе, каким образом можно было бы этому помешать. Попытка к бегству, если это последнее не удалось бы устроить с прямо-таки сверхъестественной предусмотрительностью, дала бы его врагам удобную возможность убить его якобы по неведению, возложив затем вину за случившееся на него самого; но даже если бы король сумел избежать встречи с охраной и незаметно для нее выбраться из Гемптон-Корта, то куда бы он потом направился? И где вообще могли бы его принять и защитить? Надежда на Сити казалась королю неразумной: его граждан слишком недавно привели к покорности, чтобы они успели снова обрести мужество, необходимое для столь рискованного дела; к тому же теперь армия держала в своих руках Сити гораздо тверже, нежели в тот момент, когда он пал духом и капитулировал перед ней. Есть причины думать, что король решил удалиться на континент (сделать это было бы нетрудно), но с кем именно обсуждал он способы осуществления подобного замысла, не удалось установить до сих пор; люди же, прямо прикосновенные к бегству короля из Гемптон-Корта, утверждали, что о такого рода намерении или решении им тогда ничего не было известно. Так или иначе, но утром 11 ноября (накануне вечером, сославшись на недомогание, король отправился почивать раньше обычного) вошедшие в его комнату люди обнаружили, что его там нет и что ночью он не спал в своей постели. На столе были найдены три письма, писанных его рукою, одно из них — к Парламенту, другое — к главнокомандующему; и в нем король сообщал, что причиной, побудившей его покинуть Гемптон-Корт, было опасение, что некие злодеи умышляют его убить, почему он и удалился отсюда,

с намерением скрываться до тех пор, пока Парламент не сделает ему такие предложения, которые он мог бы принять, после чего он явится открыто и с готовностью даст согласие на все, что послужит миру и счастью королевства. Также были обнаружены следы лошадиных копыт у калитки парка, в который имелся выход из покоев короля. И действительно, именно таким путем король и покинул Гемптон-Корт, распорядившись приготовить к назначенному часу лошадей и велев сэру Джону Беркли, Ашбурнему и Леггу (двое последних были его постельными) сопровождать его. По-видимому, только Ашбурнем знал, что им теперь предстоит, двое других просто получили приказ находиться при особе короля. Отъехав достаточно далеко, чтобы не опасаться встречи с охраной и с расквартированными близ Гемптон-Корта кавалеристами, они пустились на юго-запад, направляясь к той части Гемпшира, которая примыкает к Новому Лесу. Когда же они остановились недалеко от берега моря, а отсутствовавший некоторое время Ашбурнем возвратился без каких-либо известий о корабле, король показался сильно расстроенным. Обманутый в своих ожиданиях, он почел теперь за лучшее, оставляя в стороне большие дороги, направиться в Тиджфилд, великолепную усадьбу графа Саутгемптона. Сам граф был тогда в отсутствии, и в усадьбе жила его мать, пожилая леди, с небольшим семейством, что делало Тиджфилд еще более удобным убежищем. Прибыв в усадьбу, король спешил и изъявил желание поговорить с хозяйкой, которой открылся без малейших колебаний, отлично зная, что благородство и твердость духа ставят эту даму выше любого рода искушений. В ее усадьбе король немного отдохнул, после чего стал совещаться со своими слугами о том, что ему следует предпринять далее, ведь корабля на месте не оказалось, рассчитывать же на то, что они долго останутся здесь необнаруженными, не было никаких оснований.

В ходе этого обсуждения и был упомянут (как утверждают — Ашбурнемом) остров Уайт, в качестве такого места, где Его Величество мог бы безопасно находиться до тех пор, пока не сочтет нужным сообщить о своем местопребывании Парламенту. Комендантом на острове был полковник Гаммонд, один из самых близких к Кромвелю офицеров, по его совету женившийся на дочери Джона Гемпдена, память коего он благоговейно почитал, — и, однако, вследствие какой-то роковой ошибки именно Гаммонда сочли человеком достаточно честным и благородным, чтобы доверить ему особу короля. К нему и были посланы Ашбурнем и Беркли,

с приказом прежде всего прочего взять с коменданта твердое обещание, что он не выдаст Его Величество, даже если Парламент или армия этого потребуют, но — если сам окажется не в состоянии его защитить — предоставит королю полную свободу действовать по своему усмотрению; буде же Гаммонд не пожелает дать такого обещания, Ашбурнему и Беркли надлежит немедленно возвратиться, не открывая коменданту местопребывания Его Величества. С таким поручением они переправились через залив на остров Уайт, король же в это время отдыхал в Тиджфилде. На следующий день они отыскали полковника Гаммонда, с которым уже были знакомы: он имел с ними беседы в расположении армии в ту пору, когда с королем там обходились довольно учтиво (а сами Ашбурнем и Беркли встречали чрезвычайно любезное обращение со стороны большинства офицеров, полагавших себя вполне достойными будущих милостей двора в виде высоких чинов и званий). Они сообщили Гаммонду, что король покинул армию, отчего полковник, по-видимому, ничего об этом не знавший, пришел в крайнее изумление. Король, продолжали Ашбурнем и Беркли, знает его как джентльмена и родственника д-ра Гаммонда (коему полковник приходился племянником) и держится о нем столь высокого мнения, что готов доверить ему свою особу и хотел бы написать отсюда к Парламенту, при условии, что комендант пообещает, если послание короля не возымеет того действия, на которое он рассчитывает, позволить ему отправиться туда, куда сам король найдет нужным, и не выдавать его Парламенту или армии, пусть даже они этого потребуют. Полковник ответил, что он готов, насколько это будет в его силах, оказать Его Величеству все почести и услуги, и если королю угодно будет сюда явиться, он встретит и примет его так любезно, как только сможет; однако сам он — лишь младший офицер, обязанный повиноваться своим начальникам во всем, что они найдут нужным ему приказать; после чего, заметив, что его слова не понравились собеседникам, Гаммонд спросил, где находится король. Единственным ответом Ашбурнема и Беркли на этот вопрос было обещание передать ответ полковника Его Величеству и, если он удовлетворит короля, вновь приехать на остров. Тогда Гаммонд предложил, чтобы м-р Ашбурнем остался с ним, а его спутник отправился к королю один, однако м-р Ашбурнем отказался это сделать.

Спор продолжался еще некоторое время, но когда Гаммонд в пространных выражениях заверил их в своей готовности оказать Его Величеству любые услуги, они согласились, чтобы он ехал

вместе с ними. Ашбурнем пообещал доставить его туда, где находится король, Гаммонд велел нескольким слугам или солдатам следовать за ним, после чего все они вместе отправились в Тиджфилд. В комнату к королю поднялся Ашбурнем, прочие остались ждать внизу. Когда же Ашбурнем рассказал обо всем королю и сообщил, что Гаммонд уже в усадьбе, Его Величество пришел в крайнее волнение и с гневом воскликнул: «Ты погубил меня, Джек!» Ашбурнем в смятении разрыдался, после чего изъявил готовность убить Гаммонда, однако Его Величество на это не согласился. После некоторых колебаний и размышлений король приказал впустить Гаммонда и попытался добиться от него того самого обещания, которое ему уже предлагали дать Ашбурнем и Беркли, на что Гаммонд дал прежний ответ, сопроводив его, однако, многословными заверениями в своей готовности сделать для Его Величества все, что будет в его силах. Король пришел к выводу, что у него нет теперь никакой возможности уйти от Гаммонда, ведь тот, как старший воинский начальник в этих краях, мог призвать себе в помощь кого угодно, а потому отправился с ним на остров Уайт и был поселен в Карисбрук-касле, где поначалу ему оказывали все мыслимые знаки почтения и уважения.

Впоследствии не обнаружилось никаких оснований полагать, будто к этому злосчастному путешествию Его Величество подтолкнули предательские козни лиц, пользовавшихся его доверием, и сам король никогда не высказывал ни малейших подозрений на сей счет. И, однако, обстоятельства бегства короля из Гемптон-Корта, столь плохо задуманного и бестолково осуществленного — в самом деле, корабль для отплытия на континент (если таков был первоначальный план, что вовсе не очевидно) отсутствовал, убежищем был почему-то избран остров Уайт, коменданта Гаммонда, без разрешения короля и вопреки его прямому приказу, привезли в Тиджфилд — склонили многих к мысли, что либо здесь имела место измена, либо те особы, которым доверился тогда король, сами были одурачены его врагами. Впрочем, Легга, имевшего твердую репутацию человека честного и беззаветно преданного своему господину, никогда ни в чем не обвиняли; в конце концов, он лишь в точности исполнял чужие приказы, и хотя умом и проницательностью Легг превосходил Ашбурнема и Беркли, чрезмерная скромность не позволяла ему подавать собственные советы. Беркли был крайне честолюбив и тщеславен, имел о себе чрезвычайно высокое мнение и не любил общаться с теми, кто этого мнения не разделял. Его, однако, никогда не подозревали в вероломстве, а сам Беркли потрудился

довести до всеобщего сведения, что о плане бегства из Гемптон-Корта он ничего заранее не знал, ибо в тот момент, когда ему велели сесть на лошадь и следовать за Его Величеством, он не имел представления о том, что король намерен делать дальше. Еще одно обстоятельство (о котором сообщил Гаммонд) даже делает Беркли честь: когда комендант предложил Ашбурнему остаться с ним на острове, пока его спутник отправится к королю в Тиджфилд, и Ашбурнем подобное предложение отклонил, Беркли изъявил готовность это сделать. Таким образом, все упреки, связанные с этой историей, неизбежно падают на Ашбурнема — как на человека, который пользовался величайшей симпатией и абсолютным доверием Его Величества, имел громадное влияние на все его планы и, следовательно, должен был знать, какими именно мотивами руководствовался тогда король.

То, что корабль для короля (если его действительно собирались найти) не был подготовлен, как и то, что короля, вопреки его собственным прямым инструкциям, передали в руки Гаммонда, суть ошибки совершенно непростительные. Иные утверждали, что Ашбурнем выбрал остров Уайт еще до оставления королем Гемптон-Корта, а лорд Лангдейл часто рассказывал, как однажды, находясь в комнате Ашбурнема в отсутствие хозяина, он имел любопытство взглянуть на какую-то бумагу, лежавшую на столе, а в ней было написано, что королю следует покинуть армию, где ему угрожает опасность, и что лучшим для него убежищем был бы остров Уайт, комендант коего полковник Гаммонд — человек честный. Случилось это за несколько дней до оставления королем Гемптон-Корта; примерно тогда же из расположения армии на остров Уайт, не имея к тому каких-либо видимых причин, прибыл и Гаммонд. Все это казалось тем более странным, что Ашбурнема — человека, непосредственно причастного к бегству короля, — никто впоследствии на сей счет не допрашивал; он продолжал общаться с теми самыми офицерами, которые его обманули, а после злодейского убийства Его Величества уплатил Парламенту компенсацию (за это его особенно осуждали), притом, как говорят, довольно умеренную, и много лет подряд преспокойно жил в Англии, никем не тревожимый.

С другой стороны, Ашбурнем сохранил доброе имя в глазах виднейших сторонников короля, в Англии он остался по причине женитьбы, принесшей ему огромное состояние (предварительно испросив у Его Величества дозволение не покидать страну), и не раз посылал королю значительные суммы. Впоследствии Кромвель заключил его в Тауэр, где он и находился до смерти протектора, а король до конца дней сохранил твердое убеждение в честности Ашбурнема. Когда же в Англию

возвратился король Карл Второй, самые уважаемые особы, в том числе маркиз Гертфорд и граф Саутгемптон, засвидетельствовали его преданность монарху. Тем не менее прежние толки возобновились, а майор Гентингдон заявил, что м-р Ашбурнем еще до оставления королем Гемптон-Корта намеревался увезти его на остров Уайт. Многие из тех, кто не сомневался в верности Ашбурнема, полагали, что Кромвель и Айртон не подкупили, а попросту обманули его, коварно внушив ему, что король должен поскорее вырваться из рук армии и предать себя в руки Гаммонда.

Вскоре по прибытии короля на Уайт сэр Джон Беркли уехал во Францию, где и находился при особе герцога Йорка вплоть до возвращения в Англию короля Карла Второго; после чего оба, и Ашбурнем, и Беркли, выступили с оправданием своих тогдашних действий, причем каждый попытался отчасти переложить на другого ответственность за печальный исход дела, а их друзья шли в подобных обвинениях еще дальше. Поэтому все ожидали, что они обрушатся с жестокими упреками друг на друга или же попросят короля провести тщательное расследование, дабы установить, кто был истинным виновником случившегося. Однако ни того ни другого они не сделали, а просто перестали между собою общаться; король же, удовлетворившись тем, что изменнического умысла в этом деле не было, не почел за нужное входить в строгий разбор совершенных ими ошибок.

Оба представили письменные апологии своих действий и познакомили с ними тех из друзей, чье мнение было им особенно дорого. Рассказы Ашбурнема и Беркли содержат в себе несущественные расхождения в описании отдельных обстоятельств, однако ни один из них не пытался заронить хотя бы малейшее сомнение в честности другого, а главное — не давал объяснения того, что же именно побудило короля покинуть Гемптон-Корт. Я читал эти апологии, много беседовал с их авторами и должен заявить, что их преданность королю для меня совершенно очевидна. И Ашбурнем, и Беркли были люди упрямые, твердо убежденные в своем умственном превосходстве над другими, и в то же время — нерешительные, подверженные посторонним влияниям и крайне легковверные. У каждого из них, когда они прибыли в армию, был собственный круг общения. Ашбурнем, по-видимому, полагался главным образом на Кромвеля и Айртона, а те, хотя и обходились с ним чрезвычайно любезно, уверяли его, что им, дабы не возбуждать подозрений Парламента, будет разумнее, избегая бесед с глазу на глаз, поддерживать сношения через третьих лиц. Одним из таковых был сэр Эдуард, служивший в армии короля с самого начала войны и женатый

на сестре Айртона — человек благонамеренный, но совершенно неспособный разгадать коварные замыслы своего деверя.

Беркли же не встретил со стороны Кромвеля и Айртона тех знаков уважения, на которые рассчитывал, и, объяснив это их недалекостью, обратился к другим людям, занимавшим не столь видное положение, но, как казалось самому Беркли, более влиятельным в солдатской среде: д-ру Стензу (сей доктор медицины стал генерал-квартирмейстером армии) и главе разведки армии Уотсону. Оба они были известными фанатиками, врагами пресвитериан и членами Военного совета, а кроме того, пользовались доверием Кромвеля, по указанию коего и принялись усердно обхаживать Беркли, превознося до небес его ум и полководческий талант, чем без труда расположили к себе тщеславного сэра Джона. Они рассказывали ему о заседаниях офицерского совета, и полученные от них сведения часто противоречили сообщениям Ашбурнема; по-видимому, именно Стенз и Уотсон первыми стали внушать королю (через посредство Беркли), что ему не следует ждать от Кромвеля никаких услуг и что на его жизнь готовится покушение.

Я не думаю, что Беркли было известно, какие дальнейшие планы имел король, готовясь бежать из Гемптон-Корта; и, сказать по правде, я не уверен, что сам король, садясь на лошадь, твердо знал, что он будет делать теперь. Некоторые полагают, что он хотел направиться в Сити, другим кажется, что целью его был остров Джерси (почему король и спросил Ашбурнема: «А где же корабль?»), достоверно одно — искать убежища на острове Уайт король никогда не думал. И мне представляется, что Ашбурнем — который еще не оставил надежд на офицеров, так как считал, что перемена к худшему в отношении армии к королю вызвана злобой агитаторов и левеллеров — мог иметь в виду Уайт с самого начала, то есть с того момента, когда король счел необходимым бежать из расположения армии; рассеять же его страхи было очень трудно, ведь в ту пору со стороны Его Величества и в самом деле было гораздо естественнее опасаться убийства, нежели того, что его враги совершили впоследствии. Далее, Ашбурнем питал столь глубокое отвращение к шотландцам, что не ждал ничего доброго и от их собратьев, пресвитериан Сити, и всячески отговаривал короля от мысли искать убежища у этих последних (к чему многие склоняли Его Величество); а его ненависть к шотландцам и пресвитерианам, всем хорошо известная, была одной из причин любезного обхождения с ним армейской верхушки. Офицеры часто жаловались Ашбурнему на овладевший солдатами левеллерский дух, который, твердили они, представляет ныне опасность для короля, а в будущем может обернуться серьезной угрозой для них самих; и внушали

ему, что побороть этот дух, пока король находится в армии, им не под силу, но если Его Величество окажется в каком-то другом месте, то они быстро приведут солдат к повиновению. Не исключено, что в одной из подобных бесед кто-то из офицеров упомянул остров Уайт как надежное убежище, а полковника Гаммонда — как человека честного и благонамеренного, а запись этого разговора, сделанная Ашбурнемом, и попалась на глаза лорду Лангдейлу. Однако сам Ашбурнем неизменно утверждал, что такой бумаги никогда не видел и что он не имел в виду остров Уайт в тот момент, когда король покидал Гемптон-Корт; последующие же события его жизни не позволяют нам усомниться в его преданности королю. А потому весьма вероятно, что Кромвель, который ненавидел Ашбурнема, несколько лет спустя посадил его в Тауэр и замыслил убить, желал уничтожить его репутацию, внушив всем мысль, будто Ашбурнем по собственному почину и без ведома своего господина привез его на Уайт — ведь такой поступок, пусть даже совершенный с самыми благими намерениями, выглядел бы в глазах англичан как чудовищное преступление. >

Внезапный и неожиданный отъезд короля из Гемптон-Корта произвел сильнейшее впечатление на умы, и теперь каждый строил догадки о дальнейших действиях Его Величества, исходя при этом из своих собственных желаний. Пресвитериане воображали, что король укрылся в Сити (неосновательно полагая, что сделать это ему было бы нетрудно) и выжидает подходящего момента, чтобы, воспользовавшись новым разрывом между Парламентом и армией, а также бесконечными раздорами в самой армии, выступить открыто. Кавалеры надеялись, что он удалился на континент, где будет спокойно ждать таких перемен в Англии, которые сделают возможным его скорое возвращение. Армия же сильно опасалась подобного шага с его стороны, как самого худшего, что только могло случиться с точки зрения ее собственных целей и интересов.

Парламент, а вернее, та его часть, которая поддерживала армию, была чрезвычайно напугана предположением, что король находится в Сити и намерен таиться там до тех пор, пока не будет подготовлен некий заговор и все его приверженцы не соберутся в Лондоне, чтобы принять в нем участие. А потому, узнав об отъезде короля из Гемптон-Корта, обе Палаты немедленно приняли ордонанс, в котором объявили, что всякого, кто осмелится предоставить королю приют и убежище в собственном доме, не сообщив и дав знать о том Парламенту, ожидают конфискация имущества

и смертная казнь — чем, несомненно, привели всех граждан Сити в такой ужас, что если бы король действительно скрывался среди них, то его бы очень быстро нашли и выдали Парламенту. Палаты велели устроить обыски в домах некоторых видных пресвитериан (словно были уверены, что король находится у кого-то из них); и спешно послали во все порты королевства приказы об их закрытии и о запрете кому-либо садиться на судно и покидать Англию, чтобы король, даже изменив внешность, не смог ускользнуть из страны. Также была издана прокламация о высылке из Лондона и из любого места, находящегося в пределах двадцати миль от него, всех, кто когда-либо поднимал оружие за короля; таких людей усердно искали, тех же, кого удавалось найти, брали под стражу и бросали в тюрьмы, где они подвергались самому жестокому и суровому обращению. Но все эти сомнения быстро рассеялись, и уже через два дня Кромвель уведомил Палату общин, что им получено письмо от полковника Гаммонда с подробным описанием того, каким образом король прибыл на остров Уайт и кто его сопровождал; и что король будет находиться в замке Карисбрук, пока не станет известна воля Парламента; само же это донесение было составлено от начала до конца в таком на удивление веселом тоне, что все пришли к выводу: король оказался именно там, где его хотел видеть Кромвель.

Теперь Парламент уже ни о чем не спорил с армией, но безропотно соглашался с любыми ее предложениями. Пресвитериан обеих Палат и Сити терзал мучительный страх при мысли о том, что кое-какие подробности их тесных сношений с королем во время его пребывания в Гемптон-Корте могут выйти наружу, а потому они не желали давать армии новых поводов для подозрений какими-либо протестами, предоставив своим священникам речами с церковных кафедр поддерживать жар в сердцах народа, чем те и занимались с великим усердием.

У Кромвеля, однако, имелось теперь больше оснований опасаться, что огонь может вспыхнуть в его собственном лагере, и тот дух, который он же и возбудил в армии, окажется совсем непросто усмирить. Агитаторы, с самого начала бывшие творением и орудием Кромвеля, должны были, по его мысли, бороться с Парламентом, противиться роковому для армии решению Палат о ее роспуске, а также следить, чтобы вялость и нерешительность сочувствовавшего пресвитерианам главнокомандующего не обернулись каким-нибудь неудобством или вредом; сами они отнюдь не желали того,

чего втайне добивался Кромвель, но благодаря, среди прочего, их действиям все произошло именно так, как он хотел. Прежде эти агитаторы, неукоснительно следуя письменным инструкциям Кромвеля, давали Парламенту такие советы, обращались к нему с такими упреками и настаивали на таких требованиях, какие казались необходимыми в условиях, когда ни вступать в переговоры с королем, ни обхаживать его партию не было ни малейшего смысла и основания. Теперь же, когда покинувший армию король находился там, где она больше не могла иметь к нему прямого доступа, а Парламент присмирел настолько, что заседавшие в нем сторонники армии могли без труда добиться всего, что им было нужно, Кромвель решил ограничить свободу действий, коей так долго пользовались агитаторы, принудить их к более строгому повиновению начальникам и помешать им впредь устраивать сходки и проводить совещания о будущем образе правления королевства — чем, по его мнению, должен был теперь заниматься единственно лишь Парламент, власть которого Кромвель в тот момент полагал целесообразным поддерживать, рассчитывая с ее помощью осуществить все свои замыслы. Но агитаторы уже успели войти во вкус, и отстранение от всякого участия в государственных делах им отнюдь не улыбалось; вдобавок он не хотели оказаться в полной власти Парламента, до крайности раздраженного прежними их действиями, а потому когда их перестали допускать на совместные совещания с офицерами, агитаторы продолжали свои сходки без них и пришли к выводу, что офицерский корпус нуждается в преобразовании ничуть не меньше, чем прочие части государственного и церковного устройства. Они составили между собой новые союзы и не раз подавали своим офицерам и Парламенту предложения ввести в Англии равенство всех состояний и уничтожить любые различия между людьми, почему эту партию, казавшуюся весьма влиятельной, и называли левеллерами. Они не только устраивали сходки вопреки прямому запрету офицеров, но и, без ведома и без разрешения своих начальников, созывали в одном месте по несколько армейских частей, убеждая участников подобных собраний заключать между собой такие соглашения, которые уже в самом скором времени сделали бы совершенно невозможным управление армией и освободили бы солдат от подчинения генералам. Чтобы покончить с этими беспорядками, Кромвелю пришлось пустить в ход всю свою хитрость, ловкость и храбрость. Льстивыми и лицемерными речами он внушал Парламенту, будто единственное, о чем

он теперь радуется и чего от всего сердца желает, — это защитить власть Палат, к армейским же заговорщикам он подсылал своих людей, которые притворялись единомышленниками левеллеров; получив таким образом сведения об очередной сходке мятежных полков, Кромвель, сопровождаемый единственно лишь личной охраной, внезапно появлялся на подобных сборищах, быстро находил самых буйных смутьянов, властным и решительным тоном задавал им вопросы и, получив дерзкие ответы, бил их кулаком по голове, после чего атаковал остальных во главе собственного эскадрона и хватал стольких солдат, сколько находил нужным; некоторых из них тут же вешали по его приказу, прочих отсылали в Лондон для более упорядоченного суда. После двух-трех подобных столкновений (ибо левеллеры долго не желали покориться) Кромвель совершенно истребил в армии мятежный дух, хотя в королевстве этот последний сохранился и даже весьма окреп и, если бы не вставшая в тот момент на его пути суровая решимость Кромвеля, он смог бы очень быстро свергнуть Парламент, армию и королевство в страшную смуту.

Когда всякое сопротивление было таким образом подавлено и усмирено, и Кромвелю для осуществления его планов больше не требовалось иной поддержки, кроме настроений и желаний, уже господствовавших в Парламенте, Палаты направили краткое послание королю с предложением немедленно дать свою монаршую санкцию на четыре представленные ему парламентские акта. Согласно первому из них, король должен был признать, что он начал войну против Парламента, а стало быть, на нем и лежит вина за всю пролитую кровь. Согласно второму, королю следовало полностью упразднить систему управления церковью посредством епископов, отложив до будущих времен решение вопроса о новом церковном строе, и дать санкцию на то, чтобы распоряжение всеми принадлежащими церкви землями осуществлялось так, как предлагают Палаты. Согласно третьему биллю, он должен был поручить и передать начальство над милицией тем особам, которых назначит Парламент, оставив за собой не больше военной власти, чем имел ее любой из его подданных. Наконец, он должен был по сути дела принести в жертву всех, кто сохранил ему верность и сражался за него, отдав этих людей в руки Парламенту.

Прибывшие с этими четырьмя биллями лица имели право ждать королевского ответа только четыре дня, по истечении которых им надлежало возвратиться в Парламент. С парламентскими

комиссарами явились также комиссары шотландские, и уже на другой день после того, как королю были вручены и зачитаны четыре билля, они попросили об аудиенции, на которой с большой торжественностью и твердостью огласили от имени королевства Шотландии декларацию и протест против упомянутых биллей и предложений. Эти билли, было сказано шотландцами, наносят такой ущерб религии и короне, а также интересам обоих королевств и союзу между ними, и настолько противоречат прежним мерам и взаимным обязательствам королевств Англии и Шотландии, то они, комиссары, никак не могут их одобрить, а потому, от имени всего королевства Шотландского, заявляют о своем несогласии.

Несколько ранее король был предупрежден, что как только он откажется утвердить билли, его немедленно подвергнут строгому заключению и удалят всех его слуг; и тогда (приняв также в расчет, что парламентские комиссары не имели полномочий вести с ним какие-либо переговоры, а должны были лишь получить от него определенный ответ) король решил сделать так, чтобы его ответ на билли стал известен не прежде, чем его огласят в Парламенте — в надежде, что за это время, иначе говоря, еще до того, как из Вестминстера успеют прислать новые распоряжения на остров Уайт, ему удастся устроить побег. И вот, когда парламентские комиссары явились к нему за ответом, король подал им запечатанный пакет. Старший из комиссаров граф Денби (король очень недолюбливал этого человека) объявил, что хотя они, комиссары, и не вправе вступать с королем в переговоры и уполномочены лишь получить от него ответ, однако на них не следует смотреть как на обыкновенных посыльных, обязанных доставить ответ, даже не видев его. Денби решительно отказался принять пакет, заявив, что если комиссарам не позволят увидеть, что они везут, то они уедут без всякого ответа.

Рассудив, что возвращение комиссаров без всякого ответа может обернуться самыми скверными последствиями, Его Величество сказал им, что у него имелись известные причины желать, чтобы ответ был вручен им именно в таком виде, но если они дадут слово, что оглашение ответа не нанесет ему, королю, никакого ущерба, то он распечатает пакет и велит прочесть ответ. Комиссары охотно в этом поручились, и тогда король распечатал свой ответ и распорядился его зачитать. Его Величество, говорилось в нем, всегда полагал, что удовлетворить все заинтересованные стороны таким

образом, чтобы из этого воспоследовал прочный и продолжительный мир, чрезвычайно трудно, в каковом мнении он еще сильнее укрепился ныне, ибо шотландские комиссары заявили торжественный протест против биллей и предложений, представленных ему на утверждение обеими Палатами Парламента, так что он не в силах дать такой ответ, который мог бы стать основанием для надежд на мир. Король привел множество неопровержимых доводов в объяснение того, почему он не может одобрить предложенные ему четыре билля, которые не только совершенно лишат его монаршего суверенитета и отнимут у него самого и его преемников всякую возможность этот суверенитет возвратить, но и, если он предоставит обеим Палатам столь безграничную деспотическую власть, откроют дорогу для невыносимо жестокого тиранства по отношению к его подданным. Король объявил комиссарам, что ни желание выйти из тяжелого и мучительного положения, которое ему так долго приходится терпеть, ни любые опасения того, что могло бы постигнуть его в будущем, никогда не заставят его утвердить какой-либо парламентский акт прежде, чем стороны договорятся об условиях мира, после чего он выкажет полную готовность дать Парламенту справедливое и разумное удовлетворение по всем пунктам; достигнуть же всего этого можно, по его убеждению, только одним способом — через прямые личные переговоры в Лондоне или в любом другом угодном Парламенту месте, а потому он настойчиво требует согласия на них от обеих Палат. Как только этот (или, во всяком случае, именно такой по смыслу) ответ был зачитан, его вручили комиссарам, и те, получив его и поцеловав руку Его Величества, немедленно отбыли в Вестминстер. Едва комиссары удалились, Гаммонд приказал выслать из замка всех слуг короля, до сих пор без малейших стеснений находившихся при его особе, запретил им вновь появляться в Карисбруке и выставил сильные караулы, чтобы, если кто-нибудь из слуг попытается проникнуть к королю, он уже не смог это сделать. Столь внезапные меры, совершенно разрушившие все надежды, которые еще оставались у короля, до крайности его смутили и встревожили. Король сказал Гаммонду, что такие действия противоречат его обещанию и что человеку честному и благородному не подобает так обращаться с тем, кто добровольно предал себя в его руки. Король также спросил, были ли комиссары уведомлены о том, что он собирается поступить подобным образом; на что Гаммонд ответил отрицательно, добавив, что он получил от Парламента приказ сделать именно то,

что было им сделано, и что из ответа короля на предложения Палат ему, Гаммонду, стало совершенно ясно, что в своих действиях король руководится иными планами, нежели те, которые могли бы послужить благу королевства.

Эти дерзкие и незаконные меры вызвали открытый мятеж на острове, жители коего в большинстве своем всегда стояли за корону. Мы не потерпим, твердили они, чтобы с нашим королем обращались подобным образом и держали его в заточении. На Уайте в тот момент оказался капитан Берли. Он происходил из почтенного местного семейства, в свое время был капитаном на одном из королевских кораблей, а когда флот взбунтовался против короля, изгнанный мятежниками Берли пошел служить Его Величеству на суше и, командуя артиллерией в одной из армий короля, до конца войны сохранял репутацию отличного офицера. По завершении военных действий Берли вернулся на родной остров, где многие члены его фамилии по-прежнему пользовались большим уважением. Случилось так, что когда король подвергся вышеописанному обращению, упомянутый джентльмен оказался в Ньюпорте, главном городе острова. Гнев и возмущение овладели тогда большинством местных жителей, Берли также пришел в ярость и до такой степени, что, отличаясь скорее храбростью, нежели благоразумием и осторожностью, тотчас же приказал бить в барабан, стал во главе собравшейся толпы, воскликнул «За Бога, короля и народ!», после чего объявил, что поведет земляков штурмовать замок, дабы выволить короля из плена. Впрочем, безрассудство и неосуществимость этого замысла обнаружили довольно скоро, и благодаря деятельным усилиям королевских слуг, недавно удаленных из замка, толпу удалось успокоить, так что все разошлись по домам, однако несчастный джентльмен дорого заплатил за свою верность, выказанную столь неразумно и опрометчиво. Гаммонд велел немедленно его арестовать, а Парламент тотчас же послал на Уайт особую комиссию во главе с судьей Уайлдом, бесчестным человеком, коего Парламент именно для такого рода дел и назначил в свое время первым бароном Суда казначейства. По его распоряжению бедного Берли, с соблюдением всех юридических формальностей, обвинили в государственной измене, поскольку он-де развязал войну против короля и вверг в новую войну королевство, в чем его и признали виновным подобранные комиссией присяжные. Судья вынес ему приговор, и этот честный человек был немедленно повешен, выпотрошен и четвертован самым жестоким

и варварским образом, что внушило всем неописуемый ужас, ведь это был первый случай, когда Парламент обвинил кого-либо за верность королю в государственной измене, с соблюдением всех процессуальных форм привлек обвиняемого к суду и лишил его жизни. Прецедент этот произвел гораздо более глубокое впечатление на умы, чем все прежние жестокости, совершенные военными трибуналами, которые хотя и погубили немало невинных людей, по крайней мере, оставляли имущество жертв во владении их жен и детей. Теперь же, когда англичане ясно увидели, что давший присягу судья может признать их виновными в государственной измене за верную службу королю, следствием чего станет конфискация имущества, они сочли себя вправе, сохраняя преданность королю в своих сердцах, воздерживаться от таких действий, которые могли бы обернуться для них смертным приговором.

Между тем в Палате общин после получения ею королевского ответа обнаружились новые настроения и новый дух. Прежде ни единый из коммонеров не отзывался об особе короля без должного уважения и почтительности, а сетовали общины лишь на то, что злые и порочные советники сбили Его Величество с пути; при этом предполагалось, что по удалении таковых король, следуя советам Парламента, сможет править достаточно хорошо. Теперь же, после его отказа утвердить упомянутые билли, все стали говорить о короле с величайшей дерзостью, и каждый старался превзойти прочих в бесстыдстве и злобе своих поношений. Кромвель заявил в Парламенте, что король обладает большими дарованиями и глубоким умом (качества, которые до сих пор его враги пытались за ним отрицать), однако до такой степени лицемерен и лжив, что доверять ему нельзя. Затем Кромвель рассказал несколько историй, якобы случившихся в бытность его в армии, когда король требовал сделать то-то и то-то, его желания удовлетворялись, после чего он вдруг начинал жаловаться и выражать недовольство. Его Величество, продолжал Кромвель, со всей торжественностью заявил, что всецело полагается на Парламент и только от его мудрых советов чает разрешения всех споров и прекращения смут в королевстве — и в то же время, желая вовлечь государство в новую войну и уничтожить Парламент, он вступил в тайные переговоры с шотландцами. Палаты, заключил Кромвель, могут более не утруждать себя направлением королю новых посланий и предложений, но самостоятельно, не обращаясь в дальнейшем к Его Величеству, принять меры, необходимые для умиротворения королевства.

Приспешники Кромвеля поддержали это мнение новым потоком брани по адресу короля, обвинив его в таких отвратительных поступках, о которых прежде никто от них не слышал и которые могли быть лишь фантазиями, порожденными злобой их собственных сердец; тогда как люди, сохранившие хоть какое-то чувство стыда, которым подобный образ действий внушал глубокое отвращение, были совершенно ошеломлены и обескуражены этой наглой дерзостью и не нашли в себе мужества, чтобы по-настоящему противостоять бешенству партии Кромвеля. В конце концов, после занявших несколько дней жарких споров по этому вопросу, Парламент постановил, что впредь он не будет обращаться к королю, но учредит порядок управления в королевстве и позаботится о его умиротворении с помощью таких мер, которые сам сочтет всего более соответствующими благу и свободе подданных. Особому комитету поручалось подготовить декларацию, дабы сообщить народу об этом решении Палат, убедить в его правильности, разъяснить его причины и заверить англичан, что Парламент имеет законное право действовать подобным образом.

Между тем королю — а со времени своего прибытия на Уайт он без всяких стеснений пользовался свежим воздухом, совершал для отдыха прогулки в любой части острова и имел при себе слуг, им самим ранее назначенных или явившихся на Уайт по его распоряжению, — после его отказа дать согласие на упомянутые билли уже не позволяли выходить из замка куда-либо, кроме прилежавшего к Карисбруку небольшого сада. Теперь же, когда Палата общин постановила прекратить всякие сношения с королем, всех его слуг удалили, а к его особе, для исполнения тех обязанностей, которые Палаты считали необходимыми, приставили новых людей, по большей части не известных Его Величеству, в верности коих Парламент мог не сомневаться уже потому, что эти лица не испытывали к королю не малейшего уважения или привязанности.

Достоверно известно, что через несколько дней после отъезда короля из Гемптон-Корта (и когда уже все знали, что находится он на острове Уайт), в Виндзоре собрались Кромвель, Айртон и другие старшие офицеры, дабы определить, что делать с королем. Ибо хотя Кромвель, до крайности раздраженный действиями агитаторов, твердо решил положить конец их сходкам, и хотя Парламент покорно исполнял все его желания, однако полное доверие Кромвель имел лишь к своим офицерам, которые, собственно, и держали

в руках и Парламент, и армию, а потому могли обеспечить осуществление всех его замыслов. На этом совещании (а им неизменно предшествовали посты и молитвы, возносимые, прямо на заседаниях военного совета, Кромвелем, Айртоном или какой-нибудь другой из вдохновенной свыше особ, к числу коих принадлежало большинство офицеров) и было решено привлечь короля к суду как преступника, чьи деяния заслуживают смертной казни — о чем королю немедленно сообщил присутствовавший на собрании генерал-квартирмейстер Уотсон, который еще по прибытии короля в армию изъявил желание оказывать ему услуги и очень хотел, чтобы король по-прежнему считал его своим верным слугой. Однако решение это хранилось в глубокой тайне, и Парламент совершенно о нем не подозревал и не догадывался: офицеры рассчитывали пустить в ход хитрость и обман, дабы (как это им уже однажды удалось) исподволь и постепенно подтолкнуть Парламент к таким действиям, которые сами Палаты никогда не собирались совершать. Впрочем, убедить Его Величество в правдивости слов Уотсона было очень трудно, ибо хотя король ожидал и полагал вполне вероятным, что враги попытаются его убить, он просто не мог поверить, что они решатся сделать это с соблюдением законных форм или посмеют открыть свои планы народу. Так или иначе, но декларация о прекращении сношений с королем стала громадным шагом на пути к их осуществлению, ведь во время этого своего рода междоусобия враги короля получили возможность прощупать настроения народа и выяснить, насколько он готов подчиниться иной форме правления. Тем не менее все выборы, все судебные процессы, все назначения по-прежнему производились именем короля (без его ведома и согласия), а едва ли не единственной переменной или различием было то, что совершавшееся ранее самими королем или по его прямому приказу, делалось теперь Парламентом, а вместо парламентских актов обе Палаты принимали ордонансы, которые превосходно служили всем их целям и которым народ повиновался с прежней покорностью.

Декларация о не-обращении ставила в вину королю все ошибочные и неудачные меры, принятые после начала его царствования и еще раньше; более того, в ней прямо утверждалось, будто король, в сговоре с герцогом Бекингемом, умышлял против жизни собственного отца, а предоставив английские корабли королю Франции, который использовал их затем против Ла-Рошели, нанес удар

протестантской религии за границей; авторы Декларации не преминули вспомнить и злобно перечислить все жалобы, включенные еще в первую ремонстрацию Парламента о состоянии королевства, и повторить все клеветнические измышления из всех парламентских деклараций, изданных до и после начала войны (на каждую из них Его Величество уже успел ответить столь обстоятельно, что весь свет ясно убедился в измене и мятеже Парламента); наконец, Палаты объявили короля повинным во всей пролитой крови, поскольку он-де начал войну против Парламента и отверг все сделанные ему мирные предложения, по каковым причинам, говорилось в Декларации, Палаты и решили более не обращаться к королю, но, действуя собственной властью, обеспечить мир и благополучие королевства.

Эта Декларация встретила сильное сопротивление в Палате общин, поскольку целый ряд действий, за которые теперь осуждали самого короля, в прежних декларациях Парламента, обращенных к народу, ставились в вину дурным советникам и прочим лицам, находившимся при особе короля, а иным из них суд уже успел вынести приговор за те самые преступления, в которых ныне обвиняли Его Величество. Но еще больше возражений вызвал сделанный из вышеизложенных посылок вывод, а именно отказ Парламента от дальнейших сношений с королем, и Джон Мейнард, член Палаты и выдающийся юрист, который прежде слишком усердно поддерживал и безоговорочно одобрял незаконные и несправедливые меры Палат, теперь с большим пылом и энергией выступил против самых возмутительных пунктов Декларации и прямо заявил, что резолюцией о не-обращении к королю Парламент по сути делает все от него зависящее для собственного роспуска; что ему, Мейнард, непонятно, на каком законном основании члены Парламента, с момента принятия этой декларации, могли бы собираться вместе, а кто-либо — участвовать в их совещаниях; что сама природа Парламента предполагает возможность обратиться к королю по какому угодно поводу, и что любой отказ Его Величества рассматривать петиции или принимать обращения Палат всегда считался вопиющим нарушением их привилегий, ибо означал фактический роспуск Парламента без формального его объявления; а потому, если они сейчас сами решат не принимать более никаких посланий от короля (а подобный пункт также присутствовал в Декларации) и никак с ним впредь не сноситься, то не провозгласят ли Палаты

тем самым, что они уже не являются Парламентом, и тогда на каком основании мог бы их считать таковым народ? Эти аргументы, смело и настойчиво приводимые весьма ученым и уважаемым человеком, чьи слова в прошлом всегда внушали доверие, произвели сильнейшее впечатление на каждого, кто еще не успел продать свою совесть Кромвелю и его партии. Но другая сторона, отлично зная, в чем заключается ее истинная сила, вовсе не собиралась защищать свое предложение доводами и речами, но упорно требовала поставить вопрос на голосование — в котором, как она и предвидела, ее поддержало большинство. Ведь многие из тех, кому эта резолюция была глубоко отвратительна, просто не осмелились возбуждать гнев могущественных ее сторонников открытым выражением своего несогласия; другие же ограничились тем, что покинули Парламент, решив больше не участвовать в его заседаниях. Так поступил и сам Мейнард, не являвшийся в Палату много месяцев, пока расположение умов не изменилось таким образом, что стала казаться возможной отмена этого чудовищного решения; точно так же повели себя и многие другие.

Когда Декларация прошла через Палату общин и была передана коммонерами на утверждение лордам, те не сочли ее форму и содержание настолько важными, чтобы посвящать ей долгие прения, но без особых формальностей приняли ее, после чего она была немедленно напечатана и обнародована, а на Уайт были посланы новые распоряжения — зорче стеречь и строже охранять короля, чтобы он не смог бежать с острова.

Обнародование декларации произвело на умы англичан отнюдь не то действие, которого ждали ее творцы; она, по-видимому, настолько возмутила народ, что многие особы, с начала войны служившие Парламенту в разного рода незаконных предприятиях и комитетах, оставили свои посты, сурово порицая Парламент за измену всем тем принципам, во имя которых они в свое время и пошли к нему на службу. А поскольку сам король, находясь под слишком строгим надзором, не мог открыто выступить с какими-либо возражениями, многие частные лица взяли на себя смелость опубликовать собственные ответы на ненавистную декларацию, дабы уберечь народ от отравления ядом заключенной в ней лжи. Некоторые из подобных ответов произвели сильнейшее впечатление на англичан, которые стали громко возмущаться действиями Парламента и армии; народное негодование еще более усилилось

из-за роста податей и налогов, взимаемых в соответствии с новыми ордонансами Парламента, и хотя все королевство, все его гарнизоны и вооруженные силы находились в столь полной власти Палат, что у них не было причин страшиться или опасаться каких-либо врагов, армия не была распущена даже частично. Парламент собирал в то время просто невероятные денежные суммы — через распродажу церковных и коронных земель, композиции с делинквентами и распродажу земель тех, кто сам не желал платить композиции или кому не разрешали это делать (из тех же, кому это было дозволено, отказывались от уплаты лишь немногие, ведь все поместья делинквентов находились тогда под секвестром, и ренты с них шли Парламенту, так что их владельцам, пока они не вносили требуемые суммы, нечем было жить, почему им, доведенным до крайней нужды, не оставалось в конце концов ничего другого, как уплачивать композиции, даже самые непомерные, чтобы за счет продажи части своего имущества сохранить остальное или же спасти свои усадьбы от сноса или обветшания, а свои лесные угодья — от вырубки или разграбления) — и однако, несмотря на громадные поступления из этих источников, которых, как без конца твердил Парламент, окажется вполне достаточно, чтобы облегчить тяготы народы и выплачивать жалованье войскам, расходы Палат на армию и флот, а также сделанные ими долги были столь велики, что Парламент продолжал взимать государственные налоги. Помимо таможенных пошлин и акцизов он собирал ежемесячно свыше 150 тысяч фунтов земельного налога — суммы, прежде неслыханные, а поскольку взимались они в то время, когда Парламенту не требовалось вести борьбу с какими-либо врагами, то отсюда англичане делали вывод, что всему этому не будет конца и что Парламент, желая подкрепить силой свою резолюцию о разрыве сношений с королем, не станет сокращать армию, отчего всеобщая ненависть к этой резолюции лишь усиливалась. Все это казалось еще более возмутительным по той причине, что после обнародования чудовищной декларации Палат большинство людей с именем, коих Парламент, как уже говорилось, соблазнил некогда поступить к нему на службу, отказывались исполнять обязанности, ставшие для них столь ненавистными, а их посты занимали теперь люди низкого звания, вышедшие из простонародья; с теми же, кто превосходил их по своему положению в обществе и у кого в прежние времена они всегда были в подчинении, эти выскочки

обращались чрезвычайно дерзко; получить же законное удовлетворение за подобные обиды, какими бы обстоятельствами они ни сопровождались, было невозможно, ибо всякое уважение к знатности исчезло. Особы, еще шесть-семь лет тому назад бывшие простыми констеблями, превратились в мировых судей, заседали в комитетах, налагали секвестры; исполняя ныне волю Парламента во всех графствах, они (и для подобных людей это было совершенно естественно) крайне жестоко и по-тирански поступали с теми, на кого еще недавно смотрели снизу вверх. Но хотя страдания несчастных жертв были мучительными, а ропот и недовольство — всеобщими, ни тени надежды на возможное облегчение не существовало, а потому даже те, кто сопротивлялся так долго, как только мог, в конце концов покорялись игу, отчасти утешаясь тем, что главные виновники всех зол, замышлявшие их в свое время ради того, чтобы удовлетворить собственное честолюбие и получить господство над другими, оказались теперь в почти столь же плачевном положении, во всяком случае, имели ничуть не больше власти, влияния и уверенности в своей безопасности, ведь все управление государством перешло в руки людей, о которых при открытии настоящего Парламента едва ли кто-нибудь слышал, или же тех, чьи имена были известны лишь в их родных местах.

◀ Между тем новые владыки королевства, хотя всё вокруг покорствовало их воле, не считали свое положение достаточно прочным; опасались же они не столько недовольства соотечественников, сколько враждебных выступлений в Ирландии и Шотландии, которые, в случае успеха, непременно оказали бы влияние и на Англию.

В Ирландии (которой с началом разногласий между Парламентом и армией, они совершенно пренебрегали) в их руках, благодаря действиям лорда Инчиквина и лорда Брогилла, находились Дублин и провинция Манстер; остальные провинции были во власти мятежников, располагавших значительными силами. Впрочем, страшились они отнюдь не ирландцев, над которыми брали верх в каждом бою, даже при явном численном превосходстве неприятеля, а совсем другого врага. Маркиз Ормонд часто посещал короля в Гемптон-Корте, а к нему самому, пока он находился в Лондоне, стекались все, кто в свое время сражался за короля и был недоволен нынешними мерами Парламента и армии; тайные встречи с маркизом имели и шотландские комиссары. По этим причинам офицеры решили арестовать и посадить в тюрьму Ормонда как человека, представлявшего для них опасность, хотя им не в чем было его обвинить, ведь шесть месяцев, в продолжение которых

он имел право оставаться в Англии, еще не истекли. Узнав об их планах и посоветовавшись с Его Величеством, маркиз решил позаботиться о собственном спасении; переодетый, он бежал в Сассекс, в какой-то глухой бухте сел на небольшое суденышко и благополучно прибыл в Нормандию, откуда отправился затем в Париж, к королеве и принцу Уэльскому.

Тогда же а Париж из Ирландии явилась депутация объединенных католиков. Жестокие раздоры в собственной среде, страх перед Парламентом, который мог бы ими воспользоваться и, послав новые войска, разгромить мятежников, надменность и деспотизм папского нунция — всё это образумило ирландцев, и теперь их представители заявили королеве и принцу о своей готовности вновь признать власть короля (столь безрассудно ими свергнутую) и повиноваться ей в будущем. >

Как только армия овладела особой короля, столь постыдным образом выданной в Ньюкасле Парламенту шотландцами, последних охватило страшное предчувствие того, что офицеры могут теперь заключить мир на собственных условиях и добиться для себя могущества, восстановив короля в его законных правах, коих они же полностью его лишили. Сознание вины заставило шотландцев задуматься о том, какая судьба ожидает в подобном случае их самих, а потому те самые комиссары, которые вместе с парламентским комитетом заправляли ранее всеми делами, поспешили теперь в Вестминстер, чтобы вновь занять свои прежние места и поддерживать свое влияние.

Влияние же это оставалось весьма значительным, распространяясь на всю пресвитерианскую партию, как в Парламенте, так и в Сити, ведь там по-прежнему заявляли о необходимости сохранять прочный союз между королевствами и во всех действиях руководиться совместно принятыми решениями. Как только у короля появилась хоть какая-то видимость свободы, а его слугам дозволили находиться при его особе, шотландские комиссары стали вести себя чрезвычайно самоуверенно, словно люди, не имевшие ни малейших сомнений в том, что именно им удастся восстановить власть Его Величества. Они чаще других шептались с королем и сумели до такой степени расположить в свою пользу королеву, что теперь Ее Величество настойчиво убеждала короля довериться шотландцам, как тем единственным, кто обладает достаточной силой и влиянием, чтобы принести ему пользу и вызволить его из плена.

Вновь втеревшись в доверие к королю с помощью подобных внушений, комиссары заявили, что прочным основанием для всех его надежд может быть лишь появление в Англии шотландской армии, сила коей соответствовала бы важности задуманного предприятия, ибо любое выступление английских сторонников короля, начатое до этого вторжения, оказалось бы преждевременным и безрассудным. Затем они стали предлагать королю множество условий, которые Его Величество должен был обязаться исполнить в интересах шотландской нации — без чего, уверяли комиссары, будет очень трудно побудить ее к дружным и единодушным действиям, столь необходимым в подобном предприятии. Они также заявили — как требование, без удовлетворения коего ни о чем вообще не может быть и речи — что принц Уэльский должен находиться с ними и выступить в поход во главе их армии. Слишком хорошо зная нравы и верность этого народа, король упорно возражал против отъезда принца в Шотландию, однако согласился, чтобы принц стал во главе их армии уже по вступлении ее в пределы Англии. Комиссары также потребовали передачи шотландцам Бервика и Карлайла и ряда других уступок, которые касались северных графств и столь грубо задевали честь и интересы Англии, что король решительно отказался их сделать. По этим причинам до оставления королем Гемптон-Корта соглашения с шотландцами так и не было заключено.

Когда же король оказался на острове Уайт, шотландские комиссары вновь отправились к нему — одновременно с комиссарами парламентскими, посланными за монаршей санкцией на те четыре билля, речь о которых шла выше. Тогда-то, воспользовавшись отчаянным положением короля, они и уговорили его принять предложения, ранее им отвергнутые; а затем, зная о подозрениях армии на свой счет и сильно опасаясь, что на обратном пути в Лондон их могут схватить и подвергнуть обыску, комиссары поместили драгоценный договор в свинцовый котелок и зарыли в саду на острове Уайт (впоследствии, легко извлеченный из тайника, он был им благополучно доставлен).

Нельзя не изумиться тому, что шотландцы — народ хитрый и осторожный, вождей коего, помышлявших единственно лишь о личной выгоде и об удовлетворении собственного честолюбия, совесть обуздывала не больше, чем любого из офицеров армии, — могли всерьез надеяться достигнуть цели с помощью таких навязанных королю условий и ограничений, которые, как это было ясно

всякому разумному человеку, должны были совершенно подорвать и разрушить их влияние. Комиссары отлично знали настроения собственного народа и понимали, что хотя собрать в Шотландии многочисленную армию будет нетрудно, однако предпринять какие-либо решительные действия армия эта окажется неспособной, а потому им следует возлагать все свои упования на помощь тех, кто изъявит готовность присоединиться к ним в Англии. Да, шотландцы полагали английских пресвитериан более могущественными, чем те были на самом деле. И однако, они знали (или должны были знать), что самые влиятельные лица, которые, в пылу борьбы с враждебной партией, соглашались, чтобы их самих считали пресвитерианами, являлись таковыми лишь постольку, поскольку принадлежность к пресвитерианской партии могла, по их мнению, помочь им в деле восстановления власти короля — чего они желали гораздо сильнее, нежели каких-либо перемен в церковном управлении.

Вынудив Его Величество во вводной части соглашения с похвалой отозваться о Лиге и Ковенанте и засвидетельствовать, что целью заключивших его лиц являлась защита особы и власти Его Величества, шотландские комиссары заставили затем короля пообещать, что, получив возможность свободно, безопасно и с почетом присутствовать в свободном Парламенте, он немедленно утвердит особым актом Парламента названную Лигу и Ковенант в обоих королевствах, в обеспечение интересов тех, кто ее уже принял или примет в будущем. Правда, они согласились внести оговорку, что не желающих принимать Ковенант не станут принуждать к его принятию. Комиссары также обязали Его Величество утвердить актом Парламента введение в Англии на три года пресвитерианского церковного управления — хотя Его Величеству и членам его семейства не должно чиниться препятствий в отправлении богослужения так, как они делали это прежде — а сверх того, провести в продолжение этих трех лет совещание с Собранием духовенства, после которого Его Величество, вместе с обеими Палатами Парламента, и определит, какая форма церковного управления, как наиболее согласная со Словом Божиим, должна быть установлена по истечении указанного трехлетнего срока.

Никто из тех, кто прочтет этот договор (а сделать это потрудились до сих пор лишь немногие), не удивится той судьбе, которая постигла подобное обязательство. Оно содержит столько

чудовищных уступок, что выполнить его можно было бы лишь в том случае, если бы в Карисбрук-касле вместе с королем оказалось в заточении все королевство. Подписавшие договор люди были слишком умны, чтобы поверить в возможность точного соблюдения его условий, каковое обстоятельство они и использовали в качестве самого сильного аргумента и лишь с его помощью сумели уговорить короля. Настоящий договор, твердили комиссары, нужен им только для того, чтобы побудить шотландское королевство собрать армию, а также объединить всех шотландцев в борьбе за дело Его Величества, добиться же этого от шотландцев чем-либо меньшим, нежели подобные уступки, нет никакой возможности. Когда же эта армия вступит в пределы Англии, а английские подданные короля выставят для защиты его интересов несколько собственных армий, никто уже не станет требовать точного исполнения всех пунктов договора, но каждый подчинится тем решениям, которые сочтет нужным принять Его Величество.

Между вождями тех, кто, как принято было думать, всего сильнее влиял на планы пресвитериан, и теми, кто руководил индипендентами, существовало поразительное различие, очевидное во всем их образе действий, хотя те и другие одинаково хорошо владели искусством притворства, имели одинаково дурные и порочные намерения и оставались одинаково невосприимчивы к любым угрожениям и движениям совести. Индипенденты неизменно действовали так, что их поступки, сколь угодно скверные и незаконные, тем не менее способствовали достижению поставленной ими цели и приближали желанный им исход. Пресвитериане же, как правило, умудрялись совершить нечто такое, что при здравом размышлении должно было расстроить их собственные планы и воспрепятствовать осуществлению их первоначального и главного замысла. Все свои меры они сообразовывали с народными желаниями и страстями и прежде чем на что-либо решиться, пытались определить, каким образом могли бы они совратить, соблазнить и настроить народ, дабы тот оказал поддержку их усилиям, и в какой степени вправе они рассчитывать на его помощь и содействие. Поэтому они вынуждены были подчиняться своему безрассудному и бессовестному духовенству, чьи злобные и ядовитые внушения развращали покорный священникам народ, и чей авторитет много значил даже для их жен в домашних делах; тем не менее вожди пресвитериан никогда не открывали духовенству истинную суть своих замыслов. Кромвель же и те немногие, с кем он считал нужным советоваться,

прежде всего пытались определить, что является абсолютно необходимым для достижения их главной и высшей цели, после чего, совершенно не задумываясь над тем, справедлива ли она или порочна, искали и сами создавали все прочие средства, с помощью которых ее можно было бы добиться. Иначе говоря, пресвитериане решались только на такие действия, которые, как они полагали, пришлось бы по сердцу народу и заслужили бы его одобрение, тогда как партия Кромвеля добивалась того, чтобы народ принимал и одобрял меры, которые она сама решила осуществить. Подобное различие в образе действий и было истинной причиной того, что этим двум партиям во всех их предприятиях успех сопутствовал в столь разной степени.

Кромвель, величайший обманщик на свете, умел, однако, каждый раз извлекать из собственного лицемерия громадную выгоду и пользу, и все его поступки, какими бы отвратительными или безрассудными ни казались они на первый взгляд, были совершенно необходимы для осуществления его замысла. Даже грубость и неотесанность, коими он так любил щеголять по открытии Парламента и которые были так не похожи на всегдашнюю мягкость и любезность его кузена и закадычного друга м-ра Гемпдена, также служили этой цели. Первое же публичное выступление Кромвеля в начале войны — когда он, построив свой только что набранный эскадрон, объявил кавалеристам, что не намерен их обманывать и морочить им головы мудреными и невразумительными выражениями из своего офицерского патента, где ему предписано сражаться «за короля и Парламент», а потому прямо им говорит, что если в том неприятельском отряде, который ему велено будет атаковать, окажется сам король, то он разрядит в него свой пистолет с такой же готовностью, как и в любое частное лицо; если же совесть не позволит им поступить так же, но он не советует им записываться в его эскадрон или служить под его командой — все сочли слишком злобным и опрометчивым и даже, если принять в расчет официальные декларации Парламента, опасным для самого Кромвеля. И однако, оно превосходно послужило его целям, ибо все люди бешеного нрава, люто ненавидевшие существующую власть, как церковную, так и светскую, узрели в Кромвеле близкого им по духу человека, на которого они могут твердо положиться, ведь он ни перед чем не остановится и доведет начатое им дело до конца.

Суровый и угрюмый характер Кромвеля, не желавшего предаваться вместе с другими офицерами веселым кутежам и иным излишествам (коим старшие командиры в армии графа Эссекса в большинстве своем были отнюдь не чужды) часто вызывал презрительные насмешки — но он же делал общество Кромвеля и беседы с ним чрезвычайно привлекательными для всех людей столь же замкнутого или мрачного нрава, что позволяло Кромвелю направлять их мысли, желания и намерения в удобную ему сторону. Так он приобрел громадное влияние на рядовых солдат, из среды коих, когда его власть увеличилась, стал назначать всех своих офицеров, и те, превосходно усвоив подобную манеру обращения с солдатами, могли затем с успехом использовать их для достижения собственных целей.

Пока Кромвель считал пресвитерианский дух лучшим побуждением к мятежу, не существовало большего пресвитерианина, чем он сам; вместе с ними и на их манер он распевал псалмы и выказывал не меньшую, чем они, любовь к предлинным проповедям. Обнаружив, однако, что пресвитериане намерены установить для своего мятежа известные пределы и границы, Кромвель пришел к заключению, что теперь ему следует всячески внушать англичанам, что государство в их стране еще порочнее, чем церковь, что от светской власти народ страдает сильнее, чем от церковной, а стало быть, перемены в одной области не принесут ему заметного облегчения, если за ними не последуют столь же значительные изменения в другой, и если вся система управления, как церковью, так и государством, не подвергнется полному и совершенному преобразованию. Хотя подобные речи навлекли на него всеобщую ненависть и поссорили с многими из старых друзей, оставшихся они сделали еще более искренними и твердыми его сторонниками, а сам Кромвель, понимая, на кого он теперь мог бы опереться, получил возможность лучше рассчитать свои силы.

Сделав это открытие относительно пресвитериан, Кромвель и замыслил создание армии Нового образца — меру, в высшей степени непопулярную, восстановившую против него всех тех, кто в свое время замыслил сам этот мятеж и был его истинной душой. И, однако, если бы Кромвель не добился тогда своего и не заменил прежнего главнокомандующего — который хотя и не отличался особой проницательностью, все же никогда бы не позволил ни

руководить собою другим, ни использовать себя как орудие в не угодных ему самому делах — новым, который был совершенно слеп к происходящему вокруг и потому охотно подчинялся чужой воле, то все его планы неизбежно потерпели бы крах, а сам он остался бы обыкновенным кавалерийским полковником, не слишком влиятельным даже для того, чтобы с выгодой для себя сыграть сколько-нибудь важную роль на мирных переговорах.

Кромвель видел, что даже после всех успехов его армии Нового образца противовесом для нее остается шотландская армия, полагавшая, что по своим заслугам и достоинствам она не уступает английской, ибо внесла в одоление короля вклад ничуть не меньший, чем войско Ферфакса. После всех побед, когда король был поставлен в отчаянное и унижительное положение, шотландцы по-прежнему желали пойти с ним на мировую и готовы были вновь подчиниться его власти. Да и сам Кромвель считал, что открыто заявлять или сообщать о своем твердом решении добиться противоположного исхода было бы с его стороны преждевременно, ведь даже многие из тех, кто мечтал об уничтожении монархии, могли бы устрашиться трудности подобного предприятия и мощи тех сил, с которыми им, вероятно, пришлось бы бороться. А потому первым делом он возбудил в народе злобное ожесточение против шотландцев — как наемного вспомогательного войска, содержание которого лежит тяжким бременем на королевстве и которое должно поскорее получить свою плату и убраться восвояси, отнюдь не притязая на честь определять вместе с английским народом условия, на которых этот последний примет своего короля и восстановит его власть. Более популярного довода он просто не мог бы придумать, ибо все королевство питало к шотландцам глубокое отвращение, а те, кто сильнее других желал реставрации короля, очень хотели, чтобы Его Величество остался им чем-либо обязан в наименьшей возможной степени, и чтобы впоследствии шотландцы сохранили как можно меньше влияния на него. И Кромвель, ко всеобщему восторгу, заставил шотландцев покинуть королевство — и сделать это таким образом, чтобы наверняка навлечь на себя на вечные времена ненависть и позор.

Между тем несчастный король оставался в строгом заточении: говорить с ним никому не позволяли, сверх того, прилагались всевозможные усилия, чтобы перехватывать любые письма к нему и от него. И однако, благодаря любви и верности некоторых

жителей острова ему порой удавалось получать важные известия от друзей, писать королеве и получать письма от нее; таким путем он сумел сообщить ей о переговорах с шотландцами и о всех прочих своих надеждах. Кажется, он находил великую радость и видел благое предзнаменование в том, что даже теперь, когда жестокая судьба сделала его положение отчаянным, и несмотря на все меры, принятые для того, чтобы рядом с ним находились единственно лишь люди самого жестокого и безжалостного нрава, не способные испытывать должное уважение ни к Богу, ни к человеку, — несмотря на все это, благородная душа, мягкий нрав и любезные манеры Его Величества по-прежнему могли оказывать действие на кого-нибудь из солдат или из иных особ, приставленных к нему, и те брались исполнить и действительно исполняли важные поручения, касавшиеся доставки бумаг ему или от него — столь велики сила и влияние естественного чувства долга! Впрочем, многие из тех, кто давал слово оказать королю подобные услуги, не исполняли своего обещания; отсюда ясно, что им позволяли втереться к нему в доверие, чтобы затем с большей легкостью совершить предательство.

В Парламенте не обнаруживалось ни малейшего сопротивления или противодействия армии в тех вещах, которые касались государственных дел, однако в любых вопросах, затрагивавших интересы отдельных лиц и относившихся к наградам, доходам или высоким должностям, людей оценивали по тому, к какой партии они принадлежали, и каждый день новые выгоды и преимущества получали те, кто выставял себя самым преданным сторонником армии. Виднейших пресвитериан лишили всех доходных мест и важных постов; до крайности этим раздраженные, они чувствовали желание мести и готовность отомстить. Между тем на церковных кафедрах борьба велась с невиданным ранее ожесточением; на этом поле боя пресвитериане держались с прежней храбростью и, несмотря на сопротивление индепендентов, более ученых и рассудительных, сохранили немалое влияние в Сити. Индепенденты же, хотя у них было не так много приверженцев среди простого народа, сумели заразить своими мнениями и повести за собой самых именитых и состоятельных граждан и вообще людей более высокого звания, и именно за индепендентов твердо стояли Кромвель и большинство офицеров, озлобленные против пресвитериан.

Но о тогдашних богословских мнениях нельзя судить по церковной пастве и по церковным проповедям, ведь церкви — в которых свою безграничную деспотическую власть осуществляли епископы, и которые сами были осквернены актом первоначального освящения, — больше не считались надлежащим и подобающим местом для религиозных собраний и служения Богу. Свобода совести сделалась теперь Великой хартией, и вдохновенные свыше люди проповедовали и молились где и когда хотели. Сам Кромвель был страшный охотник до проповедей, большинство офицеров и даже многие рядовые солдаты также были не прочь обнаружить свои дарования в этой области. Весьма умножились в числе анабаптисты и квакеры; индепенденты же поддерживали их настолько, что присоединились к их требованию полного упразднения десятин — каковые шли тогда пресвитерианам, и потому одна партия их поносила, а другая защищала, причем обе действовали с одинаковой яростью и злобой. И если бы кто-нибудь оказался настолько невозмутим, чтобы найти удовольствие в созерцании подобной картины, то он бы убедился, что никогда еще столь ужасная смута не охватывала все наше королевство.

Все это время принц оставался в Париже под надзором матери, державшей его в такой строгости, что хотя Его Высочеству уже исполнилось восемнадцать лет, он никогда не смел надевать шляпу прежде королевы; сверх того, любое участие принца в государственных делах и даже ясное понимание им несчастного положения королевского семейства находили нежелательным. Суммы, ассигнованные французской короной на содержание принца, включались в ежемесячное пособие, выдаваемое королеве; она сама их получала и по собственному разумению расходовала на приобретение платья для принца и на удовлетворение прочих его нужд. Таким образом Ее Величество хотела дать понять, что принц живет исключительно за ее счет, и что положение пенсионера французского двора несовместимо с достоинством принца Уэльского. А потому никто из слуг Его Высочества не решался просить для себя денег, каждый довольствовался тем, что дадут — давали же им весьма щедрой рукой, и сам принц никогда не имел даже десяти пистолей, которые он мог бы израсходовать по собственному желанию. Главным должностным лицом при королеве был лорд Джермин, который и распоряжался всеми денежными поступлениями; он настолько любил изобилие и роскошь, что упорно не желал от них

отказываться, как бы ни страдали от этого другие особы, успевшие привыкнуть к довольству сильнее, чем он. Людям, близким к принцу, приходилось прямо-таки умолять Джермина о денежном пособии, и сам принц не мог ничего получить иначе, как через его посредство. Поэтому все люди чести из числа англичан, вынужденных покинуть родину — а в изгнании оказались тогда многие представители знати и высшего джентри — предпочитали селиться не в Париже, где находился столь несвободный в своих действиях принц, а в других местах, например, в Кане или Руане. Такого рода экономия производила скверное впечатление на французов, да и сам принц не пользовался тем уважением, на какое он мог бы рассчитывать, если бы вел более подобающий своему сану образ жизни и в большей мере занимался собственными делами.

КНИГА XI

Глава XXVI

(1648)

Если бы всеобщее недовольство и ропот трех наций, почти столь же повсеместная ненависть к Парламенту и армии и страстное желание заслужить забвение всех своих прежних грехов и безумств, вернув королю все, что было у него отнято, и восстановив ту благословенную систему правления, коей они сами себя лишили, могли бы помочь реставрации Его Величества, то никогда еще англичане не чувствовали подобной решимости поднять из руин и заново отстроить здание, ими самими с таким злобным остервенением низвергнутое и разрушенное. В Англии глубокое возмущение овладело людьми всех званий и состояний. Многие офицеры и солдаты, которые служили Парламенту с самого начала войны, убедительно засвидетельствовали свою храбрость и преданность, но с созданием армии Нового образца были уволены, с презрением смотрели на новую армию, полагая, что она пожала плоды их трудов и получила за них незаслуженную награду, а потому они всюду говорили о ней и против нее соответствующим образом. Аристократы и джентльмены, которые некогда поддерживали Парламент против короля и таким образом подняли его авторитет и влияние, теперь обнаружили, что ими совершенно пренебрегают, а на все ответственные и доходные должности назначают людей самого низкого происхождения.

Пресвитерианские священники вели громкие речи, а партия их казалась весьма многочисленной; надежда на выступление в Шотландии и помощь оттуда, а также гневные и настойчивые требования из Ирландии о присылке денег и солдат для борьбы с чрезвычайно усилившимися мятежниками ободряли всех недовольных, побуждая их устраивать сходки и совещания и яростно поносить армию и офицеров, ее развративших. Самым распространенным упреком в адрес Парламента было обвинение в том, что он отказывает в подкреплениях Ирландии и, не имея перед собой неприятеля, не желает, однако, послать даже часть своей столь многочисленной армии для спасения этого королевства. Довод этот вновь возбудил жаркие споры в Палате общин. Те, кто до сих пор хранил молчание, не выказывая более возмущения дерзостью и наглостью армии,

сломившей Парламент и подчинившей его своей воле, теперь снова осмелели, стали решительно требовать скорейшей помощи Ирландии, а в видах ее оказания вошли в тщательное расследование текущих расходов, дабы установить, откуда поступают и каким образом употребляются столь громадные суммы. Здесь перед ними открылось широкое поле, и следы на нем вели к дверям многих из тех самых людей, которым они желали отомстить.

Пресвитериане добились назначения заместителем лорда-лейтенанта Ирландии сэра Уильяма Уоллера — ввиду его заслуг и достоинств и уже выказанной им преданности их делу, но главным образом потому, что он мог бы быстро собрать офицеров и солдат, которые ранее сражались под его знаменами, затем были уволены из армии, а теперь с охотой вновь пошли бы служить под командой своего бывшего генерала. Кромвель поначалу не возражал против этого предложения и даже согласился с ним, ибо мечтал избавиться и от самого Уоллера, и от готовых отправиться с ним в Ирландию офицеров, которые, как он отлично знал, вовсе не являлись его сторонниками и только ждали удобного момента, чтобы свести с ним счеты. Убедившись, однако, что Уоллер настаивает на выделении ему крупных сил (а он имел для этого все основания), и сообразив, какими последствиями может обернуться для него самого и для всех его планов наличие под командой Уоллера столь хорошо оснащенной и дисциплинированной армии, а также подобных офицеров, Кромвель переменял свое мнение. Первым делом, используя своих клеветников, он воспрепятствовал передаче в распоряжение Уоллера запрошенных им военных сил и денежных средств — поскольку-де сэр Уильям желал получить больше солдат, чем требовалось для экспедиции, и больше денег, чем мог бы оторвать от прочих своих нужд Парламент. Расстроив таким образом задуманное Уоллером предприятие, Кромвель добился того, что в начальники ирландского похода был предложен Ламберт — человек, упорно добивавшийся тогда тех же целей, что и сам Кромвель, и вдобавок пользовавшийся большим уважением в армии. Кромвель так долго размышлял и колебался, что Ирландия вновь осталась без всякой помощи, и дела в этом королевстве находились, по-видимому, в плачевном состоянии.

Шотландцы так много разглагольствовали о собственных замыслах (еще до того, как их комиссары покинули Лондон) и с таким постоянством и уверенностью извещали о пылком желании своих земляков поскорее взяться за оружие в защиту короля — хотя сами

отнюдь не спешили с приготовлениями к подобному походу — что и пресвитериане, их главные корреспонденты в Англии, и королевская партия решили, что им также следует думать о подготовке к выступлению; при этом одни хотели искупить прошлую свою вину, а другие — не только принять деятельное участие в освобождении короля из плена, но и оказаться затем в состоянии уберечь его от принятия каких-либо пресвитерианских условий, которые, как они по-прежнему опасались (даже не подозревая о заключенном на острове Уайт договоре), шотландцы могли бы попытаться ему навязать.

Граф Голланд замыслил искупить прошлые свои вины, еще раз и весьма решительно выступив на стороне короля. Благодаря знатному происхождению и тесным связям с пресвитерианами он пользовался большим авторитетом, был посвящен в планы шотландцев и получал регулярные известия о принимаемых ими мерах. Брат его, граф Уорвик, как и прочие пресвитериане, имел известные причины считать себя обиженным, поскольку лишился прежнего влияния в морских делах — хотя все еще занимал, в соответствии с ордонансом Парламента, пост верховного адмирала, а в свое время оказал Палатам громадные услуги. Он не пытался умерить или сдержать недовольство графа Голланда, но еще сильнее его разжигал и даже пообещал присоединиться к нему; так вели себя тогда многие члены этой шайки, в убеждении, что всю работу сделают за них шотландцы, а они затем сумеют получить свою долю заслуг.

Герцог Бекингем и его брат лорд Вильерс только что возвратились из заграничного путешествия; несмотря на свое несовершеннолетие, оба они были весьма решительными и энергичными молодыми людьми. По малолетству они не участвовали в недавней войне, а следовательно, никак из-за нее не пострадали; теперь же, вступив во владение обширными поместьями и полагая своим долгом при первой же возможности поставить их на карту ради короны, братья легко завязали дружбу с графом Голландом и изъявили готовность участвовать в его предприятии. Граф между тем сообщил о своих планах в Париж, старой своей госпоже королеве, всегда и во всем ему доверявшей, а также лорду Джермину и возобновил с ними прежнюю дружбу, пыл коей, впрочем, никогда не угасал вполне. В итоге графу был послан патент на звание главнокомандующего армией, которую предполагалось набрать для освобождения короля из заточения и для возвращения свободы Парламенту.

Никогда еще, вне всякого сомнения, подобного рода предприятия не готовились столь открыто и неосторожно, и едва ли не в каждом английском графстве составилась коалиция лиц, намеревавшихся поднять оружие за короля. Старшие начальники парламентских войск в Уэльсе дали знать в Париж, что если им пришлют оружие и боеприпасы, а также значительную сумму денег для уплаты жалования гарнизонам, то они, имея в своих руках главнейшие крепости в этом краю, выступят в пользу короля. Лорд Джермин, охотно поощрявший любые подобные предложения, твердо поручился, что уэльские начальники получат все необходимое через столько-то дней после своего выступления. В Уэльсе положились на его гарантии, а он, по своему обыкновению, больше никогда не вспоминал о своем обещании. По этой причине план потерпел неудачу, а многие доблестные люди лишились жизни. Кромвель, осведомленный обо всех этих интригах, предпочел пойти на риск и подвергнуться тому, что могло бы выйти из этих бестолково и бессвязно веденных заговоров, только бы арестами отдельных лиц не подтолкнуть Парламент к расследованиям и спорам, неудобные последствия коих пугали его гораздо больше. Кромвель уже убедился, сколь громадное влияние имеет пресвитерианская партия на главнокомандующего, ибо Ферфакс объявил ему, что не выступит в поход против шотландцев, которым Кромвель очень хотел нанести удар прежде, чем они успеют завершить свои совещания и составить свои планы. И у него были причины думать, что Ферфакс не изменит своего решения, даже если шотландцы вторгнутся в Англию.

В Англии, таким образом, усиленно готовились к выступлению, и теперь уместно задаться вопросом, как выполняли свои обязательства шотландцы и с какой поспешностью набирали они армию. По возвращении комиссаров из Лондона — и уже после того, как король стал пленником на острове Уайт — потребовалось много времени, чтобы убедить маркиза Аргайла дать согласие на созыв Парламента. Аргайл, державший в своих руках неистовую партию духовенства, которая не желала ни на йоту отступить от самых суровых статей Ковенанта и не питала ни малейшего уважения к королю и монархическому правлению, ясно понимал, что ему уже не удастся помешать созыву Парламента, коего так страстно добивалось большинство народа, и что он скорее добьется своей цели, всячески затрудняя работу его членов и воздвигая преграды на пути к принятию окончательных решений, нежели упорно пытаясь не допустить их собрания. А потому необходимые

распоряжения о созыве Парламента были изданы, и среди тех, кто явился на его заседания, самыми пылкими сторонниками короля, усерднее других выступавшими за его освобождение (ведь ничего другого они не требовали), казались граф Ланарк — брат герцога Гамильтона, ранее находившийся в заключении в Оксфорде, бежавший оттуда и теперь восстановленный в должности государственного секретаря Шотландии — и граф Лодердейл, который, едва достигнув совершеннолетия в самом начале мятежа, присоединился к нему с величайшим рвением и поддерживал его до конца, выказывая при этом крайнюю злобу и ожесточение.

Оба они были люди даровитые и деятельные, гордые и честолобивые, хотя и не чуждые любви к удовольствиям; первый, однако, в гораздо большей степени отличался любезностью и хорошими манерами, был добрее и рассудительнее и имел нрав более открытый, прямой и располагающий к доверию, чем большинство представителей этой нации; второй же, человек дерзкий и надменный, лстивый и лицемерный, был в большей мере склонен и способен к интригам и козням — как по недостатку прямоты, свойственного первому, так и благодаря соответствующему опыту, приобретенному им в ту пору, когда, будучи членом Комитета обоих королевств, он участвовал в самых темных и порочных его делах. Первый был человек чести, благородный и храбрый; второй имел довольно храбрости, чтобы не ударить лицом в грязь там, где она была абсолютно необходима, но никакие соображения чести и благородства не могли удержать его от совершения поступков, способных хоть сколько-нибудь послужить удовлетворению его страстей.

Ланарк и Лодердейл и были главными зачинщиками и предводителями в этом деле. Они пустили в ход все свое влияние и ловкость, чтобы в парламентских городах были избраны удобные им люди; народ же в большинстве своем чувствовал глубокое возмущение и стыд после подлой выдачи короля англичанам, видя в этом деянии источник всех грозивших ему ныне опасностей, а потому был чрезвычайно враждебно настроен против всех, кого считал виновниками случившегося.

По открытии Парламента Ланарк и Лодердейл приложили все усилия, чтобы разжечь в народе ненависть к английской армии, которая, по их словам, подвергла короля заточению и дурному обращению, заставив таким образом Парламент нарушить договор между двумя королевствами. Парламент не в силах освободить

короля, армия же по сути уже совершенно его низложила, поскольку не позволяет ему исполнять обязанности монарха и не допускает к нему подданных. Этим грубо задеты интересы шотландского королевства, у которого, хотя оно не зависит от Англии и английского Парламента, последние отняли короля, лишив шотландцев возможности говорить с ним, а Его Величество — посылать к ним известия. Все это явилось таким дерзким актом вопиющего попрания закона наций и столь вероломным нарушением Торжественной Лиги и Ковенанта, а также договора между королевствами, что теперь все обязательства перед Богом и людьми вменяют шотландцам в прямой долг вернуть свободу королю и восстановить собственную честь, не жалея ради этого жизни, имущества и всего самого дорогого, что у них есть. А потому Ланарк и Лодердейл потребовали, чтобы Парламент приступил к обсуждению мер по скорейшему набору армии, каковая, уверяли они, едва вступив в пределы Англии, тотчас же обретет союзника в лице всего этого королевства, за исключением одной лишь армии. И тогда быстро обнаружится, что парламенты обоих королевств страстно желают одного и того же — счастливо жить под властью одного и того же короля.

Эти доводы, подхваченные и поддержанные многими влиятельными особами, встретили столь всеобщее одобрение, что Аргайл счел бессмысленным открыто против них возражать и как-либо с ними спорить. Он видел, что выборы рыцарей и членов от городов прошли именно так, как того хотели Ланарк и Лодердейл, и что новые члены Парламента готовы поддержать любые их предложения; он также убедился, что Ланарк и Лодердейл сумели привлечь на свою сторону большую часть духовенства, которая теперь принимала на веру все их слова. А потому Аргайл не стал противиться их предложениям, а только выразил желание, чтобы они хорошенько обдумали свой образ действий в столь важном предприятии, грозящем обернуться кровопролитной войной между двумя королевствами, которые до сих пор вели себя как братья и успели извлечь громадную выгоду и пользу из своего союза. Он выразил надежду, что Парламент и в мыслях не имеет поколебать заложенные прежде основания, на которых покоится система правления, обеспечившая благополучие королевства. Ведь если эти основания будут разрушены, то все зло и вся тирания, которые испытали и претерпели шотландцы в прежние времена, вновь обрушатся на них бурным потоком и непременно их погубят. Тогда все члены Парламента заявили, что не намерены ни в малейшей степени отступать от

порядка управления, установленного для обоих королевств Торжественной Лигой и Ковенантом, которую они свято чтут, полагая своим исполнить все, ею предусмотренное. После этого Аргайл умолк, как будто удовлетворенный услышанным; впрочем, он нимало не сомневался, что, когда они перейдут от планов к действиям, у него найдется достаточно возможностей помешать им быстро добиться успеха и воспрепятствовать исполнению и осуществлению их замыслов.

Когда шотландские лорды находились в Англии, они часто посещали Гемптон-Корт, пока там жил король, и усиленно обхаживали всю его партию, дабы расположить ее к себе; особое же в этом смысле усердие они выказали в отношении джентльменов с севера, которые с чрезвычайной доблестью служили королю и обладали в тех краях немалыми богатствами, способными подкрепить их влияние. К их числу принадлежали две видные особы — сэр Мармадюк Лангдейл и сэр Филип Масгрейв, имевшие обширные поместья, один — в Йоркшире, а другой — в Камберленде и Вестморленде. До войны они занимали высокое положение в своих графствах, исполняя должности мировых судей и лорд-лейтенантов, а с началом военных действий приняли командные посты в королевской армии и снискали себе репутацию отважных, дисциплинированных и энергичных офицеров. Они сражались до конца, а впоследствии, не предпринимая ни малейших попыток примириться с Парламентом через уплату композиций, ожидали удобной возможности вновь выступить с оружием в руках. Парламенту и старшим офицерам армии оба они внушали сильнейшие подозрения — как люди, которых невозможно заставить подчиниться, а потому лучше было бы арестовать.

Шотландские лорды без колебаний сообщили этим двум джентльменам о своих планах и без тени сомнений заявили, что смогут побудить все шотландское королевство и весь народ к вступлению в войну с Англией на стороне короля. А потому они выразили желание, чтобы Лангдейл и Масгрейв, используя свое влияние и авторитет в северных графствах, склонили их к совместным действиям с шотландцами. Зная же, что взгляды Лангдейла и Масгрейва слишком хорошо известны, чтобы они могли без всякой для себя угрозы находиться близ Лондона, а тем более в собственных графствах, лорды пригласили их в Шотландию, твердо заверив, что там они найдут не только безопасность, но и радушный прием, смогут на месте наблюдать за приготовлениями шотландцев, а когда все

будет готово к выступлению — сыграть самостоятельную и важную роль в будущих событиях.

Пребывая теперь в полной уверенности, что шотландцы поднимут оружие за короля, джентльмены приняли это предложение. А потому, тайно посетив родные графства, велел своим друзьям быть наготове и ждать сигнала и условившись, как они будут впоследствии держать между собой связь, Лангдейл и Мастрейв отправились в Шотландию к тем, кто их пригласил, и были приняты ими достаточно любезно. Проведя несколько месяцев в тайном месте, где с ними также очень хорошо обходились, они, по открытии Парламента, вернулись в Эдинбург, где встретили чрезвычайно доброжелательное отношение со стороны всех, кто был с ними знаком. Поэтому они стали вести себя увереннее и выражаться свободнее, тем более что лорды рассказали им обо всех своих планах и о тех уловках, которые им придется пускать в ход, пока еще не набрана армия, главные препятствия на пути к созданию коей, полагали лорды, ими уже преодолены.

Хотя шотландские комиссары удалились из Лондона вскоре после того, как заявили решительный протест против действий Парламента и сочли, что им давно пора позаботиться о собственной безопасности, покинув Лондон, где они всякий день подвергались грубым оскорблениям и поношениям, — однако, едва в Шотландии начали готовиться к созыву Парламента, вестминстерские лорды и общины послали в Эдинбург собственных комиссаров, как будто рассчитывали и там взять верх при голосовании; и вскоре обнаружилось, что в самой Шотландии у них имеются влиятельные или, во всяком случае, деятельные сторонники. Комиссаров встретили с тем же подчеркнутым уважением и проявили такую же заботу об их удобствах, что и в первый раз, когда они прибыли в Шотландию, чтобы состряпать Ковенант. Их усердно посещали, выказывая всевозможные знаки почтения, не только маркиз Аргайл и его партия, но даже сторонники герцога Гамильтона; те же, кто сильнее других жаждал войны, наносили им столь же регулярные визиты и так же пылко заверяли в своем желании сохранить мир и дружбу между двумя нациями.

Непримиримая партия из числа духовенства, которая настолько боготворила Ковенант, в самом строгом и буквальном его понимании, что не соглашалась больше находиться в какой-либо зависимости от короля, но хотела его отстранить и устроить правление без него (как это решили сделать ее собратья в Англии), прямо-таки не

расставалась с английскими комиссарами, охотно принимая от них специально на сей случай приготовленные и доставленные подарки и пенсии, так что для превращения ее сторонников в верных друзей были розданы изрядные суммы. А потому обо всем, что предлагалось или решалось на самых тайных совещаниях, комиссары тотчас же получали сведения и сообщения, сами же они вели себя так властно и надменно, как будто в любой момент могли опереться на помощь английской армии.

От комиссаров не укрылось, что в Эдинбург стекается множество народа, и что многие из этих людей в свое время сражались против Парламента; и они потребовали, чтобы подобные особы были высланы из королевства или выданы им, для последующей передачи в руки английского Парламента. Они так шумно этого добивались, и их претензии встретили такую поддержку, что пригласившие английских роялистов лица не осмелились открыто представить их соотечественникам, но тайно им посоветовали, пока не утихнет буря, оставаться где-нибудь вне города. Даже сэру Мармадюку Лангдейлу и сэру Филипу Масгрейву предложили либо вновь покинуть Эдинбург, либо сидеть дома и не показываться на людях до той поры, когда будет набрана армия и назначен главнокомандующий, который и позаботится об их защите. Шотландские лорды не скрывали от английских джентльменов своей полной уверенности в том, что главнокомандующим станет герцог Гамильтон. Последний часто имел с англичанами конфиденциальные беседы и каждый раз заверял их, что, вступив в командную должность, которую прочат ему друзья, он немедленно выкажет твердую решимость объединиться с партией короля для защиты истинных интересов короны. Он попросил их не смущаться тем, что они не замечают пока никаких признаков набора армии — каковой будет начат и быстро завершен непривычным для англичан способом — но написать своим друзьям в Англии и настоятельно им посоветовать приступить к осуществлению своих замыслов как можно скорее и во всех частях королевства, где это только окажется возможным, ибо они вправе твердо рассчитывать, что помощь к ним придет прежде, чем враги сумеют их одолеть. С этой же целью джентльмены написали королеве, выразив желание, чтобы принц был в готовности присоединиться к ним, когда шотландская армия завершит приготовления к походу, иначе говоря, заверили они королеву, — к началу мая. Люди, получавшие в Англии такого рода известия, слишком охотно верили подобным обещаниям, а потому

взялись за дело раньше, чем следовало. Впрочем, их торопили такие события, которые просто не оставили им иного выбора.

Когда находившийся в Гемптон-Корте король решил вырваться из рук армии, он, как уже говорилось, велел герцогу Йорку — уже достигшему такого возраста, когда его можно было посвящать в подобные тайны — при первой же благоприятной возможности бежать на континент, где он должен будет следовать указаниям своей матери. Теперь же, когда ожидалось важные события, способные повлечь за собой повсеместные перемены, Его Величество нашел способ сообщить герцогу, что это будет чрезвычайно удобный момент для бегства. Устроить его поручили полковнику Бампфилду — человеку энергичному, умевшему расположить к себе и достаточно ловкому, чтобы добиваться успеха во всех делах, коими он сам руководил. Он не принадлежал к числу слуг короля и хотя сражался в недавней войне под его знаменами в чине пехотного полковника, не сумел отличиться настолько, чтобы вызвать подозрения противной стороны; а теперь с пресвитерианами он поддерживал гораздо более тесные сношения, чем с приверженцами короля. Поэтому частые посещения Бампфилдом того места, где находились герцог Йорк и прочие дети короля, не навлекли на него ни малейших подозрений.

Герцога, вместе с братом и сестрой, держали тогда в Сент-Джеймском дворце, где они могли свободно выходить в сад и в парк для прогулок и развлечений, а лордам, знатным дамам и прочим особам высокого звания дозволялось наносить им визиты. Пользуясь этим, там несколько раз побывал и Бампфилд; объяснив герцогу, что ему нужно будет сделать, и обнаружив среди его посетителей несколько надежных людей — с которыми он общался, чтобы его самого ни в чем не заподозрили, заметив, что он часто с ним беседует — Бампфилд приготовил небольшое судно, которое должно было ожидать их у здания таможни, и раздобыл разрешение на отплытие в Голландию. После чего он предупредил герцога, что тот должен быть наготове поздним вечером: в это время мальчик обыкновенно играл с другими детьми в комнате, лестница из которой вела в сад; он мог незаметно по ней спуститься, а затем выйти через калитку из сада в парк, где его и должен был встретить Бампфилд. План этот был так хорошо продуман, что герцог вовремя оказался в условленном месте, где Бампфилд его встретил, немедленно посадил в заранее приготовленную карету и привез в один особняк. Там герцог оставался недолго: переодевшись в припасенное для

него женское платье, он тотчас же, в сопровождении одного лишь Бампфилда, сел в приготовленную для них двухвесельную лодку. Проплыв под мостом, он взошел на приготовленное для него судно, которое, подняв паруса, благополучно прибыло в Голландию, причем ни единый из членов команды даже не догадывался, какой груз они везут.

Сойдя на берег и устроившись в приготовленном для него помещении, герцог сразу же решил больше не пользоваться женской одеждой; он сообщил о своем прибытии сестре, принцессе Оранской, которая быстро приняла все нужные меры для его переезда в Гаагу. Оттуда обо всем уведомили королеву, так что о местонахождении герцога она узнала сразу же после того, как ей стало известно и его побеге из Лондона.

Лорд Кейпл — посвященный в самые секретные подробности всех затевавшихся тогда в Англии интриг, ведь он пользовался полным доверием тех, кто не стал бы доверять ни единому из пресвитериан и не открыл бы им собственные замыслы, — написал канцлеру Казначейства, все еще находившемуся на Джерси, о своих надеждах на то, что обстоятельства сложатся благоприятно, и о своем решении принять личное участие в выступлении, когда все будет готово. Он также сообщил ему волю короля: как только от канцлера потребуют прибыть к принцу, он должен будет немедленно исполнить это распоряжение. Кроме того, король со всей определенностью написал королеве, что, когда отъезд принца из Франции станет необходимостью, об этом нужно будет известить канцлера и послать ему приказ явиться к особе Его Королевского Высочества. Примерно в начале мая 1648 года лорд Кейпл написал канцлеру, что все уже готово и что принц, по его мнению, вскоре сочтет свое дальнейшее пребывание во Франции нецелесообразным; а затем настоятельно попросил канцлера быть готовым, если его вызовут — а это, он уверен, произойдет — явиться к Его Высочеству.

Около середины мая королева, исполняя волю Его Величества, послала канцлеру на Джерси приказ явиться к принцу в Париж, в Лувр — однако письмо это попало в руки канцлера на другой день после даты, назначенной для его приезда королевой. Получив это распоряжение, канцлер немедленно пустился в путь и прибыл в Нормандию. Сойдя на французский берег, он со всей поспешностью направился в Руан, где нашел лорда Коттингтона, по-прежнему занимавшего должность государственного казначея Англии, а также графа Бристоля и государственного секретаря

Николаса; будучи его друзьями, все они чрезвычайно обрадовались его приезду. Эти люди вместе жили в Руане, где в ту пору находилось немало знатных англичан, оказавшихся в таком же положении: изгнанные из Англии за верность королю, они привезли с собой кое-какие средства, на которые рассчитывали существовать за границей, пока какая-нибудь благоприятная перемена не позволит им вернуться на родину. Теперь они вели скромный и пристойный образ жизни в этом городе, где пользовались большим уважением. Через несколько дней они получили известие, что принц взошел на корабль в Кале и направляется в Голландию, откуда им следует ждать указаний о том, как им надлежит действовать далее. Тогда все они решили перебраться из Руана в Кале, откуда в случае необходимости могли бы затем отплыть в Голландию.

Столь внезапный отъезд принца из Парижа объяснялся одним поразительным событием в Англии, которое можно было принять за глас с неба. Парламент, как обычно, снарядил для летней дозорной службы сильный флот из десяти или двенадцати кораблей и назначил адмиралом Рейнсборо. Сын недавно умершего знаменитого флотоводца и сам воспитанный на море, Рейнсборо, однако, после создания армии Нового образца пошел служить пехотным офицером в армию, где снискал репутацию отличного полковника и стал одним из самых близких к Кромвелю людей. Именно это назначение так оскорбило графа Уорвика, побудив его присоединиться к замыслам брата. В таком же раздражении пребывал и капитан Баттен, ведь в свое время он так потрудился, чтобы настроить моряков против короля и склонить флот к измене, и с тех пор занимал пост парламентского вице-адмирала. Именно на этого человека Палаты главным образом и полагались в морских делах, а сам Рейнсборо, пока оставался во флоте, служил под его началом. И граф, и Баттен отлично понимали, что Рейнсборо поставили командовать этой эскадрой как раз для того, чтобы они — пресвитериане — не смогли оказать на нее ни малейшего влияния. А потому они с большим усердием старались внушить морякам недовольство подобной переменой в командовании, а в самом Рейнсборо видели человека, который их предал, предпочтя морской службе армейскую.

Моряки — совершенно особый народ, люди своенравные и капризные, неистовые и грубые, чрезвычайно упрямые во всех своих замыслах и желаниях, но нетвердые и непоследовательные в их осуществлении и готовые в любой момент взбунтоваться против тех, кому еще вчера безропотно повиновались. И вот эти люди, видя

всеобщее недовольство в стране, понимая, что хотя Парламент, опираясь на силу армии, принудил всех к покорности, однако сам Парламент и армия сделались для народа ненавистны, и слушая бесконечные рассказы о том, что шотландская армия уже готова вторгнуться в Англию, пришли к заключению, что власть короля будет восстановлена. Затем, вспомнив, что мятеж на флоте явился преддверием потери Его Величеством власти и в других местах, а также причиной всех его бедствий, моряки вообразили, что могли бы теперь заслужить себе громкую славу, первыми выступив на стороне короля и возглавив борьбу за его реставрацию. Об этом много толковали между собой простые матросы, ничего не сообщавшие о своих планах офицерам в ранге капитана. Подобные настроения весьма усиливались благодаря всеобщей готовности жителей Кента к восстанию в пользу короля, а также общению с местными джентльменами, которые (по существовавшему в этом графстве обыкновению) поднимались на борт судов и всячески старались укрепить моряков в их благих намерениях.

В это самое время в Кенте стихийным образом обнаружились те же пылкая преданность королю и желание ему послужить, что и у моряков, но порядка, обдуманности и осторожности в использовании этих настроений там было выказано гораздо меньше; впрочем, в обоих случаях почин принадлежал отнюдь не тем особам, которые руководили делами короля и замыслили восстания, вспыхнувшие впоследствии в других частях королевства. Вожди королевской партии ничего не знали, вернее, ничем не способствовали брожению умов в среде моряков, хотя и питали известные надежды на то, что после решительных перемен в других местах, на флоте так же могут произойти благоприятные для интересов короля события. Они уповали на Кент, где, как им было известно, народ в большинстве своем отличался благонамеренностью, и в частности, рассчитывали на нескольких местных джентльменов, которые некогда служили в королевской армии, а теперь были полны решимости, как только представится удобный случай, выставить несколько кавалерийских эскадронов. Общий план, однако, предусматривал, что вооруженные выступления в соседних с Лондоном графствах начнутся лишь после того, как шотландская армия перейдет границу королевства и таким образом вынудит парламентскую армию двинуться на север ей навстречу; к тому же творцы этого плана полагали, что Лондон и страна должны подняться одновременно. Поэтому все кентские джентльмены, сколько-нибудь посвященные

в этот замысел, тайно находились в Лондоне, избегая любого участия в заговорах своих земляков, так что все случившееся в Кенте впоследствии произошло не по заранее составленному плану, а по чистой случайности, которую невозможно было ни предвидеть, ни предотвратить.

Вышло так, что около этого времени на какой-то веселой пирушке в Кенте оказался м-р Летранж. Младший сын в почтенном норфолкском семействе, он всегда твердо стоял за короля и за попытку совершить в родном графстве какие-то действия в пользу Его Величества был взят по приказу Парламента под стражу и приговорен военным трибуналом к смертной казни. Но поскольку его продержали в тюрьме до конца войны, то затем он был выпущен на свободу, как человек, более не представлявший никакой опасности. Летранж, однако, сохранил прежние симпатии и чаще вспоминал о жестоком обращении, коему подвергся, нежели о том, что враги поступили с ним не так жестоко, как могли бы. М-р Летранж был большим другом м-ра Хейлса, молодого джентльмена, жившего в Кенте и женатого на одной богатой даме знатного происхождения. М-р Хейлс являлся наследником самого крупного состояния в графстве, но получение им этого наследства зависело от милости старого сурового деда, который не позволял пока молодой чете предаваться каким-либо излишествам. Мать его супруги имела столь же строгий и угрюмый нрав, при этом оба они были столь твердыми приверженцами Парламента, что не желали допустить, чтобы хоть какая-то часть их имущества могла быть использована в интересах короля.

М-р Летранж находился в гостях у этого самого м-ра Хейлса, когда благодаря тесному общению, которое всегда имело место между жителями графства и командами стоявших в Даунсе судов, пришло первое известие о том, что флот готов немедленно принять сторону короля; из рассказов же сошедших на берег моряков можно было заключить, что к ним намерен присоединиться Лондон. Это побудило многих благонамеренных кентских джентльменов посетить корабли; вернулись же они еще более уверенными в истинности того, что им довелось услышать. Большинство жителей этого графства питало особую слабость к дружеским застольям, и наш молодой наследник, всегда воспитывавшийся среди земляков, старался вести себя так, чтобы им понравиться. Дом его служил сборным местом для любителей подобного времяпрепровождения, которые каждый день приносили известия о твердом желании

флота поддержать короля; вдобавок все тогда только и говорили, что о глубокой ненависти к армии и Парламенту, охватившей целое королевство. М-р Летранж был человек неглупый, с богатым воображением, смелый и предприимчивый; наблюдая же за поведением многочисленных гостей, являвшихся в дом Хейлса, он заключил, что все это обширное и многолюдное графство твердо стоит за короля. Тогда он принялся внушать м-ру Хейлсу, что тот не смог бы совершить деяния боле славного, чем стать во главе родного графства (которое с охотой признает его своим вождем), дабы — когда шотландцы вступят в северную Англию и за оружие возьмется все королевство — он, Хейлс, мог бы, предводительствуя воинством из своих земляков, двинуться на Лондон. Это вынудит Сити и Парламент присоединиться к нему, и таким образом на его долю выпадет честь восстановить власть короля.

Компания, собиравшаяся в доме Хейлса, нашла речи Летранжа чрезвычайно разумными и посчитала, что подобное предприятие непременно завершится блестящим успехом. Молодая хозяйка, исполненная пылкой приверженности к королю, очень хотела, чтобы ее супруг стал орудием его спасения. Сам же молодой джентльмен не был настолько сведущ в мирских делах, чтобы уразуметь опасность и рискованность такой затеи, а потому вверился сам и поручил все это предприятие руководству м-ра Летранжа, которого вся компания, наслушавшись его речей, сочла отличным солдатом. Он послал письма нескольким джентльменам, которые, как ему сообщили, примут их благосклонно, и подписал собственным именем (прежде никому в графстве не известным) распоряжения окружным констеблям, именем Его Величества требуя, чтобы все жители в назначенное время явились в назначенное место для общего совета, а также для того, чтобы воспользоваться удобным случаем, который может представиться для помощи королю и освобождения его из заключения. В указанное место явилось невероятное множество кентцев; туда же прибыл и сам м-р Летранж, с м-ром Хейлсом и прочими особами, посещавшими обыкновенно их компанию.

М-р Летранж обратился к собравшимся с чрезвычайно оригинальной речью, которая подействовала на них тем сильнее, что ее нельзя было назвать слишком ясной и вразумительной. Выступая словно человек, облеченный властью, Летранж гневно осудил тиранию армии, подчинившей себе Парламент, варварское заточение, коему подвергла она короля, и заговор, который она составила с целью его убить; он сказал, что Его Величеству отлично известна

преданность этого славного графства, а потому он велел стоящему в Даунсе флоту присоединиться к кентцам; что Кент и флот, действуя сообща, станут неодолимы для его врагов, у которых, надо думать, окажется довольно забот во многих других местах, где они сами вынуждены будут обороняться; что Его Величеству было угодно, чтобы кентцы имели главнокомандующим хорошо известного им джентльмена из собственного графства, и назначил таковым м-ра Хейлса, (присутствовавшего на собрании).

Ни единый из слушателей даже не попросил Хейлса показать соответствующий патент или какое-то другое полномочие от короля, но все искренне и единодушно объявили о своей готовности присоединиться к Хейлсу и выступить в поход туда, куда прикажет их главнокомандующий. А потому были назначены день и место для записи в полки и их формирования. Между тем м-р Летранж издавал такие декларации и воззвания, которые, как он полагал, могли всего сильнее подействовать на народ, и требовал, чтобы их читали во всех церквях, что и делалось. На следующую сходку явилось еще больше кентцев, выказывавших прежний пыл; многие пехотинцы и кавалеристы пришли с оружием и прямо-таки рвались в бой. Тогда главнокомандующий вручил несколько патентов командирам полков и назначил день для нового общего сбора, на который все должны были явиться вооруженными, а затем держаться вместе, пока не настанет час для похода на Лондон.

Все знали, что флот покинул Даунс, но ведь столь же хорошо было известно и о том, что моряки решительно отказались служить Парламенту и прогнали всех своих офицеров. Нетрудно было убедить народ, что флот ушел выполнять какое-то важное задание и скоро вернется; людям внушали, что флот направляется к острову Уайт, чтобы вызволить короля, который затем возвратится с флотом в Кент. Это побудило кентцев поспешить с приготовлениями.

Парламент был отлично осведомлен о волнениях среди моряков и потому распорядился погрузить лишь половину провизии на суда, которые, в большинстве своем уже готовые выйти в море, стояли в Даунсе и ожидали лишь недостающей части провианта, необходимого для летней службы. Однако находившиеся на кораблях офицеры, видя, что матросы лишь смеются и потешаются над ними, каждый день слали Парламенту известия о мятежных настроениях на флоте. Поэтому Парламент направил туда Рейнсборо и нескольких других офицеров, предполагая, что присутствие адмирала всех успокоит. Рейнсборо, человек грубый и властный, поднявшись на

борт своего корабля, тотчас же начал строгое расследование прежних беспорядков и мятежных действий. Тогда вся команда отступила в старую свою крепость «Один за всех и все за одного», немедленно схватила Рейнсборо, посадила его и еще нескольких офицеров в шлюпку и отправила на берег. Едва узнав об этом, матросы других кораблей последовали ее примеру и поступили со своими офицерами точно так же. Несколько дней подряд моряков щедро угощали и носили на руках жители Кента — а некоторые местные джентльмены взошли на борт, чтобы присоединиться к ним и помочь с заготовлением необходимых запасов — после чего флот вышел из Даунса и взял курс на Голландию, чтобы найти герцога Йоркского, назначенного адмиралом, и стать на якорь у Брилля. О том же, чем занимались кентские джентльмены на суше, и с каким успехом, будет сказано ниже. В этом мятеже, вспыхнувшем на флоте как нельзя более вовремя, в обстоятельствах, когда от него можно было ожидать стольких выгод, увидели верное предзнаменование грядущего спасения короля. Когда стало известно, что корабли находятся близ Кале, было решено, что принцу (до сих пор не помышлявшему ни о чем другом, кроме приглашения от шотландцев и о том, как ему к ним добраться) следует со всей поспешностью отправиться в Кале. Он сразу же туда выехал, сопровождаемый, помимо собственных слуг, принцем Рупертом, лордом Гоптоном, лордом Колпеппером и еще несколькими джентльменами. Обнаружив близ Кале один из английских фрегатов и предположив, что герцог Йорк уже выехал из Гааги в Гелветслюйс и присоединился к стоявшему там флоту, Его Высочество, подгоняемый нетерпением (ему очень не хотелось, чтобы брат его опередил и взялся за дело первым), немедленно поднялся на борт. На флоте его встретили бурным ликованием и шумными возгласами радости, столь привычными для моряков; точно такой же восторг выразили они несколькими днями ранее по случаю прибытия герцога Йорка.

Как только в Голландии узнали о приезде принца Уэльского, принц Оранский и его супруга-принцесса немедленно к нему отправились, чтобы оказать Его Высочеству наилучший прием, какой только был возможен в том месте, а главное — чтобы предаться общей радости, ведь не виделись они с тех пор, как были детьми. Весьма своевременное прибытие принца в Гельветслюйс предотвратило многие неприятности, коих иначе не удалось бы избежать. К морякам при появлении Его Высочества сразу вернулась прежняя бодрость, а так как принц понимал, что сохранить такое настроение

лучше всего поможет участие в деле, то он настойчиво потребовал выхода в море в уверенности, что там его флот превзойдет числом любые силы, которые в столь краткое время сумеет выставить против него Парламент. На судах, однако, уже обнаружилась нехватка многих видов провизии и прежде всего пива, но благодаря помощи и содействию принца Оранского провиант был доставлен быстро и в большом количестве. Тогда принц взял курс на Даунс, предварительно отослав брата, герцога Йорка, и прочих членов своего семейства в Гаагу, с приказом там и оставаться. Хотя герцогу было чрезвычайно досадно покидать флот, на который его уже приучили смотреть как на собственную сферу деятельности, он не мог не признать, что им с братом было бы неблагоразумно подвергать себя опасности на море одновременно. А поскольку принц твердо решил принять личное участие в деле, то герцог подчинился его воле и остался с сестрой.

Принц посвятил в рыцари капитана Баттена и назначил его вице-адмиралом флота, полагая, что не сможет сделать ничего более приятного и удобного морякам, чем вновь поставить начальником над ними того самого человека, который уже командовал ими много лет. Но вскоре принц обнаружил, что принятая им мера ошибочна и что моряки, желавшие служить королю на чистых принципах верности и повиновения, совсем не любят Баттена, так как тот погрешил некогда в обоих отношениях, а ныне принадлежал к партии, ни малейшего почтения которой они не питали. Дело в том, что принц, соответствующим образом настроенный королевой, явился на флот в убеждении, что ему следует всецело полагаться на пресвитерианскую партию, которая, как считалось, могла опереться не только на мощь шотландской армии — ее вторжение в Англию ожидалось со дня на день — но и на всю силу и влияние лондонского Сити.

Несколько дней принц курсировал вдоль побережья — чтобы во всем королевстве узнали о его присутствии у берегов Англии; после чего сочли целесообразным, чтобы весь флот вошел в устье Темзы и там оставался. Таким образом надеялись добиться двух важных преимуществ: во-первых, принудить к открытому выступлению Сити — когда граждане его увидят, что их торговля полностью прекратилась, а направляющиеся в Лондон суда, коих в ту пору года ожидалось великое множество, попадают в руки принца; а во-вторых, пребывание кораблей принца в Темзе должно было помешать Палатам собрать моряков и выслать в море флот, который

снаряжали они для борьбы с флотом принца. Парламент же в этой крайности счел нужным вновь прибегнуть к услугам графа Уорвика и поручил ему командование своим флотом.

Когда Парламент впервые услышал о волнениях в Кенте и увидел распоряжения, разосланные и подписанные никому не ведомым Летранжем — заседавшие в Парламенте кентские джентльмены заверили, что такого джентльмена в их графстве нет, а сэр Эдуард Хейлс, также при этом присутствовавший, заявил, что твердо уверен в том, что его внук не мог участвовать в подобном предприятии — Палаты решили этим пренебречь, посчитав его хитрым замыслом с целью направить их усилия в ложную сторону. Но когда они слышали, что собрания в Кенте продолжаются, увидели опубликованные там декларации и вполне убедились, что молодой Хейлс действительно выступает в роли командующего, они наконец сочли, что дело это заслуживает их внимания. Поэтому они приказали своему главнокомандующему послать в Кент для подавления мятежа несколько кавалерийских эскадронов — сэр же Эдуард Хейлс, пытаясь теперь как-то оправдаться, обрушил на внука поток грубой брани и злобных угроз и торжественно заявил, что тот никогда не станет его наследником.

Граф Голланд (назначенный главнокомандующим) и прочие участники задуманного предприятия еще не завершили своих приготовлений — ведь шотландцы еще не вторглись в Англию; вдобавок, они ничего не могли понять в кентских событиях. И, однако, когда их заверили, что тамошние роялисты собрали отряд, и настолько сильный, что командиры направленных для их подавления войск сообщили Парламенту, что не решаются наступать, ибо неприятель гораздо сильнее и каждый день увеличивается в числе, и что кентские роялисты послали письмо лондонскому Сити с предложением присоединиться к ним — сторонники короля сочли нужным оказать кентцам всю посильную помощь и поддержку. А потому они направили в Кент тех офицеров, которые, как предусматривалось по их плану, должны были возглавить отряды этого графства, когда созреют условия для выступления, а пока, дабы избежать подозрений, скрывались в Лондоне. Им приказали собрать своих друзей, как только появится возможность для соединения с соседями, и сообщили, что в скором времени они получают главнокомандующего от короля — ибо м-р Хейлс, по их мнению, не годился для этой должности.

Граф Голланд собрал вокруг себя многих офицеров, ранее служивших королю и Парламенту; все они находились теперь в Сити, и Голланд, не намереваясь пока созывать их для совместных действий, решил прежде дожидаться выступления сторонников короля на севере. А потому, после того как Голланд посоветовался с остальными и обнаружил, что граф Норидж не прочь возглавить роялистов в Кенте, где его хорошо знали и любили — преданность графа королю и пылкая готовность ему служить сомнений не вызывали — было решено, что именно он туда и отправится. А поскольку у Голланда и его друзей имелось немало чистых патентов на командные должности, коими предполагалось распорядиться по обстоятельствам, то в один из них они внесли имя графа Нориджа, который получил таким образом начальство над всем Кентом и право вести его жителей туда, куда потребуют интересы короля.

С этими полномочиями граф поспешил а Кент и нашел в Мэд-стоне войско из пехоты и кавалерии, вооруженное лучше, чем можно было ожидать, и достаточно многочисленное, чтобы сразиться с любой армией, которую, насколько можно было тогда судить, способен был выставить против него Парламент. Все эти люди встретили графа бурным ликованием и поклялись исполнять его приказы. М-р же Хейлс — получив известие, что в Кент прибудет другой главнокомандующий, и столкнувшись с потоками неистовой ярости и угроз, которые, с одной стороны, обрушил на него дед, а с другой — на его жену ее мать, и наконец, ясно сознавая, что сам он никак не соответствует этой должности (хотя его преданность королю нисколько от всего этого не пострадала) — сумел, вместе с женой и своим другом м-ром Летранжем (уже успевшим потерять доверие народа) перебраться в Голландию с твердым намерением, как только ему удастся так устроить свою жену, чтобы она стала недосыгаемой для собственной матери, вернуться в Англию и рискнуть жизнью на службе тому делу, которое ему не довелось возглавить. И уже вскоре м-р Хейлс предпринял самые усердные попытки исполнить свой план.

Настойчивые призывы, с которыми обращались шотландцы к своим корреспондентам-пресвитерианам, известия о том, что сэра Мармадюка Лангдейла радушно встретили в Эдинбурге, куда теперь каждый день стекается множество английских офицеров и солдат, но прежде всего — полученные из Парижа обещания прислать оружие, боеприпасы и деньги сразу же, как только они потребуются участникам восстания, привели в движение все прочие

силы, которые готовились к выступлению в течение всей зимы. Наиболее важным событием, которое, казалось, уже внесло войну в самое сердце Англии, стало то, что некоторые джентльмены, ранее служившие королю в гарнизоне Ньюарка, а также в северной армии под начальством сэра Мармадюка Лангдейла (действуя по плану, совместно ими принятому еще до отъезда сэра Мармадюка в Шотландию, и по приказу, полученному от него впоследствии, когда он заключил, что шотландцы вскоре будут готовы начать свой поход), неожиданным ударом сумели захватить замок Понтефракт в Йоркшире. Понтефракт-касл представлял собой величественное строение, находившееся в собственности короны. Местоположение его само по себе было чрезвычайно выгодным, ибо ни над одной его частью не господствовали какие-либо высоты. Здание было очень большим, имело все необходимые для королевской резиденции службы, и хотя построено оно было почти на самой вершине холма (так что с него открывался вид на значительную часть Западного Райдинга в Йоркшире, а также Линкольншира и Ноттингемшира), оно было отлично снабжено водой. Комендант гарнизона, введенного в Понтефракт по приказу Парламента, чрезвычайно суровым образом осуществлял свою власть над округой; населяло же ее множество джентльменов и солдат, которые всю войну служили королю и, как всем было известно, по-прежнему сохраняли ему преданность, хотя внешне выказывали полную покорность существующему правительству. При малейшем подозрении или просто по капризу коменданта этих людей хватали, везли в замок, осыпали бранью, а порой даже подвергали заключению, что не могло внушить им теплых чувств к этому человеку. Когда же появились первые надежды на то, что шотландцы соберут армию для спасения и освобождения короля, сэр Мармадюк Лангдейл по пути в Шотландию посетил кое-кого из своих земляков и старых друзей, смирно живших теперь по соседству с Понтефрактом, и имел с ними беседы. Они договорились, что когда станет ясно, что шотландцы формируют армию — а это неизбежно привлечет в северные графства войска Парламента — и что восстание готовится и в других частях королевства, эти джентльмены попытаются внезапным ударом захватить замок, после чего, укрепившись в Понтефракте и заготовив достаточные запасы, чтобы выдержать осаду, соберут в нем столько людей, сколько смогут дать соседние графства. Составив этот план, они условились с сэром Мармадюком Лангдейлом об удобных способах поддержания связи, так что

впоследствии часто посылали ему известия и получали от него инструкции касательно дальнейших мер. Готовые к действию, они, как и прежде, вели себя тихо и смирно, комендант же замка, вопреки своему обыкновению, стал выказывать в обращении с ними меньше подозрительности и больше гуманности.

Жил в тех краях полковник Моррис, который, будучи еще совсем юным, стал в начале войны офицером в одном из полков короля, а затем, по юношескому своему безрассудству и неугомонности, оставил эту службу и перешел в парламентскую армию, причем при таких обстоятельствах, которые не делали ему особой чести. Благодаря своему блестящему мужеству и веселому нраву он не только снискал всеобщее расположение, но получил чин полковника; отважный и решительный в самых дерзких и опасных делах, которые он предпринимал по собственному почину и обыкновенно доводил до успешного конца, Моррис оказал немало важных услуг Парламенту. Когда же армию переделали по новому образцу и ввели в ней более строгую дисциплину, весьма вольный образ жизни Морриса подорвал его репутацию в глазах новых офицеров. Он не привык сдерживать себя в речах и всячески порицал притворство и лицемерие этих людей, а потому был исключен ими из штатов их новой армии, хотя и с самыми любезными заверениями в признательности и уважении за его блестящую храбрость, каковой они пообещали найти новое употребление и достойную награду, если представится такая возможность, в будущем. Моррис владел крупным поместьем в этой части Йоркшира; с годами он стал искренне презирать самого себя за измену королю и твердо решил при первой же благоприятной возможности смыть это позорное пятно каким-нибудь деянием, способным возратить ему доброе имя. А потому, нимало не опечаленный отставкой, он отправился в свое поместье, где стал вести прежний образ жизни, согласный с его бодрым и веселым нравом, сумев расположить к себе людей, пользовавшихся полным доверием Парламента, которые сочли, что из парламентской армии был уволен один из лучших ее офицеров, и очень об этом сожалели.

Теперь, как сельский джентльмен, Моррис часто посещал ярмарки и рынки, с одинаковой откровенностью беседовал со всеми соседями, к какой бы партии они ни принадлежали, и возобновил прежние дружеские связи с некоторыми из джентльменов, ранее служивших королю. Однако ничья дружба не была ему так дорога, как дружба коменданта Понтефракта, который никого не любил так

сильно, как Морриса, и находил столько удовольствия в его обществе, что порой целую неделю, а то и больше, держал его в гостях у себя в замке, где они всегда спали в одной постели. И вот, одному из джентльменов, готовивших упомянутое выше предприятие, полковник Моррис объявил, что сможет неожиданно захватить замок, как только они сочтут, что подходящий момент для этого настал; и джентльмен, хорошо знавший Морриса, твердо ему поверил, а собственным товарищам сообщил, что им не следует ломать себе голову, придумывая способ внезапного захвата замка — подобный план, в который окажутся посвящены слишком многие, может быть легко раскрыт — ибо полковник Моррис берет эту задачу на себя; о том же, каким образом он ее выполнит, им теперь нет нужды знать, но они могут быть уверены, что избранное им средство не подведет. Все джентльмены охотно приняли это предложение, зная, что у полковника имелись веские причины его сделать и ручаться за успех.

Моррис стал еще чаще бывать у коменданта, который просто не мог без него жить и постоянно твердил, что он, комендант, должен проявлять теперь особую бдительность, ибо ему достоверно известно, что некоторые особы, живущие недалеко от Понтефракта и много раз наносившие ему визиты, вынашивают какие-то коварные замыслы относительно замка. Затем он доверительно называл полковнику имена многих лиц (некоторые из них были те самые джентльмены, с которыми имел дело Моррис, прочие же держались совсем иных взглядов, будучи твердыми сторонниками Парламента, — но всё это были его друзья и приятели); однако, продолжал комендант, у него нет особых причин для тревоги, поскольку он имеет среди них своего человека, от которого наверняка получит своевременное предупреждение.

Между тем Моррис коротко сошелся со всеми солдатами в замке, часто с ними пил и играл в карты. Находясь в Понтефракте, он нередко вставал среди ночи и обходил караулы, после чего ему порой удавалось убедить коменданта уволить или прогнать со службы какого-нибудь солдата, который ему не нравился — под тем предлогом, что он застал его спящим на посту или по причине иной провинности, входить в расследование которой не считал нужным. Затем Моррис с похвалой отзывался о каком-нибудь другом солдате, как о человеке верном и надежном, и таким образом полковник в конце концов приобрел огромное влияние в гарнизоне. Время от времени комендант получал письма от своих друзей в Парламенте

и в графстве, предупреждавших, что ему следует остерегаться полковника Морриса, который замыслил его предать; и что полковник часто встречается с особами, которые, как всем известно, принадлежат к числу отъявленных малигнантов и плетут коварные интриги. Обо всем этом комендант отлично знал, ведь полковник, побывав в подобном обществе — даже если такие сходки устраивались в глубокой тайне, по ночам и вдали от жилищ — всегда сообщал об этом коменданту и с большими подробностями рассказывал о том, что происходило на подобных собраниях. А потому, когда к коменданту приходили такого рода письма, он всякий раз показывал их Моррису, и оба они весело смеялись над заключенными в них сведениями. Однако затем Моррис обычно приказывал подать ему лошадь и отправлялся домой, в свое поместье, объяснив коменданту, что хотя тот, как ему, полковнику, отлично известно, твердо верит в его дружбу и слишком хорошо его знает, чтобы счесть способным на столь подлый поступок, однако ему, коменданту, не следует производить впечатление человека, пренебрегающего этими известиями, ибо в таком случае его друзья станут проявлять о нем меньше заботы. И тут уже никакие усилия коменданта не могли заставить Морриса задержаться в Понтефракте; он упорно настаивал на отъезде, уезжал и не возвращался до тех пор, пока за ним вновь не посылали и не упрашивали приехать, ведь комендант нуждался теперь в совете и помощи полковника ничуть не меньше, чем в его обществе.

Случилось так — как это обыкновенно и происходит в подобного рода делах, где участвует слишком много людей, — что наши джентльмены обнаружили нетерпеливое желание осуществить свой замысел прежде, чем наступил удобный момент для его исполнения. События на флоте, в Кенте и прочих частях Англии, ежедневные известия из Шотландии о том, что шотландская армия уже будто бы вступила в пределы королевства, внушили этим джентльменам мысль, что они непозволительно долго медлят с осуществлением своего плана; и что хотя они не получили на сей счет приказов от сэра Мармадюка Лангдейла (коих им следовало дожидаться), приказы эти были посланы, но просто не дошли до них. А потому они призвали Морриса братья за дело.

Действовать решили ночью; нападающие, имея с собой лестницы, чтобы взобраться в двух местах на стену, должны были находиться в готовности у той ее части, где предполагалось поставить часовыми двух солдат, посвященных в их план. Моррис был в замке и лежал в постели с комендантом; как обычно, он поднялся среди

ночи — около того времени, когда, по его расчетам, все его товарищи уже приготовились действовать. Они подали условленный знак, один из часовых ответил им со стены, после чего они устремились к тем двум местам, где должны были забраться наверх по своим лестницам. Но по какой-то случайности второй из их сообщников-часовых отсутствовал там, где ему следовало находиться, так что когда лестницы были приставлены, совсем другой часовой подал голос и, обнаружив под стеной каких-то людей, бросился бежать в караульное помещение за подмогой. Его встретил Моррис; убедившись, что это не тот солдат, он сделал вид, что не верит его словам, велел идти назад и показать подозрительное место; Моррис поднялся с ним на стену и — чтобы лучше все разглядеть — подвел часового к самому ее краю, откуда, будучи человеком очень сильным, сумел сбросить его вниз. К этому моменту находившиеся снаружи люди уже взобрались на стену в обоих местах и подали издали знаки своим товарищам.

С этим подкреплением Моррис направился в караульную, где часть солдат состояла с ним в сговоре, так что, прикончив двоих или троих из числа прочих, люди Морриса овладели помещением и открыли ворота, через которые в замок ворвались пехотинцы и кавалеристы. В сопровождении нескольких джентльменов Моррис поднялся в покои коменданта, все еще находившегося в постели, и объявил ему, что замок захвачен, а сам он теперь в плену. Комендант решил защищаться и потянулся за оружием, но быстро убедился, что его друг куда-то его спрятал; когда же в комнату вошел еще один джентльмен (из числа тех, о которых ему писали), всякое сопротивление стало бесполезным, хотя комендант успел получить несколько ран. Моррис успокоил его, заверив, что обращаться с ним будут хорошо и что хотя комендант участвовал в мятеже, он, Моррис, выхлопочет у короля помилование для него.

Джентльмены навели порядок в гарнизоне, в Понтефракт же явилось столько народу из Йоркшира, Ноттингема и Линкольна, что в ближайшее время они могли не опасаться действий неприятеля, но спокойно занялись заготовлением всякого рода припасов, а также строительством и ремонтом укреплений, которые в будущем могли бы понадобиться для обороны.

Глава XXVII

(1648)

В Англии, таким образом, все пришло в движение прежде, чем в Шотландии обнаружилось что-либо похожее на армию — которую шотландцы обещали подготовить к выступлению в поход к началу мая. Впрочем, что касается набора армии, то здесь почти все препятствия были уже преодолены; к тому же сами шотландцы никогда не думали, что дело это обернется для них какими-либо затруднениями. Однако успех их замыслов всецело зависел от того, кто именно возглавит армию и станет ее главнокомандующим, и если бы им не удалось добиться назначения на этот пост герцога Гамильтона, то они уже не могли бы рассчитывать на удачный исход своего предприятия. Когда-то герцог служил в чине генерала в армии шведского короля, а потому естественно было думать, что он обладает обширным боевым опытом.

Пока решался этот вопрос, внимание Аргайла привлекли находившиеся в Эдинбурге сэр Мармадюк Лангдейл и сэр Филип Масгрейв, а также те речи, которые они имели обыкновение вести, и он потребовал, чтобы эти особы, коль скоро они желают занять командные посты в армии, немедленно приняли Ковенант; чтобы была издана общая декларация о том, что ни один офицер или солдат не может быть допущен в армию прежде, чем примет Ковенант; и чтобы по вступлении в английское королевство шотландская армия воздерживалась от совместных действий с теми отрядами или лицами, которые не выполнили или отказываются выполнять это условие. Против предложения Аргайла никто не возражал; люди, энергичнее других добивавшиеся скорейшего набора армии для освобождения короля, поддержали эту декларацию не менее решительно, чем все прочие.

В это трудно поверить, но шотландцы — казалось бы, давно знакомые с Англией и ясно видевшие, из кого состоит партия короля — по-прежнему упорствовали в своих роковых замыслах, направленных против церкви, на осуществление коих они могли надеяться лишь в том случае, если имели в виду лишь поменять Его Величеству господина и держать короля, как только он попадет им в руки, в такой же несвободе, в какой находился он под властью

Парламента и армии. И, однако, подобное стремление настолько их ослепило и лишило рассудка, что они открыто выражали свое недоверие к партии короля, намереваясь обойтись с ней не менее жестоко, чем с индепендентами или анабаптистами.

Как только стало известно о мятеже на флоте и о его переходе на сторону короля, о восстаниях в Кенте и в других местах и об охвативших все королевство роялистских настроениях, шотландцы замедлили свои приготовления; они решили отложить начало похода и дожидаться, когда все эти выступления будут подавлены и разгромлены, после чего, взяв верх над неприятелем с помощью своей армии, они стали бы полными господами положения в Англии. Наконец, после настойчивых призывов их друзей из Лондона, когда тянуть с выступлением в поход не было уже никакой возможности, шотландцы категорически потребовали, чтобы к ним тотчас же явился принц, столь же решительно заявив, что если принц собственной особой не прибудет немедленно в их армию, то они ничего не станут предпринимать и возвратятся в Шотландию.

Услыхав об этой декларации, сэр Мармадюк Лангдейл и сэр Филип Масгрейв немедленно явились к лордам и стали жестоко их упрекать в том, что они не сдержали свое слово и предали их в собственной стране, где на них смотрят как на врагов. Им ответили, что теперь они должны либо отказаться от своего замысла освободить короля, либо подчиниться решению, которое шотландский Парламент принял столь твердо и единодушно и от которого от уже никогда не отступит. Но когда шотландцы убедились, что джентльмены не поддаются на их уговоры, а напротив, твердо намерены покинуть их страну; когда сэр Мармадюк Лангдейл и сэр Филип Масгрейв заявили шотландцам, что откроют глаза тем честным людям в Англии, которые слишком склонны им доверять, шотландцы вспомнили, насколько для них важно присутствие этих двух джентльменов — хотя бы для того, чтобы их армия могла вступить в Англию. Тогда они попросили их проявить немного терпения, еще раз удалиться из Эдинбурга и дожидаться того момента, когда эти жаркие споры утихнут, а армия будет готова к выступлению.

Герцог Гамильтон, обладавший поразительным умением располагать к себе других людей и втираться к ним в доверие, конфиденциально пообещал джентльменам, что как только он окажется во главе армии и она выступит в поход, ни о каких ковенантах не будет больше и речи, но всех сторонников короля, без малейшего

различия, станут принимать с распростертыми объятиями. А потому они вновь покинули Эдинбург и отправились туда, где останавливались в первый раз. Но не успели они провести там и нескольких дней, как герцог послал им приглашение тайно к нему явиться и, чрезвычайно радушно их встретив, объявил, что вполне готов и что их друзья в Англии обращаются к нему с такими настойчивыми призывами, что он твердо решил двинуться в поход уже в ближайшие дни. Сообщить им об этом он счел нужным не только из дружеских чувств — и эта дружба никогда не позволит ему иметь от них какие-либо секреты — но и потому, что рассчитывает на их помощь во внезапном захвате городов Бервик и Карлайл, которые должны быть взяты к тому моменту, когда он к ним приблизится, поскольку он намерен проследовать с армией между ними.

Выполнить подобную задачу им было нетрудно, ведь, едва прибыв в Шотландию, сэр Мармадюк Лангдейл и сэр Филип Масгрейв условились со своими единомышленниками, жившими неподалеку от названных городов, что те будут готовы захватить их по первому же сигналу. Джентльмены охотно согласились взяться за это дело, но попросили, чтобы герцог предоставил им надлежащие полномочия. Герцог, однако, отказал им в выдаче полномочий под предлогом необходимости держать в тайне этот замысел — который он не открыл бы даже собственному секретарю — а еще потому, что они в силах осуществить его исключительно благодаря собственному авторитету, влиянию и репутации людей, всегда пользовавшихся доверием короля, и им вовсе не потребуются выданные им формальные полномочия, к которым в названных городах отнесутся к тому же без особого почтения.

Подобный аргумент, и джентльмены это понимали, был слишком неоснователен, чтобы подействовать на герцога. Но они догадывались о двух других причинах, заставивших его отказать им в полномочиях, которые в противном случае могли быть даны с соблюдением всей необходимой в этом деле секретности. Во-первых, существовал приказ, запрещающий выдавать офицерские патенты всякому, кто еще не принял Ковенант — и если после вступления в Англию герцог, пользуясь своей властью, и мог бы взять на себя смелость этим приказом пренебречь, то позволять себе подобную вольность, все еще находясь в Эдинбурге, ему было не с руки. Во-вторых, если бы они сделали свое дело, не получив от него формальных полномочий, то герцог, на марше или подступив к этим городам, мог бы сразу же их отстранить, назначив вместо них

комендантами шотландцев. Последнюю причину герцог и не думал скрывать, но прямо признал, что хотя шотландский Совет не станет пытаться захватить эти города, но когда они окажутся взяты, сэру Мармадьюку Лангдейлу и сэру Филипу Масгрейву следует ожидать, что власть в них будет передана в руки шотландцев. Джентльмены и не собирались задерживаться там в должности комендантов — отлично зная, насколько важно их присутствие в армии, во всяком случае пока она не покинет северные графства — но они также понимали, что для успеха общего дела необходимо, чтобы оба города остались в руках англичан, иначе лишь немногие из джентльменов, даже самых верных и благонамеренных, поднимут оружие за короля. Сообщив об этом герцогу, они, однако, предоставили ему решать подобные вопросы, по его настойчивой просьбе согласились взять на себя это дело и сразу же отправились в путь, чтобы привести свой замысел в исполнение одновременно в двух местах, тем более что обо всех необходимых в этом предприятии мерах они договорились между собой заранее.

По распоряжению сэра Мармадьюка Лангдейла несколько солдат и офицеров тайно находились по шотландскую сторону границы и ждали его приказа; еще больше таковых было с английской стороны; в двух-трех милях от Бервика жили несколько почтенных и благонамеренных семейств, готовых выступить по первому требованию; пока же они укрывали у себя многих других сторонников короля. Некоторым из них сэр Мармадьук Лангдейл в ночь накануне задуманного предприятия приказал встретить его в условленном месте в миле от Бервика; остальным он велел прибыть в город к рассвету, при этом одни должны были расположиться на рыночной площади, а другие — на мосту, по которому ему предстояло вступить в город.

На следующее утро, в базарный день, когда в город стекались обыкновенно целые табуны лошадок, нагруженных мешками с зерном, сэр Мармадьук Лангдейл, с отрядом примерно в сто всадников и с некоторым числом пехотинцев, шагавших в толпе торгового люда, тотчас же после восхода солнца неожиданно появился на мосту. Найдя там, как и предполагалось, ожидавших его друзей, он немедленно велел поднять мост, выставил у него охрану из пехотинцев, сделал необходимые распоряжения относительно других городских ворот, а сам с большей частью отряда направился на рыночную площадь, где обнаружил друзей-земляков, готовых исполнить все его приказы. Весь город, однако, был охвачен таким

ужасом — сами его жители и составляли гарнизон — что когда люди сэра Мармадюка взяли под стражу мэра (исполнявшего обязанности коменданта), всюду быстро воцарилось полное спокойствие, так что Лангдейл велел вновь открыть городские ворота, чтобы торговля на рынке шла своим ходом. Сэр Филип Масгрейв столь же легко овладел Карлайлом — где сам он пользовался более значительным влиянием, а горожане отличались большей преданностью королю и неприязнью к шотландцам, чем жители Бервика; после чего оба они поспешили известить герцога о том, что им удалось сделать.

Должно казаться удивительным, что даже после того, как Кромвель ясно понял неизбежность войны с Шотландией и стал постоянно получать сведения о введшихся там приготовлениях, он так и не потрудился ввести гарнизоны в эти два важных города, мощные укрепления коих сами по себе позволили бы в течение известного времени противостоять всем силам, которые могла бы направить против них Шотландия. Однако те самые соображения, которые все еще действовали в Эдинбурге, взяли верх и в Вестминстере. Акт об умиротворении двух королевств, принятый парламентами обоих, когда они сообща выступили против короля, специально предусматривал, что по обе стороны границы в Бервике и Карлайле впредь запрещается держать гарнизоны. И Парламент, не желая, чтобы шотландцы, воспользовавшись этим предлогом, объявили зачинщиками войны англичан, не позволял посылать туда солдат, предоставив распоряжаться в Бервике мэру и горожанам, которые могли бы защитить свой город от шотландцев, если бы только ждали их наступления. Впрочем, истинная причина заключалась в ином: Кромвель питал столь безграничное презрение ко всем военным силам этой нации, что его совершенно не беспокоило, какие выгодные позиции шотландцы успеют где-либо занять или какие крепости удастся им захватить.

Как только сэр Мармадюк Лангдейл и сэр Филип Масгрейв овладели Бервиком и Карлайлом, к ним стали во множестве стекаться ранее служившие королю джентльмены, офицеры и солдаты — хорошо вооруженные и снаряженные и отлично подготовленные к войне. Теперь Лангдейл и Масгрейв располагали не только крупными гарнизонами, способными удержать названные города, но и достаточно сильной кавалерией, чтобы очистить соседние графства от всех войск, комитетов и лиц, которые либо открыто поддерживали Парламент, либо были известны как тайные его

сторонники. 28 апреля сэр Мармадюк Лангдейл овладел Бервиком, а на следующий день, около восьми часов утра, сэр Филип Мэстрейв внезапным ударом захватил Карлайл — многие джентльмены из числа его соседей уже ожидали сэра Филипа в самом Карлайле или в его окрестностях, так что горожане быстро пришли в полное смятение и почти не сопротивлялись. Герцог же Гамильтон не только отказался дать им солдат или оказать какую-либо помощь при взятии названных городов, но и не пожелал предоставить им официальные полномочия на их захват: он не смеет, оправдывался герцог, это сделать, поскольку-де шотландцам никак нельзя первыми начинать войну. Гамильтон пообещал лишь прислать каждому гарнизону пятьсот мушкетов и десять бочонков пороха и заверил, что не позже, чем через три недели, вся шотландская армия вступит в пределы Англии, если же английские роялисты окажутся в отчаянном положении еще раньше, то они смогут твердо рассчитывать на помощь.

Но когда ему стало известно, что обе крепости захвачены роялистами, герцог не замедлил послать в Бервик коменданта и гарнизон. Сэр Мармадюк Лангдейл, как и обещал, сдал ему город, после чего получил приказ двинуться со всеми англичанами в соседние с Карлайлом края и там со всей поспешностью довести свои отряды до возможно большей численности. Он сделал это с таким успехом, что уже через несколько дней устроил на пустоши в пяти милях от Карлайла сбор войск, на который явилось свыше трех тысяч хорошо вооруженных пехотинцев и семьсот кавалеристов, вооруженных похуже. Все эти силы (а сюда не входит гарнизон Карлайла, все еще находившийся под командой сэра Филипа Мэстрейва) были набраны в Камберленде и Вестморленде. Два дня спустя из Йоркшира, епископства Дарем и близлежащих мест прибыло пятьсот отлично снаряженных кавалеристов. Поэтому сэр Мармадюк Лангдейл решил немедленно двинуться в Ланкашир и разгромить тамошних сторонников Парламента — что он мог бы тогда легко сделать. В Эдинбурге, однако, косо смотрели на успехи английских роялистов и быстрый рост их армии, и к сэру Мармадюку Лангдейлу прибыл гонец с категорическим приказом до подхода шотландской армии не вступать в бой с неприятелем, даже в самых выгодных условиях. Это распоряжение он немедленно исполнил — хотя мог бы тогда выступить против Ламберта, который был послан на север с меньшими силами, нежели те, коими командовал сэр Мармадюк, и, по всей вероятности, был бы им разгромлен.

И, однако, словно эта помеха действовала недостаточно обескураживающе, через пару дней по прибытии упомянутого курьера Совет послал сэру Мармадюку Лангдейлу письмо, в котором сурово порицал его за то, что он берет в свою армию папистов и не заявляет о верности Ковенанту в издаваемых им декларациях; и сообщал сэру Мармадюку, что он не получит никакой помощи, если вся его армия не примет Ковенант. Это одним ударом разрушало все их надежды и настолько противоречило всем обещаниям, которые дали им на словах или в письмах шотландские лорды, что сэр Мармадюк убедил сэра Филипа Мэстрейва немедленно отправиться в Эдинбург, чтобы заявить протест против подобных мер и выразить решительное с ними несогласие.

Между тем Ламберт, получив сильный отряд кавалерии и пехоты, двинулся против сэра Мармадюка Лангдейла, который, имея приказ избегать боя, вынужден был отойти в Карлайл, позволив таким образом неприятелю по сути дела блокировать с одной стороны город; сам же сэр Мармадюк слал в это время письмо за письмом герцогу, умоляя его либо ускорить выступление в поход, либо направить ему в подмогу хоть какие-то войска и дать ему право сразиться с врагом.

Хотя граф Норидж обнаружил, что в Мэдстоне собралось очень много народа, он также нашел там отсутствие порядка и дисциплины и увидел, что этих людей трудно заставить подчиняться командирам. Кентцы достаточно долго находились вместе, чтобы среди них успели зародиться взаимные подозрение и недоверие, переросшие затем в жестокие раздоры и несогласия касательно того, что им теперь следует предпринять. И хотя все они заявляли о безусловной готовности повиноваться графу Нориджу как своему главнокомандующему, никто не стеснялся выражать собственные мнения о лицах и событиях и вспоминать, благодаря каким мерам они впервые собрались, из чего следовало, что многие были бы не прочь начать дело сызнова.

Сам же граф — благодаря своему веселому и приятному нраву, позволявшему удивительным образом примирять самых разных по душевному складу людей, — способен был скорее собрать и удержать вместе подобное воинство, нежели навести в нем порядок и руководить им в каком-то серьезном предприятии. Он всегда жил при дворе, где его положение и род занятий доставили ему совсем немного врагов, благодаря же своему милому и живому характеру, всюду вызывавшему симпатию, он приобрел множество друзей,

или, во всяком случае, людей, находивших удовольствие в его обществе. Но он не имел ни боевого опыта, ни малейшего понятия о военном искусстве и совершенно не представлял, как ему следует исполнять обязанности командующего — зато очень хотел каждому угодить и понравиться и готов был потакать любым капризам. Это быстро заметили, и вскоре глубокое почтение, с которым кентцы готовы были относиться к нему поначалу, исчезло, и они стали с еще большим упрямством защищать собственные мнения о том, что следует делать. Те, кто лучше других представлял себе положение дел и понимал, как именно кентцам следует теперь наилучшим образом распорядиться имеющимися у них силами, предлагали отступить за Рочестер, после чего, разрушив мост и укрепив несколько переправ (сделать это было бы нетрудно), они оказались бы в состоянии защищать от неприятельского вторжения восточный Кент (лучшую и самую обширную часть этого богатого и многолюдного графства) дольше, чем враг мог бы себе позволить продолжать подобные попытки — ведь ему пришлось бы опасаться удара с тыла, если бы лондонский Сити или роялисты Эссекса (о них толковали больше всего) решились открыто выступить в пользу короля. Таким образом, они обеспечили бы надежную связь с флотом — в скором возвращении которого кентцы не сомневались, тем более что на кораблях служили теперь некоторые джентльмены из их графства, и они наверняка должны были сделать все, чтобы ускорить его возвращение.

Несомненно, это был чрезвычайно разумный совет, и если бы ему последовали, врага удалось бы на некоторое время задержать. Однако менее рассудительные люди держались иного мнения. Они считали, что Ферфаксу будет просто не до них. Они были уверены, что Парламенту уже теперь приходится иметь дело со слишком многочисленными врагами, ведь офицеры, захватившие на севере Понтефракт, стянули в него из соседних графств сильный гарнизон и располагали отрядом кавалерии, который тревожил своими набегами всю округу, а шотландцы уже начали поход в Англию. Отсюда они заключали, что выступить против Кента Ферфакс не сможет. Отступить же значило бы для них теперь обнаружить свой страх, что обескуражило бы их друзей в Лондоне, а все их сторонники в тех частях Кента, которые пришлось бы оставить при отходе, узнав о таком решении, немедленно их покинули бы. А потому они потребовали, чтобы вся кентская армия двинулась к Блекхиту — это подняло бы дух их друзей, и в Блекхит каждый день стекались бы

толпы народа из Лондона и соседних мест, все жители коих твердо стояли за короля.

Именно этого домогались кентцы всего шумнее, что и заставило графа Нориджа согласиться. Итак, было принято решение о походе, назначен день общего сбора в Блекхите и разосланы соответствующие распоряжения.

Из-за вспыхнувших в столь многих местах беспорядков стало, наконец, известно о решении главнокомандующего, которое прежде тщательно скрывали: Ферфакс отказался идти в поход на шотландцев. Кромвель очень хотел взять это дело на себя; шотландцев же он презирал настолько, что готов был выступить с войском, по численности своей, как он отлично знал, сильно уступавшим шотландской армии. Получив известия о том, где именно шотландцы собираются перейти границу королевства и что они уже готовы к походу, Кромвель, взяв с собой отобранные им самим части, двинулся на север, намереваясь встретить шотландцев тотчас же по их вступлении в Англию. Он не стал утруждать себя осадой Понтефракта, полагая, что если ему удастся разбить шотландцев, то замок этот уже не доставит ему больших хлопот.

Едва они успели войти в город (который вовсе им не обрадовался), хоть немного подготовить его к обороне и навести известный порядок в собственных рядах, как перед Колчестером появился Ферфакс. Узнав, что произошло с графом Нориджем и его друзьями, он решил не задерживаться в Кенте, но оставил там два или три кавалерийских эскадрона, которые и должны были окончательно умиротворить графство при содействии местных парламентских комитетов; ранее изгнанные из Кента, а теперь вернувшиеся с победой, их члены отлично знали, как им теперь следует поступить с теми, кто поднял против них мятеж. Подступив к Колчестеру, Ферфакс увидел, что город не имеет никаких укреплений, и заключил, что быстро войдет в него со своей армией. Однако он встретил столь яростное сопротивление, что по совету Айртона — Кромвель оставил его следить за армией и за самим Ферфаксом — решил окружить его своими войсками и, не рискуя жизнями собственных солдат, держать в блокаде до тех пор, пока голод не принудит осажденных к сдаче. Он соответствующим образом расположил свои части, после чего доставка в город провианта и проникновение в него людей быстро сделались невозможными; хотя осажденные, совершая смелые вылазки, в ходе которых с обеих сторон полегло

немало доблестных воинов, часто наносили весьма чувствительные удары по квартирам Ферфакса.

Флот, после того как он с величайшей радостью подчинился командованию принца, совершил гораздо меньше, чем от него ожидали, а раздоры и разногласия состоявших при особе принца лиц сказывались на его действиях самым скверным образом. Принц Руперт, с которым принц Уэльский был весьма любезен, из-за множества старых споров, происходивших между ними еще в годы войны, недолюбливал лорда Колпеппера, а тот обладал отнюдь не таким характером, чтобы добиваться его расположения. Человек же, имевший тогда наибольшее влияние на принца, а именно генеральный атторней Герберт, как никто другой на свете был склонен сеять вокруг себя рознь и несогласия, а все его способности служили духу противоречия: он пререкался по всякому поводу и отвергал любые предложения. Принцу Руперту не терпелось предпринять какие-то действия на побережье, чтобы склонить таким образом приморские города и прилежавшие к ним области к выступлению в пользу короля — замысел, который не выдерживал разумных возражений. Однако слово «бой» было чрезвычайно мило сердцам моряков, и на тех, кто противился любым мерам, способным к нему привести, смотрели с величайшим предубеждением и подозрительностью. Впрочем, полученные из Парижа инструкции запрещали принцу ввязываться в любые предприятия, которые могли бы его отвлечь и сделали бы его неготовым явиться к шотландцам по первому же их зову. А потому он с нетерпением ждал известий из Лондона, откуда уже получил заверение в том, что герцог Гамильтон вступил в королевство с более чем 30-тысячной армией — что было чистой правдой.

Когда принц вышел со своим флотом в море из Гельветслюйса, он встретил судно, направлявшееся из Лондона в Амстердам с грузом сукна, принадлежавшего компании купцов-авантюристов, которые не ожидали, что его флот так быстро подготовится к плаванью. Судно было захвачено и, когда его палубы опечатали, взято под охрану флотом, который, войдя в устье Темзы, захватил немало других судов с ценными грузами, шедших из Лондона, и задерживал все корабли, направлявшиеся в Англию — и среди них судно Ост-Индской компании с богатым грузом на борту, чему обрадовались еще и по той причине, что само это судно было очень большим и мощным, и из него вышел бы отличный военный корабль, а его

капитан, моряк храбрый и опытный, изъявил пылкую готовность служить королю.

Когда принц стоял в Даунсе, потребовалось предпринять одно дело на берегу, которое, впрочем, не принесло желанного успеха. Как только флот поднял мятеж против Парламента — и еще до ухода в Голландию — он захватил несколько блокгаузов, находившихся у самого устья Темзы, и оставил в них своих моряков, обеспечив их припасами, которые позволили бы им обороняться до возвращения флота. Теперь же принц обнаружил, что блокгаузы осаждены, и получил от гарнизонов известие, что припасы у них на исходе, так что продержаться они смогут столько-то дней и не более. Действовавшие против них силы состояли преимущественно из кавалерии, и казалось, что во время прилива, когда лодки смогут подойти к ним совсем близко, будет нетрудно оказать гарнизонам необходимую помощь или же принудить располагавшегося перед ними неприятеля снять блокаду. Моряки, не обремененные иными заботами, изъявили готовность принять участие в этом деле и выручить своих товарищей, а поскольку на кораблях тогда находилось немало армейских офицеров и известное число пехотинцев, то некоторых из них принц также отрядил на это предприятие. Исход его, однако, оказался неудачным. Начали его уже после того, как вода отступила, а потому между местом высадки и фортом им предстояло преодолеть более значительную дистанцию, чем они рассчитывали прежде; тут их решительно атаковала кавалерия, так что многие были убиты, еще больше попало в плен, а прочим пришлось в неподобающем беспорядке отступить к лодкам. Несколько новых попыток, предпринятых впоследствии, имели не больший успех, и в конце концов блокгаузы оказались в руках неприятеля. Хотя это не доставило принцу особых неудобств — упомянутые форты были слишком невелики, чтобы причинить флоту какой-либо ущерб — однако бесславный исход этого предприятия внушал известное недоверие к замыслам, осуществление коих еще нигде не увенчалось успехом. Любая же удача поднимала дух тех людей, которые готовы были с легкостью преувеличить ее размеры, тем более если сами они все еще находились под тяжелым впечатлением какой-то неудачи.

К этому времени Парламент снарядил другой флот, числом и мощью кораблей превосходивший флот мятежников; командовать же им назначили графа Уорвика. Он охотно принял пост, быстро взошел на борт и с приливом был уже в виду принца, где

и бросил якорь. Два флота разделяла такая дистанция, что думали теперь только о сражении. Казалось, полную готовность к нему проявлял флот принца — вероятно, еще и потому, что имел известия о том, что на неприятельских кораблях не хватает людей, что туда будто бы силой взяли многих матросов, более приверженных к королю, чем к Парламенту, что и станет очевидным, когда флоты сойдутся на близкую дистанцию; но это мнение, было ли оно плодом фантазии или проистекало из каких-то сведений, совершенно не соответствовало действительности.

Граф Уорвик и его флот выказывали достаточную решимость и готовность к бою; было, однако, известно, что граф знает о планах своего брата, графа Голланда, и уже пообещал к нему присоединиться. А потому решили, что будет лучше, если принц напишет графу, потребовав или предложив ему возвратиться к исполнению верноподданнического долга. Письмо отправили через Гарри Сеймура, тот вскорости вернулся с ответом графа, который в самых почтительных выражениях покорно просил Его Высочество предать себя в руки Парламента и приказать флоту вновь подчиниться Палатам, после чего взбунтовавшимся морякам будет даровано прощение.

Теперь для сближения флотов не доставало только ветра, когда же задул благоприятный для принца ветер, Его Высочество решил атаковать. Корабли снялись с якорей, завершили приготовления, и весь флот, подняв паруса, пошел на неприятеля. Казалось, парламентский флот настроен столь же твердо и решительно, однако ветер, который нес в его сторону корабли принца, вынудил его немного податься назад и занять позицию в том месте, где река была несколько уже. Вдруг ветер стих и наступил штиль, так что принц уже не мог продолжать движение; к тому же устье реки внушала известную тревогу: опасались, что мелководье не позволит некоторым кораблям вступить в бой. Пока соображали, что делать, снова поднялся ветер, но уже с другой стороны. Теперь он дул прямо в лицо принцу и, не позволяя его кораблям сблизиться с неприятельскими, гнал их назад, прочь из устья Темзы.

Тогда начались новые совещания. На флоте обнаружился сильнейший недостаток провианта, так что он не смог бы оставаться в море более десяти дней, а на многих кораблях провиант должен был закончиться еще скорее. А потому, поскольку при таком направлении ветра принудить графа Уорвика к сражению было невозможно, а их собственному флоту грозил голод, сочли наиболее

разумным выйти в море, где флот принца мог бы вступить в бой в более выгодных условиях, если бы граф Уорвик двинулся за ним. Если же он этого не сделает, появятся серьезные причины рассчитывать на то, что принц встретит корабли, шедшие из Портсмута на соединение с графом, которые флот принца, гораздо более сильный, мог бы затем внезапно атаковать и легко захватить.

Но тут из Шотландии прибыл на корабле граф Лодердейл. Он был послан требовать выполнения договора, иначе говоря, чтобы принц немедленно отправился в армию герцога Гамильтона (которого граф оставил на марше в Бервик). Это укрепило принца в намерении выйти в море, поскольку, чтобы флот мог затем доставить принца на север, его вначале было совершенно необходимо увести в Голландию. А потому весь флот вышел в море и взял курс на Голландию, все еще надеясь встретиться с кораблями, идущими из Портсмута. И он действительно с ними встретился — и разминусь — ночью, о чем принц узнал только утром, когда все стали перекладывать вину за случившееся друг на друга. Теперь нужно было изо всех сил спешить в Голландию, ибо, соединившись с судами из Портсмута, граф Уорвик (не говоря о прочих преимуществах) превосходил принца как числом, так и мощью и крепостью своих кораблей — что и обнаружилось, когда он явился со своим флотом к Гельветслюсу через несколько дней по прибытии туда принца.

Герцог Гамильтон вступил в Англию со своей армией около середины июля, затем он вошел в Карлайл, сместил с поста коменданта сэра Филипа Масгрейва, вывел из города весь английский гарнизон и заменил его шотландским. Простояв там несколько дней, английские и шотландские части явились на общий сбор близ Пенкрита в Камберленде, где квартировал тогда Ламберт. Если бы они продолжили марш (а именно это им и следовало сделать), то, весьма вероятно, разбили бы отряд Ламберта. Но герцогу угодно было заночевать в двух милях от Ламберта — который той же ночью, в большом смятении и беспорядке, отступил к границам Йоркшира. Герцог оставался на месте много дней, дожидаясь, когда подоспеют все его войска, медленно подтягивавшиеся из Шотландии. Как только они подошли, герцог двинулся к Кендалу, где снова простоял целых две недели: очевидно, ему хотелось, чтобы англичане, поднявшие восстание в пользу короля в разных частях королевства, потерпели за это время известный урон и, таким образом, не смогли бы соединиться и составить силу, способную обуздать пресвитериан и воспрепятствовать осуществлению их

замыслов — другое объяснение никому не приходило в голову. Ведь когда шотландская армия, вступив в Англию, продвигалась чрезвычайно медленными маршами, выказывая при этом полное пренебрежение к неприятелю и совершенно его не опасаясь, сэр Мармадюк Лангдейл со своим английским отрядом из четырех тысяч пехотинцев и восьмисот кавалеристов всегда шел впереди, на расстоянии одного дневного перехода от нее. Таким образом шотландцы рассчитывали своевременно получать известия о движениях неприятеля, сами же никакой разведки не вели. Вдобавок, желая любой ценой ослабить сэра Мармадюка, они хотели, чтобы именно он принял на себя первый удар врага.

Уже через несколько дней — дело было в середине августа — сэр Мармадюк Лангдейл сообщил герцогу, что им получены верные сведения о том, что Кромвель находится на расстоянии двух или трех дневных переходов, и что он твердо решил бросить свою армию в бой как можно скорее, совершенно не отвлекаясь на собирающиеся вокруг отряды из местных жителей, как бы близко они ни находились и что бы они ни намеревались предпринять. Поэтому сэр Мармадюк настоятельно попросил его светлость собрать свою армию в кулак, ибо, будучи разделена на части, далеко отстоящие друг от друга, она подвергается серьезной опасности. Он также сообщил, что намерен остановиться и ждать приближения неприятеля, а затем, если найдет нужным, отступить.

Несмотря на это известие, герцог совершенно не изменил порядок марша — в убеждении, что неприятель не может находиться так близко, если же Кромвель и в самом деле подошел к нему на такое расстояние, то лишь с небольшим отрядом и вступить в бой со всей шотландской армией он не рискнет. Пребывая в этой уверенности, герцог продолжил свой марш прежним порядком. Сэр же Мармадюк каждый день посылала ему новые известия, подтверждавшие первоначальные сведения; так, он сообщил, что его кавалеристы имели стычку с неприятельскими и что вся вражеская армия рядом и готова к делу. Правда, по численности своей она уступала войскам герцога, и однако Кромвель хотел только одного — поскорее вступить с ним в сражение. Но этому не желали верить — пока сам сэр Мармадюк, отходя с жестокими боями, в которых пало с обеих сторон немало людей, не отступил, преследуемый врагом, прямо на главную квартиру герцога. Туда он доставил нескольких пленных, которые показали, что вся неприятельская армия движется

форсированным маршем и уже находится на расстоянии пяти или шести миль.

Известие это привело герцога в замешательство; он растерялся и не знал, что делать. Шотландская армия оставалась разделенной на части, а бывшие при герцоге войска находились в беспорядке и, по-видимому, совершенно не желали драться. Охваченный смятением, он остался с несколькими офицерами в Престоне, велел своей пехоте перейти через мост и двигаться к Уигану, городу в Ланкашире, где, полагал герцог, она сможет соединиться с другими полками и оказывать сопротивление до тех пор, пока не подоспеют прочие части. Сэр же Мармадюк Лангдейл вернулся к своему отряду, поскольку герцог пообещал направить ему в подкрепление несколько эскадронов, а также прислать пехоты, чтобы прикрыть дорогу, вдоль которой предстояло отходить его людям.

Отступив, сэр Мармадюк Лангдейл расположил своих солдат в огороженных стенами местах близ Престона. Неприятель упорно его теснил и наседал весьма яростно, однако сэр Мармадюк с большим мужеством продержался более шести часов, нанеся врагу огромный урон в офицерах и рядовых и даже, по-видимому, вынудив его отступить, или, во всяком случае, остановиться. Шотландцы же за все это время так и не прислали ему никакой подмоги, посчитав, что сэра Мармадюка атакует не вся армия Кромвеля, а лишь какой-то отдельный отряд, оторваться от которого он сумеет и без посторонней помощи. Впоследствии сэр Мармадюк Лангдейл часто мне говорил, что если бы ему прислали хотя бы тысячу пехотинцев, то он, вне всякого сомнения, одержал бы победу; а сам Кромвель признавался, что никогда не видел пехоты, которая дралась бы так отчаянно, как люди Лангдейла.

Шотландцы продолжали марш через мост, не потрудившись прикрыть дорогу, как советовал им сделать сэр Мармадюк; воспользовавшись этим, кавалерия Кромвеля ударила сэру Мармадюку во фланг — в то самое время, когда с таким же упорством его атаквали с фронта. Наконец, сопротивление его доблестной пехоты было сломлено, и сэр Мармадюк, вместе с остававшимися с ним кавалеристами, отступил под натиском неприятеля в город, где по-прежнему находился герцог с несколькими офицерами; затем все они, перейдя реку вброд, присоединились к шотландской пехоте, пребывавшей в таком же расстройстве. Ведь как только англичане потерпели поражение, шотландцев тотчас же выбили с моста, принудив к беспорядочному отходу. Тем не менее вся

армия герцога оставалась по сути целой; с ней он и продолжал свой марш еще два или три дня, пока не достиг Утоксета. За это время многие шотландские вельможи покинули его и сдались местным джентльменам; войска же Кромвеля, яростно наседавшие на шотландцев с тыла, перебили и забрали в плен столько народу, сколько сами хотели, не потеряв при этом ни единого человека.

Не успел герцог добраться до Утоксета, как на него обрушились его собственные войска, по пятам преследуемые конницей Кромвеля и не оказывавшие ни малейшего сопротивления; после чего он сам и все старшие офицеры (исключая тех немногих, кто сумел спрятаться или, воспользовавшись быстротой своих коней, бежать) были взяты в плен. Герцог при этом не выказал ни таланта военачальника, ни мужества дворянина (коего, как прежде думали, он не был лишен), но, когда его препроводили к Кромвелю, повел себя так, как поступил бы человек малодушный: изъявил победителю полную покорность и униженно перед ним оправдывался.

Так вся его армия потерпела полное и сокрушительное поражение, причем многих шотландцев убили скорее из презрения, а не потому, что они пытались сопротивляться. Остальные попали в плен; также были захвачены все их пушки, обоз и знамена. И только часть кавалерии, находившаяся в самом арьергарде, поспешила принести на родину известие о неудаче шотландского оружия. Те же, кто не повернул в сторону Шотландии, были по большей части захвачены местными жителями и преследовавшей бегущих кавалерией. Сэру Мармадюку Лангдейлу — после того, как он и оставшиеся с ним офицеры и солдаты сочли более безопасным рассеяться и искать спасения поодиночке — крупно повезло: его узнали, взяли в плен и отправили в ноттингемский замок. И эту блестящую победу Кромвель одержал с армией, которая, если бы шотландцы сосредоточили все свои войска, уступала бы им по численности более чем втрое и которая (после того, как были разбиты английские отряды) не уменьшилась в числе даже на полсотни солдат.

Лорду Коттингтону и канцлеру Казначейства довелось испытать немало злоключений, которые и не позволили им явиться к принцу на флот. Как только им стало известно, что Его Высочество взшел на корабль в Кале, чтобы присоединиться к флоту в Голландии, они сели на французское военное судно, направлявшееся в Дюнкерк. По прибытии туда они встретили одного служившего принцу джентльмена, который сообщил им, что принц со всем своим

флотом находится в Даунсе и что он направил его с письмом к коменданту Дюнкерка, чтобы взять у него на время фрегат, который несколько ранее комендант в любезном своем послании изъявил готовность предоставить в распоряжение Его Высочества. Комендант принял их весьма учтиво и заверил, что фрегат будет готов на следующий день и что если им будет угодно воспользоваться этим судном, то оно доставит их к принцу.

Лорд Коттингтон и канцлер Казначейства увидели в этом превосходную возможность добраться до принца скорее, нежели они прежде рассчитывали. А потому, не подумав об опасностях, которые могло таить в себе подобное путешествие и которые было совсем не трудно предвидеть, они решили воспользоваться удобным случаем: им казалось, что единственный риск, коему они могли бы подвергнуться в подобном предприятии — это угроза быть перехваченными парламентскими кораблями, но поскольку принц стоял со своим флотом в Даунсе и, следовательно, господствовал на море, такой исход представлялся им почти невероятным. В итоге они опрометчиво сели на этот фрегат и вечером вышли из Дюнкерка, воображая, что уже на следующее утро будут в Даунсе с принцем. На море, однако, установился ночью столь мертвый штиль, что уплыли они совсем недалеко, а на утро обнаружили, что их преследует семь или восемь фрегатов из Остенде. Коротко говоря, их захватили в плен, дочиста ограбили (общие их потери деньгами и драгоценностями оказались очень велики) и отправили в Остенде. Там, хотя их немедленно отпустили, им пришлось задержаться на много дней — не без некоторых надежд, внушенных испанским комендантом и лордами Адмиралтейства, щедро пообещавших им полное возмещение потерянному. Но поскольку заверения эти остались без последствий — флибустьеры, народ дикий и жестокий, не признавали над собой ничьей власти — то лорд Коттингтон и канцлер Казначейства нашли способ уведомить принца обо всем, с ними приключившимся, и сообщить, что они будут ждать его приказаний во Флиссингене. Туда они добрались вполне благополучно, больше не подвергая себя опасности путешествия морем.

Несколько дней спустя принц послал за ними во Флиссинген фрегат из Даунса. Сев на него, они провели в море всю ночь, но утром сильный ветер погнал судно назад, и им пришлось идти в Миддлсбург. После месячного пребывания в этих краях и многих попыток выйти в море они получили от принца распоряжение ждать его в Голландии. Туда он решил отправиться, как только

к нему на флот прибыл из Шотландии граф Лодердейл и вручил похожее на приказ приглашение немедленно направиться в шотландскую армию, только что вступившую в Англию. По этим причинам лорд Коттингтон и канцлер Казначейства явились к принцу лишь на другой день после того, как сам он, оставив флот в Гельветслюйсе, прибыл в Гаагу.

Штаты встретили принца со всеми внешними знаками уважения и в течение четырех или пяти дней подряд потчевали его за свой счет в ратуше. Каждую ночь Его Высочество проводил во дворце, также принадлежавшем Штатам, где жили принц Оранский с принцессой и где Его Королевскому Высочеству и герцогу Йорку отвели великолепные покои. По прошествии нескольких дней принц и герцог стали обедать в обществе принцессы — сам принц Оранский, по обычаю, держал свой стол открытым для депутатов Штатов, офицеров армии и прочих важных особ, часто пользовавшихся его гостеприимством.

Двор принца был раздираем жестокими раздорами и несогласиями, и два новых советника быстро это заметили. Они также поняли, наблюдая сильнейшие страсти, владевшие придворными, и крайнее непостоянство их настроений, что им самим не удастся надолго сохранить ту высокую репутацию, коей, насколько можно было судить, они пользовались теперь в глазах каждого, и предвидели, что уже в ближайшее время на них, словно вооруженный враг, обрушится жестокая необходимость, которая расстроит и разрушит все их планы. Уже в самый момент их прибытия в Гаагу пришло роковое известие о поражении шотландской армии, которое должно было свести на нет все их прежние меры и сделать положение принца и всего королевства плачевным, а его родителя-короля — совершенно безнадежным.

Слух об этом поражении дошел до Гааги на другой день после появления там принца — но без особых подробностей, так что ни узнать истинные размеры катастрофы, ни ясно себе представить все трагические ее последствия никто еще не мог. Назначив заседание своего совета на следующее же утро по прибытии в Гаагу лорда Коттингтона и канцлера Казначейства, Его Высочество сообщил его членам о доставленном ему лордом Лодердейлом послании шотландского Парламента, и о том, что даже теперь, когда стало известно о разгроме Гамильтона, Лодердейл по-прежнему настаивает на его немедленном отъезде в шотландскую армию.

Его Высочество почел за нужное, чтобы граф сообщил о порученном ему деле на заседании совета, а потому за ним послали и, дабы выказать всяческое уважение к Парламенту Шотландии, дозволили занять место за столом в особом кресле. Вначале граф зачитал полномочие, предоставленное ему Парламентом, а затем — письмо Парламента к принцу. В этом послании, после чрезвычайно пышных и пространных уверений в великой своей преданности, Парламент сообщал Его Высочеству, что, в согласии с данным его родителем-королем обещанием, ему следует со всевозможной поспешностью отправиться в путь собственной августейшей особой, дабы лично встать во главе шотландской армии и с ее помощью добиваться освобождения своего отца.

Граф также показал свои инструкции, согласно коим ни одному из капелланов принца не дозволялось его сопровождать и предписывалось принять строгие меры к тому, чтобы при особе Его Высочества состояли отныне лишь люди благочестивые; в частности, принцу Руперту, канцлеру Казначейства и еще нескольким лицам запрещалось ехать с ним в шотландскую армию. После оглашения этих пунктов и пространных рассуждений о них граф потребовал, притом весьма настоятельно и ни словом не упомянув о случившемся с шотландской армией в Англии (хотя не мог не иметь на сей счет подробных сведений), чтобы принц, не теряя времени, отправлялся в путь. Всего этого он домогался дерзко и высокомерно, как будто шотландская армия одержала победу.

Однако и состояние Шотландии, и влияние Аргайла — который теперь, благодаря полному разгрому противной партии, должен был стать как никогда прежде могущественным, — были хорошо известны, а потому все беспристрастные люди сочли, что предложения графа нелепы и что принимать их нельзя. А пришедшие из Лондона вести о том, что Кромвель со всей своей армией вступил в пределы Шотландии, могли лишь укрепить всякого честного человека в этом мнении. И уже спустя несколько дней граф, казалось, больше думал о том, как бы ему самому поскорее отправиться в Шотландию, где его собственные интересы находились теперь под угрозой, нежели о том, как бы склонить к столь рискованной поездке принца. Проведя еще несколько недель в Гааге и получив от своих друзей в Шотландии известия о тамошних делах, граф возвратился на родину тем же судном, которое доставило его отсюда — разгневанный и озлобленный на членов состоявшего при особе принца совета ничуть не меньше, чем на самого Кромвеля.

Глава XXVIII

(1648)

Сокрушительный разгром шотландской армии под Престоном, хотя его и не считали полным поражением всей армии — ведь добрые две трети ее, не участвовавшие в сражении, сумели убраться восвояси — расстроили и разрушили большую часть (уже весьма энергично осуществлявшихся) планов набора в северных графствах сторонников короля, коих предполагалось затем объединить для совместных действий под началом сэра Мармадюка Лангдейла. Сэр Томас Тилдсли (состоятельный джентльмен, доблестно служивший королю с самого начала войны) осадил с отрядом англичан ланкастерский замок и почти принудил его к сдаче, когда пришло известие о престонской катастрофе. По этой причине он отказался от своего замысла и, узнав, что генерал-майор Монро — который, вскоре по вступлении герцога в Англию, последовал за ним с подкреплением более чем в шесть тысяч человек кавалерии и пехоты — приблизился к границам Ланкашира, отошел на соединение с ним, собрав по пути много людей из разбитых под Престоном войск сэра Мармадюка Лангдейла, а также из числа вновь набранных солдат.

Сэр Томас Тилдсли предложил Монро, чтобы войска последнего, а также несколько шотландских полков, все еще стоявших близ Кендала, соединились с находившимися под его командой англичанами, вместе двинулись к Престону и ударили в тыл Кромвелю, занятому преследованием шотландцев. И они вполне могли бы это сделать, ведь их общие силы — более восьми тысяч человек — превосходили числом армию Кромвеля. Однако генерал-майор, не приняв этих предложений, отступил в северную часть Вестморленда. Англичане следовали за ним, рассчитывая, что если неприятель пустится в погоню, то шотландцы, хотя они и не соглашались двинуться против Кромвеля, выберут какую-то другую, более выгодную позицию для обороны, после чего будут готовы соединиться с ними, англичанами. На другой день они снова настойчиво убеждали Монро дать согласие на подобную меру, но он по-прежнему с мрачным упрямством отказывался идти им навстречу, не раскрывая при этом собственных планов. Он продолжал отходить через Камберленд, который уже прошел в обратном направлении несколько дней тому

назад, и где, собрав большие суммы денег с несчастных его жителей, оставил о себе недобрую память. Теперь же, отступая на север, он догребил почти все, что не успел взять тогда.

Англичане вошли в епископство Дарем, намереваясь соединиться с сформировавшимися там отрядами из новобранцев. Когда же к ним подоспели части под командой сэра Гарри Беллингема и их численность таким образом возросла, они вновь встретились с генерал-майором Монро, теперь уже в Нортумберленде, и настойчиво предложили ему вместе выступить против общего врага, чья победа в равной степени грозила им гибелью. Однако Монро ответил на это решительным отказом и без обиняков объявил, что двинется прямо в Шотландию, где будет ждать дальнейших распоряжений — что и сделал со всей поспешностью.

Сэр Филип Масгрейв полагал, что его самого и его пехотинцев радушно встретят в Карлайле. Туда он и направился, а предварительно, через посланного им к графу Ланарку сэра Гарри Беллингема, изъявил готовность отвести свои войска и отряды сэра Гарри в Шотландию и присоединиться к графу, которому, как отлично понимал сэр Филип, вскоре понадобится помощь. Но граф не осмелился принять их предложение, объяснив, что если он сделает нечто подобное, то Аргайл непременно воспользуется этим как предлогом для приглашения в Шотландию армии Кромвеля — который, как они слышали, находился тогда на марше к Бервику. После этого сэр Гарри Беллингем возвратился со своим отрядом в Камберленд, причем его солдаты, двигаясь через шотландскую территорию, аккуратно платили обывателям за все у них взятое.

Сэру Филипу Масгрейву с комендантом Карлайла повезло ничуть не больше. Хотя комендант принял его весьма любезно и вступил с ним в переговоры (ибо знал, что без содействия англичан не сможет ни обеспечить город провиантом, ни оборонять его, а потому желал получить и в том и в другом помощь сэра Филипа), однако, когда соответствующие статьи были согласованы сторонами и подписаны сэром Филппом Масгрейвом, комендант вдруг передумал и отказался взять на себя обязательство не сдавать Карлайл без согласия сэра Филипа, которому в итоге пришлось удовольствоваться следующим условием: ни единый из его солдат не должен искать защиты в стенах города, пока не станет совершенно очевидным, что они больше не в силах держаться в чистом поле.

По прошествии недолгого времени из Шотландии поступил приказ о сдаче Бервика и Карлайла Парламенту, в каковом приказе

не было ни малейшего упоминания об особых условиях для англичан. Но в руках сэра Филипа Масгрейва все еще находился Апплби-касл, занятый им после того, как он сдал Карлайл герцогу Гамильтону и вывел оттуда свой отряд. Благодаря этому счастливому обстоятельству после сдачи Апплби (который в любом случае невозможно было долго оборонять) сэр Филип договорился об условиях капитуляции для себя и еще ста пятидесяти офицеров; (многие из них были видные джентльмены, которые впоследствии еще раз рискнули своими жизнями — и отдали их — за короля). Вскоре после этого сэр Филип Масгрейв уехал в Голландию.

Кромвель решил не терять полученных им преимуществ и развить свой успех, а потому, взяв как можно больше пленных из рассеянных войск герцога Гамильтона и таким образом довершив его разгром, он двинулся прямо в Шотландию, дабы на месте вырвать корни того, что в будущем могло бы обернуться для него какими-либо новыми затруднениями — хотя Кромвеля весьма настойчиво звали в Йоркшир, чтобы покончить с засевшими в Понтефракт-касле роялистами, которые превратились в грозную силу для всех своих соседей: не довольствуясь контрибуциями, взимаемыми с ближайшей округи, они совершали набеги в области отдаленные, захватывая и увозя с собой в Понтефракт состоятельных особ, коих держали в замке до тех пор, пока пленники не вносили за себя крупный выкуп. Кромвель, однако, не пожелал откладывать свой поход на север, но, полагая, что уже в скором времени сможет рассчитаться за подобные дерзости, ограничился тем, что послал к Понтефракту с отрядом кавалерии и пехоты полковника Рейнсборо, который должен был, взяв замок в блокаду, положить конец смелым вылазкам его гарнизона. Сам же Кромвель с остальной армией продолжил марш в Шотландию; дело было в конце августа или в начале сентября, когда урожай в этой стране еще не созрел, и его можно было уничтожить.

Все считали, что Кромвель предпринял этот поход по настойчивому приглашению маркиза Аргайла, ибо разгром шотландской армии в Англии еще не сделал маркиза в достаточной мере хозяином положения в Шотландии. В Эдинбурге по-прежнему заседал парламентский комитет, и в нем (как и в Совете) безраздельно господствовал граф Ланарк. К тому же войска под командой Монро, набранные в подкрепление армии герцога, все еще составляли единый корпус и подчинялись графу. Но даже если маркиз и не приглашал Кромвеля, он очень обрадовался его приходу и по вступлении

его в пределы королевства поспешил явиться к нему с приветствиями. При встрече эти люди всячески показывали, как радостно им видеть друг друга — ведь они были связаны множеством обещаний и обязательств, а также участием в одном и том же преступлении.

Никаких военных действий не последовало: Кромвель объявил, что пришел с армией в Шотландию лишь затем, чтобы спасти благочестивую партию и освободить королевство от насилия со стороны злонамеренных людей, заставивших нацию разорвать узы дружбы с английскими братьями, которые всегда хранили верность шотландцам. Теперь же, когда по воле Божией совершился разгром армии герцога Гамильтона, попытавшегося ввергнуть обе нации во взаимное кровопролитие, он, Кромвель, явился в Шотландию, дабы предотвратить любые бедствия, которые могли бы произойти в будущем, и отстранить от власти тех, кто так дурно воспользовался своими полномочиями. Он выразил надежду, что уже через несколько дней сможет вернуться в Англию, твердо уверенный в братских чувствах этого королевства к английскому Парламенту, который ни в малейшей степени не намерен покушаться на свободы и посягать на права шотландцев. Сопровождаемый маркизом Аргайлом, Кромвель прибыл в Эдинбург, где шотландцы встретили его со всей торжественностью, выказав ему уважение, подобавшее спасителю их отечества, а его армию расквартировали с большим удобством и в изобилии снабжали всем, что только могла дать страна.

Граф Ланарк и все сторонники Гамильтона (то есть все, кто решил сохранить верность его партии) успели удалиться и были теперь недосыгаемы; те же, кто остался в Эдинбурге, предпочли подчиниться Аргайлу, способному, как они видели, их защитить. В Эдинбурге оставалось достаточное число членов комитета Парламента, чтобы позаботиться о безопасности и благе королевства, не вынуждая Кромвеля оказывать им помощь силами англичан — что покрыло бы позором их правительство. Пока Кромвель находился у шотландцев в качестве гостя (когого они принимали с величайшей пышностью), Аргайл, опираясь на шотландские законы, сумел устранить все дурное, сохранив в неприкосновенности истинные основания самой системы правления. Парламентский комитет послал Монро приказ и распоряжение распустить свои войска. Кажется, поначалу Монро не хотел этого делать, однако, быстро сообразив, что арбитром в его споре с комитетом непременно станет Кромвель, в точности исполнил приказ. В Шотландии более

не существовало силы, способной противиться воле Аргайла. Парламентский комитет, Совет, эдинбургские магистраты покорно ему повиновались; те же, кто не признал его власти, бежали или сидели в тюрьме. С церковных кафедр гремели злобные речи о греховности недавнего договора с королем, а Ассамблея духовенства распорядилась устроить торжественные посты, дабы вымолить у Бога прощение за это гнусное злодейство. В общем, у Кромвеля имелись веские причины думать, что отныне шотландское королевство будет вести себя так смиренно, как он только мог пожелать, а потому, договорившись обо всем со своим закадычным другом Аргайлом, Кромвель возвратился в Англию, где, как он полагал, его присутствие вскоре должно было стать необходимым.

Когда граф Норидж и лорд Кейпл вместе с кентскими и эссекскими отрядами оказались запертыми в Колчестере, у их друзей не было разумных оснований надеяться, что шотландская армия, так долго, вопреки обещаниям, откладывавшая поход в Англию, сможет (хотя она уже вступила в ее пределы) продвигаться достаточно быстро, чтобы успеть на помощь Колчестеру прежде, чем голод принудит его защитников к капитуляции. И теперь граф Голланд считал нужным — ведь многие из осажденных в Колчестере присоединились к выступлению, положившись на его обещания и авторитет, — начать свое предприятие, к чему его также побуждали молодость и пылкость герцога Бекингема, командующего кавалерией, лорда Фрэнсиса Вильерса, его брата, и других молодых вельмож. Его замысел поднять восстание и взяться за оружие, дабы выручить Колчестер, вовсе не был тайной; напротив, в Лондоне без конца об этом толковали; каждое утро в его покои во множестве являлись офицеры, некогда, как всем было известно, служившие королю; многие показывали полученные от графа полномочия, и ни о чем в городе не спрашивали чаще, нежели о том, когда же лорд Голланд двинется в поход, на что иные с уверенностью отвечали: «В такой-то день». Час, когда Голланд сел на лошадь и в сопровождении сотни всадников покинул свой дом, открыто называли еще за два или три дня до выступления.

Первый сбор граф Голланд устроил в Кингстоне-на-Темзе, где оставался день и две ночи, рассчитывая, что к нему явятся в большом числе не только офицеры, но и солдаты, которые пообещали принять участие в деле и уже записались в отряды разных командиров. То, что его так долго не трогали, хотя его замысел ни для кого не являлся секретом, Голланд объяснял страхом армии

и Парламента перед Сити, готовым, как мнилось графу, немедленно его поддержать. И он действительно верил, что сможет оставаться в Кингстоне в полной безопасности так долго, как сам найдет нужным, мало того — что целые полки из Сити выступят вместе с ним на помощь Колчестеру.

Во время его краткого пребывания в Кингстоне туда явилось некоторое число офицеров и солдат, как пехотинцев, так и кавалеристов, а многие именитые и знатные особы, приезжавшие из Лондона в собственных каретах, наносили визиты Голланду и его сподвижникам; затем они возвращались в Кингстон, привозили то, в чем он нуждался, и обещали вскорости к нему присоединиться. Из офицеров Голланд полагался главным образом на Дальбьера (хотя имел командиров и получше) — голландца, который снискал себе хорошую репутацию и приобрел немалый боевой опыт. Он служил Парламенту генерал-комиссаром кавалерии под командой графа Эссекса и, будучи исключен из штатов армии Нового образца, оказался в числе недовольных офицеров, ждавших удобного случая, чтобы отомстить этой новой армии, командиров коей они презирали за дурные манеры и страсть к бесконечным проповедям. Дальбьер был рад послужить под началом графа Голланда, который, со своей стороны, полагал, что ему очень повезло с этим офицером. Дальбьеру поручили выставит надежные дозоры и послать партии разведчиков в Кент, где, насколько было известно, после недавнего восстания еще оставались какие-то отряды роялистов. Однако Дальбьер сделал свое дело настолько скверно (или его собственные приказы были выполнены так плохо), что уже на другое или на третье утро по прибытии Голланда в Кингстон несколько эскадронов полковника Рича (знаменитого своими проповедями, а отнюдь не ратными подвигами) ворвались в город прежде, чем находившиеся там роялисты получили известия об их приближении и смогли подготовиться к бою — граф и большая часть его людей с чрезвычайной поспешностью покинули Кингстон, так и не рискуя атаковать вражескую кавалерию.

В последовавшей тогда суматохе лорд Фрэнсис Вилльерс (юноша на редкость красивой и приятной наружности), то ли не успев сесть на лошадь так же быстро, как прочие, то ли пытаясь оказать сопротивление, был, к несчастью, убит — как и еще несколько человек, впрочем, не слишком известных. Большинство пехотинцев сумели скрыться, как и некоторые офицеры, впоследствии нашедшие способ вернуться в свои тайные лондонские убежища. Сам же граф

и еще около сотни всадников — остальные благоразумно направились в Лондон, где их затем даже не пытались искать — без цели и плана блуждали еще несколько дней, пока гнавшийся за ними небольшой кавалерийский отряд не окружил их на каком-то постоялом дворе в Сент-Неоте, в Гентингдоншире, после чего граф без сопротивления сдался неприятельскому офицеру. Герцог Бекингем, отделившийся от Голланда еще раньше, благополучно добрался до Лондона, где скрывался до тех пор, пока не нашел возможность совершенно себя обезопасить переездом в Голландию, где находился тогда принц, встретивший его весьма тепло и любезно. Граф же Голланд оставался под арестом там, где был схвачен, пока по приказу Парламента его не отправили в Виндзорский замок, где — хотя сам граф и был его констеблем — его держали в строгом заключении.

Через несколько дней последовал разгром шотландской армии, и когда осажденные в Колчестере благородные особы получили известия об этих событиях, им стало ясно, что рассчитывать на помощь им не приходится, и что они больше не смогут ее ждать, ведь, по крайнему недостатку во всех видах провианта, они уже съели почти всех своих лошадей. Они послали сказать Ферфаксу, что готовы вступить в переговоры о сдаче города на сносных условиях, но тот отказался начинать переговоры и обсуждать условия, пока ему не выдадут — на милость победителя — всех офицеров и джентльменов. День или два осажденные размышляли; кто-то предложил совершить внезапную вылазку, после чего каждый должен был прорываться на свой страх и риск, но в Колчестере осталось слишком мало лошадей, а еще не съеденные были слишком слабы для подобного предприятия. В конце концов роялистам пришлось сдаться без всяких условий, после чего всех офицеров и джентльменов отвели в ратушу, где и заперли, приставив к ним крепкую стражу.

Им сразу же приказали подготовить для главнокомандующего свой полный поименный список, что они немедленно сделали. Вскоре за сэром Чарльзом Лукасом и сэром Джорджем Лиллом прислали конвой; их привели прямо на заседание военного совета, после чего главнокомандующий в чрезвычайно краткой речи объявил, что в назидание остальным, дабы впредь никто не смел нарушать подобным образом мир в королевстве, ныне потребуются осуществить акт военного правосудия. Совет постановил, что Лукас и Лилл должны быть немедленно расстреляны, и приказал им готовиться к смерти. Выслушать и принять во внимание то, что они хотели сказать в свою защиту, совет не пожелал; их тут же

вывели во двор, где уже выстроились мушкетеры, готовые быстро кончить дело.

Когда известие об этом жестоком решении достигло находившихся в ратуше пленников, их охватила невыразимая скорбь, и лорду Кейплу удалось уговорить кого-то из офицеров или солдат охраны передать главнокомандующему письмо, подписанное от имени остальных именитыми особами и старшими офицерами. Они заявляли протест против приговора и требовали, чтобы главнокомандующий либо отложил его исполнение, либо, коль скоро они виновны ничуть не меньше, чем двое осужденных, подверг их всех точно такому же наказанию. Письмо было вручено, но не возымело иных последствий, кроме приказа командиру мушкетеров скорее делать свое дело. Первой их жертвой стал сэр Чарльз Лукас. Когда же он пал мертвым, Джордж Лилл бросился к нему, обнял, поцеловал, после чего, поднявшись, взглянул в лицо тем, кто готовился его казнить. Полагая, что они стоят слишком далеко, Лилл предложил им подойти поближе. «Будьте уверены, сэр, — сказал кто-то из солдат, — мы не промахнемся». «Друзья мои, — отвечал им с улыбкой Лилл, — как-то раз я был еще ближе, и вы не попали». Это были его последние слова: мушкетеры дали залп и справились со своим делом на отлично — пораженный множеством пуль Лилл пал на землю бездыханный.

Обе жертвы этой жестокой расправы успели снискать великую славу и уважение на войне: первый считался одним из лучших кавалерийских, второй — пехотных командиров, коих имела английская нация; но по характеру и душевному складу это были совершенно разные люди. Лукас, младший брат лорда Лукаса и наследник его титула и богатства, располагал собственным состоянием. Воспитывавшийся в Нидерландах и всегда — среди кавалеристов, он редко бывал при дворе, где мог бы наблюдать и усвоить хорошие манеры. Обладая замечательной личной храбростью, Лукас был великолепен на поле брани, где за ним охотно шли в бой, но во всякое иное время и в любом другом месте находиться рядом с этим человеком, грубым и надменным по натуре и отнюдь не блиставшим умом, было не очень приятно. А потому для запертых в Колчестере роялистов его общество оказалось даже более невыносимым, чем тяготы осады или мысли о грозившей им судьбе. Все они, однако, изъявили готовность умереть вместе с ним. Лилл получил точно такое же образование, но служил этот джентльмен офицером в пехоте. Он ничуть не уступал Лукасу в мужестве и выказывал столько

рвения, что ни за кем другим не шли в бой с большей готовностью, и его солдаты никогда не покидали своего командира. Но неистовая храбрость сочеталась в нем с необыкновенно добрым и мягким нравом, и этот человек, всех любивший и всеми любимый, был просто неспособен иметь врагов.

То, каким образом этих достойных людей лишили жизни, явилось чем-то неслыханным и беспримерным; большинство англичан сочло это деяние варварским, а вину за него возложило на Айртона, который крепко держал в руках главнокомандующего и при всяком удобном случае давал волю своему кровожадному и свирепому нраву. По совершении этой кровавой жертвы Ферфакс, вместе со старшими офицерами, направился в ратушу к пленникам и, видимо, пытаясь как-то оправдаться за то, чего, по его словам, потребовало военное правосудие, сообщил остальным, что их жизни вне опасности, что обращаться с ними будут хорошо, а поступят так, как велит Парламент. Сумев овладеть собой в достаточной степени, чтобы виновников только что совершенного бесчеловечного акта принять так, как мог он себе это позволить в тогдашнем своем положении, лорд Кейпл сказал, что теперь им нужно закончить свое дело и столь же сурово поступить и с остальными. Тут между ним и Айртоном последовал короткий, но крупный разговор, за который несколько месяцев спустя Кейпл заплатил жизнью. Когда же главнокомандующий уведомил о принятых им мерах Парламент, он получил приказ отправить графа Нориджа и лорда Кейпла в Виндзорский замок, где они могли теперь сокрушаться о своих несчастьях в обществе графа Голланда. Через некоторое время их всех отослали в Тауэр.

Как только Кромвель выступил в поход на север, а Ферфакс двинулся в Кент, Общинный совет Сити подал Парламенту петицию о начале переговоров непосредственно с королем ради восстановления в королевстве благого мира, достигнуть коего иным путем не оставалось теперь никаких надежд. Это был первый смелый шаг, который позволили себе в Лондоне после резолюции Палат о «необращении» к королю. Как можно было подумать, он был сделан с единодушного согласия Сити, а потому Парламент не решился ответить категорическим отказом, да и большая часть его членов желала, в сущности, того же.

Это вынудило сэра Генри Вена и ту партию в Парламенте, которая сохраняла верность армии (или которой сохраняла верность армия), воздержаться от прямых возражений и для вида согласиться

с предложением Сити — чтобы затем, изыскав какой-нибудь удобный предлог, затянуть и замедлить его рассмотрение. А потому они учредили комитет Палаты общин, коему надлежало встретиться с комитетом, назначенным Общинным советом, дабы вместе обсудить способы и средства обеспечения безопасности и охраны особы короля во время переговоров. Когда же оба комитета собрались, представители Нижней палаты начали сбивать с толку и запутывать комитет Общинного совета бесчисленными вопросами; на каждом заседании они предлагали новые вопросы, что отнимало массу времени и неизбежно затягивало обсуждение — чего они, собственно, и добивались.

За этот, оказавшийся довольно долгим, срок, пока Сити шумно требовал немедленного начала переговоров, как восстание в Кенте, так и предприятие графа Голланда потерпели полный крах. Тем не менее принц по-прежнему стоял с флотом в Даунсе, джентльмены в Колчестере продолжали упорно обороняться, а шотландская армия находилась в пределах королевства — все это поддерживало мужество Парламента, и настолько, что после всех проволочек он наконец принял предложение Сити и объявил, что готово вступить в личные переговоры с королем для водворения мира в королевстве. Вести их предполагалось на острове Уайт, где Его Величество должен был пользоваться подобающим почетом, а также свободой и безопасностью.

Несколько ранее Сити изъявил готовность — если переговоры начнутся в Лондоне — за свой счет выставить силы, которые потребуются для обеспечения безопасности короля и защиты его особы. Теперь же, узнав, что переговоры решено вести на острове Уайт, где они не смогут оказать на их ход никакого влияния, граждане Сити сильно встревожились. Тем не менее они не сочли нужным и далее настаивать на переносе их места, опасаясь, как бы Парламент вовсе не отказался от своего решения о начале переговоров. Сити лишь вновь потребовал, чтобы Парламент действовал со всевозможной быстротой, и, несмотря на все задержки, Комитет обеих Палат был направлен в начале августа к королю в замок Карисбрук, где Его Величество по-прежнему находился в строгом заключении, лишенный возможности беседовать с кем-либо, кроме тех лиц, коих Парламент приставил к особе короля и велел за ним следить.

В послании, врученном парламентскими уполномоченными, говорилось, что Палаты желают вести переговоры с Его Величеством в том месте на острове Уайт, которое он сам назначит, на

основании предложений, уже сделанных ему в Гемптон-Корте, а также иных предложений, которые Палаты велят представить ему впоследствии; при этом Его Величество должен пользоваться подобающим почетом, а также свободой и безопасностью. Сами посланники — член Палаты пэров и два коммонера — должны были вернуться в течение десяти дней; впрочем, никто этот срок не пытался строго ограничить, ведь это позволяло и далее тянуть с переговорами, открытию которых, как они все еще надеялись, могло помешать какое-нибудь неожиданное происшествие.

Король принял их чрезвычайно любезно и сказал им, что никто на свете, и они могут быть в этом уверены, не способен желать мира искреннее, нежели он сам, ибо никто не страдает сильнее от его отсутствия; и что хотя у него, короля, нет здесь ни единого человека, с которым он мог бы посоветоваться, и даже секретаря, чтобы писать под его диктовку, им не придется долго ждать ответа — и уже через два дня король вручил им ответ, от начала до конца написанный его собственной рукой. В этом ответе, пожаловавшись вначале на свое нынешнее положение и на крайнее стеснение собственной свободы, король заявил, что охотно принимает предложение Парламента и соглашается вести переговоры в надежде, что Парламент действительно намерен исполнить свое обещание и обеспечить ему подобающий почет, свободу и безопасность. Что же до места переговоров, то (из соображений быстроты их ведения) он предпочел бы Лондон или его окрестности, ведь о решениях и постановлениях Парламента в любого рода непредвиденных обстоятельствах, могущих возникнуть в ходе переговоров, он бы тогда узнавал скорее, нежели в том случае, если бы переговоры проходили на столь значительном расстоянии от столицы. Тем не менее, коль скоро Парламент уже решил вести переговоры на острове Уайт, он не станет против этого возражать и лишь назначит их местом город Ньюпорт. И хотя он желает начать и завершить переговоры как можно скорее, он не сочтет себя достаточно свободным, чтобы к ним приступить, если, еще до их открытия, всем особам, чьи советы и помощь могут ему понадобиться, не будет дозволено к нему явиться.

К тому времени, когда комиссары возвратились с острова Уайт и вручили королевский ответ Парламенту, пришло известие о разгроме шотландской армии, а Кромвель написал своим друзьям письмо, в котором заклинал их твердо держаться прежнего решения и доказывал, что Парламент навеки покроет себя позором и лишится всякого доверия как в Англии, так и за границей, если

отменит уже принятые им постановление и декларацию о прекращении сношений с королем. Но Парламент уже зашел слишком далеко, чтобы отступать. После первого предложения о переговорах и соответствующей петиции Сити очень многие члены, которые в свое время решительно воспротивились постановлению и декларации о прекращении сношений с королем, а после их принятия вовсе перестали посещать Парламент, теперь, при первом же упоминании о переговорах, вновь повалили толпой в Палату, чтобы поддержать этот почин. Их оказалось гораздо больше, нежели тех, кто вначале пытался замедлить и затруднить любые приготовления к переговорам, а теперь надеялся совершенно их сорвать. Блестящая победа Кромвеля над шотландцами, которая, заключали они, неизбежно приведет к скорому падению Колчестера и быстро положит конец всем прочим выступлениям против Парламента, сделала их еще более энергичными сторонниками переговоров, ведь у них уже не осталось иной надежды на предотвращение смуты, в которую, как они ясно видели, задумала ввергнуть королевство армия. А потому они стали еще решительнее требовать, чтобы Палаты согласились со всеми предложениями, которые делал им в своем ответе король. В итоге, несмотря на яростное сопротивление, Парламент объявил, что резолюция о «не-обращении» отменяется; что переговоры с королем состоятся в Ньюпорте; и что Его Величество должен пользоваться там точно такой же свободой, какую имел он в Гемптон-Корте.

Затем Парламент назначил комитет из пяти лордов и десяти коммонеров, коим и поручалось вести переговоры с королем. Им было приказано как можно скорее подготовить все, что требовалось для начатия переговоров, но поскольку в числе комиссаров оказались лорд Сэйи сэр Генри Вен, то названные особы употребили всю свою хитрость и ловкость, чтобы замедлить и затруднить приготовления — в надежде, что Кромвель, быстро покончив с делами в Шотландии, успеет возвратиться в Англию вовремя, чтобы пустить в ход аргументы более сильные и убедительные, нежели те, коими располагали они сами.

Все эти события, отлично известные Кромвелю, лишь укрепили его в мысли, что для полного разгрома пресвитериан, досаждавших ему всегда и везде, даже на таком расстоянии, потребуются его личное присутствие в Парламенте. Несмотря на уговоры, он не пожелал задержаться на севере и довести до конца единственное трудное дело, все еще остававшееся не завершенным — овладение

Понтефракт-каслем — но поручил Ламберту выполнить эту задачу, а заодно отомстить за смерть Рейнсборо, павшего от рук понтефрактцев, при обстоятельствах, которые заслуживают особого упоминания.

После разгрома шотландцев йоркширцы настоятельно просили Кромвеля двинуться со всей своей армией на Понтефракт. Но Кромвель, уже принявший твердое решение о походе в Шотландию, счел достаточным послать для взятия Понтефракта Рейнсборо с полком кавалерии и одним или двумя пехотными полками, нисколько не сомневаясь, что этих войск, вместе с местными отрядами, коим надлежало действовать под командой Рейнсборо, хватило бы и для более серьезного предприятия.

Когда же стало известно о полном поражении шотландской армии и о разгроме их единомышленников во всех прочих местах, сидевшие в Понтефракте роялисты ясно поняли, чего им теперь следует ожидать, и уже не сомневались, что вскоре тесная осада сделает для них невозможными дальнейшие вылазки и набегі. Они слышали, что против них выступил Рейнсборо и что он уже расположил часть своих войск неподалеку от Понтефракта, хотя штаб свой по-прежнему держал в Донкастере. А потому они решили, пока еще есть такая возможность, устроить смелую вылазку. Они знали, что сэр Мармадьук Лангдейл, попавший в плен после разгрома шотландской армии, все еще находится в ноттингемском замке под крепкой стражей, ведь Парламент объявил, что намерен подвергнуть его примерному наказанию. И вот поздним вечером полковник Моррис выехал из замка во главе отряда из всего лишь двенадцати всадников (но это были лучшие, отборные бойцы), с намерением захватить Рейнсборо в плен, чтобы затем обменять на Лангдейла. Каждый из них хорошо знал местность, все пути и даже тайные тропы были им отлично известны, а потому уже на рассвете или чуть позже (дело было в конце октября) они выехали на большую дорогу, которая шла из Йорка. Выставленные на ней дозорные, не ожидавшие неприятеля, особой бдительности не проявили и задавали вопросы кое-как; люди Морриса столь же небрежно и неопределенно сообщили, откуда едут, после чего сами спросили у дозорных, где находится их командующий, которому они должны доставить письмо от Кромвеля.

Одного из дозорных послали препроводить их к командующему, хотя они хорошо знали, что тот расположился в лучшей гостинице Донкастера. Когда же ворота гостиницы открылись, трое

из людей Морриса вошли, а прочие направились в другой конец города, к мосту, по которому им предстояло проехать на обратном пути в Понтефракт. Там они предполагали встретить и действительно обнаружили охрану из пехотинцев и кавалеристов; завязав с ними беседу, люди Морриса сказали, что поджидают теперь своего офицера, который вошел в гостиницу, чтобы переговорить о чем-то с командующим; после чего предложили им выпить. Охранявшие мост солдаты, нисколько не сомневаясь, что перед ними «свои», отрядили одного из своих товарищей за выпивкой, а сами продолжали беспечно болтать с роялистами, обсуждая последние новости. Между тем уже совершенно рассвело; кто-то из кавалеристов спешился, а некоторые пехотинцы, полагая, что свою работу они уже выполнили, побрели в караульную.

Те же, кто вошли в гостиницу, где все, кроме открывшего им ворота парня, еще спали, спросили, в которой из комнат находится генерал (именно так называли Рейнсборо все солдаты). Парень указал им дверь этой комнаты; два роялиста поднялись наверх, а третий остался внизу с лошадьми и мирно беседовал с солдатом, который привел их к гостинице. Поднявшиеся открыли дверь; Рейнсборо был еще в постели, но произведенный гостями небольшой шум его разбудил. Люди Морриса кратко ему объяснили, что теперь он их пленник, коему предоставляется следующий выбор: либо его прикончат на месте (и Рейнсборо сразу понял, что с ним не шутят), либо он, не пытаясь сопротивляться и не поднимая шума, быстро оденется, сядет на приготовленную для него лошадь и отправится с ними в Понтефракт. Непосредственная опасность вывела Рейнсборо из первоначального замешательства; он ответил, что готов следовать за ними, и с надлежащей поспешностью оделся. У него забрали шпагу и повели вниз по лестнице. Оставшийся при лошадях роялист уже послал бывшего с ним солдата к его товарищам, попросив позаботиться о выпивке и обо всем прочем.

Когда же Рейнсборо спустился во двор, где рассчитывал встретить множество кавалеристов, но заметил лишь одного человека с лошадьми своих товарищей, который тут же сел в седло и велел связать и усадить его, Рейнсборо, у себя за спиной, он попытался вырваться и поднял крик. Потеряв всякую надежду увезти Рейнсборо с собой, люди Морриса тотчас же его закололи и, оставив тело на земле, вскочили на коней и поскакали к своим товарищам, прежде чем кто-либо из находившихся в гостинице смог пуститься за ними в погоню. Расположившиеся у моста роялисты, заметив

приближающихся друзей — это был условный знак, по которому им надлежало действовать — напали на охрану, часть солдат перебили, а прочих обратили в бегство. Теперь путь назад был открыт и свободен, и хотя им так и не удалось захватить добычу, ради которой и было задумано это дерзкое предприятие, отряд Морриса благополучно вернулся к своим. Город же Донкастер и его гарнизон пришли в ужас, а поскольку генерал, найденный мертвым на земле, уже ничего не мог рассказать, а сами парламентские солдаты не видели перед собой неприятеля, то они объясняли случившееся вмешательством дьявола и, пребывая в совершенном смятении, не могли сообразить, в каком направлении нужно им теперь преследовать незримого врага.

Доблестный отряд Морриса вернулся в Понтефракт без малейшего урона в людях и лошадях и с надеждой предпринять еще одну, более успешную попытку, чтобы в конце концов выкупить из плена сэра Мармадюка Лангдейла. В парламентской же армии не было другого офицера, потерять которого Кромвелю хотелось бы меньше. Дерзкий и жестокий, как только мог этого желать Кромвель, способный послужить надежным орудием в самых гнусных предприятиях, Рейнсборо, кроме всего прочего, был тем человеком, которому партия Кромвеля намеревалась поручить руководство морскими делами, как только придет время отправить в отставку графа Уорвика — ведь Рейнсборо был воспитан в этой стихии и отлично знал флотскую службу.

Когда Ламберт явился выполнять свою задачу, получив от Кромвеля наказ сполна отомстить за смерть Рейнсборо — духу коего он вознамерился совершить щедрое жертвоприношение, для чего собрал под своей командой необходимые силы — он быстро запер роялистов в Понтефракте и возвел вокруг замка сильные укрепления, дабы, если ничто другое не сможет сломить его защитников, в конце концов принудить их к капитуляции голодом. Однако те, не желая смирно сидеть в клетке, часто совершали смелые вылазки, стоившие жизни многим из числа как осаждающих, так и осажденных. Ламберт между тем обнаружил, что немало окрестных жителей поддерживает сношения с роялистами и передает в Понтефракт различные сведения; этих людей хватали и, по приказу Ламберта, вешали в виду замка.

После множества жестоких ударов подобного рода, когда никаких надежд на человеческую помощь уже не осталось, роялисты изъявили готовность вступить в переговоры о сдаче замка, если им

позволят капитулировать на почетных условиях; в противном же случае, сообщили они осаждавшим, они предпочтут умереть, подо-роже продав свои жизни, провианта же у них хватит еще надолго. Ламберт ответил, что ему отлично известна их доблесть и что сам он хотел бы сохранить жизнь возможно большему числу осажденных — однако вынужден требовать выдачи шестерых, спасти которых он не в силах. Он искренне сожалеет об этом, ибо знает, что это храбрые люди, но у него связаны руки, и поступить по-другому он не может. Шесть роялистов, коим Ламберт отказал в пощаде, были: комендант Понтефракта сэр Джон Дигби, полковник Моррис и еще четверо из числа участников вылазки, стоившей жизни Рейнсборо. Ни один благородный противник не стал бы мстить за это предприятие подобным образом, не желал такой мести и Ламберт — он лишь выполнял распоряжение Кромвеля. Остальных он соглашался отпустить с тем, чтобы они возвратились по домам, а впоследствии могли договориться с Парламентом о композициях, обещая, со своей стороны, похлопотать за них перед Палатами. Осажденные, поблагодарив Ламберта за любезность в последнем пункте, сообщили, что были бы рады принять его предложение, но не могут позволить себе такой низости, как выдача собственных товарищей. А потому они попросили Ламберта дать им еще шесть дней, в течение коих упомянутые шестеро попытались бы спастись, а все прочие имели бы право оказывать им в этом деле помощь. Ламберт великодушно согласился — при условии, что по истечении шестидневного срока все роялисты сдадутся. На том и порешили.

В первый из шести дней гарнизон дважды или трижды изображал намерение совершить вылазку, но затем отступал, так ничего и не предприняв. На второй день осажденные и в самом деле устроили весьма смелую и энергичную вылазку — но уже в другом месте — и поначалу даже выбили неприятеля с позиций; обе стороны при этом понесли потери. И хотя атакующий отряд в конце концов был отброшен, двоим из шестерых (в том числе полковнику Моррису) удалось вырваться из Понтефракта; остальные же отступили в замок вместе со своими товарищами. Затем почти двое суток все было тихо, но поздним вечером четвертого дня осажденные предприняли еще одну попытку; она оказалась удачной, и еще двое из оставшихся четверых сумели уйти из Понтефракта. На другой день роялисты всячески изображали бурную радость; они дали знать Ламберту, что все шестеро их товарищей уже спаслись (хотя

двое еще сидели в замке), а потому они готовы на следующий день капитулировать.

Двое оставшихся, посчитав нецелесообразным предпринимать новую попытку, придумали другой способ обезопасить себя, содействие коему обернулось бы меньшей угрозой для прочих роялистов, которые в первых двух вылазках уже отдали несколько жизней ради спасения своих товарищей. Строения в замке были очень большими и просторными, а у обвалившихся кое-где стен лежали огромные груды камней. Осажденные нашли подходящее глухое место, куда любопытные могли бы явиться лишь в самую последнюю очередь, и заложили в нем своих друзей камнями, оставив им отдушину для воздуха и запас провизии, на котором можно было продержаться месяц — в надежде, что за это время они сумеют выбраться из Понтефракта. Управившись с этим делом, роялисты в назначенный час открыли ворота. Вполне уверенный, что все шестеро уже далеко, Ламберт все же приказал проверить покидающих замок роялистов и, убедившись, что ни единого из шестерых среди капитулировавших нет, обошелся с остальными чрезвычайно любезно, в точности исполнил все свои обещания и, кажется, совершенно не жалел о том, что этим доблестным людям (как он сам их называл) удалось вырваться из Понтефракта.

Тут павшие духом роялисты узнали — и это сильно их ободрило — что сэр Мармадюк Лангдейл бежал из ноттингемского замка (вскоре он удалился на континент). Ламберт немедленно распорядился скрыть укрепления Понтефракта, чтобы впредь в нем нельзя было держать гарнизон; оставшиеся от замка величественные руины можно видеть и ныне. Затем он увел все свои войска на новые квартиры, так что уже через десять дней оба замурованных роялиста благополучно покинули свое убежище. Один из них, сэр Джон Дигби, прожил еще много лет по возвращении короля в Англию и часто бывал в обществе Его Величества. Несчастного же Морриса впоследствии схватили в Ланкашире и — по удивительной воле Промысла — предали казни в том самом месте, где он когда-то изменил королю и впервые отличился на службе Парламенту.

Когда дела короля пребывали в описанном нами выше отчаянном положении, принц находился в Гааге, флот его уже бунтовал, требуя жалованья, его семейство страдало от нужды и раздоров, а в окружении его брата, герцога Йоркского, царили интриги и козни.

Скверное состояние флота и перемена в настроении матросов были тем более прискорбны и грозили особенно дурными

последствиями именно сейчас, ведь уже через несколько дней по прибытии принца в Гаагу граф Уорвик, во главе другого флота, снаряженного Парламентом, явился к берегам Голландии и бросил якорь в виду флота короля. Граф отлично знал, что многие офицеры и матросы королевских кораблей находятся на берегу и, весьма вероятно, предпринял бы какие-то враждебные действия, если бы голландцы тотчас же не выслали несколько своих военных судов, чтобы сохранять в порту мир. Однако, действуя с высокомерием, свойственным его господам (и большинству тех, кого брали они себе на службу), Уорвик направил королевским кораблям странного рода ультиматум, в коем говорилось, что он, граф, обнаружил, что на якоре у Гельветслюйса стоит с поднятыми флагами флотилия судов, являющихся частью королевского флота Англии. А потому, на основании полномочий, полученных им от Парламента — который назначил его лордом верховным адмиралом Англии — он требует, чтобы адмирал или командующий названной эскадрой спустил флаг, а капитаны и матросы сдались сами и передали свои корабли ему, как лорд-адмиралу Англии, дабы этими судами могли впоследствии распоряжаться король и Парламент. Той же властью он пообещал освобождение от ответственности за уже содеянное всем, кто изъявит готовность ему подчиниться.

После этого требования — хотя оно было встречено с должным негодованием и не произвело ни малейшего впечатления ни на офицеров, ни (как поначалу казалось) на простых матросов — Уорвик по-прежнему оставался в непосредственной близости о королевского флота; и за это время, прибегая к вкрадчивым внушениям и посылая множество своих моряков на берег в Гельветслюйс, где они могли свободно беседовать со своими старыми товарищами, он сумел оказать сильнейшее развращающее действие на умы многих матросов, так что впоследствии обнаружилось, что многие из них были им подкуплены; некоторые поднялись на борт его судов, другие же остались на кораблях принца, где причинили затем еще больше вреда. Впрочем, это пагубное соседство двух флотов продолжалось недолго. Пора года и обычные для тех краев в сентябре месяце жестокие ветры вынудили Уорвика удалиться от голландских берегов; он вернулся в Даунс, где стал ждать новых приказов.

Ко всем этим тревогам и неурядицам добавилось еще одно, худшее несчастье, случившееся тогда же, — болезнь принца; несколько дней ему нездоровилось, после чего стало ясно, что у Его Высочества оспа. Бывшие при нем особы пришли в совершенное

отчаяние, ведь они знали, сколь многое зависит от сохранения его драгоценной жизни, и пока они, как они думали, находилась в опасности, всеми ими владел неопиcуемый ужас. Однако, по великой благодати и милости Божией, через несколько дней угроза смерти миновала, а уже месяц спустя принц оправился от болезни настолько, что смог лично заняться своими делами, оказавшимися к тому времени в чрезвычайно запутанном и печальном положении.

Прежде всего прочего принцу нужно было обдумать и безотлагательно решить два вопроса, ни один из которых уже не оставлял времени для совещаний и обсуждений. Во-первых — как обеспечить флот жалованьем и провиантом и успокоить мятежные настроения матросов, не желавших подчиняться своим офицерам; во-вторых — как ему следует распорядиться флотом после того, как моряки получат деньги и провизию.

Что до первого, то в состав флота ранее были включены несколько судов с богатым грузом на борту, и если бы эти товары удалось теперь продать за настоящую цену, то вырученных денег хватило бы для того, чтобы заплатить жалованье матросам и запастись провиантом на четыре месяца вперед. Многим лондонским купцам очень хотелось выкупить собственные товары, прежде у них изъятые; другим же купцам в Лондоне было поручено приобретать остальное. Но все они знали, что находящиеся на судах грузы не могут быть доставлены на какой-либо другой рынок и их придется продавать на месте, а потому решили хорошенько на этом деле заработать. Сверх того многие требовали возвращения долгов, ведь принц, еще находясь в устье Темзы, пообещал уплатить долги с первых же сумм, полученных при продаже товаров с таких-то судов. Другие же особы ссылались на подобные обязательства, касавшиеся других судов, так что при распродаже товаров обладателям этих обязательств (или назначенным ими лицам) и было поручено заключать сделки с покупателями — дабы обеспечить им возвращение долгов с первых же вырученных средств. Таким образом, в порядке погашения долгов перед ними эти люди получали вдвое большие суммы.

Однако еще более скверным обстоятельством, чем все вышеописанное, явилось известие, полученное принцем Уэльским от принца Оранского, а именно: Генеральные штаты задались вопросом, как им следует поступить, если английский Парламент (наводивший теперь на всех ужас) вдруг потребует возвращения тех принадлежавших купцам товаров, которые были незаконно

захвачены в Даунсе, доставлены в голландские порты и там выставлены на продажу? Принц Оранский объяснил, что обычно подобные вопросы не поднимаются в Генеральных штатах без причины, и посоветовал принцу, не теряя времени, сбыть все, что только можно сейчас продать — чтобы люди, которые приобретут соответствующие товары, также оказались кровно заинтересованы в том, чтобы доказать законность своей покупки. По этой, а также по другим, описанным выше причинам договор о продаже спешно заключались с каждым, кто выражал желание что-либо купить; сами же покупатели шли на подобные сделки лишь в том случае, если могли твердо рассчитывать на крупные барыши.

Как только необходимые средства были получены, их направили на суда для выплаты жалованья, а принц совершил поездку на флот, дабы посетить корабли и поднять дух матросов, которые вели себя весьма своевольно — отчасти вследствие коварных внушений со стороны тех, кто очень не хотел видеть доброе согласие между матросами и офицерами.

Еще больше трудностей представлял второй из требовавших решения вопросов: как следует использовать флот и кто должен им командовать? Хотя в известии о начавшихся в Генеральных штатах дебатах, полученном Его Королевским Высочеством от принца Оранского, речь шла пока лишь о торговых судах, захваченных в качестве призов, нетрудно было догадаться, что поднятый Штатами вопрос будет логическим образом расширен и поставлен в отношении не только купеческих судов, но и кораблей королевского флота. Принц понимал, что именно это более всего прочего необходимо для удаления его флота из портов Соединенных Провинций и что самим Генеральным штатам очень хочется поскорее от него избавиться.

Было вполне очевидно, что принц Руперт давно мечтает получить в свои руки начальство над флотом, и это его желание, хотя и осуществлявшееся со всевозможной скрытностью, явилось причиной великого множества интриг, целью коих было разжечь недовольство матросов, поддержать в них дух непокорства и усилить предубеждение, которое они уже питали против Баттена. По правде сказать, у принца просто не было тогда на примете другого человека, кроме Руперта, которому можно было бы поручить командование флотом; а поскольку сам флот, за полным отсутствием иного выбора, было совершенно необходимо увести в Манстер (который выступил на стороне короля), переход же в Ирландию, из-за

безраздельного господства Парламента на море, был сопряжен с величайшими и неизбежными опасностями, то замысел этот нужно было хранить в глубокой тайне. Поэтому решили, что адмиралом флота должен стать принц Руперт, а сам флот должен отплыть в Ирландию. Подобное назначение, как и сама ирландская экспедиция, вселяли добрые надежды еще и ввиду наличия большого числа опытных офицеров, долгое время занимавших командные посты в королевском флоте. С этими офицерами, а также с некоторыми джентльменами, изъявившими готовность к морской службе, принц Руперт и отправился в Гельветслюйс, где стояли тогда королевские корабли, и флот, казалось, встретил его с восторгом. Все они, каждый на своем месте, занялись подготовкой кораблей к выходу в море, а также заготовлением необходимых припасов, не выказав, однако, в этом последнем деле должного усердия.

Все это время, пока флот готовился к отплытию, принц Руперт оставался в Гельветслюйсе, весьма решительно и успешно пресекая попытки мятежа, причем однажды ему даже пришлось собственноручно выбросить за борт двух матросов. Когда же все приготовления были завершены, а все офицеры назначены, он явился в Гаагу, чтобы проститься с принцем Оранским. Около начала декабря принц Руперт поднял паруса и направился в Ирландию; захватив по пути несколько ценных призов, он благополучно прибыл в Кинсейл. Вскоре по отплытии из Голландии принц получил жестокое доказательство того, сколь небезопасным оказалось бы для него дальнейшее пребывание в этой стране: несколько парламентских кораблей вошли на рейд Гельветслюйса, и высаженный с них отряд, средь бела дня и чуть ли не в самом городе, сжег одно из оставленных там судов — а Генеральные штаты не заявили никакого протеста и не потребовали справедливого удовлетворения за столь дерзкое оскорбление, нанесенное им самим и их авторитету.

Глава XXIX

(1648)

При столь бедственном положении вещей оставалось, похоже, надеяться лишь на то, что посредством переговоров удастся все же восстановить королевскую власть в таком виде, чтобы сохранить хотя бы корни монархии, из коих впоследствии могли бы вырасти и пышно расцвести прежние ее полномочия и прерогативы. Назначенные для переговоров парламентские комиссары прибыли на остров Уайт 15 сентября, когда Кромвель продолжал свой поход на север, а его армия разделилась на несколько частей для скорейшего завершения кампании. По этой самой причине лица, которые выступали против переговоров и желали их провала, пускали в ход любые хитрости и проволочки, чтобы Кромвель успел возвратиться в Англию прежде их открытия; те же, кто желал успеха переговоров, столь же упорно стремились до этого момента их завершить.

Прежде чем переговоры начались, парламентские уполномоченные провели на острове три дня — слишком малый срок, чтобы подготовить для приема короля дом в Ньюпорте и уладить множество вопросов, касавшихся самих переговоров. За это время они несколько раз являлись к королю, со всеусердием выражая глубокое свое почтение и верноподданнические чувства, и хотя ни один из них так и не осмелился повидаться с королем наедине, они свободно беседовали с некоторыми из лордов и прочих лиц, коим Парламент дозволил находиться при особе короля во время переговоров. Так они получили возможность сообщить Его Величеству многие вещи, зная которые, по их мнению, ему было необходимо, что произвело сильное впечатление на короля, ведь сведения эти проистекали от особ, более или менее к нему расположенных. Многие же из тех, кто имел право находиться при Его Величестве, могли здраво судить об истинности того, что рассказывали ему комиссары.

Нужно сказать, что многие из комиссаров, бессильные противиться увлекавшему их бурному потоку, удовлетворились бы теми уступками, которые сам король сделал бы весьма охотно, и их мысли занимал теперь главным образом Акт об амнистии. Среди остальных комиссаров, более решительно домогавшихся от короля

принятия пунктов о милиции и против церкви, не было ни единого (за исключением сэра Генри Вена), кто не хотел бы, чтобы настоящие переговоры привели к установлению прочного мира. Ибо все прочие лорды желали лишь того, чтобы их собственные проступки были навсегда преданы забвению, и сам лорд Сэй (который, как никто другой на свете, кичился своей знатностью и безмерно дорожил титулом, отличавшим его от остальных людей) ясно предвидел, что станет с его пэрством, если нынешние переговоры окажутся бесплодными и армия учредит угодный ей самой образ правления. А потому он изо всех сил убеждал короля принять сделанные ему Парламентом предложения, а впоследствии уговаривал сам Парламент удовлетвориться уступками Его Величества. Но все эти люди, какими бы ни были их личные склонности и симпатии, давали Его Величеству один и тот же совет — немедленно принять все требования, включенные в парламентские предложения. Единственный их довод был следующий: если король этого не сделает или же не сделает этого как можно скорее, то армия поступит по своей воле, ведь она уже достаточно ясно заявила о своей готовности низложить короля, изменить систему правления и создать республику по собственному плану и разумению. Подобную опасность воспринимали всерьез как сторонники короля, так и сами парламентские комиссары.

Те, кто не видел короля после оставления им Гемптон-Корта, обнаружили теперь разительные перемены в его облике. С тех пор, как у короля отняли слуг, он не позволял стричь себе волосы, не думал о новом платье, так что нынешний его вид и наружность сильно отличались от прежних. Что же до всего прочего, то король был вполне здоров, а в разговорах с людьми выказывал всякий раз куда больше бодрости, чем это можно было ожидать после бесчисленных унижений, им пережитых. Он нимало не пал духом, но держался с обычным своим достоинством и величием. Глядя же на его волосы, ставшие совершенно седыми, каждый чувствовал грусть и склонен был находить печальным выражение его лица, но это была единственная тень печали на нем.

В понедельник 18 сентября открылись конференции, и комиссары вручили Его Величеству свои полномочия, предусматривавшие ведение с ним личных переговоров по поводу предложений, сделанных ему еще раньше в Гемптон-Корте.

Комиссары представили Его Величеству первое предложение: отменить все декларации и приказы, изданные им ранее против

Парламента. Тогда король спросил у комиссаров, наделены ли они правом и полномочием отступать от каких-либо пунктов, содержащихся в их предложениях, или соглашаться на какие-либо изменения, если Его Величество приведет веские доводы в их пользу. На это комиссары с большой надменностью отвечали, что они готовы входить в обсуждения, дабы показать, сколь разумны их требования; для того же, чтобы от этих требований отступать или вносить в них изменения, не может быть никаких причин, но если Его Величество их удовлетворит, то они поступят так, как предписывают полученные ими инструкции. Эти оговорки и ограничения в столь важном вопросе — ведь речь шла о новой форме правления и об изменении всех гражданских и церковных законов — омрачили и почти совершенно уничтожили прежние надежды короля на успех переговоров. Однако он решил проверить, не удастся ли ему удовлетворить комиссаров, приняв в самом главном и существенном каждое из их предложений. А потому, оставив без внимания преамбулу к уже сделанному ими предложению, он составил и вручил им письменный ответ, в котором объявил, что готов согласиться с основной частью их предложений.

Но комиссары тотчас же вручили ему другую бумагу, в которой говорилось, что Его Величество оставил без ответа самую существенную часть их предложения, гласившую, что «обе Палаты Парламента были вынуждены вступить в войну, дабы справедливым и законным образом себя защитить» — что должно было служить оправданием для всего, ими содеянного. Комиссары весьма решительно настаивали на принятии и утверждении королем этого пункта, как безусловно необходимого фундамента для прочного мира и как главнейшего чаяния, от которого ни обе Палаты, ни все королевство никогда не откажутся. Палаты и королевство не в силах отступить от этого требования, без удовлетворения коего они не смогут полагать себя в безопасности, ибо если рассуждать согласно букве закона, то может показаться, будто люди, которые выступили на стороне Парламента, виновны в том, что развязали войну против короля, иначе говоря — повинны в государственной измене. Согласие короля с этой преамбулой имеет огромное значение, ведь в противном случае виновником войны могли бы счесть Парламент, чего, выразили надежду комиссары, не желает и сам король. А чтобы такого рода доводы подействовали на короля еще сильнее, лорд Сэй при обсуждении этого вопроса дважды повторил, причем с несвойственной ему горячностью, что он содрогается при

мысли о страшных последствиях, каковые непременно наступят в том случае, если их настойчивое требование будет отклонено. Король был ошеломлен и до крайности раздосадован вопиющей наглостью подобной аргументации и сказал своим советникам, что долгое заключение, к которому подвергся он в замке Карисбрук, есть не более явное свидетельство несвободы его личности и приносит ему меньше страданий, чем та неволя, в которой держат его ум, заставляя его, короля, отказываться от доводов и ответов, способных всего лучше послужить защите его дела.

Предложение это было столь отвратительным и чудовищным по своей природе, столь противным общеизвестной истине и столь губительным для справедливости и системы правления, что оно, казалось, прямо узаконивало мятеж и объявляло королевству и всем последующим поколениям, что Его Величество способен превращать в правду то, что, как известно всем и каждому, есть грубая ложь. Король готов был пойти на риск немедленного прекращения переговоров и испытать все бедствия и невзгоды, которыми, вероятно, обернулся бы для него этот шаг, только бы не приносить в жертву их дерзкому требованию собственную честь и правоту своего дела — пока всерьез не обсудил этот вопрос с находившимися при нем особами, в личной преданности которых он был совершенно уверен, а блестящие способности и глубокий ум большинства из них по справедливости высоко ценил. После своих бесед с парламентскими комиссарами, которые, по убеждению королевских советников, говорили им именно то, что на самом деле думали, все эти люди стали доказывать Его Величеству, что если не удастся изыскать средство удовлетворить комиссаров в первом пункте в большей степени, чем это уже готов сделать король, то как только комиссары сообщат об этом Палатам, их самих немедленно отзовут в Лондон и переговоры будут прерваны. И тогда всюду будет объявлено — и этому утверждению, несмотря на полную его лживость, станут верить — что король отказался гарантировать Парламенту и всем его сторонникам защиту от судебного преследования, после чего Палаты и сочли продолжение переговоров с ним совершенно бессмысленным. Если же Его Величество соизволит уступить им в этом вопросе, касающемся жизни и имущества многих людей во всем королевстве, то комиссары удовлетворяют его желания во всех прочих пунктах в такой мере, что из этого непременно впоследствии выйдет благой и прочный мир.

По названным причинам, вняв настойчивым советам и единомышленным увещаниям всех находившихся при нем лиц как богословов, так и юристов, король вручил комиссарам письменный документ, в коем объявлял, что если переговоры будут прерваны, то ничто из того, что в ходе переговоров может быть изложено в письменной форме относительно какого-либо предложения или части какого-либо предложения, не должно считаться обязывающим, истолковываться кому-либо во вред или же каким-то образом использоваться и приниматься в расчет. Со своей стороны, комиссары представили другой письменный документ, в котором выразили полное согласие с этой декларацией — в тех самых выражениях, в которых названная декларация была изложена. Тогда король согласился принять первое предложение вместе с преамбулой к нему, хотя и заявил, что уже теперь понимает, сколько клеветы и поношений навлечет на него подобный шаг. Король, однако, надеялся, что его добрые подданные признают эту меру необходимой частью цены, которую ему приходится платить ради их блага и ради мира в своих владениях.

Когда первое предложение было таким образом принято в соответствии с их желанием, комиссары представили королю второе предложение, касавшееся религии и церкви. Оно предусматривало полное уничтожение епископальной системы и всякой юрисдикции архиепископов, епископов, деканов и капитулов, а также отчуждение их земель, которые подлежали продаже с передачей вырученных средств в пользу и распоряжение государства. Его Величество должен был принять Ковенант сам и добиться его принятия от всех своих подданных. Книга общих молитв и прежняя церковная литургия упразднялись и подвергались запрету, реформацию же религии, в согласии с Ковенантом и тем способом, который должны будут определить, после совещания с богословами, обе Палаты, предполагалось произвести особым актом Парламента. Подобные условия, возразил комиссарам король, означают такую степень слепого повиновения, какой не существует даже в римской церкви, которая требует от своих верных принимать лишь то, что она уже считает истинным, а не то, что она могла бы объявить истинным в будущем. Это предложение, чрезвычайно важное по своим последствиям и заключающее в себе столько чудовищных пунктов, с достаточной ясностью показало королю, что совершенно удовлетворить комиссаров будет выше его сил. А потому, полностью приняв их первое предложение и таким образом лишив их возможности прервать

переговоры и объявить народу, что король-де в самом их начале отказался гарантировать защиту жизни и имущества подданных, он счел теперь нужным представить комиссарам собственное предложение, чтобы и Парламент, и народ ясно уразумели, в какой мере готов он жертвовать своими правами и достоинством своего сана ради того, чтобы обеспечить им мир.

Собственное предложение короля, если выразить его в немногих словах, заключало в себе лишь следующие три пункта: 1. Он должен пользоваться свободой. 2. Ему должны быть возвращены его доходы. 3. Должен быть принят Акт об амнистии. Король отлично знал, что последнее условие чрезвычайно обрадует тех, кто, как можно было подумать, ценил этот пункт менее всего, ведь это позволило бы оградить его друзей от великого множества незаконных и несправедливых притеснений.

Дать собственный ответ на это предложение комиссары не имели полномочий, однако послать его Палатам они решительно отказались, заявив, что оно представляет собой не отдельное, частное предложение, но общий ответ на все их предложения, и что единственная его цель — снискать расположение народа; на что король возразил, что добиваться расположения народа ему подобает больше, чем кому-либо другому. Когда же комиссары категорически отказались сообщить об этом предложении Палатам, король послал с ним в Парламент собственного курьера. Затем, после нескольких дней прений, Палаты объявили, что предложение короля неудовлетворительно — это было все, что они ему ответили.

Между тем комиссары настоятельно требовали от короля ответа на первое их предложение, относительно упразднения епископата. Пространное описание этого спора, а также доводов, использованных обеими сторонами при обсуждении данного вопроса, было бы чрезвычайно утомительным и совершенно излишним. Однако кроме всех аргументов, представленных ими публично — которые Его Величество, обнаружив необыкновенную остроту ума, полностью опроверг, — комиссары (вернее, те из них, кто, как всем было известно, сочувствовали ему) нашли способ конфиденциально сообщить королю, что они согласны с мнением Его Величества относительно существующей формы правления, которую, как они уповают, удастся сохранить, — но не с помощью того метода, какого держится ныне Его Величество. Единственная разумная надежда на спасение короны заключается в отделении Парламента от армии, чего можно будет добиться лишь в том

случае, если король удовлетворит требования, касающиеся церкви. Благодаря такому шагу будет достигнуто единодушие в самом Парламенте (исключая немногих его членов), к Парламенту присоединится Сити, где пресвитериане пользуются огромным влиянием, после чего Парламент сразу же получит возможность реформировать свою армию и распустить те части, которые этой реформе воспротивятся. Затем король явится в Лондон, дабы личным своим присутствием в Парламенте довершить то, что должно быть подготовлено в ходе настоящих переговоров. И тогда словесные выражения этих биллей, а также формальности, связанные с процедурой их принятия, предоставят удобную возможность внести в них многочисленные изменения — попытка же добиться этого уже сейчас всё погубит и, примирив Парламент с армией, сделает гибель короля неизбежной.

Лица, внушавшие подобные мысли королю, несомненно, верили в то, что говорили; они действительно полагали, что все произойдет именно так, как они предсказывают, и сами совершенно искренне этого желали. На короля, однако, сильнее подействовало воспоминание о тех обещаниях относительно церкви, которые дал он шотландцам в заключенном на острове Уайт договоре — о чем, и он не мог этого не понимать, отлично знали многие пресвитериане в Англии. Король рассудил, что все то, что обещал он тогда, единственно лишь в надежде набрать армию, он может с разумным основанием предложить теперь, после того, как армия эта оказалась разгромленной, а надежд создать новую у него уже не осталось. А потому, хотя и весьма неохотно, король предложил комиссарам то самое, что некогда пообещал шотландцам, а именно упразднить на три года епископальную систему, после чего, по совещании Парламента с Комиссией богословов (в которой, среди прочих, должны заседать двадцать назначенных им самим членов), и будет принято решение о том, какой порядок управления следует установить в церкви; он не сможет кого-либо принуждать к принятию Ковенанта, сам же получит право иметь собственную часовню, пользоваться Книгой общих молитв и поклоняться Богу так, как делал это прежде, а всем желающим будет позволено принять Ковенант и пользоваться новым служебником. В общем, он соглашался на все, что предложил некогда в договоре с шотландцами относительно церковного устройства, в том числе и на распродажу церковных земель, с той лишь оговоркой, что прежние ренты следует сохранить за их законными владельцами и их наследниками.

Названные уступки, как свой окончательный ответ, король довел до сведения комиссаров, большинство коих сочло тогда, что этот шаг избавит Его Величество от новых требований и домогательств в этом вопросе.

Следующее предложение касалось милиции; комиссары принимали его особенно близко к сердцу, и именно здесь обнаруживалось различие между шотландскими и английскими пресвитерианами. Первые никогда не выказывали желаний посягнуть на эту бесспорную прерогативу короны; последние в действительности вождели ее так же страстно, как и самого пресвитерианского строя; в данном пункте пресвитериане были заодно с Кромвелем, нисколько, впрочем, не сомневаясь, что с помощью этой прерогативы им вскоре удастся одолеть его самого. В этом требовании они выказали обычную свою скромность и, если изложить суть дела в немногих словах, заявили претензию на право оставить под знаменами уже существующую армию, а в будущем набрать столько войска, сколько им самим заблагорассудится — что давало им власть над личностью любого их подданных, к какому бы званию и состоянию он ни принадлежал. Во-вторых, они домогались права взимать деньги тем путем и с помощью таких методов и средств, какие они сами сочтут целесообразными, для использования и содержания этих военных сил — тем самым получая в свое полное и неограниченное распоряжение богатства и имущества всех без исключения англичан. В-третьих, командование и распоряжение всеми сухопутными и морскими силами должно осуществляться только так, как они найдут нужным, и никак иначе. Все эти умеренные права и полномочия предоставлялись лордам и общинам на двадцать лет.

Как будто этого было мало, они потребовали, чтобы во всех тех случаях, когда лорды и общины объявят, что дело идет о безопасности королевства, а король не утвердит поданный ему билль о сборе денежных средств, соответствующий билль имел силу парламентского акта, как если бы он уже получил королевскую санкцию. Здесь король должен был подумать и решить, следует ли ему теперь полностью принять это требование или целиком его отвергнуть — или же у него есть разумная надежда ограничить это требование таким образом, чтобы Палаты могли удовлетвориться полученной ими властью, а за ним, королем, осталась та ее доля, которая необходима для обеспечения его собственной безопасности. Однако Парламент отверг предложенное королем ограничение,

а комиссары отказались одобрить соответствующую преамбулу к договору, и Его Величество, которому и принятие, и отклонение этого требования внушали едва ли не равное отвращение, в конце концов уступил настойчивости друзей и врагов и позволил объявить о своем согласии.

Кому-то, пожалуй, покажется удивительным, что после того, как король, одобрив три упомянутые выше предложения, зашел таким образом достаточно далеко, у него при обсуждении прочих вопросов могли возникнуть какие-либо сомнения и колебания. И, однако, после всех этих уступок общего характера — которые в равной мере затрагивали как его самого, так и народ в целом, и когда суровая необходимость, вынудившая его против воли дать на них согласие, могла бы, казалось, послужить оправданием и для удовлетворения всех остальных требований — и, однако, говорю я, когда комиссары стали настойчиво домогаться от короля согласия в пунктах, касавшихся единственно лишь частных и отдельных лиц, то есть отмены всех указов, коими он уже пожаловал различные титулы и должности особам, верно ему служившим, а также изъятия многих из них из амнистии, что обрекало их на жестокие кары со стороны Палат, грозившие им лишением имущества и самой жизни, невозможно выразить словами, в какую печаль и душевную скорбь повергло короля это требование. И поначалу король, несомненно, готов был скорее умереть, только бы не подчиняться ему. Однако затем друзья принялись настойчиво доказывать королю, что он уже успел сделать очень многое, а те, кто более других должен был пострадать после принятия им подобного требования — что он должен сделать еще больше, и что поскольку он уже согласился с многими вещами, не доставившими ему ни малейшего удовлетворения, то теперь ему следует удовлетворить требования Парламента в столь полной мере, чтобы сам он мог наконец испытать радость от того, что королевство обретет мир и безопасность.

Многочисленные друзья в Лондоне и других местах убеждали короля в своих письмах, что переговоры давно пора завершить, дабы Парламент, располагая всеми ответами Его Величества и опираясь на них, мог принять решение о дальнейших своих действиях еще до того, как армия приблизится к Лондону — что она непременно предпримет в самом скором времени, как только войска на севере кончат дело, а Ферфакс возьмет Раглан-касл, который не способен долго продержаться и по овладении коим

руки у Ферфакса будут совершенно развязаны. Близился конец октября, сроком же, определенным для завершения переговоров, было 4 ноября. В конце концов, после самых настойчивых уговоров как со стороны тех, кому суждено было пострадать, так и со стороны тех, кому предстояло радоваться их страданиям, удалось получить согласие Его Величества на большую часть требований, содержащихся в остальных предложениях комиссаров, и теперь все, включая короля, считали переговоры оконченными. Его Величество выразил желание, чтобы комиссары — поскольку он уже пожертвовал множеством собственных прав, дабы удовлетворить Парламент — сделали, со своей стороны, все возможное, чтобы от него, короля, больше ничего не требовали, ибо то небольшое, в чем он им отказал, имеет столь тесную связь с убеждениями его совести, что он не в силах сделать какие-либо новые уступки, не пойдя ей наперекор и не утратив душевного покоя. Он попросил комиссаров употребить те же способности и то же красноречие, с помощью которых им удалось убедить его самого, дабы втолковать обеим Палатам, что королевство, если его не спасут настоящие переговоры, окажется в крайне прискорбном положении. Речь свою король закончил милостивым и пространным выражением благодарности за любезности, оказанные ему лично, а также другими добрыми словами, что произвело глубокое впечатление на всех комиссаров, хоть сколько-нибудь способных испытывать жалость и сострадание.

После этого король ожидал и предполагал, что комиссары явятся к нему на следующий день с прощальным визитом — они, однако, посетили его в тот же вечер, дабы сообщить, что ими получены новые приказы и инструкции, предусматривающие продолжение и продление переговоров еще на две недели, что совершенно не обрадовало Его Величество. Члены Палат, сочувствовавшие королю, также не хотели продлевать ранее установленный срок, и было нетрудно догадаться, что подобное предложение могло исходить лишь от тех, кто не желал, чтобы переговоры принесли какие-либо благие плоды, но еще не мог помешать успешному их завершению, поскольку армия еще не везде кончила свое дело. Выдвинутые комиссарами новые требования вскорости показали, что единственной их целью было затянуть переговоры. Его Величество, однако, строго держался прежних своих ответов по всем пунктам, а в заключение объявил, что с большей радостью предался бы ныне на милость Божью, надеясь обрести в ней поддержку и защиту в любых, сколь

угодно страшных бедствиях, какие могут его постигнуть, но не стал бы из каких-либо хитроумных политических расчетов, способных, как можно подумать, послужить восстановлению его власти, лишать себя душевного мира и покоя.

Здесь следует напомнить, что в последний день, когда переговоры должны были завершиться, комиссары объявили королю о решениях, принятых Палатами по поводу его послания, так долго остававшегося без ответа. В этих резолюциях говорилось, что 1) сразу же после того, как достигнутые на переговорах соглашения будут утверждены парламентскими актами, королю возвратят все его дома, маноры и земли, а также все прочие законные доходы короны; 2) сверх того он, в соответствии с законами страны, сможет вновь пользоваться должным почетом, свободой и безопасностью; 3) тогда же будет принят акт об амнистии, с теми изъятиями и исключениями, о которых договорятся стороны.

Срок, на который были продлены переговоры, истекал 21 ноября, и комиссары, в полной уверенности, что они больше не продолжатся, простились с королем и на следующий день рано утром отбыли в бухту Коуэс, чтобы сесть там на корабль. Но отлив помешал им покинуть остров, и в ту же ночь к ним явился гонец с приказанием продолжать переговоры до 25-го, то есть еще четыре дня, так что 23-го они возвратились в Ньюпорт и уведомили о случившемся Его Величество.

В это самое время была обнародована грозная декларация армии, объявлявшая, что она твердо решила преобразовать всю систему правления и ни на какие меньшие изменения уже не согласится. Для короля это событие стало побуждением к тому, чтобы предпринять все возможное для сплочения Палат, дабы те оказались в силах выдержать подобный удар, и можно было ожидать, что для Палат оно явится не менее убедительным доводом в пользу единства и совместных действий с королем, ведь их интересам угрожала теперь ничуть не меньшая опасность.

Тогда Его Величество вручил комиссарам свой окончательный ответ; после всех уступок и тяжело дававшихся ему решений в церковном вопросе он рассчитывал, что от него здесь больше не станут ничего домогаться — ведь дело шло о его заветных убеждениях и о его совести. Король сказал, что, по теперешнему своему разумению, он не вправе упразднить епископальную систему управления церковью, однако, страшась новых гибельных раздоров в королевстве и надеясь, что Палаты уступят перед истиной, как только ее

сделают для них очевидной, он еще раз изъявляет желание провести совещание с богословами предложенным им ранее порядком, а пока выражает готовность лишиться на время епископов прежней власти, как в деле посвящения в духовный сан, так и в области судопроизводства, — до того момента, когда обе Палаты определят, какая система управления должна быть установлена в церкви на будущее. Что до епископских земель, то он не может согласиться на полное их отчуждение и отнятие у церкви, но, дабы удовлетворить интересы покупателей этих земель, готов дать согласие на аренду, пожизненную или же на срок не более 99 лет. По всем остальным пунктам он повторил прежние свои ответы. Получив таким образом окончательный ответ короля, комиссары простились с ним и на следующее утро отправились в Лондон.

Король послал своему сыну, принцу Уэльскому, письмо — целых шесть листов, написанных его собственной рукой. В нем он подробно изложил мотивы и причины, побудившие или заставившие его сделать упомянутые уступки; отсюда главным образом и взяты сведения, приведенные в нашем повествовании. Тем же, что после вопросов церкви и религии, по-видимому, всего сильнее удручало короля и, как он сам говорил, часто служило предметом тяжелых раздумий, были суровые кары, коим должны были подвергнуться его сторонники. Впрочем, король искренне верил, что, когда его договор с Парламентом начнет приводиться в исполнение, он сможет защитить интересы этих людей с большим успехом, нежели удалось ему это сделать в ходе переговоров. Ибо, писал король, он не может не думать, что ни единый из тех, кто согласен и далее признавать его своим королем и жить под его властью, не захочет, чтобы в завершении всего дела на его партию легло столь отвратительное клеймо позора, за которое всем его сторонникам придется нести ответственность в будущем. Король, однако, выражал надежду, что все его друзья примут в расчет не те уступки, на которые он вынужден был пойти, но его настойчивые усилия уберечь их от множества бед, и заклинал принца — именно по той причине, что ему, королю, удалось сделать для своих сторонников немного — признать это своим долгом и, с Божьей помощью, постараться сделать для них больше. Он готов забыть, продолжал король, как далеко зашли в своем предательстве иные из его подданных, однако таких доказательств верности, какие представили ему другие особы, никогда не получал ни единый король, и хотя Господь, желая покарать его подданных и его самого, отказал в благословении некоторым из

их предприятий, история не знает другого примера, чтобы столько людей, поначалу введенных в заблуждение, в конце концов возвратилось к ясному сознанию верноподданнического долга. Заключительная часть письма всего лучше рисует нам характер этого превосходного короля и заслуживает того, чтобы, высеченная золотыми буквами, она навсегда осталась в нашей памяти. Звучит же она так:

«Из сказанного ты можешь видеть, как долго и упорно мы добивались мира — не падай же духом и следуй по нашим стопам. Используй все достойные средства, чтобы возвратить свои права, но отдавай предпочтение мирному пути. Если Бог благословит тебя успехом, выказывай великодушие, дабы побеждать врагов скорее прощением, нежели наказанием. (Позволь нам здесь утешить тебя той мыслью, в коей мы сами черпаем утешение: хотя нынешние несчастья способны навлечь на нас человеческое осуждение, мы смотрим на них так, как если бы им было суждено, по милости Божией, если не привести к полному избавлению нас самих, то, во всяком случае, обеспечить благоденствие тебе.) Если бы ты видел, насколько непримиримость наших зложелателей недостойна мужественного человека и противна христианству, то стал бы избегать подобного расположения духа. Не порицай нас за то, что мы отреклись от весьма многих из наших прав. Цена высока, но ведь за нее мы могли получить безопасность для себя и мир для нашего народа, и мы уверены, что следующий Парламент вспомнит, как важна королевская власть для защиты народной свободы. Поверь нашему опыту, никогда не домогайся большего могущества и более широких прерогатив, чем те, которые в действительности способны послужить истинному благу подданных, а не прихотям фаворитов. Употребляя свою власть подобным образом, ты никогда не будешь знать недостатка в средствах для того, чтобы быть добрым отцом для всех и щедрым государем для каждого, кого пожелаешь отличить особенной своей милостью. Тебе известно: все люди без боязни вкладывают свои сокровища в то, из чего могут извлечь прибыль, и если государь, подобно морю, принимает все воды, которые несут ему реки, и возвращает их с лихвой, то реки уже ничего не пожалеют для моря, но с радостью сделают все, чтобы превратить его в океан. Следуя этим правилам, ты сможешь стать столь же великим и сильным государем, сколь жалок и слаб ныне твой родитель, и положение твое будет столь же прочным, сколь шатким является мое. Ибо подданные наши (осмелимся предположить) уже

уразумели, что их победы над государями суть их собственные поражения, а потому в будущем они не станут с прежней готовностью внимать речам о переменах. Англичане — народ здравомыслящий, какая бы блажь ни владела их умами в настоящее время.

Кто знает, быть может, сейчас мы в последний раз обращаемся к тебе и к миру открыто. Нам известно, в чьи руки мы попали, и однако, благодаря Богу, нам доступны те духовные утешения, над коими не властна вся злоба наших врагов. Мы научились удовлетворяться собственным обществом, уходя от мира в глубину нашей души, и потому в силах выдержать все, что ниспошлет нам судьба, в твердой вере, что Промысел Божий обуздает мощь наших врагов и обратит их свирепость к вящей своей славе.

В конце скажу так: если Господь дарует тебе успех, пользуйся им со смирением и беги всяких мыслей о мщении. Если же Он восстановит тебя в прежних правах на суровых условиях, исполняй все, что бы ни пришлось тебе пообещать. Эти люди, чьей обязанностью было сохранять те самые законы, которые они растоптали, еще увидят, сколько мучений и тревог принесет им нынешнее их торжество. Ты же знай: нет в мире цели, которой стоило бы добиваться бесчестными и несправедливыми средствами. Ты — наш любимый сын. И теперь, веля тебе как следует обдумать наши советы, мы уверяем, что с не меньшим усердием, чем за тебя (коему являемся природным родителем), мы станем молиться о том, чтобы древнюю славу и величие нашего государства не погубили безбожие и фанатическое неистовство, чтобы все наши подданные (для коих мы — родитель политический) исполнились здравомыслия и искали для себя мира не в новых откровениях, но в правоверном исповедании христианской религии, как она была установлена в нашем королевстве после Реформации, чтобы старинные законы, толкуемые в согласии с общеизвестными обычаями, снова стали для них надежной защитой, и чтобы ты, когда придет срок, мог ими править, а они — тебе повиноваться, в страхе Божиим, о чем и возносит Господу свои молитвы

*Твой любящий отец,
Ньюпорт, 25 ноября 1648 года*

Всем казалось, что, пока шли переговоры, король мог бы совершить побег. Большинство людей, ему сочувствовавших, считали, что такую попытку обязательно следует предпринять, и сам король к этому склонялся, полагая, что любая свобода окажется

предпочтительнее нынешней неволи. Но затем другие лица стали отговаривать короля от осуществления подобного замысла и в конце концов убедили от него отказаться, приведя его, однако, в сильнейшее душевное смятение. Невозможно себе представить, до какой степени некоторые особы во Франции страшились его побега и какой ужас внушала им мысль о возможном его прибытии туда. Объяснялось же это вовсе не недостатком заботы о безопасности короля, но искренним опасением, что отсутствие должного уважения, с которым он там непременно столкнется, станет для него ударом более страшным, чем тяготы и невзгоды самого строгого заключения. И действительно, во всем христианском мире не существовало тогда двора, которому хватило бы благородства и великодушия, чтобы принять короля с радостью. Не исключено также, что люди, желавшие ему добра, не желали его побега потому, что видели в его заключении самое худшее, что способны уготовить для короля злейшие его враги, ведь пока он оставался в неволе, они могли бы самым основательным образом учредить и укрепить республиканское правление. Никому тогда и в голову не приходило, что они намереваются создать подобное государственное устройство с помощью злодейского убийства — ведь после него титул монарха по закону немедленно перешел бы к другому лицу, которое имело возможность заявить свои права на трон и начать борьбу за их осуществление.

До начала переговоров, но уже после принятия постановления и Декларации о не-обращении, когда с ним обходились весьма сурово, король всерьез думал о бегстве и был уже близок к исполнению своего замысла. Окружали его тогда единственно лишь особы, приставленные теми, кто менее всего желали ему добра, а потому избирали орудия, разделявшие, как им казалось, те же самые принципы. Одним из таких орудий был некто Осборн, молодой человек дворянского происхождения, которого назначили на должность церемониймейстера, что позволяло ему почти неотлучно находиться при особе короля. Достоинство, с которым держался король, и его любезное обращение с окружающими, произвели за несколько месяцев сильное впечатление на юношу, а потому, из преданности Его Величеству и из сочувствия к его страданиям, он загорелся искренним желанием оказать королю какую-нибудь важную услугу. В качестве церемониймейстера Осборн обыкновенно держал в своих руках перчатки короля, пока тот находился за столом, и вот однажды, воспользовавшись этим

обстоятельством, он вложил в один из пальцев перчатки короткую записку, в которой выразил свои верноподданнические чувства. Король не спешил принимать на веру пылкие излияния человека, столь мало ему знакомого, которого, как он отлично понимал, никогда бы не приставили к его особе, если бы не считали сторонником определенного рода взглядов. Однако затем, после более продолжительного наблюдения за Осборном и разговоров с ним в обществе других лиц в саду (где королю дозволялось гулять), Его Величество начал верить в чистосердечие юноши, а потому часто оставлял в своей перчатке записки и таким же способом получал известия от него.

В тамошнем гарнизоне капитаном пехотной роты служил некто Ролф, которого Кромвель послал на Уайт в качестве главного своего конфидента. Человек низкого происхождения и весьма посредственных способностей, Ролф еще рядовым был посвящен во все интриги армии, а впоследствии, будучи одним из агитаторов, по наущению Кромвеля внушал нужные мысли солдатам, на которых имел огромное влияние. Не в силах себя сдерживать, он чрезвычайно скверно и злобно отзывался о короле даже тогда, когда старшие офицеры вовсю изошрялись в лицемерии. Ролф близко сошелся с Осборном и был совершенно уверен, что имеет дело с человеком, готовым на все ради собственного возвышения. И вот однажды, разразившись обычной своей бранью по адресу короля, Ролф воскликнул, что ему очень хотелось бы, чтобы Его Величество поскорее отправился на тот свет, ведь пока он жив, никакое умиротворение страны невозможно. Ему доподлинно известно, продолжал Ролф, что армия желает королю смерти, и что Гаммонд получал из армии письма с приказом устранить его с помощью яда или иным способом, однако он, Ролф, понимает, что осуществить подобный план здесь не получится. А потому, если Осборн пожелает к нему присоединиться, они могли бы забрать короля отсюда, после чего сделали бы свое дело без всякого труда. Когда же Осборн спросил, как можно увезти отсюда короля без его собственного согласия и против воли Гаммонда, Ролф ответил, что короля можно было бы выманить из Ньюпорта, как когда-то из Гемптон-Корта, письмами от его друзей с предупреждением о грозящей ему здесь опасности, после чего он сам захочет отсюда бежать, и тогда его можно будет совсем легко прикончить.

Обо всем этом Осборн немедленно сообщил королю. Король велел Осборну продолжать дружеские сношения с Ролфом

и пообещать ему свою помощь в подготовке побега. Король таким образом рассчитывал обратить гнусный замысел Ролфа в средство для собственного спасения. Он рекомендовал Осборну одного из солдат, как человека, на которого тот мог бы положиться. Он также посоветовал ему довериться некоему Доусетту, с которым король был давно знаком и которого теперь назначили охранять черную лестницу. Доусетт и в самом деле был человек честный; к тому же Его Величество просто не сумел бы осуществить побег без ведома и участия лиц, которые могли бы помочь бы ему выбраться из замка и позаботиться о нем впоследствии.

Осборн твердо заверил Ролфа в том, что в конце концов сумеет склонить короля к побегу, хотя король, похоже, все еще питает известные сомнения, опасаясь, быть обнаруженным и схваченным. Во всем этом деле Осборну с большой охотой помогал Доусетт; другой солдат, на котором остановил свой выбор король, также оказался честным человеком и даже сумел соответствующим образом повлиять на нескольких своих товарищей, обыкновенно стоявших на часах в том самом месте, где король намеревался покинуть замок. Наконец, все было готово, и королю передали пилу и напильник; орудия ими, он, хотя и с превеликим трудом, перепилил решетку на окне, через которое должен был выбраться на волю.

Итак, в назначенную для побега ночь Осборн явился туда, где ему было приказано поджидать короля. Но один из солдат донес Ролфу обо всех его действиях. Догадавшись, что Осборн его обманывает, Ролф велел солдату возвратиться на свой пост и не покидать его; сам же Ролф, а с ним еще несколько надежных солдат, вооружившись, расположились поблизости с пистолетами наготове. В полночь король подошел к окну с намерением выбраться наружу, но, едва принявшись за дело, заметил, что рядом с замком находится больше, чем обыкновенно, людей. Король подумал, что план побега, по-видимому, раскрыт, а потому затворил окно и снова лег в постель. Вот и все, что на самом деле стояло за слухом, который распространился впоследствии — будто король, наполовину высунувшись из окна, застрял в нем и, не способный ни двинуть вперед туловище, ни просунуть назад голову, принужден был звать на помощь — но это чистая выдумка.

О замысле короля Ролф сообщил Гаммонду; тот немедленно направился в комнату Его Величества, где обнаружил, что король находится в своей постели, но оконная решетка надвое перепилена

и снята. Заключив отсюда, что сведения Ролфа верны, Гаммонд тотчас же арестовал Доусетта, однако не сумел схватить Осборна, который то ли бежал с острова, то ли где-то на нем укрылся, так что найти его не удалось. Ролф не смог удержаться от того, чтобы не оскорбить Доусетта уже в тюрьме и с издевкой спросил, почему же его король, подойдя к окну, не спустился вниз, ведь он, Ролф, с добрым, отлично заряженным пистолетом, уже готов был его встретить. Когда же Осборн оказался в безопасном месте, он отправил по письму каждому из спикеров, сообщив им обо все случившемся. В Палате общин этими известиями пренебрегли и оставили их без внимания, однако на Верхнюю палату они произвели более сильное впечатление, и пэры с необычной для них ныне настойчивостью предложили общинам немедленно вызвать Ролфа, а Осборну выдать охранную грамоту на сорок дней, чтобы он мог явиться в Лондон и выступить в качестве обвинителя.

Ролф привез в Лондон письмо от коменданта Гаммонда, в котором тот ручался за его честность и пространно исчислял его заслуги перед государством. Осборн также явился к решетке Палаты лордов, где подтвердил под присягой все свои прежние показания и обязался представить новые доказательства. Палате общин не хотелось продолжать разбирательство, но возмущенный народ так громко этого требовал, что после долгих проволочек Палата постановила передать дело коллегии присяжных в Вестминстере. Туда, в качестве единственного судьи для этого округа, коммонеры послали своего верного и испытанного пристава Уайлда, и в его присутствии в список присяжных, коим предстояло теперь судить Ролфа, была включена большая часть заседателей, в свое время признавших виновным капитана Берли. Осборн и Доусетт (отпущенный под залог для участия в процессе) явились, чтобы обосновать свое обвинение и под присягой сообщили все, что слышали от Ролфа (изложенное нами выше).

Обвиняемому (если можно так называть того, чью свободу ничем не ограничили), вопреки закону и принятому в подобных случаях обычаю, предоставили в качестве адвокатов сразу двух юристов. Впрочем, он и не нуждался в адвокатах, ибо лучшим его защитником был сам судья, который объявил присяжным, что им предстоит разбирать дело величайшей важности, а потому они должны действовать с особой осмотрительностью; что было время, когда слова и намерения действительно считались доказательствами измены, однако Господу не угодно, чтобы так было теперь.

Способен ли кто-нибудь знать наверное, спросил судья, что эти двое, Осборн и Доусетт, не собирались бежать с королем, а Ролф зарядил свой пистолет не для того, чтобы защитить Его Величество? А может быть, они хотели увезти короля, чтобы вовлечь его затем в новую войну? Заблуждаются те, вещал присяжным судья, кто полагает, будто король находится ныне в заключении — нет, Парламент печется единственно лишь о безопасности короля, дабы предотвратить дальнейшее пролитие крови. После столь мудрых наставлений большое жюри вынесло вердикт о прекращении дела за отсутствием состава преступления.

Когда комиссары, участвовавшие в переговорах с королем на острове Уайт, возвратились в Парламент, обсуждение их отчета в Палате общин затянулось на много дней. Следовало решить главный вопрос — является ли ответ, данный королем на предложения Парламента, удовлетворительным? Прения по нему велись со всей злобой и язвительностью, коих можно было ожидать от людей, охваченных той одержимостью, какая владела тогда обеими сторонами.

Сэр Генри Вен-младший открыл дебаты чрезвычайно дерзким вызовом, объявив, что в этот день коммонеры узнают и определят, кто им друг, а кто враг, или, выражаясь понятнее, кто из членов Палаты принадлежит к партии короля, а кто стоит за народ. Затем он перешел к обычным своим жестоким нападкам на особу короля и на издревле установленное правление. Он указал коммонерам, что их склонили к отступлению от прежде с твердостью ими принятых резолюции и декларации о прекращении всяких сношений с королем — после коих королевство управлялось самым мирным образом и начало вкушать сладость республиканских порядков, которые они сами намеревались учредить и уже начали было учреждать. Он напомнил членам Палаты, что, несмотря на жалкое положение, в котором находится ныне король, им так и не удалось убедить его дать им хоть какие-то гарантии безопасности — напротив, король оставил за собой полномочия, позволяющие ему (или, во всяком случае, его потомству) осуществлять свою власть прежним, то есть тираническим, образом. Он заявил, что им теперь не требуется ничего, кроме собственной воли и решимости, чтобы превратить англичан в счастливейшую нацию на свете. Для этого, сказал Вен, они должны, не теряя более времени, вернуться к прежней своей резолюции и прекращении всяких сношений с королем, без его участия установить систему

правления и сурово покарать тех, кто нарушил их мир и покой — дабы примерным этим наказанием внушить страх всем остальным и навсегда отбить у них охоту к повторению подобного рода дерзких попыток.

Речь Вена была, по-видимому, встречена крайне неодобрительно — насколько можно было судить по тому ропоту, который обыкновенно показывает настроение Палаты и по которому ее члены пытаются предугадать возможный успех тех или иных предложений. Вступление к ней и переход к основной части вызвали резкие возражения, как и нахальное высокомерие, с которым посмел он разделить Палату на партии и судить о преданности ее членов интересам народа лишь по тому, соглашаются они или нет с его собственными взглядами и мнениями. А поскольку Вен позволил себе неслыханную дерзость, то ему не следовало обижаться, если его противники поступили подобным же образом, и другой коммонер, заявивший, что он лично от нынешней смуты ничего не выиграл, имел точно такое же право разделить Палату на партии и утверждать, что в предстоящих прениях обнаружится, что здесь есть люди, которые проиграли от войны, или, во всяком случае, ничего не выиграли.

Пока в Палате шли дебаты по этому вопросу — продолжавшиеся несколько дней — шесть офицеров, прибывших из главной квартиры в Виндзоре, куда армия была переведена накануне или тотчас после завершения переговоров на острове Уайт, представили Палате свою обширную Ремонстрацию. В ней армия требовала, чтобы Палата не вела впредь никаких переговоров с королем, но вернулась к прежней своей резолюции о прекращении всяких сношений с ним и со всей поспешностью установила новый порядок управления государством. Армия также требовала, чтобы главнейшие виновники недавней смуты были преданы суду (прочие, по должном подчинении и раскаянии, могли получить прощение); чтобы был назначен твердый срок для возвращения в Англию принца Уэльского и герцога Йорка, а в случае их отказа явиться они были объявлены находящимися в изгнании изменниками; чтобы настоящий Парламент был распущен и народ мог избрать новых представителей, которые будут управлять всей нацией и защищать ее интересы; чтобы впредь ни один король не был допускаем к власти иначе, как по выбору народа и в качестве его доверенного лица, полномочия коего ограничиваются и определяются представительным собранием. В Ремонстрации присутствовали и другие

ни с чем не сообразные пункты, которые именно по причине своей нелепости и неосуществимости не слишком беспокоили Парламент.

Зато Парламент чрезвычайно встревожило и даже внушило ему самые мрачные предчувствия известие о том, что какой-то офицер забрал короля из Карисбрук-касла и увез в Херст — замок, расположенный неподалеку, но в столь ужасной и нездоровой местности, что солдат тамошнего гарнизона часто приходилось менять ради их здоровья. Еще до завершения переговоров полковник Гаммонд отправил немало писем Парламенту с просьбой уволить его с поста коменданта острова Уайт и освободить от обязанности вести надзор за особой короля. По-видимому, настоячивые просьбы Гаммонда вызвали раздражение у офицеров, и на него стали смотреть с подозрением. И как только переговоры окончились (но еще до представления комиссарами отчета Палатам) Гаммонда сняли с должности и послали на остров другого полковника, и приказом овладеть особой короля и доставить его в Херст-касл.

Известие это Палата получила в разгар прений об ответе королю, после чего, отложив все споры на сей счет, коммонеры немедленно постановили, что захват особы короля, а также его заключение в качестве пленника в Херст-касл были произведены помимо их указаний и без их согласия, каковая резолюция не вызвала ни малейших возражений, ведь никто бы не посмел открыто признать, что это он дал подобное указание. Затем Палата велела составить письмо к главнокомандующему, в котором объявлялось, что распоряжения и инструкции, полученные полковником, захватившим особу короля, противны резолюциям Палаты и данным ею полковнику Гаммонду инструкциям, а потому Палате угодно, чтобы главнокомандующий отменил эти распоряжения, а начальство на острове Уайт вновь принял полковник Гаммонд. Однако главнокомандующий, не обратив внимания на их жалобы и приказы, потребовал уплаты причитавшегося армии жалованья и объявил, что если необходимые для расчета по долгам суммы не будут отправлены немедленно, то ему придется двинуть войска вперед и подойти с ними к Лондону.

Тогда же армия послала Палате новую декларацию, ставшую продолжением недавней Ремонстрации. Палата отказалась ее рассматривать, а некоторые бесстрашные члены предложили, если армия посмеет хотя бы на шаг приблизиться к Лондону, объявить, что она совершила измену, и привлечь к суду по обвинению

в государственной измене ее старших офицеров. После этого главнокомандующий выступил прямо на Лондон и расположился в Уайтхолле, другие же офицеры вместе со своими частями заняли Дарем-хаус, Мьюз, Ковент-Гарден, Вестминстер и Сент-Джеймс; для удовлетворения нынешних своих нужд и ради предотвращения могущих возникнуть неудобств они велели Сити без всякого отлагательства предоставить им сорок тысяч фунтов, каковые будут немедленно употреблены для погашения задолженности Парламента перед армией. Несмотря на все эти чудовищные деяния армии, Палата общин сохраняла прежнее мужество и твердую решимость отстоять свое соглашение с королем, признав его ответ удовлетворительным — полагая своим правом и прямым долгом, даже если ответ Его Величества и не вполне удовлетворителен, принять его и приступить к водворению мира в церкви и в государстве, ибо, отклонив его как неудовлетворительный, она бы вновь ввергла королевство в войну и смуту.

Те, кто упорно настаивали на таком решении (и, вообще говоря, желали слыть сторонниками Его Величества), сочли себя ныне вправе, дабы расположить в свою пользу прочих, прибегнуть к хитрости и обрушиться на короля и на все его правление с такой яростью, какую могли бы себе позволить лишь злейшие его враги — только бы доказать, что сделанные им уступки дают средства для исправления всех упомянутых зол и что бессилие и безвластие, на которые они обрекают короля, суть твердые основания для их будущих надежд на мир и благоденствие в королевстве, ведь если королю завтра вздумается разжечь новую смуту, то он обнаружит, что его уже никто не поддерживает, поскольку сегодня он пожертвовал всеми своими друзьями, предав их во власть смертельных врагов. Прения продолжались большую часть ночи; наконец, почти в пять часов утра эти люди предложили решить, следует ли ставить на голосование соответствующий вопрос — и взяли верх 140 голосами против 104. Главный вопрос «Дает ли ответ короля на предложения обеих Палат достаточные основания для продолжения переговоров об умиротворении королевства?» был таким образом решен с полной ясностью, и голосование по нему не проводилось. Во избежание неприятных неожиданностей Палата назначила комитет для переговоров с главнокомандующим, дабы установить доброе согласие между армией и Парламентом. Между тем наступило утро вторника, и Палата объявила перерыв в своих заседаниях до следующего утра, то есть до среды.

Назначенные для переговоров с главнокомандующим члены комитета явились к нему в Уайтхолл, чтобы уже на следующее утро представить отчет Палате. Им, однако, пришлось дожидаться целых три часа, прежде чем их допустили к Ферфаксу, после чего главнокомандующий угрюмо и надменно объявил, что для доброго согласия с армией Парламенту следует одобрить ее Ремонстрацию. На другое утро у входов в Палату и у главных ее дверей были выставлены караулы из мушкетеров. Командовавшие ими офицеры имели на руках поименный список тех коммонеров, коих велено было не допускать в Палату; всех их (общим числом до ста человек) останавливали, когда они появлялись у дверей, и одного за другим отсылали в Суд по опеке, где затем продержали несколько часов под стражей. Несмотря на все принятые армией меры, в Палату (по недосмотру солдат или же потому, что офицеры намеревались исключить лишь самых известных и упорных) удалось проникнуть столь многим особам из числа их единомышленников, что когда был поставлен тот же самый вопрос, прения возобновились и продолжались очень долго. Некоторые члены, наблюдавшие сцены насилия у дверей Палаты и видевшие, как их товарищам не позволяют войти в зал, громко жаловались на грубое нарушение привилегий Парламента и требовали защиты своих прав — но тщетно, ибо Палата оставила их протесты без внимания. Наконец после долгих дебатов большинство присутствовавших в Палате членов вынесло отрицательную резолюцию по уже решенному ранее вопросу, постановив, что ответ короля на предложения Парламента не является удовлетворительным.

Джентльменов, несколько часов просидевших взаперти в Суде по опеке, затем провели с триумфом через Вестминстер-холл (исключая тех немногих, кто, воспользовавшись сочувствием или нерадивостью охраны, сумел скрыться) и под крепкой стражей доставили в помещение под Казначейством, обыкновенно именуемое «преисподней», где они смогли за собственный счет купить себе еды и питья. В этой «преисподней» их продержали в одной комнате до полуночи, после чего, из-за сильного холода и ввиду преклонного возраста многих членов, их развезли по нескольким постоянным дворам. Там они жили на положении арестантов, проведя в подобном заточении еще два или три дня. За это время они обнародовали печатную декларацию против действий Палаты общин, объявив себя жертвами грубого насилия и принуждения. Впрочем, теперь, когда оставшиеся в Палате члены уже приняли

те решения, какие сочли нужным, другим позволялось делать все, что им было угодно.

Никто так и не взял на себя ответственность за этот акт насилия, коим стало исключение из Парламента множества его членов. Палата не принимала постановлений на сей счет, Ферфакс ничего об этом не знал, сами же солдаты, когда их спрашивали, на каком основании они так действуют, отвечали, что они просто выполняют приказ. Однако впоследствии было издано формальное и недвусмысленное распоряжение, в котором Палата, ни словом не обмолвившись об исключении ее членов, объявляла, что ни один из коммонеров, отсутствовавших в день принятия упомянутой выше отрицательной резолюции, не сможет заседать в Палате до тех пор, пока не признает названную резолюцию как согласную с его собственным мнением; те же, кто ее подпишут, вновь получат право участвовать в заседаниях. Многие из исключенных членов, удерживаемые совестью или негодованием, не являлись в Палату в продолжение многих лет, вплоть до перемены власти в стране; другие же, кто раньше, а кто позже, снова заняли свои прежние места, не желая оставаться в праздности в такое время, когда вокруг было столько дел.

Затем общины восстановили в силе прежнюю свою резолюцию о не-обращении, а все постановления о переговорах с королем отменили и признали недействительными. А чтобы в будущем никто им подобным образом не противился, общины подвергли заключению в разных тюрьмах самых энергичных сторонников пресвитерианской партии в Палате — генерал-майора Брауна (хотя он был тогда лондонским шерифом), сэра Джона Клотворти, сэра Уильяма Уоллера, генерал-майора Масси и генерал-комиссара Копли. Все они, каждый на своем месте, преступными своими действиями способствовали некогда успехам Парламента в борьбе с королем несравненно сильнее, чем любой другой человек в королевстве, занимавший столь же высокое положение — и гораздо больше, чем это мог бы сделать теперь, используя свое влияние, кто-либо из офицеров нынешней армии. Одному из них, Масси, удалось бежать из заключения и перебраться в Голландию. Там, с обычной для этой секты скромностью, он явился к принцу и, изображая из себя человека, пострадавшего за его отца-короля, вел себя столь самоуверенно, словно лично участвовал в обороне Колчестера.

Протест, обнародованный и напечатанный исключенными членами, в коем они описывали учиненное над ними насилие и провозглашали незаконными все акты, принятые с тех пор Палатой, вызвал много шума в королевстве; тех же, кто остался в Палате общин и продолжал в ней заседать, он взбесил не меньше, чем офицеров армии. По этой причине, желая подорвать к нему доверие, Палата выступила с собственной декларацией, объявив протест исключенных членов лживым, скандальным, мятежным и имеющим своей целью разрушение видимых основ правления в королевстве. Общинам удалось добиться того, что их удивительную декларацию поддержала немногочисленная Палата пэров, после чего обе Палаты совместно постановили, что упомянутый протест подлежит запрещению и конфискации и что ни единый человек в стране не смеет его продавать, покупать или читать.

Глава XXX

(1648—1649)

Преодолев описанными выше средствами всякое сопротивление и несогласие, Парламент более прямым и непосредственным образом обратился к обсуждению вопроса о том, что ему теперь следует предпринять, а не только о том, чего ему предпринимать не следует, и, в придачу к уже принятым резолюциям чисто отрицательного свойства, начал принимать решения положительные. Парламенту указывали, что ему давно пора учредить для нации какую-то определенную форму правления. Восстановление народной свободы стоило немалых денег и большой крови, каковые жертвы окажутся напрасными, если надежно не обеспечить англичанам спокойное пользование свободой, ведь те или иные попытки нарушить и расстроить общественный мир, наподобие имевших место совсем недавно, будут предприниматься постоянно, если не прибегнуть ныне к примерным наказаниям, способным устроить всех без исключения людей, какое бы положение они ни занимали, и навсегда отбить у них охоту к подобного рода преступным замыслам.

Парламент решил ублажить армию, приняв к рассмотрению подготовленный ею ранее, в качестве образца для новой системы правления, документ, именовавшийся «Народным соглашением» — за составление и распространение коего один из агитаторов был год тому назад расстрелян по приказу Кромвеля, когда последний ясно убедился, до какой степени этот проект возмутил Парламент.

В «Соглашении» объявлялось — как самая популярная мера, более всего способная обрадовать и народ, и армию, — что настоящий Парламент должен разойтись в последний день апреля следующего года; что вместо него надлежит создать представительное собрание нации, состоящее из трехсот избираемых народом лиц; причем ни один из тех, кто выступал на стороне короля, а также тех, кто откажется одобрить или подписать это соглашение, в продолжение семи лет не может быть избран в упомянутое собрание или иметь право голоса при выборах его членов. До этого времени и прежде роспуска настоящего Парламента необходимо подвергнуть примерному

наказанию главных делинквентов, которые недавно нарушили мир и покой в королевстве и обрекли его на столь великое кровопролитие и столь крупные расходы.

С величайшей дерзостью и бешеной злобой было заявлено, что начать следует с того, кто стал причиной всех постигших королевство бедствий и несчастий и, уже лишенный всякой власти и полномочий, более не способен управлять страной. Опыт последних двух лет свидетельствует, что нация может быть благополучно управляема и без его участия; к тому же общины уже провозгласили — и Палата пэров их поддержала — что именно на короле лежит вина за всю пролитую до сих пор кровь. Посему они считают необходимым, чтобы этот муж крови был предан суду и понес должную кару за свою тиранию и свои смертоубийства; и полагают, что именно такой меры ждет от них народ — в надежде, что находящемуся ныне в их руках главному злодею уже не удастся избежать заслуженного наказания.

Какими бы непривычными и даже чудовищными ни казались подобные слова и речи англичанам, авторы этого предложения обнаружили, что большинство платы по-прежнему их поддерживает. А потому они учредили комитет, дабы подготовить против короля обвинение в государственной измене, с перечислением всех преступлений и дурных деяний его царствования. По составлении такового они намеревались решить, каким образом было бы всего лучше и удобнее предать его суду.

Этот образ действий явился для Англии столь неслыханным, что никому и в голову не приходило, как можно было бы теперь оказать ему сопротивление с малейшими надеждами на успех. Но мучительная тревога, владевшая принцем, не позволяла ему оставаться праздным, и он предпринял попытку спасти отца. Принц слишком хорошо знал, насколько Генеральные штаты Голландии далеки от того, чтобы желать славы и процветания английской короне в той мере, в какой она этого с их стороны заслуживала; ему было известно, с каким неизменным усердием они поддерживали и поощряли мятеж. Он понимал, что его собственное пребывание в Голландии неуютно и до крайности неприятно Штатам и что они всячески ищут способ поскорее от него избавиться. Принц, однако, полагал, что нынешнее отношение Штатов к Англии покажется всем без исключения христианам столь отвратительным, что ни единый облеченный властью орган не решится открыто его одобрить. А потому Его Высочество сообщил Штатам о своем желании получить у них

аудиенцию и лично явиться туда, где проводят они свои заседания. Так и произошло, причем депутаты в полном составе встретили его на лестнице и торжественно проводили в зал заседаний.

Принца сопровождали четверо или пятеро советников. Сказав депутатам несколько слов в качестве приветствия, он предложил им познакомиться с документом, который должен был огласить королевский резидент. В нем кратко описывалось тяжелое положение его отца-короля, а также угрозы и опасности, коим подвергали его враги, чей образ действий должен вызывать омерзение у всех христиан и непременно навлечет на протестантскую религию позор и поношение, прежде в христианском мире неслыханные. А потому принц настоятельно просил Штаты вмешаться и употребить, как они сами найдут нужным, свой авторитет и свое влияние на обе Палаты в Вестминстере, дабы те, оставив злобное и незаконное гонение, вошли в переговоры с его августейшим родителем и заключили с ним мир, за соблюдение условий коего Его Высочество готов взять на себе ответственность.

Генеральные штаты заверили Его Высочество, что они глубоко опечалены нынешним положением короля и были бы рады, если бы какое-нибудь посредничество с их стороны смогло ему помочь, а потому намерены всерьез рассмотреть вопрос о том, каким образом могли бы они ныне послужить его интересам. В тот же день Штаты решили направить в Англию чрезвычайного посла; но прежде он должен был явиться к принцу за инструкциями насчет того, к кому из друзей короля ему следует обратиться и с кем держать совет, ведь эти люди, находясь в Англии, могли бы яснее осведомить посла о том, с кем ему всего лучше иметь дело. Послом же Генеральные штаты назначили Пау, пенсионария Голландии. Он немедленно явился к принцу с предложением услуг и в простран-ных выражениях изъяснил, как бы ему хотелось, чтобы его поездка в Англию принесла благие плоды.

Состоявший при особе принца совет всегда видел в Пау человека, который благоволил английским мятежникам и, насколько это было в его силах, старался удержать Генеральные штаты от каких-либо любезностей по адресу английского короля, а потому советникам принца было чрезвычайно досадно, что в столь роковой момент Генеральные штаты назначили послом именно его. Однако принц Оранский заверил принца Уэльского, что он пустил в ход все свое влияние, чтобы добиться такого выбора; что Пау — умнейшая голова в этом собрании; и что ни сам Пау, ни кто-либо из депутатов,

в свое время поощрявших английский мятеж еще сильнее, чем пенсионарий, никогда не хотели, чтобы он имел подобный успех. А потому принц Оранский выразил желание, чтобы к Пау отнеслись без малейшей подозрительности; чтобы принц Уэльский совершенно ему доверился; и чтобы советники принца, коим будет поручено дать ему необходимые инструкции, говорили с Пау обо всех этих предметах с полной откровенностью. Но даже ангельской мудрости оказалось бы недостаточно, чтобы дать разумный совет в подобном деле, ибо склонить Генеральные штаты к тому, чтобы они прибегли к каким-либо угрозам по адресу Парламента (и таким образом, как казалось Штатам, ввязались в спор между ним и королем) было невозможно. По этой причине советники принца могли только выразить желание, чтобы посол поговорил с теми из друзей короля, которые находились тогда в Лондоне и сохраняли безусловную верность Его Величеству, и получил от них совет насчет того, какие средства позволили бы ему в наибольшей степени надеяться на успех в попытках убедить отдельных лиц, а через них и весь Парламент. В общем, не прошло и недели с момента назначения Пау на должность посла, как он уже отправился в Англию.

В это самое время английская королева — которую известие о замыслах Парламента поразило до глубины души и привело в крайнее смятение и замешательство — отправила французскому агенту в Лондоне письмо, убедительно попросив вручить его Парламенту. В этом послании она горько жаловалась на несчастное положение супруга, просила выдать ей паспорт, чтобы она могла его навестить, и изъявляла готовность использовать все свое влияние на мужа, чтобы склонить его к удовлетворению требований Палат. Если же Палатам, писала королева, будет не угодно дозволить ей исполнить обязанности перед государством, то пусть ей хотя бы разрешат исполнить свой долг перед мужем и быть рядом с ним в самый страшный час. Все эти просьбы не возымели ни малейших последствий и лишь послужили выражению искреннего усердия тех, кто с ними общался. Послу Пау на удалось исходатайствовать разрешение на встречу с королем (которого он добивался, рассчитывая получить от Его Величества указания касательно своих дальнейших действий); принял же его Парламент лишь после того, как трагедия уже совершилась. Письмо королевы было вручено Палатам, но рассмотреть его и дать ответ они так и не соизволили.

Когда члены комитета подготовили обвинительный акт — названный ими «Обвинение Карла Стюарта, короля Англии,

в государственной измене», он состоял из нескольких статей, содержащих все клеветнические измышления, включенные ранее общинами в Декларацию о не-обращении к королю, а также ряд новых поношений — его огласили в Палате. Одобренный общинами, он был направлен на утверждение в Палату пэров. Названная Палата, к этому времени сильно уменьшившаяся в числе, после возвращения Кромвеля из Шотландии имела немного дел и, не зная, чем себя занять, часто объявляла перерыв в своих заседаниях на несколько дней. Всем казалось, что эти особы, уже успевшие совершить столько безумств, не станут возражать Палате общин и идти на разрыв с ней в момент ее полного торжества, но вновь санкционируют ее решение. Однако, вопреки всем ожиданиям, обвинительный акт, когда его внесли в Палату пэров, встретил в ней чрезвычайно враждебный прием, и ни один из ее членов не согласился его одобрить. Это обстоятельство — если вспомнить, кто были эти люди и что уже успело натворить большинство из них — может показаться в высшей степени удивительным.

Отклонив, и не без некоторой горячности, обвинительный акт, пэры объявили недельный перерыв в своих заседаниях, рассчитывая, что таким образом они сумеют по крайней мере приостановить стремительное движение к своей цели и что за это время удастся изыскать какое-то средство к примирению Палат. Но их надежды совершенно не оправдались, ибо Палата общин, чрезвычайно обрадованная этой отсрочкой, заключила, что пэры сами развязали ей руки, и что столь удобной возможности для дальнейших действий, какая возникла у нее сейчас, она никогда бы не добилась собственной хитростью. А потому общины продолжали вести себя так, как сами считали нужным, а в тот день, когда закончился перерыв, объявленный лордами, последние обнаружили, что все двери в Верхней палате закрыты и заперты на замок, и поняли, что их туда уже не пустят. Ни один из них больше не заседал в Палате пэров — пока Кромвель своей волей не учредил собственную Палату пэров, в которой некоторые из них весьма охотно заняли свои места.

Когда же обвинительный акт, на основании коего они решили возбудить дело против короля, был составлен и утвержден, общины начали думать, как им следует теперь устроить и вести судебный процесс, чтобы он имел хотя бы видимость законности. Ни в общем, ни в статутном праве не обнаруживалось ничего такого, что могло бы послужить для них руководством или оправданием; равным образом прецедент низложения Ричарда Второго (единственный

прецедент подобного рода) невозможно было использовать в их целях — ибо, какими бы ужасными ни были предшествовавшие этому акту события, Ричард отрекся от королевской власти перед лордами в Парламенте, так что низложение Ричарда совершилось по его собственному почину и с его согласия, а следовательно, не имело решительно ничего общего с настоящим случаем.

А потому, чтобы как-то оправдать и узаконить свои меры, Палата должна была создать новый судебный орган. И она действительно создала сей новый орган, прежде в Англии несслыханный. Общины учредили и назначили судебную палату, которая должна была именоваться «Верховным судебным трибуналом» и состоять из такого-то числа судей, получивших полномочие вести процесс короля, дабы установить, совершил ли он те проступки, в коих его обвиняют, и рассматривать имеющие быть представленными свидетельские показания. Число этих судей определили в 84 человека.

После стольких жестоких и нечестивых деяний общинам было невозможно найти в своей среде достаточное число лиц, на которых они могли бы положиться в этом последнем акте трагедии. По этой причине Палата исходила из следующих соображений: если судьями в предстоящем процессе она назначит лишь собственных членов, то народу подобное решение покажется слишком предвзятым и пристрастным, ведь общины с самого начала вели войну, пусть и оборонительную, против короля, а потому не вправе теперь выступать в роли единственных судей его проступков. С другой стороны, не назначив судьями никого из собственных членов, Палата даст повод думать, что прямую причастность к этому делу она считает опасной для себя, почему и пытается переложить его на других — что отобьет у них всякую охоту в нем участвовать. В итоге Палата решила сделать судьями самых разных людей — из числа как своих членов, так и тех добродетельных и благочестивых особ, которых она сочтет достойными исполнять эту должность. Всякий же, постановили Палаты, кто, по своему назначению, не пожелает быть судьей на этом процессе (ибо среди коммонеров обнаружилось немало таких, кто, побуждаемый совестью или страхом, решительно отказывался в нем участвовать) должен будет назвать имя того, кто его заменит — что, как он отлично понимал, явилось бы с его стороны столь же незаконным актом, а потому лишь немногие из взявших отвод посмели назначить вместо себя кого-то другого.

Судьями были назначены все старшие офицеры армии, и они приняли эту должность. Кроме них членами трибунала стали те из лондонских олдерменов и граждан, кто яростнее других выступал против мира, а также немногие сельские джентльмены, которые, уже успев отличиться особым рвением к делу Парламента, склонны были видеть в этом назначении знак доверия со стороны последнего, а потому изъявили готовность его принять. Когда же число назначенных членов сочли вполне достаточным для стоявшей перед ними задачи, им потребовалось избрать себе спикера, который, именуясь лорд-председателем Верховного трибунала, должен был вести его заседания, направлять весь ход процесса, задавать необходимые вопросы свидетелям и отвечать на то, что найдет нужным сказать подсудимый.

На эту должность избрали Брэдшоу — адвоката из Грейс-инна, не слишком известного в Вестминстер-холле, хотя имевшего обширную практику в своей конторе, к услугам коего часто прибегали вздорные и недовольные властью особы. Происходил этот джентльмен из старинной фамилии, которая жила в Чeshire и Ланкашире, однако разбогател он благодаря собственным усилиям. Человек небесталанный, Брэдшоу отличался крайним высокомерием и непомерным честолюбием. Узнав о своем назначении, он, казалось, был чрезвычайно изумлен и полон решимости отказаться. Он так пространно рассуждал об отсутствии у него способностей, необходимых для исполнения столь важных обязанностей, что стало совершенно ясно: Брэдшоу заранее знал, что ему придется выступать с подобными оправданиями. Когда же от него стали добиваться согласия с такой настойчивостью, которая не могла не показаться странной, он потребовал времени на размышления, пообещав дать вскорости окончательный ответ. Он и дал его уже на следующий день, с величайшим смирением приняв должность, которую исполнял впоследствии с невообразимой спесью, наглостью и высокомерием. Брэдшоу тотчас же окружили пышностью и великолепием; ему выделили обширный штат судейских чиновников, сильной охране велели заботиться о безопасности его особы, а для жительства и резиденции ему навечно предоставили дом декана в Вестминстере. Было приказано немедленно выплатить ему изрядную сумму, целых 5000 фунтов — дабы он смог обзавестись таким выездом и вести такой образ жизни, какие, по его мнению, приличествовали его нынешнему высокому положению. Казалось, что лорд-председатель Верховного судебного трибунала

превратился теперь в первого магистрата Англии. Для исполнения всевозможных обязанностей при новой судебной палате, которую велено было разместить в Вестминстер-холле, назначили также множество других должностных лиц. Руководить устройством зала для ее заседаний поручили лучшим архитекторам.

Между тем короля увезли из Херст-касла, и когда он сошел на берег с лодки, доставившей его оттуда, его, с сильным кавалерийским отрядом, встретил полковник Гаррисон, имевший приказ препроводить короля в Виндзор-касл. Гаррисон, сын мясника из-под Нантвича в Чешире, служил секретарем у одного адвоката, пользовавшегося в тех краях хорошей репутацией. Такого рода образование знакомит с языком и обычаями адвокатской профессии и, если этому не препятствует величайшее простодушие, внушает молодым людям гордость и заносчивость в большей мере, чем любое иное воспитание, делая их самоуверенными и нахальными, хотя и способными ловко это скрывать от своих учителей — разве что молодые обнаруживают (как это часто и происходит), что сами же учителя склонны поощрять в них подобные качества. С началом мятежа Гаррисон оставил своего учителя (который был предан королю и сохранял ему верность) и пошел служить в парламентскую армию. Там, получив вначале звание корнета, он, благодаря большому усердию и трезвому поведению, достиг капитанского чина, хотя ничем особым не отличился и оставался не замеченным до того времени, как была создана армия Нового образца. Именно тогда Кромвель (вероятно, знавший его и раньше) обнаружил, что этот человек, большой охотник до проповедей и молитв, по своему духу и склонностям может оказаться ему чрезвычайно полезным; в остальном же, заключил Кромвель, Гаррисон соображает настолько хорошо (чему весьма способствовало учение в адвокатской конторе), что на его ум можно будет положиться в любом деле. С этого времени Гаррисон стал очень быстро продвигаться по службе, так что к моменту захвата особы короля армией он был уже кавалерийским полковником и по своему влиянию в офицерском совете, а также на агитаторов уступал, как считалось, лишь Кромвелю, Айртону и еще нескольким лицам. Немногих Кромвель посвящал в свои замыслы с большей откровенностью и немногим он давал какие-либо поручения с большей уверенностью в том, то они будут в точности исполнены.

Гаррисон встретил короля внешними знаками почтения и с непокрытой головой, однако держался с ним весьма строго, стараясь

уклониться от любых обращений с его стороны. На вопросы он отвечал кратко и немногословно, а когда король проявлял настойчивость — резко и грубо. Гаррисон (это было очень заметно) подозревал, что король замышляет бегство, а потому делал все возможное, чтобы этого не случилось. По пути в Виндзор, где предполагалось поместить короля, лежал Багшот, и Его Величество выразил желание посетить небольшой парк в Багшоте и пообедать там в охотничьем домике: когда-то король с удовольствием проводил время в этих местах. Король знал, что там живет лорд Ньюборо, недавно женившийся на леди Обиньи. Не думая этого скрывать, король сказал, что хотел бы послать слугу известить хозяйку о своем желании отобедать с ней, чтобы она успела приготовить все необходимое. Гаррисону, отлично осведомленному о преданности этой чете Его Величеству, очень не хотелось, чтобы король хотя бы ненадолго у нее останавливался. Убедившись, однако, что король твердо стоит на своем и удержать его от посещения Багшота можно лишь прямым запретом, Гаррисон в конце концов согласился и позволил Его Величеству послать туда слугу. Король сделал это вечером накануне того дня, когда предполагал обедать в Багшоте.

Лорд Ньюборо и его супруга были известны своей пылкой преданностью королю. Эта дама после того, как ее первый муж, лорд Обиньи, погиб при Эджхилле, привела Парламент в такую ярость, что ей затем долго пришлось томиться в заключении. Когда же война закончилась, леди Обиньи, с одобрения короля, вступила в брак с лордом Ньюборо. Он вполне разделял ее взгляды, и когда короля привезли в Гемптон-Корт, супружеская чета условилась с его Величеством о том, как они будут поддерживать сношения, и впоследствии, несмотря на строжайший надзор за королем, находила способы писать ему и получать от него известия. Большая часть переписки между королем и королевой проходила через руки лорда Ньюборо и его жены; вдобавок, располагая королевским шифром, они сообщали ему обо всем, что, по их мнению, Его Величеству важно было знать. Заранее предупредив короля о том, что его увезут с острова Уайт, они присоветовали ему сделать так, чтобы он мог остановиться на обед в багшотском охотничьем домике, а еще, если это окажется возможным, дорогою как-нибудь ранить свою лошадь или пожаловаться, что с ней что-то неладно — после чего он смог бы взять другую лошадь из конюшни лорда Ньюборо и дальше ехать на ней. (Лорд Ньюборо, страстный охотник до лошадей, имел коня, считавшегося самым быстрым во всей Англии). Предполагалось, что

затем, улучив удобный момент, король внезапно прищипорит свою новую лошадь и ускачет от конвоя. Если же он сумеет оторваться от сопровождавшей его охраны, то, благодаря быстроте коня и знанию всех тайных тропинок в лесу, он сможет добраться в другое место, им заранее известное (три или четыре отличных коня уже были для него приготовлены в разных местах). Вот почему король так упорно настаивал на обеде в Багшоте, а поскольку это было по дороге, и король, путешествуя, всегда имел обыкновение там обедать, то отказать ему в этом теперь оказалось невозможно.

Еще до прибытия короля в Багшот Гаррисон послал туда своих кавалеристов с одним офицером, велел обыскать дом и обшарить весь парк, дабы удостовериться, что там не затаились какие-нибудь люди, способные предпринять попытку отбить у него короля. Король же все утро жаловался на свою лошадь и твердил, что хочет сменить ее на другую, получше. Явившись наконец в охотничий домик, он обнаружил, что обед уже готов; вскоре, однако, ему сообщили, что конь, на которого возлагались такие надежды, столкнулся вчера с другим конем и повредился так сильно, что рассчитывать на него в задуманном деле уже нельзя. Хотя лорд Ньюборо имел других отличных лошадей, которыми можно было воспользоваться в подобной крайности, король счел все это предприятие столь трудным и рискованным — ведь он всегда ехал в окружении сотни кавалеристов, офицеры его конвоя имели превосходных лошадей, а каждый офицер и каждый солдат, его сопровождавший, постоянно держал наготове заряженный пистолет — что решил отказаться от прежнего замысла. Гаррисон уже сообщил королю, что для него нашли хорошего коня; к тому же никто не верил, что Гаррисон позволил бы Его Величеству воспользоваться какой-либо из лошадей лорда Ньюборо.

В общем, с удовольствием проведя в Багшоте несколько часов — хотя ни в одну из комнат его не допускали иначе, как в сопровождении шести или семи солдат, которые, желая слышать, о чем беседуют присутствующие, требовали от них говорить достаточно громко — король печально распрощался с хозяевами, и по его виду можно было заключить, что он уже не надеется увидеть их вновь. Провожая короля, лорд Ньюборо проехал с ним лесом несколько миль, пока Гаррисон не приказал ему повернуть назад.

В тот же вечер Его Величество прибыл в свой Виндзорский замок, но уже вскоре его перевели в Уайтхолл. Во время этой поездки Гаррисон, заметив, что король все еще не избавился от опасений

насчет того, что его собираются прикончить (однажды он даже обронил несколько слов о гнусности и порочности такого убийства), прямо сказал королю, что ему не следует предаваться подобного рода страхам и фантазиям, ибо Парламент слишком предан принципам чести и правосудия, чтобы вынашивать столь подлые намерения. Гаррисон заверил короля, что Парламент, какое бы решение он ни принял, будет действовать публичным и законным образом, свидетелем чему станет весь свет, и не допустит даже мысли о тайном насилии. Заставить себя в это поверить Его Величество был не в силах, как не мог он вообразить, что Парламент посмеет устроить над ним открытый процесс на глазах у всего народа.

Впоследствии некоторые офицеры и иные особы, участвовавшие в этих обсуждениях, признавались, что после того, как короля привезли в Гемптон-Корт и армия полностью подчинилась своей воле Парламент и Сити, ее начальники стали тяготиться присутствием короля и, не представляя себе, как от него избавиться, часто устраивали тайные совещания о том, что же с ним теперь делать. Большинство офицеров полагало, что, пока король жив, им не удастся установить новую форму правления; когда же он оказался пленником на острове Уайт, их стремление окончательно решить этот вопрос стало еще сильнее. После резолюции о не-обращении самая бешеная партия сочла, что предпринять хоть какие-то меры для осуществления своих замыслов они смогут не прежде, чем умрет король, а значит, именно эта цель, тем или иным способом, должна быть достигнута в первую очередь. Некоторые высказывались за действительное низложение короля — которое было бы совсем нетрудно произвести, ведь Парламент покорно вотировал бы все, что бы ни приказала ему армия. Другие предлагали устранить короля с помощью яда — что наделало бы меньше шума, либо, если такой план окажется трудноосуществимым, просто убить его, тем более, что в людях, готовых это сделать, недостатка не было. Существовала и третья партия, не менее злобная и неистовая, чем первые две, предлагавшая привлечь короля к публичному суду как преступника, что в наибольшей степени послужит к чести Парламента, а заодно станет уроком для всех королей на свете, которые уразумеют, что за совершенные ими злодеяния они несут ответственность и могут быть покараны.

Многие офицеры, ссылаясь на прецеденты прошлого, держались первого мнения: низложив короля, они сумели бы учредить новое правление с большей легкостью, нежели в том случае, если

бы он был мертв — ведь его сын не смог бы претендовать на престол при жизни отца, тогда как после его смерти он немедленно объявил бы себя королем, другие англичане тоже стали бы его так называть, и, весьма вероятно, таковым признали бы его прочие короли и государи. Если же оставить короля в живых и держать его в строгом заключении, то впоследствии его можно будет использовать — либо устранить при малейшей попытке переворота. Многие офицеры склонялись ко второму предложению — немедленно расправиться с королем. Из опыта, ими уже полученного, твердили они, явствует, что, пока король жив (а подвергнуть его более строгому заключению, нежели то, в котором находился он до сих пор, просто невозможно), всегда будут составляться планы и заговоры с целью его освобождения. По всему королевству у короля останутся сторонники, которые вскоре будут иметь своих людей на их, офицеров, самых тайных совещаниях и, быть может, проникнут даже в армию; и пока освобождение короля сулит столь высокую награду, было бы слишком опрометчиво ручаться, что кто-либо сможет долго противиться подобному искушению. Но если каждый будет твердо знать, что короля уже нет на свете, то все эти опасения исчезнут, в особенности если они, офицеры, поступят со всей партией короля с той строгостью и бдительностью, какие подсказывает им ныне благоразумие. Вероятно, сторонники этого плана сумели бы взять верх, если бы им удалось добиться согласия Гаммонда, который, однако, еще не утратил совесть до такой степени, чтобы добровольно навлечь на себя столь страшный позор, а без его ведома и потворства осуществить подобный замысел было бы нелегко.

Сторонники третьего предложения — а были это исключительно левеллеры и армейские агитаторы во главе с Айртоном и Гаррисоном — не желали и слышать ни о каких других мерах. Привлечь короля к суду, открыто и на виду у всего света, заявляли они, было бы ничуть не труднее, чем низложить его, ведь Парламент правомочен сделать и то и другое; однако прецедент низложения не пользуется авторитетом в глазах англичан, ибо они видят в этом акте следствие могущества какой-то определенной партии, которая, его совершив, всякий раз подвергала народ еще более жестокому угнетению, нежели все то, что приходилось ему терпеть прежде. Вдобавок эти низложения каждый раз сопровождались жестокими убийствами, тем более гнусными и отвратительными, что ни единый из виновников так и не взял на себя ответственность за свои кровавые деяния. Но если король, по обвинению со стороны негодующего

народа, будет привлечен к публичному суду за общеизвестные преступления, им совершенные, и за свое дурное правление, то верховенство народа будет таким образом подтверждено и сделается для всех очевидным. Англичанам эта мера принесет великую пользу, ибо навсегда освободит их от тяжких притеснений, коим подвергал их король и за которые ему теперь следует заплатить полную цену. Такого рода судебный процесс и казнь, где все будет совершаться открыто и у всех на виду, станут суровым уроком для других королей и заложат наилучший и прочнейший фундамент для той новой формы правления, которую они намерены учредить. Никто не возьмет желаний стать преемником последнего короля и занять его место, если уразумеет, какого рода ответственность придется ему нести перед народом. Эти доводы (а может быть, сила и настойчивость выдвигавшей их партии) взяли верх, после чего были согласованы и утверждены все формальности предстоящего процесса.

Показалось ли подобного рода судилище, из-за совершенной своей чудовищности, чем-то невообразимым, или же главные действующие лица постарались внушить англичанам мысль о его невозможности, однако, и это чрезвычайно удивительно, люди, желавшие добра королю и всего ближе стоявшие к сцене, где исполняли свои роли участники этой драмы, не верили в существование ужасного замысла, который уже вскоре обнаружился с полной ясностью. Проповедники, громче других звавшие к бою до и в продолжение всей войны, теперь с не меньшим неистовством вопияли против всякого насилия в отношении короля и любых покушений на его свободу, безрассудно утверждая, что Ковенант (из-за которого, по их же вине, он и оказался ныне в столь опасном положении) и есть для него самая надежная защита.

Несколько ранее принц, желая известить Его Величество о состоянии своего здоровья, послал к нему слугу (так, впрочем, и не допущенного к особе короля); теперь же, узнав, что Гаррисон привез короля в Виндзор, а оттуда доставил в Сент-Джеймс, принц (понимавший, что Парламент уже не имеет никакой власти) немедленно отправил другого слугу с письмом к Ферфаксу и военному совету, в коем сообщил, что получать сведения о здоровье и положении своего августейшего родителя он может лишь через общедоступные печатные издания и публикуемые в них известия. Последние же дают ему основание думать, что по окончании переговоров на острове Уайт (где, как он надеется, был заложен фундамент

счастливого мира) Его Величество был перевезен в Херст-касл, а оттуда, некими армейскими офицерами, в Виндзор, не без намерения обойтись с ним еще более сурово и подвергнуть судебному преследованию. Подобный слух, хотя и совершенно чудовищный и неправдоподобный сам по себе, не мог оставить его, как любящего сына, равнодушным, и теперь он обращается к ним, офицерам, ибо в настоящую минуту им дано выбирать: воздвигнут ли они вечный памятник собственной верности и благочестию, возвратив своему государю его законные права, а своей родине — мир и благополучие — слава, доселе не часто выпадавшая на долю столь малого числа людей, — либо станут виновниками нескончаемых бедствий королевства, дозволив совершиться и приложив руку к такому деянию, которое у всех христиан, каких бы несходных взглядов они ни держались, вызовет глубочайшую ненависть, как противное устоям любой религии и губительное для прочности и самого существования всякой системы правления. А потому он настоятельно просит и горячо умоляет их самым серьезным образом принять в расчет громадное различие между этими двумя путями, и тогда, в чем он нимало не сомневается, они выберут именно то, что станет для них самым справедливым, безопасным и почетным — сделаться благими орудиями спасения, защиты и реставрации своего короля, коему одному обязаны они хранить верность. Поступив так, каждый из них сможет с полным правом рассчитывать на даруемый чистой совестью душевный мир, исключительное расположение и щедрые милости Его Величества, искреннюю благодарность и признательность всех добрых людей, а также особую и неизменную привязанность самого принца. Письмо это, хотя и с превеликим трудом, удалось вручить самому Ферфаксу, однако побеседовать с ним курьеру принца не позволили; нам лишь известно, что письмо было зачитано на военном совете и отложено в сторону.

Когда короля доставили в Сент-Джеймс, в обращении с ним обнаружили невиданные прежде грубость и варварство. Разговаривать с королем не разрешалось никому, кроме охранявших его солдат; причем некоторые из них допоздна засиживались в его опочивальне, где запросто пили и курили табак, словно в караульной. Королю не позволяли выходить из опочивальни в другие комнаты ни для молитв, ни для отправления обычных нужд естества; и то и другое ему приходилось делать в их присутствии и на их глазах. Враги короля столь бдительно следили за тем, чтобы их янычары не поддались влиянию невинного государя или голосу собственной

совести, угрызаемой творимой ими жестокостью, что распорядились постоянно менять охрану, а потому эти чудовищную службу всякий раз несли новые часовые.

Бесчисленные и неслыханные дерзости, которые довелось претерпеть этому превосходному государю, когда его привели пред гнусное судилище; царственное величие, с каким держался он посреди стольких оскорблений; твердость и решительность в отстаивании своих монарших прав, которые защищал он неопровержимыми ссылками на закон и яснейшими доводами от разума; оглашение страшного приговора невиннейшему человеку на свете; исполнение этого приговора посредством самого отвратительного из убийств, совершенных с тех пор, как был предан смерти наш благословенный Спаситель, а также обстоятельства этой казни; просьбы и обращения благородных особ, стремившихся предотвратить ужасное убийство; лицемерие и обман, ставшие ответом на их ходатайства; святое поведение блаженного мученика, его христианское мужество и терпение в час смерти — все эти подробности так хорошо известны, что, упомянув их здесь еще раз, мы бы только без нужды огорчили и опечалили читателя, сделав ему ненавистным и отвратительным самое наше повествование. А потому мы не скажем больше ни слова об этой прискорбной трагедии, навлекшей столько позора на наш народ и на исповедуемую им религию.

Не будет, однако, неуместным присовокупить к сказанному краткое описание характера этого человека, дабы потомки уразумели, сколь невосполнимую утрату понесла тогда нация, лишившись государя, чей пример мог бы повлиять на благочестие и нравы народа гораздо сильнее, чем это способны сделать самые строгие законы. Прежде чем вести речь о его достоинствах как государя и короля, расскажем о его человеческих свойствах. Больше, чем кто-либо другой, он заслуживал звания честного человека. Он настолько любил справедливость, что никакие соблазны не могли склонить его к незаконным деяниям — разве что кому-то удавалось, изобразив их в ложном свете, внушить королю веру в их справедливость. Природная мягкость нрава и способность к состраданию всегда удерживали его от суровых мер. А потому он обнаруживал такую готовность миловать преступников, что судьям пришлось сделать ему на сей счет представление, указав, что подобная снисходительность оборачивается ущербом и отсутствием должной безопасности для народа; после чего, обуздав прежнюю свою склонность прощать убийц и разбойников с большой дороги, он быстро убедился, что

его строгость принесла благие плоды, ибо число этих тяжких преступлений поразительным образом уменьшилось. Он был чрезвычайно тщателен и щепетилен в исполнении религиозных обязанностей и никогда не предавался забавам и развлечениям, в какую бы раннюю пору они ни начинались, не приняв прежде участия в публичном богослужении, так что в дни охоты капелланам короля приходилось являться к нему очень рано. Равным образом он неукоснительно следовал установленному по часам порядку молитв в собственных покоях и столь сурово требовал от окружающих выражаться о любых религиозных предметах почтительно и с должным благоговением, что не выносил даже намека на легкомыслие или кощунство в речах о религии, каким бы острословием ни пытались это прикрыть. Хотя король находил большое удовольствие и наслаждение в чтении стихов, сочиненных на какой угодно случай, никто не осмеливался показать ему что-либо богохульное или безнравственное: таланты подобного рода в ту пору отнюдь не поощрялись. Он являл собою столь превосходный образец супружеской любви и верности, что люди, не подражавшие ему в этом отношении, не дерзали выставлять напоказ свою распущенность; вдобавок он не только позволял, но и приказывал епископам возбуждать в церковных судах дела против знатных лиц, занимавших высокие посты на королевской службе, если они оказывались виновны в этих порочных и скандальных проступках.

Его царственные добродетели имели, однако, некую примесь, не позволившую им воссиять в совершенном блеске и в полной мере принести должные плоды. Он делал большие пожалования, хотя по натуре не отличался щедростью, что обнаружилось по смерти герцога Бекингема, когда его милости, прежде изливавшиеся потоком, стали чрезвычайно редкими. К тому же, прежде чем совершить какой-то дар, он имел обыкновение слишком долго раздумывать, а потому особы, удостоенные королевской милости, чувствовали меньше признательности за это благодеяние. Он всячески стремился поддержать достоинство монарха, отчего при дворе его царил совершенный порядок, и никто не смел явиться туда, где ему не следовало быть. Он долго и внимательно изучал всякого человека, прежде чем допустить его к своей особе, сторонился незнакомцев и не выносил людей самоуверенных. Он терпеливо выслушивал и тщательно входил во все дела, к чему приучил себя частым участием в заседаниях Тайного совета. Он был очень хорошим судьей и умелым посредником, так что ему нередко удавалось улаживать

с помощью убеждения такие тяжбы, которые из-за упрямства и неуступчивости сторон долго тянулись в обычных судах.

Он отличался большим личным мужеством, но ему недоставало энергии и предприимчивости. Обладая превосходным умом, он, однако, не был в этом уверен, отчего нередко менял собственное мнение на другое, худшее, и следовал советам людей, не способных мыслить так же здраво, как он сам, а потому часто проявлял нерешительность, в его положении недопустимую. Будь он человеком более грубым и властным по натуре, ему бы оказывали больше почтения и повиновались охотнее; а его нежелание, когда уже приблизились великие бедствия, пустить в ход некоторые суровые средства, проистекало из кротости и совестливости, которые во всех случаях, когда могла пролиться кровь, склоняли его к выбору более мягкого образа действий, не позволяя прислушаться к словам тех, кто предлагал, пусть даже вполне разумно, употребить строгие меры. Не просто рожденный в Шотландии, но воспитанный шотландцами и постоянно окруженный толпой выходцев оттуда, он всегда питал чрезмерную привязанность к этой нации; лишь немногие англичане состояли при его особе вплоть до восшествия на престол, но и впоследствии большую часть его слуг составляли шотландцы: король верил, что уж они-то никогда ему не изменят.

Блистая всеми добродетелями, он отличался также величайшей воздержанностью. Однажды ему довелось присутствовать на большом и пышном празднестве, на которое собралось великое множество английских и шотландских вельмож, и кто-то выйдя из пиршественной залы, принялся рассказывать королю, какими огромными бокалами пьют вино его товарищи, и как некий граф, не сойдя с места и не изменившись в лице, сумел перепить большинство сотрапезников. «Его следовало бы повесить», — ответил на это король. А вскоре в покои Его Величества заявился, будучи слегка навеселе, и сам граф, желавший показать, сколь целым и невредимым вышел он из недавней битвы. Король послал к нему слугу с приказом немедленно удалиться, после чего граф несколько дней не смел показываться на глаза Его Величеству. Гибели короля содействовало столько удивительных событий, что людям вполне могло прийти в голову, будто против него объединились небо и земля, и самые звезды желали ему смерти. Хотя с того момента, как его власть начала клониться к упадку, множество собственных слуг ему изменило, и лишь немногие сохранили верность, проистекало это

предательство отнюдь не из коварного умысла причинить какой-либо вред ему самому, но из личной вражды и нерасположения к другим лицам. Впоследствии страх перед Парламентом и сознание собственной вины заставляли подобных людей хвататься за любую возможность, только бы снискать милость тех, кто мог бы оказаться для них полезным в новых обстоятельствах. Поэтому они принялись шпионить за своим господином и, ожесточаясь сердцем после очередного низкого поступка, укреплялись в готовности совершить следующий — пока иной надежды на собственное спасение, кроме погубления своего законного владыки, у них больше не осталось.

После всего случившегося кто-нибудь мог бы прийти к выводу, и как будто небезосновательному, что только всеобщее нарушение долга верности всеми тремя нациями, и никак не меньше, способно было обречь великого короля на столь страшный конец; между тем совершенно бесспорно, что в тот самый час, когда перед лицом всего света король был столь злодейским образом умерщвлен, он занимал столько места в сердцах и чувствах всех своих подданных, внушал им столько любви и уважения и был столь для желанным для народа всех трех королевств, как ни один из его предшественников в прежние времена. В заключение скажу так: это был достойнейший дворянин, лучший господин, лучший друг, лучший супруг, лучший отец и лучший христианин из всех людей, которых произвел его век. Если же он не был лучшим из королей, если ему недоставало известных способностей и качеств, сделавших царствование иных монархов великим и счастливым, то, во всяком случае, ни один из других государей, коих постигали подобные несчастья, не обладал и половиной его добродетелей и дарований и не был до такой степени чужд всякого рода порокам.

Указатель специальных терминов и названий

Акт о трехгодичных Парламентах 1641 г. (или Акт о роспуске Парламента) — акт, принятый Долгим Парламентом с целью предотвратить возможность единоличного беспарламентского правления. Согласно этому акту, если монарх отказывался созывать Парламент, рескрипты должен был рассылать лорд-канцлер; если и этот вариант оказывался невозможным, рескрипты на выборы в графствах рассылались Палатой лордов I: 174

Анабаптисты — христианская секта, направление в радикальном протестантизме, зародившееся в Германии под влиянием Томаса Мюнцера и «цвикауских пророков» (Томаса Дрешеля, Николаса Сторха и Марка Томаса Штюбнера) и оформившееся в 1525 г. в ходе Крестьянской войны в Германии. В Британии изолированные анабаптистские общины появляются с 1534 г.; эти общины основывались выходцами из Голландии и Фландрии, бежавшими от преследований у себя на родине. Помимо новых adeptов в Англии к ним, по видимому, примыкали последователи уиклифитов — приверженцев учения Джона Уиклифа (ум. 1384) и лоллардов (предреформационного народного религиозного движения). В Англии adeptы анабаптистской доктрины подвергались преследованиям по нескольким принципиальным обвинениям: отрицание ортодоксального учения о Воплощении, крещение во взрослом возрасте и отрицание авторитета светской власти (первый декрет против анабаптистов в Англии датируется 1535 г.). Термин «анабаптисты» нередко использовался как католической, так и протестантской сторонами для обозначения любой радикальной общины. Зарождение английской ветви анабаптизма связано с общиной, эмигрировавшей из Англии в Голландию в 1608 г. Часть этой общины вернулась в Лондон в 1612 г. и стала известна как «общие баптисты» I: 39, 108, 118, 119, 122, 128, 173; II: 197, 244, 275

Апроши — глубокие траншеи с внешней насыпью, позволявшие подвести

войска ближе к стенам штурмовавшегося города или укрепления I: 184, 185, 243, 261, 277, 308, 334, 422

Арминиане — последователи нидерландского теолога Якоба Арминия (1560—1609). Характерной чертой арминианства является подчеркнутая роль свободы воли в деле спасения. Доктрина Арминия основывалась на пяти тезисах, сформулированных уже после его смерти в 1610 г.: 1) доктрина условного предопределения: для спасения необходимо согласие человека; 2) Христос Своей смертью потенциально искупил все человечество, но только верующий во Христа может принять его плоды; 3) без помощи Духа Святого ни один человек не может обрести благодать веры; 4) Благодать есть начало спасения, но человек может противиться ее действию; 5) Сам Христос поддерживает верующего в его стремлении не грешить и сохранить благодать, но благодать может быть утрачена. Арминианство оказало влияние на теологию общих баптистов и методистов I: 332

Армия Нового образца — сформированная Кромвелем в 1645 г. армия сторонников Парламента, формировавшаяся на профессиональной основе и тем самым отличавшаяся от традиционной английской милиции-ополчения II: 21, 27, 28, 32, 177, 186, 242, 249, 260, 298, 346

Архидиакон (в епископальной церкви) — административная должность, возлагаемая, как правило, на пресвитера (с 1662 г. это требование стало обязательным), нередко каноника собора. Архидиакония является территориальным подразделением епархии и объединяет несколько деканатов. Архидиакон выполняет обязанности помощника епископа в вопросах финансирования деятельности церкви на подотчетной ему территории, благотворительности, организации проповеди и катехизации и т. д. I: 126, 300

Ассамблея и Совет в Килкенни — национальный синод католического духовенства и представителей католической ирландской знати, собравшийся в мае 1642 г. в Килкенни. Целью

собрания было обсудить пути объединения католического населения, установления католицизма на всей территории Ирландии и противодействия протестантам. Собравшиеся присягнули на верность королю Карлу I Стюарту. В октябре 1642 г. в Килкенни собралась первая Генеральная ассамблея конфедерации — правительство, альтернативное лорд-лейтенанту. Генеральная ассамблея, в которую вошли представители духовенства, знати «старых ирландцев» и «старых англичан», а также джентри состояла из двух Палат (лордов и общин, по английскому образцу) и декларировала, что берет на себя управление Ирландией, но лишь до тех пор, пока король не примирится с Парламентом в Англии I: 163, 320

Афинская монахиня — Кларендон ссылается на эпизод из Жизнеописания Алкивиад Плутарха. В 415 г. Алкивиад (450 г. — 404 г. до н. э.), афинский полководец, во время военной экспедиции на Сицилию был обвинен афинскими гражданами в заговоре и попытке переворота и вызван на суд. Алкивиад не вернулся в Афины, перешел на сторону Спарты и был осужден заочно. Все афинские жрецы и жрицы были обязаны предать Алкивиада проклятию; только жрица Феано, дочь Менона из дема Агравлы, не подчинилась приказу, сказав, что «посвящена в сан для благословений, а не для проклятий» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Алкивиад / пер. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1994) I: 47

Барон Казначейства (*baro scaccarii*, *baron of the Exchequer*) — баронами Казначейства назывались судьи Суда казначейства. Коллегию из трех (редко четырех) баронов возглавлял первый барон Казначейства (должность известна с 1303 г.). Баронами могли становиться юристы общего и гражданского права. Первый барон Казначейства считался одним из трех главных судей королевства (наряду с главными судьями судов Общих тяжб и Королевской скамьи) II: 228

Баронет — наследственный титул, не принадлежащий к пэрским титулам; был учрежден в 1611 г. Яковом I Стюартом. Занимает промежуточное положение между пэрским титулом барона и достоинством рыцаря; при этом рыцари

Ордена Подвязки в английской иерархии достоинств предшествуют баронетам. Замысел учреждения нового наследственного достоинства и продажи патентов на его получение принадлежит антикварию Роберту Коттону. Деньги от продажи патентов на титул баронета должны были пойти на содержание английских войск в Ольстере. В мае 1611 г. патенты на титул получили 18 претендентов, в июне — 53 и в ноябре — 17; в 1612—1613 гг. продажа патентов практически приостановилась (4 патента), чтобы возобновиться в 1615 г. По мысли Якова I, количество баронетских титулов в Англии не должно было превышать 200. В 1625 г. Карл I учредил титул баронета в Шотландии I: 413

Билль о милиции — билль, внесенный на рассмотрение нижней палаты Парламента 7 декабря 1641 г. Артуром Гезльригом. Автором текста билля был Оливер Сент-Джон. Суть документа сводилась к тому, что право назначения на высшие командные должности должно было принадлежать Парламенту, а не королю. По мысли составителей, во главе милиции должен был стоять лорд-генерал, в ведении которого было бы не только военное командование, но и право созвать ополчение, собирать деньги на его содержание и приводить в исполнение приговоры полевых судов. Глава флота — лорд-адмирал — также должен был назначаться Парламентом. Билль был принят в первом чтении I: 23, 24, 126, 145, 209; II: 197

Большая королевская (государственная) печать (*Great Seal of the Realm*) — печать, которой скреплялись важнейшие публичные документы за подписью английского монарха. В период средневековья хранителем печати был канцлер королевства; после Реформации, в связи с расширением круга обязанностей лорд-канцлера, назначался хранитель Большой королевской печати. К ведомству Большой печати относились также: клерк шкатулки, взимавший и учитывавший деньги за использование Печати; пломбирщик (*spigurnel*), отвечавший за ткань, с помощью которой удалялся избыток воска с печати, за транспортировку печати с места на место и за четыре красных сумки, в которых печать перевозилась;

изготовитель воска для Печати; носильщик, перевозивший Печать; хранитель кошелька, ежегодно изготавливавший расшитый золотом и драгоценностями кошелек для хранения Печати и отвечавший за сохранность ее рельефа. Использование Печати принято возводить к царствованию Эдуарда Исповедника (1042—1066). Для каждого монарха Печать изготавливалась заново; после восшествия на трон монарх ломал Печать своего предшественника, а серебро, из которого она была сделана, переплавлялось и раздавалось бедным I: 132, 198, 201, 290, 310, 315, 327, 450, 451

Браунисты — христианская деноминация, конгрегационалисты, последователи Роберта Брауна. Роберт Браун (1550—1633) — английский теолог, первоначально находился под влиянием Р. Картрайта и других пуританских проповедников. С 1580 г. оставляет Церковь Англии и в Норвиче начинает самостоятельную проповедь на конгрегационалистских принципах. В 1581 г. с группой единомышленников эмигрирует в Миддельбург. В 1581—1582 гг. пишет политико-богословские трактаты, ставшие основой конгрегационализма («Истинная и краткая декларация», «Трактат о Реформации», «Книга, в которой описаны жизнь и поведение всех истинных христиан»). Церковь Англии объявлялась им ложной церковью. Конгрегационализм предполагал автономность каждой церковной общины, каждый из членов которой устанавливает личные отношения с Богом. Каждая община поставляет служителей, а также пишет собственный устав, имеющий статус коллективного завета основателей общины с Богом. До 1620-х гг. последователей Брауна также именовали «сепаратистами», то есть отделившимися от Церкви Англии I: 39, 108, 118, 122, 128, 173

Булава (парламентская булава) — церемониальный атрибут спикеров Палаты лордов и Палаты общин, символизирующий их власть над палатами II: 199

Великая ремонстрация — 204 возражения, сформулированные парламентской оппозицией 1 декабря 1641 г. Пункты, сформулированные Пимом, Гемпденом и Дигби, содержали критику короны (осуждалась прокатолическая

политика, связывавшаяся с именем королевы Генриетты Марии, выдвигались требования о предоставлении Парламенту права вето при назначении на государственные должности, об изгнании епископов из Парламента и о созыве пресвитерианского церковного совета) II: 232

Великая хартия — Великая хартия вольностей 1215 г. У Кларендона используется в переносном значении «основополагающая ценность» I: 128; II: 244

Великий совет (Большой королевский совет) (лат. Magnum Consilium) — для политико-правовой и исторической мысли Англии XVII в. оставалось характерным представление о древности института Парламента, история которого возводилась к Большому совету нормандской династии, а в некоторых случаях — к англосаксонскому утенегамоту («совету мудрых», аристократическому совету в VII—XI вв.) I: 249

Вестминстер-холл — старейшее помещение Вестминстерского дворца; его строительство началось в 1097 г. Первоначально здание предназначалось для королевских трапез, однако с 1187 г. там начинают проводиться судебные сессии королевского суда в отсутствие короля. В XIII в. Вестминстер-холл становится постоянным местом заседаний двух главных судов королевства — Суда королевской скамьи (в южной части холла) и Суда общих тяжб (на северной стороне). В XV в. к ним добавляется Канцлерский суд, деливший с Королевской скамьей южную сторону холла I: 225; II: 336, 345, 346

Восточная ассоциация графств — 20 декабря 1642 г. для поддержки действий Парламента были объединены милиции графств Норфолк, Саффолк, Эссекс, Гертфордшир, Кембриджшир; позднее к этой армии присоединились милиции Гантингдоншира и Линкольншира. Эти графства, в свою очередь, объединились в Восточную ассоциацию, которая просуществовала до конца 1644 г. Весной 1645 г. армия Восточной ассоциации была присоединена к Армии Нового образца Оливера Кромвеля I: 153, 154, 267—269, 308, 341, 371, 383

Генерал-лейтенант службы королевской артиллерии — история английской Службы артиллерии (The Ordnance)

восходит к Оружейной палате периода правления Эдуарда I (1272—1307). Изначально палата формировалась как часть ведомства Большого королевского гардероба и вместе с другими службами размещалась в Тауэре. К 1360-м гг. палата переходит в подчинение ведомству Малого гардероба и подчиняется хранителю Малого гардероба. В конце XIV столетия по мере распространения огнестрельного оружия внутри палаты постепенно разделяются функции Арсенала и Службы королевской артиллерии, а в XV в. в связи с войнами во Франции обе палаты становятся самостоятельными административными подразделениями, выходя из подчинения Малого гардероба. В 1414 г. Николас Мербери был назначен первым главой (master) королевской артиллерии, однако это назначение, вероятно, рассматривалось не столько как постоянная административная должность, сколько как временное назначение на период кампании Генриха V. Расцвет ведомства Арсенала и Артиллерии, а также оформление их штатов происходит при Генрихе VIII и продолжается при Тюдорах. Во главе Королевской артиллерии поставляется генерал-лейтенант, которому подчинялись контролер артиллерии, клерк-контролер поставок и кладовщики, а также около ста оружейников и канониров. На должность генерал-лейтенанта Арсенала и Артиллерии назначались, как правило, представители знати, имевшие личный опыт ведения военных кампаний II: 13, 40

Генерал-майор — второй по значимости генеральский чин в британской армии I: 21, 27, 68, 136, 140, 159, 214—216, 218, 222, 245, 354, 356, 402; II: 10, 40, 52, 84, 87, 95, 115, 127, 172, 293, 294, 337

Генеральная ассамблея Шотландской церкви — верховный судебно-административный институт пресвитерианской церкви Шотландии. Основы пресвитерианского устройства церкви в Шотландии были заложены еще в «Шотландском исповедании веры» (утверждено Парламентом 17 августа 1560 г.) и в «Первой книге дисциплины» (1561). По мысли Джона Нокса, главного вдохновителя обоих документов, основное место в структуре реформированной церкви должно было отводиться локальным конгрегациям, которые избирали

старейшин и диаконов, служителей слова и чтецов. Место епископов должны были занять суперинтенданты, которые получали исключительно светские организационные полномочия, но также были обязаны проповедовать. Вопрос о порядке избрания суперинтендантов, споры об имуществе церкви привели к пересмотру первоначального варианта церковной структуры. В 1567 г. усилиями Эндрю Мелвилла была составлена Вторая книга дисциплины, окончательно определившая шотландскую пресвитерианскую модель. Устанавливались четыре церковных чина: доктора, служители слова, старейшины и диаконы. Устанавливался суд общины — церковная сессия. Региональным судом становился Синод; наконец, высшим судом и административным институтом становилась Генеральная ассамблея шотландской церкви. Чин суперинтендантов упраздняясь, с 1570-х гг. функции епископов передавались пресвитериям — собранию старейшин и служителей из двенадцати приходов (меньше, чем прежние диоцезы). В 1560-х гг. состав Генеральной ассамблеи ограничивался 6 служителями слова и 35 старейшинами; впоследствии его состав неуклонно возрастал. Согласно Второй книге дисциплины, Генеральная ассамблея представляла «собрание церквей королевства, или нации». По мере развития Реформации в Шотландии Генеральная ассамблея стала не только религиозным, но и наиболее влиятельным политическим институтом страны I: 92, 167, 168, 170, 297—299; II: 171, 297

Генеральные штаты (в Соединенных Провинциях) — территориально-сословное представительство, объединившее провинциальные штаты Гельдерна, Голландии, Зеландии, Фрисландии, Оверэйссела, Утрехта и Гронингена. Впервые в качестве единой ассамблеи были созданы Филиппом III Добрым, герцогом Бургундским, в 1464 г. После Утрехтской унии и возникновения Республики соединенных провинций — главный законодательный орган этого государства, располагавшийся в Гааге I: 111, 112; II: 206, 291, 311—313, 340—342

Герольд Кларенсо — один из членов английской Коллегии герольдов (College of Arms); именование происходит от титула герцога Кларенса I: 80

Глава разведки армии (Scout master general) — глава армейских разведчиков. Первоначально должность разведчика в английской армии предполагала изучение особенностей ландшафта на пути продвижения армии или на потенциальном поле боя. В период Гражданской войны их функции расширились и стали включать сбор любой информации о действиях противника II: 221

Главный государственный секретарь — старший из двух государственных секретарей Англии. Должность с таким названием учреждается в 1558 г. Елизаветой Тюдор для Уильяма Сесила. Должность предполагала проведение дипломатических переговоров и ведение дипломатической переписки монарха с иностранными государями, контроль за деятельностью Совета Севера, Совета Марки Уэльса и Суда по опеке, а также проведение заседаний Государственного совета в отсутствие монарха и контроль за составлением протоколов Совета I: 33, 95, 202

Государственный секретарь (в Англии) — должность государственного секретаря восходит к должности личного секретаря монарха — хранителя королевской печати. До 1530-х гг. должность секретаря была связана исключительно с королевским хаусхолдом. В 1540-х гг. в помощь главному секретарю назначается второй секретарь. При Елизавете должность теряет приватный характер: первому секретарю передаются обязанности, связанные с ведением протоколов заседаний Тайного совета, а также дипломатические поручения. Первый государственный секретарь мог представлять монарха на заседаниях Парламента I: 71, 290, 291, 318, 354, 355, 388, 461; II: 90, 155, 259

Государственный секретарь (в Шотландии) — административная должность, известная с XIV в. (clericus regis, фактически личный клерк государя); государственный секретарь одновременно являлся хранителем Малой государственной печати, скреплявшей назначения на должности, патенты и распоряжения монарха. В 1626 г. Карл I увеличил число государственных секретарей до двух I: 305; II: 130, 168, 253

Грейс-инн — один из четырех судебных иннов (подворий), корпораций юристов общего права Англии. Судебные

инны, в стенах которых происходило профессиональное образование юристов общего права, иногда называли «третьим английским университетом» II: 345

Грум королевского стула (Groom of the Stole) — придворная должность ведемства королевской спальни. В обязанности грума королевского стула входила помощь монарху в отправлении естественных нужд. Нередко должность постельничего и грума стула замешались одной и той же персоной, пользовавшейся безусловным доверием монарха. Начиная с правления Генриха VII должность аристократизируется I: 256, 296

Грум королевской спальни (Groom of the Bedchamber) — должность в Королевской палате, подведомственная лорд-камергеру. Субдепартамент королевской спальни, оформившийся в рамках Королевской палаты при Генрихе VIII, при Стюартах не только нес ответственность за обеспечение повседневных бытовых нужд монарха, но и служил тем пространством, где монарх мог обсуждать важные проблемы в кругу самых приближенных особ I: 296

Гугеноты — прозвище французских кальвинистов, сторонников реформированной церкви во Франции I: 112, 113

Девятнадцать предложений — Девятнадцать предложений, или Великая ремонстрация, — петиция, опубликованная Палатой лордов и Палатой общин 1 июня 1642 г. и адресованная Карлу I. Среди девятнадцати тезисов — пропозиций самыми значимыми были следующие: кандидатуры членов Тайного совета одобряются обеими палатами, равно как и кандидатуры на главные административные и военные должности королевства; палаты Парламента контролируют назначения судей; милиция переходит под контроль Парламента; ужесточаются законы против католиков-рекузантов, иезуитов и католических священников; проводится реформа Церкви; заключается альянс с протестантскими державами против Римского престола; под контроль Парламента переходит воспитание детей короля и их потенциальные браки; и т. д. Король отверг требования палат и 21 июня 1642 г. представил палатам «Ответ на Девятнадцать предложений» I: 28

Декан (в епископальной церкви) — 1) пресвитер — глава корпорации каноников собора; 2) глава деканата, обычно настоятель одного из храмов деканата, исполняющий главным образом организационные и административные функции (деканат — административное объединение примерно десяти приходов одной епархии) I: 55, 182, 300, 453, 455; 315, 342

Делинквенты (от лат. delinquo — не исполнять или не выплачивать долг, нарушать обязательства) — уничижительная характеристика, применявшаяся к сторонникам короля. Речь шла о возмещении ущерба, причиненного стране нелегитимными с точки зрения Парламента действиями: взимание корабельных денег, приговоры прерогативных судов, монополии, платежи в пользу епископата. В 1640 г. Парламентом на основе жалоб, поступающих из графств, был составлен список делинквентов каждого графства, в который попадали все, кто действовал от имени короля или в его пользу. В 1643 г. Парламентом были созданы тесно связанные друг с другом структуры — Комитет по секвестрации, ведавший конфискацией земель, и Комитет по распродаже земель роялистов и делинквентов, который дал возможность менее активным роялистам вернуть свои имения (или их часть) в обмен на материальную компенсацию и принятие присяги республике. В 1644 г. оба комитета были объединены в Комитет по распродаже земель I: 35, 36, 41, 51, 55, 110, 121, 125, 126, 145, 263, 278, 303; II: 191, 210, 234, 340

Десятина — церковный налог, равный десятой части дохода II: 244

Джентльмен Личной палаты (Gentleman of the Privy Chamber) — должность в Личной палате. Обязанностью джентльмена Личной палаты было сопровождать государя в его повседневных делах, на выездах и празднествах, обеспечивать бытовой комфорт в течение дня I: 45

Джентри — совокупность представителей низшей, то есть нетитулованной знати (включавшей достоинство джентльмена, сквайра, рыцаря и баронета) I: 40, 60, 63, 131, 146, 158, 214, 225, 304, 350, 465; II: 62, 119, 245

Дубинщики — стихийно сформировавшиеся отряды местной самообороны, оборонявшие жилища и домохозяйства от грабежа как королевской, так и парламентской армий. 5 марта 1645 г. под предводительством Чарлза Нотта дубинщики в Вудбери-хилл подписали так называемую Декларацию Вудбери, в которой декларировали свои намерения защищать дома от насилия. 2 августа 1645 г. дубинщики были разгромлены Кромвелем при Хамблдон-хилл II: 46—48, 53, 87

Иезуиты (официальное название — Общество Иисуса) — католический орден, основанный в 1534 г. св. Игнатием Лойолой и сподвижниками и утвержденный папой Павлом III в 1540 г. В постреформационный период иезуиты вопреки официальному запрету продолжали тайно окормлять английских католиков. Иезуитов подозревали в намерениях возвести на английский престол Марию Стюарт, а позднее — в организации Порохового заговора; образ иезуита — врага протестантской английской монархии использовался в пропаганде столь же активно, как образ внешних врагов (католиков — испанцев и ирландцев) I: 126, 433

Ингейджмент — соглашение, заключенное в декабре 1647 г. между Карлом I и частью шотландских ковенантеров. Король пошел на значительные уступки шотландской стороне, пообещав утвердить Торжественную лигу и Ковенант в английском Парламенте, ввести в Англии пресвитерианское церковное устройство на трехгодичный срок до окончательного рассмотрения вопроса Ассамблеей духовенства и объявить вне закона индепендентов. Взамен королю была обещана военная поддержка в восстановлении его власти над Англией II: 210

Индепенденты (конгрегационалисты) — первоначально секта, а затем — фракция в Долгом Парламенте, объединившая противников государственного контроля в вопросах религии. Индепенденты представляли оппозицию пресвитерианам, выступавшим за повсеместное внедрение государственно признанной пресвитерианской системы церковного управления. В политическом отношении

инdependенты в Парламенте представляли «партию войны», благодаря которой впоследствии была сформирована Армия нового образца I: 441, 443, 444, 461, 463, 466; II: 9, 11, 134, 136, 138, 140, 148, 172, 178, 183, 184, 194, 200, 239, 243, 244

Инспектор королевского флота (Controller of the Navy) — одна из должностей, учрежденная в ходе реформирования ведомства Адмиралтейства при Генрихе VIII (одновременно в 1546 г. был учрежден целый ряд должностей, призванных улучшить управление королевским флотом: казначей королевского флота, инспектор судов, мастер артиллерии, клерк по учету кораблей). До 1545 г. должность именовалась «клерк-контролер», с 1561 г. получила название «инспектор королевского флота». В ведение инспектора входили проверки финансовой и документальной отчетности королевского флота I: 141

Йомен — свободный крестьянин, обладатель свободного земельного держания размером не менее 100 акров. Йомены представляли собой страту зажиточного крестьянства, занимая следующую по нисходящей социальную ступень за сельскими джентльменами. Обладали значительным социальным весом в графствах: могли быть присяжными в локальных судах, приходскими констеблями, участвовали в местном ополчении и в выборе рыцарей, посылавшихся в Парламент от графства. Другое значение термина «Йомен» — слуга в знатном доме (отсюда сохранившиеся в тюдоровской и раннестюартовской Англии придворные должности, такие как «Йомен королевской палаты», «Йомен привратник» и др. Йоменами стражи именовались члены личной гвардии английского монарха) I: 24, 257

Кавалеры — собирательное именование сторонников короля в Гражданской войне I: 41, 45, 74, 88, 202, 271, 276, 281, 452; II: 210, 222

Канцлер Казначейства — вторая по значимости должность в Казначействе после лорд-казначея. Должность возникает в правление Генриха III; в задачи канцлера Казначейства входила проверка отчетов казначея и контроль за текущими статьями доходов и расходов. Должность носила преимущественно

административный характер, а в тюдор-стюартовский период также предполагала некоторый объем судебных полномочий: канцлер Казначейства был постоянным членом Суда казначейства I: 29, 270, 277, 297, 331, 333, 439, 450, 451, 453, 454, 457—460, 462; II: 25, 27, 67, 70, 125, 146, 164, 174, 208, 209, 259, 289—292

Канцлер университета Оксфорда — глава университетской корпорации Оксфорда. Должность известна с 1224 г. (первым канцлером стал францисканец Роберт Гроссетесте, ранее магистр оксфордских школ) II: 211

Капитул (в епископальной церкви) — коллегия каноников собора или коллегиятской церкви, осуществляющая управление административной, хозяйственной и душеспасительской деятельностью храма I: 55, 126, 150, 182, 300; II: 318

Капуцины — члены ордена францисканцев, а именно его реформированной ветви, основанной в 1525 г. Маттео Басси (OFMCar). Капуцины прибыли ко двору Генриетты Марии в 1630 г. для совершения служб в часовне Сомерсет-хауса. Один из наиболее влиятельных членов общины, брат Захария из Лизье, который провел в Англии более 20 лет, посвятил в 1639 г. Генриетте Марии книгу духовных упражнений во францисканском духе «La philosophie Chrestienne, ou persuasions puissantes au mépris de la vie» I: 50

Квакеры (Общество друзей, Церковь друзей) — христианская деноминация, сформировавшаяся в Англии во второй половине 1640-х гг. Вероучение имеет антитринитарный характер. Название происходит от английского глагола «quake» — испытывать священный трепет перед Богом. В 1647 г. начинает публичную проповедь основоположник квакерского движения Джордж Фокс, выступавший против институционального свящества, религиозных ритуалов и храмов; согласно Фоксу, способность проповедовать давалась озарением Святого Духа любому, включая женщин и детей, а познание Бога происходит путем личного откровения, «внутреннего озарения». Движение, зародившееся в Ланкашире, быстро распространилось на севере Англии. После 1656 г., когда один из учеников Фокса, Джон Найлер, с группой последователей в Бристолье

воспроизводил вход Господень в Иерусалим, Парламент впервые начал гонения против квакеров. Результатом стала массовая эмиграция в Нидерланды (с 1655 г.) и североамериканские колонии (с 1657 г. квакеры прибывают в Провиденс, Новый Амстердам и Массачусетс, где подвергаются гонениям; с 1681 г. в Пенсильвании учреждается квакерская колония Уильяма Пенна) II: 244

Книга общих молитв — основная богослужебная книга Церкви Англии. Первое издание на английском языке, создававшееся под руководством Томаса Кранмера, было опубликовано в 1549 г. Издание содержало литургический календарь чтений и псалмов, молитвы суточного цикла (утреню и вечерню), тексты интроитов (входных песнопений), коллект (молитв дня), посланий и евангельских чтений для основных литургических периодов года и праздников, чин евхаристической литургии, чинопоследования крещения, конфирмации, брака, посещения и причащения больных и очищения роженцев. В 1550 г. были добавлены чинопоследования консекрации архиепископа, епископа, пресвитера и диакона. В 1552 г. в свет вышло второе эдвардианское издание Книги общих молитв, претерпевшее значительные теологические изменения под влиянием Мартина Буцера и Петра Мученика Вермили (изменен обряд причащения, из чинопоследования крещения изъяты экзорцизм, миропомазание и тройное погружение; сокращен чин погребения и молитва за усопших). Наконец, после реставрации протестантизма Елизаветой I в 1559 г. была опубликована третья редакция Книги общих молитв, которая использовалась вплоть до запрещения ее в употреблении решением Долгого Парламента в 1645 г. Елизаветинская редакция была более консервативной в отношении обрядов, чем редакция 1552 г. (предписывалось использование духовенством традиционных литургических одежд, в литании опускались молитвы против Папы, в календарь было добавлено несколько праздников и т. д). Наконец, последние незначительные изменения (в катехизис добавлены вопросы о Таинствах) были внесены в 1604 г. после воцарения Якова I Стюарта I: 119, 122, 128, 250, 268, 453; II: 173, 318, 320

Ковенант (Национальный ковенант) — подписан 28 февраля 1638 г. в Эдинбурге как реакция на попытку навязывания церкви в Шотландии Книги общих молитв и епископального устройства. Текст Ковенанта включал текст Королевского исповедания 1581 г. (или так называемого «Негативного исповедания», отрицавшего использование католических практик и вероучения), добавления пресвитерианского проповедника Александра Гендерсона и текст клятвы. Подписание Ковенанта трактовалось не только как политический акт, но и как заключение завета шотландского народа с Богом I: 172, 441

Комиссия для слушаний и решений (Commission of oyer and terminer; латинский вариант — *audiendo et terminando*) — комиссия с полномочиями для суда по уголовным преступлениям и изменам, согласно которой назначенные судьи или любые другие персоны, перечисленные в назначении, могли выносить вердикты по делам о фелонии, измене, заговоре или значимых уголовных преступлениях I: 70

Комитет безопасности двух королевств — в 1642 г. в Англии был образован Комитет безопасности, состоявший из пяти лордов и десяти коммонеров; комитет был призван контролировать общий ход войны с королем и внутреннюю безопасность в королевстве. В 1644 г. после заключения альянса с Шотландией английский комитет был преобразован в Комитет обоих королевств (Committee of both Kingdoms). С 1646 г. после выхода шотландских комиссионеров институт стал именовался Комитетом Дерби-хауса. Наконец, после казни короля он был распушен 7 февраля 1649 г. II: 184, 199

Комитет по проверке (Committee for Examinations) — парламентский комитет, декларированной целью которого было обеспечение безопасности Парламента через расследование любой поступавшей информации о возникновении таковой угрозы. Практически сразу в его ведение перешли и вопросы, связанные с обеспечением армии. Обладал неограниченными полномочиями проводить расследования, выносить приговоры, а также вторгаться в жилище, производить обыски и заключать под стражу по собственному усмотрению. Деятельность

лондонского Комитета дублировалась рядом аналогичных комитетов в провинции. Комитет по проверке просуществовал с 1642 до 1646 г. В 1846 г. все документы Комитета сгорели при пожаре Парламента. В период Гражданской войны административно-судебная система Англии претерпела сильнейший кризис; претензии Парламента на полноту судебной власти в стране и последовательные меры, направленные к ограничению, а затем и ликвидации институтов прерогативной юстиции и отчасти деятельности судов общего права привели к тому, что обычные функции судов общего и гражданского права переходили к парламентским комиссиям, судопроизводство в которых отличалось упрощенной и чаще всего не формализованной процедурой I: 117, 118

Коммонер — депутат Палаты общин I: 31, 32, 107, 140, 171, 200, 203, 249, 263, 265, 269, 298, 303, 323, 333, 442, 445, 449, 466; II: 175, 195, 198, 200, 203, 204, 229, 233, 303, 304, 331 — 334, 336, 337, 344

Коммон-холл — корпорация, объединявшая элиту ливрейных компаний Сити (так называемых ливрейных мужей), которые предлагали на ежегодных выборах две кандидатуры на пост лорд-мэра, избирали шерифов и других должностных лиц Сити. Собрания корпорации проходили в Гилдхолле I: 123, 124

Композиции — налог или выплата, призванная возместить потенциальные или реальные финансовые потери казны I: 62; II: 209, 211, 234, 255, 308

Констебль (лат. constabularius) — должность в локальной администрации английских графств. Согласно Винчестерскому статуту 1285 г. в каждую сотню графства назначались два констебля, в обязанности которых входило поддержание мира. Согласно Вестминстерскому статуту 1380 г. среди обязанностей констебля называлось следующее: поддержание порядка на территории сотни, контроль за мерами и весами, контроль за сбором налогов и соблюдением законов. Таким образом, должность констебля оказывалась вспомогательной по отношению к должностям мировых судей и шерифов графств. С XVII столетия возникает должность приходских констеблей, поддерживавших порядок на

уровне прихода I: 242, 380; II: 49, 57, 59, 120, 235, 263, 299

Королевский постельничий — придворная должность ведомства Королевской спальни. Постельничий должен был готовить и лично согреть постель монарху. При Тюдорах и Стюартах должность во многом приобрела церемониальный характер и замещалась представителями знати. Приближенность к монарху в его наиболее частных сторонах жизни открывала перед постельничим большие возможности для влияния на его решения, что обеспечивало высокий престиж должности I: 56, 469—471; II: 44, 216

Короткий Парламент — Парламент 13 апреля — 5 мая 1640 г. I: 289, 332

Купцы-авантюристы — купеческая корпорация, одна из старейших в Англии, получила первую королевскую хартию в 1407 г. Компания специализировалась на экспорте шерсти. В нее входили как лондонские купцы, так и купцы из других английских городов. Главными конкурентами купцов-авантюристов на рынке торговли шерстью была Ганзейская лига и купцы Стапля, что неоднократно провоцировало внешнеполитические и внутренние конфликты. Лондонские купцы-авантюристы внесли вклад в освоение Нового Света и развивали колонии и торговлю с заморскими территориями II: 283

Купцы-суконщики — купеческая корпорация, занимавшаяся торговлей сукном и шерстью, по старшинству третья из двенадцати так называемых Великих ливрейных компаний лондонского Сити. Первые сведения о неформальных товариществах лондонских торговцев сукном относятся уже к 1180 г., однако формальная инкорпорация произошла лишь в 1361—1364 гг. В 1438 г. гильдия суконщиков получила королевскую хартию и герб. Компания купцов-суконщиков была одной из самых влиятельных в Сити; из ее членов многократно выбирались мэры и лорд-мэры Лондона, включая первого из них — Генри Фитц-Элвина. Корпорация посвящена Деве Марии; ее девиз — «Единому Богу честь и слава» I: 146

Левеллеры (уравнители) — политическая секта, выступавшая за

восстановление «древних свобод королевства», упразднение монархии, полную религиозную веротерпимость, отмену феодальных налогов и монополий. Трестин впервые использован в 1607 г., когда левеллерами были названы крестьяне, бунтовавшие против огораживаний. В период Великого мятежа движение левеллеров зародилось и распространилось в армии. Программа левеллеров отражена в серии манифестов, получивших название «Народное соглашение», в документах и памфлетах, составленных идеологами левеллерского движения — Лилберном, Овертоном, Уолвином и Принсом I: 221, 224, 225, 350

Личная палата — подразделение королевского хаусхолда, обеспечивавшее повседневные личные потребности монарха. В пространстве королевской резиденции Личная палата включала королевскую спальню, умывальную комнату, кабинет и библиотеку. Штат ведомства составляли назначавшиеся лорд-камергером джентльмены (или фрейлины, в случае если монарх — женщина) Личной палаты, сопровождавшие государя в его повседневных делах, грумы, привратники и пажи. Личная палата была отделена от Внешней палаты, или Палаты присутствия. Поскольку Личная палата представляла собой приватное пространство государя, должности в данном ведомстве виделись особенно привлекательными, поскольку давали близость к правящей особе, а значит, и влияние на нее I: 45

Лорд-адмирал — одна из главных государственных должностей английского королевства. Лорд-адмирал возглавлял обширное ведомство Адмиралтейства, которое не только обеспечивало нужды собственно флота, но и во многом контролировало внешнюю торговлю (суд Адмиралтейства). Истоки суда Адмиралтейства и должности лорд-адмирала восходят к эпохе правления Анжуйской династии. Сам термин «адмирал» впервые встречается в официальных документах не ранее 1286 г.; до этого момента источники говорят о «*custos maris*». В период Столетней войны значение должности резко возрастает за счет юрисдикции над торговыми конфликтами и над сделками между англичанами и иноземцами I: 181, 182; II: 310

Лорд-главный судья — именование главного судьи Суда королевской скамьи. Он считался первым в порядке следования трех высших судебных должностей королевства Англии. За ним по старшинству следовали главный судья Суда общих тяжб и первый барон Казначейства I: 70

Лорд-канцлер Англии — одна из высших государственных должностей королевства Англии; история должности восходит к правлению Вильгельма Завоевателя или Эдуарда Исповедника. Канцлер возглавлял ведомство королевской Канцелярии, которое совмещало в себе административные и судебные функции (возглавлял Канцлерский суд, осуществлявший правосудие согласно так называемому «праву справедливости»). Исполнял функции спикера Палаты лордов, входил в Тайный совет. Лорд-канцлер также являлся лорд-хранителем Большой государственной печати, которой скреплялись важнейшие государственный документы I: 5, 277, 412, 414; II: 56, 68

Лорд-канцлер Шотландии — одна из самых древних (упоминание о первом канцлере относится к 1123 г.) и высшая административная должность в Шотландском королевстве. В средневековый период канцлер — как правило, клирик или епископ — глава королевской капеллы, в его оперативном управлении находилась Государственная печать (однако ее хранителем он не был), а также составление важнейших административных документов. В раннее Новое время канцлер присутствовал на заседаниях Тайного совета и Сессионного суда Шотландии (высшего суда королевства) I: 91, 167, 451, 453, 457

Лорд-мэр — избираемый олдерменами глава лондонского Сити, одна из первых выборных светских должностей в Европе. Первый упомянутый в источниках мэр — Генри Фитц-Элвин (1189); именование «лорд-мэр» установилось в 1354 г., после пожалования этого титула Эдуардом III Томасу Легге. Выборность мэра утверждена в качестве привилегии Сити в 1215 г. королевской хартией. Порядок избрания лорд-мэра олдерменами окончательно утвердился в 1435 г. Лорд-мэр избирался сроком на год из числа олдерменов; при этом к моменту избрания он по крайней мере однажды

должен был исполнять обязанности шерифа Сити I: 54, 102, 116, 119, 121, 122, 124, 202, 265, 278, 303; II: 184, 202, 203

Лорд-наместник Ирландии — должность, обладатель которой осуществлял управление Ирландией от имени короля Англии. Исторически имела два именованья с одинаковыми функциями и полномочиями: с 1382 по 1556 г. ее название звучало как *Lord-Deputy of Ireland*; с 1556 г. в ряде случаев лорд-наместник именовался *Lord-Lieutenant of Ireland* (начиная с Томаса Радклиффа, 3-го графа Эссекса). Резиденция лорд-лейтенанта находилась в Дублинском замке I: 61, 328

Лорд-хранитель Малой государственной печати — государственная должность, обладатель которой хранил личную печать монарха. Использование Малой государственной печати фиксируется с 1312 г., тогда же ее хранение было поручено отдельному клирику, получившему именование «хранитель Малой государственной печати». Именованье «лорд-хранитель» появляется в 1487 г. После Реформации лорд-хранителями Малой государственной печати назначались миряне с пэрским титулом, должность предполагала членство в Тайном совете. Предполагалось, что лорд-хранитель с печатью следовал за государем в его передвижениях по стране. Малой государственной печатью скреплялись дипломатические послания английского монарха европейским государям; она прикладывалась к предписаниям, которые направлялись монархом в Канцелярию для составления документов, скреплявшихся Большой государственной печатью I: 44

Лорд-юстициарии (в Ирландии) — коллегия из трех судей, которые назначались из числа лояльной короне английской или ирландской знати и в отсутствие лорд-лейтенанта осуществляли управление страной. Должность лорд-юстициария известна с 1172 г. I: 164, 318—321

Малигрант (от лат. *malum* — зло) — эпитет, применявшийся в период Великого мятежа в отношении лиц, недовольных действиями Парламента и выступавших в поддержку короля. Предположительно слово было впервые использовано Джоном Пимом в 1641 г.

I: 44, 91, 119, 185, 204, 223, 265, 279, 303, 324; II: 272

Маршалльский суд (Суд констебля и маршала, Рыцарский суд) — административно-судебный институт, юрисдикция которого восходит к средневековой *curia militaris*, сочетавшей как функции военно-полевого суда, так и рассматривавшей спорные вопросы ношения гербов, объемов рыцарского служения, верности и измены, выкупа пленников и т. д. В правление Карла I Маршалльский суд был реформирован и стал инстанцией, ориентированной на решение спорных дел по вопросам диффамации и использования атрибутов знатности I: 390

Мертон-колледж — первый университетский колледж в Оксфорде, основанный в 1264 гг. канцлером и впоследствии епископом Рочестерским Робертом де Мертоном I: 269, 455

Мировой судья (*Justice of the Peace*) — главная судебно-административная должность в графстве. Должность известна с XIII в. В ведение мировых судей входило поддержание королевского мира в графстве, а именно: ежегодное проведение сессии мировой комиссии с участием представителей местной знати; аресты и помещение под стражу, наказание по фактам felonии (уклонении от феодальных обязательств) и нарушение границ, пресечение мятежей, а после Реформации — выявление и наказание рекузантов и диссентеров; забота о бедных и пресечение бродяжничества, контроль за соблюдением королевского законодательства. В подчинении мировых судей находились шерифы графства и констебли I: 132, 133, 150, 242; II: 25, 60, 235, 255

Нунций (от лат. *nuntius* — вестник) — представитель Святейшего престола, направляемый с дипломатической миссией. Институт нунциев сменил средневековый институт папских легатов на рубеже XV—XVI вв. (в 1500 г. учреждена постоянная нунциатура в Венеции) I: 163; II: 137, 151, 236

Общинный (общий) совет лондонского Сити (*Common Council of the City of London*) — высший административно-судебный орган корпорации лондонского Сити. Члены совета избирались на

общих собраниях в каждом из 26 округов (шесть — восемь человек от округа; все они должны были принадлежать к числу «ливрейных мужей»). В совет также входил лорд-мэр, олдермены и шерифы Сити. В описываемый период Общей совет насчитывал более 200 человек: I: 121, 122, 265, 266, 268, 441; II: 195, 197, 202, 203, 301, 302

Олдермен — в лондонском Сити коллегия олдерменов во главе с лорд-мэром формировала Суд олдерменов, который до появления Общего совета являлся высшим судебно-административным институтом Сити. С конца XV в. фактически выполнял функции исполнительной власти Сити. Олдермены формально выбирались жителями округа и поставлялись на должность на срок жизни, но уже в конце XIII в. в ряде округов статус олдермена начал передаваться по наследству. В обязанности олдерменов входило также формирование ополчения в каждом округе, попечение о безопасности, благотворительность и т. д. I: 54, 116, 121, 122, 199, 260, 443; II: 195, 196, 202, 345

Орден Подвязки — первенствующий английский рыцарский орден. Точная дата его основания спорна, однако наиболее известная версия связывает это событие с правлением Эдуарда III (1327—1377). Легенда гласит, что король во время придворного праздника поднял оброненную дамскую подвязку со словами «honi soit qui mal y pense» («пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает»). Кроме того, рыцарское братство во главе с монархом рождало в умах современников ассоциации с Круглым столом легендарного британского короля Артура. Учреждение Ордена Подвязки было связано с военной кампанией Англии на французской территории в первый период Столетней войны (1337—1360) и должно было способствовать укреплению английского рыцарства, однако при Тюдорах и Стюартах он превратился в элитарную корпорацию знати, а членство в нем подчеркивало особый привилегированный статус персоны. Главой Ордена Подвязки является правящий монарх Англии, вне зависимости от пола. Монарх обладает исключительным правом посвящать в Орден новых рыцарей по собственному выбору.

Количество рыцарей Ордена Подвязки (так называемых рыцарей-компаньонов) ограничивается 24 особами, не считая самого монарха и наследника престола, а также иностранных государей. Организация орденских церемоний (таких, как празднование дня святого Георгия — покровителя Англии и покровителя ордена) возложена на главу коллегии английских герольдов, носящего имя Королевский герольд Подвязки I: 403

Ордонанс 12 апреля 1643 г. — согласно этому ордонансу командование милицией Сити передавалось комитету, получавшему право совершать назначения на командные должности в милиции Сити, взимать с жителей деньги на ее содержание, организовывать снабжение и т. д. I: 180

Ордонанс о милиции — Ордонанс о милиции, или Ордонанс лордов и общин Парламента о безопасности и защите королевства Англии и княжества Уэльс был принят Палатами лордов и общин в марте 1642 г. и провозглашал контроль Парламента над «милициями» — вооруженными отрядами, формировавшимися в графствах в случае внешней военной угрозы, а также передавал Парламенту право назначать лейтенантов для командования ими. Принятый ордонанс был не только частью конфликта между королем и Парламентом, но и продолжением длительного историко-конституционного спора о том, что представляет собой «милиция» и какие функции она призвана исполнять I: 23, 117, 145, 209; II: 197

Ордонанс о самоотречении — принят 3 апреля 1645 г.; согласно ордонансу, все члены Парламента, занимавшие командные должности в армии или во флоте с 1640 г., должны были отказаться либо от места в Парламенте, либо от должности в армии. Ордонанс обсуждался Парламентом с декабря 1644 г. I: 447, 448, 463, 466, 467, 476; II: 9—11, 178

Парламентская решетка — решетка, или стойка, ограничивавшая внутреннее пространство Палаты общин или Палаты лордов, зарезервированное для членов палаты или приглашенных на заседание палаты лиц. У решетки нес караул парламентский пристав. От решетки держали речь те, кто должен был давать отчет

перед палатой или обвинялся палатой в правонарушении I: 32; 328

Парламентский пристав (Sergeant-at-arms) — должностное лицо, исполняющее церемониальные функции и наблюдающее за поддержанием порядка, своего рода церемониальная стража. Собственных приставов имела как Палата лордов, так и Палата общин. К церемониальным функциям приставов относилась обязанность вносить церемониальную булаву в здание Парламента перед открытием заседаний; с этой же булавой пристав Палаты лордов несет караул при особе лорд-канцлера, а пристав Палаты общин — при особе спикера во время заседаний. В обязанности приставов входило также выполнять распоряжения палаты относительно делinkвентов и нарушителей процедуры, доставлять уведомления и предписания Парламента, передавать документы от парламентской решетки внутрь палаты. Обладали правом брать под стражу без письменного уведомления I: 31

Пени — у Кларендона в значении «изливать пени» — грозить наказанием (от лат. *poena* — наказание, кара) I: 445

Пенсионарий Голландии — должностное постоянное советника по правовым вопросам в городских корпорациях Нидерландов. Пенсионарий, получавший регулярную плату (пенсию) от городского совета, исполнял обязанности секретаря совета, а также представлял город или регион на Штатах провинций. В Голландии пенсионарий представлял корпорацию знати Голландии II: 341, 342

Пикинер — солдат-пехотинец, вооруженный пикой, длина которой составляла 5—6 метров. Отряды пикинеров, выстраивавшиеся в линии или группы (первая линия выставленных пик останавливала атаку, вторая линия наносила уколы), в армиях XVI — начале XVIII столетия использовались для обороны против кавалерии и отрядов ближнего боя I: 68, 217, 284

Потонный и пофунтовый сборы (tonnage and poundage) — налоги, вотируемые английским Парламентом. Потонным сбором облагалась каждая ввозимая в Англию бочка вина; пофунтовый — каждый фунт импортируемого или экспортируемого товара. Впервые этот налог был введен Эдуардом II

в 1347 г.; впервые вотиrowан Парламентом в 1373 г. при Эдуарде III. Вплоть до правления Карла I потонный и пофунтовый сборы вотиrowались на срок жизни монарха I: 110, 111, 119, 123

Пребендарий (в епископальной церкви) — почетное именование обладателя пребенды (пребенда — бенефиций, дарованный собору; земельный участок или регулярно выплачиваемая денежная сумма, предназначенная для содержания одного из каноников собора или приходского священника) I: 126

Прелатство — имеется в виду иерархическое устройство церкви, при котором сохранялся епископат I: 92, 169, 298, 300

Пресвитериане — сторонники пресвитерианского устройства церкви, отрицавшие епископат и традиционную для Церкви Англии иерархическую структуру. В основе пресвитерианского видения церковного устройства — община, управление которой осуществляют пресвитеры, или старейшины. Совокупность общин составляет локальную церковь, делами которой управляет коллегиальный орган — консистория. На региональном уровне представители консисторий формируют пресвитерий. Пресвитерий поставил проповедников и служителей в локальные общины Пресвитерианское устройство церкви ввел Жан Кальвин в Женеве, позднее оно распространилось в Шотландии благодаря Джону Ноксу, а также в Нидерландах, Франции и частично в Англии I: 113, 167, 172, 298, 304, 442, 463, 466; II: 9, 134, 136, 139, 148, 154, 166, 172, 173, 176, 178, 181, 183, 184, 187, 190, 192, 193, 195, 196, 199, 208, 211, 213, 221—223, 238—241, 243, 244, 250, 251, 258, 260, 268, 286, 304, 320, 321

Пресуществление — согласно учению Католической церкви, изменение субстанции хлеба и вина во время произведения фомулы пресуществления даров на Святой Мессе. Под видом хлеба и вина верующие принимают реальные Тело и Кровь Христа. Согласно учению Кальвина, отвергавшего физическое присутствие Тела и Крови Христа в Евхаристии, причастие совершалось лишь духовным образом. В вероучении Церкви Англии восприятие доктрины трансубстанциации было неоднозначным. В 39 статьях (ст. XXVIII) говорится о причастии Телу и Крови Христа во время

Вечери Господней, однако уточняется, что «Тело Христова дается, принимается и вкушается на Вечере только в небесном и духовном смысле», а пресуществление «на Вечере Господней не может быть подтверждено Священным Писанием, противоречит ясным словам Писания, искажает природу таинства и дает повод для многочисленных суеверий» I: 126

Приказ о созыве ополчения — созыв ополчения — практика, восходящая к англосаксонскому фирду (племенному ополчению) и предполагавшая, что все свободные мужчины, способные держать оружие, в случае внешней угрозы призывались для обороны своего графства. Средневековая английская монархия постепенно институционализировала данную практику. Так, в 1181 г. в Ассизе о вооружении Генрих II регулировал порядок вооружения ополчения в графствах; в 1252 г. Генрих III в собственной Ассизе, или Ордонансе о вооружении, подтверждал предыдущий документ и устанавливал обязанности констеблей и шерифов по сбору ополченцев. В 1285 г. Эдуард I в Винчестерском статуте пересмотрел Ассизу 1252 г. Уже в 1282 г. он использует практику назначений королевских комиссионеров из штата собственного хаусхолда, которые вместе с шерифами должны были набирать ополченцев в главных городах графства и обеспечивать их прибытие в центральные пункты сбора. Эта система, доказавшая свою эффективность в войнах Эдуарда в Шотландии и Уэльсе, в целом оставалась неизменной на протяжении средневековья. При Эдуарде III комиссионерами для созыва ополчения становились в основном мировые судьи в графствах, что делало их деятельность еще более эффективной. Назначение, содержавшее собственно приказ о наборе ополченцев в данном графстве, осуществлялось специальным королевским патентом I: 24, 34, 143, 201

Примас — церковный иерарх, первенствующий среди национального епископата. В Англии примасом был архиепископ Кентерберии, в Шотландии — архиепископ Сент-Эндрюса, в Ирландии — архиепископ Армы I: 299, 450

«Прокляните Мероз» — ссылка на песнь Деворы, судии Израиля, после победы над Иавином, царем Ханаанским, и его военачальником Сисарой (Суд.

5:23). Мероз — город, предположительно в Галилее, который Девора проклинает за то, что его жители не пришли на помощь израильтянам I: 46

Расписной зал (палата) — часть Вестминстерского дворца; по легенде, на ее месте находилось помещение, в котором умер Эдуард Исповедник. Палата была частью королевского хаусхолда (Королевская палата, в которой располагалось государево ложе). В 1226 г. начинаются работы по росписи стен палаты аллегорическими сюжетами и библейскими сценами. При Эдуарде I в ней начинают проводиться государственные церемонии, включая открытие Парламента, а также совместные заседания двух палат. Здесь же был подписан смертный приговор Карлу I. Пожар 1834 г. уничтожил живописное убранство палаты I: 197; II: 10

Рекузаны — католики, сохранившие верность Апостольскому престолу и отказывавшиеся посещать богослужения Церкви Англии I: 62, 126, 181, 321

Сити — городская корпорация Лондона. Официально корпоративный статус Сити был утвержден хартией Вильгельма Завоевателя в 1067 г. В 1189 г. корпорация получила право выбирать мэра (впоследствии лорд-мэра) лондонского Сити. Территориально Сити, состоявшее из 26 округов, занимало так называемую «квадратную милю» в старейшей части Лондона. В Сити располагались купеческие и ремесленные компании, что делало этот район торговым и финансовым сердцем Лондона I: 88, 89, 94, 99—102, 120—124, 196, 197, 200, 202, 204, 205, 226, 264—266, 278, 279, 295, 303, 344, 346, 358, 372, 441, 442, 445, 472; II: 32, 134, 157, 171, 172, 177, 179, 184, 186, 192, 194—205, 207, 210, 213, 215, 221—223, 236, 243, 263, 266—268, 281, 298, 301, 302, 304, 320, 335, 349

Собрание (конвент) сословий — одно из традиционных средневековых именований шотландского Парламента; в XVI—XVII вв. представляло собой усеченную форму Парламента, собиравшуюся для вотиования налогов и не имевшую права принимать постоянно действующие законы I: 297, 298

Совет офицеров (Армейский совет) — институт, координировавший действия

подразделений армии Нового образца с 1647 г. вплоть до Реставрации в 1660 г. II: 185, 194, 204

Спикер Палаты общин (англ. speaker, lat. prolocutor) — должность в английском Парламенте. Уже в момент возникновения Парламента в 1258 г. (так называемый Оксфордский Парламент) выбирался один из авторитетных представителей знати, представлявший на ассамблее. Первым «спикером» Общин — то есть рыцарей, представлявших графства, принято считать сэра Питера де ла Мара, выступавшего от их имени в Парламенте 1376 г. Эта дата (начало так называемого Доброго Парламента) считается первым случаем подразделения английского сословного представительства на две палаты. После окончательного разделения палат в 1341 г. Общины выбирали своего спикера перед началом заседаний очередного Парламента. В обязанности спикера входило вынесение вопросов на повестку заседания, предоставление слова выступающим в дебатах и поддержание порядка на заседании Палаты I: 31, 248, 294, 303, 314, 318, 320, 321; II: 198—201, 203, 204, 331

Суд звездной палаты (Star Chamber) — прерогативный суд, размещавшийся в одной из палат Вестминстерского дворца, потолок которой был декорирован звездами. Юрисдикция звездной палаты основывалась на полномочиях Тайного совета. В качестве автономного трибунала начинает существовать согласно Акту о звездной палате, принятому в 1487 г. В ее состав входили члены Тайного совета и судьи общего права, при этом правосудие совершалось согласно праву справедливости, что обеспечивало быстроту и эффективность принятия решений. Палата служила одной из высших апелляционных инстанций королевства. Начиная с правления Генриха VIII звездная палата рассматривает дела политических оппонентов политики короля, а также дела религиозных неконформистов, что впоследствии создало трибуналу репутацию «репрессивного» института I: 414; II: 50

Суд королевской скамьи (Court of the King's Bench) — один из двух главных судов общего права, располагавшийся в Вестминстере. Суд, изначально

имевший куриальный характер, к XIII в. становится самостоятельным институтом, в юрисдикции которого теоретически могли находиться любые преступления против королевского мира, в том числе и уголовные преступления. Как правило, в делах, поступавших в Королевскую скамью, сторону истца представляла корона (так называемые «тяжбы короны»). С 1268 г. суд возглавлял назначаемый королевским предписанием главный судья Королевской скамьи I: 126, 127, 366

Суд общих тяжб (Court of the Common Pleas) — один из двух главных судов общего права, располагавшийся в Вестминстере. Считается, что истоки Суда общих тяжб восходят к правлению Генриха II, который в 1178 г. учредил особый суд, где тяжбы слушались бы на постоянной основе. Слушания «in banco» своим статусом отличались от слушаний «coram rege» (то есть слушаний Суда королевской скамьи). В XIII столетии этот суд окончательно отмежевывается от ведомства Казначейства, с которым он был генетически связан. Суд Королевской скамьи рассматривал тяжбы, в которых обе стороны были представлены подданными (commons) короля согласно общему праву. Процесс инициировался изданием так называемого судебного предписания. Юрисдикция суда была ориентирована на рассмотрение тяжб о земельной собственности и недвижимом имуществе. Главный судья Общих тяжб считался одним из трех наиболее влиятельных судей королевства (наряду с главным судьей Королевской скамьи и первым бароном Казначейства) I: 127

Суд (палата) по опеке и ливреям (Court of Wards and Liveries) — прерогативный институт, учрежденный Генрихом VIII двумя актами (1540 и 1541 гг.). Суд конституировал сеньориальное право короны на опеку над несовершеннолетними наследниками пэрских титулов и их землями, при этом корона получала право на все доходы от опекаемых земель. Право опеки также могло передаваться третьим лицам по усмотрению монарха путем издания патента. Упразднен в 1645 г. I: 55; II: 336

Суд четвертных сессий (Court of Quarter Session) — локальный суд в графстве, собиравшийся четырежды в год по

так называемым «четвертным дням» — зимой на Богоявление, весной на Пасху, в день летнего солнцестояния и осенью на день святого Михаила. Судейская коллегия состояла из двух мировых судей графства, присяжных и председателя суда. Суд четвертной сессии рассматривал уголовные и гражданские дела, не входившие в обычную юрисдикцию мировых судей (которая по определению состояла в поддержании мира в графстве). История трибунала восходит к 1327 г., когда Эдуард III инициировал создание института мировых судей. С 1368 г. мировые судьи получили право рассматривать уголовные дела, а с 1388 г. корона обязала их проводить в графстве судебные сессии с коллегией присяжных четьрежды в год I: 132, 133

Тайный совет (в Англии) — изначально личный совет английского монарха, одна из высших административно-судебных инстанций Английского королевства. Возникает в 1540 гг., выделяясь из структуры средневекового королевского совета благодаря усилиям кардинала Уолси и Томаса Кромвеля. Действовал постоянно. Формировался по усмотрению монарха; как правило, в Тайный совет входили носители высших государственных должностей, государственные секретари, представители юридических корпораций. В отсутствие монарха заседания возглавлял лорд-президент Тайного совета. Технические работы осуществляли клерки совета. Генетически к структуре Тайного совета относились такие консилиарные институты, как Звездная палата, Совет Севера и Палата прошений I: 32, 165, 167, 173, 197, 248, 249, 269, 270, 314, 317, 331, 354—356, 363, 368, 369, 372, 378, 385, 388, 402—406, 435, 437; II: 29, 44, 354

Тайный совет (в Ирландии в период английского правления) — назначавшийся английской короной совет, исполнявший совещательные функции при вице-короле или лорд-наместнике Ирландии I: 164, 318—321, 459

Тайный совет (в Шотландии) (Privy council, Secret council) — с 1490 г. отделенный от Королевского совета институт, состоявший из двух епископов, шести баронов и восьми обладателей высших государственных должностей; в периоды

малолетства, а при Якове и Карле Стюартах — в отсутствие монарха осуществлявший управление от его имени. Совет имел право созывать шотландский Парламент от имени короля. Совет возглавлял лорд-канцлер Шотландии, с 1619 по 1626 г. имевший официальную должность лорд-президента Тайного совета. I: 91, 93, 107, 108, 167, 170.

Тауэр — королевская резиденция в Лондоне. Ее древнейшая часть — Белый Тауэр — была возведена по приказу Вильгельма I в 1078 г. на месте укреплений, построенных на северном берегу Темзы сразу после нормандского завоевания. Белый Тауэр считается образцом нормандской замковой архитектуры в Англии. Помимо королевской резиденции в комплексе зданий внутри замковых стен в разное время располагался арсенал, монетный двор, королевская казна, хранилище свитков Канцелярии и с 1100 по 1952 г. — тюрьма и место казни. Начиная с XIV в. из Тауэра начиналась коронационная процессия в Вестминстерское аббатство I: 44, 183, 202, 248, 278, 314, 366, 450, 470, 474, 475; II: 180, 219, 223, 301

Торжественная лига и Ковенант — соглашение, подписанное с шотландской стороны Генеральной ассамблеей шотландской церкви (17 августа 1643 г.) и с английской стороны — Парламентом и Вестминстерским собранием богословов (25 сентября 1643 г.). Шотландцы трактовали Ковенант как гарантию неприкосновенности пресвитерианского церковного устройства; английская сторона подписала документ, прежде всего чтобы заручиться поддержкой шотландской армии в войне против короля I: 298—305, 315, 323, 324, 444, 453, 454; II: 154, 171, 173, 211, 238, 252, 254—256, 274, 276, 280, 318, 320, 351

Трубач — музыкант королевской или любой ливрейной свиты, который использовался также для исполнения дипломатических поручений I: 66, 86, 157, 235, 237, 259, 260, 317, 323, 324, 377, 395, 411, 448, 451, 475; II: 98, 106, 127, 144

Ученики (подмастерья) Сити — для того чтобы стать членом одной из ливрейных компаний, человек, не обладающий наследственным правом на место в компании, должен был служить одному

из мастеров оговоренный период времени, обычно около семи лет I: 344; II: 197, 198

Файн — штраф в виде денежной выплаты в пользу короны, налагаемый по приговору суда. Объемы файнов не были фиксированными и зависели, с одной стороны, от тяжести преступления, с другой — от финансовых возможностей правонарушителя. Выплатой файла нередко заменяли иные виды наказаний, что обеспечивало дополнительный доход в казну I: 55

Флит — тюрьма в Лондоне, стоявшая на берегу реки с таким же названием. От нее же получила название улица Флит стрит. Построена в 1197 г., неоднократно горела, разрушалась и перестраивалась. В тюрьму Флит отправлялись осужденные в Суде звездной палаты и Канцлерском суде, а также должники, приговоренные к заключению до уплаты долга. Тюрьма получила печальную известность именно как долговая I: 414

Фригольдер — свободный крестьянин, держатель фригольда (свободного держания), земельного держания, право на которое было наследуемым. Условием держания фригольда была уплата ренты сеньору. Наследуемый характер фригольда фактически приближал данную форму земельного держания к собственности I: 465, 466

Хранитель свитков (Master of the Rolls and Records of the Chancery of England) — старший из клерков

Канцелярии, отвечавший за сохранность документов Канцелярии, первоначально имевших форму свитков. На хранителя свитков также могли возлагаться обязанности хранителя Большой королевской печати I: 295, 331, 354, 355, 371, 372, 388

Церемониймейстер — придворная должность, учрежденная в Англии Яковом I в 1603 г.; в обязанности церемониймейстера входил прием и сопровождение иностранных послов и гостей при дворе II: 328

Чистилище — католическая доктрина о чистилище как месте посмертного очищения отвергается протестантскими церквями. 39 статей (ст. XXII) определяют, что «Римская доктрина о Чистилище, индульгенциях, почитании образов и реликвий, а также о призывании святых есть напрасный вымысел, не основанный на свидетельстве Писания и даже противоречащий слову Божию» I: 126

Эфор (букв. «надзирающий») в древней Спарте — член коллегии Пяти эфоров, контролировавшей все важнейшие вопросы жизни государства. Эфоры обладали самыми широкими судебными полномочиями, могли отстранять от власти магистратов вплоть до двух царей Спарты, выдвигнув против них соответствующие обвинения. Другим инструментом отстранения царей от власти было распознавание небесных знамений, которые могли говорить об утрате царем благосклонности богов I: 27

Указатель имен

Айртон Генри (1610—1651) — английский военный и политический деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны. Зять Оливера Кромвеля. Был одним из тех, кто подписывал смертный приговор Карлу I. Умер от чумы. После Реставрации его прах был эксгумирован и подвергся посмертной казни II: 136, 178, 185, 187, 189, 194, 196, 212, 220, 221, 230, 231, 282, 301, 346, 350

Аклэнд Джон, 1-й баронет Аклэнд (ок. 1591—1647) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны, владетель поместья Колумб-Джонс близ Эксетера. Роялист. Организовал гарнизон из сил роялистов в своем поместье. В 1644 г. за заслуги перед короной получил титул баронета. Его поместье было захвачено войсками Парламента, но Аклэнд получил за него компенсацию I: 229

Алкивиад (450—404 до н. э.) — древнегреческий афинский государственный деятель, оратор и полководец времен Пелопоннесской войны I: 47

Анна Австрийская (1601—1666) — королева Франции, супруга короля Франции Людовика XIII (1615) и регентша при малолетнем Людовике XIV. Правила во многом с помощью кардинала Мазарини I: 313, 315; II: 24, 138, 139, 146, 154

Апсли Аллен (1616—1685) — английский военный и политический деятель, выдающийся предводитель роялистов во время английских Гражданских войн. Начинал военную карьеру в полку лорда Горинга и был приставлен к королевским соколам. В 1642 г. стал губернатором Эксетера и собрал там пехотный полк, а в 1645 г. был назначен командиром гарнизона города Барнстейп в Девоншире, который пал в 1646 г. Апсли, как и его брат, избежал серьезных репрессий, выплатив значительные штрафы Парламенту. После Реставрации был назначен королевским сокольным. Заседал в Палате общин в 1661—1678 гг. II: 40

Армин Уильям, 1-й баронет Армин (1593—1651) — английский политический деятель, член Палаты общин в разные годы с 1621 по 1651 г. Сторонник Парламента в Гражданской войне. В 1619 г. получил титул баронета. Противился политике короля и в 1627 г.

оказался в заключении. Во время Гражданской войны участвовал в переговорах с королем. Был избран в качестве одного из судей в процессе над королем, но отказался в нем участвовать I: 165, 248

Арунделл Джон VII (1576—1654) — представитель старинного корнуолльского рода Арунделлов из Трериса, неоднократно заседал в Палате общин. Роялист. Во время Гражданской войны получил прозвище «Джек за Короля». В 1643 г. был назначен комендантом Пенденнис-касла и командовал его обороной во время пятимесячной осады замка парламентской армией. Был вынужден сдать крепость генералу Ферфаксу, но ему удалось добиться при этом почетных условий II: 174

Арунделл Джон VIII (1613—1701) — английский политический деятель из Корнуолла, сын Джона VII Арунделла. Член Палаты общин (1640—1644). Роялист, участвовал в Гражданской войне в Корнуолле I: 135

Арунделл Ричард, 1-й барон Арунделл из Трериса (1616—1687) — английский политический деятель, сын Джона VII Арунделла. Член Палаты общин (1640—1664). Роялист. Полковник армии короля во время Гражданской войны. Его имущества были конфискованы в 1647 г., но возвращены после Реставрации. В 1664 г. получил титул барона Арунделла из Трериса II: 93, 174

Арунделл Томас, 2-й барон Арунделл из Уордур (ок. 1586—1643) — сын Томаса Арунделла, 1-го барона Арунделла из Уордур, и леди Мэри Ризли. Роялист во время Гражданской войны, он унаследовал баронский титул в 1639 г. Участвовал в битве при Страттоне, где был смертельно ранен. Его родовой замок Уордур-касл в Уилтшире, который защищала его супруга, леди Бланш Сомерсет (1584—1649), дочь Эдуарда Сомерсета, 4-го графа Вустера, был взят сторонниками Парламента 8 мая 1643 г. I: 233

Астли Бернард (?—1645) — английский военный времен Гражданской войны. Роялист. Сын выдающегося военачальника роялистов Джейкоба Астли, 1-го барона Астли из Ридинга (1579—1652). Полковник пехоты в армии роялистов I: 245, 247, 425

Астли Джейкоб, 1-й барон Ридинг (1579—1652) — роялист, военачальник. В 18-летнем возрасте участвовал в экспедиции к Азорским островам. С 1598 г. служил в Нидерландах Морицу Нассаускому и Генриху Оранскому, затем сражался на полях Тридцатилетней войны под началом Фридриха V Пфальцского и Густава Адольфа. Служил Кристиану IV Датскому. С 1622 г. был воспитателем принца Руперта при дворе Фридриха Пфальцского. Вернувшись в Англию, стал генерал-майором Карла I и выполнял как военные, так и дипломатические функции. Участвовал в так называемом армейском заговоре. После начала Гражданской войны в 1642 г. сразу же присоединился к королю и стал генерал-майором инфантерии. В битве при Глостере командовал дивизией, в первой битве при Ньюбери возглавил пехоту роялистов. Участвовал также в сражениях при Арунделле и Черитоне, во второй битве при Ньюбери и сражении при Незби. Затем служил на западе, сражался при Стоу-на-Уолде в марте 1646 г. Во Второй гражданской войне не участвовал I: 21, 68, 84, 310, 341, 354, 356, 362, 363, 396; II: 35, 36, 66, 124, 133, 156

Астон Артур (1590—1649) — генерал армии роялистов. Младший сын сэра Артура Астона-старшего. Ездил в Россию в период Смуты, незадолго до восшествия на престол Михаила Федоровича, с группой солдат, имея при себе рекомендательные письма от короля Якова I. Оставался в России до 1618 г. Затем отправился к польскому королю Сигизмунду III, чтобы помочь ему в войне с турками. Затем воевал уже на стороне Густава Адольфа с австрийскими силами под командованием графа Тилли. Когда начался шотландский мятеж, вернулся на родину, приведя за собой столько солдат, сколько смог собрать, и с 1640 г. служил генералом в английских войсках. В начале Гражданской войны предложил свои услуги королю, но был отвергнут из-за своего католицизма, и тогда обратился с аналогичным предложением к Парламенту, которое было незамедлительно принято; после чего король не только согласился взять его на службу, но и пригласил всех желающих католиков. Астон оставался единственным католиком-генералом в армии короля. В 1643 г. был

назначен губернатором Оксфорда, так как королева чувствовала себя в большей безопасности под защитой католика. Отличался жестокостью. В 1644 г. потерял ногу и был смещен с занимаемой должности. Затем воевал в Ирландии и во время взятия Дрогеды войсками Кромвеля был зверски убит осаждавшими I: 68, 69, 73, 76, 104, 183, 185, 195, 403, 404, 433

Ашбурнем Джон (1603—1671) — английский придворный, дипломат и политик. Заседал в Палате общин. Роялист. Благодаря родству по матери с герцогом Бекингемом получил его покровительство и был приближен к королю Карлу I, которому одалживал деньги. Во время Долгого Парламента был представителем Стаффингса и, будучи сторонником короля, пропускал заседания, за что и был в конце концов изгнан. В 1643 г. все его владения были конфискованы. Во время Гражданской войны был казначеем королевской армии и неоднократно участвовал в переговорах. В 1646 г. вместе с Майклом Хадсоном сопровождал короля в Шотландию, откуда по приказу Карла I бежал — сначала в Голландию, а оттуда в Париж, где жила королева Генриетта Мария. Он находился при короле во время его заключения в Темптон-Корт. Именно Ашбурнем предложил королю укрыться после побега 1647 г. на острове Уайт, а когда губернатор острова Роберт Гаммонд отказался помочь, предлагал его убить. Приказом Парламента Ашбурнем был разлучен с королем и помещен в Тауэр, затем — в Виндзорский замок, а позднее его обменяли на сэра Уильяма Мешема. В период Республики оставался в Англии с разрешения Карла II, чтобы сохранить свои владения, приобретенные после женитьбы в 1649 г. После Реставрации служил Карлу II в качестве дипломата, а с 1661 по 1667 г. был членом Парламента от Суссекса I: 26, 56—58, 136, 139, 370, 451; II: 44, 134, 152, 153, 159, 164, 189, 190, 204, 210, 212, 213, 216—222

Ашшер Джеймс (?—1643) — профессиональный шотландский военный времен Гражданской войны в Англии. В 1640 г. он в чине майора служил под командованием графа Берримора в пехотном полку, а в 1642 г. был офицером в Гайдхолле. К 1643 г. (но не в битвах при Эджхилле или Малборо) он возглавлял пехотный полк, действовавший

в Сайренсестере, и был убит при осаде Личфилд Клоуза I: 190

Ашшер Джеймс (1581—1656) — ирландский англиканский архиепископ, богослов, историк-библеист, антикварий, коллекционер, один из основоположников библейской хронологии. Уроженец Дублина, стал священником и профессором богословия. С 1621 г. — епископ Мита, с 1625 — архиепископ Арма. В 1641 г. был смещен во время восстания ирландских католиков, бежал в Лондон и с тех пор занимался наукой I: 299

Байрон Джон (ок. 1599—1652) — ярый роялист, прозванный круглоголовым «кровавым бахвалом». Старший из семерых сыновей сэра Джона Байрона. Посвящен в рыцари во время коронационных торжеств Карла I. Член Парламента в 1624 и 1628 гг., в 1634 г. — шериф Ноттингемшира. Во время Епископских войн командовал отрядом кавалерии. Во время конфликта между королем и Парламентом был назначен комендантом Тауэра, однако протест Палаты общин вынудил его покинуть свой пост в начале 1642 г. В августе того же года стал полковником первого роялистского кавалерийского полка, который успешно участвовал во многих сражениях Гражданской войны. В благодарность за службу в 1643 г. король даровал ему титул барона Байрона из Рочдейла. В 1643 г. стал фельдмаршалом сил роялистов в Чешире, Ланкашире и северном Уэльсе. В 1646 г. отправился в изгнание. В 1648 г., после возобновления военных действий, был вызван назад принцем Уэльским, однако его действия не были успешны. Скончался внезапно в 1652 г., не оставив потомства. Титул перешел к его брату Ричарду (1605—1679) I: 42, 48, 49, 73, 239, 328—330, 334, 449; II: 30

Байрон Николай (?—?) — один из сыновей сэра Джона Байрона (ум. 1625), брат сэра Джона Байрона (см.). Полковник инфантерии и кавалерии королевской армии во время Епископских войн и в армии роялистов во время Гражданской войны I: 68, 72, 84, 151

Байрон Томас (ок. 1585—1643) — английский военный деятель времен Гражданской войны. Роялист, командующий полком принца Уэльского I: 156, 157

Бак Брутус (?—1643) — английский военный времен Гражданской войны. Роялист. Полковник пехоты в армии роялистов. Сражался в Англии и Ирландии. Убит при штурме Бристоля I: 245, 247

Балфур Уильям (?—1660) — генерал армии Парламента. Родился, вероятно, до восшествия Якова I на престол. До 1627 г. служил в голландской армии, затем перешел на английскую службу. Его особо отличал герцог Бекингем. В 1630 г. был назначен комендантом лондонского Тауэра. Неоднократно получал знаки королевской милости, однако с началом конфликта между королем и Парламентом встал на сторону последнего. Был назначен генерал-лейтенантом парламентской кавалерии под номинальным командованием графа Bedford. Участвовал в ключевых сражениях до реорганизации армии, после чего ушел с военной службы I: 72, 73, 77, 82, 344, 399, 400, 410

Бампфилд Джозеф (?—1685) — ирландский военный и политический деятель времен Гражданской войны в Англии. Полковник пехоты в армии роялистов. Служил Карлу I с 17-летнего возраста. В 1639 г. участвовал в Епископских войнах против шотландцев уже в качестве ветерана и к концу кампании получил чин капитана. В начале Гражданской войны стал полковником и служил под началом герцога Сомерсета. Руководил бегством герцога Йорка из Сент-Джеймса, в чем ему помогала Анна Мюрри, в замужестве леди Холкетт. После казни Карла I остался в Англии, не сумев заслужить расположение Карла II. Участвовал в организации волнений в Шотландии. Позднее во Франции был агентом Кромвеля, после смерти которого Бампфилд снова вернулся в Англию. После Реставрации был арестован. Потеряв надежду на продвижение в Англии, уехал в Гаагу, поступил на голландскую военную службу и командовал английским полком II: 258, 259

Бамфилд (Бампфилд, Бамфорд) Уильям (?—?) — ирландский военный времен Гражданской войны. Был мобилизован для несения службы в Ирландии, но служил не в армии графа Эссекса, а в армии Парламента в западных графствах I: 345

Бассет Артур (?—?) — английский военный и политический деятель времен

Гражданской войны. Роялист. В 1646 г., будучи комендантом крепости Сент-Майклс Маунт, командовал ее обороной от сил сторонников Парламента II: 131

Батлер Джеймс, 1-й герцог Ормонд (1661), 12-й граф Ормонд (1634—1642), 5-й граф Оссори, 1-й маркиз Ормонд (1642—1661), 1-й граф Брекнок (1610—1688) — англо-ирландский государственный и военный деятель. Благодаря своему другу, 1-му графу Страффорду, был назначен главнокомандующим королевскими войсками в Ирландии и в 1641—1647 гг. сражался против ирландских католиков. В 1649—1650 гг. возглавлял сопротивление войскам Кромвеля. В 1650-х гг. жил в изгнании на континенте при особе Карла II. После Реставрации стал одной из ключевых фигур в английской и ирландской политике I: 163, 164, 318, 320—322, 328, 437, 468—470; II: 65, 151, 153, 211, 212, 237

Баттен Уильям (1600—1667) — английский военно-морской и политический деятель. Заседал в Палате общин (1661—1667). Сторонник Парламента во время Гражданской войны, в 1642 г. был назначен вице-адмиралом при Роберте Риче, 2-м графе Уорвике. Обстрелял Скарборо, когда там высадились королевские войска, и роялисты обвинили его в ведении огня прямо по дому, где она находилась. Контролировал английские моря вплоть до конца Гражданской войны. В 1648 г. вместе с частью своего флота перешел на сторону принца Уэльского. Заподозренный в измене роялистами, он был высажен в Голландии, вернулся в Англию и вел частную жизнь до Реставрации. Затем вновь получил должность инспектора флота I: 148, 149; II: 260, 266, 312

Бекли (?—?) — шотландский военный времен Гражданской войны, участвовал в Епископских войнах. В начале Гражданской войны встал на сторону Парламента I: 209

Белласис Генри (1604—1647) — старший сын Томаса Белласиса, 1-го виконта Фолкенбриджа. Английский политический деятель, юрист, заседал в Палате общин в 1625—1642 гг. Роялист. Исключен из Парламента в 1642 г. I: 144

Белласис Джон, 1-й барон Белласис (1614—1689) — второй сын Томаса Белласиса, 1-го виконта Фолкенбриджа. Английский военный и политический

деятель, сыграл значительную роль во время Гражданской войны. Роялист. Член Палаты общин во время Короткого и Долгого Парламентов, лишенный права заседать в Парламенте вскоре после начала военных действий. На собственные средства сформировал шесть пехотных и кавалерийских полков. Принимал участие в ключевых сражениях и несколько раз был ранен. Впоследствии стал генерал-лейтенантом королевских сил в северных регионах Англии, губернатором Йорка и Ньюарка. В 1645 г. получил титул барона Белласиса из Уорлеби. Считается одним из первых членом тайной организации роялистов. После Реставрации занял ряд высоких должностей I: 144, 245, 247, 327, 334

Белласис Томас, 1-й виконт Фолкенбридж / Фоконберг (1577—1653) — английский политический деятель, заседал в Палате общин в различные годы с 1597 по 1624 г., в 1627 г. получил титул барона. Роялист I: 144

Беллингем Генри, 1-й баронет Беллингем (?—1650) — английский юрист и политический деятель. Заседал в Палате общин в 1625—1626 гг. Роялист II: 294

Бельевр Помпоний, де (1606—1657) — французский государственный деятель и дипломат, представитель династии французских политических деятелей. Был послом французского короля в Англии. Кардинал Мазарини поручил ему примирить короля и Долгий Парламент II: 151, 164, 166, 167

Беннет Роберт (1605—1683) — английский военный и политический деятель. Заседал в Палате общин в 1653—1654 гг. Сражался на стороне Парламента во время Гражданской войны, полковник армии Парламента, возглавлял пехотный полк I: 274

Беннет Хамфри (?—?) — представитель английской знати, английский военный времен Гражданской войны. Роялист I: 428

Беркли Джон (1602—1678) — 1-й барон Беркли из Страттона. Роялист. В 1637 г. был аккредитованным послом Карла I в Швеции на переговорах об оказании помощи курфюрсту Пфальцскому. Участвовал в англо-шотландской войне в 1638 г. и в том же году был произведен в рыцари. Член Парламента с 1640 г., по обвинению в участии

в армейских заговорах исключен из членов Палаты и заключен под стражу, однако был выпущен под залог. Играл заметную роль во время Гражданской войны, став губернатором Эксетера и генералом роялистов в Девоне. В 1642 г. присоединился к маркизу Гертфорду при Шерборне и был отправлен в Корнуолл под командование сэра Ральфа Гоптона. Их войско разгромило графа Стемфорда при Страттоне и преследовало его вплоть до Уэллса. Проявив себя таким образом, Беркли был назначен главнокомандующим всех сил роялистов в Девоншире. Участвовал в организации побега короля из Гемптон-Корта, после чего бежал в Париж. Там добился поста губернатора при герцоге Йоркском. В 1652—1658 гг. вместе с ним сражался под началом Тюренна против Конде, а затем на стороне Испании против Фландрии. По просьбе герцога в 1658 г. получил титул барон Беркли из Страттона. После Реставрации занимал заметные посты в Британии. Вместе с сэром Джорджем Картеретом основал провинцию Нью-Джерси в Северной Америке I: 26, 43, 136, 139, 140, 165, 216, 217, 229, 255, 273, 274, 303, 310, 339, 419; II: 20, 22, 25—27, 40, 44, 49, 51, 52, 55, 56, 59, 60, 69, 82, 83, 188—190, 210, 212, 216—221

Берли Джон (?—1647) — английский военный времен Гражданской войны. Капитан армии роялистов. Когда король оказался в плену, Берли, не в силах сдерживать возмущение, попытался его освободить. Действия Берли не могли привести к сколько-нибудь серьезным последствиям, однако Берли судили по обвинению в государственной измене, и в 1647 г. он был казнен II: 228, 331

Берти Монтегю, барон Уиллобги (1640—1642), 2-й граф Линдси (1608—1666) — английский военный, придворный и политический деятель. Роялист. Заседал в Палате общин с 1624 по 1626 г. В 1640 г. ему был пожалован титул барона Уиллобги де Эрзби, а в 1642 г. он унаследовал от отца титул графа Линдси. Во время Гражданской войны вместе с отцом сражался в рядах роялистов, собрав кавалерийский полк в Линкольншире. Монтегю Берти командовал лейб-гвардией при Эджхилле, где был смертельно ранен его отец. Вместе с его титулом он получил должность великого

камергера (не путать с лорд-камергером королевского хаусхолда). Чтобы сопроводить раненого отца, сдался сторонникам Парламента и содержался в замке Уорвик. В 1643 г. был обменен, присоединился к королю в Оксфорде и получил должность тайного советника. Сражался в главных битвах Гражданской войны во главе лейб-гвардии, был ранен при Незби. Оставался с королем до конца и сопровождал его тело в Виндзор к месту захоронения. Затем удалился от общественной жизни и не принимал участия в движении роялистов. После Реставрации вернулся в Тайный совет, был назначен лордом великим камергером и лорд-наместником Линкольншира, а также стал рыцарем Подвязки I: 73, 77, 84, 323; II: 35

Берти Роберт, 1-й граф Линдси (1582—1642) — английский пэр, военачальник, придворный. Сын Перегрина Берти, 13-го барона Уиллобги де Эрзби. Крестник королевы Елизаветы I. Служил в Нидерландах в войсках Морица Оранского. В 1626 г. получил титул графа Линдси. Как только у него возникло предположение, что противостояние короля и Парламента выльется в войну, он занялся подготовкой солдат из своих арендаторов. В начале Гражданской войны Карл I назначил графа Линдси главнокомандующим войск роялистов при Эджхилле как наиболее опытного военного, но исключил из его подчинения кавалерию принца Руперта. Тяжело ранен и взят в плен в этом сражении. Врачебная помощь была оказана с запозданием, и граф скончался от ран I: 70, 77, 80—83, 85, 107

Бетлер Уильям (?—?) — член Парламента в Англии. После Гражданской войны был назначен генерал-майором Бедфордшира, Нортгемптоншира и Ретленда. Сторонник Парламента во время Гражданской войны. В 1658 г. он возглавил один из полков кавалерии в армии Парламента I: 375

Бойз Джон (1607—1664) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны. Роялист. В 1641 г. получил чин подполковника в армии графа Риверса в Ирландии. Фактически исполнял обязанности полковника в его полку. Наиболее известен как губернатор Доннингтон-касла в Беркшире, который

после героической обороны был сдан Парламенту лишь в 1646 г. I: 285

Бойл Роджер, лорд Брогилл, 1-й граф Оррери (1621—1679) — ирландский протестант, выдающийся военный и политический деятель времен Гражданской войны, сторонник Парламента. Сын графа Корка, в 1628 г. получил титул барона Брогилла. Для завершения образования путешествовал по Франции и Италии, а в Женеве кальвинистский теолог Джованни Диодати подтолкнул его к переходу в протестантизм. Вернувшись в Англию, был представлен ко двору. В ходе Епископских войн командовал кавалерийским полком в армии короля. В 1641 г. женился на леди Маргарет Говард, что упрочило его финансовое положение. В том же году, когда вспыхнуло ирландское восстание, вернулся на родину. Его отец боролся за влияние с бароном Инчиквином за место лидера протестантов Манстера. После казни Карла I перешел на сторону Парламента. Победа Кромвеля в Ирландии принесла Бойлу обширные земельные владения в этой стране. Заседал в Парламенте эпохи Протектората, будучи сторонником коронации Кромвеля. В 1659 г., как только победа роялистов стала очевидной, перешел на сторону Карла II и после Реставрации получил от короля титул графа Оррери и ряд государственных должностей в Ирландии. Автор нескольких антикатолических трактатов, романа «Партенисса» и ряда пьес, которые ставились в Лондоне и Дублине II: 234

Болл Питер (1598—1680) — английский юрист и политический деятель, заседал в Палате общин в разные годы с 1626 по 1640 г. II: 22

Боулз из Корка Ричард (?—1643) — английский военный времен Гражданской войны. Роялист. Пал в битве при Алтоне I: 344, 346

Брамстон-старший Джон (1577—1654) — английский юрист, лорд главный судья Англии и Уэльса, председатель Суда королевской скамьи. В 1623 г. стал королевским барристером и участвовал в решении важнейших судебных дел. В 1635 г. был назначен лордом главным судьей. Именно он сообщил королю, что тот имеет законное право взимать корабельные деньги. В 1640 г. Парламент начал против него и пяти других судей

Королевской скамьи судебный процесс, который лишил их возможности выполнять свои обязанности. Поэтому в 1642 г. король отозвал его патент, что не свидетельствовало, однако, об изменении его отношения к Брамстону. С начала Гражданской войны его пытались вынудить высказаться в поддержку Парламента, но безуспешно. Оливер Кромвель советовался с ним в сложных ситуациях I: 70, 126

Брандон Чарльз, 1-й герцог Саффолк (ок. 1484—1545) — английский политический деятель. Воспитывался при дворе Генриха VII и был фаворитом Генриха VIII, который приходился ему шурином по третьей жене. Занимал ряд придворных должностей. В 1514 г. получил титул герцога Саффолка II: 66, 67

Браун Джон (?—?) — английский военный, сторонник Парламента во время Гражданской войны I: 402, 427; II: 182

Браун Ричард (ок. 1610—1669) — английский военный и политический деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны. Пресвитерианин. Был членом Палаты общин в 1647—1648 гг. Пользовался большим влиянием на единомышленников. Славился жесткостью к врагам II: 172, 194, 337

Бреретон Уильям, 1-й баронет Бреретон (1604—1661) — английский писатель, военный и политический деятель. Заседал в Палате общин в разные годы с 1628 по 1659 г. Сторонник Парламента во время Гражданской войны, был главнокомандующим парламентской армией в Чешире с 1643 г. I: 150—152, 155, 157, 158, 322, 329

Бретт Джером (?—?) — английский военный времен Гражданской войны. Полковник пехоты в армии роялистов, заменил убитого Джона Лоули во время битвы за Кроуфорд I: 159

Бретт Эдуард (?—?) — английский военный времен Гражданской войны, один из офицеров эскадрона королевы Генриетты Марии (капитан, а затем майор). Роялист I: 396

Бриджес Джордж, 6-й барон Чандос (1620—1655) — английский военный и политический деятель. Роялист. Отличился в битве при Ньюбери в 1643 г. Владелец поместья Садли-касл. В конце первой гражданской кампании выплатил Парламенту большой выкуп. В 1653 г.

убил на дуэли Генри Комптона и после долгого разбирательства был признан виновным в убийстве. Скончался от оспы. Похоронен в собственном поместье I: 280, 366

Бриджмен Орландо, 1-й баронет Бриджмен из Грейт Левера (1606—1674) — английский юрист, адвокат и политический деятель, заседал в Палате общин с 1640 по 1642 г. Роялист. Занимал высокие государственные должности до 1646 г., а затем после Реставрации. Участвовал в суде над цареубийцами, чем весьма прославился среди современников I: 150, 451, 458

Брэдшоу Джон (1602—1659) — английский юрист и политический деятель. Странник Парламента во время Гражданской войны. В 1646 г. назначен комиссаром Большой государственной печати, а в 1649 г. — лорд-президентом суда, приговорившего Карла I к смертной казни. В награду получил от Парламента богатые поместья и должность канцлера герцогства Ланкастерского. Занимал должность президента Государственного совета республики. Протестовал против роспуска его Ричардом Кромвелем и примкнул к республиканской оппозиции. Был похоронен в Вестминстерском аббатстве, но после Реставрации Карла II труп его был вырыт, обезглавлен и зарыт под виселицей II: 345

Буллер Ричард (1578—1642) — английский политический деятель, член Палаты общин в 1621—1642 гг. Офицер парламентской армии времен Гражданской войны, участвовал в военных действиях в Корнуолле в 1642 г. и был вынужден отступить при Лондоне. Скончался в то же году в возрасте 64 лет I: 131, 133, 134

Бучер Джордж (?—1643) — состоятельный купец из Бристоля, поддерживал роялистов во время английской Гражданской войны. Вступил в заговор с Робертом Йомансом, чтобы сдать город принцу Руперту. Заговор был раскрыт, и после одиннадцати недель заключения Бучер предстал перед военным судом, был осужден, повешен и четвертован I: 199

Бушер Генри, 5-й граф Бат (1587—1654) — английский пэр, член Тайного совета с 1641 г. Владел обширными землями в Ирландии и Англии. Унаследовал титул графа Бата от дальнего

родственника и переехал из родной Ирландии в Девоншир, в Англию, в 1637 г. Перед самым началом Гражданской войны был взят в плен сторонниками Парламента и заключен в Тауэр. Освобожден в 1643 г. при условии, что он покинет Англию и не будет служить королю. Он не стал его соблюдать, и в том же году король даровал ему должность лорд-хранителя Малой государственной печати. В 1644 г. при приближении парламентских войск бежал с семьей в Корнуолл. Не дожидаясь Реставрации I: 44

Бэггот Ричард (1618—1695) — английский военный времен Гражданской войны, полковник армии роялистов I: 191

Бэкон Фрэнсис (1587—1657) — английский юрист, судья. После начала Гражданской войны остался единственным председателем Суда королевской скамьи. Оставил свой пост в 1649 г., когда для сохранения должности потребовалось приносить клятву не королю, а народу, и удалился от дел I: 315

Бэнкс Джон (1589—1644) — английский юрист времен Гражданской войны. Заседал в Палате общин в 1624—1629 гг. Лорд главный судья Суда общих тяжб при Карле I и член Тайного совета. Его родовое имя, Корф-касл, было разрушено в ходе длительной осады во время Гражданской войны. Его жена Мэри Бэнкс руководила обороной замка от армии Парламента I: 272

Бэнкс Мэри (ок. 1598—1661) — жена Джона Бэнкса, прозванная за оборону Корф-касла Смелой дамой (Brave Dame). В 1643 г. Джон Бэнкс оставил ее оборонять замок, последовав за королем в Йорк. Она выслала из замка сыновей и, оставшись с дочерьми, слугами и пятью вооруженными воинами, удерживала замок против двухсот или трехсот человек под командованием Уолтера Эрла. Затем она получила подкрепление в виде восьмидесяти человек под командованием капитана Роберта Лоуренса. В 1646 г. один из офицеров, полковник Питмен, предал ее и открыл ворота осаждавшим I: 272

Вавассор Уильям (?—1659) — английский военный деятель, роялист. Полковник инфантерии во время второй Епископской войны. Подполковник

инфантерии в королевской армии во время Гражданской войны, командовал полком королевской гвардии I: 84, 231

Валтасар — вавилонский царевич VI в. до н. э., старший сын и соправитель последнего царя Вавилонии Набонида. Управлял страной и частью армии во время пребывания своего отца в аравийской Тейме. В тексте Кларендона Гендерсон ссылается на библейский эпизод Дан. 5:1—31, в котором пророк Даниил толкует слова, появившиеся на стене царского дворца во время пира Валтасара. Пророчество говорило о падении Вавилона и его разделении между мидянами и персами I: 303

Вандруск фон Друшке Иоганн (?—1654) — представитель немецкого дворянского рода славянского происхождения, профессиональный военный. О ранних годах жизни ничего не известно; к 1640-м гг. дослужился до офицерских чинов и оказался на Британских островах. Фон Друшке встал на сторону Парламента и к 1644 г. командовал полком кавалерии. Отличился во многих битвах. Не вошедший в состав армии Нового образца полк фон Друшке оказался в распоряжении командования шотландской армии, которая в то время действовала против роялистов в союзе с армией Парламента. В 1645 г. носил звание генерал-майора. Нерегулярно получая довольствие, полк фон Друшке был широко известен грабежами и вымогательствами. К концу декабря 1646 г. полк был распущен. Оставшись без своего покровителя У. Уоллера, а затем и без полка, фон Друшке перешел на сторону роялистов. Вскоре попал в плен. Освободившись, встал под знамена Карла II и последовал за ним во Францию. В 1654 г. отправился в Москву, где принял православие и получил под свое командование первый полк рейтарского строя, который участвовал в Русско-польской войне 1654—1667 гг. Убит при взятии Смоленска II: 12, 14, 24

Ван Хасдонк Джон (?—1678) — английский политический деятель голландского происхождения. Роялист, был приближенным короля, джентльменом королевской спальни. В 1660 г. снабжал Карла II оружием и боеприпасами. Похоронен в Вестминстерском аббатстве II: 125

Вашингтон Генри (ок. 1615—ок. 1664) — английский военный времен Гражданской войны. Роялист. Драгунский полковник в армии роялистов I: 245

Вен Генри-младший (1613—1662) — сын Генри Вена-старшего, английский политический и государственный деятель, губернатор колоний в Северной Америке. В 1637 г. вернулся в Англию. Выдающийся лидер сторонников Парламента, был близок с Оливером Кромвелем. Не имел, однако, отношения к казни Карла Стюарта и не приносил никаких клятв. Порвал с Кромвелем в 1653 г. и вернулся к власти на короткий период в 1659—1660 гг. После Реставрации был арестован и стал одним из тех немногих, кто не получил амнистии. Обезглавлен в 1662 г. I: 122, 248, 304, 305, 350, 351, 387, 441, 443, 445, 446, 451, 461, 466; II: 9, 136, 198, 200, 301, 304, 315, 332

Вен Генри-старший (1589—1655) — отец Генри Вена-младшего, английский политический и государственный деятель, заседавший в Палате общин в разные годы с 1614 по 1654 г. Занимал различные государственные посты при Карле I, в том числе государственного секретаря. После начала Гражданской войны примкнул к сторонникам Парламента II: 198

Вер Обри, 20-й граф Оксфорд (1627—1703) — представитель английской знати, роялист. Во время Гражданской войны пребывал в Голландии, где служил в английском пехотном полку. В 1651 г. вернулся в Англию, участвовал во многих заговорах, а позднее — в Реставрации I: 220

Верни Эдмунд (1590/1596—1642) — английский политический деятель, военный, фаворит короля Карла I. Сопровождал принца и герцога Бекингема в их поездке в Испанию. Член Палаты общин (1624—1625). После коронации Карла I получил пожизненное право на должность королевского знаменосца. Во время Гражданской войны роялист, хотя не был согласен с реформами архиепископа Лода и много спорил с королем. Убит в битве при Эджхилле I: 73, 77, 81—83

Вилльерс Джордж, 1-й герцог Бекин-гем (1592—1628) — английский государственный деятель, фаворит и первый министр Якова I и Карла I Стюартов. Последовательно получил титулы виконта

Вилльерса (1616), графа Бекингема (1617), маркиза (1618) и, наконец, герцога Бекингема (1623). Занимал различные престижные государственные должности. При смене монархов Бекингом сохранил свое влияние в стране, но регулярно подвергался резкой критике со стороны Парламента. В 1628 г. убит Джоном Фелтоном I: 63, 247, 413, 467; II: 231, 354

Вилльерс Джордж, 2-й герцог Бекингом, 20-й барон де Рос (1628—1687) — английский политический деятель, поэт. Второй сын 1-го герцога Бекингема. Роялист, в 1642 г. встал под знамена короля. В 1648 г. вместе с будущим Карлом II бежал в Шотландию. После Реставрации получил все владения Вилльерсов и был весьма влиятельным придворным и государственным деятелем. Он содействовал падению графа Кларендона. В 1671 г. потерял расположение Карла II и возглавил политическую оппозицию. После смерти Карла II оставил двор и отошел от политики II: 251, 297, 299

Вилльерс Кэтрин (урожд. Мэннерс), герцогиня Бекингом, маркиза Антрим, 18-я баронесса Рос из Хелмсли (?—1649) — дочь и наследница 6-го графа Ретленда. Была самой богатой женщиной в Англии, не принадлежавшей к королевской фамилии. Первый муж — Джордж Вилльерс, 1-й герцог Бекингом. Второй муж — ирландский пэр Рендал Макдоннелл, 1-й маркиз Антрим. Воспитанная в католической вере, она перешла в протестантизм ради брака с Вилльерсом, но вскоре после свадьбы вернулась в свою веру. Имя герцогини ни разу не было связано с каким бы то ни было скандалом, и худшее, в чем ее могли упрекнуть современники, были попытки склонить супруга к католической вере I: 467, 472

Вилльерс Уильям, 2-й виконт Грандисон (1614—1643) — английский дворянин, политический деятель, военный. Роялист. Погиб в битве при Ньюбери в 1643 г. I: 63, 64, 77, 106, 245, 247, 248

Вилльерс Фрэнсис (1629—1648) — третий сын 1-го герцога Бекингема. Как и брат, служил в армии роялистов и был убит в сражении при Кингстоне II: 251, 297

Воген Джордж (1615—1699) — английский военный времен Гражданской войны, роялист. Полковник кавалерии. Его

полк состоял сначала в армии маркиза Гертфорда, затем в оксфордской армии I: 233

Вьевиль, маркиз (?—?) — французский дворянин из рода Вьевилей, военный и дипломат. Был французским послом при английском короле Карле I. Сопровождал королеву Генриетту Марию, когда она возвращалась из Голландии. Сражался на стороне роялистов. Убит в первой битве при Ньюбери полковником Килсоном, которого успел ранить I: 282

Гайд Эдуард, 1-й граф Кларендон (1609—1674) — английский политический деятель и историк. Родом из Чешира. Был предан королю и внес немалую лепту в дело роялистов. Автор наиболее уважаемой истории Гражданской войны того времени — «Истории Великого мятежа» (опубл. в 1702 г.). Закончил Оксфорд в 1626 г. Общался со многими деятелями культуры того времени, в том числе с Беном Джонсоном, Джоном Селденом и др. Обладал даром красноречия. В 1633 г. начал юридическую карьеру, получил должность барристера. Довольно быстро сделал карьеру, но в последнюю очередь благодаря связям своих первой и второй жен. Был дружен с архиепископом Лодом. Член Палаты общин с 1640 г., заседал как в Коротком, так и в Долгом Парламенте. Был одним из первых осторожных критиков короля, но постепенно полностью перешел в лагерь роялистов. После Великой реконструкции 1641 г. стал неофициальным советником короля. Был с королем в Йорке в 1642 г., а год спустя был возведен в рыцарское достоинство и официально стал членом Тайного совета и канцлером Казначейства. Гражданская война стоила ему многих личных связей, так как он был непримиримым роялистом и не прощал симпатий к Парламенту. В первом сражении при Ньюбери он потерял своего лучшего друга — лорда Фолкленда. В 1645 г. благодаря стараниям королевы был отдален от короля и получил назначение в качестве опекуна принца Уэльского, с которым и бежал на остров Джерси в 1646 г., однако мало принимал участие в попытках Карла вернуть трон с 1649 по 1651 г., начав работу над своей историей Гражданской войны. С 1651 г. стал главным советником короля в изгнании, который

в 1658 г. назначил его лорд-канцлером. В 1660 г. получил баронский, а через год и графский титул. Был лорд-канцлером после Реставрации. Устроил брак Карла II с Екатериной Брагансской, которую поддерживал всю свою жизнь. Как лорд-канцлер считается автором «Кодекса Кларендона», однако в действительности не был согласен с многими его постулатами. Недовольство общества, враждебность придворных и ухудшавшееся здоровье постепенно ослабляли его положение. Военные неудачи во Второй англо-голландской войне, чума 1665 г. и Великий пожар Лондона окончательно завершили его карьеру. Последним ударом стала внезапная смерть его второй жены. В 1667 г. он был вынужден бежать из Англии во Францию и остаток дней провел в изгнании. Похоронен в Вестминстерском аббатстве. По материнской линии стал дедом двух коронованных особ — королевы Марии II и королевы Анны. На сборы от публикации его главного труда, «Истории Великого мятежа», было возведено здание Кларендона в Оксфордском университете I: 52, 451

Гамильтон Джеймс, 1-й герцог Гамильтон (1606—1649), граф Эрран (с 1609), 3-й маркиз Гамильтон (1625—1643) — шотландский дворянин, влиятельный военачальник и политический деятель времен Тридцатилетней войны в Европе и Гражданской войны в Англии. Сын Джеймса, маркиза Гамильтона. После смерти Генри Стюарта, принца Уэльского, Джеймс стал третьим в линии наследования шотландского престола, будучи родственником принцессы Марии, дочери Якова II Шотландского и Марии Гелдернской. Воспитывался при английском дворе с 1617 г. Был женат на племяннице Бекингема Мэри Филдинг. После смерти отца занял ряд придворных должностей. С 1631 г. сражался на стороне Густава Адольфа в Тридцатилетней войне. Вернувшись в Британию, стал главным советником Карла I по шотландским делам. Был ярым роялистом, проявил себя как умелый политик. В 1643 г. получил титулы герцога Гамильтона, маркиза Клайдсдейла, графа Кембриджа, барона Авена и Иннердейла. Разбит меньшими силами Кромвеля в битве при Престоне, взят в плен и казнен в 1649 г. I: 91, 229, 230, 304—306, 331, 332, 467; II: 128—130,

132, 253, 256, 257, 274, 275, 279, 283, 286, 291, 295, 296

Гамильтон Уильям (1616—1651), 2-й герцог Гамильтон и 4-й маркиз Гамильтон, 2-й маркиз Клайдсдейл, 7-й граф Арран, 1-й граф Ланарк (с 1639 г.) и 3-й граф Кембридж (с 1649 г.) — крупный государственный деятель Шотландии из рода Гамильтонов, участник ковенантерского движения и Гражданских войн в Шотландии середины XVII в. В 1639 г. Уильям был возведен королем в титул графа Ланарка, а в следующем году назначен государственным секретарем Шотландии. Выступал за компромисс между королем и ковенантерами. Вместе со своим братом Уильям в 1643 г. был арестован Карлом I в Оксфорде по подозрению в измене и переходе на сторону шотландского Парламента, но вскоре бежал, вернулся в Шотландию и примкнул к ковенантерскому правительству. В 1645 г. Ланарк сформировал из членов клана Гамильтон и других жителей юго-западной Шотландии небольшую армию для борьбы с роялистами Монтроза и участвовал в сражении при Килсайте I: 305, 306, 331; II: 253, 254, 294—296

Гаммонд Генри (1605—1660) — английский церковный деятель. Сын королевского врача при дворе Якова I, Генри Гаммонда, и брат Томаса Гаммонда, одного из цареубийц. Участник Вестминстерской ассамблеи богословов. С 1643 г. — архидиакон Чичестера. Участвовал в выступлениях роялистов. Был выдающимся проповедником, и о нем уважительно отзывались даже его противники I: 455; II: 185, 217

Гаммонд Роберт (1621—1654) — английский военный деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны в Англии, офицер армии Нового образца. Наиболее известен благодаря своей роли тюремщика Карла I на острове Уайт. Вступив в армию в 1642 г. в чине лейтенанта после незавершенного обучения в Оксфорде, в том же году он получил чин пехотного капитана и присоединился к Парламенту в его противостоянии с королем. В 1644 г. Гаммонд отличился в битве при Тьюксбери, но осенью того же года оказался под военно-полевым судом за дуэль, в ходе которой он убил майоре Грея, однако был оправдан. Получил пехотный

полк в армии Нового образца. Был взят в плен при осаде Безинг-хауса, освобожден и отправлен Кромвелем в Лондон с вестью о победе. В 1647 г., сомневаясь в правильности действий армии, вышел в отставку. Осенью того же года он был назначен губернатором острова Уайт вместо Филипа Герберта, 4-го графа Пемброка, по инициативе последнего. Когда Карл I оказался на острове, выполнял обязанности его тюремщика с 13 ноября 1647 г. по 29 ноября 1648 г., и Парламент присудил выплачивать ему пенсию. Гаммонд был избран в первый Парламент Протектората, и его дружба с Оливером Кромвелем продолжалась до конца его жизни. В 1654 г. получил назначение в Совет Ирландии, отправился в Дублин и начал реорганизацию юридической системы, однако в том же году скончался от лихорадки II: 216—220, 222, 226, 227, 228, 329—331, 334, 350

Гантер Джон (?—1643) — английский военный времен Гражданской войны, офицер парламентской армии (майор, у Гайда — полковник) I: 208

Гардинер Томас (1591—1652) — английский юрист и политический деятель. Заседал в Палате общин в 1640 г., но был изгнан из Парламента за то, что выступал в поддержку сбора корабельных денег. Роялист во время Гражданской войны. Был главным солиситором короля в Оксфорде в 1643 г. В том же году участвовал в переговорах в Аксбридже со стороны короля. В 1645 г. был королевским генеральным прокурором. В 1647 г. после выплаты штрафа получил прощение Парламента. Его дочь Мэри была фрейлиной королевы Генриетты Марии, а после Реставрации служила королеве Екатерине I: 451, 458

Гарреуэй Генри (?—1646) — английский купец, лорд-мэр Лондона в 1639 г. Активно участвовал в политической жизни Лондона. Был членом комитета Ост-Индской компании в 1614—1643 гг. В 1627 г. он был избран олдерменом лондонского Сити; занимал различные должности, в частности, в 1627—1628 гг. был шерифом Лондона и возглавлял Левантскую компанию в 1636—1639 гг. В 1640 г. был возведен в рыцарское достоинство I: 369

Гарри Третий — имеется в виду король Генрих III Плантагенет (1207—1272),

вынужденный сражаться за власть с баронами. Потерпел поражение в битве при Льюисе от Симона де Монфора и вместе с сыном попал к нему в плен. Монфор стал править Англией как диктатор, пока принц Эдуард не бежал из плена и не разбил Монфора при Йвшеме, восстановив власть отца. Ситуация действительно напоминала события XVII в. I: 76

Гаррис Джон, из Ланреста, из Редфорда (1596—1648) — представитель английской знати, член Парламента в разные годы с 1628 по 1644 г. Во время Гражданской войны поддержал короля II: 115

Гаррисон Томас (1616—1660) — английский военный и политический деятель. Сын мясника. Сторонник Парламента во время Гражданской войны, дослужился до чина полковника. Встречал и конвоировал короля, когда его привезли с острова Уайт. Был одним из членов суда над королем, подписавших ему смертный приговор. После Реставрации был осужден как один из цареубийц и казнен II: 178, 346—351

Гастингс Генри, 1-й барон Логборо (1610—1666/1667) — английский военный и политический деятель, младший сын Генри Гастингса, графа Гентингдона. Роялист. Его родовое имение, Ашби-дела-Зуш, играло роль связующего звена между роялистами юго-запада и севера. В 1642 г. Генри Гастингс был назначен шерифом Лестершира. В звании полковника участвовал во многих битвах Гражданской войны. В 1643 г. потерял глаз, за что сторонники Парламента прозвали его «Слепой Генри Гастингс». В том же году за заслуги перед короной получил титул 1-го барона Логборо. В 1648 г. был изгнан из страны. После Реставрации вернулся в Англию и был назначен наместником Лестершира (1661). Переименовал родовое имение Ламбет Уик в Логборо-хаус I: 153; II: 32

Гастингс Генри, 5-й граф Гентингдон (1586—1643) — английский аристократ, политический деятель, предводитель пуританской партии, критик политики Стюартов, но в то же время меценат и покровитель драматургов (в том числе Джона Марстона). Занимал должности в Лестершире, Ланкашире и Рутленде. Член Виргинской компании. У него было двое сыновей: Фердинанд Гастингс, 6-й

граф Гентингдон, и роялист Генри Гастингс, 1-й барон Логборо I: 153; II: 32

Гастингс Уильям (?—?) — представитель английской знати, военный. Занимал пост коменданта Портленд-касла II: 12

Гастингс Фердинанд (1608—1656) — старший сын Генри Гастингса, 5-го графа Гентингдона. Член Парламента (1626, 1628). Заседал в Палате лордов в Долгом Парламенте. Во время Гражданской войны сторонник Парламента, командовал отрядом кавалерии. Его брат, Генри Гастингс, сражался на стороне роялистов I: 153

Гаттон Ричард-младший (1594—1645) — английский военный и политический деятель, землевладелец. Сын судьи Ричарда Хаттона (1560—1630). Заседал в Палате общин в 1620-е гг. Был шерифом Йоркшира и комендантом Кнерсборо-касла. Отказался выплатить королю корабельные деньги, но с началом Гражданской войны встал на его сторону. Сражался в армии роялистов. Погиб в битве при Шерборне I: 451

Гезлриг Артур (1601—1661) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны. Заседал в Палате общин в 1640—1659 гг. Был одним из пяти членов Парламента, которых пытался арестовать Карл I. Сражался на стороне Парламента в чине полковника кавалерии. Впоследствии пытался противостоять усилению власти Кромвеля. После Реставрации вмешательство Монка спасло Гезлригу жизнь, но скончался он в заключении I: 230, 239, 347, 466

Гейдж Генри (1597—1645) — английский военный, офицер в армии роялистов во время Гражданской войны. Происходил из католического семейства с прочными связями в католических кругах Англии. Предпочел духовной карьере военную, в 22 года отправившись служить во Фландрию, и участвовал в Восемидесятилетней войне. После того, как король поднял свой штандарт в Ноттингеме, организовал поставки оружия и снаряжения от испанского короля и сам вернулся в Англию, присоединившись к армии роялистов. С Рождества 1644 г. до своей гибели в следующем году был губернатором Оксфорда, сменив на этом посту католика сэра Артура Астона I: 369, 403—409, 423, 424, 430, 432—434

Гемпден Александр (?—?) — английский политический деятель, кузен одного из лидеров Парламента Джона Гемпдена. Роялист I: 202, 204

Гемпден Джон (ок. 1595—1643) — английский политический деятель, один из лидеров парламентской партии накануне и во время Гражданской войны, военный. В 1637 г. был судим за отказ выплатить корабельные деньги. Заседал в Коротком и Долгом Парламентах. В 1642 г. был одним из пяти членов Парламента, несанкционированный арест которых и развязал Гражданскую войну. Скончавшись от ран, полученных при Чалгров-филд, стал известнейшим английским патриотом и символом благородной парламентской оппозиции. Его статуя украсила Вестминстерский дворец в викторианскую эпоху. Его имя ежегодно звучит на открытии Парламента в речи британского монарха I: 66, 79, 164, 193, 208—212, 289, 304, 333; II: 216, 240

Гендерсон Александр (ок. 1583—1646) — шотландский теолог, выдающийся церковный и государственный деятель XVII в. Считается вторым основателем реформированной церкви Шотландии, заложил основы догматики и организации шотландских пресвитерианских церквей. Во время Гражданской войны стремился сохранить нейтральную позицию Шотландии I: 167, 170, 302, 451, 455, 456; II: 166

Генриетта Мария Французская (1609—1669) — младшая дочь короля Генриха IV, супруга короля Карла I, королева-консорт Англии, Шотландии и Ирландии, мать двух английских королев — Карла II и Якова II. Брак был весьма удачным, однако в английском обществе королева-католичка не пользовалась популярностью. Большую часть Гражданской войны провела во Франции, общаясь с супругом с помощью писем. После Реставрации прибыла в Англию, но вскоре заболела и вынуждена была вернуться в Париж, где скончалась четыре года спустя I: 50, 111, 112, 148, 149, 187, 279, 296, 352, 378, 385, 388, 396, 403, 467, 470, 471; II: 38, 126, 137—139, 144—153, 159—167, 188—190, 206, 208, 236, 243, 244, 251, 257, 259, 342, 347

Герберт Филип, 4-й граф Пемброк и 1-й граф Монтгомери (1584—1650) — английский политический деятель и придворный Якова I и Карла I. Назван

в честь брата матери, поэта Филипа Сидни. В молодости увлекался конной и ястребиной охотой, участвовал в турнирах и играл в придворных масках. Рыцарь Орденов Бани (1603) и Подвязки (1615). Меценат, патрон Ван Дейка. Симпатизировал пуританству, расходясь с королем во взглядах на религию. Карл лишил его должности лорд-камергера в 1641 г., спровоцировав окончательный разрыв. Во время Гражданской войны граф Пемброк и Монтгомери встал на сторону Парламента, однако стремился к заключению соглашения с королем. Отказался участвовать в суде над королем, хотя публично и не выступал против его казни. В 1649 г. был включен в состав Государственного совета I: 95, 96, 125, 158, 323, 421, 541, 458, 462; II: 211

Глемем Томас (ок. 1594—1649) — английский землевладелец, военный и политический деятель. Командующий в армии роялистов во время Гражданской войны I: 143, 327, 381, 382; II: 67, 105

Глинн Джон (1602—1666) — валлийский юрист эпохи Междуцарствия и Реставрации. В разные годы с 1640 по 1660 г. заседал в Палате общин. Сделал блестящую юридическую карьеру. Был пресвитерианином, что поставило его в конфронтацию с армией. В 1647 г. был исключен из Парламента и год провел в Тауэре. В 1656 г. был назначен в Палату лордов Кромвеля, однако вскоре после этого изменил свои политические пристрастия и впоследствии поддержал Реставрацию I: 466; II: 194

Говард Джеймс, 3-й граф Саффолк (1606/1607—1688) — представитель английской знати; в 1640 г. унаследовал титул графа Саффолка I: 323, 413, 414; II: 50

Говард Томас, 1-й граф Беркшир (1587—1669) — английский политический деятель, роялист. Заседал в Палате общин с 1605 по 1622 г. С 1625 г. — граф Беркшир. Сопровождал короля в Йорк в 1642 г. Был взят в плен Джоном Гемпденом в августе того же года, занимаясь набором людей для армии короля, и на некоторое время был заключен в лондонский Тауэр. В 1643 г. был назначен гувернером принца Уэльского, однако со временем покинул его и вместо Франции отправился в Голландию. После Реставрации стал членом Тайного совета I: 44, 221, 229; II: 70, 125, 145, 164

Говард Эдуард, 1-й барон Говард из Эскрика (?—1675) — представитель английской знати, младший сын Томаса Говарда, 1-го графа Саффолка. Сторонник Парламента во время Гражданской войны, в которой он принимал активное участие. Заседал в Палате лордов (1628—1649), затем в Палате общин. В 1651 г. был изгнан из Парламента за взяточничество I: 323

Годолфин Сидни (1610—1643) — английский поэт, придворный, военный и политический деятель. Заседал в Палате общин (1628—1643). Полковник армии роялистов. Убит в сражении при Чагфорде I: 139, 140

Годолфин Уильям (?—?) — английский военный времен Гражданской войны, полковник в армии роялистов I: 216

Голланд Джон, 1-й баронет Голланд из Килденхема (1603—1701) — английский политический деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны. Заседал в Палате общин в разные годы с 1640 по 1679 г. Получил титул баронета в 1629 г. В 1648 г. был исключен из Парламента в ходе Прайдовой чистки. В 1660 г. вновь был избран в Парламент, а в 1661—1679 гг. заседал в Кавалерском Парламенте I: 165; II: 251, 267, 268, 285, 297—296, 301, 302

Голлис Дензилл (1599—1680), 1-й барон Голлис — английский государственный деятель, писатель. Друг детства Карла I, он не одобрял политику короля и в 1629 г. на осенней сессии Парламента был в числе тех, кто активно воспрепятствовал закрытию сессии. После этого был арестован и приговорен к штрафу и заключению. В 1630 г. освобожден под залог и изгнан из Лондона. Был членом Короткого и Долгого Парламентов, собравшихся в 1640 г., и обладал весьма сильным влиянием в Палате общин. Тем не менее доверием республиканской партии он не пользовался. Один из пяти членов Парламента, которых Карл I пытался арестовать в 1642 г. В начале Гражданской войны был заместителем командующего Бристолем. Был отправлен в Бедфорд против маркиза Гертфорда. Принимал участие в осаде замка Шерборн. Участвовал в битве при Эджхилле и был одним из тех, кто обеспечил победу Парламента. Отказался принять пост командующего войсками Парламента на западе.

Поддерживал мирные договоры между сторонами. Вместе с Уайтлоком возглавил комиссию для переговоров с королем в Оксфорде в 1644 г. В 1645 г. был назначен одним из представителей Парламента при обсуждении Аксбриджского договора. Был ярким противником Кромвеля, добивался его импичмента. После того как его партия потерпела поражение, переселился из Англии в Нормандию. Вернувшись, он был заключен в Тауэр, однако в 1648 г. обвинения были сняты, он вернулся в Парламент и участвовал в переговорах с королем в Ньюпорте. В декабре вновь бежал во Францию и некоторое время оставался в изгнании. Отказался занять должность государственного секретаря при Карле II. Принимал деятельное участие в подготовке Реставрации. В 1661 г. получил титул барона Голлиса и стал членом Верхней палаты Парламента. С 1663 по 1666 г. — посол во Францию. В 1667 г. был отправлен в Бреду для переговоров о мире с Голландией, которые ему удалось I: 23, 27, 541, 463, 466; II: 182, 194, 195

Голлис Джон, 2-й граф Клэр (1595—1666) — представитель английской знати, военный и политический деятель. Брат Дензила Голлиса, 1-го барона Голлиса. Унаследовал титул графа Клэра в 1637 г. Участвовал в Тридцатилетней войне. Во время Гражданской войны поддерживал попеременно обе стороны, но не получил от этого выгоды I: 268, 296, 297

Гоптон Ральф (1596—1652) — военачальник роялистов во время Гражданской войны в Англии. В молодости служил в армии Фридриха V Пфальцского во время Тридцатилетней войны. В 1624 г. — подполковник. На своей коронации Карл I сделал Гоптона рыцарем Ордена Бани. Как член Парламента от Бата, Сомерсета и Уэллса он первоначально противился политике короны, однако после импичмента Страффорта превратился в ярого сторонника Карла I. В начале Гражданской войны был назначен генерал-лейтенантом при маркизе Гертфорде в западных графствах. Ему удалось склонить Корнуолл на сторону роялистов. В мае 1643 г. он разбил сторонников Парламента при Страттоне, что позволило ему перейти Девон и соединиться с войсками под командованием принца Морица. 5 июля их объединенные силы столкнулись с войсками

сэра Уильяма Уоллера при Ленсдауне. В ходе сражения Гоптон был серьезно ранен. Вскоре после этого Уоллер осадил его в Дивайзе, и Гоптон держал оборону вплоть до победы роялистов при Раундэй-Даун, после чего и был пожалован титулом барона Гоптона из Страттона. Затем последовали значительные успехи роялистов. Контратака Ферфакса, однако, вынудила Гоптона отступить в Винчестер. В марте 1644 г. он вновь был разбит Уоллером при Черитоне и вновь отступил. После этого Гоптон участвовал в западной кампании под командованием самого Карла, а в конце войны, когда Горинг покинул Англию, возглавил королевскую армию. В феврале 1646 г. он был разбит при Торрингтоне и сдался Томасу Ферфаксу. Затем примкнул к принцу Уэльскому, который попытался продлить войну, однако его взгляды были несовместимы с примиренческими настроениями, господствовавшими в совете принца в 1649—1650-х гг., и он удалился от активного участия в деле роялистов. Скончался в изгнании, в г. Брюгге I: 25, 131—139, 166, 214, 216, 223, 227, 233, 234, 236, 247, 252—254, 257, 259, 322, 339—348, 354, 356, 378, 391, 439, 465, 477; II: 13, 15, 20, 23, 24, 40, 41, 45, 58, 70, 76, 84, 86, 93, 116—118, 120, 122—125, 127, 144, 174, 175, 265

Горинг Джордж, 1-й граф Норидж (1575—1663) — английский военный и политический деятель. Заседал в Палате общин в 1621—1628 гг., затем получил пэрство. Став фаворитом Карла I в 1608 г., получил ряд должностей, а в 1628 г. — титул барона Горинга. В начале Гражданской войны передал свое состояние королю. В 1642—1643 гг. сопровождал королеву Генриетту Марию в Нидерланды и Францию. Обвиненный Парламентом в государственной измене, до 1647 г. был вынужден оставаться за границей. В 1644 г. по просьбе сына, получившего титул графа Горинга, получил титул графа Нориджа. Принимал активное участие в Гражданской войне 1648 г. В 1649 г. был приговорен к смертной казни, но помилован, и присоединился ко двору в изгнании Карла II. После Реставрации стал капитаном королевской гвардии I: 315; II: 24, 71, 268, 280, 282, 297, 301

Горинг Джордж, 1-й граф Горинг (1608—1657) — сын графа Нориджа. Был известен при дворе расточительством и распутным нравом. Благодаря своему свекру, графу Корку, стал полковником в голландской армии. После ранения при взятии Бреды Горинг всю жизнь хромал. Вернулся в Англию в 1639 г. и получил должность губернатора Портсмута. Участвовал в Англо-шотландской войне, и к тому времени, как он стал одним из участников армейского заговора 1641 г., у него уже была хорошая репутация. Горинг был сторонником похода на Лондон для устранения Парламента, надеясь получить звание генерал-лейтенанта. В августе 1642 г. он выступил на стороне короля. Сдав Портсмут сторонникам Парламента, в сентябре Горинг отправился в Голландию набирать солдат для армии роялистов и вернулся в Англию в декабре того же года. Во главе кавалерийского отряда разбил генерала Ферфакса при Сикрофт-Муре недалеко от Лидса в марте 1643 г., однако уже в мае был взят в плен в Уэйкфилде, но был освобожден в ходе обмена пленными. С переменным успехом командовал левым флангом роялистов при Марстон-Муре. В ноябре 1644 г., когда его отец получил титул графа Нориджа, стал лордом Горингом. Парламент, однако, не признал эту креацию и продолжал называть отца лордом Горингом, а сына — генералом Горингом. В августе принц Руперт, признавая его способности, отправил лорда Горинга на юг, к королю Карлу. Там он заменил лорда Генри Уилмота на посту генерал-лейтенанта кавалерии роялистов. Добившись некоторых успехов на западе, он занял Фарнем, однако нехватка денег заставила его отступить в Солсбери и Эксетер. Поведение его солдат сильно повредило делу роялистов, а его поборы возбудили на западе ненависть к нему самому. Прибыв со своими войсками к королю в Оксфорд, он получил от него практически полную власть над западными землями. После окончательного поражения короля в 1645 г. армия Ферфакса нанесла Горингу поражение при Ленгпорте. Оставив сопротивление, он проводил время в развлечениях и вскоре отплыл во Францию, ссылаясь на слабое здоровье. Благодаря связям отца получил командование над английскими

соединениями на испанской службе. Скончался в Мадриде I: 22, 42, 148, 219, 351, 379, 389—392, 395, 397, 399, 400, 410, 421, 426, 435, 439, 464, 476; II: 12—20, 22—25, 27—30, 33, 40—48, 51—55, 61, 68—77, 80, 82—90, 92—94, 96, 100, 115, 117, 123

Готэм-младший Джон (1610—1645) — старший сын Джона Готэма-старшего. Сторонник Парламента во время Гражданской войны. В 1640 г. служил в Нидерландах. Защищал Гулль от роялистов в 1642 г., в том же году присоединился к армии Ферфакса. В 1643 г. оказался в тюрьме по обвинению в измене. Вступил в переговоры с королевой Генриеттой Марией, бежал, вновь был арестован вместе со своим отцом, подвергся военному суду и был обезглавлен I: 119, 143—145, 146, 474, 475

Готэм-старший Джон (1589—1645) — сторонник Парламента, занявший пост губернатора Гулля незадолго до начала Гражданской войны в 1642 г. Позднее он и его сын, Джон Готэм-младший, были казнены по обвинению в государственной измене I: 119, 149, 474, 475

Гоур Дойли (?—?) — английский военный деятель, роялист, полковник полка драгун, сформированного его старшим братом, сэрм Томасом Гоуром (ок. 1605—1672) I: 144

Грантам Томас (1612—1655) — английский политический и военный деятель. Сын сэра Томаса Грантама из Линкольншира. В 1640 г. заседал в Коротком и Долгом Парламентах. Собрал пехотный полк, сражавшийся при Эйлсбери в 1642 г. на стороне Парламента, полковник парламентской армии. Был женат на Дороти Элфорд I: 79

Гревилл Роберт, 2-й барон Брук (1607—1643) — сторонник Парламента во время Гражданской войны, генерал парламентской армии. В 1639 г. был заключен в тюрьму по приказу короля, так как отказался принести клятву сражаться за него. Быстро стал активным участником парламентской партии. Разбил роялистов в стычке при Кайнтоне в 1642 г. Многие рассматривали его как возможного преемника графа Эссекса. В 1643 г. взял Стратфорд-на-Эйвоне и вскоре после осады Личфилдского собора убит — предположительно снайпером. Считается первой жертвой снайперского выстрела I: 74, 153—155, 157; II: 118

Грей Генри, 1-й граф Стамфорд, в 1614—1628 гг. — лорд Грей из Гроуби (ок. 1599—1673) — английский политический деятель и военачальник. В 1628 г. получил титул лорда Стамфорда. Сторонник Парламента с самого начала конфликта, он был назначен лорд-наместником Лестершира и с переменным успехом командовал парламентскими войсками. После поражения при Эксетере более не участвовал в войне I: 153

Грей Уильям, 1-й барон Грей из Уарка (?—1674) — английский политический деятель. Заседал в Палате общин в 1621—1622 гг. Поддержал Парламент во время Гражданской войны. В 1624 г. унаследовал титул барона от своего отца. В 1642 г. стал командующим парламентскими вооруженными силами на востоке. В 1643 г. был спикером Палаты лордов. В 1648 г. был назначен хранителем Большой государственной печати, но оставил должность через год. После Реставрации получил прощение I: 320, 323

Гренвилл Бевил (1596—1643) — английский военный времен Гражданской войны, член Палаты общин в 1621—1642 гг., роялист. Был близок с Томасом Элиотом и парламентской оппозицией, однако в 1639 г. участвовал в войне в Шотландии на стороне короля, верность которому сохранил и впредь. В 1642 г. был изгнан из Парламента. Сыграл важную роль в победе роялистов при Брэддок Даун. Погиб в битве при Лэнсдауне I: 131, 135, 139, 214, 216, 217, 232, 233, 413

Гренвилл Ричард, 1-й баронет Гренвилл (1600—1658) — английский военный и политический деятель, предводитель роялистов Корнуолла во время Гражданской войны. В 1630 г. получил титул баронета. В 1633 г. бежал из тюрьмы в Германию и вернулся в Англию только шесть лет спустя, чтобы присоединиться к армии Карла I во время Епископских войн. В 1643 г. был арестован по приказу Парламента и отправлен в парламентскую армию. Вместо этого он присоединился к армии короля в Оксфорде. В 1646 г. был арестован за жестокости и незаконное поведение, затем уехал во Францию и Италию. Находился при дворе Карла II во Франции, но выдвинул ряд обвинений против Эдуарда Гайда и в результате оказался удален от двора

I: 394—396, 410, 412, 413—418, 429; II: 16—20, 22, 25—27, 40, 48—52, 54—62, 68—70, 73, 74, 82—84, 91—95, 115—121

Грэй Генри, 10-й граф Кент (1594—1651) — английский политический деятель, заседал в Палате общин в 1640 г., а в 1643 г. унаследовал от отца титул графа Кента и пэрство. Во время Гражданской войны был сторонником Парламента. Лорд-лейтенант Ретленда (1644), в 1645 г. он стал спикером Палаты лордов. В 1646 г. назначен лорд-наместником Bedfordshire, каковым и являлся до своей смерти. Занимал различные государственные должности во время Междоусобия I: 323

Грэм Джеймс, 1-й маркиз Монтроз, 5-й граф Монтроз (1612—1650) — выдающийся шотландский полководец, ковенантер, перешедший в стан роялистов из-за радикализации шотландской революции. Монтроз резко возражал против интервенции в Англию. Оставаясь на позициях «Национального ковенанта» 1638 г., граф выступал за сохранение лояльности королю, который уже утвердил все завоевания революции. 1 февраля 1644 г. Карл I назначил Монтроза, которому незадолго до этого даровал титул маркиза, наместником короля в Шотландии с широкими полномочиями. Командовал войсками короля Карла I в период Гражданской войны в Шотландии 1644—1646 гг. В 1650 г. участвовал в попытке Карла II вернуть себе отцовский престол, был взят в плен и казнен Парламентом Шотландии I: 321, 331, 467—470, 472; II: 67, 71, 77, 78, 97, 102, 106, 108, 129—131, 154, 155, 158, 166, 168

Гудвин Роберт (ок. 1601—1681) — английский политический деятель, член Палаты общин в разные годы с 1626 по 1659 г. Сторонник Парламента в Гражданской войне I: 164

Гудман Годфри, епископ Глостерский (ок. 1582—1656) — англиканский епископ. Происходил из валлийского мелкопоместного дворянства. Современники описывали его как гостеприимного уравновешенного человека, известного милосердием к бедным. Быстро сделал церковную карьеру, получив сан епископа в 1624 г. Был придворным капелланом королевы Анны Датской, супруги Якова I. Питал склонность к католицизму, за что пострадал в 1640-е гг.

Возможно, в конце жизни Гудман перешел в католицизм I: 159

Д'Аркур, граф — вероятно, Анри де Лоррен-Аркур, граф д'Аркур, д'Арманьяк, де Брионн, виконт де Марсан (1601—1666) — французский дворянин, представитель древнего рода д'Аркур. Участвовал в Тридцатилетней войне. Сражался с протестантами во Франции. Кавалер Ордена Святого Духа (1633), обер-штальмейстер Франции, затем сенешаль Бургундии. С 1645 г. вице-король Каталонии. Во время Фронды остался верен королеве-регентше, но в конце концов поссорился с Мазарини и удалился в Эльзас I: 313—315; II: 152

Давенант Уильям (1606—1668) — английский писатель, поэт, драматург. Существует малодостоверная легенда, которую Давенант сам поддерживал, о том, что он был незаконным сыном Шекспира и прекрасной трактирщицы в Оксфорде. По другим сведениям, Шекспир был его крестным отцом. Роялист. В 1641 г. бежал во Францию, затем присоединился к армии короля. В 1645 г., после поражения роялистов при Незби, вернулся во Францию и перешел в католичество. Попал в плен к сторонникам Парламента и в 1651—1652 гг. находился в заключении. Выйдя на свободу, устроил частный театр в своем имении Ретленд-хаус, где ставились запрещенные цензурой произведения. В 1659 г. вновь был вынужден бежать во Францию и вернулся только после Реставрации II: 167

Дайвс Льюис (1599—1669) — член Парламента, роялист. Получил рыцарское звание в 1620 г. и сопровождал принца Карла в Мадриде. Был членом Парламента от Бридпорта (1625, 1626) и Уэймута (1628). В 1641 г. обвиненный в сочувствии роялистам был вынужден бежать в Голландию, но вскоре вернулся и встал под знамена короля. Участвовал во многих битвах, но в 1645 г. был взят в плен сторонниками Парламента и находился в заключении в Тауэре до 1647 г., бежал, снова был схвачен и снова бежал, уже из Уайтхолла, и присоединился к королевским войскам в Ирландии. В 1650 г. опубликовал отчет о происходивших там событиях за предшествующие два года. Верность короне и пристрастие к игре стоили

Дайвсу почти всего его состояния I: 49, 308, 309, 420, 460, 461; II: 13, 53

Дальбьер Джон (?—1648) — профессиональный военный голландского или немецкого происхождения. Начинал карьеру в голландской армии. Затем служил в английских войсках — сначала в армии Парламента, затем, будучи исключен из армии Нового образца, оказался в армии графа Голланд. За это предательство его зверски убили в военной стычке солдаты Кромвеля в 1648 г. II: 298

Данком (Данкомб) Эдуард (?—?) — военный времен английской Гражданской войны, роялист. Командовал отрядом сэра Роберта Стрикленда, затем сформировал собственный полк драгун и сражался при Эджхилле. В 1643 г. сформировал кавалерийский полк в Йоркшире, однако полк распался из-за нехватки средств, и в 1644 г. Данкомб сдался Парламенту I: 144

Деверо Роберт, 3-й граф Эссекс (1591—1646), Роберт Эссекс-младший. Английский аристократ, находившийся в оппозиции к Стюартам — Якову и Карлу I. В 1639 г. получил чин генерал-лейтенанта. Был членом Палаты лордов. С 1641 г. член Королевского совета и лорд-камергер. Во время конфликта между королем и Парламентом открыто поддерживал требования Парламента. Хотя Эссекс был сторонником примирения сторон, с начала Гражданской войны до 1645 г. он занимал пост главнокомандующего армией Парламента, с которого его сместил Оливер Кромвель. После этого граф Эссекс отошел от политики и вел частную жизнь I: 33, 34, 37, 40, 43, 45, 47, 48, 50, 52, 53, 60, 65, 66, 69—72, 75—77, 79—84, 86—90, 94—96, 98, 100, 101, 103, 104, 119, 120, 123, 128, 130, 134, 144, 145, 147, 149, 152—154, 159, 161, 166, 173, 181, 182, 184, 185, 187, 192—194, 196, 205—209, 212, 213, 220, 226, 238, 241, 242, 248, 262—264, 266—268, 278—281, 283—285, 294, 295, 297—299, 308, 316, 323—325, 327, 333, 344, 346, 350, 351, 353, 357—365, 369, 370, 372, 378, 386—388, 390, 392—401, 404, 410—412, 417, 419—421, 424, 425, 439, 440, 443, 448, 449, 455, 461—463, 465, 466, 475, 476; II: 9, 10, 21, 37, 57, 138, 173, 175, 177, 186, 194, 298

Джелл Джон, 1-й баронет Джелл (1593—1671) — английский военный и политический деятель времен

Гражданской войны. Сторонник Парламента из-за своих пресвитерианских взглядов. В 1642 г. приобрел титул баронета. Сформировал и возглавил пехотный полк в Дербишире. В 1643 г. назначен губернатором Дерби. Его властный характер и жесткость спровоцировали жалобы, и в 1648 г. он лишился всех постов. Переехав в Лондон, он связался с королем и испросил себе прощение, однако был схвачен, признан виновным в измене и приговорен к пожизненному заключению и конфискации имущества. После Реставрации был освобожден и получил назначение ко двору I: 146, 153—155, 157, 158

Джерард Чарльз, 1-й барон Джерард, барон Брендон, 1-й граф Макклсфилд (1618—1694) — английский военный деятель, придворный, роялист. Полковник инфanterии королевской армии во время Гражданской войны. Ранен при Эджхилле. В 1645 г. получил ирландский титул барона Брендона, а после Реставрации, в 1679 г., — графа Макклсфилда. Принадлежал к сторонникам принца Руперта и, вероятно, покинул Англию вместе с ним в 1646 г. Был вице-адмиралом флота в 1648 г., получил должность постельничего Карла II в 1649 г. Вернулся в Англию вместе с королем в 1660 г. I: 84, 190, 246, 420, 430; II: 33, 38, 39, 62, 66, 67, 102, 103, 105, 109—112, 133

Джермин Генри, 1-й граф Сент-Олбанс (1605—1684) — английский придворный и политический деятель. Заседал в Палате общин в разные годы с 1625 по 1643 г. Один из самых влиятельных придворных своей эпохи. Полковник армии роялистов с конца 1640 г. Активно разрабатывал и пытался превратить в жизнь планы по вовлечению европейских держав в реставрацию монархии — как до, так и после казни Карла I. Участвовал в неудавшемся заговоре роялистов по освобождению Уэнтворта. После Реставрации получил титул графа Сент-Олбанса I: 282, 296; II: 143, 147, 153, 160, 162, 167, 244, 245, 251, 252

Джойс Джордж (1618—ок. 1670) — английский военный и политический деятель. Сторонник Парламента во время Гражданской войны. Поддержал армию во время ее конфликта с Парламентом II: 182, 183, 185

Джордж Джон (1594—1678) — юрист, член Палаты общин, представитель старинного семейства Джордж из Сайренсестера. Его родители служили королеве Анне Датской. Участвовал в Гражданской войне на стороне Парламента, был взят в плен солдатами принца Руперта, после чего примкнул к королю и заседал в Парламенте в Оксфорде I: 130

Дигби Джон (1603—1684) — роялист, представитель младшей ветви рода Дигби из Коузхилла (Уорвикшир). Был назначен шерифом графства и получил рыцарское достоинство от Карла I в июле 1642 г., за несколько недель до того, как король поднял штандарт в Ноттингеме. Участвовал в первой значительной битве у Эджхилла в Уорвикшире 23 октября 1642 г. Безуспешно пытался привести графство под знамена короля, однако ему удалось собрать лишь сравнительно небольшой отряд, полководником которого он и был назначен. Продолжал вооруженную борьбу вплоть до октября 1647 г., хотя к этому времени партия роялистов окончательно потерпела поражение. В 1659 г. был готов поддержать выступление лорда Байрона, но не успел. В 1660 г. войска генерала Монка проследовали к Лондону через его поместье Мэнсфилд и Ноттингем I: 21, 26, 43, 216, 255, 274—276, 309, 310, 416, 417; II: 83, 95, 115, 117, 308, 309

Дигби Джон, 1-й граф Бристоль (1580—1653) — английский аристократ, политический деятель, роялист. Пользовался симпатией короля Якова I. Был английским послом в Испании в начале 1610-х гг. Играл ключевую роль в подготовке испанского брака наследника престола. На него была возложена вина в неудаче этой миссии, он был отозван в Англию и отправлен в собственное поместье. Взойдя на престол, Карл I предложил ему вернуться ко двору, если он признает свою вину. Отказавшись, Дигби был посажен в Тауэр, где пробыл до 1628 г. Убийство герцога Бекингема, противником которого он был, заставило Дигби пересмотреть свое отношение к королю. Обеспокоенный ростом радикализма Парламента, он предложил Карлу I свои услуги, и они примирились, однако прежнего доверия монарха Дигби себе не вернул. Во время политического кризиса начала 1640-х гг. Дигби

вместе со своим сыном Джорджем Дигби был доверенным советником короля. В 1641 г. Бристоль и лорд Бедфорд возглавили умеренных роялистов в Палате лордов. Когда началась Гражданская война, его заключили в тюрьму, хотя впоследствии ему удалось присоединиться к королю в Оксфорде. После поражения короля он бежал в Париж, где и умер I: 25; II: 83

Дигби Джордж, 2-й граф Бристоль (1612—1677) — английский политический деятель, член Палаты общин (1640—1641) и Палаты лордов (с 1641). Роялист. Амбициозность и непостоянство неоднократно порождали проблемы как для него самого, так и для королей, которым он служил I: 25, 48, 49, 126, 190, 282, 354, 371, 372, 388—390, 434, 469—471, 474; II: 28, 29, 40, 41, 50, 53, 56, 104—109, 112, 115, 131, 149—153, 160—162

Диллон Томас, 4-й виконт Диллон из Костлоу-Галлен (1615—1672) — представитель ирландской аристократии. Участник ирландского мятежа. Вместе со своим родственником Теобальдом Таффом был арестован Парламентом в 1641 г., бежал и присоединился к королю в Йорке I: 162

Дормер Роберт, 1-й граф Карнарвон (1610—1643) — английский пэр, роялист. Сын Роберта Дормера, 1-го барона Дормера, чей титул он унаследовал в 1616 г. В 1628 г. получил титулы виконта Аскотта и графа Карнарвона. Воспитывался в католической вере. Получил образование в Итоне и Оксфорде. Был азартным игроком и охотником и вместе с женой регулярно участвовал в придворных мاسках. Убит в первой битве при Ньюбери I: 221, 227, 228, 231, 238, 239, 256, 271, 276, 286, 287

Доунинг Кэлибьют (1604—1644) — английский священнослужитель, член Вестминстерской ассамблеи, юрист гражданского права. Перешел от абсолютистских политических взглядов в 1630-х гг. к обоснованию права на сопротивление властям в 1640-х гг. Начинал как англиканский священник. Автор «Письма Меркурия Цивикуса к Меркурию Рустикусу» (1643). Был капелланом полка лорда Робарта в парламентской партии. В ходе Вестминстерской ассамблеи примкнул к индепендентам. Скончался скоропостижно I: 104

Доусетт Авраам (?—1667) — по видимому, сторонник Парламента во время Гражданской войны в Англии. Королевский слуга. После казни короля был в числе тех, кто сопровождал его тело в Виндзор II: 330—332

Дрейк Фрэнсис, 2-й баронет Дрейк (1617—1662) — английский политический деятель. Заседал в Палате общин в разные годы в 1646—1662 гг. Сторонник Парламента во время Гражданской войны, полковник кавалерии в армии Парламента. Внучатый племянник вице-адмирала сэра Фрэнсиса Дрейка. Унаследовал титул баронета в 1637 г. от своего отца. В 1645 г. был назначен шерифом Девоншира II: 57, 61

Дуглас Анна (урожд. Вилльерс), леди Далкейт, графиня Мортон (ок. 1610—1654) — английская знатная дама, прославившаяся своей красотой, храбростью и преданностью короне. Ей была посвящена пьеса «Сесилия в Клоринда», написанная в первой половине XVII в. Дочь сэра Эдуарда Вилльерса, она была родственницей герцога Бекингема. В 1627 г. она стала женой Роберта Дугласа, лорда Далкейта, впоследствии графа Мортон. Стала крестной матерью и воспитательницей принцессы Генриетты, рожденной во время Гражданской войны, причем была вынуждена тратить на ее воспитание собственные средства. Переодешившись крестьянкой, бежала с принцессой во Францию через Дувр и прожила во Франции до смерти своего супруга в 1651 г., после чего уехала в Шотландию, где провела остаток жизни. Долгие годы она была близким другом Эдуарда Гайда, своего родственника по мужу I: 388

Дьюз (?—1643) — английский военный, капитан, затем полковник пехоты в полку сэра Генри Голланда. Роялист. Погиб при осаде Ридинга I: 185

Елизавета I (1533—1603) — последняя королева Англии из династии Тюдоров. Младшая дочь Генриха VIII от Анны Болейн. При ней Англия достигла могущества на международной арене и расцвета в экономической и культурной жизни I: 113, 172

Йоманс Роберт (?—1643) — английский купец из Бристоля, вступил в заговор с Джорджем Бучером с целью сдать

город роялистам. Был арестован, предстал перед судом, был осужден, повешен и четвертован I: 199

Кавендиш Уильям (1592—1676), 1-й маркиз Менсфилд, 1-й граф Ньюкасл (1628), позднее — 1-й маркиз Ньюкасл (1643) и 1-й герцог Ньюкасл (1665) — английский аристократ, энциклопедист, поэт, кавалерист, драматург, фехтовальщик, архитектор, политик, дипломат и военный. Получил посвящение в рыцари Ордена Бани. Ему было доверено обучение наследника, будущего Карла II. Был верным роялистом. Финансировал короля во время Епископских войн. Во время Гражданской войны был назначен генералом и сражался в Северной Англии. После поражения при Марстон-Муре Кавендиш против воли короля и принца Руперта отправился в изгнание, жил в Гамбурге и Париже. Вернувшись в Англию только после Реставрации, когда и получил титул герцога I: 52, 125, 145, 146—149, 152, 166, 168, 173, 180, 187, 196, 198, 267—269, 312, 316, 317, 327, 328, 334, 349—351, 379, 380, 382—385, 389, 474; II: 45, 77

Кавендиш Уильям, 3-й граф Девоншир (1617—1684) — английский политический деятель, антикварий. Старший сын Уильяма Кавендиша, 2-го графа Девоншира. Роялист. Был учеником Томаса Гоббса, путешествовал с ним за границей. Рыцарь Бани с 1625 г. Занимал видные государственные должности. Ярый роялист во время Гражданской войны. Был вынужден покинуть Англию в 1642 г., его владения были конфискованы. Вернулся в 1645 г., заплатив композицию Парламенту. В 1645 г. у него останавливался Карл I. После Реставрации вновь занял видные государственные посты I: 149

Кавендиш Чарльз (1620—1643) — второй сын Уильяма Кавендиша, 2-го графа Девоншира. Крестник принца Карла, назван в его честь. Путешествовал в Каир и Турцию, по возвращении служил в войсках принца Оранского. С началом Гражданской войны в Англии вступил волонтером в королевскую армию, отличился при Эджилле и Ньюарке. Был назначен главнокомандующим силами роялистов Ноттингемшира и Линкольншира в чине генерал-полковника. Сопровождал Генриетту Марию в Оксфорд

в 1643 г. Потерпел поражение от войск Кромвеля при Гейнсборо и пал от руки Джеймса Берри I: 149, 380

Кансфилд Джон (?—?) — английский военный времен Гражданской войны, подполковник в армии роялистов, возглавлял полк в ходе битвы при Незби I: 426, 429

Карденас Алонсо, де (?—?) — посол короля Испании в Лондоне в 1644—1655 гг. Противился попыткам Оливера Кромвеля заключить англо-испанский союз. Покинул Англию, когда началась Англо-испанская война. Позднее был посланником Филиппа IV при дворе в изгнании Карла II, в Брюсселе. В 1656 г. подписал Брюссельский трактат, согласно которому испанская корона заключала союз с британскими и ирландскими роялистами против их английских и французских врагов II: 138

Карр Джеймс (?—?) — шотландец, военный времен Гражданской войны в Англии, майор, затем полковник пехоты. Начальник гарнизона парламентских сил в Сайренсестере, при осаде которого роялистами был взят в плен I: 130, 399

Картерет Джордж (ок. 1610—1680) — английский военный и политический деятель. С юности служил во флоте. В 1641 г. стал инспектором королевского флота. Роялист. Будучи губернатором Джерси, предоставил на острове убежище принцу Карлу и его сторонникам и защищал остров от сторонников Парламента. Был изгнан во Францию, а оттуда — в Венецию. Пользовался дружбой графа Кларедона. После Реставрации получил ряд высоких должностей I: 141; II: 174

Кейпл Артур, 1-й барон Кейпл из Гадема (1608—1649) — английский политический деятель, заседал в Палате общин во время Короткого и Долгого Парламентов в 1640—1641 гг., пока не получил пэрство с титулом барона Кейпла. К началу 1642 г. стал открытым роялистом. С началом военных действий назначен генерал-лейтенантом Шропшира, Чешира и Северного Уэльса. Сопровождал королеву во время ее бегства по Францию в 1646 г. Помогал королю выбраться с острова Уайт. Во время второго этапа Гражданской войны был одним из главных лидеров роялистов, однако не добился успеха и в 1648 г. вместе с лордом

Нориджем сдался Ферфаксу при Колчестере. Бежал из Тауэра, но вновь был схвачен и казнен по приказу Парламента в 1649 г. После казни его сердце поместили в серебряный сосуд, который был преподнесен Карлу II I: 56, 57, 152, 322, 439, 451, 465; II: 16, 19, 25, 70, 91, 93, 115, 117, 125, 127, 144, 148, 152, 153, 161, 162, 164, 174, 207, 208, 210, 259, 297, 300, 301

Кемпбелл Арчибальд, 1-й маркиз Аргайл, 8-й граф Аргайл (1607—1661) — до 1638 г. лорд Лорн, глава клана Кемпбеллов, фактический глава правительства Шотландии во время Гражданской войны в Британии и самый влиятельный подданный Шотландского королевства, имевший в подчинении 20 000 человек. Ключевая фигура в движении шотландских ковенантеров. Часто упоминается как главный враг Джеймса Грэма, 1-го маркиза Монтроза I: 92, 331, 467, 468; II: 9, 252, 254—256, 274, 292, 294—297

Кемпбелл Джон, 1-й граф Лоуден (1598—1662) — шотландский политический деятель, сторонник Ковенанта. Унаследовал эрство от деда своей супруги, Маргарет Кемпбелл. В 1633 г. Карл I даровал ему графский титул. За поддержку Ковенанта и попытку призвать на помощь Людовика XIII Французского был арестован и заключен в лондонский Тауэр (1640). Был освобожден в обмен на обещание уговорить Ковенант распустиť армию, но тут же вернулся в шотландскую армию, действовавшую против короля. Неоднократно играл видную роль в переговорах сторон. С 1641 г. — лорд-канцлер Шотландии. Занимал ряд других должностей вплоть до Реставрации I: 91, 92, 167, 170, 173, 174, 451, 453, 454, 457, 458; II: 168

Кендалл Николас (ок. 1577—1643) — английский военный и политический деятель. Роялист. Заседал в Палате общин в 1625—1640 гг. Во время Гражданской войны майор корнуолльского полка пехоты в армии роялистов. Погиб при взятии Бристоля I: 250

Керзон Мэри, графиня Дорсет (1585—1645) — дочь и наследница сэра Джорджа Керзона. В 1612 г. стала супругой Эдуарда Сэквилла, 4-го графа Дорсета, который во время Гражданской войны был роялистом. В 1630 г. графиня Дорсет была назначена гувернанткой королевских детей II: 193

Киллигрю Генри (1596—1646) — представитель одной из ветвей корнуолльского семейства Киллигрю. Второй сын сэра Генри Киллигрю. Скончался от раны, полученной при чистке оружия в Сен-Мало, где и похоронен. Его сын, Генри Киллигрю, умер бездетным I: 399; II: 22, 174, 175

Киллигрю Генри (?—1644) — сын Генри Киллигрю (1596—1646), представитель одной из ветвей корнуолльского семейства Киллигрю. Майор в кавалерии роялистов, служил под началом Френсиса Доггертона. Погиб в одном из столкновений с силами Парламента в Сомерсетшире. Не оставил наследников I: 399

Киллигрю Уильям (1606—1695) — английский придворный при королях Карле I и Карле II, драматург. Член Парламента (1628). Участвовал в колонизации Бермудских островов. Во время Гражданской войны поддерживал короля. После Реставрации стал вице-камергером королевы. В 1664—1679 гг. — член Парламента от Йоркшира и Ричмонда. Автор нескольких пьес I: 68

Кинг Джеймс, 1-й лорд Эйтин (1589—1652) — шотландский военный, служил в шведской армии, а впоследствии поддерживал короля во время Епископских и Гражданской войн. В 1642 г., с началом Гражданской войны, получил титул лорда Эйтина и был отправлен на континент, чтобы набрать опытных солдат из европейских армий и достать военное снаряжение. Вернулся в Англию в свите Генриетты Марии. После ссоры между принцем Рупертом и Патриком Рутвеном Кинг, командуящий кавалерией, по приказу принца заменил последнего на посту командующего пехотой. В следующем же сражении армия потерпела поражение. Граф Ньюкасл и его старшие офицеры, в том числе Кинг, покинули службу у Руперта и отправились в изгнание в Гамбург I: 148, 385

Кларк Уильям (ок. 1623—1666) — английский политический деятель. Происхождение неизвестно. Получил юридическое образование. В 1661 г. был назначен военным секретарем. Перед этим около 12 лет служил секретарем у генерала Монка. После Реставрации и Кларк, и Монк оказались в большой милости у Карла II, и Кларк получил рыцарское звание. Погиб в морском

сражении в 1666 г. Так называемые «бумаги Кларка», документы, связанные с работой сэра Уильяма на протяжении 1623—1666 гг., представляют собой важный комплекс источников по истории эпохи и были опубликованы Ч. Г. Фиртом в конце XIX в., а затем Ф. Хендерсон в 2005 г. I: 375

Клинтон Теофил, 4-й граф Линкольн (ок. 1600—1667) — английский политический деятель, ярый противник Карла I накануне и во время Гражданской войны в Англии. Пуританин. Зять и политический сторонник Уильяма Финнза, 1-го виконта Сэя и Сила. За оппозицию королю был заключен в Тауэр. Как и тесть, участвовал в колонизации Северной Америки, куда эмигрировали его брат и сестра с мужем I: 323

Клиффорд Генри, 5-й граф Камберленд (1591—1643) — английский землевладелец, политик, член Палаты общин (1614—1622). В 1628 г. получил титул барона, а в 1641 г. унаследовал титул графа Камберленда. Закончил Оксфорд. В 1607 г. стал лорд-наместником Камберленда, Нортумберленда и Вестморленда. В 1621 г. стал хранителем свитков. Находился на стороне Карла I как во время Епископских войн, так и во время Гражданской войны — до самой своей смерти. Не оставил наследников мужского пола, и титул стал выморочным I: 52, 146, 147, 384

Клотворти Джон, 1-й виконт Массерен (?—1665) — английский землевладелец и политический деятель. Пресвитерианин. Активно участвовал в политической жизни страны как в период Гражданской войны, так и после Реставрации. В 1665 г. получил титул виконта Массерена II: 337

Коллеппер Джон, 1-й барон Торсви (ок. 1600—1660) — английский политик. Начал военную карьеру за границей. Возведен в рыцарское достоинство, заседал в Коротком и Долгом Парламентах в 1640 г., однако придерживался умеренных взглядов и в 1642 г. встал на сторону Карла I и получил должность канцлера Казначейства. Участвовал в сражении при Эджхилле. Был назначен начальником судебных архивов в декабре 1642 г. Был достаточно влиятельной фигурой в военных вопросах, что принесло ему нелюбовь принца Руперта и армии. В 1644 г. получил титул барона Коллеппера из Торсви. С Э. Гайдом был отправлен

опекать принца Уэльского в 1645 г. и после поражения роялистов вместе с ним покинул Англию. Вернулся после Реставрации в 1660 г. I: 29, 31, 270, 277, 354, 388, 389, 434, 436, 451; II: 16, 19, 16, 19, 20, 25, 40, 54, 67, 68, 70—72, 76, 84, 85, 91, 93, 98, 118, 125, 126, 128, 144—148, 152, 161, 163, 164, 167, 265, 283

Комптон Джеймс, 3-й граф Нортгемптон (1622—1681), лорд Комптон (1630—1643) — английский военный и политический деятель. Старший сын Спенсера Комптона, 2-го графа Нортгемптона. Член Палаты общин (1640—1642). Как и отец, был ярым роялистом, сражался в рядах кавалерии. После Реставрации получил должности лорд-наместника Уорвикшира (1660—1681) и констебля лондонского Тауэра (1675—1679) I: 157

Комптон Спенсер, 2-й граф Нортгемптон (1601—1643), лорд Комптон (1618—1630), барон Комптон (1626) — английский военный и политический деятель. Сын Уильяма Комптона, 1-го графа Нортгемптона. Рыцарь Бани (1616). Был близок к принцу Уэльскому, сопровождал его в Испанию. Заседал в Палате общин (1621—1622). Сражался на стороне роялистов в Гражданской войне. Убит в битве при Голтон Хит I: 155—157, 198, 375, 423, 424, 430

Конви Эдуард, 3-й виконт Конви и 3-й виконт Киллутах (1655), 1-й граф Конви (ок. 1623—1683) — представитель английской знати, англо-ирландский политический деятель и член Палаты лордов. После Реставрации стал членом Тайного совета и государственным секретарем Северного департамента I: 200, 202, 204, 268

Коньерс Джон, 1-й баронет Хорден (1587—1664) — английский военный и политический деятель, отпрыск старинного семейства из графства Дарем. В 1628 г. получил титул баронета. Командант Тауэра до 1643 г. I: 278

Копли Кристофер (?—?) — английский военный деятель времен Гражданской войны, полковник пехоты в армии Парламента II: 108, 337

Коритон Джон, 1-й баронет Коритон (ок. 1621—1680) — английский политический деятель, заседал в Палате общин в 1660—1680 гг. В 1662 г. получил титул баронета II: 22

Кортни Уильям, 1-й баронет Кортни (1628—1702) — английский военный и политический деятель. Роялист. В 1644 г. получил от Карла I титул баронета, к которому относился, впрочем, с пренебрежением и не получил патента. Во время Гражданской войны командовал пехотным полком. После Реставрации заседал в Парламенте в 1660 и 1685 гг., затем удалился от политики. В 1664 г. был шерифом графства Девон II: 42

Коттингтон Фрэнсис, 1-й барон Коттингтон (ок. 1597—1652) — английский придворный, политический деятель и дипломат. Он был лидером происпанской и прокатолической партии при дворе Карла I. В 1612 г. был назначен посланником в Севилье, а в 1616 г. — английским послом в Испании. В 1623 г. получил титул баронета. Несколько раз менял веру, но в душе, по-видимому, оставался правоверным католиком. В 1631 г. получил титул барона Коттингтона из Ханворта. Занимал различные придворные и государственные должности, высочайшей из которых была должность государственного казначея Англии (с 1643 г.). Был сторонником взимания налогов королем без согласия Парламента. В 1643 г. присоединился к королю в Оксфорде, а в 1646 г. подписал капитуляцию города. В 1648 г. присоединился в Гааге к принцу Карлу и стал одним из его советников. В 1649 г. Коттингтон вместе с лордом Кларендоном отправился в Испанию, чтобы достать денег на дело роялистов. Коттингтон остался в Испании и провел там остаток своих дней II: 259, 289—291

Крейвен Уильям, 1-й граф Крейвен (1608—1697) — представитель английской знати, военный. Его отец, Уильям Крейвен, родился в бедной семье в Северном Йоркшире, однако переехал в Лондон и в 1610 г. занял пост лорд-мэра. Уильям Крейвен был старшим сыном в семье, сражался за Фридриха V на континенте и влюбился в его жену, Елизавету Богемскую. Во время Английской гражданской войны он финансово поддерживал Карла I, брата своей возлюбленной. Вследствие этой помощи его владения в Англии — преимущественно в Беркшире, а также родовое поместье Кавершем-парк в Оксфордшире были

конфискованы. Возможно, именно из верности своей возлюбленной он так и не женился. После Реставрации Крейвен получил графский титул и ряд придворных должностей, а также земли в Каролине, одно из графств которой получило его имя. Заслужил уважение и любовь лондонцев во время чумы в 1665 г., оставшись в городе и помогая горожанам II: 193

Крейн Ричард, 1-й барон Крейн (?—1645) — английский дворянин, политический деятель, военный, ветеран королевской армии, командир лейб-гвардии принца Руперта. В 1643 г. ему был пожалован титул барона Крейна второй креации, после смерти баронета Роберта Крейна (?—1643), который был сторонником Парламента. Убит в одной из атак при осаде Бристоля I: 60

Крисп Николас, 1-й баронет Крисп (ок. 1599—1666) — английский политический деятель, занимался также международной торговлей, став основоположником торговли с Западной Африкой. Заседал в Палате общин в 1640—1641 гг., откуда был изгнан как монополист; был членом Совета торговли (с 1660 г.) и Совета иноземных плантаций (с 1661 г.). Получил титул баронета в 1665 г. I: 201

Крэнфилд Лайонел, 1-й барон Крэнфилд, 1-й граф Миддлсекс (1575—1645) — английский купец и политический деятель. Заседал в Палате общин (1614—1622), в 1622 г. получил титул барона Крэнфилда. Занимал видные государственные должности. В 1621 г. стал лорд-казначеем и получил титул графа Миддлсекса. В 1624 г. попал в немилость, потерял все занимаемые должности и на несколько дней оказался в заключении. В 1640 г. ему было возвращено членство в Палате лордов I: 119

Купер Антони Ашли, 2-й баронет Купер, 1-й граф Шефтсбери (1621—1683) — известный английский политический деятель, основатель партии вигов, покровитель Джона Локка. Член Парламента с 1639 г. В начале Гражданской войны встал на сторону короля, но в 1644 г. перешел на сторону Парламента. Не был сторонником политики Оливера Кромвеля. В 1660 г. сблизился с роялистами и был назначен одним из двенадцати членов Парламента, которые отправились в Гаагу, чтобы пригласить Карла II

вернуться в Англию. После Реставрации получил должность канцлера Казначейства. Пытался противостоять политике, которую проводил Эдуард Гайд, граф Кларендон. В 1672—1673 гг. занимал должность лорд-канцлера. Затем порвал с королем и возглавил оппозицию, участвовал в различных заговорах и в 1682 г. был вынужден бежать из Англии в Амстердам, где и скончался I: 276, 370

Кэри Генри, 1-й виконт Рочфорд, 1-й граф Дувр (ок. 1580—1666) — английский пэр, член Парламента (1609—1614). Сын Джона Кэри, 3-го барона Гансдона. Рыцарь Ордена Бани. С 1621 — виконт Рочфорд, с 1628 г. — граф Дувр. Спикер Палаты лордов в 1641 г. Во время Гражданской войны роялист, волонтер конной гвардии короля. В 1644—1646 гг. — полковник оксфордского полка I: 72

Кэри Джон, 2-й виконт Рочфорд, барон Гансдон, 2-й граф Дувр (1608—1677) — английский пэр, старший сын Генри Кэри, 1-го графа Дувра, с 1628 по 1666 г. носил титул виконта Рочфорда, в 1640 г. вошел в Палату лордов как барон Гансдон. Во время Гражданской войны сторонник Парламента, сражался в рядах кавалерии I: 72, 323

Кэри Люшес, 2-й виконт Фолкленд (ок. 1610—1643) — английский писатель и политический деятель. В юности некоторое время жил в Голландии. Участник и основатель интеллектуального «кружка Грейт-Тью». В 1633 г. унаследовал от отца титул виконта Фолкленда. Заседал в Палате общин с 1640 по 1642 г. В 1642 г. Э. Гайд убедил его принять пост министра, предложенный ему королем. В том же году Фолкленд вместе с Колпеппером и другими роялистами вышел из Парламента и присоединился к королю, надеясь на мирный исход конфликта. Сражался в Гражданской войне на стороне роялистов. Убит в первой битве при Ньюбери 20 сентября 1643 г. — вероятно, сам же искал смерти в гуще сражения I: 33, 34, 52, 57, 71, 95, 202, 204, 277, 287, 289, 291

Кэрю Александр, 2-й баронет Кэрю (1609—1644) — английский политический деятель времен Гражданской войны. Выступив на стороне Парламента, он стал членом комитета обороны Плимута, захваченного парламентскими войсками. В 1643 г. унаследовал титул баронета. После победы роялистов при Страттоне

в 1643 г. и захвата Бристольа тайно связался с ними и предложил сдать Плимут в обмен на помилование. О его намерениях стало известно, он был арестован и казнен по обвинению в предательстве дела Парламента I: 131, 133, 310

Ламберт Джон (1619—1684) — английский военный и политический деятель, генерал армии Парламента. В 1657 г. Кромвель отстранил его от власти. Автор «Инструмента правления», единственной кодифицированной конституции Британии. Активно участвовал в установлении режима Протектората. В 1659 г. вернулся в политику. В 1660 г. был арестован, бежал и безуспешно попытался остановить Реставрацию. Последние двадцать четыре года жизни провел в заключении — сначала на острове Гернси, затем на острове Дрейка II: 250, 279, 280, 286, 305, 307—309

Лангдейл Мармадюк, 1-й барон Лангдейл из Холма (1598—1661) — английский военный и политический деятель. Был шерифом Йоркшира в 1639 г. Отказался выплатить королю корабельные деньги, однако с началом Гражданской войны встал под его знамена и командовал кавалерией роялистов. В 1648 г. попал в плен, бежал и жил при дворе Карла II в изгнании. Принял католицизм. После Реставрации получил титул барона Лангдейла I: 420, 430; II: 28, 31, 35, 36, 62, 102, 103, 107, 109, 219, 222, 255—257, 268, 269, 272, 274—280, 287—289, 293, 305, 307, 309

Лансфорд Генри (1611—1643) — младший брат сэра Томаса Лансфорда, в полку которого служил с 1640 г. в чине подполковника. Находился в Ноттингеме, когда там был поднят королевский штандарт. Участвовал в битве при Шернборн-касле, а затем в битве при Эджхилле. Убит при осаде Бристольа I: 25, 247

Лансфорд Томас (до 1611—1656) — английский военный, ярый роялист эпохи Гражданской войны. Имел репутацию человека, который не боится ни Бога, ни людей. В 1633 г. бежал от английского правосудия на континент, вступил во французскую армию и стал полковником пехоты. В 1639 г., с началом Епископских войн, вернулся в Англию и предложил королю свои услуги. Получил прошение. Командовал пехотным полком

и был обласкан королем после битве при Ньюбери (1640). В 1641 г. на протяжении четырех дней — лейтенант лондонского Тауэра, затем — командир неофициальной королевской стражи в Уайтхолле. Участвовал в подавлении волнений в Лондоне. Попал в плен при Эджилле, был освобожден в 1644 г. и вновь присоединился к королю. В 1645 г. — губернатор Бристоля и Монмута. Вновь взят в плен при осаде Герефорда (1645), освобожден в 1648 г. и получил разрешение на переезд в Вирджинию с семьей, переехал туда, служил генерал-лейтенантом вирджинской милиции. Его братья, Герберт и Генри, также были офицерами роялистской армии I: 84

Латтерелл Томас (1583—1644) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны, представитель старинного английского рода Латтереллов. Владелец Данстер-касла. Член Палаты общин в 1625 г. Принял сторону Парламента в Гражданской войне и основал гарнизон в Данстер-касле. Чтобы не позволить роялистам бежать в Уэльс, приказал снять рули с кораблей в Майнхедской бухте. Его кузен Фрэнсис Уайндем убедил его сдать замок, который считался слишком хорошо укрепленным, чтобы взять его силой I: 223

Лаферте-Набер, маркиз, де, сеньор де Сен-Нектр, Анри I (1573—1662) — французский военный и дипломатический деятель. Лагерный маршал в битве за Ла-Рошель в 1622 г. и генерал-лейтенант Шампани, он был послом в Британии с 1634 по 1637 г., а затем — послом в Риме. Кавалер Ордена Святого Духа. Позднее занимал должность первого министра I: 112

Легг Уильям (1608—1670) — английский военный времен Гражданской войны, роялист. Сподвижник принца Руперта. Начинал военную карьеру в Европе. Во время Гражданской войны — полковник. Неоднократно попадал в плен. В 1644 г. был назначен временным губернатором Честера, затем, в 1645 г., Оксфорда. Сопровождал короля во время бегства на остров Уайт. За поддержку дела роялистов неоднократно оказывался в заключении. После Реставрации отказался от предложенного ему графского титула I: 190, 258; II: 82, 216, 218

Лей Джеймс, 3-й граф Малборо (1618—1665) — английский политический и военный деятель, математик, мореплаватель. Член Палаты общин. В 1638 г. унаследовал титул от своего отца. В 1643 г. — генерал артиллерии роялистов, в том же году назначен адмиралом королевского флота в Дартмуре. Основал английскую колонию в Сен-Круа. После Реставрации продолжил карьеру во флоте I: 236

Лейн Ричард, 1-й баронет Лейн (?—1668) — представитель ирландской знати I: 451

Лейни Бенджамин (1591—1675) — английский ученый и священнослужитель, епископ Илийский. Родился в Ипсвиче, закончил Кембридж в 1615 г. и получил сан в 1619 г. В 1632 г. он стал вице-канцлером Кембриджского университета. В 1643 г. он был лишен этого сана в результате посещения университета Эдуардом Монтегю, после чего он отправился в изгнание с принцем Уэльским. После Реставрации получил ряд епископских кафедр: Питерборо (1660), Линкольна (1663) и Или (1667) I: 455

Ленгхорн (вал. Лохерн) Роуленд (ок. 1607—1676) — представитель джентри Уэльса, выдающийся военный времен Гражданской войны в Англии. В юности был пажом Роберта Деверо, 3-го графа Эссекса. В 1642 г. он, как и многие представители джентри Пемброкшира, присоединился к войску Оливера Кромвеля и в следующие несколько лет показал себя успешным военачальником. В 1646 г. был назначен главнокомандующим четырех графств Уэльса. Вскоре был обвинен в связях с роялистами и до 1649 г. сражался уже против Парламента, пока не был вынужден сдаться. Был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной штрафом. 1650-е гг. провел в тюрьме и был практически разорен. После Реставрации был избран в Парламент и получил скромную пенсию I: 460

Ленев Уильям (ок. 1600—1661) — королевский герольд (1635), антиквари и коллекционер. В 1625 г. вместе с Генри Сент-Джорджем сопровождал будущую королеву Генриетту Марию во время ее путешествия в Англию. Участвовал в первой Епископской войне, а затем в Гражданской войне на стороне короля. Лишен своих должностей в 1646 г.

Дважды (в 1658 и 1661 гг.) был объявлен сумасшедшим. Не был женат I: 80

Леннард Фрэнсис, 14-й барон Дакр (1619—1662) — английский политический деятель. Член Палаты лордов I: 323

Ленталл Уильям (1691—1662) — английский политический деятель времен Гражданской войны. С 1640 г. — член Палаты общин. Занимал пост начальника судебных архивов. Был спикером Нижней палаты Парламента (1640—1653). Во время Гражданской войны был сторонником Парламента, однако поддержал Реставрацию I: 126, 320

Лесли Александр, 1-й граф Ливен (ок. 1580—1661) — внебрачный сын Джорджа Лесли, капитана Блэр-касла в Шотландии. Получил весьма слабое образование и считался неграмотным. Выбрал военную карьеру, сражался в голландской, а затем шведской армии, причем в последней — около тридцати лет, где и заработал репутацию лучшего солдата из Шотландии. В 1638 г. вернулся в Шотландию и возглавил армию Ковенанта, добившись значительных успехов. Король, чтобы добиться его верности, даровал ему титул графа Ливена и лорда Болгони. Однако в 1644 г. Ливен привел войска, чтобы сражаться на стороне Парламента, и действовал весьма успешно, хотя и неохотно подчинялся приказам английского Парламента. В 1648 г. возглавил шотландскую армию, противостоявшую вторгшимся войскам Кромвеля. В 1651 г. отказался участвовать в походе шотландско-роялистской армии Карла II, однако был арестован вместе с другими военачальниками и пребывал в заключении до 1654 г. I: 91, 306, 322, 380; II: 106

Лесли Дэвид, 1-й лорд Ньюарк (ок. 1600—1682) — кавалерийский офицер, позднее — генерал в эпоху Гражданских войн в Англии и Шотландии. Сын Патрика Лесли, 1-го лорда Линдorsa. С 1630 г. сражался на стороне шведской армии в Тридцатилетней войне в чине капитана в полку Александра Лесли, будущего графа Ливена. Был одним из шотландцев, перешедших на русскую службу в 1632 г. и сражавшихся в Смоленской войне. Уже в чине полковника вернулся на шведскую службу в 1634—1640 гг. и уволился по ранению, по-видимому, чтобы на родине принять участие в Епископских войнах против Карла I,

но прибыл лишь после их окончания. В Гражданской войне сражался в шотландской армии графа Ливена вместе с английскими парламентскими силами. Сыграл заметную роль в битве при Марстон-Муре. В 1645 г. был отозван в Шотландию, чтобы противостоять там роялистам в ходе Шотландской гражданской войны. Когда шотландский Ковенант поддержал Карла II, оказалось, что Лесли сражается на стороне короля. Он преследовал силы Кромвеля, которому не удалось взять Эдинбург, и взял в плен 11 000 английских солдат, но потерпел поражение в битве при Дунбаре в 1650 г., бежал с остатками своей армии и присоединился к Карлу II под Стирлингом. Возглавил вторжение роялистов в Англию в 1651 г. и вновь был разбит при Вустере, оказался в плену и был заключен в Тауэр. Был освобожден лишь после Реставрации в 1660 г. и Карл II пожаловал ему титул лорда Ньюарка, который в 1682 г. унаследовал его сын II: 67, 78, 103, 106

Летранж Роджер (1616—1704) — английский политический деятель, тори, журналист и памфлетист. Как и все члены его семьи, был ярым роялистом. В 1639 г. сопровождал Карла I в военном походе в Шотландию. В начале Гражданской войны находился в Линне, губернатором которого был его отец; удерживать город они не смогли. Затем отправился в Оксфорд и служил в отряде принца Руперта. В 1648 г. Летранж укрылся в Кенте, в доме Джона Хейлса, вместе с сыном которого попытался организовать восстание в Кенте против Парламента. В 1653 г. он был в Германии, откуда переписывался с Э. Гайдом. В том же году вернулся в Англию, где публиковал памфлеты в поддержку монархии II: 262—264, 267, 268

Ли Фрэнсис, 1-й граф Чичестер (1598—1653) — английский придворный и политический деятель, роялист во время Гражданской войны. В 1618 г. по случаю своего бракосочетания с племянницей герцога Бекингема получил титул баронета. Заседал в Парламенте в 1625—1642 гг. Был приближенным лорда Брука, и в 1628 г. Карл I даровал ему титул барона Дансмора из графства Уорвик. Заседая в Коротком Парламенте, Ли выступил против короля, а после его роспуска активно выступал за созыв

нового (Долгого) Парламента. Тем не менее осенью 1640 г. он был отправлен встречать шотландских посланников в Рипоне, и впоследствии его оппозиция короне смягчилась — вследствие как воинственности противников короля, так и личного благоволения к нему Карла I. Ли был назначен советником короля, а с началом Гражданской войны на собственные средства снарядил отряд из 40 конников и стал полковником кавалерии роялистов. В 1644 г. король в благодарность за верность даровал Ли титул графа Чичестера. В 1643—1646 гг. Ли занимал ряд придворных должностей. Был тестем Томаса Ризли, 4-го графа Саутгемптона, который после его смерти унаследовал и титул графа Чичестера I: 451

Ливингстон Джеймс, 1-й граф Календер (ок. 1590—1674) — шотландский офицер, роялист. Третий сын Александра Ливингстона, 1-го графа Линлитгоу. В молодости сражался в голландской армии под командованием своего брата, Генри Ливингстона. К 1629 г. стал подполковником шотландского полка, в 1633 г. — полковник голландской армии. Служил также Якову I Английскому и его сыну Карлу, в 1633 г. получив титул лорда Ливингстона из Алмонда. Сославшись на необходимость лечения, избежал участия в шотландских войнах и уехал в Голландию, поскольку после того, как поддержал было короля, заявил затем о своем пресвитерианстве. В 1633 г. получил титул графа Календера. В 1644 г. служил под началом графа Ливена. Участвовал во многих предприятиях роялистов, снова бежал в Голландию. В 1650 г. получил разрешение вернуться в Шотландию, но был взят под стражу. Вернул себе положение в обществе после Реставрации. Не оставил наследников, и его титул перешел его племяннику Александру Ливингстону, второму сыну Александра Ливингстона, 2-го графа Линлитгоу I: 92

Ливингстон Джеймс, 1-й граф Ньюборо (1622—1670) — шотландский пэр, заседал в Палате общин английского Парламента (1661—1670). Единственный сын Джона Ливингстона, 1-го баронета Ливингстона, титул которого он унаследовал в 1628 г. Роялист. В 1642—1646 гг. путешествовал по Франции. В 1646 г. присоединился к королю Карлу I

в Ньюкасле, получил титул виконта Ньюборо. В 1648 г. женился на леди Обиньи, вдове Джорджа Стюарта. Вместе с женой они строили планы по освобождению короля, но были вынуждены бежать в Нидерланды. В 1650 г. присоединился к Карлу II, заседал в шотландском Парламенте. В 1656—1658 гг. — полковник в испанской армии. После Реставрации получил титулы графа Ньюборо, виконта Киннэйра и лорда Ливингстона II: 347, 348

Лик Фрэнсис, лорд Дейнкорт, 1-й граф Скарсдейл (ок. 1581—1655) — представитель английской аристократии, роялист. В 1611 г. получил титул баронета, в 1624 г. — лорда Дейнкорта (д'Эйнкорта) из Саттона. В 1643 г. был взят в плен сторонниками Парламента, которые захватили штурмом его укрепленный дом в Саттоне. Двое из его сыновей, сражаясь под его командованием, погибли в битве при Лэнсдауне в 1643 г. В 1645 г. он получил титул 1-го графа Скарсдейла. Он был настолько поражен казнью короля, что, одевшись во власяницу, за несколько лет до смерти приготавил себе могилу и ложился в нее каждую пятницу, погружаясь в молитвы и размышления о божественном I: 56—58

Лилберн Джон (1614—1657) — английский политический деятель времен Гражданской войны. Лидер левеллеров. Анабаптист. Участвовал в Гражданской войне на стороне Парламента. Отличился в военных действиях. При формировании армии нового образца покинул военную службу, не желая присягать Ковенату. Сначала поддерживал партию индепендентов, затем стал идеологом радикальной партии левеллеров. Несколько раз оказывался в заключении. В 1654 г. примкнул к квакерам II: 197

Лилл Джордж (?—1648) — английский военный и политический деятель. Роялист. Расстрелян по решению военного полевого суда парламентской армии I: 427; II: 299, 300

Линдси Людовик, 16-й граф Кроуфорд (1600—1652) — шотландский государственный деятель периода английской Гражданской войны, роялист, один из наиболее последовательных сторонников короля Карла I. В 1644 г. был взят в плен шотландскими парламентскими войсками в Ньюкасле и приговорен

к смертной казни. Однако приговор не был приведен в исполнение, и в 1645 г. он был освобожден войсками роялистов маркиза Монтроза. Кроуфорд вступил в армию Монтроза и был назначен командующим кавалерией роялистов I: 234, 236, 321; II: 35

Литтлтон Эдуард, 1-й барон Литтлтон (1589—1645) — английский юрист и политический деятель. Член Палаты общин в разные годы с 1614 г. Принадлежал к партии противников короля, однако Карл привлек его на свою сторону, сделав генеральным стряпчим. В 1640 г. стал главным судьей Суда общих тяжб, а в 1641 г., после бегства Джона Финча, стал лорд-хранителем Большой королевской печати. В 1642 г. отказался приложить печать к приказу об аресте пяти членов Парламента, однако с началом Гражданской войны присоединился к королю в Йорке I: 451

Ловлас Джон, 2-й барон Ловлас (1616—1670) — английский политический деятель, ярый роялист времен Гражданской войны. Был приговорен к заключению сторонниками Парламента и был вынужден выплатить значительную сумму выкупа. После Реставрации получил должность лорд-наместника Беркшира I: 268

Лонг Томас (?—?) — английский военный деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны. Полковник пехоты, шериф Уилтшира. Командовал Дублинским замком, сдал его сэру Хардрессу Уоллеру в 1659 г. Затем служил в совете офицеров Дублина I: 466; II: 14

Лоули Джон (?—1643) — английский военный времен Гражданской войны. Полковник пехоты в армии роялистов, получивший чин генерал-майора от лорда Герберта из Раглана. Во время сражения за Коулфорд вместе с двумя другими офицерами был убит выстрелом из окна I: 159

Лукас Гервасий, 1-й баронет Лукас из Фентона (1611—ок. 1668) — английский военный и политический деятель. Роялист. Во время Гражданской войны сражался под знаменами короля. Получил титул баронета в 1644 г. Был комендантом Бельвуар-касла. В 1666—1667 гг. — губернатор Бомбея. Не оставил наследников, и после его смерти титул стал выморочным II: 113

Лукас Джон, 1-й барон Лукас из Шенфилда (1606—1671) — английский землевладелец и промышленник. Роялист. Сын сэра Томаса Лукаса и Элизабет Лейтон. Как и его старший и младший братья, сэр Томас Лукас и сэр Чарльз Лукас, был офицером роялистской армии. Брат Маргарет Кавендиш. Одним из первых стал активно выступать в поддержку роялистов, и уже в 1642 г. его поместье в Колчестере было разграблено. В начале Гражданской войны был захвачен в плен сторонниками Парламента, но бежал и сражался за короля в битве при Незби. В 1645 г. получил титул барона Лукаса из Шенфилда. В 1655 г. вновь был посажен в тюрьму сторонниками Парламента и вышел оттуда лишь незадолго до Реставрации. В 1663 г. был избран одним из первых членов Лондонского королевского общества, из которого, возможно, был исключен в 1666 г. Не оставил наследников мужского пола и передал свой титул своему племяннику, Чарльзу Лукасу I: 45; II: 300

Лукас Чарльз (1613—1648) — английский военный времен Гражданской войны. Роялист. Начинал военную карьеру на континенте. Командовал отрядом кавалерии Карла I во время Епископских войн. Во время Гражданской войны сформировал кавалерийский полк, разбивший Миддлтона при Лэдбери. По рекомендации принца Руперта Лукас стал генерал-лейтенантом северной армии герцога Ньюкасла. Несколько раз оказывался в плену и в конечном счете принес клятву не поднимать оружие против Парламента. Нарушил слово, вновь оказался в плену и был казнен военно-полевым судом армии Парламента I: 242; II: 156, 299, 300

Льюис Уильям, 1-й баронет Льюис (1598—1677) — английский политический деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны. Заседал в Палате общин в разные годы с 1640 по 1677 г. Губернатор Портсмута в 1642—1643 гг. II: 194

Лэнгем Джон, 1-й баронет Лэнгем (1584—1671) — внук йомена из Нортгемптоншира. Был помощником турецкого торговца и провел много лет на Ближнем Востоке. Вернувшись, стал видным членом Левантийской и Ост-Индской компаний и одним из богатейших

лондонских купцов. В 1639 г. приобрел поместье. Шериф Лондона (1642—1643), олдермен (1642—1649). Был ярым пресвитерианином, командовал обозами парламентской армии во время Гражданской войны. Был противником армии Нового образца, за что в 1647 г. оказался в Тауэре. Во времена республики снабжал деньгами роялистов. Был связан с группой в лондонском Сити, подготовившей Реставрацию монархии. Король вновь сделал его олдерменом I: 102

Маддифорд — вероятно, имеется в виду Фрэнсис Фулфорд (ок. 1583—1664), английский политический деятель, заседавший в Палате общин в 1625 г. Упоминание о семействе Фулфорд впервые встречается в период правления короля Ричарда I, и эта фамилия была латинизирована как *de Turpi Vado*, что можно перевести и как «грязный брод» (англ. «muddy ford»). В 1642—1643 гг. был шерифом графства Дорсет. Роялист во время английской Гражданской войны. В 1645 г. сдал замок Фулфорд Томасу Ферфаксу. Его старший сын был убит во время Гражданской войны II: 22

Мазарини Джулио (1602—1661) — церковный и политический деятель и первый министр Франции в 1643—1651 и 1653—1661 гг. Заступил на пост по протекции королевы Анны Австрийской. В 1639 г. перешел на французскую дипломатическую службу. По протекции Ришелье в 1641 г. стал кардиналом. По предсмертной просьбе кардинала Ришелье король Людовик XIII назначил Мазарини также членом Королевского совета (1642) I: 315; II: 137, 138, 150, 151, 153, 166, 167

Макворт Фрэнсис (?—?) — английский военный деятель. Роялист, во время Гражданской войны командовал кавалерийским полком. В 1644 г. был назначен начальником гарнизона Таунтона II: 45, 46

Макдонелл Александр, 3-й граф Антрим (1615—1699) — ирландский пэр и военный деятель, католик. Сын Рендала Макдонелла, 1-го графа Антрима, и брат Рендала Макдонелла, 2-го графа Антрима. В 1641 г. сражался с войсками Кромвеля в Ирландии и вскоре стал одним из предводителей ирландской армии. В 1652 г. его земли были

конфискованы, но после Реставрации он получил их назад. После смерти брата в 1683 г. унаследовал графский титул. Во время Славной революции поддерживал династию Стюартов, был лишен титула, восстановленного лишь в 1697 г. I: 467—472

Макдонелл Рендал, виконт Данлюс, 1-й маркиз Антрим, 2-й граф Антрим (1609—1683) — представитель шотландской знати, владевший землями в Шотландии и Ирландии, католик. Сын Рендала Макдонелла, 1-го графа Антрима, и брат Александра Макдонелла, 3-го графа Антрима. Предводитель клана Макдонеллов из Антрима. Соперничество этого клана с кланом Кемпбеллов определило ряд поворотов его жизненного пути. В 1635 г. женился на католичке Кэтрин Мэннерс, вдове 1-го герцога Бекингема. Этот брак упрочил его положение при дворе, и Макдонелл подружился с такими ведущими политиками эпохи, как герцоги Леннокс и Гамильтон. Ирландское восстание 1641 г. усложнило его положение; он пытался сохранять нейтралитет, претендуя на роль посредника между ирландскими роялистами и католиками. В период Гражданской войны до 1647 г. держал сторону короля, активно участвуя в политических интригах в Англии, Шотландии и Ирландии; в 1649 г. вступил в переговоры с Кромвелем (успеху которых немало способствовал его новый брак с ирландской протестанткой Роуз О'Нил, заключенный в 1652 или 1653 г.) и присоединился к войску Айртона, а затем вернулся в Англию, получив за конфискованные земли денежное возмещение и имения в графстве Майо. После Реставрации прибыл в Лондон, чтобы заявить о верности королю, но был арестован и заключен в Тауэр, где оставался до весны 1661 г. В 1665 г., благодаря заступничеству королевы-матери, он получил окончательное прощение и вернулся свои ирландские владения I: 467—472

Манверинг Генри (1587—1653) — английский юрист, писатель, военный, моряк и политический деятель. Заседал в Палате общин (1621—1622). Некоторое время был пиратом в Ньюфаундленде, в 1616 г. получил прощение и стал офицером королевского флота. В 1618 г. опубликовал книгу о пиратах, в которой объяснял причины, по которым человек

может стать пиратом. К моменту, когда Манверинг покинул флот в 1639 г., он дослужился до чина вице-адмирала. Во время Гражданской войны в Англии поддерживал короля. После поражения роялистов был изгнан во Францию и умер в нищете I: 122

Мартин Генри (1602—1680) — английский юрист и политический деятель. Заседал в Палате общин дважды с 1640 по 1653 г., был членом Короткого и Долгого Парламентов. Ярый республиканец. Во время Гражданской войны не выходил на поле боя, хотя и был назначен комендантом Ридинга, сосредоточившись на активной политической деятельности. В 1643 г. был изгнан из Парламента за распространение идей о необходимости устранить королевскую семью и упразднить монархию. Один из цареубийц короля Карла I, однако избежал казни после Реставрации монархии и был изгнан на север Англии, затем в Уэльс I: 94, 181, 197, 466

Маршал Стивен (ок. 1594—1655) — английский священник-нонконформист и богослов. Закончил Кембридж. Некоторое время служил в Эссексе, в Уэстерфилде. Был влиятельным проповедником. Его проповеди отличались страстностью и красноречием. Наиболее известна его проповедь на смерть Джона Пима в 1643 г. Оказал значительное влияние на выборы в Парламент 1640 г. — по мнению Кларендона, даже большее, чем Уильям Лод со стороны роялистов. Был назначен полковым капелланом полка графа Эссекса в 1642 г. и членом Вестминстерской ассамблеи в 1643 г. Представлял английский Парламент в Шотландии в 1643 г. и был членом парламентских комиссий на Аксбриджской конференции в 1645 г. Находился при архиепископе Лодде перед казнью, был капелланом Карла I в Холмби-хаус и Карисбрук-касле. Участвовал в написании Вестминстерского краткого катехизиса в 1647 г. и был одним из судей в 1654 г. Был похоронен в Вестминстерском аббатстве, однако после Реставрации захоронение было вскрыто, а его останки осквернены I: 248, 455; II: 184

Масгрейв Филип, 2-й баронет Масгрейв (1607—1678) — английский политический и военный деятель, землевладелец Камберленда

и Вестморленда. Роялист. Заседал в Палате общин в 1640—1643 и 1661—1678 гг. Во время Гражданской войны служил в армии роялистов. Ему было предложено первство с титулом барона Масгрейва, которое он отклонил II: 103, 255—257, 274—280, 286, 294, 295

Масси Эдуард (?—1674) — английский профессиональный военный. Начинал военную карьеру на континенте, в голландской армии. В 1639 г. вернулся в Англию, чтобы участвовать в Епископских войнах на стороне короля. Строгие пресвитерианские взгляды заставили его встать на сторону Парламента, и в 1642 г. он был назначен подполковником в армию графа Стемфорда, а в 1643 г. получил чин полковника и должность начальника глостерского гарнизона. Заседал в Палате общин в разные годы в 1646—1674 гг. Участвовал в борьбе между пресвитерианами и индепендентами. После казни Карла I перешел на сторону роялистов и сражался за Карла II. Во время Междоусобия боролся за дело роялистов. После Реставрации был посвящен в рыцари и принимал активное участие в общественной жизни как в качестве члена Парламента, так и в военных и административных делах I: 258—260, 279, 294, 365, 372; II: 10, 186, 194, 337

Массю Анри, де, 1-й маркиз де Руви́ньи (1603—?) — французский военный и политический деятель. В 1674—1677 гг. был послом французского короля при английском дворе II: 143

Мейнард Джон (1602—1690) — английский юрист и политический деятель. Член Палаты общин с 1640 г., Мейнард был пресвитерианином. В 1643 г. участвовал в Вестминстерской ассамблее. После Реставрации служил короне II: 232, 233

Мейтленд Джон, 2-й граф и 1-й герцог Лодердейл (1616—1682) — шотландский и английский военный и политический деятель. В 1638 г. участвовал в шотландском Ковенанте против Карла I и был сторонником Парламента во время Гражданской войны. В 1649 г., однако перешел на сторону Карла II, которого сопровождал при высадке в Шотландии в 1650 г. Попал в плен в битве при Вустере (1651) и был освобожден лишь Монком в 1660 г. После Реставрации стал государственным секретарем Шотландии

и пользовался значительным влиянием на короля I: 451; II: 253, 254, 286, 291

Мелдрем Джон (?—1645) — шотландский профессиональный военный. О его происхождении, равно как и о ранних годах жизни, ничего не известно. Служил в Ольстере в 1610—1613 гг. и в Нидерландах в 1613—1622 гг. За службу в Ирландии получил земли в графстве Ферманagh и рыцарское достоинство от короля Якова I. Умножил свое состояние на принадлежавших ему маяках. В 1627 г. участвовал в злополучной экспедиции Бекингема в Ла-Рошель. Затем несколько лет служил в армии Густава Адольфа. Когда началась английская Гражданская война, встал на сторону Парламента, изложив свою позицию в открытом письме. Участвовал во многих битвах Гражданской войны. Смертельно ранен при осаде Скарборо-касла I: 334

Мелос Франсиско, де, граф Ассумар (1597—1651) — португальский дворянин, военный и политический деятель. В 1632—1636 гг. — испанский посол в Генуе, в 1638 г. — вице-король Сицилии, в 1640 г. — посол в Вене, в 1641—1644 гг. — губернатор Южных Нидерландов. Известен поражением в битве при Рокруа в 1643 г., которое стало одним из ключевых моментов заката Испанской империи и заставило забыть его победу в сражении при Оннекуре в 1642 г. I: 112

Мервин из Триллика Одли (ок. 1603—1675) — англо-ирландский юрист, военный и политический деятель. Член ирландского Парламента (1661—1666). К 1640 г. стал капитаном армии Томаса Уэнтворта, 1-го графа Страффорта. До 1661 г. служил в армии, получил чин полковника I: 163

Миддлтон Джон (ок. 1608—1674) — шотландский военный. Начинал военную службу как наемник на континенте. В Епископских войнах участвовал уже в чине капитана. Во время Гражданской войны служил в парламентской кавалерии, возглавив собственный полк, сначала в армии графа Эссекса, затем — в оксфордской армии. В 1645 г. вернулся в Шотландию и стал генерал-майором армии Ковенанта, сражался против армии Монтроза. Поддержал договоренность между Карлом I и шотландцами, был разбит и взят в плен Кромвелем. С этого момента поддерживал роялистов,

войдя в армию Карла II и сопровождая его в изгнании. Был сторонником сэра Эдуарда Гайда. После Реставрации получил ряд должностей в Шотландии I: 242, 398, 399, 411, 418, 422

Миттон Томас (ок. 1597—1656) — английский военный времен Гражданской войны в Англии, полковник в армии Парламента. С 1643 г. состоял в армии Кромвеля и сразу занял в ней достаточно заметное положение. Проявил себя как способный и удачливый военачальник. Получил обширные земли из числа конфискованных Парламентом у сторонников короля I: 460

Мойл Натаниэл (?—1643) — английский военный. Роялист. Участвовал в Епископских войнах в чине лейтенанта пехоты. Подполковник кавалерии в армии роялистов во время Гражданской войны. Погиб при взятии Бристоля I: 247

Монморанси Анри II, де, герцог (1595—1632) — французский аристократ и политический деятель, адмирал Франции, вице-король Новой Франции, губернатор Лангедока. Участвовал в войнах с протестантами. Маршал Франции с 1630 г. Вступил в заговор с Гастоном Орлеанским, братом короля, против кардинала Ришелье и казнен по обвинению в государственной измене II: 138

Монро Джордж (1602—1693) — английский военный и политический деятель. Представитель шотландского клана Монро. Воевал на континенте; в 1629—1634 гг. был офицером шведской армии во время Тридцатилетней войны. С 1642 г. сражался на стороне шотландского Ковенанта, но в 1648 г. перешел на сторону роялистов. В 1649 г. посещал Карла II в Голландии и был посвящен в рыцари. Активно участвовал в организации роялистских волнений в стране. После Реставрации в 1674—1677 гг. командовал королевской армией. В разные годы с 1661 до 1693 г. был членом Палаты общин II: 293—296

Монтгомери Джеймс (?—?) — англо-ирландский военный, полковник пехоты, возглавлял полк, набранный в Ульстере I: 163

Монтегю Сидни (?—1644) — английский политический деятель, в 1593—1642 гг. — член Палаты общин. Роялист. В 1642 г. изгнан из Парламента и заключен в Тауэр I: 119

Монтегю Уолтер (ок. 1603—1677) — английский придворный, секретный агент (известный как Дэвид Катлер), аббат бенедиктинского монастыря в Нантей. В 1624 г. его пригласил на дипломатическую службу Джордж Вилльерс, герцог Бекингем. До 1633 г. работал как секретный агент во Франции. В 1629 г. опубликовал пасторальную пьесу, благодаря которой его заметили при дворе. Затем вновь вернулся на континент в качестве атташе в парижском посольстве. Перешел в католицизм. В Англии на некоторое время вошел в хаусхолд королевы. Когда в начале Епископских войн королева решила собрать деньги для помощи католикам, именно Монтегю и сэру Кенелму Дигби был поручен сбор средств. С началом Гражданской войны он уехал во Францию, где вступил в орден бенедиктинцев. К нему благоволила Мария Медичи, при дворе которой он жил. Впоследствии стал капелланом Генриетты Марии в Лувре. Последние годы жизни провел в парижском госпитале I: 314

Монтегю Эдуард, 1-й барон Монтегю из Боутона (1563—1644) — английский политический деятель. Член Парламента от различных округов в разные годы. В 1595—1596 гг. — шериф Нортгемптоншира. Во время коронационных торжеств Якова Стюарта в 1603 г. стал рыцарем Бани. Во время Гражданской войны поддерживал Карла I, за что в 1642 г. был арестован и заключен в Тауэр. Скончался в заточении I: 43, 44

Монтегю Эдуард, виконт МанDEVИЛЛ, барон Монтегю из Кимболтона (1626), 2-й граф Манчестер (1602—1671) — старший сын Генри Монтегю (ок. 1564—1642), 1-го графа Манчестера (1623). Племянник барона Монтегю из Боутона. Заседал в Парламенте в 1624—1626 гг., возведен в рыцарское достоинство во время коронации Карла I в 1626 г.; по протекции герцога Бекингема получил титул барона Монтегю из Кимболтона в 1626 г., а также виконта МанDEVИЛЛА, когда его отец стал графом Манчестером. В 1642 г. унаследовал титул отца. Поддерживал Джона Пима. После начала Гражданской войны принял командование полком пехоты в парламентской армии графа Эссекса. Полк бежал во время битвы при Эджилле, был расформирован, и МанDEVИЛЛ занимал различные должности в Лондоне.

В 1643—1644 гг. участвовал в сражениях Гражданской войны в различных регионах. Противился казни короля. С 1650 г. удалился от публичной жизни. С 1659 г. участвовал в организации Реставрации Стюартов. В 1660 г. назначен спикером Палаты лордов, приветствовал Карла II по его прибытии в Лондон. Занимал пост лорд-камергера. Вплоть до своей смерти оставался опорой реставрированной монархии I: 44, 66; II: 183

Монтрель Жан, де (1612/1614—1651) — французский церковный деятель и дипломат. Был секретарем принца де Конти, затем — секретарем посольства в Рим, Лондон и Шотландию в 1648 г. Член Французской академии (1649). Посланник французского двора в Лондон, через которого королева передавала советы королю II: 139, 140, 153—155

Мори Роберт (1608/1609—1673) — шотландский военный и государственный деятель, дипломат, судья, шпион. Был франкмасоном и натурфилософом. Роялист. С 1643 г. — командир шотландской гвардии. Был одним из тех, кто в 1651 г. убедил принца Уэльского короноваться в Сконе шотландской короной. После этого события занял ряд государственных должностей при новом монархе. После Реставрации был одним из основателей Королевского общества II: 139

Мориц Оранский, Мориц Нассауский (1567—1625) — принц Оранский, граф Нассауский, сын Вильгельма I, положившего начало независимости Нидерландов. Штаб-галтер Голландии, Зеландии, Гелдерланда, Гронингена и Оверзисела. Основатель новой тактической школы начала XVII в., предшественник Густава-Адольфа в развитии полевого военного искусства и Вобана — в развитии военно-инженерного искусства. Благодаря его военным походам сложились практически все современные границы Нидерландов I: 71; II: 205, 265, 266, 291, 311—313, 341, 342

Мориц Пфальцский (1620—1652), принц — брат принца Руперта Пфальцского, четвертый сын курфюрста Пфальцского Фридриха V и дочери короля Якова I Стюарта Елизаветы. Вместе с братом участвовал в английской Гражданской войне на стороне своего дяди, Карла I. Был ранен в битве при Поуик Бридж и сражался при Эджилле. В 1643 г.

командовал армией в Глостершире, выиграл сражения при Риппл Филд и при Раундуэй-Даун. Затем вновь сражался под знаменами своего брата, в том числе в битве при Незби. Изгнанный вместе с братом в 1646 г., он служил во французской армии во Фландрии, но в 1648 г. вновь присоединился к Руперту, став вице-адмиралом его флота. В 1649 г. в изгнании стал рыцарем Ордена Подвязки. В 1652 г. утонул во время урагана на пути в Вест-Индию I: 48, 159, 161, 186, 187, 220—222, 224, 227, 230, 231, 236, 238, 243, 251, 254, 256, 268, 271, 272, 276, 277, 309, 311, 339, 353, 361, 371, 372, 378, 388, 395, 399, 413, 416, 418, 419, 421, 425, 428; II: 36, 50, 56, 104—106, 109, 110, 273

Морли Герберт (1616—1667) — английский политический деятель, заседал в Палате общин в разные годы с 1640 по 1667 г. Сражался в армии Парламента во время Гражданской войны. Был назначен лейтенантом лондонского Тауэра. После Реставрации получил прощение и в 1661 г. был избран в Кавалерский Парламент, где заседал вплоть до своей смерти I: 404

Морли Джордж (1598—1684) — английский церковный деятель. За поддержку роялистов и несогласие с религиозной позицией Парламента был лишен своего прихода и был вынужден покинуть Англию. Присоединился ко двору в изгнании Карла II и стал одним из выдающихся клириков Гааги. Незадолго до Реставрации вернулся в Англию, где успешно добился поддержки Карла среди пресвитериан. В 1660 г. стал епископом Вустера, а с 1662 г. — Винчестера II: 185

Моррис Джон (ок. 1617—1649) — выдающийся английский военный деятель, блестящий офицер. Происходил из йоркширского семейства, воспитывался в доме Томаса Уэнтворта, графа Страффорда, и когда последний стал лорд-наместником Ирландии, вступил в его собственный военный отряд и быстро стал лейтенантом гвардии. После смерти графа Страффорда Моррис стал капитаном в полку сэра Генри Тичборна. Во время ирландского восстания 1641 г. получил назначение в полк сэра Фрэнсиса Уиллоби в чине сержант-майора, а в 1642 г. стал майором в полку графа Ормонда. В ходе Гражданской войны

сначала воевал на стороне роялистов, однако после сдачи Ливерпуля в 1644 г. Моррис перешел на сторону Парламента и получил звание полковника. После взятия Понтефракта был судим по обвинению в государственной измене, осужден и казнен II: 270—273, 305—309

Мохен Уорвик, 2-й барон Мохен из Оукгемптона (1620—1665) — английский политический деятель, заседал в Палате общин с 1640 г., пока в 1641 г. не унаследовал титул своего отца вместе с местом в Палате лордов. В начале Гражданской войны удалился в свое поместье в Корнуолле, а в 1642 г. примкнул к роялистам, собрав пехотный полк, но через год уволился из армии I: 135, 136, 139, 216, 236, 393, 394, 396

Мэннерс Джон, 8-й граф Ретленд (1604—1679) — английский политический деятель. Заседал в Палате общин в 1640—1641 гг., пока не унаследовал пэрство. В 1632 г. был шерифом Дербишира. В 1641 г. унаследовал титул графа Ретленда после смерти своего кузена Джорджа Мэннерса. Был умеренным сторонником Парламента. В 1646 г. был главным судьей в Эйре. После Реставрации стал лорд-наместником Лестершира I: 248, 323

Мюрри Чарльз (?—?) — английский политический деятель времен Гражданской войны, роялист. Принадлежал к обширному семейству Мюрри, которое было предано королю. Занимал должность королевского постельничего. Его сестра Анна была гувернанткой детей короля II: 131, 132

Николас Эдуард (1593—1669) — английский политический деятель, занимавший пост государственного секретаря при Карле I и Карле II. Родом из незнатного семейства из Уилтшира. Несколько раз заседал в Палате общин (1621—1629). Служил секретарем у Эдуарда Лазуша и герцога Бекингема, стал клерком Тайного совета. Роялист времен Гражданской войны, один из наиболее мудрых советников короля. Последовал в изгнание вместе с двором. После Реставрации вновь занял пост государственного секретаря. Его переписка была опубликована в трех томах Королевским историческим обществом в 1920 г. I: 52, 318, 451; II: 155, 260

Ной Филип (ок. 1595—1672) — ведущий английский теолог индепендентов, известный проповедник парламентской партии во время Гражданской войны. Был главным советником Оливера Кромвеля по вопросам религии и церковной политики I: 248

Норкат Джон (? — предп. 1675/6) — священник, сторонник Парламента. В период Гражданской войны находился на стороне Парламента. Хотя и не числится в списках Палаты общин, участвовал как в переговорах между Бедфордом и Гертфордом, но и в работе Парламента: в материалах Палаты лордов сохранилось упоминание его имени за 29 декабря 1642 г. Согласно этой записи, сэр Джон Норкат принес сообщение из Палаты общин. Существует также «Элегия на смерть трудолюбивейшего и несчастного священника, господина Джона Норката, усопшего во Господе в день 24 марта этого года, 1675/76», принадлежащая перу Бенджамина Кича (1640—1704) I: 42

Нортон Ричард, из Саутвик-парка (1615—1691) — английский землевладелец и политический деятель, заседавший в Палате общин в разные годы с 1645 по 1691 г. Полковник в армии Парламента во время Гражданской войны. Некоторое время командовал парламентской армией при осаде Безинга, а затем был губернатором Портсмута — и в период Междуцарствия, и при Карле II. Был изгнан из Парламента в ходе Прайдовой чистки, затем дважды избирался в Палату общин в эпоху Протектората и вновь вернулся в Парламент после Реставрации I: 404, 407, 408

Ньюпорт Ричард, 1-й барон Ньюпорт (1587—1651) — английский землевладелец и политический деятель. Заседал в Палате общин в разные годы с 1614 по 1629 г. Во время Гражданской войны поддерживал роялистов и получил титул барона Ньюпорта (1642). Благодаря его деньгам Карл I получил возможность применить артиллерию в битве при Эджхилле. Его дом был разрушен парламентской армией, а сам он взят в плен в 1646 г. После казни короля бежал во Францию, где и скончался в 1651 г., передав титул старшему сыну Фрэнсису I: 62, 63

Ньюпорт Фрэнсис, 1-й граф Бредфорд (1620—1708) — английский военный, придворный и политический

деятель, виг. Старший сын Ричарда Ньюпорта. Заседал в Коротком и Долгом Парламентах. Роялист. Сражался за короля в битве при Олвестри и был взят в плен. После Реставрации стал хранителем свитков Шропшира, а после Славной революции — лорд-наместником. Занимал различные придворные должности вплоть до своей смерти. В 1675 г. стал виконтом Ньюпортом, в 1694 г. получил титул графа Бредфорда I: 62

О'Брайен Мюрри, 1-й граф Инчиквин (1614—1674) — представитель старинного ирландского рода. Начиная военную карьеру в испанской армии. В 1642 г. был назначен губернатором Манстера. В 1644 г. был вынужден подчиниться Парламенту, поскольку только сторонники Парламента в тот момент могли поддержать протестантов Манстера. К 1647 г. он контролировал юг Ирландии и в 1648 г. выступил в защиту Карла I. К нему присоединился Джеймс Батлер, 1-й герцог Ормонд. В 1650 г. был вынужден бежать во Францию после того, как Оливер Кромвель завладел Ирландией. В 1654 г. он вошел во французский королевский совет и в том же году получил титул графа Инчиквина. Сражался за Францию в Каталонии и в 1656 г. перешел в католицизм. В 1660 г. получил должность при королеве Генриетте Марии. С 1663 г. жил в Ирландии II: 235

О'Нил Дэниел (ок. 1612—1664) — ирландский политический и военный деятель, роялист. Провел ранние годы при дворе Карла I, где принял протестантизм. В 1639 г. командовал отрядом кавалерии в Шотландии. Был вовлечен в армейские заговоры в 1641 г. и был приговорен к заключению в Тауэре, однако ему удалось бежать за границу. В Брюсселе он собирал войска и оружие для роялистов, затем служил под командованием принца Руперта при Эджхилле, Чалгров-Филд и в первой битве при Ньюбери. Впоследствии был шпионом Карла II в Гааге. После Реставрации был награжден и получил от короля доходные должности при дворе I: 469—472

Овертон Ричард (1640—1664) — английский политический деятель времен Гражданской войны, памфлетист и левеллер. В начале созыва Долгого Парламента начал публиковать памфлеты

против епископов и сатиры. Затем обратился к теологии, поставив под сомнение бессмертие. Когда в 1644 г. такие взгляды были признаны наиболее опасными, Овертон и Милтон оказались в числе за взятых еретиков. Выступил с яростной критикой Вестминстерской ассамблеи под псевдонимом Мартина Марприста. В 1646 г. Овертон выступил против Палаты лордов, за что был арестован и приговорен к заключению в Ньюгейт. Его жена Мэри и брат Томас также были арестованы. В 1647 г. все они вышли на свободу, но в 1649 г. Овертон вновь был взят под стражу, поскольку не оставил демократические выступления. В том же году его освободили с условием, что он не будет выступать против действующего режима. В 1654 г. он предложил свои услуги в качестве агента, разоблачающего заговоры против лорд-протектора. Вскоре его заподозрили в подготовке восстания левеллеров, и ему пришлось бежать во Фландрию. Вступил в контакт с роялистами и вернулся в Англию уже как агент Карла II. О его дальнейшей жизни известно мало. В 1659 г. он находился в тюрьме, и в 1663 г. вновь был издан указ об его аресте за публикацию некоего труда, осуждавшего воцарение Карла II II: 197

Огилби Джеймс, 1-й граф Эйрли (1586/93—1666) — представитель шотландской знати. Роялист. За поддержку дела Карла I в 1639 г. получил от короля титул графа Эйрли. Его имения были разорены в ходе Епископских войн. После 1647 г. не принимал участия в политической жизни страны, получив прощение шотландского Парламента I: 331

Огл Уильям, 1-й виконт Огл из Кэтерло (?—1670) — английский военный и политический деятель. Заседал в Палате общин в 1640—1643 гг., после чего был изгнан из Парламента. Сражался в Гражданской войне на стороне роялистов, удерживая Винчестер до октября 1645 г. За сдачу города подвергся военному суду, однако получил ирландский титул виконта Огла из Кэтерло. Был женат на Черити Фелипс, вдове сэра Томаса Фелипса и дочери Уильяма Уоллера I: 340, 406

Онслоу Ричард (1601—1664) — английский политик. Заседал в Палате общин в разные годы с 1628 по 1664 г. Во

время Гражданской войны он сражался на стороне Парламента. Его дед и прадед были спикерами Палаты общин. Получил образование в Кембридже. В 1642 г. он сформировал полк для Парламента, и в 1644 г. его люди участвовали в осаде Безинг-хауса. Онслоу придерживался умеренных взглядов и был на некоторое время исключен из Парламента во время Прайдовой чистки. Позднее заседал в Верхней палате Парламента Кромвеля. Активно участвовал в подготовке Реставрации, после которой вошел в Кавалерский Парламент (1661) I: 404

Осборн Ричард, 2-й баронет Осборн (1618—1685) — ирландский баронет, политический деятель. В 1639—1649 гг. заседал в ирландской Палате общин. В 1667 г. унаследовал титул баронета. В 1671—1672 гг. был шерифом графства Уотерфорд II: 328—332

Оуэн Джон (1600—1660) — английский военный и политический деятель. Роялист. Был шерифом Карнарвоншира и Мериионета (1630—1632). В начале Гражданской войны был назначен рекрутировать солдат в Гвинее. Полковник пехоты, затем генерал-майор в армии роялистов. После падения Денби, который он защищал, поклялся не выступать против Парламента и впоследствии подвергался суду за нарушение этой клятвы. Был приговорен к смертной казни, но приговор был отменен, и Оуэн жил в Кленно без права передвижения. После Реставрации получил должность вице-адмирала Северного Уэльса. Скончался в своем имении в Кленно I: 247

Пай Роберт (Круглоголовый) (ок. 1620—1701) — английский политик, заседавший в Палате общин в разные годы с 1640 по 1660 г. Получил рыцарское звание в 1642 г. Сторонник Парламента во время Гражданской войны в Англии. Командовал кавалерийским полком в армии генерала Ферфакса. Во время войны осаждал поместье своего отца Роберта Пая Фарингдон в Беркшире, который тот передал роялистам. Исключен из Парламента в ходе Прайдовой чистки, но затем снова заседал в Парламенте. Участвовал в подготовке Реставрации, после которой стал конюшим короля II: 31

Пайн Джон (?—1679) — английский политический деятель. Уроженец

Дорсета, он заседал в Палате общин в разные годы с 1625 по 1653 г. Сторонник Парламента во время Гражданской войны, однако поссорился с Кромвелем во время Междоусарствия. Осуждал суд над Карлом I и его казнь, однако после смерти Кромвеля отказывался от участия в роялистских заговорах. Был одним из двадцати человек, исключенных из Акта о забвении, но в конце концов Пайну удалось добиться прощения для себя и своего старшего сына, которое было подписано в Бреде в 1660 г. Гражданская война и, возможно, выплата различных штрафов разорили его. Скончался он, согласно источникам того времени, в весьма преклонном возрасте I: 461

Палмер Джеффри, 1-й баронет Палмер (1598—1670) — английский юрист и политический деятель. Сделав юридическую карьеру в Лондоне, был избран в Палату общин и заседал в Долгом Парламенте. Присоединился к Гайдю и Фолкленду, поддержавшим короля. Покинул Парламент и отправился в Оксфорд. После падения города в 1645 г. Палмер был арестован сторонниками Парламента, а его имения были конфискованы. На протяжении 1650-х гг. имел юридическую практику в Лондоне, в 1655 г. был заключен в Тауэр по подозрению в заговоре против Кромвеля, но через год выпущен. В 1660 г. был назначен генеральным прокурором и возведен в рыцарское достоинство, а также получил титул баронета. Активно участвовал в политической жизни после Реставрации, в том числе в суде над царевницами I: 451, 458; II: 134

Парсонс Уильям, 1-й баронет Белломонт (1570—1650) — англо-ирландский политический деятель времен Гражданской войны. Один из лорд-юстициариев Ирландии (1640—1643) I: 164

Пау Адриан (1585—1653) — великий пенсionario Голландии в 1631—1636 и 1651—1653 гг. II: 341, 342

Пеннимен Уильям, 1-й баронет Пеннимен (1607—1643) — английский землевладелец, военный и политический деятель. Внебрачный сын Уильяма Пеннимена. Роялист, член Совета Севера и Звездной палаты. В 1628 г. получил титул баронета. В 1638 г. сформировал пехотный полк в Йоркшире. В 1640—1642 гг. — член Парламента.

В начале Гражданской войны вместе с братом Джеймсом сформировал и возглавил полк, участвовавший в битвах при Ноттингеме и при Эджхилле. Назначен губернатором Оксфорда, скончался от чумы I: 144, 403

Пеннингтон Исаак (ок. 1584—1661) — английский политический деятель, заседал в Палате общин в 1640—1653 гг. Лорд-мэр Лондона (1642) и заметный член правительства Оливера Кромвеля. Вслед за отцом стал членом гильдии торговцев рыбой, унаследовал от отца несколько имений и приобрел собственное. Сделал состояние на торговле вином и одеждой. Был финансовым агентом своего брата, адмирала Джона Пеннингтона. Имел долю в пивоваренном деле родственников своей второй жены, которые, как и он, были убежденными пуританами. В 1638 г. избран шерифом Лондона и стал олдерменом, с 1640 г. — глава гильдии торговцев рыбой. Член Парламента от Лондона в Коротком и Долгом Парламентах. Участвовал в суде над королем, однако не подписывал решение о его казни. В 1642—1645 гг. был полковником Белого полка и комендантом лондонского Тауэра, в качестве последнего присутствовал при казни архиепископа Лода. В 1644—1654 гг. глава Левантийской компании. После Реставрации был судим за измену и умер в тюрьме I: 102, 116, 121, 122, 265, 278; II: 184, 202, 203

Перпойнт Уильям, 1-й граф Кингстон (ок. 1607—1678) — английский политический деятель, член Палаты общин в разные годы с 1640 по 1660 г. Закончил Кембридж. В 1638 г. был шерифом Шропшира. Сторонник Парламента во время Гражданской войны. Неоднократно участвовал в переговорах с королем, но после 1647 г. удалился от политики, не одобрив Прайдову чистку и процесс против короля. Тем не менее был дружен с Кромвелем. Неоднократно отказывался от предлагаемых ему высоких должностей. В 1660 г. вошел в Парламент и, возможно, спас жизни некоторых лидеров партии Парламента I: 56, 165, 451, 466

Перри Джордж (1600—1660) — английский юрист и политический деятель, заседал в Палате общин в разные годы с 1640 по 1644 г. Поддержал короля во время Гражданской войны и получил рыцарское звание II: 22

Перси Эджернон, 10-й граф Нортумберленд, 4-й барон Перси (1602—1668) — третий по старшинству и старший из выживших сыновей Генри Перси, 9-го графа Нортумберленда, и Дороти Деве-ро. Рыцарь Ордена Бани (1616). Шесть лет путешествовал по Европе с наставником. Заседал в Палате общин (1624—1626) и Палате лордов (с 1626), где возглавлял фракцию противников герцога Бекингема. В 1632 г. унаследовал от отца титул графа Нортумберленда. Рыцарь Ордена Подвязки (1635). Сделал карьеру во флоте, получив в итоге должность лорд-адмирала. Во время Гражданской войны стал самым высокопоставленным членом правительства Карла I, примкнувшим к Парламенту, однако защищал короля перед самыми яркими его противниками и противился не только казни, но и суду над королем. Удалился от политики после казни Карла и отклонял все предложения об участии в заседаниях Парламента. После Реставрации попытался вернуться в политику, стал членом Тайного совета и занял ряд государственных должностей I: 96, 125, 182, 197, 200, 202, 242, 268, 297, 323, 391, 451, 454, 462; II: 193, 198, 200, 205

Пим Джон Рут (1584—1643) — английский политический деятель, лидер Долгого Парламента, красноречивый критик королевской власти. Приказ Карла I об аресте Пима и еще четырех членов Парламента послужил поводом к английской революции. Член Парламента с 1621 г. Он произнес длинную речь о злоупотреблениях королевского управления в беспарламентский период и предложил поставить заключение мира с Шотландией условием выдачи королю субсидий. После роспуска Короткого Парламента Пим вместе с С. Джоном составил петицию для двенадцати пэров, в которой они настаивали на отмене злоупотреблений в союзе нового Парламента. Пим объехал почти всю Англию, популяризировал свои принципы и вербовал сторонников. В Долгом Парламенте (1640) выступил обвинителем Страффорда и провел требование трехлетних парламентских периодов. Выражая стремление парламентского большинства ограничить королевский произвол, Пим требовал ответственности министров перед Парламентом. При составлении Великой

ремонстрации (1641) взяло верх подержанное им предложение подчинить церковь контролю Парламента. Когда король удалился из Лондона, Пим стал главным руководителем парламентской политики. Его важнейшие достижения — заключение союза с шотландскими пресвитерианами и искусные финансовые меры, которые сделали возможным продолжение войны, однако он не дожид до торжества Парламента I: 118, 124, 201, 267, 332, 333

Пирр (318—272 до н. э.) — царь Эпира и Македонии, талантливый эпирский полководец, один из сильнейших противников Рима. Наиболее известен словами, произнесенными после сражения при Аускуле (279 г. до н. э.): «Еще одна такая победа, и я останусь без войска». Отсюда выражение «пиррова победа» — победа, равносильная поражению I: 247

Питерс (Питер) Хью (1598—1660) — английский проповедник, политический и военный деятель, весьма влиятельный сторонник Парламента во время Гражданской войны. Его влиятельные проповеди немало способствовали распространению пуританских идей. Питерс происходил из радикальной протестантской семьи из Корнуолла. Эмигрировал в пуританскую колонию в Америке, где получил известность. Вернулся в Европу — сначала в Голландию, потом в Англию, где сблизился с Оливером Кромвелем и стал его сторонником и проповедником. Возможно, именно он был первым, кто предложил судить и казнить Карла I. Его проект церковной реформы не встретил понимания у его сторонников, так как он предполагал полное изменение существующей системы земельной собственности в стране. После смерти Кромвеля влияние Питерса постепенно уменьшалось, а после Реставрации он был казнен как царевубийца I: 475

Пойнтз Сайднем (ок. 1607—?) — английский военный. Начинал военную карьеру на континенте, участвовал в Тридцатилетней войне. В 1645 г. вернулся на родину и поступил в армию Парламента. Не поддержал проект армии Нового образца. Автор «Реляции Сайднема Пойнтза 1624—1636 гг.», в которой рассказывается о его участии в немецких кампаниях II: 101—104, 110, 113

Полет Джон (1598—1675), 5-й маркиз Винчестер — сын Уильяма Полета, 4-го маркиза Винчестера. Католик. При дворе с 1639 г. Королева Генриетта Мария к нему благоволила, и его родовое имение Безинт-хаус стал местом отдыха друзей королевы в юго-западной Англии. Когда началась Гражданская война, это поместье было укреплено, и Полету удалось его удерживать вплоть до 1645 г., когда Оливер Кромвель взял его штурмом. Дом был razoren с необыкновенной жестокостью — возможно, причиной тому стало присутствие среди защитников католических священников. Победители захватили десять орудий и большое количество боеприпасов. Маркиз и его супруга были заключены в Тауэр. По решению суда он лишился своих владений, которые, однако, были возвращены ему после Реставрации I: 25, 43, 339, 415, 419

Поллард Хью, 2-й баронет Поллард (1603—1666) — английский военный и политический деятель. Роялист. Поступив на военную службу в 1639 г., участвовал в Епископских войнах. В 1640 г. был избран в Парламент, в 1641 г. участвовал в армейском заговоре и был изгнан из Палаты общин. В том же году унаследовал титул баронета. Участвовал во многих битвах Гражданской войны. В 1645 г. был назначен губернатором Дартмура. В 1645—1646 гг. находился в плену. В 1653 г. приговорен к выплате штрафа. После Реставрации заседал в Палате общин и занимал различные государственные должности II: 44

Попем Александр (1605—1669) — английский политик, несколько раз был членом Палаты общин с 1640 по 1669 г. Родился в Литтлките (Уилтшир), сын сэра Фрэнсиса Попема. Был мировым судьей в Сомерсете, а в 1640 г., в ходе Короткого, а затем и Долгого Парламентов, был избран членом Палаты общин от Бата. Поддержал дело Парламента и сражался на его стороне в чине полковника. В его поместье Литтлкот-хаус стоял гарнизон. Хотя он был пресвитерианином, но симпатии его были на стороне армии, и после казни Карла I он был членом Государственного совета. Не поддержал режим Протектората. После Реставрации примирился с Карлом II. Переизбирался в Парламент в 1654, 1660 и 1661 гг. I: 23, 26, 226

Попем Эдуард (1610—1651) — английский военный и политический деятель. Сын сэра Фрэнсиса Попема. Поддержал Парламент во время Гражданской войны. Служил во флоте с 1636 г. Был избран в Палату общин в 1644 г. Командовал войсками Парламента в Сомерсете и Дорсете. Был назначен командующим флотом в 1648 г. и командовал при Даунсе и в Северном море на протяжении 1649 г. В 1650 г. присоединился к Роберту Блейку, осаждавшему принца Руперта в Лиссабоне. Скончался от лихорадки в Дувре, находясь при исполнении своих служебных обязанностей I: 461

Портер Эндимион (1587—1649) — английский дипломат, роялист. Вырос в Испании, будучи нажом в доме Оливаресов. Впоследствии поступил на службу к Эдуарду Вилльерсу, затем к Бекингеми, а по рекомендации последнего стал постельничим Карла I. В 1622 г. отправился на переговоры по поводу дел курфюрста Пфальцского, а также по поводу «испанского брака» принца Уэльского, сопровождал Карла и Бекингема в их поездке 1623 г. В 1628 г. был назначен посланником в Испанию для переговоров о мире, в 1634 г. — в Нидерланды к кардиналу-инфанту Фердинанду Австрийскому. Во время Гражданской войны оставался верен королю, прошел с ним обе шотландские кампании и сопровождал его, когда король в последний раз покинул Лондон в 1642 г. В 1643 г. заседал в роялистском Парламенте в Оксфорде. Был женат на племяннице Бекингема, камеристке Генриетты Марии. Заседал в Долгом Парламенте и был изгнан из него в 1643 г. за промонархические взгляды. Был замешан в армейском заговоре. В 1645 г., когда дело короля было проиграно, покинул Англию и жил во Франции, Брюсселе, Антверпене и Нидерландах. Его немалая собственность в Англии была конфискована. Вернулся в Англию после смерти короля в 1649 г., но вскоре умер I: 52; II: 24, 43, 52, 75, 86

Поттер Кристофер (1591—1646) — английский ученый и клирик, сторонник архиепископа Лода. В молодости читал лекции в Абингдоне, где был популярным проповедником. В 1626 г. был избран ректором колледжа Квинс и с течением времени получил ряд церковных должностей. Благодаря поддержке

Лода в 1636 г. получил должность декана Вустера, а в 1642 г. — ректорат в Грейт Хейсли. Когда началась Гражданская война, пожертвовал королю 400 фунтов. В 1646 г. король назначил его деканом Дарема, однако он умер, так и не успев вступить в эту должность I: 455

Претти Генри (?—?) — во время Гражданской войны капитан кавалерии парламентской армии. В чине капитана с 1645 по 1649 г. служил в полку Генри Айртона, который участвовал в основных сражениях Гражданской войны в 1645 г., в том числе в битве при Незби. Затем служил в кавалерийском полку Томаса Шелбурна в Ирландии. После гибели Шелбурна в апреле 1651 г. занял его место, а в 1652 г. был назначен губернатором Карлоу I: 27

Придо Эдмунд, Придо из Форд-эбби (?—1659) — английский юрист и политический деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны. Некоторое время был главным солиситором, однако в 1648 г. предпочел увольнение участия в царевубийстве. Впоследствии получил должность генерального прокурора. Во время Гражданской войны до 1653 г. заведовал почтовой службой. Затем весьма успешно занимался частной юридической практикой и приобрел имение Форд-эбби в Девоншире. В 1658 г. получил от лорд-протектора титул баронета. Этот титул, перешедший по наследству к его сыну, после Реставрации был упразднен I: 451, 461, 463

Принн Уильям (1600—1669) — английский юрист, писатель, памфлетист, полемист и политический деятель эпохи английской Гражданской войны. Сторонник пуритан, противился политике архиепископа Лода. В 1640-е гг. выступил за всеобщий государственный контроль над религиозными вопросами. Опубликовал более двухсот книг и памфлетов. Сторонник Парламента во время Гражданской войны, однако признал Реставрацию Карла II, вернулся в Парламент и занимал некоторые государственные должности, хотя и не достиг прежнего влияния I: 316; II: 211

Райвз Томас (ок. 1583—1652) — вероятно, имеется в виду этот представитель дорсетского семейства Райвзов. Юрист, специалист по церковному

и адмиралтейскому праву. Сделал юридическую карьеру в Ирландии, но в 1621 г. вернулся в Англию. В начале Гражданской войны встал на сторону короля. В 1648 г. король избрал его для участия в переговорах с Парламентом II: 22

Рамси Джеймс (?—?) — военачальник армии Парламента времен Гражданской войны, один из представителей многочисленного шотландского клана Рамси. Комендант Малборо I: 73, 104

Расселл Уильям, 5-й граф Бедфорд (1616—1700) — английский политик, член Палаты общин с 1640 по 1641 г. В 1641 г. унаследовал титул отца, став 5-м графом Бедфордом, и перешел в Палату лордов. Сражался в Гражданской войне на стороне Парламента, но затем перешел на сторону роялистов. Несмотря на молодой возраст, получил от Парламента значительные полномочия: участвовал в переговорах с королем в 1641 г., занял пост лорд-наместника Девоншира и Сомерсета в 1642 г. и в том же году возглавил поход против роялистов под командованием маркиза Гертфорда в качестве командующего парламентской кавалерией. Сражался на стороне Парламента в битве при Эджилле. К лету 1643 г. оказался в числе парламентариев, готовых к соглашению с Карлом I, а вскоре и вовсе в числе других лордов перешел на сторону короля и прибыл в Оксфорд. Получил королевское прощение и в 1643 г. участвовал на стороне роялистов в осаде Глостера и первой битве при Ньюбери. Разочарованный отношением к нему приближенных короля, в конце 1643 г. вернулся на сторону Парламента, но не получил позволения снова заседать в Палате лордов. Новый курс политики Парламента был ему чужд, он удалился в свое поместье в Уоберн и вплоть до Реставрации не участвовал в политической жизни страны. В 1660 г. вновь занял свое место в Палате лордов и стал лидером фракции пресвитериан. Участвовал в коронационных торжествах Карла II, однако не сближился с королем. Карл II назначил его губернатором Плимута в 1672 г. и даровал ему орден Подвязки. После казни его сына, Уильяма Рассела, в 1683 г. вновь удалился от светской жизни до Славной революции в 1688 г. При Вильгельме и Марии был членом

Тайного совета, лорд-наместником Кембриджшира, Бедфордшира и Мидлсекса. В 1689 г. получил титул герцога Бедфорда и маркиза Тевистокка, а в 1695 г. — барона Хоулленда Стритемского I: 27, 42, 43, 72, 73, 131, 268—270, 296, 297, 446; II: 57, 59

Рейнольдс Роберт (ок. 1601—1678) — английский юрист, политический деятель, член Палаты общин в Долгом Парламенте. Встал на сторону Парламента во время Гражданской войны. Был генеральным атторнеем и главным солиситором во время республики. Впоследствии поддерживал реставрацию монархии I: 164

Рейнсборо Томас (1610—1648) — выдающийся политический и военный деятель времен Гражданской войны в Англии. Левеллер. В 1647 г. был членом Палаты общин. Был полковником армии Парламента, затем назначен адмиралом. В 1648 г. сэр Томас Ферфакс отправил Рейнсборо участвовать в осаде Понтефракт-касла, и в окрестностях Донкастера он был убит четырьмя роялистами II: 202, 203, 260, 264, 265, 305—308

Рен Мэтью (1585—1667) — влиятельный английский священнослужитель, епископ, ученый. Поддерживал архиепископа Лода и был сторонником жестких мер по отношению к пуританам, за что с 1641 по 1659 г. был заключен в лондонский Тауэр сторонниками Парламента I: 113

Рив Эдмунд (ок. 1585—1647) — английский юрист, судья. Был политическим противником короны накануне Гражданской войны. Принял Ковенант. Был единственным председателем Суда общих тяжб. По его приговору был казнен посланник короля, привезший ему, Бэкону и Тревору королевское предписание явиться в Оксфорд I: 315

Ризли Томас, 4-й граф Саутгемптон (1607—1667) — английский государственный деятель. Единственный выживший сын Генри Ризли, 3-го графа Саутгемптона, унаследовал его титул в 1624 г. В период, предшествующий Гражданской войне, поддерживал Парламент, однако вскоре стал верным сторонником короля, которого неоднократно представлял на мирных переговорах. После поражения роялистов и казни короля ему было позволено остаться в Англии, выплатив

более 6000 фунтов. После Реставрации занял пост лорд-казначея — одновременно с приходом к власти кабинета лорда Кларендона, однако не дожид до импичмента последнего. Скончался, не оставив потомства мужского пола I: 27, 29, 31, 448, 449, 451; II: 134, 216, 220

Рич Генри, 1-й граф Голланд (1590—1649) — младший брат графа Уорвика. Придворный и фаворит Якова Стюарта, герцога Бекингема, Карла I и Генриетты Марии. Генерал-лейтенант кавалерии во время первой Епископской войны, в этом качестве потерпел поражение при Келсо. В 1642 г. не последовал за королем, покинувшим Лондон, и встал на сторону Парламента. Затем, в 1643 г., предложил свои услуги королю и получил отказ, после чего вернулся в Парламент, но не был допущен в Палату лордов. Активно участвовал в переговорах о мире на протяжении всего конфликта. В 1648 г. выступил на стороне роялистов, попал в плен и был казнен I: 89, 125, 242, 268—270, 296, 297; II: 251, 267, 268, 285, 297—299, 301, 302

Рич Роберт, 2-й граф Уорвик (1587—1658) — английский политический деятель, управляющий заморскими колониями. Адмирал. Унаследовал графский титул от своего отца в 1619 г. Был женат на Анне Кавендиш, дочери Уильяма Кавендиша, 2-го графа Девоншира. Пуританские взгляды отдалили его от двора, но сблизили с колониями Новой Англии, активное участие в жизни которых он принимал. Был противником сбора корабельных денег и церковной политики архиепископа Лода. В 1642 г., после отставки с этого поста графа Нортумберленда, Парламент назначил графа Уорвика главнокомандующим флотом. В 1643 г. он был назначен главой комиссии по управлению заморскими колониями. В 1649 г. удалился от политики I: 67, 103, 182, 229, 273, 274, 323, 350, 475; II: 9, 200, 251, 260, 267, 284—286, 307, 310

Ричард II Плантагенет (1367—1400) — король Англии (1377—1399), внук Эдуарда III. В 1399 г. был свергнут Генрихом Болингброком и заключен в замок Понтефракт, где вскоре умер. Это событие стало первым шагом к войне Алой и Белой розы II: 345

Ришелье Арман Жан дю Плесси, де (1585—1642) — кардинал

Римско-католической церкви, аристократ и государственный деятель Франции. Кардинал Ришелье был государственным секретарем с 1616 по 1617 г. и главой правительства (главным министром короля) с 1624 г. до своей смерти I: 112, 313, 314; II: 137, 138

Робартс (Робертс) Джон, 1-й граф Реднор и виконт Бодмин (1606—1685) — в 1634—1679 гг. известен как лорд Робартс. Английский политик, сражался на стороне Парламента во время Гражданской войны. Отличался близостью к кальвинистскому учению в религиозных взглядах. Участвовал в битве при Эджилле и в первой битве при Ньюбери. Удалился от политики накануне суда над Карлом I и не принимал активного участия в политике вплоть до Реставрации I: 72, 323, 387, 388, 396, 401, 412; II: 57, 119

Роджерс Ричард (ок. 1590—1643) — английский политический деятель времен Гражданской войны, представитель рода Роджерсов из Брайанстона. Приходился кузеном по материнской линии Уильяму Сомерсету, маркизу Гертфорду I: 221; II: 146

Родс Эдуард (ок. 1600—1666) — английский военный и политический деятель. Строник Парламента. Шериф Йоркшира, полковник кавалерии в армии Кромвеля, член совета Кромвеля. Представлял Перт в Парламенте в 1656—1658 и 1659—1660 гг. I: 144, 145

Ролф Уильям (?—?) — английский военный времен Гражданской войны, строник Парламента. Был капитаном кентских драгун II: 329—332

Росситер Эдуард (1618—1669) — английский политический и военный деятель. Заседал в Палате общин в разные годы в 1646—1660 гг. Во время Гражданской войны — сторонник Парламента, сражался в армии Парламента в звании полковника, командовал кавалерийским полком II: 109, 113, 184

Роу Томас (ок. 1581—1644) — английский дипломат елизаветинской и яacobитской эпох, ученый и меценат. В 1614—1644 гг. заседал в Палате общин. Был послом в Индии (1618), Турции (1621), Алжире (1624). В 1629 г. участвовал в подписании мирного договора между Швецией и Польшей. Активно участвовал в дипломатии Тридцатилетней войны. Чрезвычайный посол при

императоре и германских князьях. Член Тайного совета (1640) I: 112

Роузвелл (?—?) — английский военный деятель, полковник армии Парламента, комендант личфилдского Клоуза I: 189

Руперт Пфальцский, герцог Камберленд (1619—1682) — младший сын пфальцкого герцога Фридриха V и Елизаветы Стюарт, дочери Якова I Стюарта. Родился в Чехии. Достигнув значительных высот как в военном деле, так и в политике, он также сочетал разнообразные научные интересы с немалыми художественными способностями. С юных лет участвовал в военных действиях: воевал против Испании на стороне нидерландских повстанцев и на стороне протестантов во время Тридцатилетней войны. Был взят в плен в Австрии и освобожден в 1641 г., дав слово не сражаться против Священной Римской империи. В 1642 г., в возрасте двадцати трех лет, был назначен главнокомандующим английской королевской кавалерией. В 1643 г. взял Бристоль, и в 1644 г. Карл I даровал ему титул герцога Камберлендского. С 1646 г. жил в изгнании. Сначала служил французскому королю Людовику XIV в его борьбе с Испанией, затем был роялистским капером в Карибском море. После Реставрации 1660 г. вернулся в Англию и во время второй и третьей Англо-голландских войн был адмиралом британского флота. Участвовал в колонизации Канады, основав Компанию Гудзонова залива. Умер в Англии в возрасте шестидесяти двух лет I: 21, 36, 48—50, 60, 68—74, 76, 77, 81, 82, 98, 108, 129, 130, 187—192, 199, 206, 207, 238, 242—246, 251—254, 259, 261, 270, 280, 282, 284, 307—309, 334, 335, 349, 351, 353—355, 361, 379—383, 385, 390, 391, 419—421, 428, 430, 434, 435, 464, 470, 475, 476; II: 18, 21, 24, 27—29, 31, 35—38, 44, 46, 53, 61—64, 74, 79—82, 89, 90, 104—106, 109—111, 265, 283, 292, 312, 313

Рутген Патрик, 1-й граф Форт и 1-й граф Брентфорд (ок. 1573—1651) — представитель шотландской знати, дипломат, генерал. Посвятил свою жизнь военной карьере и был весьма умелым военачальником. Заработал репутацию во время службы в войсках короля Швеции Густава Адольфа (1609—1637). Умел пить, не пьянея, что сделало его бесценным переговорщиком. В 1637 г.

Людовик XIII предлагал ему должность фельдмаршала. С началом Епископских войн предложил свои услуги Карлу I. За службу получил шотландское пэрство с титулом лорда Рутвена Эттрикского (1639), а затем лорда Форта (1642). Когда началась Гражданская война, присоединился к королю в Шрусбери с группой шотландских офицеров и командовал силами роялистов при Эджхилле, поскольку был выбран шведский тип организации армии. Был несколько раз ранен в ходе войны. С 1644 г. покинул поля сражений и служил камергером принца Уэльского. Вел корреспонденцию с Акселем Оксенштерной; был посланником короля Карла II в Швеции, вступил в переговоры с королевой Кристиной и, используя свое влияние в Швеции, добился выделения кадров, денег и оружия на дело роялистов в Ирландии. Скончался в пригороде Гамбурга, по пути из Кальмара в Копенгаген и Бремен I: 68, 85, 389; II: 93, 116, 202

Рутвен Уильям (?—?) — представитель шотландского клана Рутвенов. Во время Гражданской войны находился на службе Парламента, в 1643г. занимал должность коменданта Плимута I: 137—139

Сандерсон Роберт (1587—1663) — английский церковный деятель, епископ Линкольнский (1660—1663), профессор богословия в Оксфорде. Один из любимых проповедников Карла I, он поддерживал дело короля во время Гражданской войны. В 1648 г. его схватили сторонники Парламента и удерживали в качестве заложника, чтобы обменять на священнослужителя-пуританина Роберта Кларка. После Реставрации передал королю поздравления от духовенства Линкольна и получил сан епископа Линкольнского II: 185

Севидж Джон, 2-й граф Риверс (ок. 1603—1654) — состоятельный английский политик, роялист, родом из Чешира. В 1624—1625 гг. был избран членом Палаты общин от Чешира. В 1635 г. унаследовал от отца титул виконта Севиджа, в 1640 г. — титул графа Риверса от своего деда. В 1639—1640 гг. был членом комиссии, расследовавшей жалобы на Карла I. В следующем году он перешел на сторону короля. В 1642 г. получил полномочия на проведение военного набора

в Чешире и набрал пеший полк в Чешире и Кенте из опытных солдат, отлично его экипировав. Вместе с полком находился в Ноттингеме, когда король поднял там свой штандарт, и участвовал в бои-шинстве основных битв Гражданской войны. После поражения у Хэлтон-касл не принимал более участия в военных действиях, удалившись в свое имение Фродсем-касл, где и скончался. Через несколько часов после его смерти замок был подожжен и сгорел дотла I: 52

Севидж Элизабет, графиня Риверс (1581—1650) — урожд. Элизабет Дарси, дочь Томаса Дарси, 3-го барона Дарси из Чича, графа Риверса. В 1602 г. вышла замуж за Томаса Севиджа, с которым у нее было одиннадцать сыновей и восемь дочерей. В 1635 г. она унаследовала от него Мелфорд, который вместе с приорством Сент-Осит в Эссексе составляли ее главные резиденции. После смерти своего отца получила пожизненный титул графини Риверс. Из-за слухов о католическом заговоре, который препятствовал успешному достижению договоренностей между королем и Парламентом, католичка леди Риверс предстала перед судом Эссекса, а ее дом в приорстве Сент-Осит обыскали. Как и резиденция сэра Джон Лукаса в Колчестере, Сент-Осит был разграблен. Будучи предупреждена заранее, леди Риверс бежала в Лонг Мелфорд, однако разъяренные толпы последовали за ней и едва не уничтожили поместье полностью. По местной легенде, прежде чем бежать, графиня бросила в пруд шкатулку с нитью жемчуга. Несмотря на свои взгляды и родство, ей удалось найти поддержку у своих противников. Позднее по указу Парламента ей вернули ее имения, хотя арендаторы и отказались платить. В 1643 г. уехала во Францию. Вновь приехав в Англию, повторно добилась возвращения своих владений, однако набеги парламентских войск и штрафы полностью ее разорили I: 45

Сеймур Уильям, 2-й барон Бошан, 1-й маркиз Гертфорд, 2-й граф Гертфорд, 2-й герцог Сомерсет (1588—1660) — с 1620 г. член Палаты лордов. Будучи больше ученым, чем воином, он, однако, был достаточно влиятельной фигурой, чтобы король Карл приблизил его к себе накануне Гражданской войны. В марте 1638 г.

он был назначен генерал-лейтенантом Сомерсета и городов Бристоль, Бата и Уэльса. В 1640 г. он вошел в тайный совет и получил титул маркиза Гертфорда. Первоначально сторонник конституционных методов правления, после Долгого Парламента стал ярым роялистом. В 1641 г. получил пост наставника принца Уэльского, вместе с которым присоединился к королю в апреле 1642 г. В августе того же года назначен генерал-лейтенантом западных графств. Собрав всего пятьсот конников, был вытеснен из Уэльса сэром Эдуардом Хангерфордом и отступил в Шерборн (в Дорсете), а оттуда в Майнхед и Кардифф, отправив своих новобранцев в Корнуолл. В Уэльсе он набрал около двух тысяч солдат, с которыми изгнал из Гертфорда графа Стемфорда. Получив подкрепление из Оксфорда, взял Сайренсестер, а летом, после битвы при Страттоне, отправился в Сомерсет и быстро взял Таунтон, Бриджуотер и Данстер-касл. Соединившись с силами сэра Ральфа Гоптона, пошел на Бат и нанес поражение сэру Уильяму Уоллеру при Ленсдауне. Однако ему не удалось развить успех, и он с кавалерией отправился в Оксфорд, оставив в Девизе Гоптона с пехотой. Послав на помощь Гоптону лорда Уилмота, сам он двинулся на Бристоль, который сдался ему 26 июля. Оттуда король отозвал его в Оксфорд и пожаловал ему должность грума королевского стула. Остался в Оксфорде, когда король его покинул. После окончания войны находился при короле в период его заключения. Вместе с герцогом Ричмондом и графом Саутгемптоном просил суд возложить на них всю ответственность за деяния короля как на его советников, а после казни — похоронить тело короля в Виндзоре. В 1552 г. лишился титулов герцога Сомерсета и барона Сеймура, которые были возвращены ему после Реставрации. Был в числе лордов, приветствовавших Карла II в Дувре в мае 1660 г. и получил от короля орден Подвязки I: 22, 42, 43, 83, 129, 132, 136, 158, 220, 226, 245, 252, 253, 256, 272, 277, 296, 297, 392, 404, 451, 461; II: 220

Сендис Эдвин (ок. 1613—1642) — второй сын заметного политика сэра Эдвина Сендиса. Закончил Оксфорд. Как и его брат Ричард Сендис, полковник парламентской армии во время Гражданской

войны. Был взят в плен в ходе сражения при Вустере (1642) и погиб от полученных ран. Роялисты еще до его смерти опубликовали сообщение, что на смертном одре он сожалел о своей приверженности Парламенту, и он успел опубликовать опровержение. Похоронен в соборе Вустера I: 49, 60

Сент-Джон Оливер, 1-й граф Болингброк (ок. 1580—1646) — сын и наследник Оливера Сент-Джона, 3-го барона Сент-Джона из Блетсо, который отличался критическим отношением к властям. Сторонник Парламента. Был членом Парламента (1601, 1603—1604). Рыцарь Ордена Бани (1610). 4-й барон Сент-Джон из Блетсо (1618). С 1620 г. заседал в Палате лордов. 1-й граф Болингброк (1620). В 1640 г. подписал петицию двенадцати пэров. В 1642—1643 гг. был назначен Парламентом лорд-наместником Бедфордшира и принял активное участие в формировании милиции графства I: 83, 323, 451, 461, 463, 466

Сент-Джон Оливер, 5-й барон Сент-Джон из Блетсо (1603—1642) — английский политический деятель, заседал в Палате общин с 1624 по 1629 г., с 1639 г. — в Палате лордов. Сын Оливера Сент-Джона, 1-го графа Болингброка. Рыцарь Ордена Бани. Говорили, что он обещал поддержку королю, однако с началом Гражданской войны собрал полк для Парламента, в котором служил корнетом старший сын Кромвеля Оливер. Скончался от ран, полученных в битве при Эджхилле I: 72, 83, 84, 86, 333

Сент-Джордж Генри (1581—1644) — английский военный деятель и герольд. Был в числе лиц, сопровождавших Генриетту Марию в ее путешествии в Англию в 1625 г. В 1627 г. ездил в Швецию, чтобы посвятить в Орден Подвязки короля Густава Адольфа. Во время Гражданской войны сопровождал короля в Оксфорде, где скончался и был похоронен II: 32

Сент-Леже Уильям (1586—1642) — англо-ирландский военный и политический деятель. В 1607 г. был в числе представителей ирландской знати, бежавших на континент, однако впоследствии называл свое участие в этой акции случайным. В 1627 г. Яков I назначил его президентом Манстера, и во время ирландского восстания в 1641 г.

он прославился своей жестокостью по отношению к повстанцам I: 429

Сент-Хилл Питер (?—?) — английский политический деятель, член Палаты общин II: 22

Сесил Уильям, 1-й барон Эссинден, 1-й виконт Крэнборн, 1-й граф Солсбери (1591—1668) — английский пэр, политический деятель. Сын Роберта Сесила, 1-го графа Солсбери шестой креации. В годы, предшествовавшие конфликту Парламента с королем, принадлежал к умеренной партии Палаты лордов, которая поддерживала Палату общин. Участвовал в переговорах с королем на острове Уайт. Был противником казни короля, но впоследствии под влиянием своих сыновей и некоторых друзей поддержал Республику. Член Государственного совета (1649—1651). В период протектората не участвовал в общественной жизни I: 125, 323, 462

Сечверелы — старинный род джентри, обладавший значительными земельными владениями в Дербишире и Ноттингемшире и известный с XII в. Возможно, имеется в виду отец известного политика времен Реставрации Уильяма Сечверела (1638—1691) Генри Сечверел I: 59

Сидни Роберт, 2-й граф Лестер (1595—1677) — сын 1-го графа Лестера четвертой креации, английский дипломат и политический деятель. Заседал в Палате общин в разные годы с 1614 по 1625 г., пока в 1626 г. не получил пэрство, унаследовав от отца титул графа Лестера. Служил в нидерландской армии. В 1632 г. ему была поручена дипломатическая миссия в Дании, в 1636—1641 гг. — во Франции. Затем был назначен лорд-наместником Ирландии вместо графа Страффорда I: 162—164, 280, 415

Симс Джон, эсквайр (1572—1661) — английский юрист и политический деятель. Член Палаты общин в 1624—1625 гг., мировой судья графства Эксетер с 1612 г. до Гражданской войны, а также шериф Сомерсета в 1627 г. Роялист, был вынужден бежать в Глостер, а его собственность была конфискована и возвращена семейству только после Реставрации II: 25, 26

Скадамор Джон, 1-й виконт Скадамор, 1-й барон Дромор (1601—1671) — английский дипломат и политический деятель, заседал в Палате общин (1621—1629). В 1628 г. получил титулы барона

Дромора и виконта Скадамора в ирландской системе титулов. Был близким другом Уильяма Лода, будущего архиепископа. Был послом Англии во Франции (1635—1639). Роялист, в 1643 г. сдался парламентским войскам и до 1647 г. пребывал в Лондоне под домашним арестом. После Реставрации занимал различные должности на местах I: 113

Сквен Уильям (1600—1689) — английский филолог и политический деятель. Заседал в Палате общин в 1640 г. Сражался на стороне роялистов во время Гражданской войны. Одним из первых занялся возрождением валлийского языка II: 22

Скиппон Филип (ок. 1600—1660) — английский военный деятель, приобрел боевой опыт в ходе Тридцатилетней войны, затем в Нидерландах. Вернулся в Англию в 1638 г. и был рекомендован королю в качестве командира артиллерии. В 1642 г. получил чин генерал-майора и был назначен командующим лондонским гарнизоном. С началом Гражданской войны отказался подчиниться королю и тренировал солдат для Парламента. Его религиозные трактаты были опубликованы под названием «Христианский центурион». В 1645 г. он стал генерал-майором армии Нового образца. После окончания войны командовал ирландской экспедицией. Был включен в число судей в процессе над королем, но отказался участвовать в нем. Заседал в Палате общин, где мало выступал, хотя хорошо известен его ответ Джону Нейлору: «Если это свобода, спаси нас Бог от такой свободы!». Входил в Палату лордов Кромвеля. Возраст и болезни не позволили ему участвовать в событиях, связанных с Реставрацией I: 184, 401, 402

Скруп Адриан (ок. 1616—1666), из Кокерингтона — старший сын Гервазия Скрупа из Кокерингтона, придворный, военный и политический деятель времен Гражданской войны, роялист. Джентльмен королевских покоев в 1641—1646 гг., в 1642 г. получил чин полковника в кавалерии роялистов и отличился в этом качестве. В 1646 г. заплатил штраф Парламенту как делинквент, однако, повидимому, не участвовал в роялистских заговорах в период Междоусарствия. После Реставрации Стюартов заседал в Кавалерском Парламенте и активно

участвовал в политической жизни страны. Кавалер Ордена Бани (1661). С 1662 г. до своей смерти служил капитаном кавалерии под командованием графа Кливленда I: 85

Скруп Гервасий (1594—1655), из Кокерингтона — представитель старинного линкольнширского семейства Скрупов, роялист во время Гражданской войны. Сопrotивлялся сбору корабельных денег и был за это заключен в тюрьму во Флисте, однако в начале Гражданской войны на собственные деньги сформировал для короля полк. Был ранен в битве при Эджилле в 1642 г. Похоронен на кладбище церкви св. Леонарда в Южном Кокерингтоне, в Линкольншире I: 85

Сленнинг Николас (1606—1643) — английский военный и политический деятель, член Палаты общин (1640—1642). Выдающийся офицер армии роялистов, участвовал в кампании на западе Англии. В 1632 г. был назначен членом комиссии по пиратству в Девоне и Корнуолле и вице-адмиралом обоих графств, а также комендантом Пенденнис-касла. Участвовал в Епископских войнах. Изгнан из Парламента в 1642 г. В 1643 г. Джон Арунделл сменил его на посту коменданта Пенденнис-касла. Смертельно ранен при взятии Бристола I: 135, 139, 216, 231, 235, 245, 247; II: 175

Слингсби Генри, 1-й баронет Слингсби из Скривена (1602—1658) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны. Роялист. В 1638 г. получил титул баронета. Член Палаты общин (1640). Во время Епископских войн служил в кавалерии графа Голланда. Вместе со своим шурином Джоном Беласисом присоединился к королю в Йорке в 1642 г. Подполковник кавалерии роялистов. После поражения роялистов не поступил на свои взгляды, хотя это и означало потерю всех владений и имущества. Казнен в 1658 г. за участие в заговоре против режима протектората I: 245

Смит из Скйлтса Джон (1616—1644) — четвертый сын сэра Фрэнсиса Смита. Его старший брат стал пэром, получив титул 1-го барона Каррингтона и 1-го виконта Каррингтона. Получил образование в Германии и испанских Нидерландах. Воевал в испанской армии против французов и голландцев

и несколько раз отличился в бою. Услышав о волнениях в Шотландии, вернулся на родину и предложил свои услуги королю. В начале Гражданской войны стал капитаном под командованием лорда Джона Стюарта. В битве при Эджилле — капитан кавалерийского полка лорда Грандисона. Спас королевское знамя, когда знаменосец Эдмунд Верни был убит, за что был произведен в рыцаря на поле боя. Считается последним рыцарем-баннеретом в Англии. Получил собственный отряд и звание майора полка лорда Грандисона. Побывал в плену, затем был последовательно назначен подполковником и генерал-майором кавалерии. Убит в сражении I: 77, 348; II: 40

Смит Дадли (?—1643) — английский военный времен Гражданской войны. Роялист, волонтером поступивший в королевскую армию; служил в полку лорда Уилмота. Погиб в сражении при Страттоне I: 241

Сомерсет Генри, 1-й маркиз Вустер (1577—1646) — английский аристократ, известный роялист, внес значительный финансовый вклад в дело короля в первые годы Гражданской войны. В сознательном возрасте перешел из протестантизма в католицизм. В 1642 г. в благодарность за поддержку получил от короля титул 1-го маркиза Вустера. В 1645 г. король нашел убежище в его замке Раглан, который на следующий год пришлось сдать сторонникам Парламента. Это событие положило конец Гражданской войне в Уэльсе. Генри Сомерсет попал в плен и скончался в Ковент-Гарден I: 126, 158, 160; II: 62, 81, 174

Сомерсет Джон (? — до 1660) — сын Генри Сомерсета, 1-го маркиза Вустера, и младший брат Эдуарда Сомерсета, лорда Герберта из Раглана. Роялист I: 159, 160

Сомерсет Эдуард, лорд Герберт из Раглана, 2-й маркиз Вустер (ок. 1601—1667) — старший сын и наследник 1-го маркиза Вустера. Католик, роялист, полковник пехоты королевской армии эпохи Гражданской войны, изобретатель. В 1643 г. безуспешно сражался со сторонниками Парламента в Глостере. В 1644 г. получил титул лорда Гламоргана и пытался (также неудачно) заручиться поддержкой ирландских католиков I: 125, 126, 158—161, 186, 226, 261; II: 62, 80

Спенсер Генри, 1-й граф Сандерленд (ок. 1620—1643) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны, роялист. В 1636—1643 гг. известен как лорд Спенсер. За заслуги перед короной, в том числе за участие в битве при Эджхилле, в 1643 г. получил титул графа Сандерленда. Убит в битве при Ньюбери I: 286

Споттисвуд Роберт (1596—1646) — английский юрист и политический деятель при Якове I и Карле I. Роялист. В 1646 г. казнен в Шотландии сторонниками Парламента II: 168

Стенз Уильям (?—?) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны. Врач. Занимал высокие посты в армии Парламента, в том числе имел чин генерал-квартирмейстера. Был приближенным Оливера Кромвеля; участвовал в его похоронной процессии в числе высших чинов армии II: 221

Стенли Джеймс, 1-й барон Стрендж, 7-й граф Дерби (1607—1651) — старший сын Уильяма Стенли, роялист. В 1625 г. избран в Парламент, в 1626 г. посвящен в рыцари Ордена Бани. Занимал пост лорд-наместника Ланкашира и Чешира. Участвовал в управлении островом Мэн и в 1627 г. был назначен лордом острова Мэн. Затем стал лордом-наместником Северного Уэльса и призван в Палату лордов как барон Стрендж. Не принимал участия в дебатах между королем и Парламентом, предпочитая заботу о своих поместьях двору и светской жизни. Во время Гражданской войны встал под знамена короля. После того, как король не одобрил его план освобождения Ланкашира, завидуя его власти и благородному происхождению, Стенли терпел поражение за поражением. В 1644 г. участвовал в успешной северной кампании под предводительством принца Руперта. Освободил осажденный Лэтом-хаус, обороной которого командовала его супруга Шарлотта де Тремойль. В 1650 г. стал рыцарем Ордена Подвязки. В 1651 г. взят в плен в битве при Вустере, в пути на север, и казнен по решению Парламента I: 60, 64, 150, 151, 349, 351, 361

Степлтон Филип (1603—1647) — английский политический деятель. Первым браком был женат на старшей дочери Джона Готема. Степлтон — один из пяти членов Парламента, отправленных,

чтобы наблюдать за действиями короля в Йорке. Его кавалерия сыграла значительную роль при Эджхилле и Ньюбери, где стрелял в лицо принцу Руперту, но пистолет дал осечку. Позднее, с 1644 г., вошел в партию мира в Парламенте. Был близок к Дензилу Голлису, в результате чего стал противником партии индependентов и армии. Был одним из одиннадцати членов Парламента, исключенных из Палаты общин в 1647 г. Степлтон и еще пять из них бежали во Францию I: 466; II: 194, 201

Стивенс Эдуард (1597 — ок. 1670) — английский юрист и политический деятель, заседал в Палате общин в разные годы с 1640 по 1660 г. Был исключен из Парламента в ходе Прайдовой чистки и оказался в заключении I: 246

Стоуэлл Джон (1600—1662) — английский землевладелец, военный и политический деятель времен Гражданской войны. Член Палаты общин в 1625—1642 гг. Занимал различные государственные должности. Роялист. На собственные деньги формировал для короля пять полков и активно участвовал в военных действиях. Был назначен губернатором Таунтона после его взятия роялистами. В 1646 г. попал в плен и находился в заключении до самой Реставрации, отказавшись принести клятву не поднимать оружие против Парламента. В признании его заслуг перед короной его сын, Ральф Стоуэлл, получил титул барона (1683) I: 223, 419, 465; II: 15, 22, 45, 47

Стредлинг Эдмунд (Эдуард) (1601—1644), 2-й баронет Стредлинг — английский военный деятель, роялист. Член Парламента (1640), полковник инфanterии в армии роялистов во время битвы при Эджхилле. Скончался, находясь при особе короля в Оксфорде I: 84

Стренгвейз Джон (1585—1666) — английский политический деятель. В разные годы с 1615 по 1666 г. заседал в Палате общин. Роялист во время Гражданской войны. В 1645 г. был взят в плен и заключен в Тауэр сторонниками Парламента II: 22

Стрикленд Уолтер (ок. 1600—1673) — английский политический деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны в Англии. В 1642 г. был избран Долгим Парламентом его агентом в Генеральных Штатах Соединенных

Провинций, и его дипломатическая карьера в этой стране (в разных должностях) продолжалась до 1651 г. Затем принимал деятельное участие во внутренней политике страны, принадлежал к сторонникам армии. После Реставрации он, однако, не подвергся репрессиям и лишь удалился от политики I: 111, 112

Строд Уильям (1598—1645) — английский политический деятель. Заседал в Палате общин в разные годы с 1624 по 1645 г. Один из пяти членов, попытка ареста которых королем послужила толчком к началу Гражданской войны. Тралжался на стороне Парламента I: 89, 226, 271

Стэуэлл Джон (1600—1662) — представитель семейства Стэуэллов из Котлестона (Сомерсет), владел значительными землями на западе Англии. В 1621—1645 гг. мировой судья Сомерсета. В 1625—1642 и 1660—1662 гг. лорд-наместник Сомерсета. Член Палаты общин в 1625, 1640—1642 и 1661—1662 гг. Был сторонником принудительного займа, за что Полет хвалил его Бекингему в 1626 г., но что не позволило ему победить на выборах 1628 г. в собственном графстве. В 1642 г. присоединился к Сеймуру, 1-му маркизу Гертфорду, собиравшему силы роялистов, за что был изгнан из Парламента, куда вернулся после Реставрации I: 26

Стюарт Карл, принц Уэльский (1630—1685), будущий король Карл II (1660—1685) — старший выживший сын Карла I и Генриетты Марии Французской. При рождении получил титулы герцога Корнуоллского и герцога Ротси, а в восьмилетнем возрасте был провозглашен принцем Уэльским. Во время Гражданской войны сопровождал отца в битве при Эджхилле, а в возрасте четырнадцати лет был назначен главнокомандующим силами роялистов в западных графствах (1645). В 1646 г. из соображений безопасности отправился во Францию, где при королевском дворе его кузена Людовика XIV уже жила его мать. В 1648 г. переехал в Гаагу, где его сестра Мария и шурин Вильгельм II Оранский были готовы больше помочь делу роялистов, нежели французские связи королевы. Привел флот к берегам Англии, однако это преимущество не было использовано. Когда его отец

оказался в заключении, предпринимал дипломатические попытки его спасти, не увенчавшиеся успехом. 5 февраля 1649 г. шотландский Парламент провозгласил Карла II королем Великобритании, Франции и Ирландии, но запретили ему въезд, пока он не введет пресвитерианство на территории Англии и Ирландии. В 1651 г. был коронован в Сконе (Шотландия), но в том же году был вынужден вновь бежать во Францию. Единственным его союзником остались испанские соотечественники в изгнании, которая впоследствии стала ядром английской армии эпохи Реставрации. В 1661 г. Карл II был коронован в Вестминстерском аббатстве I: 77, 156, 191, 221, 228, 246, 252, 253, 259, 276, 323, 363, 373, 384, 438, 439, 464, 466, 474, 476; II: 11—23, 25, 27—30, 35, 40—47, 51, 54, 60, 61, 67, 69, 71, 72, 74, 76, 77, 82—86, 89, 92—96, 98—101, 114—120, 124, 126, 128, 144, 145, 147—149, 151, 152, 160—164, 167, 205, 207, 209, 236, 237, 244, 259, 265, 283, 285, 289—292, 310—312, 325, 333, 340—342

Стюарт Бернард (1623—1645) — шотландский аристократ, военачальник времен Гражданской войны в Англии. Младший из пяти сыновей Эсме Стюарта, 3-го герцога Леннокса, и брат Джеймса Стюарта, 1-го герцога Ричмонда. Должен был получить от короля титул 1-го графа Личфилда за свою храбрость, проявленную в первой и второй битвах при Ньюбери и Незби. Однако Бернард Стюарт скончался от ран, полученных во время вылазки, которую он возглавил против сил Парламента при Роутон Хит в сентябре 1645 г. Двое из его братьев, Джордж и Джон Стюарты, также были убиты во время Гражданской войны I: 68, 82, 83, 374, 396; II: 35

Стюарт Генри, 1-й граф Кембридж, 1-й герцог Глостер (1640—1660) — младший сын короля Карла I и Генриетты Марии. Единственный из принцев, Генри был схвачен сторонниками Парламента и разделен заключение со своей сестрой Елизаветой. Накануне казни король просил сына не соглашаться на корону, пока живы его старшие братья — а такие планы были у Кромвеля и его окружения. В 1652 г. Кромвель освободил Генри, и тот присоединился к своей матери и братьям в Париже. Воспитанный

в протестантской вере, ссорился с матерью и братом по вопросу религии. Сражался в испанской армии при Дункерке. Заслужил репутацию одного из лучших протестантских воинов Европы. Сблизился с принцем Конде, и незадолго до смерти Генри обсуждалась возможность его брака с племянницей Конде. Вернулся в Англию вместе с Карлом II. В 1559 г. получил титулы герцога Глостерского и графа Кембриджа. В возрасте двадцати лет незапно скончался от оспы II: 193, 206, 207

Стюарт Джеймс (1633—1701), герцог Йорк, будущий король Яков II Стюарт (1685—1688) — второй сын Карла I и младший брат Карла II. В 1642 г. стал рыцарем Ордена Подвязки, в 1644 г. получил титул герцога Йорка. Во время Гражданской войны оставался в Оксфорде, оплоте роялистов. После взятия Оксфорда войсками Парламента был заключен во дворец Сент-Джеймс, но в 1648 г. с помощью Джозефа Бемпфилда переодетый бежал из страны в Гаагу, а затем нашел убежище во Франции и воевал во французской армии под началом Анри дел Латур д'Овернь, виконта де Тюренна, против сил Фронды, а позднее — против их испанских союзников. Когда Карл заключил союз с Испанией, герцог Йорк был вынужден покинуть армию Тюренна и был изгнан из Франции. Вместе с младшим братом Генри Яков отправился в Брюгге и сражался со своими бывшими французскими союзниками под началом принца Конде. Сблизился с ирландцами-католиками Питером и Ричардом Талботами и отдался от англиканских советников брата. После Реставрации стал последником престола и в 1661 г. получил шотландский титул герцога Олбани. В 1660 г., несмотря на протесты двора и родственников с обеих сторон, женился на Анне Гайд, дочери лорд-канцлера Карла II, Эдуарда Гайда, который в том же году получил титул лорда Кларендона. Из их детей выжили две дочери: Мария и Анна. После смерти Анны женился на католической итальянской аристократке Марии Моденской, которая родила наследника мужского пола — Джеймса Фрэнсиса Эдуарда. После смерти Карла II, не оставившего наследника, вззошел на престол и стал последним английским

королем-католиком. Его правление было ознаменовано восстаниями герцога Монмаута и лорда Аргайла в Шотландии (1685). Свергнут в результате «Славной революции» 1688 г. из-за своих религиозных пристрастий. Трон Англии заняли Вильгельм Оранский и его супруга Мария. Яков бежал во Францию, откуда поддерживал связи со своими сторонниками на островах — «якобитами» и в 1689—1690 гг. предпринял неудачную попытку захватить престол силой оружия из Ирландии. Во Франции жил в Сен-Жерменском дворце. После его смерти претензии на престол предъявляли его сын Яков («Старый претендент») и внуки — Карл («Молодой претендент», «Красавчик принц Чарли») и кардинал Генрих Стюарт I: 51, 77, 323, 363, 438; II: 33, 169, 192, 193, 205—207, 220, 258, 265, 266, 291, 309, 333

Стюарт Джеймс, 1-й герцог Ричмонд, 4-й герцог Леннокс (1612—1655) — представитель шотландской знати, военачальник времен Гражданской войны. Старший сын Эсме Стюарта, 3-го герцога Леннокса. Унаследовал титул своего отца (1624) и был посвящен в рыцари Ордена Подвязки. Женат на Мэри Вилльерс, дочери Джорджа Вилльерса, 1-го герцога Бекингема. В 1641 г. получил английский титул герцога Ричмонда. Будучи кузеном Карла I, занимал должность тайного советника и был ключевым членом партии роялистов во время Гражданской войны. В 1641—1642 гг. был губернатором Пяти портов. В 1643 г. провел пять месяцев в изгнании и вернулся в Англию, чтобы участвовать в обороне Оксфорда. Похоронен в Вестминстерском аббатстве I: 52, 82, 348, 439, 448, 449, 451, 453, 454, 473; II: 64, 134

Стюарт Джон (1621—1644) — шотландский аристократ. Сын Эсме Стюарта, 3-го герцога Леннокса. Вместе с братом Бернардом Стюартом три года путешествовал по Европе и вернулся к началу Гражданской войны. Сражался за короля и был убит в битве при Брэмдине. Только один из братьев Стюартов, Людовик, пережил войну и стал свидетелем Реставрации I: 348

Стюарт Джордж, 9-й сеньор д'Обиньи (1618—1642) — сын Эсме Стюарта, 3-го герцога Леннокса, и брат Джеймса Стюарта, 1-го герцога Ричмонда и 4-го

герцога Леннокса, а также лорда Бернарда Стюарта. Воспитанник Карла I. Как и его братья, был военачальником армии роялистов. Вырос во Франции. Католик. Убит в битве при Эджхилле. Его братья также погибли во время Гражданской войны. Без одобрения родителей невесты и самого короля тайно женился на Кэтрин Говард, дочери Теофила Говарда, 2-го графа Саффолка. Овдовев, она вышла замуж за Джеймса Ливингстона, 1-го графа Ньюборо I: 82, 83; II: 347

Стюарт Елизавета (1635—1650) — вторая дочь короля Карла I и его супруги, Генриетты Марии. С шестилетнего возраста и вплоть до своей ранней кончины в возрасте четырнадцати лет была пленницей английского Парламента. Ее эмоциональный рассказ о последней встрече с отцом накануне его казни и его последних словах, обращенных к детям, многократно публиковался. Первоначально именно ее хотела видеть женой принца Вильгельма Оранского ее бабка по материнской линии, Мария Медичи, но Карл выдал за него младшую дочь — принцессу Марию. Была очень развита и в семилетнем возрасте знала древнееврейский, греческий, итальянский, латинский и французский языки. С детства отличалась набожностью и любовью к духовному чтению. Когда Карл II отправился в Шотландию для коронации, Елизавету перевели на остров Уайт. Возможно, именно это путешествие стоило ей жизни — подхваченная простуда быстро переросла в пневмонию, и принцесса умерла. Похоронена на острове Уайт II: 206

Стюарт Елизавета, королева Богемская (1596—1662) — принцесса из рода Стюартов, старшая дочь Якова VI Шотландского (Якова I Английского) и Анны Датской. В 1605 г. участники Порохового заговора планировали убить короля Якова I и возвести ее на английский престол для реставрации католицизма в Англии. В 1613 г. вышла замуж за курфюрста Пфальца Фридриха V, лидера Евангелической унии немецких протестантских князей. Этот брак заложил основу прочного союза между Англией и протестантскими государствами Германии, игравшего важную роль в международных отношениях в Европе в XVII—XVIII вв. В 1619 г. Фридрих Пфальцкий

был избран мятежными чешскими силами королем Чехии, что послужило поводом к началу Тридцатилетней войны. Елизавета Стюарт была коронована как королева Богемии 7 ноября 1619 г., спустя три дня после коронования ее супруга. Недолгий период правления принес им прозвища «Зимний король» и «Зимняя королева». После ряда поражений от имперских войск и оккупации Пфальца Фридрих V и Елизавета переместились в Гаагу, где бывший чешский король скончался в 1632 г. Елизавета Стюарт осталась в Голландии, даже после того, как в 1648 г. ее сын Карл I Людвиг был восстановлен на престоле курфюршества Пфальцкого. После Реставрации Стюартов Елизавета вернулась в Лондон, где скончалась в 1662 г. Ее внук Георг Ганновер в 1714 г. сменил Стюартов на британском престоле II: 205, 265, 291

Стюарт Карл (1600—1649) — король Англии, Шотландии и Ирландии Карл I с 1625 г. Второй сын короля Шотландии Якова VI Стюарта (Якова I Английского). После смерти старшего брата, Генри, в 1612 г. стал наследником престола. Его правление было отмечено восстаниями в Шотландии и Ирландии, а также Английской революцией (22 августа 1642—1645). После поражения роялистов в Гражданской войне предан суду Парламента и казнен 30 января 1649 г. в Лондоне I: 21—476; II: 8, 9, 11, 12, 18, 21, 23, 27—30, 33, 34, 37, 38, 40, 41, 43, 45, 48, 55, 61—64, 67, 68, 71, 73, 76—79, 81, 82, 84, 90, 92, 99—102, 104, 105, 107, 109—114, 124, 125, 128—130, 133—135, 137—139, 143, 148, 149, 152—156, 158—161, 164—167, 169—174, 182—185, 187—193, 205—210, 212—215, 217—219, 221, 222, 226—232, 236—239, 242, 243, 249, 254, 258, 259, 261—264, 274, 302—304, 309, 314—319, 321—324, 328—330, 335, 342, 347—349, 351, 352, 355

Стюарт Кэтрин (?—1650) — в девичестве Говард, в первом замужестве Стюарт, леди д'Обиньи (1638), во втором замужестве — графиня Ньюборо (1648). Дочь Теофила Говарда, 2-го графа Саффолка. Брак с Джорджем Стюартом был тайным. Преданная роялистка. Первый муж, погибший при Эджхилле, не оставил завещания, и поэтому леди Обиньи оказалась в финансово затруднительном положении. В 1643 г. приезжала

в Лондон улаживать дела своего супруга и участвовала в заговоре Уоллера. Когда заговор был раскрыт, Кэтрин просила убежища у французского посла, однако была на несколько месяцев заключена в Тауэр. Из-за обвинений в подготовке побега короля вместе со вторым мужем была вынуждена бежать в Голландию, где и скончалась I: 201, 202, 204; II: 347

Стюарт Эсме, 3-й герцог Леннокс (1579—1624) — шотландский аристократ, политический деятель и меценат. Сын Эсме Стюарта, 1-го герцога Леннокса. Был покровителем Бена Джонсона, проведшего в его доме пять лет. Женат на Кэтрин Клифтон, 2-й баронессе Клифтон, которая родила ему одиннадцать детей. Похоронен в Вестминстерском аббатстве I: 82

Стюарт Яков (Иаков) (1566—1625) — король Шотландии Яков VI (с 1567 г. под опекой регентского совета, с 12 марта 1578 г. — единолично) и первый король Англии из династии Стюартов Яков I с 24 марта 1603 г. (провозглашен королем в Эдинбурге 31 марта 1603 г.) I: 57, 113, 172, 385, 413

Сура Луций Лициний (I—II вв.) — римский политический деятель и военачальник. Был одним из инициаторов назначения Траяна наследником Веспасиана. Был одним из доверенных советников императора Траяна, участвовал в Дакийских войнах I: 38

Сэквилл Ричард, 5-й граф Дорсет, до 1652 г. лорд Банкхерст (1622—1677) — английский пэр и политический деятель, поэт. Сын Эдуарда Сэквилла, 4-го графа Дорсета. Роялист. В 1642—1644 гг. находился под арестом по решению Парламента. Вернулся к политической карьере в 1660 г. I: 119

Сэквилл Эдуард, 4-й граф Дорсет (1591—1652) — блестящий английский придворный, военный и политический деятель. Заседал в Палате общин в 1621—1622 гг., с 1624 г. граф Дорсет (титул унаследован от старшего брата, Ричарда Сэквилла). Сын Роберта Сэквилла, 2-го графа Дорсета. Считался одним из самых красивых мужчин своего времени. Дуэлянт. Из-за леди Венеции Стенли, будущей леди Дигби, убил на дуэли Эдуарда Брюса, 2-го лорда Кинлосса (1613). Рыцарь Ордена Бани (1616). Был одним из членов Вирджинской компании. Участвовал

в Тридцатилетней войне под знаменами короля Богемии. Был губернатором Бермудских островов (1623), послом при дворе Людовика XIII, путешествовал по Италии. С 1624 г., унаследовав графский титул, занялся улаживанием семейных дел. Занимал несколько государственных должностей. С 1628 г. как лорд-камергер Генриетты Марии участвовал в развитии лондонских театров. Занимался устройством брака принцессы Марии с принцем Оранским. В 1642 г. присоединился к королю в Йорке с отрядом из шестидесяти конников. Был противником Гражданской войны. В 1644—1646 гг. лорд-камергер. После казни короля в 1649 г. не покидал своего особняка Сэйлсбери Корт на Флит Стрит I: 29, 66

Тафф Теобальд, 1-й граф Карлингфорд, 2-й виконт Тафф или Коррен, 2-й барон Баллинут (ок. 1603—1677) — ирландский роялист, католик. После ирландского мятежа в 1641 г. оставался верен английской короне и сыграл важную роль в Гражданской войне. После завоевания Ирландии войсками Кромвеля присоединился к Карлу II в изгнании. После Реставрации получил титул 1-го графа Карлингфорда I: 162

Тацит Публий Корнелий (середина 50-х — ок. 120 г. н. э.) — древнеримский историк. В молодости совмещал карьеру судебного оратора с политической деятельностью. Автор работ «Агрикола», «Германия», «Диалог об ораторах», «История», «Анналы» I: 110

Тилдсли Томас (1612—1651) — английский юрист, военный и политический деятель времен Гражданской войны. Профессиональный военный, участвовал в Тридцатилетней войне. Был сторонником Карла I и командующим в армии роялистов во время Английской гражданской войны. Убит во время военных действий II: 293

Тичборн Генри (ок. 1581—1667) — выдающийся англо-ирландский военный и политический деятель XVII в. Роялист, отличился при обороне Дрогеды. В 1642 г. он получил должность лорд-юстициария Ирландии. В 1644 г. был сквачен сторонниками Парламента и несколько месяцев провел в заключении в Тауэре. В 1645 г. вернулся в Ирландию на пост губернатора Дрогеды, которым

оставался вплоть до Реставрации, но не пострадал и после нее I: 164

Томкинс Натаниэль (1584—1643) — английский политический деятель и ученый-лингвист эпохи Гражданской войны. Приближенный Джона Дигби. Заседал в Палате общин в разные годы с 1614 по 1625 г. Занимал ряд государственных должностей. Зять Уильяма Уоллера, был вовлечен в возглавляемый им заговор. Когда заговор был раскрыт, Уоллер раскрыл имена его участников. Томкинс был осужден и повешен I: 200—202, 204, 266

Торнхилл Ричард, эскайр (ок. 1614 — ок. 1656) — английский военный. Поддержал короля во время Гражданской войны, сражался в армии роялистов в чине полковника в кавалерийском полку Уильяма Боутлера II: 42

Траян Марк Ульпий Нерва (правил 98—117) — римский император из династии Антонинов. Известен обширными завоеваниями: при нем территория империи достигла максимальных размеров I: 38

Тревенъон Джон (1613—1643) — английский политический деятель, член Палаты общин (1640—1643). Роялист. Полковник королевской армии, он был убит при взятии Бристоля вместе с Николасом Сленнингом I: 135, 139, 216, 245, 247; II: 175

Тревор Томас (1586—1656) — английский юрист, судья и член Парламента. В разные годы заседал в Палате общин. В 1637 г. был одним из двенадцати юристов, подтвердивших законное право короны на сбор корабельных денег. Один из немногих судей, оставшихся в Лондоне после начала Гражданской войны и признавших власть Парламента, и в это время был единственным председателем Суда казначейства. Противился казни короля и после нее удалился от публичной жизни I: 303, 315

Трейси Мэри, леди Вер (1581—1671) — младшая дочь сэра Джона Трейси из Тоддингтона. Впервые она вышла замуж за Уильяма Холмби, но быстро овдовела и в 1607 г. вышла замуж вторично за сэра Горацио Вера, 1-го барона Вера из Тилбери (1565—1635). Леди Вер сопровождала своего супруга в военных походах. Веры принадлежали к числу пуританских семейств Англии, и браки дочерей леди Мэри и сэра Горацио упрочили их связи

с пуританским сообществом страны. В 1643 г. леди Вер был поручен надзор за детьми короля II: 193

Уайатт Дадли (?—?) — английский политический деятель, дипломат II: 123, 143, 149, 160

Уайз Деннис (?—?) — мэр города Глостера, олдермен города с 1640 г. I: 260

Уайлд Джон (1590—1669) — английский юрист и политический деятель. Был судьей; занимал должность главного судьи Суда казначейства и входил в Государственный совет в период республики и Гражданской войны в Англии. После Реставрации он, однако, получил помилование, удалился в свое имение в Хэмпстед, где и провел остаток своих дней II: 228, 331

Уайндем Кристабелла (?—1658) — кормилица Карла, принца Уэльского, и его первая любовница. Супруга полковника Эдмунда Уайндема, который во время Гражданской войны был губернатором Бристоля. Сохранилось свидетельство, что во время осады города Кристабелла стреляла со стены в Кромвеля II: 23

Уайндем Фрэнсис, 1-й баронет Уайндем (ок. 1612—1676) — английский военный и политический деятель. В 1640 г., а затем в 1661—1676 гг. заседал в Палате общин. Роялист во время Гражданской войны, полковник кавалерии в армии роялистов. Помогал Карлу II бежать во Францию. В 1673 г. получил титул баронета I: 223, 419; II: 12, 18, 45, 46

Уайтлок Балстроуд (1605—1675) — английский юрист, писатель и выдающийся государственный и политический деятель времен Гражданской войны. Член Палаты общин в разные годы с 1628 г. Сторонник Парламента в Гражданской войне, он использовал свое влияние, чтобы не дать королю собрать войска в Бекингемшире и Оксфордшире. Неоднократно участвовал в переговорах с королем, однажды был обвинен Парламентом в измене за тайные сношения с Карлом. В 1653 г. был отправлен с дипломатической миссией к королеве Кристине Шведской. Несколько раз занимал должность хранителя Большой государственной печати. Был не столько ярым сторонником Парламента, сколько осознавал необходимость поддержания порядка, обладая чувством

ответственности за судьбу страны I: 165, 451, 463, 466

Уайтхед Ричард (1594 — ок. 1663) — представитель английской знати, военный и политический деятель времен Гражданской войны. Заседал в Палате общин в 1628 и дважды в 1640 гг. Как и его отец, сэр Генри Уайтхед, Ричард Уайтхед с воодушевлением возглавлял отряд милиции, но отличался от него по политическим взглядам, во время Гражданской войны активно поддерживал Парламент I: 404

Уиллис Ричард, 1-й баронет Уиллис из Фен Диттона (1614—1690) — английский военный и политический деятель. Роялист, служил в королевской армии во время Гражданской войны. В 1645 г. был комендантом Ньюарка. В результате конфликта с принцем Рупертом потерял этот пост и хотел драться с принцем на дуэли, которая, однако, была предотвращена королем. В 1646 г. получил титул баронета Фена из Диттона. После поражения роялистов бежал из страны, куда вернулся только в 1652 г. и вступил в Общество запечатанного узла. Вскоре стал двойным агентом и работал на Парламент. После Реставрации был удален от двора, но более никакому наказанию не подвергся II: 110—112

Уиллогби Томас, 11-й барон Уиллогби из Пархема (ок. 1602—1691/92) — английский пэр, член Палаты лордов. Будучи пуританином, во время Гражданской войны встал под знамена Парламента и сражался в чине майора. В 1650—1691 гг. управлял грамматической школой в Ривингтоне. В 1685 г. унаследовал титул барона Уиллогби и был призван в Палату лордов I: 73, 77, 84, 323

Уилмот Генри, 1-й граф Рочестер (1612—1658), известный как лорд Уилмот (1643—1644) и виконт Уилмот (1644—1652) — английский роялист, активно участвовавший в войнах трех королевств. Третий сын Чарльза Уилмота, виконта Уилмота креации 1621 г., унаследовал его титул как единственный оставшийся в живых наследник. Сражался в голландской армии и был тяжело ранен при осаде Бреды. Встал под знамена Карла I во время Епископских войн, служил в кавалерии. Заседал в королевском военном совете. В 1640 г. был избран в Долгий Парламент от Тэмворта и в это время

вошел в группу молодых членов Парламента и офицеров вокруг королевы Генриетты Марии, которая впоследствии неоднократно ему помогала. В 1641 г. принимал активное участие в армейском заговоре, был приговорен к заключению в Тауэре и изгнан из Палаты общин. С началом Гражданской войны сразу же присоединился к королю в Йорке и стал генералом, а затем и генерал-лейтенантом кавалерии. В 1643 г. получил титул барона Уилмота. Весьма успешно участвовал в большинстве крупных сражений Гражданской войны. В 1644 г. был назначен лорд-наместником Коннота вместе с виконтом Диллоном, что заложило основы для его дальнейшей политической деятельности в Англии и Ирландии. В том же году был арестован по обвинению в измене за контакты с графом Эссексом и попытки добиться мира и лишен всех постов. Его популярность среди солдат и офицеров заставила короля снять с него обвинения при условии, что он покинет страну, и Уилмот уехал во Францию ко двору Генриетты Марии. После казни короля Карла I стал постельничим Карла II, который ему очень доверял и в 1652 г. даровал ему титул графа Рочестера. Во время Междоусобицы действовал в интересах короля. В 1656 г. стал первым полковником Гренадерского гвардейского полка. Из-за плохих условий размещения зимой 1657/58 г. в полку вспыхнула эпидемия, и Уилмот скончался. После Реставрации его останки были перевезены из Брюгге в Англию I: 49, 73, 76, 104, 105, 186, 238—242, 280, 295, 354, 355, 359, 371—373, 377, 389—392, 435; II: 153

Уингейт (?—?) — член Палаты общин, капитан армии Парламента. Захвачен в плен в битве при Вустере. Некоторое время находился в заключении в Оксфорде и Ладлоу. В 1642 г. был освобожден. Автор письма к членам Палаты общин «о бесчеловечных, варварских и диких жестокостях по отношению к нему, и о том, как его заставили нагим пройти сквозь строй: и его решения умереть за дело Парламента» I: 49

Уокер Уильям (1604—?) — сын лондонского священника Гervasия Уокера I: 377

Уоллер Уильям (ок. 1598—1668) — активный сторонник Парламента в период Гражданской войны. В 1620 г. участвовал

в пфальцском походе для освобождения Елизаветы Богемской и сопровождал ее во время бегства во Франкфурт. Там же познакомился с сэром Ральфом Голтоном. В 1642 г. избран членом Долгого Парламента и решительно принял сторону Парламента в конфликте с королем. Стал членом парламентского Комитета безопасности. На собственные средства создал конный полк и участвовал в военных действиях в первые три года Гражданской войны, став командующим силами Парламента в южной Англии. Достиг значительных успехов и получил прозвище «Вильгельм Завоеватель». Как и Кромвель, осознавал необходимость подготовки кавалерии для успешного ведения боевых действий. С 1645 г. лидер пресвитерианской фракции в Палате общин. В 1647 г., после взятия Лондона армией Нового образца, был вынужден покинуть Англию вместе с семьей и год провел в Гааге. В 1648 г. вернулся в Англию, но после Прайдовой чистки провел в тюрьме четыре года. Как и многие пресвитериане, стал симпатизировать роялистам и в 1659 г. вновь оказался под арестом. В 1660 г. участвовал в переговорах о возвращении Карла II и был избран в Парламент от Вестминстера. По возвращении короля удалился от политики и вел частную жизнь I: 43, 76, 106, 128, 159–161, 164, 186, 187, 199, 200–205, 220, 221, 225–231, 233–242, 244, 264, 266, 285, 294, 297, 316, 322, 339–348, 352, 353, 357–378, 386, 387, 396–398, 402, 415, 416, 418, 420–422, 424, 425, 438, 439, 444, 464, 466, 476, 477; II: 10, 14–17, 19, 21, 29, 37, 186, 194, 250, 337

Уоллер Хардресс (ок. 1604–1666) — английский военный и политический деятель, кузен сэра Уильяма Уоллера. Ярый сторонник Парламента во время Гражданской войны. Был приговорен к смерти после Реставрации как один из цареубийц, но благодаря усилиям друзей казнь была заменена на пожизненное заключение I: 163; II: 95

Уолли Эдуард (ок. 1607 — ок. 1675) — английский военный деятель времен Гражданской войны. Кузен Оливера Кромвеля, в 1643 г. был майором полка железнобоких. В армии Нового образца командовал полком кавалерии, в котором служило большое количество религиозных и политических радикалов.

Полк Уолли отвечал за охрану короля в Гемптон-Корт. В 1649 г. был назначен одним из судей короля и без колебаний подписал ему смертный приговор. Сочувствовал левеллерам, однако остался верным Кромвелю и сражался вместе с ним в ходе шотландской кампании. В 1650-х гг. приобрел обширные земельные владения в Англии и Шотландии. В 1655 г. был назначен военным губернатором Мидлендса. Поддержал Ричарда Кромвеля как преемника Оливера, однако в 1659 г., после восстановления «Охвостья», был освобожден от занимаемых должностей. После Реставрации бежал в Новую Англию вместе с другим цареубийцей, Уильямом Гоффом. В 1660 г. они прибыли в Бостон, затем в Нью-Хейвен, где, по легенде, три года скрывались в лесной пещере, прячась от охотившихся на них роялистов. В 1664 г. они переехали в Хэдди, в Массачусетс, где оказались под защитой симпатизировавших им колонистов. Предположительно Уолли скончался именно там II: 183, 214

Уорнфорд Эдмунд (1606–1649) — сторонник Парламента во время английской Гражданской войны. Во время осады Сайренсстера был взят в плен роялистами и подвергся жестокому обращению. Скончался в собственном доме в Уорнфорде. Сохранилась легенда о существовании его призрака I: 130

Уортон Филип, 4-й барон Уортон (1613–1696) — английский военный и политический деятель, дипломат. Пуританин. Сторонник Парламента во время Гражданской войны. Унаследовал баронский титул в 1625 г. В 1642 г. назначен лорд-наместником Бекингемиша. Любимец Оливера Кромвеля. После Реставрации находился в сложных отношениях с короной, в 1676 г. был заключен в Тауэр, в 1685 г. бежал из страны ко двору принца Оранского. В 1689 г. потребовал, чтобы лорд Кларендон не называл Гражданскую войну мятежом I: 72, 89, 161, 162, 323

Уотсон Леонард (?–?) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны. В армии Нового образца Уотсон был главой разведки, деятельность которой во многом определила успехи парламентской армии II: 221, 231

Урри Джон (?—1650) — шотландец по происхождению, военный времен Гражданской войны. Начал военную карьеру на континенте, в Германии и Фландрии. В 1639 г. вернулся в Шотландию и участвовал в Епископских войнах в чине подполковника армии Ковенанта. В начале Гражданской войны примкнул к армии Парламента. Находился при Уильяме Уоллере во время осады Портсмута, затем сражался под командованием графа Эссекса при Эджхилле и Brentфорде. В 1643 г. ему был предложен чин майора кавалерии, но он считал его недостаточно высоким и перешел на сторону короля. После поражения при Марстон-Муре считал дело роялистов проигранным и вернулся в армию Уильяма Уоллера. Впоследствии вновь присоединился к роялистам. В 1648 г. был взят в плен сторонниками Парламента, но бежал на континент. В 1650 г. служил в чине генерал-майора в армии Монтроза. Был ранен и взят в плен при Карбисдейле и обезглавлен в Эдинбурге I: 205, 206, 208, 424, 429

Уэб Уильям (?—?) — генерал-майор армии роялистов I: 405, 407, 449; II: 95, 127

Уэгстафф Джозеф (ок. 1611—1666/1667) — английский военный времен Гражданской войны. Будучи седьмым сыном в семье, избрал военную карьеру и служил наемником. В 1642 г. он был майором ирландского полка на французской службе. С началом Гражданской войны служил в армии графа Эссекса на стороне Парламента. В 1643 г. был взят в плен и перешел на сторону короля. Был назначен генерал-майором пехоты в армии принца Морица I: 190, 245; II: 19, 88

Уэйк Болдуин (?—?) — английский политический деятель. Роялист. В 1646—1649 гг. был комендантом острова Гернси II: 125

Уэнтворт Гарри (?—?) — английский военный, роялист. Упоминается как полковник в армии графа Нортумберленда в 1640 г. Участвовал в ключевых сражениях Гражданской войны на стороне короля I: 68; II: 71, 72, 76, 84, 86, 88, 94—96, 100, 101, 115—119, 153, 160

Уэнтворт Томас, 1-й граф Кливленд (1591—1667) — представитель английской знати, роялист во время Гражданской войны. В 1626 г. получил титул

графа Кливленда и через год принял участие в экспедиции Джорджа Вилльерса, 1-го герцога Бекингема, в Ла-Рошель. Присутствовал при казни своего родственника Томаса Уэнтворта, 1-го графа Страффорда. Впоследствии получил чин генерала в армии короля, во время Второй битвы при Ньюбери попал в плен. В 1651 г. он командовал кавалерийским полком в битве при Вустере, вновь попал в плен и пробыл в заключении в Тауэре до 1656 г. Храбрый солдат и выдающийся военачальник (его смелости король был обязан своим спасением из Вустера), он растерял свое состояние в ходе войны; после его смерти титул графа Кливленда стал выморочным I: 362, 373, 374, 400, 426, 427

Уэнтворт Томас, 1-й граф Страффорд (1593—1641) — английский государственный деятель, верный сторонник короля. В 1632 г. был назначен лорд-наместником Ирландии. На этом посту он вел достаточно жесткую политику, что привело как к росту недовольства в Ирландии, так и к критике проводимых им мер в Англии. По возвращении в Англию был назначен командующим английскими войсками и представлен к Орденом Подвязки. Обвинен Парламентом в государственной измене, признан виновным и казнен I: 162, 289, 333, 389, 470, 474

Уэстон Джером, 2-й граф Портленд (1605—1663) — англо-ирландский дипломат, землевладелец и политический деятель. Президент провинции Манстер (Ирландия) I: 200, 204, 268

Фаунтейн Джон (?—?) — английский военный деятель, сторонник Парламента во время Гражданской войны. Майор кавалерии в полку лорда Грея Уарка парламентской армии Эссекса II: 15

Феншоу Ричард, 1-й баронет Феншоу (1608—1666) — английский поэт, переводчик, дипломат и политический деятель. Заседал в Палате общин в 1661—1666 гг. во время Гражданской войны поддержал короля и служил Карлу II на поле боя и в изгнании. Был военным секретарем принца Уэльского в 1644 г. В 1648 г. ездил в Испанию, чтобы добиться займа на нужды роялистов. В 1648—1650 гг. был казначеем флота. В 1650 г. получил титул баронета, и вскоре после

этого назначен государственным секретарем. После Реставрации также занимал различные государственные должности II: 55, 82, 92, 93, 125, 126

Ферн Генри (1602—1662) — английский церковный деятель. Родился в Йорке, получил образование в Йорке. Был капелланом Карла I. В 1662 г., незадолго до смерти, стал епископом Честерским I: 455

Ферфакс Томас, 3-й лорд Ферфакс из Камерона (1612—1671) — вероятно, имеется в виду именно старший сын Фердинандо Ферфакса, генерал парламентской армии и ее главнокомандующий во время Гражданской войны. Получил прозвища «Черный Том» и «Всадник на белом коне». Талантливый военачальник, он принес Парламенту много побед. Однако он не был согласен с политикой Кромвеля и отказался участвовать в суде над королем. После смерти Кромвеля, который прежде был его подчиненным, участвовал в организации Реставрации I: 143, 327—330, 334, 380, 449, 474; II: 9, 11, 16, 21, 27, 28, 30—34, 37—39, 44, 45, 48, 52, 53, 62, 63, 68, 70, 76, 79, 80, 89, 95, 122, 125, 127, 133, 135, 144, 156—158, 169, 174, 177—181, 183, 187, 193, 198, 203, 204, 242, 252, 281—283, 299, 301, 322, 323, 336, 337, 351, 352

Ферфакс Фердинандо, 2-й лорд Ферфакс из Камерона (1584—1648) — английский политический деятель, заседал в Палате общин в разные годы с 1614 по 1648 г. Во время Епископских войн служил в королевской армии. Командовал силами Парламента во время Гражданской войны. В 1644 г. был назначен губернатором Йорка. От первого брака у него было два сына — Томас, будущий 3-й лорд Ферфакс, и Чарльз, полковник кавалерии Парламента, убитый при Марстон-Муре I: 143—149, 152, 167, 248, 249

Феттиплейс — речь идет, вероятно, об одном из представителей многочисленного и древнего английского семейства Феттиплейсов, который был сторонником Парламента. Большинство Феттиплейсов, однако, поддержало короля. Так, Джон Феттиплейс (1583—1658) заседал в королевском совете в Оксфорде, а его племянник, также Джон Феттиплейс, был полковником в армии принца Руперта I: 130

Филдинг Безил, 2-й граф Денби (до 1608—1674) — старший сын Уильяма Филдинга, 1-го графа Денби. Рыцарь Ордена Бани. Был предан своему дяде, герцогу Бекингему. Служил волонтером в армии Нидерландов под началом лорда Уимблдона. Учился в Германии. Был послом в Венеции, провел в Италии пять лет. Вопреки своей семье, преданной королю, во время Гражданской войны сражался за Парламент — вероятно, из-за личных амбиций. Был назначен лорд-наместником Денби и Флинта. Командовал полком кавалерии в парламентской армии. В 1643 г., уже в качестве графа Денби, был назначен главнокомандующим парламентскими войсками Уорвикшира, Вустершира, Стаффордшира и др., а также лорд-наместником Уорвикшира. Заслужил благодарность Парламента. С 1651 г. стал осторожно поддерживать дело роялистов, прося взамен личной и имущественной неприкосновенности. В 1663 г. получил титул барона Сент Лиз. Не оставил наследника. Титул перешел к его племяннику I: 72, 323, 451, 463; II: 9, 10, 21, 228

Филдинг Ричард (?—?) — английский военный, полковник, роялист. В 1640 г. назначен полковником в ходе Епископских войн. Во время Гражданской войны был бригадиром при Эджилле, где был взят в плен, но вскоре обменен. Первый командир одного из первых пехотных полков, сформированных для короля в 1642 г. В 1643 г. его полк составлял значительную часть гарнизона Ридинга, осажденного графом Эссексом. Изначально гарнизоном командовал сэр Артур Астон, но после того как ранение лишило его возможности руководить обороной, командование перешло ко второму командиру, которым был Филдинг. Через две недели, несмотря на приближение королевской армии из Оксфорда, вступил в переговоры о сдаче гарнизона. Боясь нарушить договоренности с Эссексом, не поддержал королевские войска, вступившие в бой с осаждавшими при Кэвершем-бридж, из-за чего попытка освобождения Ридинга провалилась. По договору о сдаче войскам разрешалось отпраздновать в Оксфорд с развешенными знаменами, однако парламентская армия их ограбила. По прибытии в Оксфорд Филдинга судили

военно-полевым судом и приговорили к смерти, но в последний момент приговор был отменен по просьбе принца Чарльза. Командование полком было передано опытному солдату сэру Джейкобу Астли I: 68, 185, 192, 193, 195, 368

Филдинг Уильям, 1-й граф Денби (до 1582—1643) — сын Безила Филдинга из Ньюем Паддокс, Уорвикшир. Роялист. Был женат на сестре герцога Бекингема. Благодаря высокому родству занимал видные придворные должности, стал военачальником и флотоводцем. С началом Гражданской войны, несмотря на преклонный возраст, встал под знаменами короля и служил волонтером в полку принца Руперта. В 1643 г. смертельно ранен во время штурма войсками Руперта Бирмингема I: 72, 189

Финнз Натаниэль (ок. 1608—1669) — английский политический деятель, заседал в Палате общин с 1640 по 1659 г. Был офицером армии Парламента во время Гражданской войны и ярким республиканцем в годы Республики и Протектората. Второй сын Уильяма Финнза, лорда Сэя. Учился в Оксфорде. Заседал в Коротком и Долгом Парламентах от Бенбери, активно участвовал в нападениях на церковь. Играл ведущую роль в расследовании армейского заговора. После начала военных действий командовал отрядом кавалерии в армии лорда Эссекса. Автор нескольких заметок о ключевых битвах Гражданской войны. За одну из операций был обвинен в трусости и приговорен к смерти, но помилован и впоследствии получил прощение. В 1647 г. был назначен членом Военного комитета и Комитета безопасности. Будучи сторонником принятия условий короля, был исключен из Парламента в ходе Прайдовой чистки. Заседал в Первом и Втором Парламентах Протектората, а в 1658 г. вошел в Палату лордов, но его политическая карьера на этом завершилась. Не принимал участия в Реставрации I: 48, 199, 243, 246, 316, 466

Финнз Уильям, 1-й виконт Сэй и Сил (1582—1662) — представитель английской знати, политический деятель. Отец Натаниэля Финнза. В 1613 г. унаследовал баронский титул своего отца, в 1624 г. получил титул виконта Сэя и Сила. Участвовал в нескольких кампаниях по основанию заморских колоний, в том числе Компании острова Провиденсия.

В 1630 г. другие члены этой компании — пуритане — совещались с ним по поводу своего противостояния с королем. В этой борьбе Сэй строго следовал букве закона. Желая заручиться его поддержкой, Карл I сделал его членом Тайного совета и Суда по опеке. В начале Гражданской войны Сэй был назначен лорд-наместником Глостершира, Оксфордшира и Чешира и собрал полк, занявший Оксфорд. Был членом Комитетов обоих королевств. Пытался склонить короля прийти к соглашению. После казни Карла I удалился от политики и вел частную жизнь, вновь став членом Тайного совета после Реставрации I: 48, 199, 420; II: 304, 315, 316

Финч Джон, 1-й барон Финч из Фордвича (1584—1660) — английский судья и политик, спикер Палаты общин, в которой заседал в разные годы с 1621 по 1629 г. В 1634 г. был назначен главой Суда общих тяжб и отличился на этом посту жесткостью. Он председательствовал на суде над Джоном Гемпденом, который отказался платить корабельные деньги, и именно по его инициативе сбор корабельных денег был признан незаконным. В 1640 г. он был назначен лорд-хранителем Большой печати, но был так непопулярен, что один из первых актов Долгого Парламента был связан с его импичментом. Его имущества были секвестированы, а сам он нашел убежище в Голландии. Неясно, когда ему было дано разрешение вернуться в Англию, но в 1660 г. он участвовал в суде над царевичами I: 289

Фитли Дэниэл (1582—1645) — известен также как Фэрклу. Английский теолог и известный полемист. В 1620-х гг. был известен своими кальвинистскими взглядами, но в 1640-х гг. поддержал короля, из-за чего начались преследования Фитли со стороны Парламента. В 1643 г. был приговорен к тюремному заключению за переписку со сторонниками короля, епископом Ашшером и самим Карлом I. Был выпущен из тюрьмы по состоянию здоровья, но вскоре скончался от астмы и водянки I: 299

Фитцморис Патрик, 19-й барон Керри (1595—1661) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны, полковник пехоты роялистов. Возглавлял полк, набранный из авантюристов для службы в Ирландии,

который вернулся в Англию в 1643 г. и встал под знамена короля I: 161

Флитвуд Чарльз (ок. 1618—1692) — английский политик, сторонник Парламента, военный. Третий сын сэра Майлза Флитвуда из Олдвинкла (Нортгемптоншир). Получил юридическое образование. В начале Гражданской войны присоединился к лейб-гвардии графа Эссекса. Был ранен в первой битве при Ньюбери. В 1644 г. получил полк. В 1646 г. стал членом Парламента. Говорили, что он сыграл немалую роль в пленении Карла I, однако не участвовал в суде над королем. Был губернатором острова Уайт (1649), затем генерал-лейтенантом кавалерии (1650) принимал участие в шотландской кампании Кромвеля и сыграл не последнюю роль в Дунбарском сражении, а впоследствии — и при Вустере (1651). В 1651 г. избран членом Государственного совета. Был женат на дочери Кромвеля Бриджет. Стал главнокомандующим парламентскими войсками в Ирландии и добился победы над ирландскими католиками. Горячо поддерживал Кромвеля и даже рассматривался как его возможный преемник. В 1659 г. стал членом Комитета безопасности и Государственного совета. Тем не менее после Реставрации он подпал под действие «Акта об амнистии и забвении», был лишен всех государственных должностей и вел частную жизнь I: 65

Форд Эдуард (1605—1670) — английский военный деятель и изобретатель. Роялист. В начале Гражданской войны получил чин полковника и должность шерифа Суссекса. Командовал кавалерийским полком в армии лорда Гоптона. В 1642 г. был взят в плен, но быстро освобожден, поскольку его жена была сестрой Генри Айртона. В 1643 г. вторично оказался в плену, в 1644 г. бежал из лондонского Тауэра и уехал на континент. В 1647 г. королева отправила его в Англию, чтобы он с Джоном Беркли вступил в переговоры с армией. Его подозревали в подготовке бегства короля и держали под стражей. В 1649 г. его владения были конфискованы. В 1656 г. он, с согласия Кромвеля, устроил водовод в Лондоне и с этого времени активно занимался водопроводными работами. После Реставрации изобрел метод чеканки

монеты, которую невозможно подделать. Скончался в Ирландии I: 340, 342

Фортеस्कью Фейсфул (ок. 1581—1666) — английский военный и политический деятель. Роялист. Командовал силами роялистов во время Гражданской войны. В 1598 г. дядя по материнской линии, сэр Артур Чичестер, взял его с собой в Ирландию. Благодаря карьере дяди Фейсфул Фортеस्कью получил земли и должности в этой стране. Участвовал в подавлении ирландского восстания 1641 г. В начале Гражданской войны его отряд оказался в распоряжении Роберта Девере, графа Эссекса, и должен был выступить на стороне Парламента. В ответ на именное обращение Карла I Фортеस्कью вступил в переговоры с принцем Рупертом накануне битвы при Эджилле и на следующий день перешел на сторону короля. Однако многие забыли сорвать шарфы цветов графа Эссекса и были перебиты роялистами. После битвы Фортеस्कью был назначен командующим 10-го полка королевской пехоты. В 1647 г. участвовал в ирландской кампании и был взят в плен сторонниками Парламента, но к весне 1651 г. смог присоединиться к Карлу II. До Реставрации жил на континенте. С 1660 г. получил придворную должность и жил преимущественно в Лондоне I: 75, 78, 161

Фредерик-Генрих Оранский (1584—1647) — сын Вильгельма I Оранского от четвертого брака. Командующий войсками Республики Соединенных провинций, штатгальтер с 1625 по 1647 г. На время правления Фредерика-Генриха в стране произошел культурный и экономический подъем, который привел к так называемому Золотому веку Республики Соединенных провинций. Благодаря военным договорам, которые повсеместно заключал Фредерик-Генрих, в рядах голландской армии были солдаты из Англии, Шотландии, Германских княжеств I: 84, 112; II: 205, 265, 266, 291, 311—313, 341, 342

Хадсон Майкл (1605—1648) — английский церковный деятель, поддержавший роялистов во время Гражданской войны. Получил образование в Оксфорде. Он был одним из капелланов короля в Оксфорде, а в 1643—1644 гг. — военным священником в северной армии. Вместе с Джоном Ашбурнемом сопровождал Карла I

в Ньюарк в 1646 г. Вскоре попал в плен, бежал из заключения и снова был схвачен и оказался в Тауэре. В 1648 г. вновь бежал и организовал роялистское восстание в западных графствах, где и был убит при обороне Вудкрофт-касла II: 157

Харви Эдмунд (ок. 1601—1673) — английский военный и политический деятель. Сторонник Парламента во время Гражданской войны. Торговал шелком в Лондоне. Заседал в Палате общин во время войны. Участвовал в суде над королем, поддерживал финальное обвинение, однако не поставил свою подпись под смертным приговором. Был командиром кавалерийского полка Парламента, набранного в Лондоне. После Реставрации его судили как цареубийцу, но вместо смертной казни приговорили к заключению I: 266

Хейдон Джон (?—1653) — роялист, английский военачальник и математик, второй сын сэра Кристофера Хейдона. В 1613 г. был хранителем арсенала в Сэндаун-касле (Кент). Возведен в рыцарское достоинство в августе 1620 г. В 1627 г. назначен лейтенантом артиллерии вместо своего брата сэра Уильяма, павшего в битве при острове Ре. В 1627—1643 гг. активно занимался вербовкой людей для короля, а также снабжал его армию провизией, вооружением и обмундированием. В 1642 г. Хейдон был ответственным за артиллерию короля в Йорке. Участвовал в походе роялистской армии на Лондон. Был генерал-лейтенантом артиллерии в войсках Карла и членом его Тайного совета. В декабре 1642 г. получил в Оксфорде степень доктора права. В 1643 г. его имущество как сторонника короля было конфисковано I: 21, 67

Хейлс Эдуард, 1-й баронет Хейлс (1576—1654) — английский политический деятель, заседавший в Палате общин в разные годы с 1625 по 1648 г. В ходе Гражданской войны поддержал Парламент. В 1608—1609 гг. был шерифом Кента. В 1611 г. получил от Якова I титул баронета. В 1648 г. был исключен из Парламента в ходе Прайдовой чистки II: 262, 267, 268

Хейлс Эдуард, 2-й баронет Хейлс (1626 — ок. 1684) — английский политический деятель, заседал в Палате общин в разные годы с 1660 по 1681 г. Внук

Эдуарда Хейлса. Во время Гражданской войны был ярким роялистом и рисковал жизнью, пытаясь освободить Карла I из Кэрисбрук-касла. Его дед пережил его отца, и Эдуард унаследовал титул баронета в 1654 г. II: 262—264, 267, 268

Херн Генри-младший, из Лондона (?—1648) — представитель семейства Херн, сын Генри Херна-старшего. Вероятно, Гайд имеет в виду именно его I: 123

Херн Генри-старший, из Гемптона (?—1655) — представитель семейства Херн из Гемптона (Миддлсекс), старший сын Генри Херна из Гемптона, который был слугой Якова I Стюарта I: 123

Хилл Артур (?—1663) — англо-ирландский военный, полковник кавалерии, возглавлял полк, набранный в Ульстере. Констебль Хиллсборо I: 163

Хит Роберт (1575—1649) — английский юрист, губернатор Каролины. Был протеже Джорджа Вилльерса, будущего герцога Бекингема. С 1618 г. — рекордер лондонской корпорации, с 1621 г. генеральный солиситор, с 1625 г. генеральный атторней. В 1625—1626 гг. член Парламента. После убийства Бекингема его карьера пошла на спад. В 1631—1634 гг. судья в Суде общих тяжб, откуда смещен, вероятно, стараниями архиепископа Лода. В 1637 г. назначен королевским барристером, в 1640 г. вернулся к судебной практике. Был лордом главным судьей Англии и Уэльса. С начала Гражданской войны до своей смерти жил во Франции I: 70

Хокинс Стивен (?—?) — военный времен Гражданской войны, роялист, представитель английской знати. Служил в пехотном полку сэра Ральфа Даттона, затем сам возглавил этот полк. Участвовал в битве при Эджхилле, осаде Сайренсестера и Глостера, Первой битве при Ньюбери; в 1644—1646 гг. его полк был осажден в Гринленд-хаусе, участвовал в освобождении Безинг-хауса и Бенбери, был осажден в Оксфорде, где и сдался в 1646 г. I: 405

Хорнер Джон (1576—1659) — из семейства Хорнеров из Меллса, Сомерсет. Был избран в Парламент от Сомерсета в 1626. Он и его кузен Александр Попем были единственными джентльменами Сомерсета, открыто выступившими против короля летом 1642 г. Его владения были конфискованы местными

роялистами. В июле 1644 г. король оставался в Меллсе. В конце Гражданской войны он занимал пост шерифа. Отказался служить «Охвостью», однако вернулся к исполнению обязанностей при Протекторате, вторично став членом Парламента от своего графства в 1654 г. I: 23, 26, 246

Хортон Томас (1603—1649) — английский военный и политический деятель времен Гражданской войны, один из царевичей. Представитель английской знати, он владел землями в Лестершире и был клиентом сэра Атрура Гезлрига. С началом Гражданской войны он присоединился к армии Парламента в чине корнета полка кирасиров Гезлрига, вошедшего в армию сэра Уильяма Уоллера. Когда она была преобразована в армию Нового образца, был в чине майора. Был тяжело ранен в битве при Незби. Хортон разделял радикальные настроения в армии. В 1649 г. был назначен одним из судей в процессе над Карлом I, присутствовал на всех заседаниях и подписал смертный приговор. Разгромил восставших роялистов в Южном Уэльсе. Погиб в ходе Ирландской кампании Кромвеля I: 422

Хоули Фрэнсис (1608—1684) — 1-й барон Хоули. Во время Гражданской войны командовал полком кавалерии роялистов под началом принца Руперта. В 1643—1644 гг. заместитель губернатора Бристоля. В 1644 г. получил титул баронета Бакленда. В 1645 г. Карл I даровал ему титул барона Хоули в ирландском порядке знати. В том же году получил разрешение отправиться в изгнание вместе с принцем, и в 1647 г. Оливер Кромвель конфисковал все его владения. Хоули вернулся в Англию в 1660 г., после Реставрации. В 1661—1675 гг. он был капитаном Королевского конногвардейского полка и сторонником сохранения постоянной армии. В 1665—1673 гг. член Парламента от Митчелла. В 1672—1674 гг. — губернатор Дил-касла. С 1669 г. и до своей кончины Хоули был постельничим герцога Йоркского, под началом которого служил во время третьей Англо-голландской войны I: 25

Хэй Джордж, 2-й граф Киньюл (1596—1644) — шотландский граф, офицер и политический деятель. Член Тайного совета, в 1632—1635 гг. служил капитаном

королевской гвардии. Роялист, был всецело предан Карлу I. Отказался подписать Торжественную лигу и ковенант I: 305, 331

Чадли Джеймс (ок. 1618—1643) — английский военный деятель времен Гражданской войны. Сын Джорджа Чадли. Начиная службу в королевской армии в Ирландии. В начале Гражданской войны стал генерал-майором кавалерии в армии Парламента. Был взят в плен в битве при Страттоне, после чего перешел на сторону роялистов I: 214, 216, 218, 219

Чадли Джордж, 1-й баронет Чадли (ок. 1578—1658) — английский землевладелец и политический деятель из Девоншира, член Палаты общин (1601—1625). Во время Гражданской войны сначала выступил на стороне Парламента, но вскоре вместе со своим сыном перешел на сторону роялистов и в 1643 г. опубликовал объяснения своего поступка. Командовал кавалерией роялистов. Другой его сын, Джон Сленнинг, был генерал-майором армии Парламента I: 133, 134, 140, 215, 218

Чалонер Ричард (1606—1644) — английский политический деятель, роялист во время Гражданской войны. Участвовал в заговоре Уоллера. Был осужден и казнен вместе с Натаниэлем Томкинсом I: 204, 266

Чиллингворт Уильям (1602—1643) — английский теолог, сын мэра Оксфорда. Был близок с архиепископом Лодом и сэром Люшесом Кэри. Автор книги «Религия протестантов, верный путь к спасению». Во время Гражданской войны присоединился к армии роялистов, был взят в плен в 1643 г. и скончался в плену I: 345

Чомли Хью, 1-й баронет Чомли (1600—1657) — английский землевладелец и политический деятель. Заседал в Палате общин в разные годы с 1624 по 1643 г. Сторонник Парламента во время Гражданской войны, впоследствии перешел на сторону роялистов. В 1642 г. участвовал в переговорах с королем со стороны Парламента, сформировал полк для армии Парламента, сражавшийся при Эджхилле, затем присоединился к Ферфаксу под Йорком. Однако, когда королева высадилась в Йоркшире,

вернувшись из Голландии, где собирала войска, Чомли перешел на сторону короля. Граф Ньюкасл назначил его командующим морскими операциями на северном побережье Йоркшира. В 1643 г. он был лишен права заседать в Парламенте. После поражения роялистов при Марстон-Муре отказался бежать и удерживал Скарборо во время осады вплоть до 1645 г. Большую часть оставшейся жизни провел в изгнании I: 149

Шелдон Джилберт (1598—1677) — английский церковный деятель, архиепископ Кентерберийский (1663—1677). Был близок с многими предводителями роялистов. Он и Генри Хаммонд были самыми приближенными к королю клириками. В 1648 г. оказался в заключении. Около десяти лет провел в Дербишире, при этом собирая деньги для Карла II. После Реставрации стал сначала епископом Лондонским (1660), а затем архиепископом Кентерберийским (1663) I: 455; II: 185

Шелдон Томас (?—1643) — английский военный времен Гражданской войны, роялист. Капитан (1640), майор (1643). Погиб после битвы при Лэнсдауне I: 234

Шеффилд Эдмунд, 3-й барон Шеффилд, 1-й граф Малгрейв (1564—1646) — английский пэр, военный и политический деятель времен Гражданской войны. Лорд-наместник Йоркшира (1603—1619) и вице-адмирал Йоркшира (1604—1646). В 1626 г. получил титул графа Малгрейва. Сторонник Парламента, хотя в силу возраста и не принимал прямого участия в боевых действиях. Все его семейство приняло сторону Парламента, а двое младших сыновей — Джеймс и Томас — были полковниками парламентской армии I: 209

Эвелин (Ивлин) Джон (1620—1706) — английский писатель, мемуарист, лекционер, садовод. Один из основателей Лондонского королевского общества. Оставил дневники, или мемуары, отражающие жизнь Англии XVII в. с ее политическими перипетиями и культурной спецификой. Современник и корреспондент другого известного мемуариста того времени, Самюэля Пипса. В молодости путешествовал по Европе, недолгое время воевал в голландской армии, затем

вернулся в Англию и присоединился к королевской армии в Гражданской войне, но уже в 1643 г. устранился от участия в войне и несколько лет путешествовал по Европе. С 1646 г. жил во Франции и завел связи при дворе принца Карла. Женился на дочери английского посла в Париже. С 1652 г. постоянно жил в Англии, воплощая новаторские идеи по обустройству дома и сада. После Реставрации его карьера пошла вверх, он стал активно публиковать свои труды и занял множество различных должностей I: 95, 96

Эдуард III Плантагенет (1312—1377) — король Англии с 1327 г., сын короля Эдуарда II и Изабеллы Французской. Взошел на престол в 15-летнем возрасте в результате мятежа баронов. Когда Парламент принял решение передать ему престол, отказался принимать корону из рук Парламента, сказав, что не взойдет на престол, пока его отец от него не отречется. С 1330 г. правил единолично I: 315

Эдуард VI Тюдор (1537—1553) — король Англии и Ирландии с 1547 г., сын Генриха VIII. Вступил на престол девяти лет под опекой дяди по матери, Эдуарда Сеймура, 1-го герцога Сомерсета, после опалы которого в 1549 г. за влияние на юного короля соперничал ряд других регентов. Протестант. Продолжил религиозные реформы отца. Умер от туберкулеза I: 113

Эйерс Джайлс (1572—1655) — английский военный времен Гражданской войны, представитель старинного рода Эйерсов. Последовательный сторонник Парламента I: 246

Эндрюс Мэтью (?—1648) — шериф Лондона, полковник Желтого полка. Тренировал солдат Парламента в начале Гражданской войны I: 102

Эплиард Мэтью (ок. 1607—1670) — представитель семейства Эплиардов из Йоркшира. Во время Гражданской войны принял сторону короля и отличился как храбрый и умелый солдат. После взятия Лестера король назначил его заместителем коменданта города. С 1661 г. Эплиард заседал в Палате общин и служил в таможне порта Кингстон-апон-Халл II: 32

Эразм Роттердамский (1469—1536) — крупнейший ученый Северного Возрождения, гуманист I: 47

Эрл Уолтер (у Гайда также Уильям) (1586—1665) — английский политик землевладелец, военный и политический деятель. Сторонник Парламента как во время, так и до начала Гражданской войны. Заседал в Палате общин в разные годы с 1614 по 1648 г. В 1616 г. был возведен в рыцарское достоинство, а в 1618 г. стал шерифом Дорсета. Был акционером Виргинской компании и одним из основателей Дорсетской компании. В 1625 г. он вместе с еще тремя дорсетцами отказался выплачивать королю принудительный заем и в результате почти год провел в тюрьме. В 1640 г. заседал в Коротком Парламенте, а после его роспуска был арестован по подозрению в предательстве в пользу Шотландии, однако участвовал и в работе Долгого Парламента. Когда началась Гражданская война, Эрл стал полковником парламентской армии. В 1643 г. сменил Джона Пима на посту лейтенанта артиллерии, а также был назначен военным губернатором Дорсета. Как военачальник не отличился, но получил благодарность общин за расшифровку нескольких перехваченных писем. Участвовал в переговорах с королем. Осаждал Корф-касл. В 1645 г. расшифровал секретные письма роялистов, за что получил благодарность Парламента. Был исключен из Парламента в ходе Прайдовой чистки. В 1660 г. был вновь избран в Парламент от Пула I: 27, 272

Эрнли Майкл (ок. 1599—1645) — представитель старинного английского знатного рода Эрнли из Уилтшира, военачальник, роялист во время Гражданской войны в Англии. В 1641 г. оборонял от сторонников Парламента замок Коннот, в декабре 1643 г. захватил Говарден-касл. Джон Обри в своей «Естественной истории Уилтшира» сообщает, что сэр Майкл Эрнли был убит на рыночной площади. По другой версии, он поднялся с одра болезни, чтобы сражаться за короля, и, не пожелав сдаться сторонникам Парламента, был заколот. Согласно третьей версии, он скончался от ран, полученных при обороне Шрусбери I: 461

Эрскин Чарльз, Эссекс из Алвы, Кембаскеннет, Бендет (1611—1663) — представитель шотландской знати, сын Джон Эрскина, графа Мара, и Мэри Стюарт. Заседал в шотландском Парламенте. Был яррым противником Карла I и епископата I: 451

Эссекс Чарльз (?—1642) — единственный доживший до зрелости сын члена Палаты общин Уильяма Эссекса (ок. 1575 — ок. 1645). Полковник пехоты парламентской армии. Погиб в битве при Эджхилле, где командовал пехотным полком. Его отец получил титул баронета в 1611 г., и после его смерти титул стал выморочным I: 27, 83, 84, 86

Указатель географических названий

Абергавени — местечко в устье реки Гавенни. В 1645 г. Карл I присутствовал на процессе по делу об измене одного из роялистов II: 61

Абингдон — город в Беркшире (ныне Оксфордшир) на реке Темзе. Во время Гражданской войны переходил из рук в руки I: 94, 104, 198, 348, 353, 359—364, 398, 402, 405, 422, 432, 434, 473

Айсис — альтернативное название Темзы от ее истока до слияния с рекой Тем в Дорчестере, Оксфордшир. Протекает через Оксфорд I: 361, 362; II: 27

Айслип — деревня в Оксфордшире в 5 милях к северу от Оксфорда на реке Рей, недалеко от ее слияния с Черуэллом. В Айслипе с древних времен был брод через Рей, затем был возведен мост. Таким образом, через Айслип пролегал единственный путь из Оксфорда в Бекингем в зимнее время, когда мост Госфорд-бридж через Черуэлл был непроходимым I: 361

Аксбридж — в настоящее время западная часть Большого Лондона. В 1642 г. здесь был расположен военный гарнизон и штаб-квартира Парламента I: 242, 451, 452, 458, 460, 461, 463, 464, 466; II: 32, 65, 74, 125, 199

Актон, Актон-черч — ныне часть Большого Лондона. Исторически был селом на пути из Лондона в Оксфорд. Название происходит от ирландской фразы «ферма дубов» I: 98, 99, 330

Албурн-Чейз — небольшое местечко недалеко от Ньюбери, не сохранившее своего названия I: 282

Аллертон — небольшая деревушка на окраине города Лидс в Западном Йоркшире II: 107

Алсфорд — городок в Гемпшире, в 7,5 милях к северо-востоку от Винчестера и 12 милях к юго-западу от Алтона. Весной 1644 г. между Алсфордом и Черитонном развернулось сражение при Черитоне I: 347, 349

Алтон — деревня (ныне городок) в Гемпшире, неподалеку от истока реки Уэй. Первая битва при Алтоне произошла в 1001 г. между датчанами и англосаксами. В 1101 г. старший сын Вильгельма Завоевателя Роберт подписал Алтонский трактат со своим братом,

Генрихом I Английским. Во время Гражданской войны произошла вторая битва при Алтоне I: 344, 346

Альдермастон — поселение в Беркшире, в среднем течении реки Кеннет, расположенное примерно на одном расстоянии от Ньюбери, Безинг-стока и Ридинга I: 406, 408

Амстердам — столица Нидерландов. С конца XVI в. по 1672 г. — «золотой век» Амстердама. В это время Нидерланды становятся лидерами мировой торговли. Сюда бегут протестанты из Франции и католики из Германии II: 283

Англси — остров на северо-западе Уэльса в Ирландском море, отделенный от материка узким проливом Менай. Жители во время Гражданской войны были приверженцами короля II: 104

Андовер — город в Юго-Восточной Англии в графстве Гемпшир, на реке Антон, примерно в 30 милях к западу от Безинг-стока, в 19 милях к северо-западу от Винчестера и 40 милях к северу от Саутгемптона I: 420—422

Апплби-касл, Апплби — замок и город в Вестморленде с видом на реку Иден. Замок был демонтирован после победы парламентских сил под Раундхедом в 1648 г. II: 295

Апплдор — деревня в устье реки Торридж в графстве Девон I: 276

Арунделл — городок в долине Саут-Даунс в Западном Сассексе с замком и католическим собором. Расположен на реке Арун, от имени которой и происходит его название. Арунделл-касл был резиденцией герцогов Норфолков I: 340—346

Ашби-де-ла-Зуш — маленький торговый город в северо-восточном Лестершире в лесистой местности. Здесь существовал замок с башнями, построенный в XII в. Во время Гражданской войны активно использовался подземный ход замка. До настоящего времени сохранились развалины замка I: 153; II: 38

Аш-Буртон — небольшой городок на юго-востоке Дартмура в графстве Девон. Во время Гражданской войны был временным убежищем для роялистских войск II: 94, 95

Бакленд Монахорум — деревня в западном Девоне на реке Тэви на границе с пустошами Дартмура II: 57, 58

Барнстейпл — главный город в северном Девоне, расположенный в эстуарии реки То. Население было приверженцами Парламента и имело в нем двух представителей I: 274, 276, 419; II: 25, 27, 40, 41, 44, 46—49, 53—55, 58, 61, 68, 91, 97, 101, 119

Барроу — деревенька в Сомерсете, входящая в состав поселения Чарлтон Масгроув II: 53

Бат — город на реке Эйвон (Англия), главный город графства Сомерсет. Первые поселения возникли здесь в эпоху мезолита. Самое позднее с эпохи Античности известные расположенные в городе целебные источники. В 973 г. здесь был коронован Эдгар Английский. Во времена Елизаветы I Бат пережил возрождение как аристократический курорт, и королевская хартия 1590 г. подтвердила его статус города. Во время Гражданской войны Бат был укреплен и занят войсками Карла I, однако при появлении сил Парламента город открыл ворота и капитулировал, став опорным пунктом для армии Нового образца под руководством Уильяма Уоллера. В 1643 г. Бат был отбит роялистами в ходе битвы при Лэнсдауне I: 22, 226, 227, 229, 230, 233, 234, 235, 242, 243, 348, 428; II: 16, 18, 19, 24, 46

Бeverли — городок в восточной части графства Йоркшир, Англия. Его история восходит к эпохе королевства Нортумбрия (VII в.), когда здесь был построен первый храм, посвященный св. Иоанну Евангелисту. В Средние века город был известным христианским центром. Королевская реформация встретила здесь сопротивление, что повлекло репрессии со стороны короны. При Елизавете город получил собственного мэра. В начале XVII в. город серьезно пострадал от эпидемии чумы. Когда накануне Гражданской войны город Гуль не открыл ворота перед королем Карлом I, монарх три недели провел в Беверли. Таким образом, изначально Беверли был роялистским, однако его быстро захватили сторонники Парламента из Гулля, заставив короля бежать. До завершения войны Беверли еще раз побывал в руках роялистов, которых возглавлял Уильям Кавендиш.

После победы сторонников Парламента святыням монастырской церкви Беверли удалось избежать уничтожения — во многом благодаря покровительству семейства Перси. Реставрация была воспринята в Беверли с воодушевлением, и в церкви монастыря разместили королевский герб I: 22

Бегшот — небольшая деревня на юго-востоке Англии в северо-западной части графства Суррей. Была важным перевалочным пунктом между Лондоном, Саутгемптоном и западными частями страны I: 416

Бедфорд — небольшой сельскохозяйственный городок на протяжении большей части Средних веков. В настоящее время центральный город Бедфордшира на реке Уз I: 274, 276, 308; II: 198

Бедфордшир — графство на востоке центральной части Англии в бассейне реки Грейт Уз в 30 милях от Лондона. В годы Гражданской войны графство активно противостояло воле короля I: 83, 280, 308, 350, 359

Безинг, Старый Безинг, Безингсток — деревня в графстве Гемпшир с руинами замка леди Винчестер Безингхаус, который в годы Гражданской войны выдержал 24-недельную парламентскую осаду I: 357, 404—408, 415, 416, 423, 424, 431, 432; II: 133

Бекингем — небольшая деревушка в графстве Кент (до 1857 г.) I: 242, 341, 377; II: 34

Бекингемшир — графство в центре Англии. Был местом политической и военной арены во время Гражданской войны 1642—1649 гг. I: 104, 165, 205, 368, 369, 389

Бельуар-касл — типичный средневековый замок, состоявший из большого донжона и окружающей его защитной каменной стены. Расположен в Бельуарской долине в графстве Лестершир. Этот замок — один из наиболее значительных оплотов роялистов. Карл I провел здесь ночь по дороге в Линкольншир. В 1649 г. замок был разрушен сторонниками Парламента II: 109, 113

Бенбери — небольшой английский городок, расположенный в 64 милях к северо-западу от Лондона. В XVII в. его окружали сельскохозяйственные угодья I: 72, 74, 85—87, 89, 104, 152, 155, 157, 198, 280, 373, 420, 421, 423, 424, 430; II: 106, 114

Бенбери-касл — замок, в XVII в. был расположен вблизи Бенбери, теперь — в самом городе. Во время Гражданской войны переходил из рук в руки и в 1642 г. после битвы при Эджилле был взят и по распоряжению Карла I укреплен I: 85, 423, 424

Бервик — самый северный город на восточном побережье Англии при впадении реки Твид в Северное море, на границе с Шотландией. По договору с Шотландией город принадлежал Англии, но не был частью Английского королевства. Здесь находился сильно укрепленный замок, через реку в 1634 г. был построен мост II: 106, 237, 276—279, 286, 294

Беркли, Беркли-касл — город и средневековый замок в Глостершире на реке Северн. Во время Гражданской войны был осажден республиканскими войсками, в 1645 г. гарнизон капитулировал, фортификационные сооружения были уничтожены без права восстановления I: 165; II: 80, 104

Беркшир — графство на юго-востоке Англии в долине реки Темзы со сказочно пасторальной природой и обилием деревушек. За время Гражданской войны здесь состоялись два сражения под Ньюбери I: 104, 129, 165, 312, 360

Берлингтон-бей — морская гавань близ Йорка I: 148

Бертон — небольшая деревенька в регионе Котсуолдс, в 8 милях к западу от Чиппенема. До наших дней сохранилась церковь святой Девы Марии XIII в. I: 364

Берфорд — средневековый городок на реке Виндраш в Западном Оксфордшире, расположенный в 18 милях к западу от Оксфорда. Поместье Берфорд-прайори в конце 1630-х гг. было приобретено Уильямом Ленталлом, спикером Палаты общин в Долгом Парламенте. Берфорд считался «воротами» в Котсуолдс I: 364, 365, 368

Бикон-хилл — холм в окрестностях деревеньки Берклер в северном Гемпшире. Один из множества сигнальных холмов Гемпшира (отсюда его название). На вершине холма находится древнее укрепление, при раскопках которого было обнаружено множество находок, датированных бронзовым веком. Любопытно, что в XX в. на холме был похоронен египтолог Джордж Герберт, 5-й граф Карнарвон 3-й креации I: 397

Бистон-касл — замок на высокой скале из песчаника в Чешире. Во время Гражданской войны в 1642 г. замок находился в руках роялистов, однако обманом был захвачен противником без единого выстрела, благодаря чему хорошо сохранился до настоящего времени I: 328

Блекхит — часть юго-восточного района Большого Лондона. В описываемые Гайдом времена здесь были пустоши и пастбища II: 281, 282

Бленфорд — торговый город в Северном Дорсете на реке Стур, приблизительно в 13 милях к северо-западу от Пула I: 370, 420

Блетсо — деревенька на севере Бедфордшира, в 8 милях к северу от Бедфорда. Замок XIV в. Блетсо-касл, где родилась Маргарет Бофор, мать короля Генриха VII и бабка короля Генриха VIII, не сохранился. В конце XVI — начале XVII в. замок был перестроен, превратившись в прямоугольное в плане здание со стрельчатыми окнами, но и это сооружение сохранилось лишь частично I: 83

Блетчингтон (Блетчингдон) — деревня в 2 милях к северу от Кидлингтона в Оксфордшире. Средневековая усадьба была перестроена в 1630-х гг. и во время Гражданской войны в ней находился гарнизон роялистов до 1645 г., когда дом был сдан сторонникам Парламента I: 363, 364

Бодмин — город в самом центре графства Корнуолл к юго-западу от Бодмин-Мур — участка дикой природы I: 137, 215, 217, 218, 395, 396; II: 95, 119, 123, 124, 126

Боконнок — поселение в Корнуолле, восточнее реки Фоуи I: 393, 396, 401, 410, 411

Болтон — город на северо-западе Англии. Некогда город мельников, впоследствии стал текстильным центром I: 379

Борстел-хаус — в описываемые Гайдом времена — маленькая усадьба в окрестностях Оксфорда I: 368, 369; II: 32, 34

Боутон, Боутон-хаус — поместье в 3 милях к северо-востоку от Кеттеринга в Нортгемптоншире. В описываемый Гайдом период — владение графа Монтегю I: 43

Брадфорд-он-Эйвон — купеческий город в Уилтшире, река Эйвон делит город на две части: северную (Старый город) и южную (Новый город). Северный город круто поднимается над водой.

Во времена Кларендона там существовал мост, уже считавшийся старинным I: 230

Бракли — город на юге Нортгемптоншира в 19 милях от Оксфорда. Жители — сторонники Парламента I: 280, 373

Бредуэлл — деревня в Дербишире. Люди селились здесь с эпохи неолита. В Новое время в поселении было много нонконформистов I: 315

Бредфорд — город в графстве Уэст-Йоркшир, в котором значительную роль играли пуритане, обеспечившие победу Парламента в Гражданской войне I: 146

Брекнок — гористая местность в Бреконшире, историческом округе Уэльса II: 67, 68

Брентфорд — город на западе Большого Лондона, часть округа Ханслоу. 12 ноября 1642 г. состоялось сражение между роялистами и «круглоголовыми». Роялисты одержали победу, захватив 11 пушек и 1500 человек пленными I: 98—102, 104, 128, 135, 206, 292; II: 201

Бриджнорт — город, расположенный рядом с долиной реки Северн I: 68, 70, 171, 366, 367; II: 104, 105

Бриджуотер — город в графстве Сомерсет. Жители поддерживали роялистов, после длительной осады парламентскими войсками город сдался, и по приказу Кромвеля был разрушен его замок I: 223, 226, 399; II: 15, 21—25, 29, 41, 45, 46, 53, 63, 73, 88, 175

Бриль — город-крепость в Бекингемшире I: 104, 164, 165; II: 265

Бристоль — город на реке Эйвон в Юго-Западной Англии, порт. В римскую эпоху на месте Бристоля находился военный лагерь, затем — поселение англов. В XI в., после нормандского завоевания, переправа была укреплена, и здесь построили замок. В XIV в., благодаря своему выгодному расположению, город стал третьим в Англии по величине после Лондона и Йорка. Во время Гражданской войны после продолжительной осады был захвачен парламентскими войсками I: 23, 25, 26, 158, 165, 186, 199, 226, 234, 240, 242—244, 246, 247, 249, 252—255, 257, 259—262, 268, 270, 271, 276, 277, 310, 312, 316, 322, 339, 361, 378, 385, 386, 420, 439, 464, 472, 473, 476, 477; II: 11—14, 16, 18—21, 23, 24, 27, 29, 38, 40, 41, 45, 53, 61—63, 70, 72, 74, 76, 77, 79—82, 85, 88, 104, 110

Бродуэй — название нескольких населенных пунктов в Англии. Гайд имет

в виду деревню, расположенную в регионе Котсуолдс, на юго-восточной границе Вустершира, возле самой границы с Глостерширом, между городками Ившемом и Мортон-ин-Маршем. Его часто называют «жемчужной Котсуолдса» I: 367

Броммджем (Бромингем, Бирмингем) — город в западной части Англии между бассейнами рек Северн и Трент. В прошлом эта местность представляла северную оконечность Арденнского леса. В годы революции поддерживал Парламент I: 70, 75

Брутон — в XVII в. замок-усадьба лорда Сэя недалеко от города Бенбери в Оксфордшире. До сих пор принадлежит этой семье и открыт для посещения публики I: 86

Браддок-Даун — место сражения 19 января 1643 г., в котором участвовали роялисты под командованием сэра Ральфа Гоптона и парламентские войска под командованием генерала Рутвена. Последний пересек Тамар и занял Лискерд, не имея достаточной поддержки, в результате чего потерпел поражение, понеся огромные потери I: 138, 139, 219

Брюссель — город в Южных Нидерландах, в 1648 г. оставшийся под управлением Испании. Во время Гражданской войны Брюссель засылал в Англию своих агентов, чтобы поддерживать национальную рознь для экономического ослабления страны I: 112

Буллингдон-грин — поле в Оксфорде, с середины XIX в. использовавшееся для игры в крикет I: 361, 430

Бьюдли — прибрежный город в живописном лесистом месте в Вустершире в долине реки Северн I: 366, 367; II: 38

Вайн-ярд — небольшой жилой двор в районе Динского леса I: 159

Веллингтон — город в графстве Шропшир. В 1642 г. Карл I останавливался в окрестностях этого города на ночь на пути из Ньюпорта в Шрусбери. Здесь им была заявлена «веллингтонская декларация» о поддержке протестантской религии, законов Англии и свободе Парламента I: 38, 43

Вестминстер — район на левом берегу Темзы. Исторически — Вестминстерское аббатство, выросшее на месте бенедиктинской церкви VII в. Все монархи Англии начиная с Гарольда II

и Вильгельма Завоевателя короновались в церкви Вестминстерского аббатства. Расположенный рядом Вестминстерский дворец с XI в. был резиденцией английских монархов, а с 1295 г. — местом заседания Парламента I: 121, 123, 163, 225, 298, 303, 305, 315, 317, 319, 322, 325, 327, 332, 365, 377, 392, 448, 451, 474; II: 154, 158, 180, 199, 201, 202, 204, 211, 226, 227, 236, 278, 331, 335, 341, 345

Вестморленд — бывшее графство в северо-западной части Англии в Камберлендских горах на полуострове Камберленд I: 108, 252, 276, 290; II: 32, 103, 108, 255, 279, 293

Виндзор, Виндзор-касл — небольшой город в Беркшире на правом берегу Темзы. Виндзорская крепость была построена на искусственной насыпи и имела стратегическое значение. Во время Гражданской войны город до 1645 г. удерживал полковник Венн. Несмотря на зависимость от короля, Виндзор, как и многие коммерческие центры, попал под власть «круглоголовых». В 1648 г. замок был захвачен Оливером Кромвелем и был его штаб-квартирой до восстановления монархии I: 97, 98, 104, 120, 165, 182, 285, 308, 375, 358; II: 199, 230, 299, 301, 333, 346, 347, 348, 351

Винчестер — город в графстве Гемпшир в 12 милях от побережья Ла-Манша и Саутгемптонского порта. Во время Гражданской войны получил значительные повреждения, в частности пострадала мозаика собора. Мировым судьей и членом Парламента от Винчестера в то время был юрист Джон Лайл. Он был судьей в процессе против Карла I и одним из тех, кто подписал ему смертный приговор I: 106, 339—341, 344, 346, 347, 406; II: 133

Вудсток — небольшой городок в 7,5 милях к северу от Оксфорда. На протяжении столетий Вудстокский замок был одной из королевских резиденций. Во время Гражданской войны замок был разрушен I: 87, 363

Вустер — город в графстве Вустершир. Здесь произошло сражение, завершившее Гражданскую войну, установившее республиканский строй и власть Кромвеля I: 38, 47—49, 60, 65, 69—71, 130, 161, 186, 257, 364—367, 372, 461; II: 21, 27, 30, 34, 62, 79, 101, 102, 104, 105, 132, 133, 135, 156, 164

Вустершир — графство в центральной Англии в регионе Уэст-Мидлендс с густыми лесами и королевскими охотничьими угодьями. Во время Гражданской войны ряд районов подвергался разрушениям с той и другой стороны, наиболее значительные — у моста Поуик и в Вустере I: 372; II: 30, 32, 38, 80

Вью-холл — усадьба лорда Мохена в устье реки Фоуи, в Корнуолле I: 396

Гаага — город и община на западе Нидерландов на берегу Северного моря. До XIX в. номинально являлась деревней. Благодаря дворцу штатгальтера и резиденциям иностранных послов и аристократов эта деревня была аристократичнее многих городов. К XVII в. в ней насчитывалось около 16 000 жителей II: 259, 265, 266, 291, 262, 309, 310, 313

Гавр — портовый город на севере Франции в регионе Верхняя Нормандия. В 1517 г. город отстроили на месте старых — Афлер и Онфлер II: 145

Гайд-парк — королевский парк в центре Лондона, с запада к нему примыкают Кенсингтонские сады II: 203

Галифакс — город в графстве Уэст-Йоркшир в долине рукава Кальдера I: 146, 149

Гантингдоншир (Гентингдон) — бывшее графство в восточной Англии (до 1889 г.), ныне входит в Кембриджшир. В 1642 г. был одним из семи округов, в которых король не имел видимой поддержки I: 267, 350, 296

Гейтхаус — средневековое укрепление, защищающее ворота I: 101

Гельветслойс — маленький нидерландский городок, стоящий на одном из островков в устье Мааса II: 265, 283, 286, 291, 310, 313

Гемптон-Корт — с XVI в. загородная резиденция английских королей (до 1760 г.), дворцово-парковый ансамбль на левом берегу реки Темзы, в районе Ричмонд-апон-Темс, в 11 милях от центра Лондона (до 1965 г. графство Мидлсекс). Построен около 1514 г. для фаворита короля, кардинала Томаса Уолси, который в 1529 г. передал дворец в дар Генриху VIII. Дорабатывался в барочном стиле архитектором К. Реном во второй половине XVII в. при Вильгельме III, мечтавшем превратить Гемптон-Корт в английский Версаль. В ноябре и декабре

1647 г. Карл I находился здесь в заточении I: 101; II: 199, 202, 204, 205, 208—210, 215, 216, 218—223, 230, 235, 237, 255, 258, 303, 304, 315, 329, 347, 349

Гемптон-хит — ныне часть территории Лондона I: 157

Гемпшир — графство на юго-востоке Англии в живописнейшем лесистом районе со множеством крепостей и фортов, сыгравших немаловажную роль в ходе Гражданской войны I: 312, 322, 340, 464; II: 12, 216

Герифорд — город на реке Уай в центре графства Гертфордшир. Во время Гражданских войн XVII в. город не раз переходил из рук в руки I: 130, 161, 186, 461; II: 38, 61, 65—67, 78—81, 101, 129, 144

Германия — страна, в описываемое Гайдом время состоявшая из множества мелких княжеств и охваченная Реформацией. Многие князья искали укрытия в Англии I: 205, 254, 455

Гертфордшир — графство на юго-востоке Англии. Из-за близости к столице его населяли аристократические семейства I: 83, 267

Гидхолл — здание в лондонском Сити, в описываемое Гайдом время — резиденция лорд-мэра. Возведено в 1411—1440 гг., однако подвалы относятся к более ранней эпохе. Это единственное здание, не являющееся церковью, пережившее Великий пожар 1666 г., хотя его крыша пострадала при этом пожаре и была восстановлена к 1670 г. Восточное крыло в стиле неоготики было достроено в 1778 г. Джорджем Дансом и реконструировано в 1910 г. В 1866 г. здание подверглось масштабной реконструкции, в ходе которой был в том числе возвращен первоначальный облик его крыши. Очередная реконструкция после немецких бомбардировок во время Второй мировой войны была проведена в 1954 г. В настоящее время в здании проводятся различные официальные мероприятия. В нем также размещаются художественная галерея, библиотека и музей часов I: 89

Гиллингем — самый северный город в сельской местности в графстве Дорсет. В Средние века был местом королевских охотничьих угодий II: 17

Гламорганшир — графство на юге Уэльса у Бристольского залива между реками Лугор и Римни. В Средние

века — сельский район с медными рудниками, которые существовали с эпохи бронзового века I: 43

Глостер — город на реке Северн в Глостершире, во время Гражданской войны принял сторону Парламента. Осада города в августе — сентябре 1643 г. — самая кровавая в истории этого времени, унесшая много жизней при сопротивлении роялистам. 5 сентября роялисты сняли осаду города из-за подхода парламентской армии I: 158—161, 165, 186, 187, 226, 257—262, 268—272, 277—283, 294—296, 298, 312, 316, 331, 364, 365, 368, 372; II: 79, 80, 156

Глостершир — графство на западе Англии, недалеко от англо-валлийской границы. Традиционная территория расселения бриттов, как графство впервые упоминается в Англосаксонской хронике в 1016 г. С VI в. началось англосаксонское завоевание. Долгое время границы графства оставались непостоянными. В период нормандского завоевания графство оказало Вильгельму лишь незначительное сопротивление. В XVI в. Глостершир демонстрировал симпатию к протестантам, и во время Гражданской войны именно пропутританские взгляды заставили графство поддерживать Парламент. Здесь произошло несколько значимых битв Гражданской войны I: 23, 129, 165, 234, 243, 244, 257, 420; II: 62, 104

Говарден-касл (Касл Говард) — замок в сельской местности среди Говардских холмов в 15 милях к северо-востоку от Йорка. Получил название по фамилии первых владельцев. В настоящее время это усадьба, где ничто не напоминает о замке и фортификационных сооружениях II: 331

Голландия — провинция на западе Нидерландов. С XVI в. по 1795 г. являлась самой развитой и наиболее важной провинцией Республики Соединенных провинций и господствовала в государстве. В этот период иногда делали различие между «Северной Стороной» и «Южной Стороной», что соответствует сегодняшним провинциям Северной (с городами Амстердам и Гарлем) и Южной Голландии (с городами Роттердам, Гаага и Лейден) I: 67, 111, 112, 148, 282, 292, 413, 455; II: 98, 258—260, 265, 268, 284, 286, 289, 290, 295, 299, 310, 313, 337, 340, 341

Гоптонская пустошь — вересковая пустошь в болотистой местности недалеко от Стаффорда I: 155

Госфорд — деревня к юго-востоку от Кидлингтона, Оксфордшир, на реке Черуэлл, через которую переброшен мост Госфорд-бридж I: 362, 363, 370

Грентем, Грентам — город в юго-западной части Линкольншира на реке Уитам на дороге между Лондоном и Эдинбургом I: 149; II: 109

Гулль — историческое название современного города Кингстон-апон-Халл. Город находится в 25 милях от Северного моря на реке Халл (Гулль) в графстве Йоркшир. Был перевалочным пунктом для ввозимых и вывозимых товаров, так как из-за плохого состояния дорог в то время товар перевозился на баржах I: 117, 143, 144, 146, 268, 269, 312, 317, 327, 334, 384, 385, 474

Дамфрис — город на юге Шотландии, ранее в графстве Дамфрисшир, ныне Дамфрис-энд-Галловей, недалеко от устья реки Нит II: 108

Дания — королевство в Северной Европе. С 1397 по 1523 г. возглавляла Кальмарскую унию. С 1536 г. официальная религия — лютеранство. В XVII в. произошло усиление Швеции, которая сдерживала развитие Дании. Эпоха королей Фредерика II (1559—1588), Кристиана IV (1588—1648) и Фредерика III (1648—1670) — время расцвета культуры и становления абсолютной монархии. При Кристиане IV Дания стала на путь колониальной экспансии. В 1616 г. была основана датская колония в Швеции, а в 1671 г. — на островах Вест-Индии. Были организованы Ост-Индская и Вест-Индская компании, а также специальные компании для торговли с Русским государством (Восточная) и с Исландией II: 97—99, 147

Данстер-касл — замок, расположенный на территории западного мыса в графстве Сомерсет. Как и другие замки, он пострадал во время Гражданской войны, хотя и меньше, чем другие. Владельцы замка Латтереллы не были роялистами, но в их замке разместился королевский гарнизон, который продержался в нем всю войну I: 43, 223; II: 41

Данстер-таун — деревня с замком на вершине крутого холма. В начале

Гражданской войны владелец замка симпатизировал Парламенту и укрепил его, чтобы противодействовать роялистам. Атака 1642 г. была отбита, но в июне 1643 г. город был взят и оставался в руках роялистов до 1645 г. II: 41

Дарем, Дарем-хаус — город и графство на северо-востоке Англии на скалистом берегу реки Уир. Идеальное место для защиты от шотландцев. В годы Гражданской войны город оставался верен королю и за это был наказан Кромвелем: замок Дарем был конфискован, а собор превращен в тюрьму I: 147, 480; II: 279, 294, 335

Дартмут — портовый город в графстве Девон на западном берегу реки Дарт со стороны моря, защищенный замком. В начале Гражданской войны замок в течение трех месяцев осаждали роялисты и, захватив его, построили дополнительные укрепления, что помогло продержаться им в течение трех лет. В 1646 г. замок отоевали «круглоголовые» I: 311, 312; II: 25, 27, 54, 55, 86, 96, 100, 119, 131

Даунс — рейд и якорная стоянка на юге Северного моря у побережья Кента II: 262, 264—266, 284, 290, 302, 310, 312

Девентри, Давентри — городок с рынком и охотничьими угодьями в Нортгемптоншире, где в 1645 г. Карл I со своим войском останавливался на пути в Лестер и охотился в близлежащих лесах II: 34

Девоншир (Девон) — графство в Юго-Западной Англии, граничащее с графством Корнуолл. Первые поселения относятся к эпохе неолита. В доримскую эпоху территория графства была заселена племенем думнониев, которые после ухода римлян образовали собственное государство Думнонию. Впоследствии, в англосаксонский период, оно было частично поглощено королевством Уэссекс. Со времен нормандского завоевания территорию графства затрагивало большинство событий английской истории — от войны Роз до Гражданской войны и Славной революции 1688 г. I: 26, 43, 44, 131—134, 136, 139—142, 149, 166, 214, 215, 219, 220, 222, 229, 255, 274, 312, 339, 378, 387, 411, 418; II: 13, 14, 19, 20, 22, 23, 25, 40, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 60, 69, 70, 73, 76, 83, 84, 88, 89, 91, 94, 95, 114, 115, 156

Денби-касл — замок, расположенный на вершине холма в городке Денби на

северо-востоке Уэльса. Во время Гражданской войны был отремонтирован для размещения там королевского гарнизона. Пал в 1646 г. после шестимесячной осады парламентскими войсками. До конца войны использовался в качестве тюрьмы для пленных роялистов II: 103

Дерби — город в южной части графства Дербишир. Во время Гражданской войны здесь была создана армия Нового образца, которая успешно действовала против вооруженных сил роялистов I: 38, 146, 153, 154

Дербишир — графство в центральной Англии с лесами, укрепленными за королем, с разнообразными ландшафтами и быстрыми реками, удаленное от экономических центров I: 40, 146, 153, 327, 329; II: 77, 104

Джерси — остров в проливе Ла-Манш. В XVII в. был убежищем для гонимых роялистов и оперативной базой для их флота. Симпатии жителей острова разделились. Сторонники Парламента захватили остров в 1651 г. I: 141; II: 100, 126, 127, 144—153, 159—164, 167, 174, 175, 207, 208, 221, 259

Ди — река протяженностью 110 км. Берет начало в области Сноудония в Уэльсе, протекает через Чешир и впадает в Ирландское море у полуострова Уирал II: 102, 104

Дивайз — торговый городок в центре Уилтшира в 10,5 милях от Чиппенема. Во время Гражданской войны в 1643 г. был осажден парламентскими войсками, но осада не удалась. Город оставался роялистским до 1645 г., когда роялисты вынуждены были сдаться. В 1648 г. по приказу Кромвеля был разрушен замок I: 235—239, 246; II: 104

Динский лес — древний лес и одновременно географическая и историческая область в Глостершире. Имеет треугольную форму от реки Уай, на севере и западе, реки Северн на юге и города Глостера на востоке. Этот лес охраняется со времен Средневековья I: 159, 257

Донкастер — город в графстве Саут-Йоркшир. В 1645 г., во время Гражданской войны, горожане радостно встретили короля Карла I; в благодарность Карл II в 1664 г. объявил Донкастер «вольным городом» II: 78, 107, 305, 307

Доннингтон-касл — средневековый замок, расположенный на территории

одноименного поселения в Беркшире. К началу Гражданской войны замок принадлежал Джону Паркеру — стороннику Парламента, но после первой битвы при Ньюбери он перешел роялистам. Они укрепили его и после осады парламентскими войсками в октябре 1644 г. продержались 18 месяцев, после чего вынуждены были сдаться. В 1646 г. замок был разрушен I: 285, 398, 421—423, 425, 428—431

Дорсетшир, Дорсет — графство на юго-западном побережье Англии. Заселено человеком в эпоху неолита. После окончания римского владычества вторжение саксов удалось сдерживать до VII в., когда Дорсет вошел в состав Уэссекса. После нормандского завоевания земли Дорсета в основном оказались разделены между короной и церковью. Королевская реформация, связанная с ликвидацией монастырей, встретила здесь серьезное сопротивление. В начале Гражданской войны (в 1642 г.) территория графства, кроме Пула и Лайм-Реджиса, оказалась под контролем роялистов. За следующие три года их вытеснили сторонники Парламента, и в 1646 г. пал последний оплот роялистов — замок Корф. В 1685 г. на территории Дорсета и Сомерсетшира вспыхнуло быстро подавленное восстание Монмута I: 26, 137, 221, 255, 271, 312, 361, 369, 420, 465; II: 12—14, 16, 18, 52

Дорчестер — главный город графства Дорсет на реке Фром на юго-востоке Англии, сельскохозяйственный район. В XVII в. — центр пуританского движения. В 1642 г. перед началом Гражданской войны был казнен католический священник. Город выступал против роялистов I: 271, 272, 276, 287; II: 16

Дублин — город и графство в Ирландии. После 1640 г. протестанты составляли большинство в городе. Когда городу стали угрожать ирландские католические силы, католики были выслены из города. В 1649 г. силы ирландских союзников и английских роялистов были разбиты в сражении при Ратмане парламентскими войсками. В 1650-х гг. после покорения Ирландии Кромвелем католикам запрещали селиться в городской черте. К концу XVII в. Дублин стал столицей Ирландии и управлялся новым английским протестантским меньшинством I: 318—322, 495; II: 149, 209, 235

Дюнкерк — город-порт на берегу Ла-Манша. В XVII в. — яблоко раздора между французами, англичанами и голландцами. В описываемые годы принадлежал Франции II: 290

Зеландия — провинция на юго-западе Нидерландов (Фландрии) II: 207

Ившем — средневековый город в долине реки Эйвон в Вустершире с бенедиктинским аббатством, упраздненным Генрихом VIII, земли которого были перераспределены между его приближенными I: 281, 282, 364, 366, 367; II: 30, 156

Ирландия — страна на одноименном острове, на Британских островах. Английское завоевание Ирландии началось в XII в. Во время английской Реформации ирландцы остались католиками. Ирландия принимала активное участие в Гражданской войне, борясь за политическую и религиозную независимость, и английский контроль над островом сильно ослабел. В XVII в. перевес в политической жизни страны одержало протестантское меньшинство, поддерживаемое Кромвелем I: 35, 37, 58, 52, 53, 60, 61, 76, 111, 114, 125, 126, 161—164, 168, 171, 179, 200, 219, 287, 299, 300, 318—322, 328, 329, 339, 415, 417, 436—438, 452, 459, 460, 462, 467—472; II: 71, 74, 87, 97, 104, 108, 131, 141, 148—151, 176, 179, 191, 198, 235, 236, 249, 250, 312, 313

Италия — страна на юге Европы, на Апеннинском полуострове. До XIX в. не существовала как единое государство. В позднее Средневековье и раннее Новое время на территории Италии существовали отдельные герцогства и республики, в XVI в. на значительной ее части закрепилось господство Испании. В эпоху, описываемую Гайдом, итальянские государства не имели политических интересов в Англии, а Италия была местом паломничества по культурным достопримечательностям. В Англии было принято отправлять отпрысков благородных и состоятельных семейств в путешествия по Европе для довершения их образования II: 286

Йорк — укрепленный город у слияния рек Уз и Фосс в графстве Северный Йоркшир, Англия. Первое упоминание под названием Эборак относится

к 95—104 гг. н. э. С VI в. центр англосаксонского королевства Нортумбрия. После датского завоевания в 866 г. стал называться Йорвик. После Нормандского завоевания стал центром английского сопротивления норманнам. Благодаря своему удачному расположению был крупным торговым центром. Король Иоанн даровал ему первую городскую хартию в 1212 г. При Тюдорах переживал период экономического упадка. В 1644 г., во время Гражданской войны, был осажден сторонниками Парламента. Осада, стоившая городу многих средневековых построек, была снята принцем Рупертом, который вскоре после этого был разбит «кругловыми» в битве у Марстон-Мура. После Реставрации в 1688 г. из Йорка был выведен гарнизон, после чего он стал преимущественно городом джентри и купцов I: 21, 27, 36, 135, 143, 146—149, 152, 162, 258, 317, 327, 328, 334, 349, 351, 379—384, 386, 434, 441, 449, 467; II: 109, 305

Йоркшир — самое большое историческое графство в Англии с разнообразным рельефом. Во время Гражданской войны население разделилось в своих симпатиях и в разных районах поддерживало противоположные стороны I: 36, 67, 68, 143—148, 167, 187, 214, 312, 327, 329, 350, 351, 384, 385, 449; II: 27, 107, 255, 269, 270, 273, 279, 286, 295

Кавершем — в Средние века большая деревня с замком на северном берегу Темзы напротив Ридинга. В Гражданскую войну здесь шли ожесточенные бои за мост через реку. В 1643 г. роялисты были вынуждены сдать замок парламентским силам I: 192

Кайнтон — деревня на границе Уорвикшира, в 4—5 милях от Бенбери I: 72, 73, 77, 103, 242, 373

Кайнтон-Филд — деревня на севере Йоркшира в 4 милях от Скарборо. Во время Гражданской войны вместе со Скарборо и его замком неоднократно переходила из рук в руки. В 1644 г. оказалась под контролем роялистов, в 1645 г. была захвачена Кромвелем, затем снова перешла к роялистам, а в 1648 г. — снова к Парламенту I: 110

Кале — город-порт во Франции у залива Па-де-Кале, ближайший к Англии населенный пункт на материке. Был потерян Англией в 1558 г. Неоднократные

осады города испанцами, англичанами, голландцами в XVII в. сильно подорвали экономику города I: 413; II: 137, 201, 260, 265, 289

Калламpton — городок в графстве Девон. Во время Гражданской войны население не поддержало короля II: 84

Камберленд — историческое графство в Англии на берегу Ирландского моря, упраздненное в 1974 г. В эпоху Гражданской войны его жители оказывали поддержку Стюартам II: 102, 103, 108, 255, 279, 286, 293, 294

Кардифф — в настоящее время крупный город в Уэльсе, исторически входил в графство Гламорган. Во время Второй гражданской войны в битве при Сент-Фэгане Кромвель одержал победу, и это было последнее крупное сражение в Уэльсе II: 63—65, 67, 68, 106, 133

Карисбрук-касл, Карисбрук — деревня и замок в центральной части острова Уайт, где в 1647—1648 гг. Карл I находился в заточении II: 218, 223, 227, 230, 239, 302, 317, 334

Карлайл — город на крайнем северо-западе Англии в графстве Камберленд в 10 милях от границы с Шотландией. Выдержал две осады в 1645 г., когда в замке держали оборону роялисты. Осенью 1648 г. вынужден был сдаться. Но жители до конца продолжали поддерживать Стюартов I: 329, 382; II: 67, 237, 276, 278—280, 286, 294, 295

Кейвуд — небольшой городок близ Йорка, во время Гражданской войны переходивший из рук в руки I: 148, 149

Кембридж — университетский город на востоке Англии. Во время описываемых событий был важным оплотом парламентских сил I: 56

Кембриджшир — равнинное графство на востоке Англии. На основе нескольких средневековых монастырей здесь возник всемирно известный университет. Во время Гражданской войны здесь не оказалось сторонников короля I: 166, 267, 350

Кемден-хаус — в описываемое Гайдом время усадьба, ныне один из районов Большого Лондона к северу от Вестминстера II: 30

Кендал — деревня с церковью на берегу реки Кент в окружении низких холмов в графстве Камбрия II: 286, 293

Кеннет — река на юге Англии, приток Темзы I: 408, 425

Кент — графство на юго-востоке Англии с зелеными лугами и садами в 30 милях от Лондона. Из-за напряженных отношений с Нидерландами и Францией в XVII в. возводятся много фортификационных сооружений. На протяжении всей своей истории Кент играл значительную военную роль I: 201, 268, 323, 341, 343, 348, 359; II: 12, 13, 18, 23, 261, 262, 264, 265, 267, 268, 272, 275, 281, 282, 298, 301, 302

Килкенни — древнейший городок на юго-востоке Ирландии в долине реки Нор, место коронации в прошлом ирландских королей I: 163, 320

Киллингворт (Кенилворт) — город и замок в графстве Уорвикшир. В ходе Гражданской войны XVII в. переходил от одного владельца к другому и был сильно разорен I: 70, 153

Кингстон, Кингстон-на-Темзе — один из районов Большого Лондона. Исторически сельская местность. В названии саксонское звучание — «Царь усадеб». Здесь короновалась большая часть саксонских королей. В XVII в. здесь попеременно находились то роялисты, то парламентские войска I: 98, 99, 101, 262; II: 297, 298

Кинсейл — городок в Ирландии, в графстве Корк, провинция Манстер II: 313

Киртон — в настоящее время село в окрестностях Бостона в графстве Линкольншир I: 418; II: 92, 95

Кливленд — историческая область на северо-востоке Англии, буквально «скалистая земля», была частью Северного Йоркшира и располагалась к югу от реки Тис I: 148

Клоуз в Личфилде — фортификационное сооружение, имевшее стратегическое значение для Личфилда, в котором в 1643 г. укрылись роялисты, но были выбиты парламентскими войсками. Был отвоеван роялистами, но в 1646 г. снова был сдан I: 154, 155, 189, 190

Ковент-Гарден — в настоящее время — городская площадь и район в центре Лондона. В переводе означает «монастырский сад». Это название он получил благодаря существовавшим с XVI в. цветущим монастырским садам на окраине Вестминстерского аббатства. С 1661 по

1974 г. площадь была главным фруктовым, овощным и цветочным рынком II: 335

Ковентри — город в английском графстве Уорвикшир. Получил королевскую хартию в 1345 г. С 1451 по 1842 г. — город-графство. Некоторое время в XV в. был столицей Англии, несколько раз здесь собирался Парламент. Во время Гражданской войны был оплотом парламентских сил. Несмотря на несколько предпринятых попыток, силам роялистов не удалось взять город. В Ковентри содержали пленников из числа роялистов I: 21, 74, 75, 153, 371, 373, 420, 424; II: 156

Колнбрук — деревня на реке Брук в графстве Беркшир (ныне Бекингемшир) I: 96, 98, 99, 103

Колумб-Джон — поместье в 3 милях от Эксетера I: 229

Колфорд — небольшая деревушка в Мид-Девоне I: 159

Колчестер — город на северо-востоке графства Эссекс на реке Колн. В 1648 г. был осажден войсками «круглоголовые» I: 45; II: 282, 297—300, 302, 304, 337

Коммон-холл — здание для городских собраний, на которых членами городских корпораций избирались городские магистраты Лондона — лорд-мэр и шерифы I: 123, 124

Корнуолл — графство на юго-западе Англии. Поддержал свергнутого Карла I. В ходе боевых действий во время Гражданской войны Корнуолл был разорен I: 43, 130—142, 215, 219, 220, 226, 229, 233, 254, 274, 310, 312, 387—390, 394, 411, 415, 417, 418, 424, 435, 439, 465; II: 14, 20, 22, 25, 40, 49, 50, 53, 54, 57, 60, 67, 69, 70, 73, 74, 76, 77, 82, 91—93, 95, 96, 114, 118, 122—126, 128, 138, 144, 146, 174, 175

Корф-касл — поместье и небольшая деревушка в графстве Дорсет I: 272

Котсуолдс — холмистая местность на юге центральной Англии, в междуречье Темзы и Северна. Главный город Котсуолдса — Сайренсестер; большая часть области расположена в Глостершире I: 364, 378

Крайстчерч — город и район на южном побережье Англии, исторически в Гемпшире. Во время Гражданской войны несколько раз менял захватчиков. В 1652 г. там по приказу Кромвеля был разрушен замок II: 12

Кропреди — деревенька в Северном Оксфордшире I: 376, 377, 398

Кропреди-бридж — мост через реку Черуэлл в Северном Оксфордшире. По нему проходит дорога между деревнями Кропреди и Уильямскот I: 373, 374

Лайм — маленький прибрежный город у залива Лайм на западе графства Дорсет в 25 милях от Эксетера. В 1644 г. во время Гражданской войны сторонники Парламента выдержали здесь восьминедельную осаду роялистских сил I: 221, 272, 273, 312, 361, 365, 371, 412, 419; II: 13, 51, 54, 55

Ламборн — большая деревня в Западном Беркшире, в 13 милях к северо-западу от Ньюбери I: 431

Ланкашир — графство на северо-западе Англии на реке Лан, сильно пострадало в результате Гражданских войн XVII в. Перевес сил чередовался. Здесь армия Кромвеля разгромила шотландских сторонников короля I: 63, 149—152, 257, 312, 322, 329, 334, 249, 361, 379, 382; II: 102, 279, 293, 309, 345

Латом, Латом-хаус — древняя усадьба в деревне Латом, Ланкашир. Выстроенный в XV в. в эпоху Гражданской войны замок Латом-хаус был последним оплотом роялистов в Ланкашире, дважды подвергался осаде армией Парламента. Обороной замка во время первой осады руководила Шарлотта Стенли, графиня Дерби. В 1651 г. ее супруг, Джеймс Стенли, был обезглавлен по решению Парламента, а владения семейства Стенли конфискованы. После Реставрации Латом-хаус вернулся законным владельцам, пока в 1714 г. не был передан Джону Ашбурнему, 3-му барону Ашбурнему, в качестве приданого Генриетты Стенли, и продан. Вскоре средневековый замок был перестроен в палладианском стиле I: 349, 361, 379

Ледлоу — приграничный город и замок в Уэльсе. В 1646 г. «круглоголовые» 6 недель осаждали замок, разрушив северную башню. Роялисты сдались, поврежденный замок был окончательно заброшен II: 67, 77, 164

Ленгпорт — городок в графстве Сомерсет, исторически состоял из двух поселений — на холме и возле реки. Победа при Ленгпорте окончательно сломила сопротивление роялистов, и Первая

гражданская война была выиграна Кромвелем I: 45, 46, 52, 53, 62, 88

Лестер — город на реке Сор, центр графства Лестершир, Англия. Один из старейших городов Британии; первые поселения на этом месте относятся ко II тыс. до н. э. Был захвачен римлянами. В раннем Средневековье входил в состав королевства Мерсия. В ходе датского завоевания стал одним из пяти главных центров датчан. В Книге Страшного суда записан под названием «Ледесестер» как город, однако быстро потерял этот статус. По окончании Войны роз в Лестере был похоронен Ричард III. Фаворит Елизаветы I Роберт Дадли получил графство Лестер. Во время Гражданской войны был оплотом сторонников Парламента. В 1645 г. город был взят войсками принца Руперта и разорен I: 21, 36, 153; II: 31—34, 38, 62

Лестершир — графство в центре Англии холмистого рельефа. В начале Гражданской войны город Лестер и окрестности захватили роялисты, а в 1645 г. — парламентские войска, уничтожив все фортификационные сооружения, чтобы роялисты больше не могли их использовать I: 153, 280

Лидс — город в Йоркшире на реке Эйр. Центр транспортного сообщения на севере Англии. Во время Гражданской войны здесь располагался гарнизон роялистов, который в январе 1643 г. был атакован и взят в плен парламентскими войсками. В 1644 г. в городе распространилась эпидемия неизвестного заболевания, унесшего много жизней. В 1646 г. в нем останавливался на ночлег Карл I, взятый в плен шотландцами I: 146

Линкольншир (Линкольн) — графство на востоке Англии у берегов Северного моря. Во время Гражданской войны население поддерживало Парламент, в нем рекрутировались войска «круглоголовые». На протяжении всей войны на графство совершали рейды обе стороны I: 82, 149, 312, 327, 334, 350, 379; II: 77, 109, 269

Лискерд — небольшой старинный городок с рынком на юго-востоке Корнуолла I: 137, 139, 388; II: 60

Лифтон — деревушка (поселок) в юго-западной Англии в графстве Девон I: 134

Личфилд — старинный город в Стаффордшире. В XVII в. был религиозным

оплотом католицизма I: 154, 155, 187, 188, 190, 191; II: 38, 105, 113

Лондон — крупный средневековый торговый город. Во время Гражданской войны занял сторону Парламента. Были созданы военные ополчения и возведены оборонные укрепления, чтобы защитить город от войск роялистов I: 22, 31—33, 37, 44, 45, 48, 60, 66, 69, 70, 88—92, 94—99, 101—103, 107, 113, 115—117, 119—123, 125, 135, 136, 146, 150, 162—164, 166, 167, 170, 171, 174, 176, 180—182, 184, 185, 187, 196, 197, 199—201, 203—205, 208, 213, 219, 221, 229, 230, 243, 249, 258, 261, 262, 264, 266, 268—272, 278, 279, 281, 282, 284, 285, 288, 294—297, 299, 303, 306, 308, 310, 313, 314, 321—324, 331, 332, 339, 342, 343, 346, 348, 351, 357—360, 366, 371, 372, 385, 386, 398—401, 411, 416, 418, 424, 448, 449, 452, 465, 477; II: 9, 21, 86, 98—100, 125, 132, 134, 135, 137, 138, 143, 154, 157, 158, 166, 170, 181, 182, 184, 186, 187, 190, 192, 198, 199, 202—205, 209, 227, 228, 229, 227, 235, 237, 250, 252, 255, 256, 259, 261—264, 266, 267, 275, 281—283, 292, 297—299, 301—303, 311, 317, 320, 322, 325, 331, 334, 335, 342

Лонстон — город и замок в Корнуолле. В 1646 г. в замке находилась база роялистской обороны Корнуолла. Жители поддерживали роялистов, так как надеялись на создание независимого Корнуолла I: 132—135, 137, 214, 215; II: 53, 57, 69, 70, 73, 76, 82, 91, 93, 101, 115, 118, 120—123

Лоствизил (Лостуитиел) — город в лесистой местности Корнуолла в устье реки Фовей с замком. Город и замок были повреждены в 1644 г. при осаде войсками роялистов. I: 395, 399, 400, 402; II: 119

Льюис — городок в Восточном Сассексе. Заселен человеком в доисторические времена. В римскую эпоху здесь находилось поселение Мутуантонис. При саксах был построен укрепленный замок, получивший название Льюис от старосаксонского слова «Hlaew» — «холм». 14 мая 1264 г. состоялась битва при Льюисе — одно из двух основных сражений Второй войны баронов. В результате сражения между войском Симона де Монфора, 6-го графа Лестера, и войском короля Англии Генриха III король и его принц Эдуард были захвачены в плен, а Монфор стал фактическим правителем Англии.

Упоминается Гайдом как историческая параллель I: 76

Лэнсдаун (Лэнсдаун-хилл) — холм в окрестностях города Бата в графстве Сомерсет. Место сражения 5 июля 1643 г. Роялисты атаковали парламентские войска, и те вынуждены были отступить, обе армии понесли большие потери I: 231, 255, 413

Майнхед — в Средние века небольшой портовый город в округе Сомерсет на южном берегу Бристольского залива I: 43

Малборо — город в Уилтшире, уже в описываемое Гайдом время славился своим рынком. В описываемое время постоянных укреплений не имел. Его занимали парламентские войска I: 104—106, 352, 353, 357, 431

Малмсбери — в описываемое время небольшая община, примыкавшая к Малмсберийскому аббатству I: 159, 165

Манстер — историческая провинция на юге Ирландии I: 322, 339; II: 235, 312

Манчестер — город на северо-западе Англии в 160 милях от Лондона. В годы Гражданской войны поддерживал Парламент. В 1652 г. впервые получил представительство в Парламенте I: 63, 64, 151, 329, 334, 341, 379, 383

Маршалс-Элмс — ферма неподалеку от Гластонбери II: 46

Маршфилд — город на юго-востоке Глостершира, расположенный на границе с болотами. Стал жертвой сражения при Лэнсдауне в 1643 г. I: 230, 231, 234, 235

Маунт, Маунт-Стамфорд — город в земледельческом районе в графстве Линкольн на судоходной реке Велланд. В описываемое Гайдом время — стратегически важный район I: 309, 310; II: 118, 127, 128, 131, 132

Мейденхед — город на юге Англии в восточной части Беркшира в 25 милях от Лондона. В Средние века в Мейденхеде был построен мост через Темзу. В 1649 г. Карл I последний раз встретился здесь со своими детьми II: 193

Мендип-хилл — местечко в цепи известняковых холмов в графстве Сомерсет и Эйвон на юго-западе Англии I: 227

Миддлвич — небольшой город на востоке Чешира. Был местом сражения между сторонниками Парламента и роялистами 13 марта и 26 декабря 1643 г.

Обе стороны понесли большие потери I: 328, 239

Миддлсбург (Мидделбург) — город на юго-западе Нидерландов, столица провинции Зеландия в устье реки Шельды на острове Валхерн, в XVII в. важный центр Ост-Индской компании II: 290

Милбрук — поселок в Бедфордшире I: 220

Монмутшир — графство на юго-востоке Уэльса, главный город — Абергавени I: 158, 378; II: 61, 62

Монтгомеришир — традиционное графство Уэльса, существовавшее в качестве административно-территориальной единицы в составе Англии в период с 1535 по 1888 г. Монтгомеришир граничил с уэльскими графствами Радноршир на юге, Кардиганшир на юго-западе, Мерионетшир на северо-западе и Денбишир на севере, а также английским графством Шропшир на востоке. Графство было образовано Генрихом VIII во время проведения реформы административной системы Англии, в соответствии с Актами о Законах Уэльса 1535—1543 гг. I: 38

Мьюз — в XVII в. местечко в окрестностях Лондона II: 335

Мэдстон — город в графстве Кент на реке Медуз. В 1648 г. дважды был осажден парламентскими войсками II: 280

Мэн — остров в Ирландском море приблизительно на одинаковом расстоянии от Англии, Шотландии и Уэльса, собственность Британской короны. В 1643 г. Карл I отправил Джеймса Стенли для усмирения назревавших там революционных настроений. Была установлена жесткая власть, ограничивавшая свободу жителей. Через 6 месяцев после казни короля город был сдан под контроль парламентских сил II: 108, 149

Нантвич — город в графстве Чешир. Несмотря на то что большая часть графства выступала за короля, поддерживал Парламент I: 63, 151, 152, 155, 328—330; II: 346

Незби — поселение к северу от Нортгемптона, где 14 июня 1645 г. армия Кромвеля разгромила войска Карла I. Решающую роль в сражении сыграла конница Кромвеля II: 36, 43, 48, 65, 70, 77, 103, 114, 129, 131, 138, 144

Неттлбед — деревушка в окрестностях Ридинга в сельской местности I: 192

Нидерланды — область на побережье Северного моря в низовьях рек Рейн, Маас и Шельда, получившая такое название в конце эпохи Средневековья. В Средние века Нидерланды (в которые входили территории современных Бельгии и Нидерландов) включали в себя различные графства, герцогства и епархии, входившие в состав Священной Римской империи. Они были объединены в одно государство под властью Габсбургов в XVI в. После распространения кальвинизма последовала Контрреформация, вызвавшая раскол в стране. Попытки испанского короля Филиппа II централизовать государство привели к восстанию против испанского господства под предводительством Вильгельма I Оранского. 26 июля 1581 г. была провозглашена независимость страны Соединенных провинций, официально признанная другими государствами только после Восьмидесятилетней войны (1568—1648). В годы войны за независимость начался «Золотой век» Нидерландов, период экономического и культурного процветания, продлившийся все XVII столетие. Во время Гражданской войны в Англии Соединенные провинции не оправдали надежд Карла I на поддержку. В это время и особенно с победой Парламента усилилась борьба между Нидерландами и Англией за экономическое господство на море I: 27, 113, 185, 413, 469, 470; II: 45, 300

Новый Лес — местность в юго-восточной Англии, на границе Гемпшира и Уилтшира. Был провозглашен королевским лесом при Вильгельме Завоевателе. Район открытых пастбищ, пустошей и лесов II: 216

Норидж — город на реке Уэнсум в Восточной Англии, расположенный приблизительно в 100 милях к северо-востоку от Лондона. Основан саксами в VII в., тогда и получил свое название, которое означает «северное поселение». Является региональным административным центром Восточной Англии и главным городом графства Норфолк. В период от Средневековья до Промышленной революции Норидж был крупнейшим городом Англии после Лондона I: 113

Нормандия — регион и историческая область на северо-западе Франции II: 259

Нортгемптон — город на реке Нен в графстве Нортгемптоншир, Англия. Древнейшее поселение на месте города датируется бронзовым веком. Во времена нормандского завоевания был возведен Нортгемптонский замок, который служил временной королевской резиденцией и местом заседаний Парламента. В 1189 г. Нортгемптон получил городскую хартию. Во время Гражданской войны город поддерживал «круглоголовых» (Парламент). После победоносного окончания войны Карл II приказал разрушить городские стены и значительную часть замка I: 21, 28, 37, 47, 87, 152, 198, 373, 377; II: 34, 41, 114

Нортгемптоншир — графство в центре Англии без выхода к морю. В описываемое время поддерживал Парламент I: 43, 72, 104, 309, 373, 420; II: 34, 175

Нортумберленд — графство на северо-востоке Англии на берегу Северного моря. Малонаселенный район даже в наше время с обилием замков, которые служили защитой английской границы и были местом кровопролитных боев на протяжении всей истории I: 147; II: 294

Норфолк — графство на востоке Англии. Равнинная территория со столицей в Норидже. Во время Гражданской войны поддерживал Парламент I: 166, 267, 350

Ноттингем — город на реке Трент в графстве Ноттингемшир, Англия. Основан приблизительно в VII в. англосаксонскими поселенцами. Впервые упоминается как Сноттингем в Англосаксонской хронике под 868 г. Название, вероятно, восходит к имени саксонского вождя Снота. В XI в. Вильгельм Завоеватель построил здесь Ноттингемский замок. Город получил самоуправление в середине XV в. 22 августа 1642 г. король Карл I поднял здесь королевский штандарт, положив таким образом начало Гражданской войне I: 21, 27, 37, 40, 41, 55—57, 66, 67, 70, 95, 183, 212, 334; II: 109, 273

Ноттингемшир — графство в центральной части Англии (регионе Ист-Мидленд). В начале Гражданской войны в 1642 г. Карл I поднял королевский штандарт над Ноттингемским замком, надеясь на поддержку подданных, но вскоре и вплоть до конца войны графство заняли войска Парламента. Сам замок был уничтожен в 1651 г. I: 58, 312; II: 77, 269

Ньюарк, Ньюарк-апон-Трент — старейший речной порт и торговый город вокруг средневекового замка в Ноттингемшире. Во время Гражданской войны был оплотом роялистов. Начиная с 1643 г. выдержал несколько осад, а в мае 1646 г. был сдан по приказу Карла I. Фортификационные укрепления были уничтожены парламентскими войсками, следы этого можно видеть еще и сейчас I: 149, 327, 334, 335, 349, 380; II: 31, 34, 77, 78, 85, 104—107, 109—111, 113, 133, 135, 143, 152, 154, 158, 169, 183, 269

Ньюбери — город на реке Кеннет в графстве Беркшир в 56 милях к западу от Лондона. Во время Гражданской войны — место ожесточеннейших сражений I: 282, 285, 286, 293, 295, 296, 299, 312, 331, 353, 398, 405, 408, 422—426, 430—432, 440; II: 28

Ньюбридж — каменный мост XIII в. через Темзу в Оксфордшире между Абингдоном и Уитни, недалеко от слияния Темзы с ее притоком Виндраш I: 361—363

Ньюкасл (Ньюкасл-апон-Тайн) — город на северо-восточном побережье Англии в графстве Нортумберленд на границе с Шотландией. Сначала город был роялистским, позднее его захватили парламентские войска, дважды оккупировали шотландцы. В 1645 г. плененный шотландцами Карл I провел здесь под стражей 9 месяцев I: 434, 467; II: 107, 152, 153, 156, 159, 161, 165, 169, 171, 172, 176, 209, 236

Ньюпорт-Пагнелл — город на возвышенности при слиянии рек Уз и Узл в Беркшире. Имя получил по фамилии старинных владельцев усадьбы. В городе был замок. В 1643 г. в нем были расквартированы парламентские войска I: 308, 309; II: 228, 303, 304, 314, 324, 327, 329

Ньютон-Бушел — в настоящее время часть города Ньютон-Эббот в графстве Девон, в описываемое Гайдом время был отдельным городом II: 84

Окемптон — городок с замком (ныне руинами) в графстве Девон, на северной оконечности Дартмура I: 215

Окингтон — небольшая деревня в 4 милях к северо-западу от Кембриджа I: 83, 84, 91—93, 95, 100

Оксфорд — город в центральной части Южной Англии, центр Оксфордшира.

Через него протекают реки Темза и Червелл, которые сливаются к югу от города. Известен благодаря университету, основанному в XII в. В 1642 г., когда Карла I изгнали из Лондона, здесь находился двор короля. Позднее город распался за свои приставы. В 1650 г., став главой университета, Кромвель изгнал прежних деканов и снес укрепления I: 48, 55, 85, 87, 89, 94, 104, 106, 107, 122, 125, 127, 129, 130, 152, 153, 158, 160, 161, 163—165, 167, 174, 175, 182, 183, 185—187, 191—193, 196—199, 201, 202, 204—209, 212, 219, 220, 225, 234—236, 238, 239, 241—243, 248, 261, 263, 264, 266, 268—270, 277, 279, 283, 285, 288, 295—297, 299, 306, 308, 309, 313—317, 322—326, 328, 331, 334, 335, 341, 346, 349, 351—355, 357—364, 367—370, 372, 379, 391, 393, 398, 402—409, 412, 416, 418—423, 425, 428, 430, 432—434, 438, 443, 448, 449, 452, 461, 462, 464—469, 471—473, 476; II: 11, 13—15, 21, 23, 27, 28—34, 40, 48, 78, 79, 81, 85, 97, 98, 106, 109, 113, 114, 124, 128, 130, 132, 134, 135, 143, 147, 149, 152, 154, 156—158, 164, 169, 192, 193, 208, 211, 253

Оксфордшир — стратегически важное графство на юго-западе Англии, граничившее со всем графствами, принимавшими активное участие в английской Гражданской войне I: 44, 104, 129, 165, 312, 368

Остенде — морской город в провинции Западная Фландрия. Сегодня в нем практически не сохранилось средневековых свидетельств истории из-за бесконечных войн за него II: 290

Оутлендс — королевское поместье Карла I возле деревушки Оутлендс (Суррей). Дворец, не сохранившийся до наших дней, был перестроен из аббатства Чертси Генрихом VIII для Анны Клевской. Здесь проводили время и другие его жены. И при Тюдорах, и при Стюартах оставался королевской резиденцией. После казни Карла I был приобретен Робертом Торбриджем, который разобрал его на кирпичи, которые, в свою очередь, продали. Сохранившийся охотничий домик начали расширять только в XVIII в. I: 101

Падстоу — город и рыбацкий порт на северном побережье Корнуолла, расположенный на западном берегу эстуария реки Кемел, в 10 милях к северо-западу от Бодмина II: 128

Париж — столица Франции. Во время Гражданской войны роялисты (во многом с помощью супруги Карла I Генриетты Марии) пытались найти поддержку у французских католиков, а Франция вела двойную игру с целью ослабления Англии I: 113, 315; II: 71, 87, 137, 146, 149—153, 159, 161, 162, 166, 167, 188, 189, 207, 236, 245, 245, 251, 252, 259, 260, 268, 283

Парр (Пар, вал. Ан Порт) — деревня и рыбацкий порт с бухтой на южном побережье Корнуолла. Расположена в 3,5 милях от Сент-Остела и принадлежит приходу Сент-Блейзи I: 397

Патни — до 1889 г. деревня, а затем часть юго-западного района Лондона. В 1642 г. после сражения у Брентфорда парламентские войска навели понтонный мост между Фулемом и Патни II: 204

Пемброкшир — графство на юго-западе Уэльса. Во время Гражданской войны поддерживал парламентские войска, в отличие от западного Уэльса, который был на стороне роялистов I: 247, 312

Пенденнис, Пенденнис-касл — город и замок на мысу реки Фал. Самое большое укрепление в Корнуолле. Защищал Фалмут. В 1646 г. парламентские войска напали на него с моря и с суши. Место, где сейчас доки, было перегорожено траншеями и в них установлены орудия. Город продержался 6 месяцев. Пала предпоследняя цитадель, поддерживавшая короля I: 131, 135, 141, 215, 332; II: 72, 75, 93, 99, 126—129, 131, 132, 144, 164, 174

Пенкрит (Пенрит) — исторический сельский район в графстве Камбрия на дороге из Манчестера в Карлайл II: 286

Пернон-Форт — укрепление в устье реки Фоуи в Корнуолле I: 369

Першор — торговый городок в Вустершире на реке Эйвон, в 6 милях к западу от Ившема. Расположен в изобильном сельскохозяйственном районе I: 364

Петбертон-бридж — мост через реку Таун, в описываемое время находившийся в окрестностях Таунтона II: 42, 87

Петпорт — небольшой городок в графстве Западный Сассекс. В XVII в. это поместье графа Нортумберленда в деревушке в округе Чичестера I: 268

Плимут — город в графстве Девон на юго-западе Англии почти в 200 милях от Лондона в междуречье Плима и Тамара

на границе с Корнуоллом. К началу Гражданской войны (1642 г.) по меркам того времени был довольно большим городом. Жители Плимута встали на сторону Парламента, в то время как остальная часть юго-запада выступала преимущественно за короля. В городе были проведены дополнительные работы по его укреплению I: 134, 136—140, 218—220, 229, 255, 274, 276, 309—312, 339, 392, 401, 410—413, 416—418; II: 14, 25—27, 40, 48—52, 55—60, 82—84, 91, 95, 97, 101, 115

Понтефракт, Понтефракт-касл — поселок и замок в Западном Йоркшире. Оплот роялистов. Был razoren в 1644 г. парламентскими войсками I: 149; II: 28, 77, 269—273, 281, 295, 305—309

Портленд — исторически был небольшим известняковым островом на юге Дорсета недалеко от Уэймута. В XVI в. здесь был построен замок Портленд-касл для защиты от вторжения французов I: 272, 370, 420, 460; II: 12, 13

Портсмут — город на южном побережье Англии в графстве Гемпшир, на берегу пролива Солент, который отделяет Англию от острова Уайт. В доримские времена здесь существовали отдельные поселения. В Порчестере, чуть севернее Портсмута, находился римский форт, где, возможно, была база римского флота. В Англосаксонской хронике содержится упоминание о «Портемсуте», основанном саксонских воином по имени Порт, за 501 г., хотя многие исследователи отрицают подобную этимологию. По другой версии, Портсмут был основан в конце XII в. англо-нормандским купцом Жаном де Жизором. В Книге Страшного суда упоминание Портсмута отсутствует. Получил первую королевскую грамоту в 1194 г. от Ричарда I. Значение города особенно возросло в эпоху Тюдоров; в конце XV в. здесь был основан сухой док. Расширенный в конце XVII в., он превратился в самую крупную военно-морскую базу Британии. В 1628 г. здесь Джоном Фелтоном был збит фаворит Карла I герцог Бекингем. Во время Гражданской войны город превратился в крупнейшую базу парламентского флота. После Реставрации, во время Англо-голландской войны адмирал Роберт Блейк также использовал город как свою основную базу I: 22, 28, 42, 43, 139, 179, 226, 421; II: 286

Португалия — страна на Пиренейском полуострове, поддерживала Карла I во время Гражданской войны в Англии I: 112

Пудрам-хаус — укрепленное поместье в болотистой местности в графстве Девон в 4 милях от города Эксете́ра. Во время Гражданской войны здесь был гарнизон из 300 солдат роялистов. В декабре 1645 г. был осажден парламентскими войсками, но безуспешно. Только в январе 1646 г. укрепления пали и были сильно разрушены II: 95

Престон — город (ранее село) в графстве Ланкашир на берегу реки Риббл (Рибул). Во время Гражданской войны его жители поддерживали короля. В феврале 1643 г. город захватили парламентские войска. В марте роялисты отбили его, но уже в апреле были вынуждены уйти из него. Для города война закончилась в 1646 г., когда король был взят в плен, но в 1648 г. шотландская армия пыталась вернуть его трону II: 288, 293

Пул — город на берегу Ла-Манша на северном побережье полузамкнутого залива Пул. Город избежал крупномасштабных нападений. В 1646 г. парламентский гарнизон изгнал роялистов из близлежащего замка Корф I: 221, 272, 312, 401

Пфальц — одно из княжеств в Баварии, попавшее в орбиту борьбы между австрийским королем и протестантскими силами, искавшими поддержки у английского короля I: 112, 254

Раглан-касл, Раглан — деревня и замок в Монмутшире были на стороне роялистов, но в 1646 г. замок был взят парламентскими войсками и разрушен, чтобы вновь не создавать военной угрозы I: 226; II: 62, 67, 79, 80, 174, 322

Раднок — гористое место в Уэльсе по дороге из Брекнока II: 67

Раундуэй-Даун — местечко в окрестностях Оксфорда. Место сражения 13 июля 1643 г. Парламентские войска были атакованы роялистскими войскам, идущими на помощь Дивайзу, и потерпели поражение. После этого роялисты заняли Бристоль I: 238, 240, 241, 285, 316

Ре — остров у западного побережья Франции в северной части пролива Антиош напротив города Ла-Рошель. В 1625 г. был захвачен гугенотами в борьбе с Людовиком XIII, но в том же году

был отвоеван королевскими войсками. Позднее герцог Бекингем пытался высадиться на берег, чтобы помочь французским протестантам I: 413

Реприн-бридж — пятиарочный средневековый мост через реку Фоуи в приходе Ланхидрок I: 396

Ридинг — город на юго-востоке Англии в Беркшире в долине слияния рек Кеннет и Темзы. Название происходит от саксонского «народ Реда». До XVI в. играл ключевую роль в политической и религиозной жизни страны. После блокады города, введенной Парламентом во время Гражданской войны, экономика его пришла в упадок I: 94, 95, 97, 98, 101—104, 120, 128, 183—186, 191—196, 198, 205, 220, 246, 249, 284—286, 312, 341, 347, 348, 352, 353, 357—360, 368, 384, 403, 405, 408, 416, 420, 422, 473; II: 16, 193

Ричмондшир (Ричмонд) — район в графстве Норт-Йоркшир. С XIV в. любимая резиденция королей. В 1648 г. по приказанию Парламента был разрушен королевский дворец I: 148

Росс — название ряда населенных пунктов в Англии и Ирландии. Имеется в виду ирландское графство Роскоммон либо, что вероятнее, барония Росс, расположенная между ирландскими графствами Лонгфорд и Вестмит I: 321

Ротерем — город на берегу судоходной реки Дон в графстве Саут-Йоркшир с выплавкой железа с римских времен II: 78, 106

Рочестер — город и замок на восточном берегу реки Медузй. В конце XVI в. замок пришел в упадок: рвы были засыпаны, а камни растащены на другие постройки, поэтому он не мог помочь городу в 1648 г., когда его захватили кавалеры II: 281

Руан — историческая столица Нормандии, центр северной Франции II: 189, 245, 259, 260

Садли-касл — живописное поместье среди Котсуолдских холмов на западе Англии в Глостершире. В Средние века королевское владение, ныне в частных руках I: 280, 365, 366, 368

Сайренсестер — город в графстве Глостершир, на юго-западе Англии в 90 милях от Лондона, близи истока реки Темзы. В феврале 1643 г. на улицах города произошла резня между роялистами

и сторонниками Парламента I: 129, 130, 159, 160, 281, 387

Сассекс (Суссекс) — графство на юго-востоке Англии. В ходе Гражданской войны избежал худших разрушений, хотя в 1642 г. были осаждены города Арунделл и Чичестер и роялисты разбиты. Несмотря на это, даже когда графство было во власти Парламента, здесь были сильны симпатии к королю I: 268, 322, 340—343, 359, 404; II: 12, 13, 18, 23, 24, 238

Саутворк — ранее поселок, ныне часть Лондона. Название происходит от «бого» — «поселок». В XVII в. единственный большой лондонский мост через Темзу связывал районы Сити и Саутворк. До 1640 г. этот район был значимым местом, затем здесь навели свой порядок пуритане, и хотя Саутворк не обладал статусом сити, он имел своего представителя в Парламенте II: 202, 204

Саффолк (Суффолк) — графство в восточной Англии на берегу Северного моря I: 69, 166, 267, 350

Северн — самая большая судоходная река в Англии, начинается в Уэльсе и впадает в Бристольский залив I: 38, 48, 60, 158—160, 187, 257, 312, 366; II: 62, 80, 104

Северный Уэльс — историческая область в Уэльсе (западная часть полуострова). Уэльсцы сохранили католичество и во время Гражданской войны были оплотом роялистов I: 61, 151, 152, 158, 328, 334, 349, 460, 461; II: 102, 103

Селби — город в Нью-Йоркшире вдоль течения реки Уз. Место сражения 11 апреля 1644 г. между роялистами и парламентскими войсками, в котором последние одержали победу I: 148, 149, 372, 329, 334

Селтеш — морской город в Корнуолле. Во время Гражданской войны переходил из рук в руки I: 134, 135, 137—139, 220, 410

Сендфорд-Ферри — имеется в виду переправа через Темзу в деревне Сендфорд-он-Темз, расположенной к югу от Оксфорда на берегу реки I: 361

Сен-Мало — город и порт на северо-западе Франции на берегу Ла-Манша в устье реки Ранс. В средневековой крепости укрывались корсары и пираты II: 145, 174

Сент-Айвз — приморский город в графстве Корнуолл, в прошлом — рыбацкая деревня II: 70, 120

Сент-Блейз (Сент-Блейзи) — городок в Корнуолле в 3 милях к востоку от Сент-Остеа I: 397, 411

Сент-Джеймс — один из маленьких и старейших районов Лондона. До того как Карл II по примеру Версаля преобразовал его в парк, это были королевские охотничьи угодья с разгуливавшими здесь оленями II: 258, 335, 351, 352

Сент-Мари-Оттри — местечко в 9—10 милях от Экстера. Лагерь роялистов во время Гражданской войны II: 59

Сент-Мартин — местечко в Кентербери. Во время Гражданской войны его жители испытывали симпатию к королю I: 121

Сент-Олбанс — город на юге Гертфордшира, в 20 милях к северу от Лондона на реке Вер I: 88, 213, 308, 316, 359, 372; II: 184, 186

Сент-Остел — городок в Корнуолле, в 10 милях к югу от Бодмина и 30 милях к западу от границы с Девонем, в 3 милях к западу от Сент-Блейза I: 397

Силли — небольшой архипелаг из мелких островов в 30 милях к юго-востоку от графства Корнуолл. Это самая южная точка Англии. Острова расположены так, что все войны на территории Англии так или иначе затрагивали их, принося разорение, нищету и невзгоды I: 15; II: 100, 126, 128, 132, 144—146, 149, 164

Сион — усадьба графа Нортумберленда на месте аббатства, существовавшего в XV в. II: 205

Скарборо — крепость Скарти (сканд.). Город-порт на мысе, вдающемся в Северное море, в Северном Йоркшире. Еще в 1626 г. здесь были обнаружены целебные источники (сейчас это модный курорт) I: 149, 381

Скиптон — замок на самом севере Англии в Йоркшире. Во время Гражданской войны был последним оплотом роялистов на севере страны. Сторонники Парламента осаждали его в течение трех лет, но так и не смогли взять. Только в 1645 г. после переговоров Кромвеля с роялистами замок был сдан на почетных условиях: защитники замка со знаменами под звуки труб вышли из ворот замка. Кромвель приказал снести зубцы башен, крышу и верхнюю часть стен замка II: 108

Солсбери — город на юго-востоке Уилтшира на краю Солсберийской равнины на реке Эйвон. Во время

Гражданской войны в 1644 г. город захватили роялисты, затем парламентские войска и снова роялисты. Последнее сопротивление роялистов было подавлено в 1655 г. I: 221, 339, 421, 439; II: 12, 17

Сомерсет-хаус — ныне здание в стиле классицизма, занимающее целый квартал между Стрендом и Темзой в Лондоне и построенное в 1776—1796 гг. по более раннему проекту архитектора Инниго Джона. В середине XVI в. на месте современного здания построил свою городскую резиденцию Эдуард Сеймур, 1-й герцог Сомерсет. Когда он попал в опалу, Сомерсет-хаус изъяли в государственную казну. При Марии Тюдор здесь жила будущая Елизавета I, а в XVII в. — супруги королей Якова I, Карла I и Карла II. Анна Датская пригласила Инниго Джона заняться перепланировкой дворца, в результате которой он был на время переименован в Денмарк-хаус. Во время Гражданской войны Парламент выставил недостроенный дворец на продажу, но безуспешно. Тогда в Сомерсет-хаус заселился главнокомандующий Томас Ферфакс. Здесь же проходило народное прощение с Оливером Кромвелем. После Реставрации во дворец вернулась королева Генриетта Мария. Считалось, что именно здесь плелись заговоры с целью свержения англиканства в стране: и до продажи дворца, и после Реставрации в Сомерсет-хаусе размещалась католическая часовня. После Великого лондонского пожара Сомерсет-хаус был отстроен под руководством Кристофера Рена, однако Славная революция вновь привела его в запустение. Покинутый царственными особами дворец пришел в упадок и наконец в 1775 г. был снесен I: 50, 182

Сомерсетшир — графство на юго-западе Англии. Его территория заселена со времен палеолита. После нормандского завоевания его земли были разделены на фьефы, и значительные территории принадлежали короне. В период Гражданской войны большая часть территории графства поддерживала Парламент. Наиболее яркие события в истории графства этого времени — осада Таунтона и битвы при Лэнсдауне и Ленгпорте. За годы Гражданской войны его территория была разорена. В 1685 г. в Сомерсетшире и соседнем Дорсете вспыхнуло восстание

Монмута, которое, однако, было быстро подавлено I: 22—24, 43, 44, 137, 166, 214, 220, 222, 225—227, 234, 243, 244, 247, 312, 387, 398, 411, 419, 439, 461, 465; II: 13—16, 18, 21, 23, 52, 73, 80

Сомертон — небольшой город в графстве Сомерсет (Англия). Первое упоминание относится в 733 г. (Англосаксонская хроника). В англосаксонскую эпоху был важным политическим и торговым центром. После нормандского завоевания утратил свое значение, оставаясь при этом центром графства I: 26, 227

Спин — деревня в Западном Беркшире, в 2 милях к северо-западу от Ньюбери. Вторая битва при Ньюбери 27 октября 1644 г. произошла в Спине I: 425, 426, 428, 430

Стаффорд — город в Стаффордшире с замком в болотистой местности неподалеку от реки Соу в месте впадения ее в Трент I: 155, 157

Стаффордшир — графство на западе центральной части Англии. На протяжении Средних веков из-за отсутствия хороших дорог был труднодоступен, города сохраняли относительную вольность I: 36, 40, 62, 153, 329; II: 30

Стейн (Стейнс-апон-Темз) — городок на Темзе в графстве Суррей I: 416

Стерлинг — город на востоке центральной части Шотландии на правом берегу реки Форт при впадении ее в залив. Город имел стратегическое значение, а потому принимал участие во всех конфликтах, включая сражение 1648 г. в Гражданскую войну II: 106

Страттон — город в Корнуолле на берегу реки Бюд. Известен благодаря победе роялистов над парламентскими войсками в 1643 г. I: 215, 218, 221, 241, 310; II: 123

Стренд — важная дорога в Лондоне, которая вела из Вестминстера в Сити. Вдоль нее на берегу Темзы были расположены усадьбы сановников и князей церкви I: 50; II: 204

Суррей — графство на юге Англии, ныне вблизи Большого Лондона. Лесистая местность с меловыми взгорьями. Исторически важный оплот королевских семей I: 106; II: 12

Тависток — небольшой городок вблизи Дартмура в лесистой местности. Название городу дала речка Тави. Здесь было

расположено бенедиктинское аббатство, упраздненное Генрихом VIII. В XVII в. эта местность принадлежала 5-му герцогу Бедфорду, который часто менял политические пристрастия и переходил из одной партии в другую I: 134, 139, 140, 141; II: 44, 56, 93—97, 100, 101, 115, 119, 124

Тадкастер — городок в Северном Йоркшире в округе Селби. 7 декабря 1642 г. в районе мостовой переправы произошло сражение между сторонниками Парламента и роялистами I: 149

Таунтон — город и замок в графстве Сомерсет на юго-западе Англии. С 1642 по 1645 г. город и замок переходили из рук в руки, в это время пострадали многие средневековые сооружения, созданные еще в эпоху Тюдоров I: 43, 222, 223, 419, 438, 439, 477; II: 10, 12—14, 16—22, 24—26, 28—30, 41—45, 48, 51—53, 55, 61, 73, 82, 87, 88, 90

Тауэр (Лондонский Тауэр) — крепость, стоящая на северном берегу Темзы. Исторический центр Лондона, одно из старейших сооружений Англии I: 44, 183, 202, 248, 278, 314, 366, 450, 470, 474, 475; II: 180, 219, 222, 301

Твиттеном — город на юго-востоке Лондона на реке Темзе в округе Ричмонд II: 202

Тейм — поселок вблизи Оксфорда I: 205, 206, 209, 213, 242

Теймар — река, протекающая по юго-западу Англии. Впадает в Северное море в районе пролива Ла-Манш I: 137, 218

Темза — река на юге Англии, протекает через Лондон и впадает в Северное море, образуя эстуарий, и судоходна почти на всем протяжении, ледостав — только в очень холодные зимы. Помимо Лондона на этой реке расположены Оксфорд и Рединг, которые активно фигурируют в сражениях XVII в. I: 44, 184, 361, 363, 408; II: 266, 283—285, 297, 311

Тивертон — город на юго-западе Англии в Девоне, расположенный на берегах рек Экс и Лоуман I: 220, 411, 418; II: 25, 27, 54, 55, 74, 76, 82, 86

Тиджфилд — село на юге Гемпшира на реке Мион к востоку от города Форем. В Средневековье здесь было аббатство, в XVII в. строения аббатства были преобразованы в усадьбу II: 216—219

Торрингтон — город на юго-западе Англии в Девоне на реке Торридж. Имел стратегически важное значение во время

Гражданской войны. В 1646 г. парламентские войска захватили его и уничтожили. Это был последний оплот роялистов на западе страны I: 274, 275; II: 54, 122, 123

Тотнес — рыночный и общинный город в верховьях дельты Дарта в Девоншире. Во время Гражданской войны в его ратуше были расквартированы солдаты. Здесь побывал Оливер Кромвель для встречи с главнокомандующим Томасом Ферфаксом I: 273; II: 86, 94—96, 101

Тоустер — поселок в Нортгемптоншире недалеко от Ньюпорт-Пагнелла, население поддерживало Парламент, переходил из рук в руки I: 309

Трент — река в Англии, третья по длине в Великобритании. Берет начало у южной оконечности болота Мидалф в Стаффордшире, впадает в Северное море. Ее эстуарий Хамбер создает естественную границу между Мидлендсом и Северной Англией. Вплоть до Реставрации была судоходной лишь от устья до Ноттингема I: 21; II: 107, 110

Трерис — поместье в Корнуолле. Сохранившийся Трерис-хаус находится в Кесл-Милл. В XVI в. дом был перестроен. С XIV в. до 1768 г. поместье дважды становилось родовым имением Арунделлов. II: 174

Труро — административный центр Корнуолла, самый южный город Великобритании на берегах одноименной реки. В Средние века — торговый и рыболовецкий центр, существовал оловянный рудник. Во время Гражданской войны в Англии Карл I учредил в Труро свой печатный двор, но когда город сдался армии Парламента, королю пришлось быстро спастись через Флимут I: 131; II: 86, 92, 93, 95, 119, 120, 124, 125, 128

Турция — в то время часть Османской империи, раздираемой внутренними противоречиями и приходящей в упадок I: 286

Тьюксбери — небольшой торговый город в Глостершире при слиянии рек Северн и Эйвон в 100 милях от Лондона. В городе располагался бенедиктинский монастырь, большинство строений которого были разрушены еще в XVI в. I: 161, 281, 364, 368

Уайт — остров у южного побережья Англии, отделенный от острова Великобритании проливом Солент. Римляне

владели кельтским Вектисом (о. Уайт) с I до рубежа IV—V вв. н. э. Затем он был заселен ютами, и вскоре (в 530 г. согласно Англосаксонской хронике) захвачен королем Уэссекса. С 534 по 661 г. остров имел собственных королей из той же династии. Во время Гражданской войны в ноябре 1647 г. Карл I бежал из плена на остров Уайт, надеясь найти там убежище, однако губернатор острова Роберт Хаммонд заключил его в замок Кари-сбрук, где он пребывал до перевода в замок Херст и последовавших за этим суда и казни I: 22; II: 216—223, 226, 228, 230, 233, 237, 251, 252, 264, 302, 303, 314, 320, 329, 332—334

Уайтхолл — дворец в Лондоне, который занимал многокилометровую площадь между Темзой и Сент-Джеймским парком и был основной резиденцией английских королей в Лондоне с 1530 по 1698 г., когда он сгорел. На момент пожара во дворце насчитывалось более полутора тысяч помещений, что делало его самым большим во всей Европе. После пожаров в 1691 и 1698 гг. дворец не восстанавливали и в 1769 г. снесли большую часть сооружения. Единственное, что осталось от комплекса, — миниатюрный Банкетный зал (арх. Иниго Джонс, 1622 г.) с плафоном кисти Рубенса. От дворца берет название улица Уайтхолл I: 41, 94; II: 191, 335—337, 348, 349, 351

Уарк — деревня в Нортумберленде, недалеко от границы с Шотландией I: 248, 320, 322

Уиллингтон-хаус — усадьба в 5 милях от города Таунтона II: 19, 20, 26

Уилтон — городок в Уилтшире. Расположенный рядом с городом Уилтон-хаус был резиденцией графов Пемброк в течение более 400 лет, с 1542 г. До этого момента здесь находилось аббатство, перестроенное, по легенде, по проекту Ганса Гольбейна Младшего. До наших дней сохранилась лишь часть тюдоровского особняка I: 421, 422, 463

Уилтшир — графство на юго-западе Англии. Название происходит от древней столицы и реки Уайли. Во время Гражданской войны Уилтшир поддерживал сторону Парламента I: 95, 104, 129, 159, 220, 234, 281, 312, 412; II: 14, 16, 18, 104

Уильямскот — небольшое поселение в окрестностях Уоррингтона, что

в 4 милях к северо-востоку от Бенбери, в Оксфордшире I: 376

Уитби — город в Норт-Йоркшире на восточном побережье Британии в дельте реки Эск, в описываемое Гайдом время лишь небольшой рыболовецкий порт I: 165

Уитни — старинный торговый городок на реке Виндраш в 12 милях к западу от Оксфорда I: 368, 371

Уоллингфорд — город в Брекшире (ныне Оксфордшире) на берегу Темзы. Был разрушен во время Гражданской войны, оставившей лишь руины замка I: 104, 268, 269, 270, 283, 341, 353, 406, 408, 428, 430; II: 164

Уоллихемптон (Вулверхемптон) — город на северо-западе графства Стаффордшир. Он был основан леди Вульфунгой в 985 г. отсюда его название. Во время войны XVII в. пережил несколько разрушительных пожаров I: 70

Уорвик — город в центральной Англии. Принадлежал графам Уорвикам, участвовавшим в Гражданской войне на стороне Парламента I: 74, 85, 87, 88, 90, 94, 95, 371, 373, 377, 420; II: 156, 169

Уорвик-касл — замок в графстве Уорвикшир в центральной Англии на реке Эйвон. Защита замка была усовершенствована в 1640-х гг., чтобы подготовить его к событиям Гражданской войны. Роялистские войска осадили его, но замок выдержал осаду и впоследствии использовался для содержания пленников, захваченными войсками Парламента I: 84, 153, 188; II: 169, 170

Уорвикшир — графство в центральной части Англии в Стаффордшире I: 72, 153, 157, 188, 372, 455

Уормистер — город и церковный приход в Западном Уилтшире между Солсбери и Батом в 55 милях от Лондона. В 1642 и 1645 гг. город был местом нескольких военных столкновений между роялистами и сторонниками Парламента. К 1646 г. город пострадал, поддерживая «круглоголовых» I: 246

Уоррингтон близ Лонстона, Уоррингтон — город в Ланкашире, опорный пункт парламентских войск в ходе Гражданской войны. Выемки в стенах современной приходской церкви, по легенде, — следы пушечных выстрелов того времени II: 61, 70, 92

Утокестер — торговый городок в графстве Стаффордшир, в миле от

реки Доув. Здесь в 1648 г. произошла последняя в ходе Гражданской войны осада парламентских сил роялистами II: 289

Уэймут — маленький провинциальный город на берегу Ла-Манша в графстве Дорсет, имевший стратегическое значение. В XVI в. здесь были построены два форта для защиты от внешнего вторжения. Город был пуританским. В 1635 г. часть пуритан Уэймута эмигрировала в Америку, где они основали колонию Уэймут в Массачусетсе. В 1645 г. в результате роялистского заговора Уэймут и соседний городок Мелкомб стали ареной кровавой борьбы между сторонниками короля и Парламента. В результате заговора в местной церкви погибли около 250 человек I: 272, 276, 277, 287, 370, 371, 420, 460, 461, 464; II: 12, 13, 16, 24, 87

Уэлбек — городок и усадьба на севере Ноттингемшира на месте упраздненного Генрихом VIII одноименного аббатства II: 77, 106

Уэллс — город в графстве Сомерсет (Англия). Знаменит готическим собором. Был основан римлянами. При ангlosаксах некоторое время был резиденцией епископа. Во время Гражданской войны роялистам пришлось покинуть город в ходе известной осады Уэллса. Захватив город, сторонники Парламента превратили собор в конюшню, а их стрельба разрушила значительную часть скульптур в его интерьерах. Позднее, во время восстания Монмута в 1685 г., повстанцы разрушили западный фасад собора и значительно повредили здание. Именно в Уэллсе в том же году было проведено последнее заседание «Кровавых ассиз» — процесса над участниками мятежа I: 23—27, 227, 229, 230; II: 16, 18, 46

Уэльс — историческая область в западной части острова Великобритания I: 37, 38, 43, 61, 63, 64, 129, 151, 152, 158, 165, 186, 247, 254, 257, 261, 312, 328, 334, 349, 378, 420, 461; II: 38, 61, 62, 67, 80, 102, 103, 132, 133, 252

Уэрэм — городок Гертфордшире, в 2 милях к западу от Герфорда, вблизи северного берега реки Уай I: 371

Фалмут — город на крайнем юго-западе Англии на южном побережье графства Корнуолл. В 1540 г. был построен Пенденнис-касл, а в 1613 г. вблизи него был основан сам город II: 71

Фарнем-касл — замок на юго-востоке графства Суррей на реке Уэй в окружении цветущих садов. Со дня основания, как и сам город, был резиденцией епископов I: 106, 339, 341—344, 347

Фландрия — историческая область на северо-западе Европы. В начале XIV в. Фландрия была оккупирована Францией, в 1384 г. стала частью владений герцогов Бургундских, в 1477 г. вошла в состав владений Габсбургов, а в 1556 г. — в состав владений испанской короны. В описываемый Гайдом период помогала деньгами ирландским мятежникам для ослабления Англии I: 112, 348, 403, 405

Флиссинген — город-порт в Нидерландах на острове Валхерн при впадении реки Шельды в Северное море. Имел стратегическое значение, был защищен бастионами II: 290

Фоуи — городок в устье реки Фоуи, Корнуолл. Жители Фоуи во время Гражданской войны в основном поддерживали короля I: 388, 396, 397, 399—402

Франция — королевство в Западной Европе. С Англией в то время ее объединяло желание монархов сохранить неограниченную власть и борьба с протестантским движением, которым воспользовались противоборствующие политические силы I: 50, 83, 112, 113, 141, 163, 205, 286, 314, 315, 351, 392, 396, 413, 439; II: 24, 68, 70, 71, 74, 84—88, 93, 98, 100, 123, 125, 126, 137, 138, 139, 143, 144, 146—153, 155, 156, 160, 162—168, 188, 189, 220, 259, 328

Фром — город и река недалеко от Бристоля I: 230

Фулем — средневековый поселок, в настоящее время один из районов в западной части Большого Лондона, в 1647 г. штаб-квартира генерала Ферфакса II: 204

Хайленд — район и город на севере Шотландии. До сих пор остается одним из оплотов Римской католической церкви I: 468, 469, 472; II: 78

Хай-Уиком — город на юго-востоке Бекингемшира на реке Уай. В описываемое Гайдом время лесистая местность в 30 милях от Лондона I: 206

Хаксли-хаус — усадьба, укрепленная парламентскими войсками, осажденная и взятая роялистами II: 30, 32

Халфорд-хаус — маленький городок к востоку от реки Стор. В 1633 г. здесь

был построен большой по тем временам мост. В 1644 г. мост был разрушен роялистами, а позднее — парламентскими войсками для обеспечения безопасности округа. В 1650 г. восстановлен по решению Парламента за счет местного населения II: 95

Ханборо — поселение в окрестностях Эйншема в Западном Оксфордшире. Ныне это приход, включающий две соседние деревни — Черч-Ханборо и Лонг-Ханборо I: 364

Хангерфорд (Хангефорд) — город в Беркшире в 8 милях от Ньюбери. Во время Гражданской войны в июне 1644 г. граф Эссекс со своим войском провел здесь ночь, в октябре этого же года здесь была расквартирована конница графа Манчестера, а в ноябре по дороге в Абингдон останавливался король I: 282, 432

Ханслоу — город на одной из главных дорог, ведущих в Лондон, который был одним из важнейших перевалочных пунктов по дороге в столицу I: 98; II: 202

Ханслоу-Хит — местность рядом с городом Ханслоу, во время Английской революции использовалась в качестве военного лагеря как Оливером Кромвелем, так и роялистами II: 199

Харборо — город на границе Нортгемптоншира и Лестершира. В июне 1645 г. стал штабом армии короля с целью противодействия парламентским силам, стоящим лагерем у Незби II: 34, 35

Хенли — деревенька (сейчас — городок) в Южном Оксфордшире, в которой была установлена власть Кромвеля I: 165

Хенуэлл — имеется в виду не район в западном Лондоне, а небольшое поселение в Северном Оксфордшире, на его границе с Уорвикширом I: 376

Херст, Херст-касл — средневековая военная крепость на южном побережье Англии у пролива Солент, который отделяет остров Уайт от южного берега материка II: 334, 347, 352

Хетфилд — городок в Гертфордшире, в 20 милях к северу от Лондона. Старинный Хетфилд-хаус, центр старого города, был родовой резиденцией маркизов Солсбери I: 463

Холборн (Хоборн) — старинная лондонская улица, проходящая по территории Сити, Кемдена и Вестминстера.

Названа по ныне не существующей реке II: 204

Холмби — усадьба в 6 милях к северо-западу от Нортгемптона. В феврале 1647 г. шотландцы поселили в ней Карла I, который пробыл здесь пленником до июня 1647 г., когда был передан Парламенту. Усадьба перешла к капитану Адаму Бейнсу, который перестроил ее II: 171, 173, 176, 182—184, 186, 187, 192, 197

Холт-бридж — средневековый город в Уэльсе на берегу реки Ди. В XIV в. монахами был построен 10-арочный мост с большой башней над пятой аркой. Во время Гражданской войны был ареной ожесточенных боев с участием до 4000 солдат II: 102

Чатфорд — небольшой городок на северо-востоке Дартмура на границе с Девонном в устье реки Тин I: 140

Чалтров-филд — городок в Оксфордшире. Место кавалерийской стычки 18 июня 1643 г. между роялистскими и парламентскими войсками, где был убит Джон Гемпден I: 207, 209

Чард — городок в Сомерсетшире, на границе с графством Девон. Большая часть средневекового города сгорела во время пожара 1577 г., а во время Гражданской войны он был еще сильнее разрушен I: 222, 419

Черуэлл — река, главный приток Темзы в центральной Англии I: 361—363, 373—376

Честер — город и крепость на западе Англии почти на границе с Уэльсом, к концу XIV в. один из самых оживленных портов страны. В начале Гражданской войны здесь побывал Карл I и были возведены земляные укрепления. Город несколько раз переходил из рук в руки, пока роялисты в 1646 г. не сдали его из-за невыносимого голода I: 37, 38, 60, 61, 63, 150, 151, 158, 162, 163, 322, 328, 330, 334, 335, 353, 381, 461; II: 27, 30, 102—104, 111

Чешир — графство в северо-западной Англии. Арена жесточайших сражений в эпоху Гражданской войны. Около двух третей населения остались приверженцами короля. В 1645 г. с роялистами безжалостно расправились сторонники Парламента I: 63, 149, 150—152, 214, 312, 328, 329, 349; II: 345, 346

Чимли (Чимни) — деревушка на Темзе, в 6 милях от Уитни, в графстве Оксфордшир. В XIII в. в ней насчитывалось 18 дворов, а к 1821 г. — 46, и это был пик численности населения деревни II: 119, 122

Чиппенем — торговый город в Уилтшире в 13 милях к востоку от Бата и в 60 милях к западу от Лондона, расположенный в лесистой местности I: 234, 235

Чиппинг-Кемпден — небольшой торговый городок в регионе Котсуолдс в Глостершире. Город со Средних веков славился торговлей шерстью I: 368

Чиппинг-Нортон — тоговый городок в регионе Котсуолдс приблизительно в 12 милях к юго-западу от Бенбери и 18 милях к северо-западу от Оксфорда. Название переводится со староанглийского как «северный торговый город» I: 364

Чипстоу — город и замок в Монмутшире на реке Уай на 2 мили выше ее слияния с Северном. Во время Гражданской войны не один раз переходил из рук в руки II: 62

Чичестер — город на реке Лавант, ныне столица Западного Сассекса. Во время Гражданской войны был занят сторонниками короля, но затем отвоёван «круглоголовыми». В 1645 г., когда на западе Сассекса стали собираться роялисты, Чичестер активно готовился к сопротивлению I: 128, 129, 159

Чьютон-Мендил — местечко на юго-западе Англии, в графстве Сомерсет. Во время Гражданской войны жители поддерживали Парламент I: 227

Шарантон — французский городок под Парижем. В XVII в. его церковь возглавляли гугеноты I: 113

Шерборн — город в северо-западной части графства Дорсет, в Юго-Восточной Англии. В раннем Средневековье был столицей королевства Уэссекс. После нормандского завоевания, в XII в., здесь был построен замок, разрушенный в 1645 г. генералом Ферфаксом во время Гражданской войны I: 26—28, 42, 43, 399, 420, 460, 461; II: 15, 70, 88, 108

Шерборн-касл (замок Шерборн) — особняк XVI в. в тюдоровском стиле к юго-востоку от города Шерборн (графство Дорсет, Англия). Старый нормандский замок XII в. был передан Елизаветой I сэру Уолтеру Рэйли. Вместо того

чтобы восстанавливать старый замок, он выстроил четырехэтажный кирпичный новый дом — Шерборн-Лодж, законченный к 1594 г. В 1617 г. поместье было продано сэру Джону Дигби, 1-му графу Бристолу. Во время Гражданской войны Шерборн оставался роялистским, и в 1645 г. генерал Ферфакс оставил старый замок в руинах. С этих пор название «Шерборн-касл» закрепилось за новым домом I: 22, 420

Шетфорд-хаус — деревушка в Дареме в приходе Питтингтон II: 113

Шефтсбери — поселение на вершине холма в графстве Дорсет. Аббатство было уничтожено при Генрихе VIII. Население поддерживало Парламент, но крепость находилась в руках роялистов. В августе 1645 г. был захвачен парламентскими войсками I: 420; II: 17, 29

Шотландия — королевство на севере острова Великобритания. В 1603 г. ее король Яков VI Стюарт стал также королем Англии Яковом I. В XVII в. противилась объединению и церковной унификации. В 1643 г. в ходе Гражданской войны был заключен союз между Парламентами Англии и Шотландии. Король не нашел здесь поддержки I: 91—93, 107, 108, 112, 163, 167, 168, 170, 173, 174, 248, 258, 263, 264, 297—300, 306, 312, 315, 316, 318, 323, 331, 348, 437, 441, 451, 453—457, 462, 467—471; II: 9, 67, 71, 77—79, 97, 102, 104, 108, 129—132, 139, 148, 164, 170, 171, 226, 235, 237, 238, 253, 255—257, 269, 272, 274—276, 278, 286, 289, 291, 292, 294—296, 304, 305, 343, 355

Шоу, Шоу-хаус — поместье к северо-востоку от Ньюбери, в графстве Беркшир. Строительство особняка богатого торговца Томаса Долмена было завершено к 1581 г. Здание представляет собой пример раннеелизаветинского особняка с симметричной Н-образной планировкой. Долгое время считался местом расположения ставки короля во время второй битвы при Ньюбери, но последние исследования показали, что, хотя дом и находился в гуще сражения, король не переступал его порог I: 425, 427, 428, 431

Шропшир — графство на западе Англии, которое называют «геологической столицей» страны, так как здесь встречаются почти все виды камня северной Европы. Через него протекает река Северн. В годы Гражданской войны жители

Шропшира поддерживали короля I: 40, 60—62, 68, 149, 151, 152, 312, 349, 460; II: 80, 77

Шрузбери — главный город графства Шропшир на судоходной реке Северн. Город поддерживал роялистов, но был взят силами Парламента после того как предатель впустил их в город через северные ворота I: 37, 38, 40, 60—68, 70, 71, 88, 95, 149, 150, 152, 158, 188, 257, 334, 335, 366, 367, 461, 464

Эджкот — деревня в Нортгемптоншире в 4 милях от Бенбери I: 72, 84

Эджхилл — местечко в графстве Уорвикшир. Здесь в 1642 г. произошла одна из знаменитых битв Гражданской войны I: 72, 73, 75, 86, 89, 90, 99, 135, 149, 153, 184, 205, 291, 384, 459; II: 38, 347

Эдинбург — столица Шотландии I: 167, 303, 304, 306, 317, 331; II: 78, 106, 210, 256, 257, 268, 274—276, 278—280, 295, 296

Эйвон — название нескольких рек в Англии: в Бристоле, Девоне, Уорвикшире и Гемпшире. Река Эйвон в Уорвикшире протекает от Незби до Тьюксбери I: 364—367

Эйлсбери — ныне небольшой город Бекингемшира. В Средние века был усадьбой, в 1529 г. по указу Генриха VIII получил статус города I: 165, 242, 279, 369

Эйншем — деревня на берегу Темзы в 5 милях к северо-западу от Уитни в Оксфордшире. В ее окрестностях находилась паромная переправа Свингфорд-бридж, в XVIII в. замененная каменным мостом I: 363

Эксетер — старинный город в графстве Девон на судоходной реке Экс на 10 миль выше ее впадения в Ламанш. Не раз подвергался осадам во время Гражданской войны, в последний раз парламентской армией под началом Ферфакса в 1646 г. I: 136, 139, 217—220, 226, 229, 255, 273, 274, 276, 309—312, 332, 352, 371, 378, 386, 388, 399, 418, 419, 421, 472; II: 14, 20, 24—27, 54, 59, 72—74, 76, 82—84, 86, 91—95, 97, 99—101, 119, 156, 188, 189

Эссекс — графство на юго-востоке Англии. Названо по имени одного из раннесредневековых королевств Гептархии, расположенного к северу от Темзы и к востоку от реки Ли I: 45, 267, 350; II: 281

Эссекс-хаус — дом на Стренде в Лондоне. Изначально назывался Лестер-хаус, поскольку был построен около 1575 г. Робертом Дадли, 1-м графом Лестером. Перейдя по наследству к пасынку последнего Роберту Девре, 2-му графу Эссексу, получил название Эссекс-хаус. После Гражданской войны был продан за долги I: 294

Южный Уэльс — историческая область в Уэльсе. Во время Гражданской войны Уэльс в большей своей части поддерживал роялистов II: 38, 61, 62, 67, 80
Васильев Алексей Алексеевич — филолог, профессиональный переводчик. Его перу принадлежат переводы трудов Давида Юма, Жозефа де Местра, Джорджа Беркли, а также современных английских и французских авторов.

Об участниках проекта*

Васильев Алексей Алексеевич — филолог, профессиональный переводчик. Его перу принадлежат переводы трудов Давида Юма, Жозефа де Местра, Джорджа Беркли, а также современных английских и французских авторов.

Паламарчук Анастасия Андреевна — доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Специалист по истории раннестюартовской Англии. Сфера научных интересов — история английского права, административная история, история исторического знания. Автор более 70 научных публикаций, в том числе трех монографий.

Терентьева Екатерина Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Автор научных статей и глав в коллективных монографиях. Сфера научных интересов — французское историописание XVI—XVII вв., интеллектуальная история.

Федоров Сергей Егорович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Специалист по истории Британии в Средние века и раннее Новое время. Сфера научных интересов — раннестюартовская аристократия, королевский двор первых Стюартов, этническая история раннесредневековой Британии. Автор более 200 научных публикаций, в том числе семи монографий, а также ряда учебных пособий.

* Перевод выполнен в рамках проекта «Западноевропейское историописание в XVII веке: методологические искания и социально-культурная специфика» (грант Российского гуманитарного научного фонда № 14-01-00214а — руководитель С. Е. Федоров).

Содержание

КНИГА IX	5
Глава XVIII (1645)	7
Глава XIX (1645)	40
Глава XX (1645—1646)	91
Глава XXI (1646)	122
КНИГА X	141
Глава XXII (1646—1647)	143
Глава XXIII (1647)	176
Глава XXIV (1647)	194
Глава XXV (1647—1648)	214
КНИГА XI	247
Глава XXVI (1648)	249
Глава XXVII (1648)	274
Глава XXVIII (1648)	293
Глава XXIX (1648)	314
Глава XXX (1648—1649)	339
Указатель специальных терминов и названий (сост. А. А. Паламарчук)	357
Указатель имен (сост. Е. А. Терентьева)	374
Указатель географических названий (сост. Е. А. Терентьева)	435
Об участниках проекта	461

Научное издание

Гайд Эдуард, лорд Кларендон
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО МЯТЕЖА

В двух томах
ТОМ II

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Общероссийский классификатор продукции
по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — Книги печатные

Подписано в печать 02.04.2019.
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 31,18. Печ. л. 29. Усл. печ. л. 29.
Тираж 300 экз. Заказ 3518.

Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28, литер А

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>